

В. В. МАРЬИНА

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
И
ЧЕХО-СЛОВАЦКИЙ ВОПРОС
ВО ВРЕМЯ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

КНИГА 2
1941—1945 гг.



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В. В. МАРЬИНА

**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
И
ЧЕХО-СЛОВАЦКИЙ ВОПРОС
ВО ВРЕМЯ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.
1939–1945 ГГ.**

**КНИГА 2
1941–1945 ГГ.**



МОСКВА «ИНДРИК» 2009

УДК 94(437)
ББК 63.3(0)62
М 30

Рецензенты:

доктор исторических наук *Е.П. Сератионова*
кандидат исторических наук *Ю.А. Никифоров*

Марьина В.В.

Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Книга 2. 1941–1945 гг. — М.: «Индрик», 2009. — 432 с.

Книга — первое в отечественной и чехословацкой (чешской и словацкой) историографии комплексное исследование истории советско-чехословацких отношений в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Основана на материалах российских архивов, российских и чехословацких (чешских и словацких) документальных публикациях, мемуарах, новейшей литературе. В книге рассмотрены следующие вопросы: возобновление советско-чехословацких отношений после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, формирование чехословацких воинских частей на территории СССР и их участие в сражениях на советско-германском фронте, отношение Москвы к чехословацкому эмигрантскому правительству и планам чехословацко-польской конфедерации, рождение идеи советско-чехословацкого союзного договора и тернистый путь к его подписанию, помощь СССР Словацкому национальному восстанию 1944 г., фактическое присоединение Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси) к СССР (УССР) и др.

The USSR and the Czecho-Slovak problem during the Second World War. 1939–1945. Vol. 2. 1941–1945

The book is the first complex investigation of the history of the Soviet-Czechoslovak relations under the Great Patriotic War 1941–1945 in the home and Czechoslovak (Czech and Slovak) historiography. It is based on the materials of the Russian archives, Russian and Czechoslovak (Czech and Slovak) documental publications, memoirs, contemporary literature. The following questions are analysed in the book: renewal of the Soviet-Czechoslovak relations after Hitler's Germany aggression against the Soviet Union, forming of the Czechoslovak military units on the Soviet territory and their participation in the battles on the Soviet-Germany front, Moscow's attitude to the Czechoslovak emigrant's government and plans about the Czechoslovak-Poland confederation, the origin of idea of the Soviet-Czechoslovak allied agreement and difficult way to its signing, The Soviet Union's help to the Slovak National Uprising in 1944, the real joining of the Transcarpathian Ukraine ('Subcarpathian Rus') to the USSR (the Ukrainian SSR).

© Марьина В.В., Текст, 2009
© Институт славяноведения РАН, 2009
© Издательство «Индрик», 2009

ISBN 978-5-91674-037-0

Содержание

<i>От автора</i>	9
Глава 1. Возобновление советско-чехословацких дипломатических отношений. Словакия в необъявленной войне против СССР	
Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз: реакция «чехословаков»	15
Советско-чехословацкое соглашение от 18 июля 1941 г.	21
Словацкая армия на советско-германском фронте	33
Глава 2. Чехословацкие воинские формирования в Советском Союзе	
Советско-чехословацкое военное соглашение и начало его реализации.....	51
Суздальская группа интернированных чехословацких легионеров.....	65
На фронт: Бузулук — Соколово	73
На фронте: Новохоперск — Киев	88
Глава 3. От проекта чехословацко-польской конфедерации к идее советско-чехословацкого договора	
Чехословацко-польская конфедерация: позиция СССР	101
Наращение кризиса в чехословацко-польско-советских отношениях	117
Чехословацко-польский союзный договор как первый шаг на пути к конфедерации	127
Идея советско-чехословацкого договора: международный контекст	133
Глава 4. Визит Э. Бенеша в Москву: подписание договора, беседы, встречи. Декабрь 1943 г.	149
Глава 5. Начало реализации московских договоренностей о военном сотрудничестве	173
Дальнейшее формирование чехословацких воинских частей... ..	174
Советско-чехословацкое соглашение от 8 мая 1944 г.	182
Начало переговоров о помощи готовившемуся в Словакии восстанию	186
Глава 6. СССР и Словацкое национальное восстание: планы и реалии.....	201
Вести из Словакии: осмысление ситуации	203
Помощь повстанцам: расчеты и просчеты.....	219
Глава 7. Закарпатье: на пути включения в состав СССР	
Предыстория: чехословацкая и советская позиции	246

Чехословацкая правительственная делегация:	
назревание конфликта с советскими военными властями ...	251
Движение за присоединение Закарпатья к СССР (УССР)....	258
Эволюция позиции Загранбюро КПЧ в Москве.....	276
Переговоры Ф. Немеца в Москве и переезд делегации в Словакию.....	281
Сталин и Бенеш: обмен письмами о Закарпатье	287
Глава 8. На Родину — через Москву	
«Важнейшие дела сегодня решаются в Москве» (Бенеш)....	296
Ждали ли русских в Словакии?.....	309
Бенеш в Москве: встречи, беседы, формирование нового чехословацкого правительства	313
Глава 9. Освобождение Праги: международный аспект	
Прага в военно-политических расчетах воюющих сторон...	331
Начало восстания в Праге.....	339
Начало Пражской операции Красной Армии. Власовцы в Праге	343
Последние дни восстания. Уход из Праги власовцев	350
Завершение Пражской операции Красной Армии	355
Резюме	363
Избранные документы	377
Список сокращений	420
Именной указатель	423

Contents

<i>From the author</i>	9
Chapter 1. Renewal of the Soviet-Czechoslovak diplomatic relations. Slovakia under the undeclared war against the USSR	
Hitler's Germany aggression against the Soviet Union: the reaction of «Czechoslovaks»	15
The Soviet-Czechoslovak agreement at 18 July 1941	21
The Slovak army on the Soviet-Germany front	33
Chapter 2. The Czechoslovak's military units in the USSR	
The Soviet-Czechoslovak military agreement and the first stage of its realization	51
The Suzdal's group of the internee Czechoslovak legionaries ...	65
To the front: Buzuluk — Sokolovo	73
At the front: Novochoopersk — Kiev	88
Chapter 3. From the Czechoslovak-Polish confederation's project to the idea of the Soviet-Czechoslovak agreement	
The Czechoslovak-Polish confederation: the USSR's reaction ...	101
The growth of the crisis in the Czechoslovak-Polish-Soviet relations	117
The Czechoslovak-Polish allied agreement as the first step to the confederation	127
The idea of the Soviet-Czechoslovak agreement: the international context	133
Chapter 4. The visit of Eduard Beneš in Moscow: the agreement's signing, conversations, meetings. December 1943	149
Chapter 5. The beginning of the realizations of the Moscow's agreements about the military cooperation	173
The following forming of the Czechoslovak military units	174
The Soviet-Czechoslovak agreement at 8 May 1944	182
The beginning of the negotiations about helping to prepare the uprising in Slovakia	186
Chapter 6. The USSR and Slovak national uprising: plans and realities	201
The news from Slovakia: interpreting of the situation	203
The help to the rebels: estimations and errors	219
Chapter 7. Transcarpathia: on the road to the inclusion in the USSR	
Prehistory: the Czechoslovak and Soviet positions	246
The Czechoslovak governmental delegation: rising of a conflict with the soviet military power	251

The movement for the joining of the Transcarpathia to the USSR (the Ukrainian SSR)	258
The evolution of the position of the Foreign Bureau of CPCZ in Moscow	276
The F. Nemeč's negotiations in Moscow and the delegation's removal to Slovakia	281
Stalin and Beneš: exchange of letters about the Transcarpathia	287
Chapter 8. Back home — through Moscow	
«The most important things are being resolved in Moscow now» (Beneš)	296
Were the Russians expected in Slovakia?	309
Beneš in Moscow: the meetings, conversations, forming of the new Czechoslovak government	313
Chapter 9. The Prague's liberation: international aspect	
Prague in the military-political calculations of the fighting sides	331
The beginning of the insurrection in Prague	339
The beginning of the Red Army's Prague operation. Vlasovcy in Prague	343
The last days of the insurrection. Vlasovcy's removal from Prague	350
The conclusion of the Red Army's Prague operation	355
Resume	363
Selected documents	377
List of abbreviations	420
Index of names	423

О т а в т о р а

В 2007 г. в издательстве «Индрик» вышла первая книга монографии «Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны», охватывающая период с марта 1939 г. до июня 1941 г. В ней рассмотрены следующие вопросы: СССР и «вторая республика» Чехо-Словакия (октябрь 1938 г. — март 1939 г.); международная реакция на ее расчленение в марте 1939 г.; отношение Москвы к чехо-словацкой политической эмиграции; реакция чехов и словаков на советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. и советскую внешнюю политику 1939—1940 гг.; «русская» политика чехословацкого президента в изгнании Э. Бенеша; экономические отношения СССР с Протекторатом Богемия и Моравия; судьба чехословацкого легиона под командованием Л. Свободы, интернированного в СССР; контакты советской и чехословацкой разведок в 1940—1941 гг.; взаимоотношения Советского Союза с первой Словацкой республикой. В приложении даны 84 избранных документа и именной указатель.

Предлагаемая вниманию читателя вторая книга монографии охватывает период с июня 1941 г. по май 1945 г. Это, как и первая книга, конкретно-историческое исследование проблемы, основанное на материалах российских архивов (Архива внешней политики Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива РФ, Российского государственного военного архива, Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ, Архива Президента Российской Федерации), опубликованных документов из архивов Чешской и Словацкой республик, новейшей чешской, словацкой и российской литературе. В книге рассмотрены такие вопросы как возобновление советско-чехословацких отношений после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, формирование чехословацких воинских частей на территории СССР и их участие в сражениях на советско-германском фронте, отношение Москвы к чехословацкому эмигрантскому правительству и планам чехословацко-польской конфедерации, рождение идеи советско-чехословацкого союзного договора и тернистый путь к его подписанию, помощь СССР Словацкому национальному восстанию 1944 г., фактическое

присоединение Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси) к СССР (УССР), трудности и проблемы реализации советско-чехословацкого договора, отношение населения к вступившей на территорию Словакии и Чешских земель Красной Армии, реакция союзников по антигитлеровской коалиции на восстание в Праге в мае 1945 г. и окончательное освобождение страны от фашистской оккупации.

Несколько слов о терминологии: Чехо-Словакия (чехо-словацкий), Чехословакия (чехословацкий). Как уже говорилось в первой книге, президент Чехословакии в изгнании Э. Бенеш, возглавивший за границей борьбу за восстановление страны, не признавал термина Чехо-Словакия. От международного сообщества, вступившего 1 сентября в войну с гитлеровской Германией, он добивался признания правового и политического континуитета домюнхенской Чехословацкой республики, т. е. признания ее субъектом международного права. Аргументировалось это тем, что агрессия Германии, Венгрии и Польши против Чехо-Словакии в марте 1939 г. нарушала основные нормы тогдашнего международного права. Добиться признания «Мюнхена» недействительным с самого начала, восстановления Чехословакии в домюнхенских границах, ее правового и политического континуитета, а также Бенеша президентом, как на международном уровне, так и в чехословацком (чешском и словацком) движении Сопротивления (заграничном и внутреннем) было непросто. Противились этому словацкие политические деятели в эмиграции (прежде всего, М. Годжа, создавший в марте 1940 г. Чехо-Словацкий национальный совет), коммунисты, антинацистски настроенные представители судетских немцев за рубежом (В. Якш) ¹. Теория правового континуитета, разработанная Э. Бенешем и его сотрудниками, стала основой политической программы восстановления Чехословакии в домюнхенских границах и средством легитимизации заграничного чехословацкого Сопротивления. В конце концов, Бенешу удалось добиться от Англии и Франции заявления о недействительности Мюнхенского соглашения 1938 г. — ни СССР, ни США, вынужденные в своей политике учитывать его наличие де-факто, не признавали его де-юре, — и, таким образом, фактически политического признания непрерывности существования Чехословакии. Это, в частности, выразилось и в том, что союзники по антигитлеровской коалиции продолжали считать и именовать Бенеша президентом ЧСР, признали созданные в эмиграции чехословацкие государственные структуры (правительство и Государственный совет, как некое подобие парламента). Однако некоторые исследователи полагают, что именно появление этих временных государственных образований явилось свидетельством дис-

континуитета Чехословакии, хотя и признают, что другого выхода, кроме их создания, в тех конкретных условиях не было. «Это столкновение принципов континуитета и дисконтинуитета, — пишет Йиржи Пернес, — было характерно для всего периода войны»². Но из дипломатических и других известных автору документов стран антигитлеровской коалиции в 1941–1945 гг. термин Чехо-Словакия (чехо-словацкий) почти исчез и был заменен термином Чехословакия (чехословацкий)³. Интересно отметить, что дефис, как лингвистический знак, приобретал разную политическую окраску на разных этапах существования чехословацкого государства⁴.

Но вернемся к периоду войны. Проекты международно-правового и политического признания континуитета Чехословакии наталкивались на суровую реальность. Ведь и Словацкое государство, вступившее в войну против СССР на стороне гитлеровской Германии, и Протекторат Богемия и Моравия, фактическая часть третьего рейха, продолжали существовать и имели свою историю, которая сводилась не только к истории движения Сопротивления, как это нередко представлялось в прежние времена. Словацкая армия участвовала в боях на советско-германском фронте, словацкие правители, следовавшие до конца войны в фарватере гитлеровской Германии, предпринимали иногда попытки лавировать, выстраивая свою внешнюю политику. Правда, благодаря усилиям Бенеша, Словакия (как пока еще виртуальная часть будущей, восстановленной Чехословакии) не считалась союзниками страной, воюющей на стороне гитлеровской Германии. Словацкой республике никто не объявлял войну, ее существование просто игнорировалось. Что касается Протектората Богемия и Моравия, то его экономика, несмотря на ненависть населения к немецким оккупантам, продолжала исправно вносить свой вклад в успехи гитлеровской Германии в войне. Насколько известно автору, вопрос о том, как он был велик, пока еще изучен недостаточно⁵. Это и дает основание говорить не о чехословацком, а о чехо-словацком вопросе в 1941–1945 гг. И все же, следуя за дипломатическими документами той поры, автор употребляет в тексте преимущественно термин Чехословакия (чехословацкий).

И еще к вопросу о терминологии. Регион, после войны оказавшийся в сфере советского влияния, в книге именуется: страны Центральной и Юго-Восточной Европы, хотя в современной литературе используются для его обозначения разные термины (Восточная Европа, Центральная и Восточная Европа, Центрально-Восточная Европа и др.). Когда речь идет о географическом местонахождении Чехословакии (Чехии, Словакии), как, впрочем, Германии, Польши, Венгрии, то в книге говорится о Центральной Европе. Но в докумен-

тах периода войны употреблялись и иные наименования (например, Срединная Европа). В этом случае терминология того времени сохранена.

В приложении ко второй книге дается меньше документов, чем к первой. Связано это с тем, что со многими документами на русском языке, в том числе и в переводе с чешского, сейчас легко ознакомиться⁶. Поэтому в приложении приведены лишь основополагающие для исследуемой темы документы (межправительственные договоры, соглашения), а также менее доступные российскому читателю документы из отечественных архивов или опубликованные на чешском языке. Последние даны в переводе автора.

Автор искренне и сердечно благодарит коллег по Институту славяноведения РАН, принявших участие в обсуждении книги и сделавших ценные замечания, а также чешских (прежде всего, заместителя директора Института истории АН ЧР д.и.н. Я. Немечка) и словацких (особенно ныне покойного д.и.н. М. Барновского) коллег за готовность предоставить автору новейшие публикации документов и литературу.

Автор надеется, что книга станет определенной вехой в изучении истории советско-чешско-словацких отношений периода Второй мировой войны и подтолкнет молодых исследователей к более глубокому осмыслению проблемы.

¹ О перипетиях признания континуитета домюнхенской ЧСР в 1939–1945 гг. см.: *Dokumenty československé zahraniční politiky. Od rozpadu Československa do uznání československé prozatímní vlády. 1939–1940.* Praha, 2002. S. 25–30; *Mnichovská dohoda. Cesta k destrukci demokracie v Evropě.* Praha, 2004. S. 122–163, 222–242, 324–362, 372–384. Вопрос является дискуссионным до сего времени, особенно что касается его правовой стороны.

² *Československo na rozhraní dvou epoch nesvobody. Sborník z konference k 60. výročí konce dtuhé světové války.* Praha, 2005. S. 140.

³ В документе «Позиции Э. Бенеша относительно Словакии» (начало февраля 1941 г.) есть пункт «Терминология», в котором предлагались формулировки для «внешнего» и «внутреннего» употребления. Здесь говорилось: «В международном плане с учетом того, что произошло в марте 1939 г. и в дальнейшем будет использоваться следующая терминология: чехословаки, чехословацкий народ, чехословацкое государство, чехословацкий язык (позже эта терминология была принята и странами антигитлеровской коалиции. — *В.М.*). Внутри (имелись в виду как чешская и словацкая эмиграция, так и участники Сопrotивления в Протекторате и Словакии. — *В.М.*) будет достигнуто соглашение, в соответствии с которым каждый может исполь-

зывать по своей воле следующую терминологию: чехословаки, чехи и словаки, чехословацкий народ, чешский и словацкий народ, чешская и словацкая национальность, чехословацкий язык, чешский и словацкий язык или наречие» (См.: Власть — общество — реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006. С. 272–273).

⁴ В период образования чехословацкого государства в 1918 году этот знак имел значение соединительного, указующего на объединение двух родственных народов чехов и словаков в едином государстве Чехо-Словакия. Через несколько лет этот термин был вытеснен термином Чехословакия. После Мюнхена 1938 г. дефис приобрел разделительное значение, подтвердив автономию Словакии, создание так называемой Словацкой крайины. Его исчезновение из названия Чехословакия, Чехословацкая республика после войны внешне как бы свидетельствовало о новом витке сплоченности чешского и словацкого народов в едином государстве. Но в действительности чехо-словацкий конфликт на политическом уровне не утихал, проявляясь в различных формах. В феврале 1990 г. пленум Словацкого национального совета предложил словацкий вариант названия государства «Федерация Чехо-Словакия». Дефис снова приобрел разделительное значение. Чешская общественность не согласилась с этим предложением, поскольку название ассоциировалось с наименованием «второй» (послемюнхенской) республики. Конституционный закон (март 1990 г.) утвердил новое название государства «Чехословацкая федеративная республика». При этом признавалось возможным при его написании в Словакии употреблять дефис, т. е. писать Чехо-Словацкая федеративная республика. Однако большинство чехов с этим не согласилось. Разыгралась так называемая «война за дефис». Наконец, в апреле 1990 было принято новое название государства «Чешская и Словацкая Федеративная Республика», которое просуществовало до ее распада 1 января 1993 г. и образования самостоятельных Чешской и Словацкой республик (См. подробнее: Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1945–1992. Díl II. Bratislava, 1998. S. 309–352; Власть — общество — реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006. С. 259–346).

⁵ Ю. Нерсесов, обращавшийся к этому вопросу, например, считает, что доля чешских предприятий в производстве танков росла до самого конца войны. С января по март 1945 г. из 3922 танков и самоходок, произведенных для гитлеровских войск, чехи дали 1136, т. е. почти треть. На базе модернизированного танка 38(t), который не мог противостоять советским танкам Т-34 и КВ, производились артиллерийские самоходные установки. Всего их было поставлено на фронт 4164. На военных предприятиях Праги и Пльзенья было произведено свыше 2 тыс. орудий и минометов разных калибров, около 700 тыс. винтовок, пистолетов и пулеметов, более 20 тыс. легковых и грузовых автомобилей, а также важные детали ракет ФАУ. В протекторате

производились чешские «Мессершмитты» и «Тоты», «рамы» (двухкорпусные артиллерийские корректировщики «Фоккевульф-189») (См.: Нерсесов Ю. Европейский арсенал Гитлера — <http://www.liveinternet.ru/users/1993026/post/68428033>).

⁶ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960; Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 1. Март 1939 г. — декабрь 1943 г. М., 1981; Т. 4. Кн. 2. Декабрь 1943 г. — май 1945 г. М., 1985; Из Архива Президента РФ: Советский Союз и Словацкое национальное восстание 1944 г. Предисловие В.В. Марьиной // Новая и новейшая история. 1996. № 5. № 6; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948 гг. М.; Новосибирск. 1998; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948 гг. Документы. М. 2000; Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.). Вступительная статья и перевод с чешского В.В. Марьиной // Вопросы истории. 2001, № 1, 3; Марьина В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. Документы № 1–69. М., 2003. С. 184–286; Русский архив 14 3(2): Великая Отечественная 3(2): Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы 1944–1945. Чехословакия. М., 2000.

Глава 1

Возобновление советско-чехословацких дипломатических отношений. Словакия в необъявленной войне против СССР

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз: реакция «чехословаков»

Еще 21 июня 1941 г. в разговоре с начальником своей канцелярии Я. Смутным Э. Бенеш выразил сомнение в возможности начала войны между Германией и Советским Союзом: «Я думаю, что они договорятся, что войны не будет, — сказал он. — Я бы хотел, чтобы она началась весной будущего года, когда русские будут лучше подготовлены. Я опасаясь, что теперь они быстро потерпят поражение, Германия вновь будет иметь успех, и, в конце концов, Россия заключит с ней сепаратный мир»¹. О том, что войны не будет, думал не один Бенеш, тогда многие на Западе сомневались в возможности ее начала в ближайшее время. И не только на Западе. Например, советский посол в Англии И.М. Майский тоже оказался в числе сомневающихся, о чем свидетельствует запись его беседы с английским послом в Москве от 18 июня 1941 г.: «Криппс совершенно убежден в неизбежности нападения Германии на нас и при том в самом ближайшем будущем. „Если этого не случится до середины июля, — добавил он, — я буду сильно удивлен“... Я стал возражать. Суть моих возражений сводилась к тому, что, на мой взгляд, Гитлер еще не созрел для самоубийства. А поход против СССР ведь равносителен самоубийству. Мне трудно поэтому поверить в нападение Германии на СССР, да еще в ближайшие дни... Война? Нападение? Атака? Не могу поверить! Это было бы сумасшествием». Криппс уверен, записал Майский, что «Гитлер просто нападет на нас без всякого предупреждения... Неужели Криппс прав? Неужели Гитлер нападет на нас?»². Возможно, неверие посла было следствием знакомства с позицией Кремля на этот счет.

Как известно, по ряду причин, несмотря на многочисленные разведанные, не допускал возможности нападения гитлеровской Германии на СССР тогда и Сталин. По воспоминаниям А.И. Микояна, вечером 21 июня он уверял членов Политбюро ЦК ВКП(б), что «Гитлер не начнет войны»³. Во-первых, советский лидер считал, что фюрер, принимая во внимание состояние германской экономики и вооруженных сил, пока не готов нарушить союзнические отношения с СССР; во-вторых, полагал, что Германия, памятуя историю, не от-

важится вести войну на два фронта; наконец, вероятно, был загипнотизирован умело и широко ведущейся гитлеровской пропагандой, уверявшей в миролюбии рейха. А отвечавший за ее налаживание имперский министр просвещения и пропаганды Й. Геббельс между тем злорадно и откровенно писал в своем дневнике: 25 мая: «В отношении России нам удалось организовать великолепную дезориентацию. Из-за сплошных „уток“ за границей уже больше не знают, что ложно, а что верно. Так оно и должно быть»; 29 мая: «В Москве ломают себе голову над разгадкой. Кажется, Сталин начинает медленно смекать. А впрочем, он все еще устался на нас, как кролик на змею»; 6 июня: «Наша работа по маскировке идет безупречно. Весь мир говорит о предстоящем вскоре заключении военного пакта Берлин — Москва. То-то удивится, узнав, что из этого выйдет»; 11 июня: «Все должно служить одной цели — маскировка действий на Востоке»; 13 июня: «Во всем мире вопрос о России с каждым часом становится все большей загадкой»; 16 июня: «Чтобы завуалировать подлинную ситуацию, необходимо и далее неотступно распространять слухи: мир с Москвой, Сталин приезжает в Берлин, предстоит скорое вторжение в Англию... Я счастлив... мы погрузили мир в омут слухов»; 18 июня: «Маскировка от России достигла своей наивысшей точки! Мы настолько захлестнули мир потоком слухов, что и сами с трудом ориентируемся». 20 июня: «Волна слухов о России немного ослабела. Она явно миновала свой пик. Мы и дальше молчим. Железно. Это и есть самое лучшее»⁴.

Утро 22 июня положило конец всем сомнениям и гаданиям относительно ближайших намерений гитлеровской Германии. Парадоксально, но факт: Бенеш и его окружение обрадовались случившемуся. Оценивая ситуацию через призму своих интересов, лидер чехословацкой эмиграции полагал, что втягивание СССР в войну ускорит ее конец, приведет к поражению нацизма и, следовательно, восстановлению Чехословакии. Рад был и британский премьер У. Черчилль. Вечером 22 июня в своем выступлении по лондонскому радио он заявил о поддержке Советской России в войне против гитлеровской Германии, хотя и подтвердил свою неприязнь к коммунизму, который ему, однако, в ту пору казался меньшим злом, чем фашизм⁵. В конкретных условиях того времени антикоммунист Черчилль готов был «дружить» с «первым коммунистом Сталиным» во имя победы над «первым наци» Гитлером. И.М. Майский высоко оценил речь британского премьера: «Радио-речь премьера вечером 22 июня была не только замечательна по форме и внутренней силе, — она с предельной четкостью и непримиримостью ставила вопрос о продолжении войны до конца и о максимальной помощи

СССР... Чрезвычайно важно было, что премьер ударил своей дубинкой немедленно, не давши никому опомниться. Это сразу дало тон — и здесь, и в Америке»⁶.

Прослушав речь Черчилля, Бенеш вздохнул с облегчением, что следует из записи Я. Смутного 23 июня: «Бенеш: я вчера целый день нервничал, не то чтобы я волновался из-за России, но все же я не был уверен, как будет реагировать Черчилль в своей вечерней речи. Однако эта речь была гораздо лучше, чем я ожидал. Он весьма ясно сформулировал точку зрения Англии и заткнул рот всем, кто хотел бы говорить о сепаратном мире или же о предоставлении России ее судьбе. Он сказал об этом очень хорошо». Далее Смутны записал: «Для д-ра Бенеша вчерашний день действительно очень значим. Он постоянно рассчитывал и возлагал надежды на русский фактор, который является неизбежным корректором нашей политики по отношению к Западу и Польше». Взгляд Бенеша на войну и ее значение для решения вопроса об освобождении Чехословакии Смутны изложил так: «Я сознательно и всюду добивался того, чтобы война началась. Я с радостью признаюсь в этом, иначе мы свободу не получили бы. Если бы Европа не воевала, республика осталась бы навеки оккупированной Германией...»⁷.

Но надежды соседствовали с сомнениями и осторожными оценками относительно возможного хода событий на советско-германском фронте. 1 июля «Чехословацкий центр в Лондоне» разослал всем чехословацким миссиям за границей директивы, излагавшие отношение чехословацкого правительства к войне Германии с СССР. «Тот факт, — говорилось в документе, — что Советская Россия немецким нападением вовлечена в войну на стороне союзников, является событием чрезвычайной важности. Было бы большой ошибкой питать заранее слишком большие надежды. Силы русской армии точно не известны ни в отношении их вооружения, ни в отношении их морального состояния и способностей их начальников... Так как немецкое военное руководство доказало, что оно овладело техникой современной войны, Россия стоит перед очень трудными задачами. Нужно быть готовым к немецким успехам, возможно даже очень большим и многочисленным... Но это не должно нас толкать к пессимистическим выводам. Кажется, что русский народ понимает, что речь идет о подлинно национальной войне, и поэтому можно ожидать упорного сопротивления». Отмечалось, что Великобритания и США «поддерживают Россию всеми своими средствами, несмотря на предубеждение подавляющего большинства в этих двух странах против коммунизма». В отношении чехословацкого правительства говорилось, что оно, «хотя и приняло с удовлетворением вступление

в войну России на стороне союзников... не имеет основания менять свою политику каким бы то ни было образом. Оно остается верным своим демократическим принципам, и все наши симпатии к России не меняют ни в чем нашу точку зрения, которая противоположна ее (России) теперешнему недемократическому режиму»⁸.

Не скрывали своей радости по поводу начавшейся советско-германской войны и полковник Г. Пика, находившийся с апреля 1941 г. с тайной миссией в СССР⁹, и его сотрудники, в том числе и подполковник Л. Свобода. Утром 22 июня во время завтрака пришло сообщение о нападении Германии на СССР. Присутствовавших охватила «безмерная радость. Все друг друга обнимали, целовали. Наконец-то! Дождались! Теперь-то Гитлеру не сносить головы. Это его конец!». Все, независимо от того, как кто относился к Сталину, большевикам, советскому режиму, искренне желали победы СССР. Осуществлявшие постоянную связь с Пикой представители НКВД Камбулов и Вершанский не могли понять причин радости членов чехословацкой военной миссии¹⁰. Пика же сразу понял, что его переговоры с советскими властями по политическим и военным вопросам, до тех пор вялотекущие и малорезультативные, теперь пойдут совсем по-другому. Надобность в сохранении секретности советско-чехословацких контактов отпала, и военная миссия стала фактически официальным представителем чехословацкого эмигрантского правительства в Москве, признанию которого с ее стороны уже ничто не препятствовало. Миссии сразу же было предоставлено новое более просторное помещение в поселке Мамонтовка в 25 км от столицы.

24 июня 1941 г. Пика направил письмо советскому правительству, в котором развивал идеи советско-чехословацкого сотрудничества в новых условиях. Документ, адресованный «Правительству Союза Советских Социалистических Республик (Через Народный комиссариат государственной безопасности)» и помеченный грифом «Секретно», с точки зрения содержания скорее был похож на дипломатическую ноту. Ввиду важности документа остановимся на нем подробнее. «После изменения политической ситуации СССР и Европы (см. заявление председателя британского правительства мистера Черчилля), — писал Пика, — можно приступить к осуществлению полной программы советско-чехословацкого сотрудничества. Целесообразно и необходимо действовать быстро, ясно и открыто, чтобы мировое общественное мнение и особенно чехословацкий народ знали, какова советская точка зрения по вопросу борьбы Чехословакии против Германии с целью восстановления ее (Чехословакии. — В.М.) самостоятельности». Пика предлагал развить «пропагандистское наступление» в протекторате, чтобы «уси-

лить и укрепить в чехословацком народе чувства в пользу Советов» и способствовать началу в подходящий момент массового саботажа и всеобщего восстания, «которое тайно готовится» чехословацким правительством и военным командованием в Лондоне. Необходимо, чтобы Советы официально заявили, — говорилось далее в письме, — что «1) СССР одобряет чехословацкую борьбу против Германии с целью освобождения независимой Чехословакии; 2) СССР признает чехословацкое правительство в Лондоне как единственного представителя чехословацкого народа и др-а Бенеша как руководителя борьбы чехословацкого народа против нацизма и фашизма; 3) СССР признает чехословацкую армию за границей как союзническую армию самостоятельного и участвующего в войне государства; 4) СССР будет всеми силами поддерживать на своей территории всякого рода чехословацкие инициативы (направленные на разгром Германии. — *В.М.*); 5) СССР разрешит организовать чехословацкие военные части, которые будут сражаться против агрессора, напавшего на СССР; 6) После поражения Германии победоносный СССР позволит чехословацкому народу свободно принять решение о своем политическом устройстве по принципу самоопределения народов, уважаемому Советами». Пика предлагал советскому правительству, опираясь на эти официальные заявления, предпринять конкретные шаги в деле налаживания советско-чехословацкого сотрудничества, а именно: а) признать политических и военных представителей чехословацкого правительства, которые будут работать в Москве; б) признать чехословацкую военную миссию в СССР как составную часть самостоятельной и ведущей войну чехословацкой армии; в) принять необходимые меры в целях сосредоточения всех пригодных к мобилизации чехословацких граждан либо для несения военной службы, либо для выполнения трудовой повинности; г) разрешить организовывать чехословацкие военные части из чехословацких граждан или из советских граждан чехословацкой национальности (имелись в виду чехи, словаки и карпатские украинцы. — *В.М.*), которые добровольно вступят в чехословацкую армию; д) предоставить в распоряжение чехословацкого комитета, который будет создан, радио и выделить на московском радио время для ведения пропаганды на чехословацкую территорию. В свою очередь, говорилось в письме, чехословацкое правительство обязуется по просьбе СССР предоставить «всю имеющуюся у него политическую и военную информацию о ситуации в Германии и на оккупированных территориях», а также «содействовать всеми средствами поискам сведений, которые могут интересовать советское правительство и Красную Армию». Чехословацкое правительство, по словам Пики, брало на себя обя-

зательство «тесно сотрудничать с СССР во всех областях военной деятельности с целью достижения победы над гитлеровским агрессором». Детали сотрудничества предполагалось установить позднее по взаимной договоренности. Письмо было подписано: «Начальник чехословацкой военной миссии в СССР Пика»¹¹.

Пика сообщил президенту Э. Бенешу и военному министру чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне С. Ингру о направленном им письме 25 июня 1941 г., подчеркнув: «У меня впечатление, что здесь с признанием спешить не будут, у них другие заботы. Необходимо будет начать переговоры по (этому. — В.М.) вопросу с послом Майским. Здесь Главный штаб настаивает, чтобы вы отдали на родину и в Словакию распоряжение о начале более широкого саботажа и террора (устранения ведущих немецких лиц)»¹². Бенеша весьма занимала реакция советских властей на предложения Пики, и, главным образом, их позиция по принципиальному с его точки зрения вопросу, «намерен ли СССР в отношении с нами возвратиться к положению перед Мюнхеном» и в соответствии с этим решать, «хотя бы не сразу, а постепенно», все возникающие вопросы¹³.

29 июня 1941 г. Пика был принят народным комиссаром государственной безопасности СССР Л.П. Берией, которому предложил проект создания чехословацкой воинской части в СССР на основе добровольного вступления в нее всех чехословацких эмигрантов, проживавших на территории Советского Союза, лиц, содержавшихся в советских тюрьмах и лагерях (после соответствующей их проверки), а также остальных чехов, словаков и карпатских украинцев — советских граждан. Берия, радушно принявший Пика, заверил его, что советское правительство пойдет навстречу этим просьбам¹⁴.

Приведенные документы свидетельствуют, что инициатива в налаживании советско-чехословацкого сотрудничества, как до 22 июня, так и после, исходила от чехословацкой стороны, а не от СССР, как прежде изображалось в историографии. Другой вопрос, что Москва в изменившихся условиях тоже была заинтересована в этом, и Пика ошибался, утверждая, что советское руководство не будет тут спешить. Наоборот, оно очень торопилось наверстать упущенное. Политика Советского Союза в отношении малых европейских государств, захваченных гитлеровской Германией, была четко сформулирована 3 июля 1941 г. в телеграмме советскому послу в Лондоне И.М. Майскому, в которой говорилось: «По вопросу о восстановлении национальных государств Польши, Чехословакии и Югославии Вам следует придерживаться следующей позиции: а) мы стоим за создание независимого Польского государства в границах национальной Польши... вопрос о характере государственного ре-

жима Польши Советское правительство считает внутренним делом самих поляков; б) мы стоим также за восстановление Чехословацкого и Югославского государств с тем, что и в этих государствах вопрос о характере государственного режима является их внутренним делом»¹⁵. 4 июля (в пятницу) советский посол пригласил Бенеша на обед, который, по желанию последнего (он находился тогда в своей загородной резиденции), состоялся только 8 июля. Можно лишь предположить, что отсрочка встречи на четыре дня, при всей заинтересованности Бенеша в ней, понадобилась ему для того, чтобы «про-вентилировать» вопрос с английскими властями. 8 июля Майский передал президенту следующее: «а) политической программой советского правительства является самостоятельная Чехословакия с чехословацким национальным правительством; б) само собой разумеется, что советское правительство не хочет вмешиваться во внутренние дела Чехословакии и что вопрос о внутреннем режиме и структуре чехословацкий народ решит сам; в) если чехословацкое правительство желает направить в Москву своего посланника, советское правительство с радостью его примет; г) советское правительство готово оказать помощь в организации чехословацкой воинской части в России»¹⁶. Бенеш был рад этому предложению. Рад и потому, что он, несомненно, знал о готовившемся в ближайшие дни заключении советско-английского соглашения о сотрудничестве в войне против гитлеровской Германии. Оно было подписано 12 июля. Именно в этот день Бенеш изложил Смутному свои взгляды на роль Советского Союза в послевоенный период. Для нас, подчеркнул президент, имеет решающее значение, победит или потерпит поражение Россия в этой войне. Германия, по его мнению, будет разрушена, Англия и Франция не будут играть в Европе ведущую роль, а в Восточной и Центральной Европе решающую роль станет играть Россия. «Для нас такое положение чрезвычайно важно, поскольку от него будет зависеть все будущее, безопасность республики», — заметил президент. При этом, как он полагал, русские «сблизятся с Европой, а после войны никто даже и не вспомнит о большевизме»¹⁷. Но тут, несмотря на всю свою политическую прозорливость, которой он очень гордился, Бенеш ошибался.

Советско-чехословацкое соглашение от 18 июля 1941 г.

16 июля советское правительство представило президенту проект советско-чехословацкого соглашения и высказалось за его немедленное подписание. В этот же день Военный кабинет Великобритании принял решение об урегулировании отношений с чехословацким

эмигрантским правительством, о признании республики де-юре и назначении посланника. Об этом на приеме у короля сообщил Бенешу Черчилль¹⁸. Подписание Соглашения между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Чехословацкой Республики состоялось 18 июля 1941 г. в советском посольстве в Лондоне. Свои подписи под документом поставили И.М. Майский и министр иностранных дел Чехословацкой республики Я. Масарик. Соглашением предусматривались немедленный обмен посланниками; взаимопомощь и поддержка всякого рода в войне против гитлеровской Германии; согласие советского правительства на образование на территории СССР чехословацких воинских частей во главе с командованием, назначаемым чехословацким правительством по согласованию с советским правительством, но в оперативном отношении подчиненных Верховному командованию СССР¹⁹.

В соглашении ничего не говорилось ни о континуитете Чехословацкой республики, ни о ее будущих границах. При этом как бы само собой разумелось, что Советский Союз, признав правительство Чехословацкой республики, тем самым де-факто заявил (во всяком случае, чехословацкая сторона трактовала это именно так) о своем положительном отношении к правовой и политической преемственности республики. Как следует из записи Смутного от 16 июля, Майский ясно подчеркнул, что при подписании соглашения «речь идет не об установлении дипломатических отношений, которые были лишь временно прерваны из-за отсутствия посланников, а о том, что признание республики всегда продолжалось. Это подтверждает наш принцип преемственности»²⁰. Действительно, речь шла не об установлении, а о восстановлении дипломатических отношений. Однако в заявлении Майского крылось и некое лукавство, поскольку невозможно было одновременно иметь дипломатические отношения со Словацкой республикой и признавать существование Чехословакии. Но, видимо, Бенеш и его окружение тогда просто «закрывали глаза» на такие «мелочи». Ведь заключение соглашения имело большое значение для укрепления международных позиций Чехословакии. По словам Смутного, «Бенеш снова стал президентом республики», в то время как до этого «он был им в наших мыслях и желаниях», президентом, признаваемым в общественном и личном плане, но не в международно-правовом отношении. «Вчера республика снова стала полноправным международным субъектом, а Бенеш ее президентом»²¹.

Важно соглашение было и для СССР. Советские центральные, республиканские, краевые и областные газеты опубликовали его текст и комментарии к нему. 21 июля 1941 г. газета «Правда» напечатала

большую статью «Чехословакия в борьбе за свою независимость». Советские писатели и деятели искусств обратились к чешскому и словацкому народам с призывом объединить усилия «для последней, решающей и победоносной борьбы против поработителей народов, за свободу наций, за культуру, цивилизацию, за счастливое будущее»²². В журнале «Коммунистический Интернационал» появился ряд статей, написанных находившимися в Москве чехословацкими политическими деятелями²³. Возглавлявший Загранбюро КПЧ в Москве К. Готвальд заявил, что Чехословакия снова вышла на международную арену «в качестве юридически признанного государственного образования со всеми атрибутами государственного суверенитета»²⁴. Так начала претворяться в жизнь «военно-политическая программа», предложенная Пикой²⁵ с согласия Бенеша советскому руководству еще в апреле 1941 г. и развернутая в его письме от 24 июня 1941 г.

Несколько часов спустя после подписания советско-чехословацкого соглашения Я. Масарик получил ноту английского министра иностранных дел А. Идена об окончательном признании чехословацкого правительства, которое до того признавалось как временное. Однако, что касается континуитета Чехословакии, то рассмотрение этого вопроса откладывалось на будущее, «на более подходящий для этого момент». Подчеркивалось также, что правительство Великобритании не берет обязательств признавать или поддерживать установление каких-либо будущих границ в Центральной Европе²⁶. Впрочем, по вопросу о границах пока не делало никаких заявлений и советское правительство, что констатировал и Бенеш в послании своим единомышленникам на родину 14 августа 1941 г.: в Москве «восстановление республики понимают как само собой разумеющееся, но о своих планах в Центральной Европе и о других вопросах, касающихся границ, точно и детально ничего не говорят»²⁷. По смыслу и духу советско-чехословацкое соглашение было аналогично советско-британскому соглашению от 12 июля и поэтому не вызвало в Англии особых возражений. Согласно сообщению ТАСС английские вечерние газеты за 18 июля отвели видное место информации о подписании соглашения и его содержании. Говорилось о лицах, присутствовавших при подписании: с советской стороны — советник посольства Новиков, первый секретарь Корж, пресс-атташе Зинченко, с чехословацкой стороны — член чехословацкого правительства Рипка, бывший чехословацкий посланник в Москве Фирлингер, директор Чехословацкого информационного бюро Краус. Подписание соглашения, на котором присутствовали представители печати, было заснято английскими, американскими и чехословацкими кинооператорами. Публиковались фотографии²⁸. 26 июля руко-

водимое Бенешем чехословацкое правительство признал Китай²⁹. 30 июля о своем признании **временного чехословацкого правительства во главе с президентом Бенешем** заявили США. И лишь 26 октября 1942 г. решением президента США Ф.Д. Рузвельта временное признание было заменено полным и окончательным³⁰.

Бенеш не стал медлить с направлением своего официального представителя в Советский Союз. И уже 19 июля чехословацким посланником в СССР был снова назначен З. Фирлингер, покинувший Москву в декабре 1939 г. с надеждой опять вернуться сюда. Перед его отъездом Бенеш достаточно оптимистично, несмотря на неудачи первых дней войны СССР против гитлеровской Германии, оценивал положение на советско-германском фронте. 20 июля, например, лондонское радио сообщило об интервью Бенеша, в котором он характеризовал его следующим образом: «Восточный фронт будет существовать так же долго, как долго будет длиться война. Успехи Германии напоминают то, что однажды сказал один охотник: „Я поймал медведя, но теперь он меня не отпускает“. Так и Германия осталась в объятиях русского медведя»³¹. В послании на родину 24 июля президент писал, что «русский фронт выдержит», и даже предполагал, что война «может закончиться завтра или в начале 1942 г.»³². Это же говорил Бенеш и Фирлингеру при прощании с ним на аэродроме в Лондоне, высказав при этом убеждение, что совместная борьба «сблизит нас и Советский Союз», и допустив даже возможность «некоего более близкого государственно-правового союза между нами и СССР»³³. В дальнейшем Бенеш неоднократно прогнозировал более или менее скорое окончание войны, но эти прогнозы, к сожалению, не сбывались. 12 августа Фирлингер, отправившийся через Шотландию на гидросамолете, прибыл в Архангельск, а оттуда в Москву. Возложенную на него миссию предстояло осуществлять в очень сложных для СССР условиях, когда Красная Армия отступала, неся большие потери, а Москва уже подвергалась налетам фашистской авиации. Некоторое время Фирлингер жил в гостинице «Метрополь», а затем переехал в прежнее здание чехословацкого постпредства (Малый Харитоньевский переулок), которое тогда занимали англичане, долго не желавшие освободить его.

В Москве тоже ждали приезда Фирлингера. И хотя его знали здесь по прежним временам, на чехословацкого посланника в НКВД СССР была составлена новая характеристика. Указывалось, что во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. он находился в России, где вступил добровольцем в русскую армию в качестве рядового. В конце войны Фирлингер имел чин капитана артиллерии, был награжден военным орденом, Крестом св. Георгия, и выступал за при-

знание советского правительства союзниками. После образования Чехословацкой республики в 1918 г. Фирлингер бессменно находился на дипломатической работе, представляя ЧСР в Гааге, Будапеште, Вашингтоне, Берне, Вене, Лиге Наций, Москве. По своим политическим взглядам «примыкал к социал-демократии». «Во время пребывания Бенеша на постах министра иностранных дел и президента республики, — говорилось в характеристике, — Фирлингер пользовался его покровительством и считался одним из ближайших сотрудников Бенеша... Фирлингер всегда выступал как сторонник сближения Чехословакии с Советским Союзом. Тов. Майский хорошо характеризует Фирлингера в период его пребывания в Лондоне»³⁴.

14 августа чехословацкий посланник встретился с представителем протокольного отдела НКВД Ф. Молочковым и передал ему письмо Бенеша на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина. В нем говорилось о преемственности политической линии по отношению к Советскому Союзу, о необходимости «вернуться к тому же самому положению и к той же самой политической линии» (подчеркнуто красным карандашом в переводе письма, сделанном в НКВД. — *В.М.*), которой мы придерживались в течение 1935–1938 гг. после заключения нашего договора о взаимопомощи (1935 г. — *В.М.*). После победы, — писал Бенеш, — «наши взаимные отношения будут базироваться на прочных узах постоянной дружбы и созидательного сотрудничества обоих наших государств»³⁵.

15 августа Фирлингера принял глава НКВД В.М. Молотов. Беседа касалась развития советско-чехословацких отношений в будущем, создания чехословацкой воинской части в Советском Союзе, внутреннего положения в Чехословакии (так в записи беседы. — *В.М.*), позиций и политики Чехословакии, СССР, Англии и Франции в период Мюнхена. Посланник передал Молотову адресованное ему письмо Бенеша от 6 августа 1941 г. и сообщил о личном письме президента Сталину. Далее в дневнике наркома значится: «Однако, зная лично нашего великого товарища Сталина, говорит Фирлингер, Бенеш хотел, чтобы письмо было передано мною». Молотов обещал сообщить Сталину о наличии такого письма³⁶.

По словам Фирлингера, сказанным им наркому иностранных дел, в письме Сталину написано приблизительно то же самое, что и в письме Молотову. Поэтому остановимся на нем подробнее. Бенеш обращался к наркому с «несколькими своими личными и политическими замечаниями». Он особо подчеркивал, что с 1935 г. «ни в чем и никогда, несмотря на все происходившие мировые события, не изменил своей политической линии к Советскому Союзу», что ожидал его втягивания в войну «в той или иной форме» и «систематически

подготавливал себя к времени, когда оба наши государства смогут возобновить политику, которую я считаю для них естественной и очевидной, для их интересов как в настоящем, так и в будущем необходимой и, прежде всего, соответствующей чувствам и нуждам обоих государств». «Я убежден, — писал Бенеш, — что и после победы в интересах наших стран противоречий не будет встречаться, и что при организации будущей Европы основания (видимо, принципы. — *В.М.*) наших взаимоотношений, заложенные в 1935 году и возобновленные 18 июля 1941 г., могут быть одним из важнейших факторов для сохранения мира в Восточной и Центральной Европе». В заключение говорилось: «...я позволю себе время от времени давать Вам посредством посланника Фирлингера или посла Майского сообщения о нашей дальнейшей политической деятельности и о наших пожеланиях и взглядах, которые могли бы Вас в данное время интересовать. Конечно, также о делах, касающихся будущего Чехословакии и ее реконструкции в послевоенной Европе». На письме резолюция Молотова: т. Сталину, членам коллегии НКВД³⁷.

18 августа Молочков по поручению Молотова сообщил Фирлингеру, что «ввиду занятости т. Сталин лишен возможности лично принять» адресованное ему письмо, «и поэтому просит передать его через Наркоминдел». 19 августа посланник передал Молочкову это письмо и его перевод на русский. При этом Фирлингер подчеркнул, что, если советское правительство пожелает опубликовать письма, адресованные советским руководителям, то со стороны Бенеша возражений не будет. Президент выражал восхищение («нас всех здесь на Западе и всего чехословацкого народа») борьбой Советского Союза против гитлеровского фашизма. Констатировалось, что подписанием советско-чехословацкого соглашения 18 июля возобновлены прежние отношения, заложенные договором о взаимопомощи 1935 г. Далее повторялись пассажи из письма Бенеша на имя Молотова, касающиеся существующего и будущего отношения к Советскому Союзу. Выражалась надежда на скорое победоносное завершение войны, чтобы затем все могли заняться конструктивным созиданием «новой лучшей Европы» и «нового лучшего социального и экономического режима». «Я счастлив, что обе наши страны сегодня опять идут по пути дружбы и сотрудничества», — писал Бенеш. Подпись гласила: искренне преданный Э.Б.³⁸

В тот же день, 19 августа, посланник нанес протокольный визит вежливости заместителю наркома иностранных дел А.Я. Вышинскому, заявив, согласно записи в дневнике последнего, что «просит считать его своим человеком, у которого от нас нет никаких секретов. В своей работе он будет стремиться быть нам полезным»³⁹.

Вручение верительных грамот состоялось 20 августа⁴⁰. А на следующий день Фирлингер снова у Вышинского для более подробной беседы. Он проинформировал заместителя наркома о чехословацко-польских отношениях, поскольку это, по его словам, принципиальный вопрос, подчеркнул, что в основе этих отношений «лежит идея объединения в борьбе против Гитлера», что принцип ориентации на Советский Союз является основным для Бенеша. Президент считает, заявил Фирлингер, «что Чехословакия должна иметь общую границу с Советским Союзом. Более того, должна существовать тесная государственная связь между Чехословакией и СССР, а также, может быть, между Польшей и СССР»⁴¹. «В настоящее время, по словам Фирлингера, в Советском Союзе высоко поднята идея общеславянского объединения. Чехословаки приветствуют эту идею, которую они не смешивают с прежней идеей панславизма царской России». При этом он добавил, что «считает неизбежным в будущем придать этому объединению какую-то государственную форму. Ведь не обязательно же... всем государствам, стремящимся к государственному объединению с Советским Союзом, вступать в Союз в качестве союзной республики. Он считает, что возможны и другие формы государственного сближения». Вышинский подтвердил, что советская пропаганда объединения всех славянских народов действительно не имеет ничего общего с прежним панславизмом и стремлением подчинить себе все другие славянские народы, что их объединение необходимо «для успешной совместной борьбы против Гитлера». Относительно государственного оформления общеславянского объединения Вышинский сказал, что это «вопрос чрезвычайно большой и сложный» и что имеются «различные государственные формы такого объединения». При этом он сослался на пример Монгольской и Тувинской народных республик, которые не входят в СССР, но имеют с ним «весьма близкие» отношения. Обсуждались также вопросы формирования чехословацкой воинской части в СССР⁴².

В тот же день, 21 августа, Фирлингер был принят заместителем наркома иностранных дел С.А. Лозовским. Речь шла о советских радиопередачах на Чехословакию, которые, по словам посланника, «очень хорошие»⁴³. Он поставил вопрос о согласовании этих передач («распределить время и прочее») с лондонскими и использовании их материалов в Москве, так как «известная согласованность хорошо действует на наших людей». Лозовский ответил, что если речь идет о времени радиопередач, о расписании, то это надо сделать. Фирлингер заявил, что, проводя радиопропаганду на Чехословакию, необходимо определить отношение «к демократической, а может быть, социалистической Германии», и что ему желательно знать со-

ветскую точку зрения по этому вопросу. Лозовский, сославшись на речь Сталина 3 июля, сказал, что в этом вопросе все ясно, что «в нашей освободительной борьбе мы будем иметь, кроме других союзников, и германский народ, поработанный гитлеровскими законами»⁴⁴. Коммунистический миф о «хорошем германском народе», который может в подходящий момент выступить против Гитлера, еще не развеялся.

Помимо упомянутых выше писем Бенеша на имя Сталина, Молотова, Калинина, Фирлингер привез с собой еще и письмо на имя М.М. Литвинова, которое тоже через Молочкова было передано адресату и начиналось обращением «Мой дорогой Максим Максимович!». В нем осуждалась политика Западной Европы в 1934–1939 гг., говорилось о подтвердившемся предположении Бенеша, что Германия нападет на СССР, что он «никогда не оставлял мысли о новом советско-чехословацком сотрудничестве», которое не будет прервано после победы над Германией в 1942 г. Бенеш выражал надежду увидеться с Литвиновым «во время другого (второго после 1935 г. — *В.М.*) визита в Москву при первом возможном случае»⁴⁵. Так впервые в дипломатической переписке прозвучала мысль о возможности визита президента в СССР после нападения на него гитлеровской Германии. Заметим, что это был август 1941 г., когда Красная Армия откатывалась на восток под натиском сил вермахта, а исход войны многим представлялся неясным. Фирлингер был доволен результатами бесед с советскими руководителями, о чем и проинформировал Бенеша 24 и 27 августа⁴⁶. Основная деятельность посланника после его приезда в Москву была направлена на решение вопроса о формировании чехословацкой воинской части в СССР (см. об этом подробнее в следующей главе).

В Лондоне тоже активно обсуждалась тема советско-чехословацких отношений. Советским посланником при эмигрантских правительствах здесь стал А.Е. Богомолов, аудиенция которого у Бенеша состоялась 18 сентября 1941 г. А до этого президент обсуждал интересующие его вопросы с Майским, с которым инициировал, в частности, встречу 28 августа, чтобы информировать его, как значится в записи беседы, «о наших планах», о том, «что мы хотим и что делаем». Бенеш говорил о важности знания в общих чертах того, чего «хочет Москва», чтобы позиции сторон не пришли в противоречие. Майский с этим живо согласился и обещал передать пожелание в Москву. Далее речь шла о конкретных вещах, важных с точки зрения Бенеша для достижения взаимопонимания: о чехословацко-польских отношениях, будущем Подкарпатской Руси (Закарпатья) и Судетской области, о трансфере немецкого населения из Чехословакии после

войны. Что касается Закарпатья, то Майский согласился с мнением, что эта область не может принадлежать Венгрии, которая оккупировала ее в 1939 г., а должна либо остаться в Чехословакии, либо отойти к СССР. К вопросу о переселении немецкого меньшинства посол обещал вернуться позже. Бенеш попытался выяснить вопрос о том, имеются ли в Москве планы послевоенного мирного урегулирования, поскольку, дескать, в последнее время Форин Офис усиленно занимается определением таких целей, несколько побаиваясь того, что у СССР они уже имеются. Майский ответил иронично, что «напрасно бояться», что «они (СССР. — В.М.) еще так далеко не заглядывают». Но посол обозначил три «большие трудности», которые возникнут после войны и которые нужно будет урегулировать: Германия, Польша и Балканы. «В ваших вопросах, — добавил Майский, — больших трудностей определено не предвидится»⁴⁷.

Подробных, детально разработанных планов на послевоенный период осенью 1941 г. Москва действительно не имела: было не до того, бои шли на ближних подступах к столице. Кроме того, конкретное определение позиций в вопросе о соседних с СССР территориях, как заявил один из сотрудников советского посольства в Англии (резидент НКВД) И.А. Чичаев 9 декабря 1941 г., «неизбежно привело бы к спорам между союзниками, нанесло вред их сотрудничеству и ослабило усилие, которое любой ценой должно быть направлено к единственной и главной цели — поражению гитлеризма»⁴⁸. Но общие принципы советской внешней политики формулировались достаточно четко, и об этом союзники знали, например, из декларации правительства СССР на межсоюзнической конференции в Лондоне 24 сентября 1941 г. Здесь Москва устами Майского выразила согласие с основными принципами Атлантической хартии⁴⁹ и сформулировала свои цели войны и послевоенного мира. В декларации говорилось: «Советский Союз отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие он считает целесообразными и необходимыми в целях обеспечения экономического и культурного процветания своей страны»⁵⁰. Примерно такие же мысли высказал Сталин и в докладе на торжественном заседании депутатов Моссовета и представителей трудящихся столицы 6 ноября 1941 г.: ведущий отечественную войну Советский Союз борется также за освобождение малых народов, прежде всего славянских, и после победы не будет вмешиваться в их внутренние дела, оставив за ними право самим организовывать свою жизнь. «У нас нет и не может быть таких целей войны, как навязывание своей воли и

своего режима», — заявил Сталин ⁵¹. Но декларации, как правило, всегда остаются декларациями, а реалии, как результат конкретно-политических потребностей и условий, отличаются, иногда и в корне, от провозглашенных намерений. Однако цель одолеть фашизм, одержать победу над гитлеровской Германией вовсе не относилась к такого рода декларациям. Здесь речь шла о жизни и смерти целых государств и народов, поэтому все союзники по антигитлеровской коалиции были заинтересованы в разгроме третьего рейха. Но основная тяжесть противоборства с ним легла на плечи Советского Союза, потери которого в людском, территориальном и материальном отношении в начальный период военных действий были огромны. Частям вермахта хотя и не удалась молниеносная война, но подойти вплотную к советской столице они смогли. 20 октября 1941 г. в Москве было объявлено осадное положение. Началась эвакуация государственных и общественных учреждений, а также дипломатического корпуса. Вместе с ним уехали из Москвы сотрудники чехословацкого полпредства во главе с Фирлингером и чехословацкой военной миссии во главе с Пикой.

В Куйбышеве (прежде и ныне Самаре), куда неделю спустя прибыл поезд с дипломатами, их уже ждали. Каждому представителю было приготовлено здание, кому побольше и получше (например, США и Великобритании), кому поменьше и похуже, в зависимости от значимости и численности сотрудников. Полпредство и миссия (22 человека и обслуживающий персонал с семьями) были размещены в одноэтажном доме, имеющем 14 комнат. Фирлингер с пониманием отнесся к неудобствам эвакуации: «Старая Самара могла быть лишь отчасти модернизирована, наряду с несколькими виллами и домами бывших самарских купцов и миллионеров всюду стояли маленькие дома. В городе, население которого до того насчитывало примерно 400 тыс. жителей, вынуждено было тесниться теперь более 700 тыс. человек». Однако эти неудобства и трудности, по мнению посланника, мало что значили по сравнению «с беспримерными страданиями и мучениями советских людей». Город и во время войны жил насыщенной культурной жизнью: в новом, просторном здании местного театра давали представления московская опера и балет, в старом здании ставила классические и современные пьесы труппа местного драматического театра, проходили концерты московского симфонического оркестра. 7 ноября 1941 г., как и в Москве, на центральной площади Куйбышева состоялся парад войск, в котором участвовали две дивизии Красной Армии ⁵².

Постепенно наладилась связь с Лондоном, возобновились контакты с эвакуированными из Москвы соответствующими структу-

рами НКВД и отделом Генерального Штаба, ответственным за связь с иностранными военными миссиями и формирование иностранных воинских частей на территории СССР.

Советское правительство, Государственный Комитет Обороны (ГКО) и его глава И.В. Сталин работали в Москве, но в Куйбышеве принимали некоторых высоких иностранных гостей. 30 ноября 1941 г. здесь встречали главу польского эмигрантского правительства В. Сикорского⁵³. На аэродроме среди встречавших был и Фирлингер. В беседе с заведующим IV европейским отделом НКВД Н.В. Новиковым он как бы невзначай и в шуточной форме бросил фразу: «А когда же мы будем встречать Бенеша?». На вопрос Новикова, «разве Бенеш собирается приехать к нам, Фирлингер все в том же шуточном тоне ответил, что он сделал бы это с большим удовольствием, если бы советское правительство этого пожелало»⁵⁴. Так вторично после 22 июня (первый раз, как сказано выше, об этом вскользь говорилось в письме Бенеша на имя Литвинова от 6 августа) зашла речь о приезде президента в СССР, хотя положение на советско-германском фронте пока оставалось очень тяжелым и еще ничего не было известно о разгроме гитлеровских войск под Москвой. И, может быть, совсем не случайно, выступая 25 ноября в Госсовете, Бенеш говорил: «С 22 июня 1941 г. центр тяжести войны переместился на Восток, и самое большое бремя со стороны союзников несет Советский Союз. Он борется не только за себя, но и за всех нас остальных. Его армия, его экономическая организация и его политическое устройство оправдали себя»⁵⁵.

Находясь в Лондоне, Бенеш, естественно, следил за всеми перипетиями и нюансами советско-британских отношений, соотнося с ними свою внешнеполитическую активность. Ему, возможно, стали известны и слова Сталина, сказанные им во время беседы с главами делегаций Великобритании и США на Московской конференции представителей трех держав в сентябре 1941 г., о том, что соглашение с Англией о сотрудничестве в войне против Германии «следовало бы превратить в союзный договор, который охватывал бы не только военный, но и послевоенный период. Наше правительство целиком стоит за это»⁵⁶. 7 декабря 1941 г. после нападения японцев на главную военно-морскую базу США в Тихом океане началась война между США и Японией, изменившая в целом расстановку сил в войне. Именно в это время в Москву с визитом направился министр иностранных дел Великобритании А. Иден. Целью предстоявших переговоров являлось укрепление советско-английского сотрудничества в войне против нацистской Германии и прояснение вопроса о послевоенном устройстве Европы⁵⁷. Уже в первой беседе с Иденом

16 декабря Сталин выразил пожелание наметить общую схему реорганизации европейских границ после войны и изложил свое видение проблемы. Что касается Советского Союза, то, по мнению советского лидера, необходимо восстановление его границ, существовавших в 1941 г. до нападения Германии на СССР. Что касается Чехословакии, то она «должна быть восстановлена в своих старых границах, включая Судеты. Этот последний район, ввиду его стратегической важности, ни в коем случае не может быть передан в руки Германии. Сверх того, территория Чехословакии должна быть увеличена на юге за счет Венгрии, которая должна понести надлежащее возмездие за свое поведение в ходе этой войны»⁵⁸. Это заявление, по сути, включало все основные на тот период пожелания чехословацкого эмигрантского правительства, касающиеся границ восстановленной Чехословакии. В одном из предложенных Москвой советских дополнительных протоколов к советско-английскому соглашению значилось: «При решении всех возможных планов организации европейских государств, и, в первую очередь, в Восточной части Европы, будет учтена роль СССР, как державы, ведущей великую освободительную войну в интересах всех европейских государств, подвергшихся агрессии и оккупированных ныне войсками гитлеровской Германии, и являющейся крупнейшим фактором в деле обеспечения прочного мира в Европе и недопущения новых актов агрессии со стороны Германии»⁵⁹. Позиция Идена во всех этих вопросах сводилась к следующему: британское правительство пока всерьез не занималось проблемами послевоенной Европы, оно «не считает возможным признавать новые границы немедленно, до конца войны», эти вопросы следует отложить до мирной конференции. Взаимопонимания на переговорах достичь не удалось. Англо-советское коммюнике о беседах И.В. Сталина и В.М. Молотова с А. Иденом в Москве включало лишь общую фразу: «Обмен мнений по вопросам послевоенной организации мира и безопасности дал много важного и полезного материала, который в дальнейшем облегчит возможность разработки конкретных предложений в этой области»⁶⁰. И позже, как будет показано ниже, Англия и США упорно не хотели говорить о послевоенных границах, всякий раз сталкиваясь в этом с позицией СССР, настаивавшего на признании, в первую очередь, своих западных границ.

Москва уже не в первый раз определенно заявляла о желании видеть Чехословакию восстановленной в домюнхенских границах. Лондон пока не торопился осудить Мюнхенское соглашение. И это было очень важно для выстраивания продуманной и взвешенной внешнеполитической концепции Бенеша: ориентации во внешней политике по формуле «50% на Запад и 50% на Восток». Президент

продолжал упорно и настойчиво добиваться ясности в вопросе признания союзниками правового и политического континуитета Чехословакии. 16 декабря 1941 г. Э. Бенеш и Я. Шрабек, председатель эмигрантского чехословацкого правительства, подписали заявление о состоянии войны со всеми государствами, воюющими на стороне Германии против Великобритании, США и Советского Союза. Одновременно правительство ЧСР направило ноту союзническим правительствам, касавшуюся отношения к Словакии, которая в декабре 1941 г. объявила войну Великобритании и США. В ноте констатировалось, что Советский Союз не заявлял о войне со Словакией и что английское правительство, объявляя войну Финляндии, Венгрии и Румынии, «вообще не упомянуло о так называемом братиславском правительстве». Подчеркивалось, что чехословацкое правительство «принимает это решение с искренним удовлетворением и делает из этого вывод, что британское правительство, как и правительство Советского Союза, признав правительство Чехословацкой Республики соответственно нотами от 21 июля 1940 г. и 18 июля 1941 г., просто не принимают во внимание (*neberou proste na vedomi*) существование так называемого словацкого государства и видят в нем по праву то, чем оно является в действительности: искусственную и временную конструкцию германской политики... »⁶¹.

Словацкая армия на советско-германском фронте

Но братиславские правители, приняв решение о вступлении в войну на стороне Германии, вовсе так не думали и надеялись извлечь для себя выгоду из ее победы. Кроме того, следовать в фарватере германской внешней политики Словакию обязывал и так называемый «Охранный договор», подписанный ею с рейхом еще в марте 1939 г. В собственноручно написанных на русском языке⁶² 26 сентября 1944 г. в Бутырской тюрьме в Москве признания бывший министр национальной обороны Словакии и главнокомандующий словацкой армией Ф. Чатлош утверждал, что не одобрял войну против Советского Союза, мотивируя это неготовностью словацкой армии. На это якобы «доверенный человек Гитлера» председатель словацкого правительства В. Тука рассердившись ответил, что «политические аргументы являются более важными, чем военные». «В тот же день (21 июня 1941 г. — *В.М.*), — писал Чатлош, — я был вместе с премьером принят президентом. Последний долго раздумывал и был в нерешительности, однако германский посланник (*Э.Г. Лудин. — В.М.*) торопил — „если сегодня Гитлер не получит ответ, говорил он, то Словакия почувствует последствия“. Президент высказался не за объявление войны СССР,

а за присоединение словацкой армии к германской армии, чтобы показать миру, что мы были вынуждены это сделать»⁶³. Чатлош также утверждал, что еще до начала войны, но предвидя ее неизбежность, он дважды подавал Тисо прошение об отставке, но получил отказ. По его словам, оставаясь на посту министра обороны, он проводил такую политику, чтобы «по возможности не воевать против СССР на стороне Германии, а сохранить в этой войне словацкий народ», поскольку считал, что «сопротивление маленькой Словакии германской армии привело бы в начале войны к истреблению словацкого народа». «Хотя официально мы были вынуждены выступать за Германию, — писал Чатлош, — но мы считали, что противники Германии нас хорошо понимают на основе не слов, а объективных фактов, поскольку, находясь под контролем немцев, мы не могли делать иначе... Другого выхода не было. В противном случае Германия нас могла уничтожить»⁶⁴. Трудно сказать, что в этих утверждениях было правдой, а что следствием желаний заработать алиби и реабилитироваться в глазах Москвы на завершающем этапе войны. Во всяком случае, советский посланник Г.М. Пушкин, характеризуя позиции Чатлоша в 1940 г., не относил его к непримиримым противникам Советского Союза, подчеркивал его русо- и славянофильские настроения⁶⁵.

Показания Чатлоша на допросе 15 января 1946 г.⁶⁶ несколько отличаются по сути и форме от написанных им ранее собственноручно. Говоря о беседе с Тукой и Лудиным 21 июня, он указал: «Я, как военный министр, доложил им о состоянии армии, ее вооружении, готовности и перспективах развертывания согласно мобплану (мобилизационному плану. — В.М.), заявив при этом, что с точки зрения материальных и людских ресурсов вступление Словакии в войну будет малоэффективной помощью Германии», но Тисо, Тука и «мною — Чатлош» «было принято решение вступить в войну против СССР. Потом уже, после фактического нашего решения о вступлении Словакии в войну, этот вопрос был утвержден на заседании Совета Министров». На вопрос: какие мероприятия Вы стали проводить после объявления Словакией войны СССР? последовал ответ: «Чтобы доказать свою верность в служении интересам Германии и добиться этим самым получения территорий, находившихся под ведением Венгрии⁶⁷, мы стремились как можно быстрее поддержать в войне Германию и опередить в этом вопросе Венгрию⁶⁸. Поэтому и военные приготовления начались незамедлительно. На другой день, 23 июня 1941 г. я вызвал к себе начальника штаба министерства обороны полковника Татарко и продиктовал ему содержание декрета о мобилизации призывных возрастов в словацкую армию, издал приказ о формировании новых словацких воинских частей и приступил

к отправке войск на советский фронт... В первых числах июля 1941 г. на фронт против Красной Армии я отправил две боеспособные дивизии. Сам, как главнокомандующий, со своим штабом выехал в г. Хиров (Польша)... я вошел в подчинение немецкого командующего оккупационными войсками Львовского округа — генерала фон Рокка. Кроме того, все военные вопросы я согласовывал с представителем верховного немецкого командования при моем штабе — генералом Отто». «Словацкие дивизии были размещены следующим образом: первая — генерал Малар, в городе Дрогобыче; вторая — генерал Туранец, в районе г. Хиров. В это время, пока дивизии находились в тылу на охране коммуникаций, я отдал приказ обучать их и готовить к предстоящим боям». «В последних числах июля, — продолжал Чатлош, — согласно немецкому плану свои дивизии я перебросил: первую в район Стрий и Самбор, вторую — в Гродек. Я со своим штабом переехал в деревню Любень в 60 км от Львова. Вскоре я приказал из двух словацких дивизий сформировать одну, оснастить ее современным вооружением и техникой, которую, как наиболее подвижную, я отправил на фронт. Эта дивизия под командованием генерала Туранец была введена в бой против Красной Армии на Днепре, южнее Киева. После этого, 13 августа 1941 г. из деревни Любень я возвратился в Братиславу». Здесь, по словам Чатлоша, он «принялся за подготовку все новых и новых контингентов для отправки на фронт как пополнение. Кроме того, я организовал отправку продовольственного питания, амуниции и боеприпасов для словацких войск, находящихся на восточном фронте». На вопрос: возвращались ли с фронта солдаты и какой прием Вы им оказывали? Чатлош ответил: «Да, часть солдат старших возрастов вместо направлявшихся вновь обученных отзывались с Восточного фронта домой... Солдат, прибывавших в эшелонах, я приветствовал как главнокомандующий армией и министр обороны Словакии, выражал им благодарность за проявленную борьбу с большевиками, напутствовал их на труд во имя победы немецких и словацких войск». На вопрос: верил ли он в победу немецкого оружия, выступая идейно и с оружием в руках против Советской России, Чатлош сказал: «Да, я был глубоко убежден, что Германия победит Советскую Россию, и, со своей стороны, прилагал все усилия, чтобы словацкая армия на советском фронте проявила бы себя положительно в оценке немецкого командования. Мои личные предубеждения против большевиков жили во мне еще со времен революции, когда большевики выступили против старых порядков, против религии — с чем я никогда не мирился — поэтому и в эту войну я прекрасно понимал это и выступал против Советской России». Как видно из вышеизложенного, показания Чатлоша в

сентябре 1944 г. и в январе 1946 г. значительно отличаются друг от друга. Если в первом случае ощущается явное стремление обелить себя, то во втором — изобличить. Так где было больше правды? Возможно, она присутствовала в обоих случаях, но в разных пропорциях. Может быть, в начале 1946 г., когда шли процессы над военными преступниками и готовился процесс над Тисо, Чатлош понял, что избежать наказания не удастся, и счел за лучшее говорить так, как было на самом деле? А может, он под давлением следователя брал на себя лишнее, во всяком случае, что касается, например, его идейных убеждений и отношения к России? С другой стороны, Чатлош действительно мог быть идейным противником большевизма и верить в победу гитлеровских, а вместе с ними и словацких, войск над ним. Сейчас трудно, а может и невозможно, ответить на эти вопросы. Следует иметь в виду еще и то, что Чатлош в 30-е гг. работал в разведке и на дипломатическом поприще, так что умел скрывать свои истинные чувства и намерения. Воедино в нем, думается, сливались и патриот, радеющий за свой народ, свою родину, и политический актер, игравший на сцене маленького, созданного по воле Гитлера и целиком подчиненного ему Словацкого государства.

Примерно то же самое можно, видимо, сказать и о президенте Словакии Й. Тисо. Он, уже независимо от своего желания, вынужден был играть роль, отведенную ему в написанном Гитлером сценарии. Однако в одном Тисо был, несомненно, искренен, а именно в своем неприятии большевизма, его идеологии и практики. Участие словацкой армии в войне против СССР он обосновывал тем, что «опасность с Востока грозила не только нам, но всей европейской культуре, цивилизации, социальному благополучию и политической самостоятельности европейских народов... Мы ни за что не откажемся... от участия в борьбе против большевизма, которая является борьбой и за наше государство, за наш народ»⁶⁹. Учитывая традиционные для словацкого народа русо- и славянофильские настроения, официальная словацкая пропаганда с благословения своих немецких хозяев делала упор именно на антибольшевистских целях войны и необходимости защиты от него первого национального словацкого государства. В армейской газете «Словацкий солдат» появилась статья Тисо, в которой говорилось: «Солдаты, мы все гордимся вами... в первый раз за тысячелетие вы боретесь за ваше собственное имя, за словацкую нацию, за независимое государство. Вы заняли свое место на линии обороны против большевистской опасности. Вы обязались принять участие в славном германском фронте для того, чтобы предотвратить (защитить. — В.М.) от опасности большевистского ада ваш народ и Европу»⁷⁰. В одном из своих выступлений в августе

1941 г. Тисо утверждал: «Мы с Адольфом Гитлером останемся до самого конца»⁷¹. Что касается словацкого президента, то так оно и случилось: несмотря на осознание неизбежности краха гитлеровской Германии, он остался верен фюреру до последних дней.

Те же мотивы звучали и в приказе по армии от 24 июня 1941 г. Ф. Чатлоша. Словацкая армия под руководством победоносной германской армии, говорилось в приказе, «установила стальную завесу от смертельной опасности, которая угрожала Европе и ее цивилизации. Красный большевизм, поработивший весь русский народ, под прикрытием ложного равенства... хотел навязать Европе свои законы и подчинить ее насилию красных комиссаров-евреев. Адольф Гитлер, вождь великой германской империи, правильно расценил эту опасность и приказал своей армии ликвидировать ее в Европе, а несчастному русскому народу дать свободу», «здесь нет речи ни о борьбе против русского народа, ни против славянства... В этой борьбе, результат которой совершенно ясен, лучшее будущее в новой Европе найдет и русский народ»⁷². Однако вступление Словакии в войну против СССР даже в словацких верхах одобряли не все⁷³. Другое дело, что предпочитали высказываться на этот счет только в узком кругу близких и друзей. Открыто о поддержке СССР, выступая по лондонскому радио, заявили находившиеся в эмиграции некоторые словацкие политические деятели пробенешевского толка, в частности, генерал Р. Виест и Ю. Славик⁷⁴, а также словацкий коммунист В. Клементис, выступавший на радио под именем Петер Грон в качестве комментатора. В чехословацких воинских частях, сформированных на Западе, находилось немало словаков.

Вступление Словакии в войну, согласно сведениям НКВД СССР, повлекло за собой увеличение словацкого военного бюджета с 350 до 850 млн. крон⁷⁵. По данным российского исследователя М. Мельтюхова, Словакия выделила для ведения войны против Советского Союза 42 500 солдат и офицеров, т. е. почти столько же, сколько Венгрия (44 500), 2,5 дивизии, 246 артиллерийских и минометных стволов, т. е. больше, чем Венгрия (200), но меньше танков и самолетов: соответственно 35 и 160, 51 и 100⁷⁶. По другим данным, всего в боевых действиях против Красной Армии и партизан со словацкой стороны приняли участие две пехотные дивизии, три отдельных артиллерийских полка (гаубичный, противотанковый и зенитный), танковый батальон (30ЛТ-35), авиационный полк в составе 25 истребителей В-534, 16 истребителей Вf 109Е-3, 30 легких бомбардировщиков S-328⁷⁷. В своих показаниях в сентябре 1944 г. Ф. Чатлош утверждал, что в начале войны в стране было мобилизовано 80 тыс. человек, 50 тыс. из которых было отправлено на фронт.

В прежней, до 1989 г., историографии об участии словацкой армии на советско-германском фронте мало что было известно. Если и говорилось об этом, то только в плане нежелания ее солдат и офицеров сражаться против Красной Армии, об их русо- и славянофильских настроениях, связанном с этим дезертирстве и переходе на сторону советских войск. Несомненно, было и это, но было и другое, о чем предпочитали не говорить и что стало известно из архивных документов словацким историкам, пожелавшим разобраться в проблеме. В мае 2000 г. Военно-исторический институт Министерства обороны Словацкой Республики и Институт истории АН СР провели конференцию на тему «Словакия и Вторая мировая война»⁷⁸. На ее материалы и, прежде всего, доклад директора Военно-исторического института Й. Быстрицкого о словацких сухопутных войсках на советско-германском фронте намерен опираться автор при освещении этого вопроса. По мнению Й. Быстрицкого, комплексная оценка действий словацких войск на восточном фронте невозможна без рассмотрения «черных страниц» их пребывания «за границами Словацкой республики»⁷⁹.

Итак, словацкие войска использовались в разных формах на иностранных территориях вплоть до окончания войны в Европе. В ее ходе они совместно с немецкими войсками принимали участие в боях на фронте, обеспечивали безопасность коммуникаций и других важных в военном отношении объектов в тылу германской армии, проводили акции против партизан на оккупированной советской территории, строили оборонительные укрепления для отступавших частей вермахта. Однако одновременно шел, все более усиливаясь, процесс внутреннего разложения словацкой армии. К началу июля 1941 г. вместе с мобилизованными в ее ряды резервистами (56 858 человек) численность армии составляла 90 533 солдата и офицера, из которых 50 689 человек были направлены на советско-германский фронт. Перейдя 24 июня 1941 г. границу в районе Дуклинского перевала⁸⁰, передовые части словацкой армии уже 25 и 27 июня приняли участие в боях. 7 июля была сформирована так называемая «Быстрая бригада», которой командовал полковник Р. Пилфоусек. 27 июля в боях под Липовцем она понесла значительные потери и, по словам Чатлоша, уже «неспособна была к боевым действиям». Именно тогда на советскую сторону перешли 14 словацких военнослужащих⁸¹. Одновременно оказалось, что медлительные словацкие части, плохо оснащенные и организованные, не могут «держат шаг» с мобильными, нацеленными на блицкриг немецкими войсками. 25 июля по согласованию с немецким командованием Чатлош отдал приказ о реорганизации посланной на фронт словацкой военной группировки

с целью создания «Быстрой дивизии» (в действительности неполноценной моторизованной дивизии) для участия во фронтовых операциях и «Охранной дивизии» для выполнения задач на оккупированной гитлеровцами территории.

Новая организация словацких сухопутных частей на советско-германском фронте позволила вернуть в Словакию 35 623 человека их личного состава, то есть примерно 2/3 отправленных на фронт. Ранее этот факт в исторической литературе объяснялся исключительно ненадежностью словацкой армии, недоверием немецкого командования к словацким солдатам и офицерам, якобы не желавшим воевать против русских. А вот как объяснял это сам Чатлош в замечаниях на книгу о Словацком национальном восстании «Исторический перекресток»⁸², вышедшую в Чехословакии в 1964 году: «Причина была в ином, не в неблагонадежности... Немцы... требовали боевого эффекта от всех словаков на фронте! Я указал на две причины, которые не давали возможность выполнить немецкие требования: 1. Кроме «Быстрой бригады», словацкая армия не располагает [такими] мобильными средствами, чтобы успеть в ходе боевых действий за быстрым передвижением [германских частей], как это было в 1941 г. Поэтому она не может выдержать темпа и отстает. 2. Командный корпус в словацкой армии сформирован по необходимости на скорую руку, многие командиры... не имеют необходимой квалификации и опыта командования частями вне мирной обстановки и на фронте, и опасаются, смогут ли справиться во время боя и не станут ли причиной непомерных потерь человеческих жизней, за которые я несу ответственность. Немцы после надлежащего обдумывания и совещаний со словацким верховным командованием договорились с нами, что 50 689 бойцов, отправленных Тукой форсированно на фронт, мы сократим до такого числа, которому будет хватать моторизованных средств передвижения, а также командиров надлежащей квалификации. Вот аргументация общего сокращения словацкой армии в 1941 г.»⁸³. 20 августа 1941 г. по сути о том же говорилось и в органе Глинковской гвардии⁸⁴ газете «Гардиста», полагавшей, что словацкие войска недостаточно хорошо обучены для ведения современной войны, и поэтому их отозвали с фронта⁸⁵. А 31 августа 1941 г. в том же издании Чатлош писал: «Сегодняшняя война с Советским Союзом для словацких вооруженных сил уже политически ясна и недвусмысленно обоснована»⁸⁶.

Похоже, что Чатлош был прав, говоря о главных причинах реорганизации словацкой армии и возвращении большей части ее личного состава на родину. А мифологема о разложении словацкой армии, возникшая еще во время войны благодаря усилиям пропаганды ком-

мунистов и союзников по антигитлеровской коалиции, впоследствии, уже в период социалистической Чехословакии, была поддержана и развита историками. 23 августа 1941 г. в радиопередаче из Лондона, сообщавшей о том, что «на основе соглашения с германским военным командованием словацкое правительство отозвало свои войска, сражавшиеся с конца июня на восточном фронте», одновременно голословно утверждалось, что действительной причиной отзыва является массовое дезертирство из словацкой армии. Никаких доказательств и фактов при этом не приводилось⁸⁷. Выступая в Государственном совете 30 сентября 1942 г., Чатлош хотя и допускал, что случаи перехода словацких солдат на советскую сторону могли иметь место, но считал их единичными и расценивал как вымысел вражеской пропаганды⁸⁸. Вместе с тем, Коммунистическая партия Словакии (КПС), обращаясь к солдатам летом 1941 г. (листочка 10 июля), призывала их не воевать против Советского Союза, бороться на фронте «за освобождение нашего народа» плечом к плечу «со своими братьями в Красной Армии» против действительных врагов, немцев и «продажных изменников»⁸⁹. Орган КПС газета «Глас люду» в воззвании «Плечом к плечу с СССР за свободу словацкого народа» утверждала, что «солдаты и наш народ» «откажутся от преступной войны против братских советских народов, против родины социализма, единственной гарантии нашего окончательного освобождения. Словаки и словацкие солдаты протянут руку другу человечества, прочно и нерушимо сомкнутся в едином строю против капиталистической анархии, выйдут навстречу освободительной Красной Армии, встанут плечом к плечу с ней в борьбе против угнетателей за новую, счастливую жизнь»⁹⁰. В августе 1941 г. в различных районах Словакии было распространено обращение КПС к словацкому народу с призывом отказаться от войны против Советского Союза: «Ни одного словака на фронт против своих братьев! Словаки, ваша святая обязанность — там, на фронте, повернуть оружие против клики фашистских властителей, против безумного разбойника Гитлера и преданных ему псов»⁹¹. В обращении КПС (август 1941 г.) говорилось: «Героическое сопротивление словацких солдат — это проявление ответственности словацкого народа перед историей. Это делает понятным и то, почему словацких солдат вынуждены отправлять домой»⁹². Опираясь на эти материалы, историки ЧСР (ЧССР) вкупе с советскими (российскими) историками делали категорический вывод о том, что призывы коммунистов возымели действие и словацкие солдаты отказывались воевать. Но в реальности все оказалось значительно сложнее.

Война против СССР была действительно непопулярна в Словакии. К осени 1941 г. в стране появились признаки усиления вну-

триполитической напряженности. Словацкие солдаты были предупреждены о введении за дезертирство смертной казни. Выходивший в Иерусалиме «Чехословацкий информационный бюллетень» (№ 4) в ноябре 1941 г. опубликовал сообщение о том, что словацкие части, отозванные с советско-германского фронта, интернированы по приказу германских военных властей. Как только эти части пересекли границу Словакии, они были разделены на мелкие соединения и размещены в лагерях. Солдатам и офицерам не разрешалось вступать в контакт с семьями⁹³. Возможно, так и было на самом деле, поскольку власти опасались перенесения «большевистской заразы» на словацкую почву и стремились предотвратить ее. Но, по словам Чатлоша, несмотря на угрозы и предупреждения, ни один словацкий солдат во время войны казнен не был. Ни в известных автору архивных документах, ни в литературе нет сведений о размерах дезертирства из словацкой армии в начальный период войны, если таковое действительно имело место. Скорее всего, становились известными некоторые такие случаи, что из политических соображений и возводилось пропагандой в разряд массовых. Как стало известно теперь, с начала войны против СССР и до марта 1942 г. словацкая армия понесла следующие потери: погибших и умерших — 271 человек, без вести пропавших (скорее всего, дезертиров, военнопленных) — 51 (! — *В.М.*), раненых — 616, пострадавших в результате несчастных случаев — 290, заболевших (возможно, среди них были и симулянты, т. е. фактические дезертиры. — *В.М.*) — 940⁹⁴. К середине декабря 1941 г. численность словацкой действующей армии составляла 15 тыс., колеблясь в отдельные осенние месяцы от 12 до 18 тыс. человек⁹⁵. Словацкая «Быстрая дивизия» под командованием А. Малара после сформирования продвинулась в район к югу от Киева. Был учрежден почетный знак дивизии «За службу на Восточном фронте». Приданные ей словацкие авиачасти принимали участие в штурме Киева. Они совершали удары по наземным целям, переправам, пехоте, авто- и танковым колоннам Красной Армии, выполняли разведывательные задания⁹⁶. Затем дивизия была переведена в резерв немецкой группы армий «Юг», вела наступление и бои в направлении Кремчуг, Ростов-на-Дону, Запорожье. В ноябре немецкое командование отдало ей приказ об обороне побережья Азовского моря, где она до июля 1942 г. занимала полосу от г. Мариуполь до устья реки Миус. Затем до января 1943 г. дивизия под командованием Й. Туранца проделала путь от Ростова-на-Дону до г. Кропоткин у Горячего ключа на Кавказе⁹⁷. Зимой 1943 г. дивизия прикрывала отход основных немецко-румынских сил, понеся при этом значительные потери. Около станицы Саратовской ее части попали в окруже-

ние и сумели вырваться, бросив все тяжелое вооружение и технику. Остатки дивизии были эвакуированы по воздуху в Крым, где словаки, по некоторым данным, прикрывали береговую линию Сиваша, а некоторые части оказались под Мелитополем⁹⁸.

Словацкая «Охранная дивизия» под командованием полковника А. Малара в середине августа 1941 г. переместилась в северо-западную Украину (сначала в районы Североконстантинов — Шепетовка, затем Фастов — Житомир — Овруч), где официально занималась охраной железнодорожных путей, шоссежных дорог и важных в военном отношении объектов, участвовала в ликвидации очагов сопротивления окруженных советских войск. В прошлой литературе если о ней и говорилось, то только в связи с переходом служивших в ней солдат и офицеров на сторону советских партизан. Но, как стало известно, дивизия участвовала и в карательных акциях против них и помогавшего партизанам мирного населения. Предтечей таких акций, как пишет Й. Быстрицкий, явился приказ командира тогда еще «Быстрой бригады» Р. Пилфоусека от 17 июля 1941 г., в котором говорилось: «... немедленно после вхождения в жилое помещение прежде всего выяснить, не находятся ли там бывшие функционеры коммунистической партии, и арестовать их. Потом призвать проживающих там сдать имеющееся у них оружие и провести не только у них, но и во всем населенном пункте тщательные обыски. Те гражданские лица, у которых после этого будет найдено какое-либо оружие, следует рассматривать как партизан и преступников и в соответствии с этим действовать. В случае, если бы гражданское население стреляло в наши части, следует дом, из которого стреляли, окружить и поджечь. Каждого, кто попытался бы выбежать из горящего дома, надо застрелить. В случае, если в отношении наших солдат ночью будет совершено какое-либо насилие, следует злоумышленника застрелить. Если же его невозможно будет найти, то я приказываю за каждого нашего солдата расстрелять либо 10 бывших коммунистических функционеров, либо евреев...»⁹⁹. Однако во время командования Пилфоусеком «Быстрой бригадой», которая находилась на передней линии фронта, до реализации этого приказа дело не дошло.

Действия, соответствовавшие духу приказа, впервые были совершены в марте 1942 г. во время участия подразделений 102 пехотного полка «Охранной дивизии» в акциях против партизан. Один из участников этих акций докладывал командиру дивизии: «... из многих населенных пунктов ко мне приходили жалобы, что зимой и весной много людей было застрелено словацкими частями и что эти люди были невиновны... я должен заявить, что во всех деревнях население относилось к нам сдержанно, боязливо, но весьма гостепри-

имно. А когда у него спрашивали, почему они так боятся, отвечали, что *мы чехословаков очень боимся, потому что они сразу же стреляют, жгут деревни* (выделено в документе. — В.М.)»¹⁰⁰. 2 августа 1942 г. была учинена расправа над населением деревни Малодуша, последовавшая за нападением партизан на словацкую автоколонну и гибелью 8 словацких солдат. Все население было согнано на площадь перед зданием местной милиции и окружено солдатами. Деревню подожгли. Примерно 15 человек, подозреваемых в связях с партизанами, в том числе и малолетних детей, отвели в ближайший дом и расстреляли, а дом затем сожгли. На следующий день совместно с немецкими частями была проведена «зачистка» окрестностей, результатом которой стало уничтожение оставленных партизанами лагерей и сожжение нескольких деревень. При содействии входившей в состав «Охранной дивизии» словацкой авиации была сожжена не одна деревня. Их список включал много названий, в том числе Скородное, Оголичи, Биегунки, Торин, Стодоличи, Ремесы, Глиняные, Теплин, Гудница, Тарасово, Круглое, Гатное, Борки¹⁰¹ и т. д.

Отдельные лица, подозреваемые в связях с партизанами и в шпионаже, иногда расстреливались на месте без суда и следствия, как и военнопленные, в том числе и в «Быстрой дивизии». 23 августа 1942 г. ее командир издал приказ, в котором говорилось: «1) С сегодняшнего дня каждого партизана, который будет захвачен с оружием в руках или со спрятанным оружием, следует расстреливать на месте без допроса. 2) Для устрашения следует повесить нескольких расстрелянных партизан на многолюдном месте у дороги с надписью „партизан“. 3) Каждая часть, которая размещена в определенном населенном пункте, немедленно после прихода туда должна взять не менее 5 наиболее известных жителей в качестве заложников. После этого надо объявить по всей деревне, что, если в ней или в ее окрестностях партизаны нападут на какого-нибудь военнослужащего словацкой армии, заложники будут немилосердно казнены. В этих целях каждая часть уже заранее должна создать группу для свершения казни (примерно 1+10), которую следует вооружить русским оружием и боеприпасами...». Первая казнь партизана в районе расположения «Быстрой дивизии» была совершена 28 августа 1942 г. в деревне Абхазская. Еще пять партизан казнили на следующий день и т. д.¹⁰²

Словацкая армия мало чем отличалась от оккупационной немецкой, приказам которой она подчинялась, и в вопросе о военнопленных. В соответствии с распоряжением Чатлоша каждый словацкий солдат, пленивший красноармейца, мог просить о предоставлении его семье определенного числа военнопленных в качестве рабочей силы. В Словакии для их содержания было создано два лагеря, однако, со-

гласно имеющейся на сегодняшний день информации, они туда не доставлялись, поэтому и распоряжение Чатлоша на практике не выполнялось. Известны случаи расстрела советских военнопленных на месте. В первые два месяца войны в плен к словакам попало около 400 советских военнослужащих, которые сначала сосредоточивались в сборном пункте в Хирове, а затем переправлялись в немецкие концентрационные лагеря. Несомненно, считает чешский историк О. Пейс, тем самым «словацкая армия оказалась в положении помощника немецкой оккупационной политики». Словацкие власти сняли с себя ответственность за судьбу советских военнопленных. На территории Словакии они не хотели их содержать, поскольку не видели выгоды в этом, а кроме того опасались их возможных контактов со словацким населением, реакцию которого невозможно было предвидеть¹⁰³.

О боевых действиях входивших в состав словацкой армии танковых и авиационных частей известно пока немного. Есть сведения о том, что иногда боевые машины намеренно повреждались словаками и отправлялись в тыл для ремонта, но одновременно говорилось и писалось о «героических подвигах» словацких танкистов и летчиков на советско-германском фронте. Например, звено истребителей под номером 13, участвовавшее в боях на южном фронте, получив немецкие самолеты марки «Мессершмитт», повысило результативность своей боевой деятельности настолько, что в марте 1943 г. заслужило похвалу имперского маршала авиации Г. Геринга, в телеграмме которого на имя командира звена О. Дюмбала говорилось: «Я получил сообщение, что находящееся под Вашим командованием звено истребителей в короткое время одержало 50 воздушных побед в совместных боях против большевистских неприятелей. Этот достойный гордости успех выдающихся словацких летчиков-истребителей, которые особенно проявили себя во время жестоких зимних боев на юге восточного фронта, наполняет меня чувством радостного удовлетворения. Вам и всему экипажу Вашего звена я передаю свою благодарность и личную признательность с пожеланием дальнейшего воинского успеха»¹⁰⁴. Таковы документы.

Тот факт, что союзники по антигитлеровской коалиции, в том числе и Советский Союз, из политических соображений, признав чехословацкое эмигрантское правительство и континуитет ЧСР, как бы «закрывали глаза» на существование Словацкого государства и его участие в войне на стороне гитлеровской Германии, не может в действительности опровергнуть историческую реальность. Словакия с ее мизерной по сравнению с массой немецких войск армией тем не менее внесла свою лепту в победы вермахта на советско-германском фронте и содействовала осуществлению оккупационной политики

третьего рейха на захваченных им советских территориях. Такова замалчиваемая до последнего времени правда истории, и отрицать ее бессмысленно. Нельзя отрицать и факты перехода словацких военнослужащих на сторону Красной Армии, участвовавшие, вероятно, по мере того, как становилось все более ясно, что Германия потерпит поражение в войне. Большая часть приведенных выше материалов выявлена словацкими военными историками в словацких архивах. Но, скорее всего, такие материалы имеются и в российских военных архивах. Просто эта тема до сего времени не привлекала внимания отечественных исследователей, поскольку вопрос казался, в том числе и автору, ясным и не подлежащим пересмотру.

¹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 1. Март 1939 г. — декабрь 1943 г. М., 1981. С. 105 (далее: ДМИСЧО 4–1.); *Dokumenty z historie československé politiky 1939–1943. Díl 1.* Praha, 1965. S. 232 (далее: ДНČР, 1).

² Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 017а. Оп. 1. П. 2. Д. 8. Л. 155–156 (далее: АВП РФ).

³ Микоян А.И. Так было. Мемуары. М., 1999. С. 338.

⁴ См. подробнее: Дневники Йозефа Геббельса // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 198–220; <http://liewar.ru/tragediya-22-iyunya/nachalo-voynyi-vzhlyad-so-storoniy-protivnika-2.html>; <http://hronograf.narod.ru/04/omut.htm>

⁵ См.: Выступление У. Черчилля по радио 22 июня 1941 г. (извлечение) // Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2001. С. 343–345.

⁶ АВП РФ. Ф. 017а. Оп. 1. П. 2. Д. 8. Л. 163.

⁷ ДНČР, 1. S. 234–236; *Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1 (březen 1939–červen 1943).* Praha, 1998. S. 192–195 (далее: ČSVDJ, 1).

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 74. Д. 547. Л. 5–10 (далее: РГАСПИ). Этот документ поступил на имя Генерального секретаря ИККИ Г. Димитрова из разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии 25 сентября 1941 г.

⁹ См. Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Книга 1. 1939–1941 гг. М., 2007. С. 262–291.

¹⁰ Benčík A., Richter K. *Vražda jménem republiky. Tragický osud generála Heliodora Píky.* Praha, 2006. S. 155.

¹¹ ČSVDJ, 1 S. 196–198.

¹² Ibid. S. 198 (примечание 1 к док. № 85).

13 Ibid. S. 198–199.

14 Benčík A., Richter K. Vražda jménem republiky. S. 159.

15 Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. М., 1973. С. 198.

16 ДМИСЧО 4–1. С. 117.

17 Там же. С. 119–120.

18 Там же. С. 124.

19 Там же. С. 129.

20 Там же. С. 124.

21 ČSVDJ, I. S. 212–213.

22 ДМИСЧО 4–1. С. 150. Обращение подписали М.А. Шолохов, И.Г. Эренбург, В.П. Катаев, А.Е. Корнейчук, А.А. Фадеев, Л.М. Леонов, В.В. Иванов, Л.Н. Сейфуллина, Я. Купала, К.А. Федин, Н.Н. Асеев, В.И. Немирович-Данченко, В.И. Качалов, О.Л. Книппер-Чехова, И.М. Москвин, А.Я. Таиров, А.В. Александров, Д.Д. Шостакович, С.С. Прокофьев, Ю.А. Шапорин, С.М. Эйзенштейн, В.И. Пудовкин, А.Н. Довженко (Там же. С. 151).

23 Готвальд К. Борьба чешского народа против гитлеровского рабства // Коммунистический Интернационал. 1941. № 6–7. С. 48–52; Неудлы З. Немецкий фашизм — заклятый враг славян // Коммунистический Интернационал. 1941. № 8. С. 21–27; Копецкий В. Новый этап антигитлеровской борьбы народов Чехословакии // Коммунистический Интернационал. 1941. № 8. С. 37–42; Готвальд К. Что такое нацистский «новый порядок» в Европе // Коммунистический Интернационал. 1941. № 9. С. 12–16.

24 Gottwald K. Deset let. Praha, 1949. S. 31.

25 Судьба Гелиодора Пики, разведчика и дипломата, была трагической. На протяжении всей войны он возглавлял чехословацкую военную миссию в СССР и в конце 1943 г. получил чин бригадного генерала (генерал-майора). По окончании войны Пика стал заместителем начальника Генерального штаба чехословацкой армии. После февральских событий 1948 г. его уволили из армии и в мае того же года арестовали. На состоявшемся вскоре закрытом судебном процессе Пике было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности и шпионаже в пользу Запада. В конце января 1949 г. стало известно, что «бывший генерал приговорен к смерти». Президент ЧСР К. Готвальд с одобрения ЦК КПЧ отверг просьбу Пики о помиловании. 21 июня 1949 г., т. е. спустя всего 8 лет после того, как Пика начал активную деятельность по восстановлению чехословацко-советского военно-политического сотрудничества, он был казнен. Чешский историк К. Каплан полагает, что в его смерти были заинтересованы не только чехословацкие коммунистические власти, но и определенные круги советских разведслужб (см.: Kaplan K. Nekrvavá revoluce. Praha, 1993. S. 263–265). В декабре 1968 г. Пику реабилитировали. В июле 1989 г. на родине генерала, в местечке Штитина, была открыта мемориальная доска с его барельефом.

В июне 1993 г. в Пльзени-Слованах на площади Генерала Пики воздвигнут ему памятник.

26 Beneš E. *Šest let exilu a druhé světové války. Řeči, projevy, a dokumenty z r. 1938–1945*. Praha, 1946. S. 459–460. Бенеш, недовольный пассажем о судетских немцах, 23 июля возвратил ноту Идену. Форин Офис подготовил новый документ, который был передан Бенешу 30 июля (DHČP, 1. S. 254–255).

27 E. Beneš: *vzkazy do vlasti. Směrnice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války* (ed. Jiří Šolc). Praha, 1996. S.115.

28 Государственный архив российской Федерации. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 559. Л. 94 (далее: ГАРФ).

29 АВП РФ. Ф.0138. Оп. 22. П.130а. Д. 1. Л. 49.

30 Beneš E. *Šest let exilu a druhé světové války*. S. 463–464.

31 АВП РФ. Ф.0138. Оп. 22. П.130а. Д. 1. Л. 72.

32 E. Beneš: *vzkazy do vlasti*. S. 113.

33 Fierlinger Z. *Ve službách ČSR. Díl II. Paměti z druhého zahraničního odboje*. Praha, 1948. S. 19–20.

34 АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 31. Д. 53. Л. 10–11.

35 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 21. П. 34. Д. 2. Л. 1–2.

36 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 25. Д. 347. Л. 1–3.

37 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 21. П. 34. Д. 2. Л. 3–4.

38 ČSVDJ, 1. S. 218–219.

39 АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 31. Д. 53. Л. 12–15.

40 ДМИСЧО 4–1. С. 155.

41 В своих мемуарах после войны Фирлингер, вспоминая о встрече с Вышинским, утверждал, что не упоминал имени Бенеша, когда говорил о возможности «некоего более тесного» межгосударственного союза с СССР, употребив неопределенное выражение «многие у нас склонны» к такому союзу: «Я не хотел прямо сослаться на авторитет президента, поскольку у меня сложилось впечатление, что с его стороны это было сказано совершенно без всякого значения и в порыве воодушевления, и что я не имею права упоминать об этом в разговоре с другими» (Fierlinger Z. *Ve službách ČSR. Díl II*. S. 23). Запись в дневнике А.Я. Вышинского о приеме Фирлингера 21 августа свидетельствует, что тот все же сослался на Бенеша.

42 АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 31. Д. 53. Л. 15–21.

43 С 22 июля 1941 г. из Москвы, а затем из Уфы на Чешские земли и Словакию вещала радиостанция «За национальное освобождение», а с ноября — еще и «За словацкую свободу».

44 АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 31. Д. 53. Л. 23–26.

45 Там же. Л. 30 (Вольный перевод с английского письма Бенеша Литвинову)

46 ČSVDJ, 1. S. 230–233.

47 Ibid. S. 233–235.

⁴⁸ Ibid. S. 254–255.

⁴⁹ 14 августа 1941 г. президентом США Ф. Рузвельтом и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем была подписана так называемая Атлантическая хартия — декларация о целях войны против фашистской Германии и ее союзников, о послевоенном устройстве мира. В первых двух статьях Хартии, в частности, фиксировался отказ от территориальных приобретений и изменений, произведенных без согласия «со свободно выраженным желанием заинтересованных народов». Статья третья декларировала право всех народов самим избирать форму правления. Англия и США заявляли о своем стремлении к «восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем» (См.: Иллюстрированная энциклопедия. Великая Отечественная война 1941–1945. М., 2005. С. 40–41). Кроме правительства СССР к декларации присоединились правительства Польши, Чехословакии, Югославии, Норвегии, Голландии, Люксембурга, Бельгии, Греции и представители Свободной Франции. Несмотря на подписание Хартии, ее пункты толковались по-разному даже США и Великобританией. Об осторожном отношении к этому документу свидетельствовала и запись беседы Бенеша с Майским 28 августа 1941 г. (ČSVDJ, I. S. 235).

⁵⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. I. М., 1946. С. 164.

⁵¹ СССР и германский вопрос. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. I. СССР и германский вопрос 22 июня 1941 г. — 8 мая 1941 г. М., 1996. С. 121.

⁵² Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl II. S. 30–31.

⁵³ 3–4 декабря 1941 г. Сикорский вел переговоры в Москве со Сталиным, в результате которых была подписана Декларация правительства СССР и правительства Польской республики о дружбе и взаимопомощи. Бенеш по этому поводу прислал поздравительную телеграмму советскому правительству (АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 31. Д. 53. Л. 80).

⁵⁴ Там же. Л. 77–78.

⁵⁵ Beneš E. Šest let exilu a druhé světové války. S. 296.

⁵⁶ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии 1941–1945. М., 2004. С. 22–23.

⁵⁷ См. подробнее: Там же. С. 31–95.

⁵⁸ Там же. С. 38–39.

⁵⁹ Там же. С. 50.

⁶⁰ Там же. С. 92.

⁶¹ Beneš E. Šest let exilu a druhé světové války. S. 471, 473.

⁶² Во время Первой мировой войны Чатлош находился в России в качестве военнопленного, а затем чехословацкого legionера.

⁶³ Центральный Архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Уголовное дело по обвинению б. главнокомандующего

словацкой армии Чатлош Фердинанда. Арх. № Н-18761. Кол. томов 3. Т. 1. Собственноручные показания бывшего военного министра Словакии и главнокомандующего словацкой армии генерала Чатлош Фердинанда Михайловича 26 сентября 1944 г. Л. 8 (далее: ЦАФСБ РФ)

64 ЦАФСБ РФ. Уголовное дело Ф. Чатлоша. Л. 9–10.

65 См.: Марьина В.В. Советские дипломаты и словацкие политические деятели, 1939–1941 годы // Новая и новейшая история. 2008. № 1. С. 62.

66 Протокол допроса, построенный в форме вопрос — ответ, написан от руки чернилами и каждый лист подписан: Фердинанд М. Чатлош.

67 Речь шла о территориях, отошедших к Венгрии на основании решения так называемого Венского арбитража Германии и Италии 2 ноября 1938 г.

68 Венгрия объявила войну СССР 27 июня 1941 г.

69 Pokus o politický a osobný profil Jozefa Tisu. Bratislava, 1992. S. 233.

70 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 22. П. 130а. Д. 1. Л. 83.

71 АВП РФ. Ф. 1386. Оп. 21. П. 34. Д. 6. Л. 11.

72 Цит. по: ЦАФСБ РФ. Уголовное дело Ф. Чатлоша. Л. 66–68. См. также: Čierna-Lantayová D. Pohľady na Východ (Postoje k Rusku a slovenskej politike 1934–1944). Bratislava, 2002. S. 186.

73 Интересно отметить, что среди словацких министров, устранения которых из правительства якобы требовал Берлин после посещения Словакии в конце августа 1941 г. Геббельсом и министром внутренних дел Германии Фриком, значился и Чатлош (Правда. 23.09.1941 г. Заметка «Напряженное положение в Словакии»)

74 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 22. П. 35. Д. 5. Л. 56.

75 Там же. Д. 7. Л. 4.

76 Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М., 2000 (http://publicist.n1.by/conspects/conspect_meltuho_v_1.html)

77 <http://reibert.info/forum/showthread.php?t=4675>

78 Slovensko a druhá svetová vojna. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie v Bratislave 29.31. mája 2000. Bratislava, 2000.

79 Ibid. S. 213.

80 По стечению обстоятельств именно через Дуклинский перевал в сентябре-октябре 1944 г. части Красной Армии пробивались в Словакию на помощь Словацкому национальному восстанию.

81 ČSVDJ, 1. S. 200 (примечание 2 к документу 101).

82 Dějinná křížovatka. Slovenské národní povstání, předpoklady a výsledky. Praha, 1964. S. 90.

83 Цит. по: Štefanský V. Generál Ferdinand Čatloš (Biografický náčrt). Bratislava, 1998. S. 44.

84 Глинковская гвардия — вооруженные формирования правящей в Словакии Глинковской словацкой народной партии (ГСНП).

- 85 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 22. П. 35. Д. 7. Л. 6.
- 86 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 21. П. 34. Д. 6. Л. 7.
- 87 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 22. П. 130а. Д. 1. Л. 51.
- 88 Slovensko a druhá svetová vojna. S. 222.
- 89 Slovenský národný archív (SNA). F. AÚML. ÚV KSS. a.j. 100.
- 90 ДМИСЧО 4–1. С. 138.
- 91 Там же. С. 159.
- 92 Там же. С. 162.
- 93 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 22. П. 35. Д. 5. Л. 55.
- 94 Štefanský V. Generál Ferdinand Čatloš. S. 45.
- 95 Slovensko a druhá svetová vojna. S. 193–194.
- 96 Котлобовский Александр. ВВС Словакии на Восточном фронте в 1941 г. (<http://www.airwar.ru/history/av2ww/axis/slovak41/slovak41.html>)
- 97 Štefanský V. Generál Ferdinand Čatloš. S. 44–45.
- 98 www.comrades.h1.ru/html/slovak_army.html
- 99 Slovensko a druhá svetová vojna. S. 210.
- 100 Ibid. S. 210–211.
- 101 Автор не ручается за точность наименования населенных пунктов, поскольку названия даются в обратном переводе со словацкого языка на русский.
- 102 Slovensko a druhá svetová vojna. S. 211–213.
- 103 Ibid. S. 243–244.
- 104 Ibid. S. 271–272.

Глава 2

Чехословацкие воинские формирования в Советском Союзе

Мысль о создании чехословацкой воинской части на территории СССР зародилась еще до нападения гитлеровской Германии на него¹, но тогда, естественно, не могла быть реализована. Г. Пика, как говорилось в главе 1, поднял этот вопрос уже в своем первом письме советскому правительству 24 июня 1941 г., а также во время встречи с Л.П. Берией 29 июня, реакция которого была положительной. Советско-чехословацкое соглашение от 18 июля 1941 г. свидетельствовало о договоренности сторон относительно образования на территории СССР «чехословацких воинских частей под командованием, назначаемым чехословацким правительством по согласованию с советским правительством», но в оперативном отношении подчиненных Верховному командованию СССР².

Советско-чехословацкое военное соглашение и начало его реализации

Бенеш был весьма заинтересован в быстрейшем возникновении на территории Советского Союза вооруженных чехословацких формирований, поскольку это содействовало укреплению международно-политического положения чехословацкого эмигрантского правительства и статусу пока еще виртуальной ЧСР как страны-союзницы в войне против гитлеровской Германии. Трудность крылась в отсутствии достаточного количества людей для комплектования даже такой одной воинской единицы. Бенеш спешил реализовать достигнутые договоренности. И уже на следующий день после подписания соглашения, 19 июля, на имя Пики в Москву ушла телеграмма за подписью президента и министра национальной обороны С. Ингра, в которой излагались принципы переговоров с советским правительством относительно создания воинских частей. Подчеркивалось, что они являются «составной частью единой самостоятельной чехословацкой армии за границей», имеющей собственное командование, знамена, знаки различия, должности, юрисдикцию, но что касается организации, снаряжения и вооружения, обучения и тактики, приспособленной к существующим в советской армии условиям. Связь командования частей с правительством и президентом должна была

осуществляться через подчиненную министерству национальной обороны военную миссию в СССР, т. е. через Пика. Особо определялись взаимоотношения между чехословацким полпредством в Москве и военной миссией. Первое в сотрудничестве с шефом миссии должно было вести переговоры с советскими властями лишь по принципиальным военно-политическим вопросам, не вступая в чисто военные дела. (Вскоре споры, относящиеся к сфере компетенции, осложнили отношения между Пикой и Фирлингером). Предусматривалось нахождение при чехословацкой части советской военной миссии как совещательного органа, помогающего при организации части и обучении ее личного состава, а также осуществляющего связь с советским командованием. Расходы по созданию, вооружению и материальному обеспечению военного формирования должно было нести советское правительство в счет кредита, предоставленного чехословацкому правительству на эти цели. Что касается источников набора и пополнения личного состава части, то предполагались следующие: чехословаки, живущие в СССР, эвакуированные волынские чехи, военнопленные «словацкого и подкарпатурсинского происхождения», прибывшие в СССР добровольцы «чехословацкого происхождения». Говорилось о недопущении создания самостоятельных словацких, немецких и прочих военных образований. В связи с недостатком офицерских кадров для чехословацкой части в СССР предлагалось обсудить с советскими властями возможность их переправки из Англии и с Ближнего Востока, где находились сформированные на Западе чехословацкие воинские части³.

29 июля Пика направил письмо в НКГБ СССР⁴, в котором говорилось о необходимости достижения конкретных договоренностей, касающихся реализации советско-чехословацкого соглашения⁵. 30 июля Пика сообщил Бенешу и Ингру о новой встрече с Берией, во время которой тот «от имени советского правительства» снова подтвердил, что СССР не намерен вмешиваться во внутренние дела ЧСР, но предполагает, что «наша политика будет дружественной по отношению к советской России». Говорилось о готовящемся распоряжении относительно «концентрации чехословацких граждан, находящихся в СССР», их наборе в военную часть и организации центра обучения. «Чехословаков очень мало, — писал Пика, — их число выясняется» и предполагал, что это станет известно не ранее чем через месяц⁶. Однако, тут он ошибался: дело затянулось на несколько месяцев, что объяснялось разными причинами, в том числе сложной ситуацией на советско-германском фронте и необходимостью первоочередного решения связанных с этим задач, разностью во взглядах на то, каким образом находившиеся в СССР чехословацкие граждане могут быть

полезны в войне с гитлеровской Германией, невозможностью быстро выяснить их местонахождение и сосредоточить в одном месте для формирования воинской части, возникшим между переговорщиками непониманием из-за разности воспитания, психологии, менталитета, неповоротливостью советской бюрократической машины в случаях отсутствия указания сверху и т. д.

3 августа полковник Пика был официально назначен главой чехословацкой военной миссии в СССР, а затем, правда не сразу, получил статус военного атташе⁷, заместителями которого стали подполковник Л. Свобода и полковник Ф. Стой. 10 августа Пика направил Бенешу обширный отчет об условиях деятельности миссии в СССР, начиная со времени его приезда сюда в апреле 1941 г. Следует отметить, что при характеристике позиций советских властей и военных лиц Пика практически не делал различия между периодом до и после 22 июня, то ли не замечая этого различия, то ли не улавливая его. Поэтому данные им в этой части некоторые оценки представляются весьма субъективными, чересчур обобщенными и не всегда соответствующими действительности, хотя конкретные наблюдения, отражающие советские реалии той поры, во многом верны.

Говоря о трудностях переговоров, Пика подчеркивал часто возникавшее непонимание из-за разности взглядов на те или иные вопросы. Например, писал он, Берия «с трудом понимает, почему я не могу найти несколько отважных людей, способных пожертвовать жизнью ради выполнения какого-либо задания, он не хочет понимать, что наша организация запрещает напрасные жертвы и акции, которые не могут принести пользы ни народу дома, ни достижению оперативных целей союзников». И тут Пика был, конечно, прав, поскольку расхождение во взглядах на возможные, часто неоправданные человеческие жертвы оказывалось нередко кардинальным. И Бенеш, и Пика в этом плане являлись типичными выразителями представлений западных политиков и военных: побеждать, максимально сберегая человеческие жизни, что, несомненно, правильно, но зачастую невыполнимо во время войны.

Не всегда была понятна для советских чиновников практическая польза военного советско-чехословацкого сотрудничества в столь сложной для СССР военно-политической обстановке, поскольку Пика, зная на этот счет позицию Бенеша и опасаясь напрасных жертв и возможных репрессий, отказывался посылать «своих» людей в оккупированную страну для организации там саботажа и диверсий. В конце концов, он должен был уступить и согласился на отправку в Чехию специально подготовленной группы, но лишь с разведывательными целями. Однако усилия оказались напрасными: члены

нескольких десантов либо погибли, либо были схвачены немцами. После того как Ингр выразил неудовольствие действиями Пики, тот ответил, что трудно делать вид, будто не знаешь возражений Дяди⁸, сводящихся к тому, что Советы теряют миллионы солдат и огромные территории во имя конечной победы. Пика не считал нужным проявлять особенную поспешность и в вопросе практической организации военной части в СССР, объясняя это, с одной стороны, «существующими здесь малыми возможностями» для создания целой дивизии и авиационной части, с другой, «необходимостью выиграть время и сберечь наших людей для акций дома». «Мы не можем допустить, чтобы наша часть была уничтожена где-нибудь в глубине России, поскольку она будет находиться в подчинении верховного командования Красной Армии и может быть использована таким образом, что в единственной встрече [с противником] будет принесена в жертву. Мы должны сохранять ее без потерь как можно дольше», — писал Пика в указанном сообщении от 10 августа. «Вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам, — делал он вывод, — нам всегда удавалось хорошо отстаивать нашу точку зрения и получать все, что мы требовали, несмотря на то, что решение некоторых вопросов затягивалось из-за серьезной военной обстановки»⁹.

Приехавший в Москву Фирлингер также сразу подключился к решению вопроса о создании в СССР чехословацкой воинской части. Об этом он говорил и во время своей первой встречи с В.М. Молотовым 15 августа 1941 г. На вопрос наркома: собирается ли Чехословакия формировать воинскую часть? он осторожно ответил, что «этот вопрос изучается», что следует выяснить, какое количество чехословацких граждан имеется в СССР, что «может быть, будут сформированы батальона два, которые будут иметь символическое значение»¹⁰. О том же шла речь и во время беседы Фирлингера с А.Я. Вышинским 21 августа 1941 г. Здесь посланник говорил уже только о батальоне, так как «чехословацких граждан в СССР мало». Одновременно он просил предоставить ему списки интернированных граждан «протектората» и Словакии или же разрешить послать «в соответствующие местности представителя Миссии» для выяснения этого вопроса. Вышинский обещал содействие со стороны НКВД «в установлении местонахождения чехословацких граждан». Фирлингер выразил надежду на получение советских кредитов на формирование части, и зам. наркома заявил, что это «можно будет отразить в военном соглашении, которое должно быть составлено наподобие советско-польского военного соглашения»¹¹. В заключение посланник поднял вопрос о том, что «в Тегеране в представительстве фирмы Шкода работает 300 чехословацких техников, спе-

циалистов по автоматическому вооружению (винтовки, пулеметы и т. д.)» и что их «целесообразно было бы использовать на работе в Советском Союзе». Вышинский ответил, что это «предложение заслуживает внимания»¹².

Опираясь на указанные две беседы, Фирлингер 28 августа передал заведующему IV Европейским отделом НКВД Н.В. Новикову Памятную записку, касающуюся освобождения заключенных либо интернированных на территории СССР лиц, которые могли бы быть призваны в чехословацкую воинскую часть. Во-первых, речь шла о бывших чехословацких гражданах, которые имели паспорта, выданные властями «протектората» или словацкой миссией в Москве. Во-вторых, о беженцах, перешедших нелегально границу Польши, а затем СССР после захвата Чехословакии Германией. В записке содержалась просьба, «чтобы советские компетентные органы на местах получили соответствующее указание» направить этих граждан «в определенное место, где была бы возможной проверка каждого Миссией, так как с уверенностью можно предполагать, что многие из них заявят о своем желании поступить в чехословацкий отряд, формирующийся в СССР»¹³.

Но дело, как представлялось Фирлингеру и Пике, двигалось медленно, и 10 сентября они вместе посетили IV Европейский отдел НКВД, чтобы выяснить причины задержки с подписанием советско-чехословацкого военного соглашения. Через день, 12 сентября, их принял Вышинский, который заявил, что советские «военные органы готовы уже теперь начать переговоры с чехословаками». «Собеседники отмечают, — значитесь в дневнике зам. наркома, — что чехословацкие части на территории СССР будут малочисленными и их участие в военных операциях против немцев скорее всего имеет символическое значение». Пика выяснял, нельзя ли будет включить «чехословаков-советских граждан» в чехословацкие воинские части. Фирлингер добавил, что со стороны Молотова не было особых возражений против этого. Затрагивался снова вопрос и об освобождении интернированных чехословаков¹⁴, причем в индивидуальном порядке. Фирлингер и Пика заявили, что «сами они не знают, какое количество чехословаков и кто именно интернирован и вообще находится на территории Союза»¹⁵. 26 сентября Фирлингер снова обратился в НКВД с просьбой ускорить подписание советско-чехословацкого военного соглашения и получил разъяснение Н.В. Новикова, что проект соглашения, разработанный советским Генштабом и чехословацкой военной миссией, «в настоящее время рассматривается в правительственных инстанциях»¹⁶. И уже на следующий день, 27 сентября, генерал-майор А.М. Василевский, тогда зам. начальни-

ка Генерального штаба РККА, и начальник чехословацкой военной миссии Г. Пика подписали Военное соглашение между Верховным командованием СССР и Верховным командованием Чехословакии¹⁷. Оно основывалось на принципах, ранее предложенных чехословацкой стороной. «Численность и количество чехословацких воинских частей, — говорилось в соглашении, — будет зависеть от наличия чехословацких граждан в СССР и возможностей материального снабжения». Личный состав формировался как на основе призыва, так и в добровольческом порядке. Жалованье, продовольствие, снабжение и пр. регулировались согласно воинским правилам СССР. Вооружение, снаряжение, обмундирование, автомашины, как предполагалось, будут поставляться правительством Чехословацкой республики. Правительство СССР брало на себя кредитование расходов, связанных с формированием и содержанием чехословацких частей. Возврат кредитов откладывался на послевоенное время. Для связи устанавливались: чехословацкая военная миссия при Верховном командовании — в Москве и советская военная миссия при Верховном командовании в Чехословакии — в Лондоне¹⁸.

Сразу же после подписания соглашения Фирлингер и Пика развернули активную деятельность по его реализации. 1 октября посланник вручил Новикову Памятную записку на этот счет, разъяснив полутно, что Пика в свою очередь выясняет указанные вопросы с представителями Генштаба и НКВД. Новиков обещал, что НКВД свяжется с теми же организациями и «примет меры к созданию необходимых условий для быстрейшего формирования чехословацких частей». В Памятной записке шла речь о желательности скорейшей организации призыва и назначении сборного пункта. Особо говорилось об оставшейся в Суздальском лагере группе интернированного в СССР в 1939 г. чехословацкого легиона под командованием Л. Свободы, которая до 22 июня не была переправлена за границу для вступления в сформированную там чехословацкую армию¹⁹. «Существует намерение, — отмечалось в записке, — воспользоваться суздальской группой, состоящей главным образом из младшего командного состава бывшей чехословацкой армии, как инструкторскими кадрами формируемых на территории СССР чехословацких отрядов». Фирлингер считал необходимым, особенно в связи с призывом всех находившихся в Суздале польских граждан в формирующуюся польскую армию, «поднять моральное настроение этой группы» и быстрее перевести ее на положение «действительного состава армии, как в правовом, так и в продовольственном отношениях»²⁰. 2 октября генеральный секретарь НКВД А.А. Соболев направил начальнику 2-го управления НКВД СССР Федотову запрос относи-

тельно того, какие меры наркомат намерен предпринять в связи с обращением чехословацкой миссии²¹. Такой же запрос был направлен начальнику отдела внешних сношений разведуправления Генштаба КА полковнику В.Н. Евстигнееву. 7 октября Фирлингер снова просил Новикова ускорить решение вопроса о Суздальской группе. Тот ответил, что «соответствующий вопрос перед компетентными органами уже поставлен, и в ближайшее время следует ожидать его разрешения»²². 13 октября Соболев просил НКО (Евстигнеева) ускорить ответ на письмо НКВД от 2 октября. В ответном письме от 15 октября Евстигнеев сообщал, что 14 октября по этому вопросу написан специальный доклад правительству, «решение коего будет Вам сообщено незамедлительно»²³.

Самостоятельные связи с советскими властями поддерживал и Пика. Несмотря на напряженную обстановку в Москве, его 10 октября принял Берия. Речь шла о создании чехословацкой воинской части. Нарком, делавший пометки в блокноте, заверил: «Немедленно распоряжусь, чтобы ваша группа командных кадров (имелась в виду суздальская группа. — *В.М.*) была обеспечена зимней одеждой и бельем, и чтобы получала пайки, аналогичные продовольственным пайкам Красной Армии. Все остальные вопросы Вы должны будете обсудить с уполномоченным нашего правительства, который был назначен в эти дни (в действительности он был назначен позже. — *В.М.*). По согласованию с ним создайте смешанную чехословацко-советскую комиссию, которая будет решать все вопросы, касающиеся создания ваших частей». Предположительно первое заседание комиссии должно было состояться 16 октября. Берия извинился за задержки при формировании воинской части, объяснив это чрезмерной загруженностью правительства, и заверил, что решение всех вопросов теперь пойдет быстрее²⁴. Но не тут-то было: 15 октября началась эвакуация из Москвы.

14 октября Пика направил письмо Берии, в котором говорилось: «На основании разговора со дня 10 октября 1941 г. имею честь предложить Вам план формирования чехословацкой воинской части в СССР (стиль письма на русском языке сохранен. — *В.М.*). Мы предполагаем, что в СССР можно было бы смобилизовать максимально 5000 чехословацких граждан, совместно с добровольцами советских граждан чехословацкой национальности. Чехословацкими гражданами надо полагать все лица, которые ими были перед Мюнхенским диктатом (1 октября 1938 г.). Очень важно для успешного набора является, чтобы советское правительство дало согласие к добровольному набору и советских граждан чехословацкой национальности. Формирование происходило бы постепенно по батальонам, которые

были бы отдельными воинскими частями. Из трех таких батальонов будет составлена смешанная бригада». «Нами были уже приняты меры, как во время конференции союзников в Москве²⁵, так и у англичан в Лондоне, — писал далее Пика, — чтобы вооружение, снаряжение и обмундирование были поставлены Англией в рамках помощи Советскому Союзу и вооружению Польской Армии... Если наши части будут вооружены этим новым материалом, их можно было бы использовать в составе или в соседстве Польской Армии²⁶, так как починка материала и снабжение могло бы производиться органами Польской Армии. Для незначительной советско-чехословацкой части едва ли было бы можно организовать самостоятельное снабжение со всеми органами снабжения». «Но я считаю важным, — продолжал Пика, — чтобы чехословацкая военная часть принимала участие в боях в составе высшего соединения Красной Армии, а то, как с точки зрения морали, так и исторической традиции». Он полагал, что традиции совместной борьбы помогут благоприятному развитию отношений между Советским Союзом и Чехословацкой республикой в будущем. Для достижения этой цели, по его мнению, «необходимо, чтобы чехословацкая военная часть была вооружена советским материалом, чтобы она могла принять участие в боях в составе высшего соединения Красной Армии... для чехословацкой военной части не потребуется большое количество материала, и я думаю, что вооружение этой части не будет представлять особых затруднений для Советского Союза. Мы имеем в виду высшую цель — скрепление братского союза в будущем между нашими странами. Этим будут созданы основания новой традиции нашей дружбы. Прошу Вас, господин народный комиссар, чтобы Вы поддержали этот мой взгляд у членов Правительства и Верховного командования Красной Армии». К письму прилагалось несколько таблиц, касавшихся вооружения, снаряжения и обмундирования отдельной смешанной моторизованной бригады (4607 человек) и отдельного моторизованного батальона (1124 человека)²⁷.

По прибытии в Куйбышев Пика отослал с курьером сообщение Ингру о разговоре с Берией, сетуя, что пока практически ничего не удалось сделать для создания чехословацкой воинской части. «Нас просили, — писал Пика, — потерпеть еще несколько дней, поскольку они заняты работой по облегчению положения на фронте. Для них речь шла о сохранении всей страны, о задержке наступления, о победе или поражении. В этом судьбоносном напряжении сил они одиноки, союзники в военном отношении не сделали ничего, чтобы оттянуть часть немецких армий на другой фронт. Русские не хотят верить в отсутствие возможности какой-либо диверсии на западном

фронте путем высадки более крупного морского десанта во Франции или в другом месте северного побережья. Эти трудности самостоятельной борьбы они переносят стоически и стремятся сами выправить положение»²⁸.

Реакция советских властей на предложение вооружить чехословацкую часть советским оружием была положительной, тем более что англичане не выражали особого желания взять на себя эту обязанность. Как сообщал 23 октября советский посол при союзных правительствах в Лондоне А.Е. Богомолов, англичане «заявили, что у них нет сейчас возможности снабжать чехов оружием и что в лучшем случае они предлагают послать их на Ближний Восток с тем, чтобы они присоединились там к частям английской армии». Чехословацкое правительство обращалось к советскому руководству с просьбой вооружить советским оружием и обмундировать чехословацкий батальон, формирующийся на территории СССР. Беседовавший с Богомоловым Г. Рипка просил «сделать это исключение для Чехословакии, так как хотелось бы из чисто политических соображений иметь хотя бы маленькие воинские части, но борющиеся с немцами вместе с Красной Армией»²⁹. 13 ноября Молотов отправил Богомолову телеграмму: «Сообщите Рипке, что мы не возражаем против предоставления формирующейся в СССР чехословацкой части советского вооружения и обмундирования». 16 ноября Богомолов довел это сообщение до сведения Бенеша³⁰.

Напомним, что вопросы реализации военного советско-чехословацкого соглашения рассматривались в чрезвычайно сложной для СССР обстановке: немцы уже вплотную подошли к Москве, и решались первоочередной важности задачи ее обороны и эвакуации из столицы учреждений, предприятий и жителей. 1 ноября референт IV Европейского отдела НКВД Г.М. Пушкин сообщил Вышинскому о своем разговоре с представителем НКО Евстигнеевым об организации «лагеря для чехословацких воинских формирований» и о том, что «до сих пор не выделен представитель от нашего командования по связи с чехословаками по военным делам», что решения правительства на этот счет пока нет, хотя соответствующий проект постановления представлен еще в середине октября. 6 ноября 1941 г. Вышинский направил письмо Молотову. Он полагал, что «целесообразно возложить на тов. Панфилова функции нашего уполномоченного по связям с чехословацкой военной миссией, так как он уже осуществляет эту связь с поляками; обязать его наметить пункт для лагеря чехословацкого батальона и принять меры к реализации соглашения». Резолюция Молотова гласила: «Согласен». В свою очередь Вышинский Пушкину на том же документе дал указание: «Следить за выполнением»³¹.

14 ноября IV Европейский отдел НКВД провел специальное совещание по этому вопросу в присутствии Евстигнеева. Протокол обсуждения был направлен Вышинскому. Представитель НКО утверждал, что он послал из Куйбышева три телеграммы начальнику разведуправления Генштаба КА относительно генерал-майора А.П. Панфилова, но вопрос пока не решен. (К этому пункту протокола есть помета чернилами Вышинского: «Вновь написать т. Молотову».) Евстигнеев полагал, что в чехословацкую часть может быть набрано до 2500 человек, и она может именоваться полком. Место для формирования части может быть найдено где-нибудь на Урале или под Новосибирском. (К этому пункту помета Вышинского: «Надо иметь точные данные. Обеспечьте получение».) Рукописная записка заместителя наркома Пушкину от 15 ноября гласила: «Выясните у военных, кто выделен для связи с чехо-словацкой военной миссией? Что делается для реализации военного соглашения?». В тот же день Пушкин ответил: «По этому вопросу я беседовал с т. Евстигнеевым и бригадным комиссаром Ильичевым (V упр.). Как первый, так и второй ничего не могли сказать мне определенного: ссылаются на т. Панфилова, который якобы занимается этим вопросом. Т. Ильичев обещал сегодня связаться с Панфиловым и переговорить с ним. Такого рода обещания нам давал уже Евстигнеев, но это не ускорило решение вопроса. По моему мнению, следует вторично поставить в известность т. В.М. Молотова о задержке по вине военных реализации нашего военного соглашения с чехословаками. Прошу Ваших указаний»³².

19 ноября 1941 г. А.П. Панфилов получил предписание за подписью заместителя председателя Государственного Комитета Оборона (ГКО) СССР (подпись неразборчива) о назначении его «Уполномоченным Верховного командования СССР по связи с чехословацкой военной миссией и по реализации советско-чехословацкого военного соглашения от 27 сентября 1941 г.»³³. Между тем 26 ноября Фирлингер снова напомнил Новикову, что место формирования воинской части не определено и освобождение желающих вступить в нее чехословацких граждан из лагерей еще не начато³⁴. Новиков по указанию Вышинского 30 ноября изложил состояние дела Фирлингеру. Это произошло на аэродроме в ожидании прибытия В. Сикорского в Куйбышев. Новиков записал, в частности, в дневнике, что «между Фирлингером и Пикой в вопросе об осуществлении военного соглашения есть какие-то трения, по-видимому, по вопросу о приоритете в этом деле»³⁵. Так оно и было: Пика обвинял Фирлингера во вмешательстве в дела его компетенции, т. е. в решение чисто военных вопросов. Кроме того, начальник чехословацкой военной миссии, весьма критически настроенный в отношении советских порядков,

не склонен был объяснять задержку с реализацией военного соглашения только тяжелым положением на советско-германском фронте, а Фирлингер, просоветские настроения которого были достаточно хорошо известны, полагал, что Генштабу РККА в сложившейся обстановке «некогда было уделить достаточно внимания» чехословацким делам (см. запись беседы с С.А. Лозовским 13 декабря³⁶), в чем посланник, скорее всего, был прав. Фирлингеру было также доподлинно известно, что Пика без его ведома направляет в Лондон материалы, содержавшие политические оценки действий советских властей и положения в СССР. Посланник считал это своей прерогативой. Действительно, МНО чехословацкого правительства 21 ноября 1941 г. дало указание Пике представлять информацию о военном и внутривнутриполитическом положении СССР. «Для наших внутренних нужд с учетом требований, предъявляемых нам английской стороной при сотрудничестве и обмене информацией, — говорилось в телеграмме, — необходимо будет, чтобы Вы свои донесения о военном и внутреннем положении СССР составляли в соответствии со следующим: 1) донесения о положении направляйте систематически и регулярно раз в неделю... 3) снова подчеркиваем, что как можно более частая, подробная и всесторонняя информация о положении СССР имеет для нас большое значение в целях использования как в политическом, так и в военном отношении. Эту информационную работу считайте важной частью своих задач, которые поставлены перед Вами как главой военной миссии... Английские ведущие политические органы очень часто обращаются к нашим военным и политическим представителям с вопросами о положении в СССР. В этой сфере нас считают знатоками». Предполагалось, что чехословацкому правительству таким образом «предоставляется возможность влиять на английскую политику с очень высокой точки зрения»³⁷. Пика, профессиональный разведчик, выполняя полученные указания, отправлял требуемые сведения в Лондон, что, несомненно, было известно и советским властям, отношения которых с начальником чехословацкой военной миссии можно назвать скорее официальными, чем дружественными.

Однако вряд ли Пике можно было упрекать за выполнение им «своей работы»: ведь между советской и чехословацкой разведывательными службами существовало соглашение о сотрудничестве. В советском посольстве в Лондоне эту работу выполнял резидент НКВД И.А. Чичаев, связанный напрямую с Берией³⁸. Вопросы сотрудничества разведок Чичаев обсуждал как с Бенешем, так и с начальником чехословацкой разведывательной службы Ф. Моравецом. Президент, беседовавший с советским резидентом 19 декабря, отме-

чал его пожелание «как можно более расширить сотрудничество», особенно, что касается информации о Германии, политической ситуации в Центральной Европе, в «протекторате» и Словакии. В конце декабря Моравец и Чичаев более подробно обсудили принципы сотрудничества разведслужб³⁹. Военным атташе при полномочных представительствах СССР в Польше, Югославии и Чехословакии (Лондон) 2 декабря 1941 г. был назначен старший помощник начальника отдела внешних сношений разведуправления Генштаба КА майор А.Ф. Сизов⁴⁰. Так что как в Лондоне знали, кто такие Чичаев и Сизов, так и в Москве не являлось секретом «тайное амплуа» Пики. И если бы он чем-либо не устраивал советские власти, то, несомненно, они могли бы добиться его отзыва, однако Пика занимал свой пост до конца войны. Но вернемся к концу 1941 г.

Пика, по-видимому, был доволен тем, что дело создания чехословацкой воинской части, наконец-то, сдвинулось с мертвой точки. 7 декабря Новиков записал в дневнике о беседе с ним: «На приеме в польском посольстве (в Куйбышеве. — *В.М.*) Пика, радостно улыбаясь, сообщил мне, что он имел с Панфиловым разговор по практическим вопросам формирования чехословацкой части. Лагерь намечено организовать в Бузулуке после ухода оттуда польских частей⁴¹». Одновременно Пика снова поставил вопрос об освобождении из мест заключения чехословацких граждан⁴². 8 декабря состоялось первое, долго откладываемое заседание смешанной советско-чехословацкой комиссии, на котором присутствовали Панфилов, Пика, члены миссии Й. Бероунский и Л. Свобода. Генерал заявил: набор в воинскую часть можно будет начать сразу после его отъезда в Москву; вооружение и снаряжение предоставит советское правительство; в качестве сборного пункта вместо первоначально планировавшегося Ульяновска определен Бузулук; начать можно с формирования самостоятельной мотомеханизированной бригады; призыв к вступлению в воинскую часть по желанию миссии будет объявлен в печати и по радио. Панфилов предложил подготовить обращение ко всем чехам, словакам и подкарпатским русинам, служащим в немецкой, словацкой или венгерской армиях, с призывом переходить на сторону Красной Армии. Что касается интернированных либо отбывающих наказание в СССР чехословацких подданных, то Панфилов заверил: 1) все, кто был интернирован за нелегальный переход советско-венгерской границы (в 1939 г. — *В.М.*), будут немедленно освобождены; 2) мужчины от 18 до 52 лет, способные к несению военной службы, будут немедленно переправлены в Бузулук; остальные могут работать, где захотят, но, по желанию чехословацкой стороны, могут быть сосредоточены в одной области (Джамбул

под Ташкентом)⁴³. Но от обещаний до их выполнения прошел еще не один месяц.

После совещания Пика отдал распоряжение Л. Свободе отбыть в Бузулук вместе с группой лиц, сопровождавших В. Сикорского, который намеревался проинспектировать находившиеся там польские воинские части. По рекомендации Вышинского Свобода обсудил с местными властями вопрос о размещении чехословацкой воинской части после вывода из города польской армии. Городской совет согласился предоставить здание школы для размещения командования и администрации части, две каменные казармы и несколько помещений под склады, мастерские, гаражи, кухни, столовые. В казармах можно было разместить около 1400 военнослужащих и еще примерно 3000 в землянках, оборудованных поляками под Бузулуком⁴⁴.

В декабре 1941 г. А.П. Панфилов направил В.М. Молотову («на Ваше утверждение») проект постановления ГКО «О чехословацкой армии на территории СССР», которое должен был подписать Сталин, и протокол № 1 заседания смешанной советско-чехословацкой комиссии по ее формированию (без даты). В проекте значилось: «1. Разрешить чехословацкому командованию сформировать на территории СССР а) один пехотный батальон — 1100 чел. и б) одну запасную роту — 150 чел. Батальон и запасную роту дислоцировать в г. Бузулуке». Начальнику тыла Красной Армии А.В. Хрулеву разрешалось отпускать продовольствие для батальона впредь до его выхода на фронт по нормам тылового пайка № 3 за наличный расчет по установленным для Красной Армии ценам. Начальнику артиллерии КА Н.Н. Воронову разрешалось отпустить тоже за наличный расчет необходимое стрелково-пулеметное вооружение и противотанковую артиллерию согласно требованиям штаба батальона. Боеприпасы отпускались только для учебных целей. За предоставленные казарменные и штабные помещения, средства связи и транспорт, а также за коммунальные услуги взималась арендная плата по существовавшим для КА нормам и тарифам. На расходы, связанные с организацией и содержанием чехословацких воинских частей и военной миссии, чехословацкому правительству на первый квартал 1942 г. предоставлялся беспроцентный кредит (Молотов заменил его словом «заем») в сумме 3 700 000 рублей. Нарком вычеркнул из проекта два последних пункта, касавшихся погашения суммы кредита американскими долларами, золотом или товарными поставками в течение 10 лет после войны, а также поручения НКВД оформить кредит и условия его погашения⁴⁵. 3 декабря советское правительство разрешило «беспощинный ввоз благотворительных грузов (теплой одежды и других необходимых вещей) для чехословацких воинских частей и

чехословацких граждан в СССР»⁴⁶. 22 января 1942 г. в Куйбышеве Вышинским и Фирлингером было подписано соглашение о беспроцентном займе в сумме 5 млн рублей, предоставляемом советским правительством правительству ЧСР в первом полугодии 1942 г. на содержание чехословацких воинских частей на территории СССР. Указывалось, что погашение займа начнется спустя пять лет после окончания войны по усмотрению чехословацкого правительства американскими долларами или товарными поставками⁴⁷.

Тем временем НКВД продолжал выяснять, сколько чехословацких граждан находится в подведомственных НКВД учреждениях. 19 декабря Вышинский сообщил Молотову полученные им на этот счет сведения: «в лагерях для интернированных, местах заключения и исправительно-трудовых лагерях НКВД содержится 435 человек чехословацких подданных и подданных „протектората Чехии и Моравии“. Из этого количества находится: а) в спецпоселениях — 80 человек, б) в лагерях для интернированных солдат и офицеров чехословацкого легиона бывшей польской армии — 80 человек, в) интернированных в связи с войной — 155 человек. Всего 315 человек». Вышинский считал, что «мы можем пойти на освобождение» этих людей. Кроме того, согласно данным НКВД, 50 чехословацких граждан находились в исправительно-трудовых лагерях и 70 — в качестве подследственных в тюрьмах. По мнению Вышинского, следовало поручить НКВД «пересмотреть все эти дела и в зависимости от характера преступления заключенного решать вопрос о его освобождении»⁴⁸. Зам. наркома просил указаний Молотова, резолюция которого в виде вопроса «Как думает НКВД?» перекладывала ответственность за принятие решения на этот наркомат. Заметим, что пока не было речи о подкарпатских русинах (украинцах), которых чехословацкое правительство продолжало считать чехословацкими гражданами, а советские власти — подданными союзницы Германии Венгрии, оккупировавшей эту область в 1939 г. Но именно освобождения этой большой группы бывших жителей Подкарпатской Руси, находившихся в советских лагерях и тюрьмах, добивалась чехословацкая сторона. 27 января 1942 г. Пика писал в Лондон: «Подкарпатские русины после полученного в СССР опыта стали воодушевленными чехословаками, обещают, что будут сражаться, как львы, чтобы заслужить возвращение в ЧСР. Их положение в лагерях для интернированных жалкое, они страдают от голода и истощения, от тяжелого авитаминоза, и много их умирает. Необходима их быстрая защита путем набора их в армию, иначе в течение года они вымрут»⁴⁹. 20 февраля Бенеш передал Майскому меморандум, касавшийся освобождения из советских лагерей «чехословацких граждан из Подкарпатской Руси»⁵⁰.

*Суздальская группа
интернированных чехословацких легионеров*

Что касается интернированных в Суздальском лагере легионеров Л. Свободы, то тут к концу 1941 г. картина относительно их дальнейшей судьбы прояснилась: они должны были стать ядром формирующейся в Бузулуке чехословацкой воинской части. Однако сразу после начала войны мнения на этот счет чехословацкого правительства и советских властей расходились. Дело в том, что во время стремительного и успешного летне-осеннего наступления гитлеровских армий мысль советских верхов сводилась к одному: как сдержать, затормозить движение вермахта к жизненно важным центрам СССР. Среди прочих соображений в недрах Исполкома Коминтерна, НКВД, разведуправления Генштаба КА родилась идея заброски в тыл немецкой армии парашютных десантов для проведения саботажа и диверсий в целях затруднения действий сил вермахта. Еще 16 июля Генеральный секретарь ИККИ Г. Димитров встречался с начальником разведуправления НКВД П.М. Фитиным и начальником разведуправления Генштаба КА генералом А.П. Панфиловым. Речь шла о «направлении наших групп», предназначенных для партийной и партизанской деятельности в отдельных странах⁵¹. Такие десанты намечалось забросить также в Чехию и Словакию, для чего предполагалось использовать чехов и словаков, интернированных в Суздальском лагере. Г. Пика и Л. Свобода, следуя указаниям чехословацкого правительства, категорически возражали против этого, невзирая на грубый нажим со стороны НКВД. Хотя, как говорилось выше, Пика все же вынудили несколько отступить от его позиций и согласиться на формирование двух десантных групп. Всего было подготовлено 11 таких десантов (33 человека), 9 из которых (25 человек) с разными конкретными заданиями были заброшены в августе-ноябре 1941 г. (через Польшу) в Чехию и Словакию, а 2 (8 человек) еще до выброски попали в плен к немцам. Чешский историк Олдржих Сладек, опираясь на архивные документы, скрупулезно отследил судьбу каждого из членов 9 указанных групп⁵² и выяснил следующее: 2 из них (4 человека) отправило в Словакию при поддержке ИККИ московское руководство КПЧ с целью установить связь с подпольным руководством Коммунистической партии Словакии (КПС); 5 (13 человек) — разведуправление Генштаба КА с целью проведения диверсий; 2 (8 человек) — чехословацкая военная миссия с разведывательными целями⁵³. Члены десантных групп, которые готовились разведуправлением Генштаба КА, выбирались из числа так называемых «звездарей», просоветски и прокоммунистически настроенных легионеров, находившихся в Суздальском лагере и подавших заявления о жела-

нии вступить в Красную Армию. Политический подход являлся, таким образом, вынужденно приоритетным при выборе десантников, другие члены группы отказались от этой миссии, согласившись принять предложение только по приказу своего командования. Но, как стало ясно позже, среди «звездарей», переправленных на родину для выполнения специальных заданий, оказалось немало предателей и будущих конфидентов. Из 25 парашютистов, проникших на территорию Чехии и Словакии, большинство попало в руки гестапо, а также чешской и словацкой служб безопасности. Мало того, что, подготовленные на скорую руку и не имевшие навыков конспиративной работы в тылу врага, они не могли выполнить порученные им задания, эти люди оказывались причиной провала местных подпольных организаций, арестов как своих близких, так и участников движения Сопrotивления, при допросах выдавали явки, пароли, шифры, методы работы советской разведки, рассказывали о положении дел в оставшейся в СССР группе легионеров и т. д. Задуманная в Москве акция, таким образом, потерпела полное фиаско.

Чехословацкое правительство в Лондоне, поддерживавшее довольно регулярные связи с «домом», не могло не обратить внимания на сообщения о появлении в Чехии и Словакии парашютистов из СССР и их провалах. В конце сентября 1941 г. Ингр телеграфировал Пике в Москву: «Мы получили из дома из совершенно достоверного источника обширное сообщение о результатах выброски парашютистов в Моравии и Словакии. Совершенно ясно, что акция полностью провалилась. Часть парашютистов погибла при выброске из-за технических неисправностей в парашютах, остальные, за исключением трех... арестованы немецкими органами. Парашютисты, арестованные в Словакии, были переданы гестапо в Праге и Вене... У меня сложилось ясное впечатление, что акции СССР по выброске десантов на нашу территорию были плохо подготовлены с точки зрения технической, тактической и конспиративной. Они были излишне масштабными, не учитывавшими интересы и желания наших внутренних организаций... Продолжение этой деятельности, которая вообще не имеет практического значения, может поставить под угрозу проведение не только параллельно и хорошо подготавливаемых акций отсюда, из Англии, но также безопасность и деятельность нашей внутренней организации. Я считаю весьма необходимым, чтобы Вы в этом смысле информировали соответствующие военные круги и ограничили продолжение этой деятельности»⁵⁴. Надо сказать, что при планировании указанных операций советскими военными принималось в расчет лишь одно соображение: любой ценой помочь Красной Армии задержать наступление немецких войск.

Возможные последствия провала для деятельности чешской и словацкой подпольной сети, а также советской разведывательной службы в протекторате и Словакии не просчитывались и не принимались во внимание. Пика, получив указание Ингра, видимо, предпринял некоторые шаги. 10 октября он сообщал в Лондон: «После передачи меморандума о саботаже и парашютистах, я был принят сегодня народным комиссаром Берия, членом правительственной пятерки по обороне государства. Берия обещал временно приостановить высадку парашютных десантов. Подготовленную нами следующую группу я отослал обратно в Суздаль»⁵⁵. Заброска десантов продолжалась и впоследствии, но судьба их, как и первых, оказывалась, видимо, плачевной. П.М. Фитин, начальник разведуправления НКВД СССР, сообщал, например, Димитрову 20 июля 1942 г., что в конце апреля в Словакию были сброшены две группы парашютистов: одна возле Тренчина — 4 человека, трое из которых убиты, а одному удалось скрыться, но судьба его неизвестна; вторая возле Трстеной — 3 человека, один из которых разбился, двое схвачены и расстреляны⁵⁶. Ингр еще и осенью 1942 г. продолжал возражать против отправки десантов из СССР. 13 октября 1942 г. он писал Пике: «Они (СССР. — В.М.) считают нынешний период войны решающим и утверждают, что сегодня нужно воевать на всех фронтах, включая и внутренние, как можно более активно, невзирая на жертвы и риск. В нашем положении мы не можем присоединиться к этому мнению, так как по своим последствиям оно поставило бы под угрозу наши возможности в заключительной фазе войны, которая для нас является, с точки зрения восстановления государства, самой важной. Пусть эта информация будет для вас руководством при переговорах с Советами по данному вопросу»⁵⁷.

А суздальская группа после нападения Германии на СССР жила в ожидании предстоящих перемен. Как свидетельствовало внеочередное, от 23 июня 1941 г., политдонесение начальника лагеря старшего лейтенанта Короткова в Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД, весть о нападении Германии на СССР вызвала у большинства интернированных огромную волну негодования. Из 124 находившихся в лагере человек 35 подали коллективное заявление с просьбой, чтобы советское правительство разрешило им вместе с Красной Армией «участвовать в уничтожении германского фашизма». Большинство подписавших заявление относилось к рядовому и младшему командному составу. Обращение заканчивалось словами: «Хотим драться вместе с бойцами РККА под красными знаменами международного пролетариата за дело Ленина-Сталина, за нашу новую счастливую жизнь, за мировой

рабочий класс, руководимый Коммунистическим интернационалом и родным Сталиным»⁵⁸. Так называемые «звездари» заявили, что они готовы вести борьбу с фашистами «где бы им ни приказали». В то же время Коротков писал, что весь состав интернированных заявляет о готовности в любой момент прийти на помощь Красной Армии и «жестко расправляться с немцами, поработившими чехословацкий народ»⁵⁹. 30 июня начальник лагеря сообщал в ГУПВИ, что по распоряжению заместителя наркома внутренних дел В.Н. Меркулова из лагеря была вывезена «команда интернированных чехов» в количестве 8 человек: Б. Немец, Л. Крадохвил, Й. Крейчижек (правильно: Крейчиржик), М. Горовский, С. Андравшик (правильно: Андрашчик), Ф. Браунер, Я. Касик, Ф. Рип (правильно: Риш). 7 из них потом вошли в состав парашютных десантов, которые готовились чехословацкой военной миссией⁶⁰. Что касается остальных интернированных, то их моральное состояние характеризовалось Коротковым как «в целом здоровое», но отношения между «звездарями» и большинством легионеров как напряженные. Большинство интернированных во главе с надпоручиком Л. Бедржихом, замещавшим летом и осенью 1941 г. командира легиона Л. Свободу, заявили, что они пойдут на борьбу с немцами «только организованно и как прикажет не советское правительство, а их командование, которое находится в Москве и работает по указанию доктора Бенеша». Бедржих настаивал на том, что во время его встречи в Москве с Л. Свободой было решено оставить в СССР «кадр, из которого начнет формироваться восточная группа чехо-словацкой армии». Поскольку отношения между интернированными становились все более напряженными, был запрещен выход из лагеря в город⁶¹.

4 июля 1941 г. начальник ГУПВИ П.К. Сопруненко направил Короткову указание: «призвать к порядку дезорганизаторов дисциплины и проявляющих недовольство». Рекомендовалось вызвать Бедржиха, напомнить ему, что в стране военное положение, и предупредить, чтобы среди интернированных поддерживались строгая дисциплина и порядок, за нарушение которых «виновные, в том числе и Бедржих, будут нести ответственность по законам военного времени»⁶². Вслед за этим Коротков получил еще одно указание Сопруненко: «Боевое настроение и желание вести борьбу с фашистами у интернированных чехов нужно всемерно приветствовать и распространять». В то же время подчеркивалось, что эта борьба должна вестись всюду, а не только на Востоке, что задачей дня является громить фашистские орды «объединившись в единый фронт со всеми антифашистами, со всем прогрессивным человечеством... В момент, когда на Западе идет смертельная схватка и на поле боя ре-

шается вопрос жизни и смерти, разговоры о восточной группе можно расценивать, как попытку уклониться от непосредственного участия в войне». Это, видимо, явилось отражением вышеуказанной концепции спешной организации массовых диверсий в немецком тылу. Для обеспечения дисциплины и порядка в лагере предписывалось распустить «все существующие организации легиона», из личного состава легиона сформировать две группы: одну из рядового и младшего командного состава, другую — из офицеров (от подпоручика и выше), в каждой группе назначить старшего, который будет получать указания только от администрации лагеря и во всем ей подчиняться⁶³.

Количественный состав интернированных продолжал сокращаться. 10 июля разведуправление Генштаба КА на основе разрешения Берии отобрало в лагере 17 человек для оперативной работы, затем запрос поступил еще на четверых⁶⁴. Их готовили как диверсантов для заброски в «протекторат» и Словакию. В конце июля в списке «интернированных чехов», содержавшихся в Суздальском лагере, значился 91 человек. Из них 39, в том числе и Бедржих, еще 23 июля настаивали на выезде за границу, если не будет сформирована чехословацкая воинская часть в СССР⁶⁵. Возможно, в лагере еще ничего не было известно о подписанном 18 июля 1941 г. Советско-чехословацком соглашении. 30 июля 1941 г. аналогичное соглашение было подписано между советским и польским эмигрантским правительством, а 14 августа заключен военный договор, в соответствии с которым в СССР начала формироваться польская армия под командованием генерала В. Андерса. Появился Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии «всех польских граждан, содержащихся ныне в заключении на советской территории в качестве военнопленных или на других достаточных основаниях»⁶⁶. В связи с набором в польскую армию началось перемещение интернированных и депортированных польских граждан и сосредоточение их в нескольких лагерях, среди которых значился и Суздальский лагерь. Как только туда стали прибывать поляки (всего их поступило 2 тысячи человек, из которых к концу августа 1941 г. 1916 человек были призваны в армию⁶⁷), пришло распоряжение разместить чехословацких интернированных вне зоны лагеря в хороших условиях, исключив при этом их общение с вновь прибывшими⁶⁸.

После встречи Пики с Берией 10 октября в Суздальский лагерь прибыл офицер Генштаба КА с сообщением, что группа «командных кадров» будет получать продовольствие в соответствии с нормами, существующими в Красной Армии. Офицеры и солдаты получили зимнюю экипировку: шапки-ушанки, валенки, рукавицы, телогрейки, белье⁶⁹. Л. Свободе, очевидно для того, чтобы успокоить интер-

нированных и информировать их о положении дел, разрешено было посетить Суздальский лагерь. Вскоре после этого легионеры были снова переведены в Оранский лагерь⁷⁰, куда они прибыли 21 октября 1941 г. Здесь их разместили в одном из корпусов лагеря, обнесенном проволочными ограждениями с отдельным выходом в село. Командовал группой по-прежнему Бедржих. Она получила даже некоторое количество оружия старого образца для обучения личного состава. Администрация лагеря пыталась наладить политработу среди легионеров, что вызвало решительное сопротивление со стороны командования группы⁷¹. Так, когда перед Бедржихом был поставлен вопрос о «проработке» доклада И.В. Сталина на заседании Московского совета депутатов трудящихся 6 ноября 1941 г., то командир группы, как следовало из политдонесения о работе в Оранском лагере, «от этого любезно отказался, указав, что они получают газеты» и доклад «уже проработали». На предложение выделить время для проведения бесед с личным составом группы Бедржих заявил: «Я считаю, что мы, чехи, после заключения соглашения правительства Чехословакии с правительством Советского Союза, не являемся интернированными или военнопленными, и поэтому проводить с нами политическую работу необязательно. Мы получаем газеты, все их читаем и достаточно в них разбираемся, да к тому же, что вы или я можем сказать больше того, что сказал в своем докладе тов. Сталин». И далее: «Задача чешского народа, в данном случае нас, заключается в том, чтобы совместно с Советским Союзом — Красной Армией — разбить Гитлера и восстановить независимость Чехословацкой республики. В этом вопросе мы с Советским Союзом — единомышленники, а в части политических убеждений мы — сами за себя»⁷². В сводном докладе о политработе в лагерях НКВД во время войны, написанном 17 марта 1944 г., говорилось, что эта работа в интернированном легионе Л. Свободы «проходила очень бурно, при активном сопротивлении командного состава, который старался доказать, что все проводимые политаппаратом лагеря мероприятия разлагают дисциплину в легионе»⁷³.

В действительности так оно и было, и штаб легиона, который хотел сохранить его как свободную от политических страстей воинскую часть (политическая деятельность в довоенной чехословацкой армии находилась под запретом), всячески противился настойчивым попыткам лагерной администрации проводить среди интернированных политработу. В указанном же докладе действия командования легиона характеризовались как «направленные к тому, чтобы скрыть от солдат и младшего командного состава легиона правду об СССР». Но, по существу, эту «правду» от интернированных пытались скрыть

именно с помощью пропагандистской работы, целью которой было убедить их в успехах социалистического строительства в СССР и счастливой жизни советского народа. Реальность же была иной, и большинство легионеров, за исключением группы ортодоксально настроенных коммунистов и сочувствовавших им («звездарей»), могло собственными глазами увидеть, насколько она отличается от пропагандистской картинки. Среди командного состава легиона действительно было много тех, кто не одобрял советские порядки, и все они чохом причислялись в докладе к профашистским элементам. Эти утверждения, относившиеся к 1944 г., по существу, явились первой попыткой исказить историю интернированного легиона и настроения его личного состава. В дальнейшем подобные оценки нашли довольно широкое распространение в «марксистской» историографии. Многие легионеры, включая и тех, кто сражался в составе чехословацких воинских частей на территории СССР против фашистской Германии, в том числе и Л. Свобода, в 50-е гг. XX в., были репрессированы.

Оставшаяся в СССР группа интернированных чехов и словаков жаждала после двух лет бездействия не заниматься изучением советских пропагандистских материалов, а участвовать в борьбе с фашистской Германией, и не понимала, почему ей так долго не дают это делать. Легионеры, естественно, не были в курсе того, как трудно решался в советских верхах вопрос об их судьбе. Поэтому, согласно политдонесению из лагеря от 6 декабря, выражали недовольство неопределенностью своего положения и тем, что военная миссия ими мало интересуется. Но в конце декабря командование группы получило сообщение миссии о том, что скоро легионеры будут передислоцированы в место формирования чехословацкой армии. «С 20 декабря чехи стали готовиться к отъезду. Настроение — удовлетворительное», — говорилось в политдонесении из лагеря от 6 января 1942 г.⁷⁴ 7 января 1942 г. Берия, ссылаясь на решение ГКО СССР от 3 января, издал приказ за № 1096 «О чехословацкой бригаде на территории СССР» и давал следующие указания: «1. Освободить из тюрем, лагерей, мест ссылки и высылки чехословацких граждан, содержащихся в заключении в качестве военнопленных, интернированных или на других достаточных основаниях», за исключением лиц, «подозреваемых в шпионаже против Советского Союза»; 2. Освобожденных лиц мужского пола призывного возраста (от 18 до 50 лет) надлежало направлять, снабдив их проездными документами, в г. Бузулук Чкаловской области «в распоряжение штаба чешской армии на территории СССР». Лицам женского пола и старикам предписывалось выдать справки об освобождении и проездные документы до избранного ими пункта местожительства, за ис-

ключением режимных местностей 1-й и 2-й категории, пограничной зоны и областей, объявленных на военном положении⁷⁵. Начальнику 2-го управления НКВД СССР комиссару госбезопасности 3-го ранга Федотову приказывалось в декадный срок передать Генштабу КА (генералу Панфилову) списки советских граждан — чехов по национальности, чехов без гражданства и чехословацких политэмигрантов. На это же управление возлагалось и «оперативное обслуживание формируемой чешской бригады». На приказе помета красным карандашом: «Все указания об освобождении интернированных см. в делах Актюбинского, Новосибирского и Оранского лагерей»⁷⁶. Всего по данным ОВИРа ГУРКМ в июле 1941 г. в СССР находилось 1345 чехов, в том числе: 630 человек вне гражданства и 715 человек, имеющих разные паспорта⁷⁷.

10 января 1942 г. состоялось второе заседание смешанной советско-чехословацкой комиссии по формированию чехословацких воинских частей на территории СССР. Присутствовали генерал Панфилов, его заместитель майор госбезопасности Жуков и полковник Пика. Панфилов, согласно протоколу, довел до сведения Пики следующее: 1. Правительство СССР разрешило чехословацкому командованию сформировать на территории СССР одну моторизованную бригаду численностью 2350 человек. В первую очередь формируется один моторизованный батальон (1100 человек) и одна запасная рота (150 человек), которые дислоцируются в Бузулуке; 2. НКВД СССР поручалось освободить чехословацких граждан, содержащихся в заключении на советской территории в качестве военнопленных, интернированных или на другом основании, кроме подозреваемых в шпионаже; 3. Гражданам СССР «чехословацкой национальности» разрешалось добровольно вступать в формирующуюся воинскую часть. Далее перечислялись поручения, данные в связи с обеспечением батальона продовольствием, горюче-смазочными материалами, вооружением, уточнялись условия арендной платы за казармы и другие помещения, средства связи и транспорта, сообщалось о предоставлении чехословацкому правительству на первое полугодие 1942 г. беспроцентного займа в размере 5 млн рублей.

Пика с благодарностью принял сообщение Панфилова и Жукова, поставив при этом ряд практических вопросов, касавшихся формирования батальона. В частности, он просил ускорить перевозку из Оранского лагеря в Бузулук группы офицеров, унтер-офицеров и солдат (80 человек), которые необходимы для подготовки помещений к приему людей, прибывавших, чтобы вступить в батальон. Пика также просил выдать капитану Бедрах (правильно: Бедржих), назначенному начальником группы, некоторую сумму денег для рас-

ходов в пути. Панфилов просил сообщить Бедржиху, что ему будут выделены два классных вагона для перевозки группы из Оранского лагеря в Бузулук, а также переведены в его распоряжение с согласия Пики 5 тыс. рублей. Экземпляры протокола были направлены Сталину, Молотову, Берии⁷⁸.

5 февраля 1942 г. из Оранского лагеря в Бузулук прибыли 88 офицеров, унтер-офицеров и солдат чехословацкого легиона⁷⁹. Те «звездари», которым разрешено было остаться в СССР, но которых до начала войны не успели направить в намеченные районы, тоже пожелали вступить в воинскую часть. Однако Свобода и командование группы отказали им в этом как нарушителям воинской дисциплины в период интернирования. Только вмешательство Пики, не желавшего осложнять отношения с советскими властями и учитывавшего, что на территории СССР не так много лиц чешской и словацкой национальности, годных для военной службы, помогло разрешить ситуацию. Он распорядился принять в часть всех добровольцев, не смотря на то, что кто-то «как коммунист выступал против группы подполковника Свободы в Суздале или Оранках»⁸⁰.

Интересно отметить, что у Панфилова появилась мысль о чехословацкой воинской части, действовавшей в составе одной из частей Красной Армии, о чем он говорил с Пикой во время встречи 9 апреля 1942 г. Из записи беседы следует: «Т. Панфилов, исходя из ограниченного количества призывного контингента и возможно быстреего введения в бой чехословацких частей, имеющего политическое значение, предлагает сформировать один неотдельный батальон по штатам Красной Армии, вооружить его оружием СССР и влить в один из полков действующей Красной Армии. Полковник Пика с этим предложением целиком согласился. Тов. Панфилов сообщает, что он этот вопрос поставит перед Главным командованием Красной Армии»⁸¹. Но, видимо, предложение было отвергнуто советскими верхами.

На фронт: Бузулук — Соколово

Л. Свобода, которому официально было поручено заниматься организацией первого батальона проектируемой чехословацкой бригады, 28 декабря вместе с группой добровольцев, находившихся в Куйбышеве, отправился в Бузулук⁸². В середине января 1942 г. по советскому радио прозвучал призыв к добровольному вступлению в чехословацкую воинскую часть, формирующуюся в СССР.

12 февраля было официально объявлено о создании 1-го чехословацкого пехотного батальона. Тогда же в Бузулук стали прибывать первые добровольцы, число которых достигло 300. Среди них

были чехословацкие интербригадисты, сражавшиеся против гитлеровцев еще в Испании в 1936 г., а затем в качестве политэмигрантов проживавшие в СССР. В апреле 1942 г. батальон уже насчитывал более 600 человек. Добровольцы были людьми разного возраста, национальности, вероисповедания, политических взглядов. Некоторые из них (например, немцы и венгры) даже не знали чешского или словацкого языка. Национальный состав батальона в апреле 1942 г. выглядел следующим образом: 110 чехов, 142 чеха (русских⁸³), 43 чеха (польских), 21 словак, 19 подкарпатских русин, 3 венгра, 286 евреев, в том числе 41 признававших себя лицами еврейской национальности, 133 чешской, 40 словацкой, 6 немецкой, 11 венгерской национальности⁸⁴. Все это затрудняло формирование батальона и поддержание среди его личного состава надлежающей воинской дисциплины. Кроме того, делу мешали неприязненные отношения между Фирлингером и Пикой⁸⁵, а также трения между начальником военной миссии и Л. Свободой, носившие амбициозный характер и проистекавшие часто из мелочных обид и взаимных претензий. К тому же сразу началась борьба за идеологическое овладение батальоном. Если его командование по-прежнему придерживалось принципа аполитичности армии, то коммунисты начали скрытую борьбу за укрепление в части своего влияния. В этом они находили поддержку как со стороны ИККИ, так и помощь, правда негласную, советских офицеров, прикомандированных к батальону. Они делились со своими коллегами богатым опытом проведения политической работы в Красной Армии.

Коминтерн сразу после нападения гитлеровской Германии на СССР круто изменил свою линию. Когда утром 22 июня 1941 г. Генеральный секретарь ИККИ Г. Димитров появился в кабинете Сталина, тот сказал ему: «Коминтерн пока не должен выступать открыто. Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистической революции. Советский народ ведет отечественную войну против фашистской Германии. Вопрос идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящегося поработить другие народы»⁸⁶. Эти указания Сталина и легли в основу нового курса Коминтерна. Главными задачами компартий стали создание широкого национального (народного) фронта в борьбе против гитлеровской Германии, организация движения в защиту СССР и национально-освободительной борьбы в оккупированных Германией и зависимых от нее странах. Выброска парашютных десантов, о чем говорилось выше, являлась одним из звеньев этого курса. Секретариат ИККИ, членом которого являлся и руководитель Загранбюро КПЧ в Москве К. Готвальд, постановил перестроить всю работу, исходя из необходимости «обеспечить всемерную помощь ВКП(б) и советским

органам». Среди конкретных видов этой помощи, как полагала чехословацкая коммунистическая эмиграция, являлось содействие формированию чехословацкой воинской части в СССР при одновременном укреплении в ней своего идеологического влияния.

29 января 1942 г. из отдела кадров ИККИ на имя Димитрова поступила записка, в которой говорилось: «В связи с комплектованием бригады чехословацкой армии в СССР считаем необходимым поставить на Ваше рассмотрение следующие вопросы: 1. Из имеющихся на учете политэмигрантов, коммунистов и комсомольцев Чехословакии, по нашему мнению, можно было бы направить в формирующуюся чехословацкую бригаду около 30 человек (исключительно чехов и словаков); 2. а) решить принципиально вопрос о том, идут ли чехословацкие коммунисты и комсомольцы открыто, как коммунисты или же только как патриоты, б) разработать памятку-платформу о роли коммунистов и комсомольцев в чехословацкой армии, поручив это руководству КПЧ, в) так как вызываемые товарищи в армию будут ехать через Бузулук, послать группу 2–3 человека чешских товарищей в г. Куйбышев, где организовать их прием и инструктирование. Такими товарищами, по мнению КПЧ, могут быть тт. Ветишка, член Политбюро и ЦК КПЧ, и Шмидке Карл, которые хорошо знают партийные кадры. Предложение согласовано с т. Копецким». Резолюция Димитрова гласила: «Выбрать из списка тех чехов и словаков, которые 1. не нужны для работы КП Чехословакии, 2 ...группу отправить не как коммунистов, а как чешских и словацких патриотов». В конце документа приписка чернилами: «Список на 33 человека получил. Вместо тт. Ветишка и Шмидке командирован т. Кроснарж. 18.04.1942»⁸⁷.

8 марта 1942 К. Готвальд представил на одобрение Димитрову инструкцию о работе коммунистов в чехословацкой бригаде. В инструкции подчеркивалось значение Советского Союза как решающего фактора в освободительной борьбе народа Чехословакии. Говорилось о том, что после 22 июня «КПЧ выдвинула на передний план необходимость полного единства чехословацкого освободительного движения на родине и за границей, необходимость объединения обеих основных сил, ориентирующихся на Запад и Восток, в единый лагерь чехословацкой освободительной борьбы». Подчеркивалась чрезвычайная важность чехословацких воинских формирований на территории СССР. Вступившие в нее, согласно инструкции, должны были крепить союз с советской страной, которая в будущем должна была стать важным фактором в решении вопроса «о месте чешского и словацкого народов в свободной Европе». Коммунистам рекомендовалось стать «душой всей жизни чехословацкой бригады», чтобы политически овладеть ею. В противоречии с действовавшими в чехословацкой

армии предписаниями, запрещавшими деятельность политических партий в ней, КПЧ создала в воинской части свою тайную организацию, нацеленную на укрепление здесь коммунистического влияния⁸⁸. Организация была действительно тайной: запрещалось вести протоколы во время собраний ее членов и составлять их списки.

Непосредственными исполнителями указаний ИККИ и Загранбюро КПЧ являлись ортодоксальный коммунист капитан Я. Прохазка, который был не только советским гражданином, но и членом ВКП(б), занимавшимся много лет переводами трудов классиков марксизма-ленинизма; кроме того, в декабре 1941 г. он окончил специальные курсы НКВД⁸⁹; майор Б. Врбенский, старый член КПЧ, с 1934 г. руководивший в ЧСР Союзом друзей СССР; в январе 1942 г. он стал от КПЧ членом Государственного совета (в Лондоне), а в апреле Пика попросил Панфилова (и получил его согласие) утвердить Врбенского членом Чехословацкой военной миссии в СССР⁹⁰; Б. Райцин, занимавшийся в части культурно-просветительской работой и одновременно руководивший коммунистическими ячейками, а после войны активно участвовавший в организации процесса над Пикой и, таким образом, приложивший руку к его казни. Весной 1942 г. в сообщении К. Готвальду «о кадрах для чехословацкой воинской части в СССР» Я. Прохазка так характеризовал прибывших из Оранок: «Это... группа, специально выбранная и обработанная в воинском духе. Наибольшая „заслуга“ в этом принадлежит подполковнику Свободе. Она состоит (кроме капитана Бедржиха) из молодых кадровых офицеров и младших командиров, которые должны стать послушным инструментом в руках командования... руководители группы — мировоззрения остро антикоммунистического и антисоветского»⁹¹. Всех офицеров и младших командиров во главе с Л. Свободой Прохазка называл элементами, с которыми коммунисты ведут упорную борьбу. «Свободе, — считал он, — как и всем остальным, нельзя верить, он должен находиться под постоянным наблюдением». Конкретной задачей коммунистов, согласно Прохазке, являлось ослабление оранской группы, ее дезорганизация, устранение главной «нечистой силы», изоляция «враждебных и вредных элементов», которых следует утратить, привлечение к единой совместной борьбе «более честных и искренних» людей⁹².

Примерно такие же инструкции получила и группа «русских» чехов, прибывшая весной 1942 г. в Бузулук из г. Фрунзе (Киргизия), где еще в 1925 г. эмигранты-коммунисты основали промышленный кооператив «Интергельпо». Один из членов этой группы сообщил Л. Бедржиху следующее: «Перед нашим отъездом из Фрунзе к нам пришел депутат [Национального собрания ЧСР коммунист Й.]

Кроснарж... и призвал нас вступить в чехословацкую воинскую часть, которая создается в Бузулуке,... старательно обучаться и воевать, чтобы получить военные и командные должности и в подходящий момент прибрать чехословацкую армию к своим рукам»⁹³. Он сообщил также, что в ближайшие дни Кроснарж приедет в Бузулук, но в части не появится, а встретится с коммунистами в городе. Особое задание получил Врбенский: сблизиться со Свободой и склонить его к поддержке дела социализма. Впоследствии Свобода признавал, что Врбенский действительно оказал большое влияние на его мировоззрение⁹⁴.

«Чехословацкий» Лондон ощущал угрозу укрепления в воинской части на территории СССР коммунистического влияния и настаивал на переезде в Советский Союз чехословацких офицеров из Англии. Москва же всячески противилась этому. Фирлингер, который сразу после своего возвращения в СССР установил и поддерживал тесные связи с чехословацкой коммунистической эмиграцией, тоже возражал против этого. 25 апреля 1942 г. Прохазка сообщил Готвальду: «Фирлингер... сохраняет абсолютное недоверие к чехословацкому офицерскому корпусу в Лондоне и в оранской группе. Он утверждает, что это реакционеры, которые хотели бы установить в ЧСР военную диктатуру... Ф[ирлингер] критически относится к Бенешу... Ф. очень радовался тому, что не был разрешен въезд из Англии 50 офицеров. Ожидает от них лишь плохого. Утверждает, что мы можем обойтись без них»⁹⁵. Если Бенеш, Ингр и Пика опасались, и не без основания, усиления в воинской части коммунистического влияния, то советские власти обратного — импорта антикоммунизма. Отказ допустить в СССР офицеров из Англии вынудил командование части обратиться к поискам внутренних резервов: в Бузулуке была организована школа для подготовки офицеров и младших командных кадров, что, несомненно, открывало активно действовавшим коммунистам дорогу к занятию командных должностей. Несмотря на трудности, весной 1942 г. началось регулярное военное обучение личного состава части: открылись курсы подрывников, саперов, минометчиков, радистов, военных медиков. При этом использовались советские уставы и учебники. Занятость боевой подготовкой не мешала налаживанию досуга солдат и офицеров части. Были созданы футбольная команда, которая проводила товарищеские встречи с местными футболистами, оркестр и хоровой ансамбль, нередко выступавшие не только в казармах, но и перед местными жителями и даже на радио. Под руководством скрывавших до поры до времени свое политическое лицо коммунистов издавалась газета «Наше войско в СССР». Личный состав части по мере необходимости и возможностей оказывал помощь в работе совершенно обезлюдевших соседних

колхозов⁹⁶. Существовала библиотека, куда поступали советские газеты и журналы. Прохазка, отвечавший за просветительскую работу в части, обеспечил доставку сюда чешского издания работ Сталина «Вопросы ленинизма» (50 экземпляров), «Марксизм и национально-колониальный вопрос» (10), краткой биографии Сталина (100)⁹⁷. С полной отдачей работал медицинский персонал части во главе с коммунистом Ф. Энгелем. Прибывавшие в Бузулук после освобождения люди были, как правило, истощены и больны, их надо было сначала вылечить и поставить на ноги.

Возможно, по своей инициативе, но, скорее всего, по подсказке «товарищей» из ИККИ, К. Готвальд решил сам удостовериться, как идет дело с формированием чехословацкой воинской части в Бузулуке. Для этого требовалось приглашение от ее командира Л. Свободы, которое при помощи Врбенского удалось получить⁹⁸. Направляя приглашение, Свобода рассчитывал решить две задачи: уменьшить трения с коммунистами в самой части и получить поддержку в деле ее пополнения людьми, находившимися в лагерях и тюрьмах СССР. Не все офицеры части согласились с этим приглашением. Пика был оповещен о нем постфактум, 19 мая. Недовольный этим начальник чехословацкой военной миссии сообщал в Лондон 23 мая: «Я уже не могу дезавуировать командира батальона и запрещать визиты явно политических деятелей»⁹⁹. Готвальд направлялся в Бузулук не как руководитель Загранбюро КПЧ, а как депутат Национального собрания довоенной ЧСР. Поездка, которая состоялась 26 мая, была приурочена ко дню рождения президента Бенеша (28 мая). Готвальда сопровождали В. Копецкий, Й. Кроснарж и журналист В. Борек. Выступление Готвальда перед личным составом части 27 мая, которое состоялось в местном кинотеатре, было выдержано в духе линии ИККИ, намеченной после 22 июня 1941 г. В нем подчеркивалась необходимость «объединения всех чехов без различия их социального происхождения, политических убеждений и религиозного вероисповедания в борьбе против гитлеровского ига», соблюдения лояльности и верности по отношению к Советскому Союзу. Особо указывалось на то, что будущее разрешение всех социальных, политических и национальных проблем в освобожденной стране, как и урегулирование ее международных отношений, народ возьмет на себя»¹⁰⁰. Готвальд и Копецкий были довольны результатами своей поездки в Бузулук, о чем и доложили Димитрову 8 июня 1942 г.¹⁰¹ Пика¹⁰² и Ингр¹⁰³ в целом тоже положительно оценивали пребывание коммунистических деятелей в части.

По договоренности с руководителями КПЧ Л. Свобода 31 мая направил им, как депутатам Национального собрания ЧСР, просьбу о

максимальной помощи «в решении жизненно важных вопросов, касающихся чехословацкой воинской части в СССР», а именно: ускорить как перевод карпатских украинцев (в ДМИСЧО — подкарпатских русинов), а также пленных чешской, словацкой и карпато-украинской (в ДМИСЧО — подкарпаторусинской ¹⁰⁴) национальности в часть, так и ее вооружение. Содержалась также просьба «дать возможность чехословацкой воинской части в СССР вести пропаганду по радио и с помощью прессы» ¹⁰⁵, основываясь на принципах, изложенных, по сути, в выступлении Готвальда. К просьбе прилагался документ, в котором на основании заявлений добровольцев, прибывавших в Бузулук, сообщались сведения о численности и местах заключения чехословацких граждан по данным на 29 мая 1942 г. В списке значились 22 лагеря и тюрьмы: 1. Унженский (Горьковская область) — 70 чехов и словаков и, по меньшей мере, 500 карпато-украинцев (к-у); 2. Издельский (Свердловская область) — не менее 350 к-у и около 10 чехов; 3. Каргопольский (Архангельская область) — не менее 300 к-у и несколько чехов и словаков; 4. Северо-Железнодорожный (Коми АССР) — 20 чехов и словаков и не менее 200 к-у; 5. Ухто-Ужемский (Коми АССР) — не менее 2500 к-у и 15 чехов; 6. Усть-Вымский (Коми АССР) — несколько к-у; 7. Печорский (Коми АССР) — не менее 3000 к-у; 8. Кулайский (г. Архангельск) — 50 чехов и словаков, не менее 400 к-у; 9. Архангельский (г. Архангельск) — около 30 к-у; 10. Норильский (Красноярская область) — несколько чехов и словаков и около 500 к-у; 11. Северо-Восточный (Хабаровский край) — 10 чехов и не менее 1000 к-у; 12. Онежский (северная ж/д, ст. Плясецкая) — не менее 550 к-у; 13. Сорокский (Карело-Финская АССР) — около 20 чехов и 150 к-у; 14. Лагерь НКВД Кандалакша (Мурманская область) — 15 к-у; 15. Молотовский лагерь НКВД (г. Молотовск) — около 10 чехов и словаков и 150 к-у; 16. Верхотурская тюрьма, трудовой лагерь для молодежи — около 15 к-у; 17. Златоустовская тюрьма (г. Златоуст) — не менее 20 к-у; 18. Красноярский (г. Канск) — 6 словаков; 19. Волжский (Ярославская область) — около 10 чехов и словаков; 20. Воркутинский (Архангельская область, Ненецкий национальный округ) — не менее 400 к-у; 21. Карагандинский (г. Караганда) — около 40 чехов; 22. Вятский (Кировская область) — около 20 чехов. «Всего установлено, — говорилось в документе, — что в тюрьмах и лагерях находятся не менее 10 000 карпато-украинцев и еще не менее 150–200 чехов и словаков». Кроме того, указывалось, что карпато-украинцы находятся также в Амурском (Хабаровский край, г. Комсомольск), Байкало-Амурском, Северо-Уральском лагерях и в Якутских лагерях. «Приведенные цифры чехословаков в лагерях и тюрьмах, — считали авторы, — являются неполными. Фактически их гораздо больше, так

как, во-первых, до сих пор известны не все лагеря, а во-вторых, приведенные цифры чехословаков взяты лишь из некоторых частей или колоний отдельных лагерей, откуда были освобождены добровольцы, поступившие в чехословацкую воинскую часть». Сообщалось также о волынских чехах: большинство призванных в Красную Армию в мае 1941 г. в ноябре того же года было направлено в строительные батальоны (не менее 1000). Из оседлых чехов, проживавших в деревнях Краснодарского края, Киевской и Житомирской областей, большая часть тоже служила в строительных батальонах. По мнению составителей документа, всего на территории СССР имелось не менее 12-000 чехословаков¹⁰⁶.

Конечно, все эти «самодеятельные» сведения не были и не могли быть точными. И ранее, и позднее цифры 10, 12, 13, 15, 20 тысяч (главным образом речь шла о жителях Подкарпатской Руси) не раз фигурировали в документах чехословацкой стороны, передаваемых советским властям, которые должны были реагировать на них. Еще 1 апреля 1942 г. Новиков устно сообщил Фирлингеру, что «жители Закарпатской Руси будут рассматриваться как чехословацкие граждане и на них будет распространено решение об освобождении. Соответствующие указания компетентным органам уже даны»¹⁰⁷. Практическая реализация принятых в советских верхах решений об освобождении из мест заключения чехословацких граждан встретила на своем пути много препятствий. Приказы на места доходили с опозданием, местные руководители НКВД и начальники лагерей вообще не всегда понимали, зачем это надо делать, не хватало людей для пересмотра дел и определения, кто попал под амнистию, а кто нет, отсутствовал транспорт для отправки освобожденных, с трудом решались финансовые вопросы, по-прежнему существовала неясность относительно гражданства (чехословацкие или венгерские подданные?) подкарпатских русин, высказывались сомнения относительно их благонадежности и т. д. Заместитель Панфилова в смешанной советско-чехословацкой комиссии генерал Г.С. Жуков (НКВД) объяснял задержку с освобождением тем, что нет возможности быстро выяснить, в каких конкретно лагерях находятся подкарпаторусины, во что трудно было поверить. Снова этот вопрос был поднят С. Ингром во время его приезда в СССР в конце июня 1942 г. и посещения им Куйбышева и Бузулука.

Хотя в беседе с глазу на глаз министр высказал Л. Свободе свое недовольство его инициативой в приглашении коммунистических деятелей и излишним рвением в переговорах с советскими властями, но положением дел в части остался доволен. О впечатлении Ингра Пика говорил Свободе так: «Я хотел бы, чтобы ты видел

телеграмму, которую он (Ингр. — *В.М.*) отправил в Лондон. Твой батальон будто бы является лучшей частью во всей нашей заграничной армии». Прохазка в своем сообщении Димитрову и Готвальду также положительно оценил визит Ингра: «Короче говоря, генерал Ингр, как официальный представитель правительства и как главнокомандующий, подтвердил ту линию, которую начал проводить подполковник Свобода... Ингр отверг тенденцию отправить часть на Ближний Восток ¹⁰⁸ и высказался за ускорение ее отправки на советско-германский фронт» ¹⁰⁹. Дав высокую оценку состоянию дел в батальоне, министр, тем не менее, вовсе не желал, чтобы Свобода участвовал в переговорах с советскими властями в Москве о дальнейшем строительстве чехословацких воинских частей в СССР. Ингр полагал, что это не в его компетенции. Однако Свобода ¹¹⁰, видимо приглашенный советскими властями, принял участие в переговорах. Министр предпочел обойти этот факт молчанием. Инцидент еще более углубил трещину в отношениях между Пикой и Свободой.

С. Ингр встретился с А.П. Панфиловым 3 июля 1942 г. В переговорах участвовали с чехословацкой стороны Г. Пика, Л. Свобода, Я. Калла, с советской — начальник отдела внешних сношений Генштаба КА полковник Евстигнеев. Согласно сделанной им записи беседы, Ингр поставил перед Панфиловым следующие вопросы: «1. Я прошу как можно скорее обеспечить отправку 1-го чехословацкого батальона на фронт, чтобы сражаться вместе с Красной Армией. Это для нас очень важно. Нам необходимо быстрое получение оружия (помета карандашом: «послан доклад начальнику Генштаба». — *В.М.*). 2. Как обстоит вопрос с освобождением карпато-русин. Мне известно, что по этому вопросу тов. Вышинский дал принципиальное согласие. 3. В связи с тем, что мы будем формировать новые батальоны из карпато-русин, я прошу разрешить послать офицеров из Англии... 5. Прошу выделить ваших инструкторов для обучения наших офицеров и солдат и дать необходимые наставления и инструкции (помета карандашом: «высылаются». — *В.М.*). 6. Обеспечить батальон зимней одеждой при наступлении зимы (помета карандашом: «будет выдана осенью». — *В.М.*). 7. Прошу обеспечить пособиями семьи офицеров батальона и содержание нетрудоспособных. 8. О кредите на содержание военной миссии. Этот кредит я смог бы получить у англичан, они его охотно нам дадут, но я не хочу просить у них этот кредит. 9. Прошу перевести деньги на дальнейшее содержание батальона (помета карандашом: «переведено 1,5 миллиона». — *В.М.*). 10. Обеспечить батальон оружием».

Встреча по-военному четко длилась всего полчаса (с 22 до 22.30). На поставленные вопросы Ингр получил следующие прямые и краткие

ответы Панфилова: «1. Ваша просьба будет доложена Главному командованию Красной Армии, думаю, что она будет удовлетворена (помета карандашом, сделанная либо Панфиловым, либо Евстигнеевым: «послан доклад». — *В.М.*) 2. Вопрос об освобождении карпато-русин нужно поставить в дипломатическом порядке. 3. Когда будут сформированы новые чехословацкие батальоны, тогда можно будет обсудить этот вопрос (об офицерах из Англии. — *В.М.*) практически... 5. Инструкторов пошлем, инструкции дадим (помета: «посланы». — *В.М.*) 6. Зимняя одежда будет. 7. О пособиях для семей нужно просить особый кредит в дипломатическом порядке. 8. Можно содержать миссию за счет предоставленного вам кредита. 9. Отпустим 1,5 млн рублей (помета: «послал». — *В.М.*) 10. Учебное оружие будет (помета карандашом: «запрошен полный комплект всего вооружения». — *В.М.*) Генерал Ингр поблагодарил генерала Панфилова за быстрое решение его просьб»¹¹¹. Фирлингер, сообщая Бенешу о переговорах министра в Москве, в частности, отметил, что советские власти берут в расчет необходимость введения части в сражения на таком участке, где она «не понесла бы излишних потерь»¹¹². Следует отметить, что Фирлингер предлагал Я. Шверме организовать его встречу с Ингром. Однако Шверма, испрашивая 4 июля согласие Г. Димитрова на эту встречу, одновременно сообщал и свое мнение, считая ее нецелесообразной, поскольку Ингр «человек неполитический, который нам много указать не может (т. е., видимо, не может дать интересующие нас сведения. — *В.М.*)»¹¹³.

По возвращении в Лондон Ингр доложил впечатления о своем пребывании в Советском Союзе Бенешу. Министр был польщен оказанными ему почестями. В его распоряжении во все время визита находился специальный самолет, в Куйбышеве он беседовал с Вышинским и Лозовским, которые обещали всяческое содействие выполнению его просьб, касавшихся формирования воинской части. Характеризуя положение дел в ней, Ингр отмечал: «Физическое и моральное состояние части хорошее. Дисциплина и подготовка также очень хорошие. Обучение проходит хорошо, вооружение до настоящего времени исключительно учебное и в очень ограниченном количестве... До сегодняшнего дня в части не было партийно-политических конфликтов — сосуществование хорошее. Посещение воинской части в день Вашего рождения депутатами-коммунистами Готвальдом, Копецким и Кроснаржем было хорошо подготовлено командиром части и офицерским составом и не повлекло осложнений»¹¹⁴. В заявлении, сделанном Ингром 7 августа, согласно сообщению ТАСС, он сказал, что Советский Союз будет продолжать свою борьбу до победы, независимо от того, будет или нет открыт второй фронт, создание которого с нетерпением ожидает русский народ¹¹⁵.

Заручившись согласием «чехословацкого» Лондона в вопросе об отправке части на советско-германский фронт, Л. Свобода начал действовать, но действовать самостоятельно, не согласовывая свои шаги с Пикой. В середине июля было завершено формирование первого отдельного чехословацкого батальона и резервной роты. Я. Прохазка в письме К. Готвальду сообщал об усилившемся в части влиянии коммунистов, положение которых «более или менее легализовано и признано» и которые уже «не должны скрывать своих убеждений и принадлежности к партии»¹¹⁶. Свобода при поддержке коммунистов полагал, что настало время готовить часть к отправке на советско-германский фронт, где положение весьма осложнилось: части вермахта подошли к Сталинграду. Свобода, уверенный в нежелании Пики добиваться ускорения отправки части на фронт, написал 28 августа через голову начальника миссии, нарушив тем самым воинскую субординацию, письма на имя Сталина, начальника Генштаба КА и наркома внутренних дел. В письмах, написанных от имени всех бойцов и командиров части, говорилось, что батальон, закончивший в основном свое обучение в тылу, «ждет получения необходимого вооружения и приказа об отправке на фронт». Подчеркивалось, что это будет иметь «огромное политическое значение для всего освободительного движения нашего народа»¹¹⁷. Свобода просил «депутата Готвальда» поддержать эту просьбу. 6 сентября Шверма сообщал Димитрову о полученной от Свободы телеграмме с приглашением посетить в ближайшее время воинскую часть и сделать ряд докладов о международном положении, о состоянии освободительного движения чехословацкого народа и о задачах чехословацкой воинской части в СССР. Шверма спрашивал, как реагировать на эту телеграмму и какой дать ответ. Резолюция Димитрова гласила: «Пока под благовидным предлогом отклоните это предложение»¹¹⁸. Трудно сказать, имела ли место сопряженность указанных действий, но нельзя не отметить, что именно летом 1942 г. ИККИ настоятельно рекомендовал (!) развертывать вооруженную (партизанскую) борьбу в оккупированных гитлеровцами странах, причем независимо от того, существуют ли для этого условия или нет¹¹⁹. И, скорее всего, Свобода (от Врбенского, Прохазки?) знал об этом. Письма он отправил через советских офицеров связи, прикомандированных к части.

Постфактум Пика должен был согласиться с просьбой Свободы и подтвердить это официально через постпредство. Но, по сути, он сомневался в необходимости ускорения отправки батальона на фронт, и не только потому, что его возмутило поведение Свободы. Он считал, что чехословацкая воинская часть должна участвовать в войне лишь на ее заключительном этапе, когда начнется непосредственное

освобождение Чехословакии. А до того, по его мнению, отправка на фронт такой маленькой воинской единицы являлась бессмысленной, рискованной и вредной затеей. Это свое мнение он, естественно, довел до сведения Лондона. Свобода вынужден был писать (5 октября) министру обороны объяснение по поводу своих «формально неправильных действий». Он говорил о желании личного состава части участвовать в боях и добавлял: «Кроме того, прикомандированные к части советские офицеры связи неоднократно намеками и вопросами пытались выяснить, является ли участие в активных боевых действиях на фронте искренним желанием тех, кто должен идти на фронт, или же соответствующие заверения были даны нашими официальными деятелями в официальных советских учреждениях лишь формально»¹²⁰.

В середине октября чехословацкая воинская часть получила долгожданное боевое оружие. Но официального ответа на письмо Свободы пока не было, и он снова решился на «самостоятельные» действия, испросив аудиенцию у Вышинского. Тот принял его прохладно, поскольку пока не был решен вопрос о том, как реагировать на неофициальную просьбу (письмо Свободы) об отправке батальона на фронт, но, в конце концов, заверил подполковника, что ответ советских властей будет положительный. «Свою работу» в этом направлении вело и руководство Загранбюро КПЧ, которому раньше, чем Свободе, стало известно о положительном решении вопроса, о чем Готвальд 17 ноября сообщил командиру батальона¹²¹. 22 ноября 1942 г. советский офицер связи при части П. Камбулов от имени генерала НКВД Г.С. Жукова довел до сведения Л. Свободы, что его просьба была передана Сталину, который согласился, чтобы батальон после надлежащего вооружения был отправлен на фронт. Одновременно Камбулов заявил, что положительно решен и вопрос об освобождении из лагерей подкарпатских русин¹²², переправка которых в Бузулук, где шло формирование 2-го батальона, должна была начаться сразу же после отправки 1-го батальона на фронт. Свобода, снова в нарушение субординации, в тот же день отправил на имя Сталина новую телеграмму, в которой сообщал о готовности батальона к отправке на фронт и просил назначить ее дату на 10 декабря 1942 г.¹²³. Пика вынужден был проглотить и эту пилюлю. Обстановка не позволяла ссориться с советскими властями, явным фаворитом которых при поддержке Фирлингера и чехословацких коммунистов становился Свобода. 17 декабря Пика отправил на имя Сталина благодарность «за прекрасное вооружение чехословацкой воинской части». «Для меня является честью, — писал он, — сообщить Вам, что техническое и тактическое обучение уже вполне закончено и что

1-ый батальон готов к бою». Пика убедительно просил «дать Ваше любезное разрешение» к его отправке на фронт¹²⁴. 28 декабря Пика и Свобода просили Г.С. Жукова передать Верховному главнокомандованию Красной Армии и «великому вождю И.В. Сталину», бойцам и командирам РККА «нескрываемое восхищение всех чехословацких бойцов на братской земле СССР» и искренние поздравления с наступающим новым годом с пожеланием полного разгрома в 1943 г. немецко-фашистских захватчиков¹²⁵.

Генерал-майор С.М. Штеменко, тогда начальник Оперативного отдела Генштаба КА, в своих мемуарах объяснял длительное решение советскими властями вопроса об отправке батальона на фронт их заботой о том, чтобы она «уцелела в жестоких боях» и смогла участвовать в освобождении своей родины. «Верховный Главнокомандующий, — вспоминал Штеменко, — насколько мне известно, придавал этому батальону исключительно большое политическое значение. Не один раз он высказывался на сей счет в период обсуждения положения на фронтах на заседаниях Ставки. Он склонялся к тому, чтобы не бросать чехословацкий батальон в бой против опытных и хорошо вооруженных немецко-фашистских войск, полагая, что в этом случае он неминуемо понесет тяжелые потери». Далее Штеменко пишет, что вопрос решился, когда состоялась беседа Сталина со Свободой¹²⁶. В известных автору данной монографии литературе и документах о такой встрече ничего не говорится. Скорее всего, она «домыслилась» Штеменко или его «помощниками» по написанию мемуаров на основе известных фактов, а именно: письма Свободы на имя Главнокомандующего и решения «верхов» об отправке батальона на фронт.

В конце декабря 1942 г. советские военные власти проинспектировали состояние боеготовности батальона. 23 декабря генерал-майор Коваленко направил заместителю народного комиссара обороны генерал-полковнику Щаденко доклад о результатах этой проверки. В докладе говорилось, что «с получением оружия и другого боевого имущества и особенно после прибытия группы командиров Управления инспектирования качество боевой подготовки и политико-моральное состояние резко повысилось и в настоящее время находится на высоком уровне». Указывалось, что батальон личным составом укомплектован полностью, командный состав — офицеры чехословацкой армии, младший комсостав и рядовой состав в большинстве своем также ранее проходил службу в чехословацкой армии, до 20% рядового и младшего комсостава служили в Красной Армии, но «как чехи были переведены в чехословацкую часть»; батальон вооружен полностью новым оружием. Выводы гласили:

«1. Батальон сколочен и готов к выполнению боевых задач. 2. ... Дальнейшее пребывание батальона в тылу отрицательно отразится на его боеспособности... Командир батальона просит отправить батальон на фронт обязательно в 1942 г., заявляя, что это имеет политическое значение». Вносилось следующее предложение: «Батальон необходимо отправить на фронт, через некоторое время снять с фронта и на его базе формировать отдельную бригаду из прикарпатских русин», которые «уже начинают прибывать в Бузулук»¹²⁷.

В состав батальона, насчитывавшего в конце 1942 г. 970 солдат и офицеров, входили три пехотные, пулеметная и минометная роты и три отдельных взвода. 22 января 1943 г. нарком обороны приказал «отдельный чехословацкий пехотный батальон направить в распоряжение комвойсками Воронежского фронта». 27 января состоялось торжественное вручение батальону боевого знамени, подаренного ему Бенешем. Знамя вручал Пика. Председатель бузулукского совета прикрепил на знамени ленту с надписью «Смерть немецким оккупантам!». После принятия присяги состоялся торжественный парад чехословацкой воинской части, которым командовал Свобода. В тот же день он послал телеграмму на имя Сталина об отправке батальона на фронт¹²⁸. 30 января батальон отбыл в действующую армию. Именно в это время завершился разгром группировки немецких армий под Сталинградом. Личный состав части по инициативе коммунистов начал сбор средств на постройку двух собственных, чехословацких танков, первый из которых решили назвать «Лидице», второй «Лежаки». Так именовались сожженные гитлеровцами дотла две чешские деревни. В телеграмме, направленной Сталину, сообщалось о том, что на строительство танков собрано 200 000 рублей. Верховный Главнокомандующий КА в телеграмме на имя Свободы разрешил присвоить танкам указанные имена и передать их в распоряжение чехословацкой воинской части¹²⁹. Чехословацкое правительство было заинтересовано, чтобы мир узнал об отправке батальона на советско-германский фронт. Это следует, в частности, и из протокола заседания смешанной советско-чехословацкой комиссии 2 февраля 1943 г., где значит: «Считать целесообразным передать ходатайство полковника Пики о разрешении сообщить в печати и по радио о выходе чехословацкого батальона на фронт на рассмотрение соответствующих советских органов»¹³⁰. «Органы», которые в свою очередь тоже были заинтересованы в этом, разрешили. Широко пропагандированная отправка батальона на фронт принесла чехословацкому правительству несомненные политические дивиденды.

15 февраля батальон прибыл в Острогжск, где состоялась встреча с командующим Воронежским фронтом генерал-полковником

Ф.И. Голиковым. Затем часть была переправлена в Валуйки, откуда совершила марш-бросок до Харькова, где появилась 1 марта 1943 г. 3 марта батальон занял оборонительные позиции протяженностью 10 км на линии Миргород — Соколово — Артюховка, на северном берегу реки Мжи. Здесь, у деревни Соколово, состоялось боевое крещение части. Рота надпоручика О. Яроша, насчитывавшая 350 бойцов, в течение 6–8 марта вела упорные бои, сдерживая танковые атаки немцев. Батальон сражался на этом участке фронта до 13 марта ¹³¹. В донесении Свободы Голикову от 29 марта о результатах сражения говорилось: «Батальон за короткий промежуток прошел форсированным маршем свыше 600 км, провел тяжелые бои за Соколово, Миргород, Артюховка, в которых потерял все противотанковые средства, 9 станковых пулеметов из 13, все инженерное имущество, а также 25 процентов личного состава», в том числе убитыми 153 человека, ранеными — 92, пропавшими без вести — 122. Командир батальона считал, что для дальнейшего выполнения боевой задачи часть нуждается «в получении отдыха, в реорганизации, пополнении вооружением, транспортом, обувью», и просил довести содержание донесения до сведения Главного Уполномоченного СНК СССР по формированию иностранных частей на территории СССР генерала Жукова в Москве ¹³². Сообщение ТАСС о сражении у Соколово появилось только 2 апреля, а до этого ходили разные тревожные слухи о судьбе батальона и его потерях. Опять зазвучали критические голоса и упреки в преждевременной и безрассудной отправке части на фронт. Жуков после телефонного разговора с Голиковым сообщил Пике его мнение о действиях батальона. Командующий фронтом высоко оценил его боеспособность и храбрость бойцов: «Несмотря на массовое введение в бой немецких танков», батальон без поддержки собственных танков «выдержал напор и сумел организовать оборону выделенного ему участка, нанеся неприятелю большой материальный (в танках) и человеческий урон. Он отступил лишь по приказу свыше» ¹³³. Прибывший в начале апреля в Бузулук из Англии полковник (впоследствии генерал) Я. Кратохвил констатировал, что введение в бой батальона было целесообразно, что его командование хорошо справилось с возложенными на него задачами и что потери части в сражении полностью соответствовали обстоятельствам ¹³⁴. Специальная комиссия при Высшей военной академии Генерального штаба КА определила военное значение боев у Соколова, по словам Л. Свободы, так: «Чехословацкая воинская часть в значительной мере содействовала тому, что на важном участке обороны южнее Харькова удалось задержать противника на восемь–десять дней... Это позволило советскому командованию выиграть время для того, чтобы подтянуть на харьковское направление свежие войска» ¹³⁵.

Москва не менее чехословацкого правительства была заинтересована в том, чтобы бои у Соколово получили положительный общественный резонанс: ведь батальон являлся первой иностранной воинской частью, сражавшейся в составе Красной Армии на советско-германском фронте. Многие солдаты и офицеры батальона, отличившиеся в этих боях, получили советские и чехословацкие ордена и медали. Л. Свобода как первый иностранный гражданин был награжден орденом Ленина, О. Ярош, посмертно произведенный в капитаны, стал первым иностранцем, который тоже посмертно получил звание Героя Советского Союза¹³⁶.

На фронте: Новохоперск — Киев

После отъезда на фронт 1-го батальона в Бузулуке продолжалось формирование чехословацких резервных частей, сначала батальона, затем полка. Освобожденных из заключения подкарпатских русин, прибывших сюда, оказалось достаточно для этого. На упомянутом заседании смешанной советско-чехословацкой комиссии 2 февраля Г.С. Жуков принял к сведению заявление Г. Пики, что «прибывший на укомплектование чехословацких частей контингент амнистированных карпаторусов хорошо одет, вполне удовлетворен снабжением на путь следования продуктами питания, что необходимый казарменный фонд для полка уже выделен и находится в удовлетворительном состоянии»¹³⁷. Вместе с тем 21 марта 1943 г. Пика, опасаясь четко обозначившегося в среде коммунистов и «коминтерновцев», а также со стороны НКВД стремления считать жителей Подкарпатья не русскими и не русинами, а украинцами и характеризуя это как обозначившуюся тенденцию к включению в будущем этой области в состав советской Украины, сообщал в Лондон: «Дух прежних жителей Подкарпатской Руси явственно чехословацкий. После печального опыта пребывания в трудовых лагерях, в лагерях для интернированных и тюрьмах свобода в ЧСР является их первоочередной целью, и они будут противниками эвентуального объединения Подкарпатской Руси с Советским Союзом»¹³⁸. Вопросами просвещения формировавшегося в Бузулуке полка по-прежнему ведал Я. Прохазка, тесно связанный с Готвальдом. Вопросы, касавшиеся воинской части, проходили непосредственно через Димитрова. Например, 13 февраля Шверма просил его разрешения на встречу с Пикой, приехавшим ненадолго в Москву из Бузулука: «Он пригласил меня и Сланского к себе (в гостиницу „Националь“»). Резолюция Димитрова: «Только с информационной целью, сохраняя необходимую осторожность и сдержанность в беседе». 15 апреля — снова Шверма просил разрешить ему встре-

титься с Пикой. Димитров: «Можете встретиться. Ведите, однако, не обязывающие разговоры. „Получайте“, но не „отдавайте“»¹³⁹.

В начале апреля 1943 г. Я. Кратохвил вместе с Пикой приступил к реализации проекта создания первой отдельной чехословацкой бригады. Предполагалось, что понесший большие потери в сражении у Соколово батальон Свободы будет возвращен в Бузулук для отдыха и переформирования. Свобода воспротивился этому, ссылаясь на длительность переезда и нежелание расставаться с фронтовыми друзьями. Командование Воронежского фронта согласилось с его позицией и добилось, чтобы формирование бригады происходило в г. Новохоперск, куда 9 мая передислоцировался отозванный с фронта батальон. В конце апреля его командир побывал в Москве, где получил орден Ленина из рук Председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина, встретился с руководством Загранбюро КПЧ, которое обещало ему всяческую поддержку, присутствовал на проходившем в те дни Всеславянском съезде. 29 апреля 1943 г. ГКО СССР принял постановление о создании в Новохоперске 1-й чехословацкой пехотной бригады, основу которой должны были составить батальон Свободы и сформированный в Бузулуке запасной полк. Для пополнения бригады в Бузулуке создавалась запасная рота. На НКО СССР возлагалась обязанность материального и финансового обеспечения формируемых на территории СССР чехословацких воинских частей «наравне с частями Красной Армии»¹⁴⁰. Преобладающую часть личного состава бригады, которая сначала насчитывала 1400, а вскоре возросла до 3000 человек, составляли подкарпатские русины¹⁴¹. 27 мая декретом президента командиром бригады был назначен Л. Свобода¹⁴², что соответствовало желанию советского командования, но не совпадало с намерениями «чехословацкого» Лондона видеть командиром бригады полковника Я. Кратохвила. В конце концов было найдено компромиссное решение: полковник стал командиром всех чехословацких воинских частей, т. е. формально непосредственным начальником Свободы. 28 мая между советским и чехословацким правительствами было подписано соглашение о предоставлении первым — «денежных средств, материалов и обслуживания, потребных для содержания чехословацкой бригады на территории СССР в период войны», а вторым — средств, «необходимых для содержания частей Красной Армии в случае их нахождения на территории Чехословацкой республики». Взаиморасчеты предполагалось осуществить в послевоенное время¹⁴³. В мае в бригаду прибыли советские офицеры-инструкторы, которые были прикомандированы к командирам всех подразделений и начальникам штабов части.

Меж тем продолжались поиски людей, которыми можно было бы пополнить чехословацкие воинские части. Фирлингер и Пика ставили вопрос о чешских и словацких военнопленных, бывших служащих немецкой, венгерской, словацкой армий. Советские власти склонялись к положительному его решению. В 1943 г. участились переходы словацких солдат на сторону Красной Армии. Так, в январе на Северном Кавказе на советскую сторону перешла рота (53 солдата) под командованием надпоручика П. Марцелли. В январе-феврале 1943 г. еще несколько групп словацких военнослужащих дезертировали из «Быстрой дивизии». В мае в составе партизанского соединения под командованием А.Н. Сабурова на Украине появился чехословацкий отряд, созданный капитаном Я. Налепкой (Репкиным)¹⁴⁴ из бывших служащих словацкой армии. 16 июня 1943 г. Пика ходатайствовал перед комиссаром госбезопасности Г.С. Жуковым, который в феврале 1943 г. официально стал Уполномоченным СНК СССР по формированию чехословацких частей на территории СССР, о проведении «дополнительного призыва среди граждан, проживающих в СССР, а также среди военнопленных словацкой, венгерской и германской армий, чехов и словаков по национальности». Жуков опроверг утверждение Пики о переходе на сторону Красной Армии словацкой дивизии, заявив, что это была лишь пехотная рота, и обещал довести ходатайство до сведения советского правительства. Кроме того, Пика говорил о необходимости увеличения офицерского корпуса чехословацкой воинской части, просил содействия в переправке с Ближнего Востока (из Тегерана) 20 чехословацких офицеров, которым разрешен въезд в СССР, и о выдаче разрешения на въезд еще 30 офицерам, поскольку из положенных по штату для бригады 195 офицеров в наличии имеется только 69. Жуков обещал возбудить ходатайство перед соответствующими властями о выделении специального самолета для перевозки офицеров из Тегерана и доложить Верховному Главнокомандованию КА о 30 офицерах¹⁴⁵. 27 июня Жуков сообщил Пике о согласии советского правительства освободить чешских и словацких военнопленных, если они пожелают вступить в ряды чехословацкой армии в СССР¹⁴⁶. 5 июля в состав бригады была принята словацкая рота (200 человек) под командованием П. Марцелли. К сентябрю 1943 г. бригада насчитывала уже более 3000 человек. В нее входили два пехотных и танковый батальоны, артиллерийская и зенитная батареи, роты разведчиков, саперов, связистов, минометный и кавалерийский взводы и обслуживающие подразделения. Бригада получила новейшее советское вооружение, в том числе 10 средних и 10 тяжелых танков, 10 броневедомостей, 122 тягачей, легковых, транспортных и специальных автомашин, 62

мотоцикла, 30 минометов, 28 разного рода артиллерийских орудий, 99 разного вида пулеметов и т. д.¹⁴⁷

После победы Красной Армии в грандиозной битве под Курском, высадки войск союзников в Сицилии, выхода из войны Италии представлялось, что не за горами и поражение гитлеровской Германии, а следовательно, освобождение Чехословакии. Л. Свобода полагал, что бригада подготовлена к отправке на фронт. Пика же снова акцентировал вопрос о возможной роли чехословацкой бригады, учитывая ее национальный состав: 2000 из 3000 человек — подкарпатские русины, в освобождении страны. В конце июля 1943 г. он писал в Лондон: «Прошу хотя бы принципиальных инструкций относительно того, как подготовить часть, находящуюся в СССР, к конечной фазе войны... Я полагаю, что она могла бы быть использована как кадр для занятия Подкарпатской Руси. Часть насчитывает примерно 2000 подкарпатских русин, преимущественно сознательных чехословаков, которые могут стать противовесом какой-либо иной политической агитации среди подкарпатского населения»¹⁴⁸. Хотя до конца войны и начала освобождения Чехословакии было еще далеко, но в «московском воздухе» уже все более явственно стало ощущаться намерение присоединить Подкарпатскую Русь к СССР, и Пика, опытный разведчик, не мог не уловить этой атмосферы. Пока же Пика полагал, что бригада не может быть отправлена на фронт, поскольку ее численность не достигает ранее запланированной, а обучение и моральная подготовка не соответствуют необходимому уровню. Кроме того, он считал, что в бригаде слаб офицерский корпус: не хватает более чем 100 офицеров, что вновь назначенные офицеры и младшие командиры не имеют опыта командования, мало и плохо обучены, а также что командование батальона недостаточно подготовлено для «выполнения достаточно сложной задачи» и хотя работает интенсивно, честно, но «должно только учиться на собственных ошибках»¹⁴⁹. Пикю поддерживал Кратохвил, отношения которого со Свободой тоже не сложились. «Мои отношения и сотрудничество с Пикой очень хорошие, — сообщал Кратохвил в Лондон, — со Свободой, невзирая на [мою] сдержанность при переговорах, почти невозможные... Мое терпение приходит к концу»¹⁵⁰.

Но вопреки всем трениям и трудностям бригада была сформирована. Советская инспекционная комиссия нашла ее готовой к отправке на фронт, просьбу о чем, не желая снова оставлять инициативу за Свободой, поддержал перед Сталиным и Жуковым Пика. 15 сентября 1943 г. состоялась последняя проверка боеготовности бригады. 16 сентября она приняла присягу. На торжестве, организованном без ведома Пики, присутствовали советские генералы, Фирлингер,

Готвальд и Я. Шверма (от КПЧ). 30 сентября на фронт убыл первый эшелон, а затем еще девять. В район сосредоточения вся бригада прибыла лишь 17 октября, потеряв по дороге в результате воздушного налета немецкой авиации более полусотни человек личного состава. Во время следования бригады к месту предстоящих боев Л. Свобода получил 12 октября 1943 г. приветственную телеграмму И.В. Сталина, в которой выражалась уверенность, что чехословацкие солдаты и офицеры принесут «вместе с Красной Армией освобождение своей родине», и подчеркивалось, что «Красная Армия и в дальнейшем будет оказывать чехословацкому народу всяческую поддержку в его борьбе за освобождение Чехословакии от гитлеровских захватчиков». Телеграмму Сталина примерно такого же содержания получили в тот же день, 12 октября, С. Ингр и Г. Пика. Она последовала в ответ на благодарность советскому правительству за оказание помощи в формировании чехословацких воинских частей на территории СССР¹⁵¹. Фирлингер и Пика, которые по-прежнему оставались «на ножах» и отправляли жалобы друг на друга в Лондон, тем не менее соглашались в одном: советские власти оказывали всю возможную помощь в создании и вооружении чехословацких частей. 14 октября Фирлингер, например, телеграфировал Бенешу: «Они (Советы. — В.М.) советуют нам снабдить наши части форменной одеждой нашей армии и готовы немедленно принять необходимые меры для этого. Они предупреждают о том неблагоприятном впечатлении, которое произвела бы наша армия, если бы она пришла в Чехословакию в чужой форме». Кроме того, Фирлингер сообщал о том, что Сталин, откликнувшись на просьбу Пики от 5 октября о формировании чехословацкой авиационной эскадрильи, лично принял решение о предоставлении первоклассной авиационной техники, механиков и вспомогательных служб для одного авиационного полка, «как это было сделано в случае с французским авиационным формированием». Полпред считал также желательным использовать чехословацкую бригаду «в благоприятный момент для освобождения восточных районов республики, как только Советская армия приблизится к нашим границам»¹⁵². 20 ноября чехословацкой военной миссии было сообщено, что советское командование разрешило послать 20 чехословацких военнослужащих, отобранных из резервного полка в Бузулуке, в авиационное училище в Вязниках Ивановской области и 10 — в авиационное училище в Вольске Саратовской области¹⁵³.

В конце октября 1943 г. шла подготовка операции Красной Армии по освобождению Киева. Эта операция непосредственно осуществлялась частями 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Н.Ф. Ватутина. В ней-то и должна была принять участие чехос-

ловацкая бригада, которая вошла в состав 51-го корпуса 38-й армии под командованием генерал-полковника И.Е. Чибисова. Советское командование удовлетворило просьбу полковника¹⁵⁴ Свободы задействовать чехословацкую часть на направлении главного удара советских войск. Участие корпуса в боях за Киев 5–6 ноября 1943 г. в деталях описано Л. Свободой¹⁵⁵. К сожалению, с потерями не считались: столица Украины во что бы то ни стало должна была быть освобождена к 26-й годовщине Октябрьской революции. Однако потери чехословацкого корпуса, согласно мемуарам Свободы, были гораздо меньше, чем в бою у Соколово: 30 убитых¹⁵⁶ и 80 раненых. Возможно, это явилось результатом слаженного взаимодействия различных родов войск — пехоты, танков, артиллерии, авиации, связи, саперов и др. В приказе Верховного Главнокомандующего от 6 ноября 1943 г. по случаю взятия Киева наряду со многими советскими частями отмечалась и 1-я чехословацкая отдельная бригада полковника Свободы¹⁵⁷. Президиум Верховного Совета СССР наградил бригаду и ее командира орденом Суворова 2-й степени, а 139 солдат и офицеров различными орденами и медалями. 3 офицера — командиры роты автоматчиков А. Сохор, танковых рот Й. Буршик и Р. Тесаржик — получили звание Героя Советского Союза¹⁵⁸. Когда в декабре 1943 г. Э. Бенеш прибыл с визитом в Москву для заключения советско-чехословацкого договора (см. главу 4), туда же были приглашены и представители 1-й чехословацкой бригады во главе с ее командиром. 20 декабря 1943 г. президент присвоил Л. Свободе звание бригадного генерала (генерал-майора) и наградил его Чехословацким военным крестом 1939¹⁵⁹. Г. Пика получил звание бригадного генерала несколько раньше.

В дальнейшем чехословацкая бригада с успехом участвовала в житомирско-бердичевской и корсунь-шевченковской операциях Красной Армии по освобождению всей Правобережной Украины. В конце октября — ноябре 1943 г. под Мелитополем на советскую сторону перешли 2731 солдат и офицеров 101-й пехотной дивизии словацкой армии¹⁶⁰. Часть их позднее пополнила состав чехословацкой бригады, а часть стала основой формирующейся в СССР 2-й чехословацкой парашютно-десантной бригады.

¹ См.: Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. Книга 1. 1939–1941 гг. М., 2007. С. 244–245, 277.

² Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 1. Март 1939 г. — декабрь 1943 г. М. 1981. С. 129 (далее: ДМИСЧО 4–1).

³ Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1 (březen 1939–červen 1943) . Praha, 1998. S. 214–216 (далее: ČSVDJ, 1).

⁴ 20 июля 1941 г. НКГБ был объединен с НКВД; снова выделен в самостоятельный комиссариат 4 марта 1943 г.

⁵ Benčík A., Richter K. Vražda jménem republiky. Tragický osud generála Heliodora Píky. Praha, 2006. S. 175

⁶ ČSVDJ, 1. S. 216–217.

⁷ Еще 22 июля 1942 г. Вышинский по просьбе Фирлингера выяснял, каково отношение Молотова к назначению Пики военным атташе при чехословацком постпредстве, и советовал дать положительный ответ. «Со стороны внешнего отдела НКО возражений нет», — отмечал заместитель наркома. Резолюция Молотова от 26 июля гласила: «Затянуть пока ответ» (АВП РФ. Ф. 06. Оп.4. П. 25. Л. 11).

⁸ Дядя — криптоним Сталина и вообще СССР.

⁹ ČSVDJ, 1. S. 220–227.

¹⁰ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 3. П. 25. Д. 347. Л. 2 (далее: АВП РФ).

¹¹ Советско-польские дипломатические отношения были восстановлены 30 июля 1941 г.

¹² АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 31. Д. 53. Л. 19–21. В конце августа 1941 г. СССР и Великобритания ввели свои войска в Иран, чтобы предотвратить его вступление в войну на стороне Германии. Вопрос о судьбе чехословацких специалистов решился не в пользу чехословацкой воинской части в СССР.

¹³ Там же. Л. 32–34.

¹⁴ Под формулировкой «чехословаки» везде подразумевались чехи, словаки и подкарпатские русины (украинцы).

¹⁵ АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 31. Д. 53. Л. 45–46.

¹⁶ Там же. Л. 51.

¹⁷ ДМИСЧО 4–1. С. 170–171.

¹⁸ Кто возглавлял советскую военную миссию при чехословацком правительстве в Лондоне, не ясно, но военным атташе при полномочных представительствах СССР в Польше, Югославии и Чехословакии приказом по разведуправлению Генштаба Красной Армии от 2 декабря 1941 г. был назначен майор А.Ф. Сизов. Скорее всего, он возглавлял и указанную миссию (АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130а. Д. 4. Л. 15, 21).

¹⁹ См. подробнее: Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 231–261.

²⁰ АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 31. Д. 53. Л. 53–57.

²¹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130а. Д. 4. Л. 9.

²² АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 31. Д. 53. Л. 58.

²³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130а. Д. 4. Л. 11–12.

24 Benčík A., Richter K. *Vražda jménem republiky*. S. 205.

25 Конференция трех держав — СССР, Великобритании и США проходила в Москве 29 сентября — 1 октября 1941 г. В ходе переговоров были приняты первые конкретные решения, касавшиеся оказания западными союзниками помощи СССР. И.В. Сталин поднял вопрос о подписании советско-английского союзного договора, «который охватывал бы не только военный, но и послевоенный период». «Наше правительство, — подчеркнул он, — целиком стоит за это» (См.: Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 22–23).

26 Учитывая имевшую место напряженность в советско-польских отношениях, хотя и несколько смягчившуюся после нападения Германии на СССР, советские власти не могли принять это предложение.

27 Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (далее: ЦАФСБ). Ф. К-10с. Оп. 11. Д. 49. Л. 1–10 (Обнаружен в 4-м томе пяти-томного дела № 200: документы, касающиеся вопросов освободительной борьбы польского и чехословацкого народов, советско-польских и советско-чехословацких отношений в 1938–1945 гг.. Отобраны в 1963–1965 гг. в Центральном оперативном архиве при Совете министров СССР для ознакомления польских и чехословацких историков. Согласно имеющейся справке, «6 января 1966 г. материалы в количестве 20 кадров и 209 листов фотокопий начальником ГАУ при СМ СССР Г.А. Беловым были переданы по акту первому советнику посольства Чехословацкой Социалистической Республики тов. Кафке для передачи Институту истории компартии Чехословакии»).

28 Benčík A., Richter K. *Vražda jménem republiky*. S. 206–207.

29 ДМИСЧО 4–1. С. 177.

30 Там же. С. 179.

31 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130а. Д. 4. Л. 19.

32 Там же. Л. 13–18.

33 Там же. Л. 24.

34 Там же. Л. 28.

35 Там же. Л. 77.

36 Там же. Л. 82.

37 ДМИСЧО 4–1. С. 179–180.

38 В заметках Ф. Моравца об обеде с «секретарем посла Богомоллова» Чичаевым 11 декабря 1941 г. значится: «Он представился мне как уполномоченный советской секретной службы, как человек, руководящий этой службой в Англии, главная задача которой — сотрудничество с нашей службой. Его деятельность при после Богомоллове является ширмой его (Чичаева. — В.М.) настоящего послания». Свои впечатления о беседе Моравец изложил так: «Чичаев, бесспорно, является квалифицированным разведчиком с профессиональными навыками и опытом. Его информиро-

ванность, самонадеянность и политический кругозор свидетельствуют, что он занимал в советском центре достаточно важное положение... Надо быть с ним осторожным» (ČSVDJ, 1. S. 255–256).

39 Ibid. S. 258–264.

40 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130а. Д. 4. Л. 15, 21.

41 В Бузулуке в это время шло формирование польской армии.

42 АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 31. Д. 53. Л. 79.

43 Benčík A., Richter K. Vražda jménem republiky. S. 214.

44 Ibid. S. 215.

45 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 26. Д. 35. Л. 1–3.

46 ДМИСЧО 4–1. С. 183.

47 Там же. С. 188.

48 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 26. Д. 35. Л. 9.

49 ČSVDJ, 1. S. 314.

50 Ibid. S. 316 (примечание № 1 к документу № 152).

51 Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 2. После 22 июня 1941 г. М., 1998. С. 97.

52 Sladek O. Výsadky ze Sovětského svazu na Slovensko a do protektorátu v roce 1941 // Soudobé dějiny. 1995. N 4. S. 514–529. См. также: Свобода Л. От Бузулука до Праги. М., 1969. С. 26–52.

53 О десантах, подготовленных военной миссией, см. также: Benčík A., Richter K. Vražda jménem republiky. S. 191–196.

54 Цит. по: Sladek O. Výsadky ze Sovětského svazu... S. 527.

55 Цит. по: Кочик Валерий. Советская военная разведка: структура и кадры. 1937–1946 годы//<http://www.pseudology.org/Kochik/Statia06.htm>.

56 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 74. Д. 548. Л. 6 (далее: РГАСПИ).

57 ДМИСЧО 4–1. С. 244–245.

58 Российский государственный военный архив (Центр хранения историко-документальных коллекций). Ф. 1еп. Оп. 6. Д. 2. Л. 191 (далее: РГВА, ЦХИДК).

59 РГВА, ЦХИДК. Ф. 1еп. Оп. 6. Д. 9. Л. 321.

60 Sladek O. Výsadky ze Sovětského svazu... S. 529.

61 РГВА, ЦХИДК. Ф. 1еп. Оп. 6. Д. 9. Л. 438–439, 445–446.

62 Там же. Л. 440.

63 Там же. Л. 448–449.

64 Там же. Л. 454, 482.

65 Там же. Л. 470–473, 546–552.

66 Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 7. 1939–1943 гг. М., 1973. С. 214.

67 Катынская драма. Козельск; Старобельск; Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих. М., 1991. С. 38–39, 121.

- 68 РГВА, ЦХИДК. Ф. 1еп. Оп. 6. Д. 9. Л. 451–452.
- 69 Benčík A., Richter K. Vražda jménem republiky. S. 205–206.
- 70 См.: Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 219–231.
- 71 РГВА, ЦХИДК. Ф. 3п. Оп. 3. Д. 1. Л. 10.
- 72 Там же. Л. 10–11.
- 73 Там же. Оп. 6. Д. 3. Л. 3–4.
- 74 Там же. Д. 1. Л. 16, 23.
- 75 Образцы таких справок (фотокопии) см. в прекрасно изданной книге: Brož M. Válečné dokumenty výpověďajé. Čs. vojenská jednotka v SSSR v dokumentech, exponátech a fotografií. Praha, 2005. S. 16–18.
- 76 РГВА, ЦХИДК. Ф. 1еп. Оп. 5. Д. 1. Л. 126–127.
- 77 Там же. Оп. 01. Д. 4. Л. 263, 282.
- 78 ЦАФСБ РФ. Ф. К-1ос. Оп. 11. Д. 200. Т. 4. Л. 11–18.
- 79 Свобода Л. От Бузулука до Праги. С. 62.
- 80 Vališ Z. Ludvík Svoboda (Druhá světová válka) // Historie a vojenství. 1990. N 6. S. 138.
- 81 ЦАФСБ. Ф. К-1ос. Оп. 11. Пор. № 50. Дело 200. Т. 5. Л. 1.
- 82 14 июля 1972 г. Президент ЧССР Л. Свобода «за особые заслуги и помощь в создании чехословацких воинских частей в Советском Союзе» наградил Бузулук орденом ЧССР «Красная звезда». 5 августа 1972 г. Исполком Горсовета депутатов трудящихся г. Бузулука присвоил Л. Свободе звание почетного гражданина города (<http://www.buzuluk.ru/index.php?index=about&razdel=history>).
- 83 Видимо, проживавших в СССР.
- 84 Brož M. Válečné dokumenty výpověďajé. S. 13, 19.
- 85 Бенеш, бывший в курсе указанных отношений, пытался убедить Фирлингера в необходимости их налаживания (ДМИСЧО 4–1. С. 213), но не преуспел в этом.
- 86 Георги Димитров. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 235–236.
- 87 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 543. Л. 41–42.
- 88 Benčík A., Richter K. Vražda jménem republiky. S. 226.
- 89 Как сообщал начальник внешней разведки НКВД П.М. Фитин в отдел кадров ИККИ 12 февраля 1943 г.: Р. Прохазка прошел «у нас» спецобучение и намечен «для выполнения наших заданий» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 544. Л. 26).
- 90 ЦАФСБ. Ф. К-1ос. Оп. 11. Пор. № 50. Дело 200. Т. 5. Л. 2.
- 91 Vališ Z. Ludvík Svoboda. S. 138.
- 92 Benčík A., Richter K. Vražda jménem republiky. S. 227.
- 93 Ibid.
- 94 Ibid. S. 229.

- 95 Ibid. S. 233.
- 96 О жизни части за рамками ее боевой подготовки см.: Свобода Л. От Бузулука до Праги. С. 79–87; Brož M. *Válečné dokumenty vypověďajé*. S. 24–25.
- 97 Benčík A., Richter K. *Vražda jménem republiky*. S. 241.
- 98 ДМИСЧО 4–1. С. 214 (примечание № 4 к документу № 149).
- 99 Там же. С. 214.
- 100 Там же. С. 217–219.
- 101 РГАСПИ. Ф. 496. Оп. 74. Д. 545. Л. 3–6.
- 102 Benčík A., Richter K. *Vražda jménem republiky*. S. 238.
- 103 ДМИСЧО 4–1. С. 232–233.
- 104 Такое различие в формулировках объяснялось тем, что жители Закарпатья (Подкарпатской Руси) в документах ИККИ назывались, как правило, украинцами, а в чехословацких — подкарпатскими русинами.
- 105 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 545. Л. 21–22; ДМИСЧО 4–1. С. 222–223.
- 106 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 545. Л. 23–25.
- 107 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 77. Л. 48.
- 108 Именно туда в это время по желанию польского эмигрантского правительства была отправлена из СССР польская армия под командованием генерала В. Андерса.
- 109 Benčík A., Richter K. *Vražda jménem republiky*. S. 246.
- 110 2 июля Свобода направил приветствие Сталину (ЦАФСБ. Ф. К-10с. Оп. 11. Пор. № 50. Дело 200. Т. 5. Л. 4).
- 111 Там же. Л. 5–6.
- 112 ČSVDJ, 1. S. 361.
- 113 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 543. Л. 88 (Записка написана от руки чернилами).
- 114 ДМИСЧО 4–1. С. 232.
- 115 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 1122. Л. 41, 58–59.
- 116 Benčík A., Richter K. *Vražda jménem republiky*. S. 247.
- 117 ДМИСЧО 4–1. С. 234–235. А. Бенчик и К. Рихтер считают, что проект письма был подготовлен по приказу Свободы Я. Прохазкой (Benčík A., Richter K. *Vražda jménem republiky*. S. 249). 7 сентября Шверма направил Дмитрову отчет (копия Готвальду в Уфу) о деятельности «наших товарищей в чехословацкой воинской части» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 543. Л. 116).
- 118 Там же. Л. 115а.
- 119 См. подробнее: Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945. М., 1995. С. 238–239.
- 120 ДМИСЧО 4–1. С. 242–243.
- 121 Там же. С. 254.
- 122 О советско-чехословацких переговорах по этому вопросу осенью 1942 г. см. подробнее: Марьяна Валентина. Закарпатская Украина (Под-

карапатская Русь) в политике Бенеша и Сталина 1939–1945 гг. М. 2003. С. 33–34.

123 ДМИСЧО 4–1. С. 255; Benčík A., Richter K. *Vražda jménem republiky*. S. 252–253.

124 ЦАФСБ. Ф. К-10с. Оп. 11. Пор. № 49. Дело 200. Т. 4. Л. 34.

125 Там же. Л. 33.

126 Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. В 2 кн. М., 1989. Кн. 2. С. 470.

127 ЦАФСБ. Ф. К-10с. Оп. 11. Пор. № 50. Дело 200. Т. 5. Л. 13–16.

128 ДМИСЧО 4–1. С. 263–265.

129 Там же. С. 269.

130 ЦАФСБ. Ф. К-10с. Оп. 11. Пор. № 49. Дело 200. Т. 4. Л. 38.

131 См. подробнее: Свобода Л. От Бузулука до Праги. С. 91–158.

132 ДМИСЧО 4–1. С. 281–283.

133 ČSVDJ, I. S. 460 (примечание № 4 к документу № 224).

134 Fierlinger Z. *Ve službách ČSR*. Díl 2. Praha, 1948. S. 105.

135 Свобода Л. От Бузулука до Праги. С. 159.

136 ДМИСЧО 4–1. С. 285, 297–298, 341 (примечание № 1 к документу № 269).

137 ЦАФСБ. Ф. К-10с. Оп. 11. Пор. № 49. Дело 200. Т. 4. Л. 40.

138 Benčík A., Richter K. *Vražda jménem republiky*. S. 256–257.

139 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 545. Л. 52, 55.

140 ДМИСЧО 4–1. С. 300–301.

141 На 30 сентября 1943 г. в бригаде насчитывалось 3517 человек, в том числе 563 чеха (16%), 343 словака (9,7%), 2210 русин (62, 8%), 204 еврея (5,8%), 13 венгров, 2 латыша, 5 поляков, 2 немца. 6 русских, 169 советских граждан (См.: Чехословацкие военные части в СССР: <http://www.czechpatriots.com/csmu/members.ru.php>).

142 Полковник Евстигнеев еще во время пребывания Ингра в Куйбышеве выражал пожелание советских военных властей, чтобы Свободе было присвоено звание полковника и чтобы он был назначен командиром планируемой чехословацкой бригады (Fierlinger Z. *Ve službách ČSR*. Díl 2. S. 79).

143 ДМИСЧО 4–1. С. 314.

144 Я. Налепка погиб при освобождении г. Овруча. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

145 ЦАФСБ. Ф. К-10с. Оп. 11. Пор. № 50. Дело 200. Т. 5. Л. 59–60.

146 ДМИСЧО 4–1. С. 323–324.

147 Свобода Л. От Бузулука до Праги. С. 175.

148 Benčík A., Richter K. *Vražda jménem republiky*. S. 265.

149 Ibid. S. 267.

150 Ibid. S. 269.

151 ДМИСЧО 4–1. С. 357–358.

¹⁵² Там же. С. 360–361.

¹⁵³ Там же. С. 354–355, 379–380 (примечание № 1 к документу № 307).

¹⁵⁴ Звание полковника Л. Свобода получил после сражения у Соколово, скорее всего, 27 мая, когда приказом Министерства обороны от 27 мая был назначен командиром бригады.

¹⁵⁵ Свобода Л. От Бузулука до Праги. С. 194–209.

¹⁵⁶ Согласно приказу по чехословацкой бригаде от 11 ноября 1943 г. — 31 убитый (Brož М. *Válečné dokumenty výpověďajé*. S. 46).

¹⁵⁷ ДМИСЧО 4–1. С. 381.

¹⁵⁸ Brož М. *Válečné dokumenty výpověďajé*. S. 43–45. Р.А. Сохор (1914–1950), после войны генерал-майор, погиб в автокатастрофе; Тесаржик (1915–1967), после войны генерал-майор, принимал активное участие в строительстве танковых войск чехословацкой армии, в 50-е гг. был репрессирован и 9 месяцев провел в заключении; Й. Буршик (1911–2002) в 50-е гг. был арестован, лишен офицерского звания и заключен в тюрьму, бежал из лазарета в Оломоуце, сначала жил в Германии, потом в Великобритании, после 1989 г. получил звание генерал-майора (в ДМИСЧО 4–1, с. 391 приводится лишь один документ: о присвоении звания Героя Советского Союза А. Сохору).

¹⁵⁹ Brož М. *Válečné dokumenty výpověďajé*. S. 49. О желательности присвоения генеральского звания Свободе упомянул Г.С. Жуков в беседе с Э. Бенешем 18 декабря: «Командир бригады полковник Свобода считается честным, храбрым и способным офицером и пользуется большой популярностью во всем Советском Союзе. Было бы весьма полезно присвоить ему звание генерала» (ДМИСЧО 4–2. С. 20).

¹⁶⁰ <http://www.czechpatriots.com/csmu/membersru.php>.

Глава 3

От проекта чехословацко-польской конфедерации к идее советско-чехословацкого договора

Чехословацко-польская конфедерация: позиция СССР

Мысль о конфедеративном (федеративном) объединении после войны Польши и Чехословакии исходила от польского эмигрантского правительства, возглавляемого генералом В. Сикорским. Эту одобренную и всячески поддерживаемую англичанами идею с воодушевлением подхватило руководство чехословацкой политической эмиграции в Лондоне. Конфедеративное устройство территорий, непосредственно прилегавших к СССР, представлялось Форин Офис определенным шагом для укрепления английского влияния в восточноевропейском регионе и продолжением политики «санитарного кордона» в отношении Советского Союза. После признания Англией летом 1940 г. временного чехословацкого эмигрантского правительства начались чехословацко-польские переговоры, касавшиеся конкретных вопросов объединения обоих государств в политической, экономической, культурной и т. д. областях. Идея конфедерации сопрягалась и с представлениями Э. Бенеша о послевоенной организации Европы, которая должна была базироваться на равновесии более крупных государственных образований, «достаточно сильных территориально, политически и экономически». По его мнению, это могло бы выглядеть так: 1. Западноевропейский блок, т. е. Великобритания, с одной, и Франция, с другой стороны, состоявшие в договорных отношениях с Бельгией и Голландией; 2. Децентрализованная Германия «в форме свободной конфедерации»; 3. Значительно ослабленная Италия «во всяком случае, в Африке и в Средиземноморье»; 4. Реорганизованная срединная Европа, «ядром которой мог бы стать чехословацко-польский альянс, опирающийся на чехословацко-польско-советское сотрудничество (особенно с целью окончательно застопорить „Дранг нах Остен“)»; 5. Балканский блок (Югославия, Греция, Албания, возможно, Румыния). Судьба Болгарии и Венгрии оставалась для Бенеша неясной; 6. «Советский Союз, который в отличие от различных планов (например, так называемой Паневропы) должен быть составной частью» новой европейской организации. Изоляция Советского Союза после Первой мировой войны, по мнению Бенеша, была невыгодна как России, так и Европе. «Российский европейский континент, считал он, и географически, и политически, ясное дело, относится к

Европе, так же, как к ней относятся и британские острова. Это — научный и политический факт»; 7. На севере Европы могло бы возникнуть политически более крупное скандинавское объединение, живущее в согласии с Великобританией и Россией¹.

Поляки, тоже считавшие основой послевоенной Европы более крупные политические образования, полагали, что польско-чехословацкая федерация (поляки употребляли именно этот термин) в будущем может расшириться за счет присоединения к ней Литвы на севере, Венгрии, Румынии и даже Греции и Турции на юге. Бенеш предпочитал более осторожное название проектируемого союза: «конфедерация *sui generis*» и более свободные отношения между его субъектами в форме «*Staatenbund*» (Союз государств), а не «*Bundesstaat*» (Союзное государство). Сомнения президента вызывало и то, что, если он видел союзницей Польши в будущем Чехословакию как целое, то в польских правительственных кругах поговаривали и о возможности создания трипартитного польско-словацко-чешского объединения. Но возникшее сразу ключевое противоречие касалось отношения к СССР. Если Бенеш полагал невозможным создание чехословацко-польской конфедерации без положительного отношения к этому Советского Союза, а его формула внешнеполитической ориентации Чехословакии выглядела как «50% на Запад, 50% на Восток», то польское эмигрантское правительство считало до 22 июня 1941 г., что Польша находится в состоянии войны со своим восточным соседом, который должен возратить ей все территории, потерянные в 1939 г. Англия и Франция принимали это пока молча к сведению, а Бенеш уже при первых контактах с поляками на предмет союзных отношений подчеркивал, что в их спор с Москвой о границах чехословацкая сторона вмешиваться не будет. Президент считал, что шансов на восстановление польско-советских границ 1939 г. нет, что надо реально смотреть на вещи и согласиться на установление границы по этническому принципу, т. е. на так называемую «линию Керзона», как, впрочем, считали уже тогда и англичане. Кроме того, по-разному чехословацкая и польская стороны смотрели на вопрос о Тешинской области и так называемой Яворины (на севере Словакии), отторгнутых от Чехословакии и перешедших к Польше после Мюнхена². Поляки бескомпромиссно настаивали на сохранении польских границ, существовавших на 1 сентября 1939 г., а Бенеш, как известно, на предмюнхенских границах Чехословакии. Все это накладывало негативный отпечаток на ход переговоров о чехословацко-польской конфедерации (ЧПК) и тормозило их. Тем не менее 11 ноября 1940 г. польское и временное чехословацкое правительства выступили с официальным торжественным заявлением. В

нем говорилось, что Польша и Чехословакия, как независимые, суверенные государства, решили после войны создать политически и экономически более тесное объединение, которое могло бы стать основой нового порядка в Центральной Европе и гарантией ее стабильности. Оба правительства выражали надежду, что к их сотрудничеству, не дожидаясь окончания войны, присоединятся и другие страны этой части европейского континента. Характер и форма будущего объединения в заявлении никак не определялись³. В справке о ЧПК, подготовленной в сентябре 1942 г. IV европейским отделом НКВД, декларация оценивалась как имеющая «весьма общий и расплывчатый характер». Между прочим, сообщалось, что на совместном заседании польского и чехословацкого правительств по вопросу о конфедерации присутствовали представители английского правительства — заместитель министра иностранных дел Батлер и министр экономической войны Дальтон. После опубликования декларации начали действовать смешанные польско-чехословацкие комиссии: три по текущим вопросам (внешнеполитическим, информационным и военным) и пять по вопросам будущего сотрудничества (политико-правовым, финансово-экономическим, военным, социально-политическим и культурно-политическим). В январе 1941 г. был образован так называемый координационный комитет, в задачу которого входила координация работы всех смешанных комиссий. В упомянутой справке НКВД отмечалась малая активность всех комиссий, за исключением внешнеполитической, и координационного комитета⁴.

Москва, естественно, знала о проекте конфедерации, но пока не выражала своего отношения к нему, хотя не могла не подозревать, что планируемому объединению может быть отведена роль антисоветского «санитарного кордона», долженствующего воспрепятствовать проникновению большевизма на Запад. Бенеш, реально мыслящий политик, понимал эти опасения, но, исходя из своего видения чехословацкого внешнеполитического курса и надеясь на достижение взаимопонимания между СССР и Польшей, не разделял их. Направляя в Москву З. Фирлингера в качестве полпреда, он поручил ему проинформировать советское руководство о чехословацко-польских отношениях. Поручение было выполнено Фирлингером во время его беседы с А.Я. Вышинским 21 августа 1941 г. Как заявил полпред, в основе этих отношений «лежит идея объединения в борьбе против Гитлера. По концепции Бенеша, полякам и чехословакам необходимо забыть старые конфликты и вражду и бороться совместно. Поэтому Бенеш никогда не забывал подчеркивать, что чехословаки — русофилы, или... „советофилы“». Принцип ориентации на

Советский Союз является основным для Бенеша. Бенеш заявил полякам, что если они хотят на этой базе строить отношения, то чехословаки с ними могут легко договориться». Далее Фирлингер упомянул о деятельности чехословацко-польских комиссий по созданию «федеративного или конфедеративного объединения», подчеркнув, что «ни до чего конкретного они не смогли договориться, так как в их работе встретились большие затруднения». Приветствуя идею общеславянского единения, полпред, ссылаясь на Бенеша, заявил, что «Чехословакия должна иметь общую границу с Советским Союзом», что между ними должна существовать «тесная государственная связь», как, «может быть, между Польшей и СССР». По сути, здесь в первый раз была высказана мысль о возможности трипаритного советско-чехословацко-польского договора. Вышинский, судя по советской записи беседы, осторожно отнесся к идее «о государственном оформлении общеславянского объединения», заявив, что «это вопрос чрезвычайно большой и сложный». Не высказал он своего мнения и по вопросу создания ЧПК⁵.

Сообщая 24 августа в Лондон о беседе с Вышинским, Фирлингер отметил, что тот живо выразил свое личное согласие с идеей конфедерации и обещал сообщить посланнику официальную точку зрения по этому вопросу, полагая, что тут «не будет ни возражений, ни споров»⁶. Вскоре после этого, 28 августа, Бенеш беседовал с И.М. Майским и начал с вопроса о «польских делах», поинтересовавшись, действительно ли Москва не имеет ничего против планов чехословацко-польского сотрудничества в том его виде, о котором он уже ранее говорил советскому послу, а именно: «1. Внутренняя польская структура должна быть приближена к нашей — никакой диктатуры, действительная демократия, никакой политики в интересах аристократии и крупных помещиков; 2. Соглашение Польши с Россией и мирное сотрудничество»⁷. Майский осторожно ответил, что он информировал Москву об этом и что там вопрос изучается⁸. Особый интерес к вопросу о чехословацко-польских отношениях проявил советский посол при союзных правительствах в Лондоне А.Е. Богомолов. Государственный министр чехословацкого МИД Г. Рипка, беседовавший с ним 12 ноября, отмечал, что тот смотрит на все эти вещи «с большим недоверием», поскольку среди поляков «снова оживают старые антирусские и антисоветские тенденции»⁹. Особенно это стало заметно в период подготовки визита в СССР В. Сикорского, который состоялся 3–4 декабря 1941 г. Несмотря на тяжелейшую военную обстановку, Сталин нашел возможность принять польского премьера и беседовать с ним по актуальным вопросам советско-польского сотрудничества, в котором Москва была

явно заинтересована. Результатом переговоров явилось подписание межправительственной Декларации о дружбе и взаимопомощи в войне против гитлеровской Германии, а также решение об увеличении польской армии в СССР с 30 до 96 тыс. человек и быстрой отправке ее на советско-германский фронт¹⁰. Фирлингер, сообщая в Лондон о визите Сикорского, утверждал, без ссылки на источник, что «Сикорский упомянул о польско-чехословацком сотрудничестве, и Сталин принял это с симпатиями и без возражений»¹¹. 9 декабря Фирлингер получил телеграмму Бенеша, в которой тот просил передать советскому правительству поздравления в связи с подписанием советско-польской декларации, «имеющей большое значение»¹².

Вслед за Сикорским с официальным визитом в Москву (см. главу 1) 15 декабря 1941 г. прибыл министр иностранных дел Великобритании А. Иден. 16, 17, 18 и 20 декабря он встречался со Сталиным. Обсуждались вопросы о военном сотрудничестве и послевоенном устройстве Европы, в том числе и о возможности создания федеративных или конфедеративных государственных образований на ее территории. В первой беседе с Иденом Сталин заметил, что Советский Союз не имел бы возражений против создания таких государственных федераций. Иден был рад этому и заявил, что «подготавливающаяся конфедерация Польши и Чехословакии должна рассматриваться как положительный факт. Было бы желательно, чтобы и балканские страны тоже нашли ту или иную форму федеративного объединения. Тем самым всем этим странам легче было бы сохранить и поддерживать свою экономическую и политическую независимость»¹³. Однако слова Сталина вовсе не означали немедленного согласия с проектами таких объединений. В дальнейшем советская сторона предложила обсудить эти вопросы дополнительно и в качестве основных предпосылок для их решения «считать следующие: а) добрая воля и согласие непосредственно заинтересованных государств — возможных участников этих федераций и союзов — на такого рода государственных образования; б) демократический характер устройства государств-участников этих объединений; в) отсутствие угрозы безопасности со стороны таких образований по отношению к обеим Договаривающимся Сторонам»¹⁴. Таким образом, позиция СССР в отношении проектов конфедераций (федераций) на тот момент может быть охарактеризована как сдержанно-выжидательная. Москву в то время больше волновала проблема открытия второго фронта. Она полагала, что пока еще не время для обсуждения вопросов послевоенного устройства Европы, решение которых дело будущего.

Из бесед со Сталиным Иден вынес впечатление, что тот «по крайней мере, сегодня не рассматривает возможность большевиза-

ции Германии, и что он в целом искренне говорит о независимости Польши и Чехословакии». Бенеш поддержал это впечатление, заявив во время встречи с Иденом 21 января: «Сталин умный и реалистичный [политик] и ясно понимает, что Россия не могла бы проглотить ни Польшу, ни Чехословакию. Наш народ чрезвычайно заинтересован в собственной национальной независимости, он — глубоко демократичен, он просто не вынес бы коммунистический режим и определенно сопротивлялся бы ему, если бы он был насильственно введен и удерживаем». Однако и Иден, и Бенеш пришли к единому мнению, что СССР намерен укрепить свое влияние в Центральной Европе, особенно в Польше и Чехословакии¹⁵.

Сторонники ЧПК, прежде всего поляки, претендовавшие на роль лидера в объединении малых государств Центральной и Юго-Восточной Европы, восприняли результаты визитов Сикорского и Идена в Москву с воодушевлением. 23 января 1942 г. министр иностранных дел польского правительства Э. Рачиньский и Г. Рипка подписали новую чехословацко-польскую декларацию, в которой форма будущего государственного объединения уже точно определялась как конфедерация. Бенеш не мог не знать о подписании декларации, но, возможно, время ее обнародования не было точно согласовано с президентом. Во всяком случае, об этом он позже, в декабре 1943 г., говорил Фирлингеру и коммунистам («правительство, дескать, тогда полностью потеряло голову») ¹⁶. Оба правительства рассматривали ЧПК как часть более широкого объединения государств «европейской территории, с которыми связаны жизненные интересы Польши и Чехословакии». Целью конфедерации являлось «обеспечение общей политики» во внешнеполитических, военных (создание совместного Генерального штаба и верховного главнокомандования), экономических, финансовых, социальных вопросах, а также в вопросах коммуникаций (железные и шоссейные дороги, воздушные и водные пути), почты и телеграфа. Намечалась координация политики во внешней торговле, в сфере просвещения и культуры, в области налогового законодательства. Гражданам входящих в конфедерацию государств обещались конституционные гарантии личной свободы, свободы совести, слова, собраний, науки, равенство всех перед законом, свободный доступ ко всем государственным должностям, независимое судопроизводство, контроль правительства со стороны свободно избранных народных представителей. Выполнение всех этих задач требовало создания общих органов конфедерации ¹⁷.

Опубликование декларации явилось неожиданным для Москвы. «Хотя я не получил официального протеста советской стороны, — писал Фирлингер, — но слышал тем не менее неприятные замечания

и комментарии». Советская печать хранила «холодное молчание» в отношении проектов конфедераций¹⁸. Но реакция, хотя и негласная, последовала. 28 января заведующий IV европейским отделом НКВД Н.В. Новиков представил заместителю наркома иностранных дел А.Я. Вышинскому свои соображения на этот счет. Он сообщал, что статс-секретарь чехословацкого МИД Г. Рипка в беседе с Богомоловым «без обиняков» говорил о необходимости поездки в СССР чехословацкой правительственной делегации для обсуждения вопросов о будущем положении Чехословакии и о европейских проблемах в целом. Причем такие предложения высказываются не впервые. Новиков предполагал, что в их основе лежат «следующие соображения: чехословаки, рассматривающие трезво нашумевшую проблему чехо-словако-польской конфедерации, по всем данным считают ее прожектерством, если она не будет поддержана Советским Союзом. Прежняя ориентация чехословаков на западные державы, прежде всего на Францию, исторически абсолютно не оправдала себя, в силу чего идея построить здание конфедерации на аналогичной узкой базе (ориентация на Англию) могла бы снова оказаться политически несостоятельной. Вот почему чехословаки в Лондоне (Бенеш, Рипка) в разговорах с гг. Богомоловым и Майским и Фирлингер здесь упорно проводят ту мысль, что конфедерация не может существовать без одобрения СССР и что вообще чехословаки должны ориентироваться в первую очередь на СССР». Новиков полагал, что «чехословаки, учитывая наличие многих неразрешенных польско-советских проблем (в частности, вопрос о границах) и широко распространенные еще и сейчас антисоветские настроения в нынешних руководящих кругах Польши... совершенно не уверены в том, что мы действительно одобрим идею конфедерации (здесь и далее подчеркнуто в оригинале. — В.М.). Допуская возможность возникновения у нас с Польшей серьезных споров и конфликтов, чехословаки хотят застраховать себя от участия в них, решительно заявляя о необходимости для Польши договориться с нами, без чего, по их концепции, никакая конфедерация невозможна. Таким образом, чехословаки хотят всегда держать открытой дверь для добрососедских отношений с нами — будь то дверь из конфедеративного польско-чехословацкого дома, будь то дверь из Чехословакии, существующей независимо от Польши. Сама Чехословакия имеет меньше оснований опасаться конфликтов с нами, ибо в советско-чехословацких отношениях до сих пор никогда не было каких-либо острых или трудно разрешимых проблем» (текст после подчеркнутого отмечен карандашом по левому краю. — В.М.).

«Отсюда, — делал вывод Новиков, — желание Чехословакии установить непосредственные контакты с нашим правительством.

Причем имеются в виду, разумеется, не столько текущие вопросы советско-чехословацких отношений, сколько проблемы будущего существования Чехословакии, ее гарантий против Германии, ее отношений с Польшей (в свете высказанных соображений) и с Англией... Не исключено, однако, что чехословаки руководствуются, кроме этого, еще и другими мотивами, стремясь в своих заигрываниях с Польшей к тому, чтобы последняя сблизилась с нами, без чего союз с ней был бы подобен опасному контакту с заразным больным. Чехословаки, видимо, в то же время опасаются, как бы советско-польское сближение не зашло слишком далеко» и не привело «к какой-либо далеко идущей сделке» за их спиной. Советский дипломат полагал, что «нам не следует отказываться от предложения чехословацкого правительства. Личный контакт руководителей Советского Союза с представителями чехословацкого правительства, не чувствующего под собой в Лондоне твердой почвы именно из-за отсутствия договоренности с нами по ряду важных вопросов, мог бы привести к полезным политическим результатам» (последняя фраза слева по тексту отчеркнута в оригинале. — *В.М.*). Переговоры с чехословаками в Москве происходили бы в обстановке, в которой они не испытывали бы нажима со стороны Англии (следует ценное признание Бенеша о том, что на протяжении всего периода войны Форин Офис усиленно нажимал на него, добиваясь сближения с Польшей — телегр. № 93/88), что, безусловно, облегчило бы достижение взаимопонимания. В частности, мы могли бы, пользуясь целой системой рычагов, вытекающей из нашего географического положения и будущего военно-политического влияния СССР на разрешение европейских дел (от слов «в частности» до слова «дел» слева по тексту отчеркнута в оригинале. — *В.М.*), добиться желательного для нас решения чехословаков по вопросу о конфедерации. Я имею в данном случае в виду, что наши бесспорные государственные интересы... заставляют нас стремиться к тому, чтобы не допустить создания польско-чехословацкой конфедерации, которая является **в первую очередь не только английской или англо-польской попыткой воздвигнуть средостение между СССР и внешней Европой, но в значительной мере и чехословацкой** (выделенная автором книги часть фразы отмечена по левому краю текста овалом. — *В.М.*»).

Вывод Новикова гласил: «необходимо, не открывая заранее наших карт, дать согласие на приезд чехословацкой правительственной делегации во главе с Бенешем для ведения политических переговоров, использовав в качестве формального повода необходимость договориться по ряду вопросов о военном сотрудничестве в связи с формированием чехо-словацкой бригады»¹⁹. Анализ в целом был до-

статочно точен, и именно он, видимо, лег в основу оценки советским руководством ЧПК. Однако пока советское правительство не готово было решить вопрос о приглашении Бенеша в СССР.

Фирлингер, четко уловивший настроения Москвы, в телеграмме Бенешу от 27 января отрицательно оценивал факт опубликования декларации: «В момент, когда речь идет о восстановлении нашей независимости, мы отказываемся от нее в пользу шаткой политической комбинации, последствия которой нельзя предугадать. Как свидетельствует нынешняя ситуация, влияние Советского Союза на континенте и особенно в Центральной Европе будет расти. В Чехословакии возникнет элементарное движение за более тесное сближение с Союзом, в то время как наша общая внешняя политика с консервативным польским режимом могла бы привести к враждебной позиции по отношению к Советскому Союзу... Стремление к чехословацко-польскому сближению здесь приветствуется, но нет полного доверия к нынешнему польскому правительственному лагерю. Желанием Союза является обеспечить очень сильные позиции именно Чехословакии и ее целостность, поскольку он ценит политическую зрелость ее населения и убежден, что Чехословакия станет проводить разумную национальную политику... По этим соображениям здесь чехословацко-польская декларация оценивается как политика, которая значительно предвосхищает события и не достаточно реалистически оценивает будущее развитие в Европе»²⁰.

Бенеш, попытавшийся 26 января выяснить у Майского отношение СССР к чехословацко-польскому сотрудничеству, получил короткий ответ: «В Москве нет никаких принципиальных возражений против польско-чехословацкого соглашения»²¹. Слово «dohoda», употребленное Бенешем в его записи беседы с Майским, можно трактовать и как соглашение, и как союз, и просто как сотрудничество. Скорее всего, Майский имел в виду это последнее: являясь переводчиком во время бесед Сталина с Иденом, он просто изложил общий взгляд советского лидера на вопрос создания конфедеративных (федеративных) объединений в Европе после войны. Богомолов же или по собственной инициативе, или по указанию НКВД в беседе с Рипкой 20 января (возможно, ему стало известно о решении чехословацко-польского координационного комитета от 19 января о подписании декларации) подчеркнул, что, хотя отношения с поляками являются внутренним делом чехословацкого правительства, но советское правительство пока еще не высказало своего отношения к этому. Рипке, по его словам, было ясно: Богомолов давал ему понять, что он не только внимательно следит за чехословацко-польскими переговорами, но относится к ним с осторожностью и даже с недоверием²². 29 января

Богомоллов пригласил к себе генерального секретаря чехословацко-польского координационного комитета Й. Гейрата (правильно: Гейрета), чтобы выяснить подробности подписания декларации и ее целей. Его интересовало, имеет ли декларация характер окончательного договора или она подлежит обсуждению и утверждению в освобожденной стране. Гейрет заверил его во втором. Богомоллов, подчеркнув приватный характер беседы, выразил свое удивление поспешным подписанием декларации, поскольку невыясненными остаются многие важные вопросы чехословацко-польских отношений, и в частности разница в подходах к вопросу о Тешинской области. Кроме того, ему неясно было, что конкретно подразумевается под формулировкой о вхождении в конфедерацию других государств. Вопрос явно был поставлен в связи с заявлениями, хотя и неофициальными, польских политиков о желании видеть в составе конфедерации Литву и другие государства Балтики. Богомоллов настойчиво разъяснял Гейрету, что они входят в состав СССР, который не намерен отказываться от них. И вообще, по мнению Богомоллова, пока не время вести разговоры об организации послевоенной Европы, сначала надо приложить все усилия, в том числе и политические, чтобы выиграть войну у Германии²³. На следующий день, 30 января, Богомоллов снова выясняет вопрос о ЧПК в беседе с главой информационного отдела чехословацкого МИД Я. Краусом. Он выражал удивление по поводу того, что не был достаточно информирован о ходе переговоров и не получил текст декларации. Кроме того, его удивляло, что документ был подписан сразу после интервью польского министра иностранных дел Э. Рачиньского газете «Sundy Times», в котором говорилось о принадлежности Литвы Польше²⁴.

Бенеш, хотя и считал необходимым продолжить переговоры с поляками о создании конфедерации, все же, осознав недовольство Москвы, посчитал нужным настаивать на улучшении советско-польских отношений. Об этом ясно свидетельствует его встреча с Сикорским 2 февраля 1942 г. Польский премьер, инициатор встречи, решил проинформировать президента о дискуссии, которую он вел накануне за ленчем с югославами, греками и бельгийцами. Речь шла о том, чтобы представители оккупированных стран уже сейчас выработали совместную политическую линию в отношении Германии и сформулировали конкретные претензии к ней. Поляки мыслили себя во главе этого процесса, полагая, что можно действовать независимо от великих держав — Великобритании, США и Советского Союза. Бенеш же считал, что эти вопросы надо решать совместно, либо, по меньшей мере, информировать союзников о подготовке таких решений, и особенно Россию, которая «очень чувствительна» к

подобным вещам. Иллюзорно предполагая, что война может закончиться в октябре-ноябре 1942 г. и что советская армия вот-вот придет в Европу, Бенеш не хотел идти на конфронтацию с Москвой. В записи его беседы с Сикорским значится: «Ведь ясно, что в разгроме Германии русская армия сыграет большую роль, нравится это кому-либо или нет; фактически все мы заинтересованы в том, чтобы в Берлине оказались не только русские или не только англичане, и мы должны стремиться к такому соглашению, чтобы там были, с одной стороны, русские с нами и поляками, с другой стороны, англичане и американцы с бельгийцами, голландцами и норвежцами, короче — все». Бенеш убеждал Сикорского скорее «договориться с русскими», с чем генерал был согласен, но заявил, что его позиция встречает много противников в кругах польской эмиграции²⁵.

Бенеш по-прежнему отстаивал идею конфедеративного объединения Чехословакии и Польши, несмотря на множество негативных моментов в их прошлых отношениях. Решение всех спорных вопросов он откладывал «на потом», считая главным создание барьера против возможной агрессии Германии в будущем. Именно отсюда, как он полагал, может исходить основная опасность для восстановленной ЧСР. Но одновременно президент, стремясь оградить свою страну от возможных неприятностей во взаимоотношениях с партнером по конфедерации, обставлял ее создание рядом политических условий, на что он и его сторонники неустанно указывали во время встреч и контактов с советскими дипломатами. В связи с этим для определения формы государственного объединения Чехословакии и Польши Бенеш с самого начала использовал термин «конфедерация *sui generis*». Разъясняя Фирлингеру в телеграмме от 3 февраля его суть, президент писал: «Речь идет не о каком-то „утвердившемся понятии государственно-правового союза“, а о подготовке нового союза, формы которого могли бы быть найдены только в ходе практики, в зависимости от наших потребностей и новых послевоенных отношений». Среди указанных условий на первом месте стояла «общая, на дружбе и союзничестве основанная политика в отношении России»: «мы не можем идти и не пойдем на тесное сотрудничество с Польшей, если она будет враждебно настроена против России или строить проекты антироссийских комбинаций в Центральной Европе». Говоря о возможном расширении ЧПК за счет других государств, президент писал: «Я решительно подчеркиваю, что для нас вопрос о балтийских государствах является делом Советского Союза, и тут мы принимаем его точку зрения», «наши действия в отношении Советского Союза есть и будут последовательно лояльными, так что с его стороны нет доводов к сомнениям, осторожности или же недоверию». Вместе с

тем президент считал своей обязанностью попытаться использовать данный ему исторический шанс достигнуть договоренности с Польшей, несмотря на все случившееся и на то, нравится это кому-либо или нет: «Не использовать его (шанс. — В.М.) было бы преступлением. Без самостоятельной и нам дружественной Польши мы удержаться не сможем, даже если русские станут нашими соседями. И наша задача — помогать полякам и русским сблизиться, изменить раз и навсегда антирусскую политику Польши, а это в общей конфедерации мы можем сделать». Президент также еще раз указывал, что все соглашения с Польшей вступят в силу только после их одобрения конституционными органами обоих освобожденных народов²⁶. На все эти принципы соглашения с поляками Бенеш опять обратил внимание Богомолова, беседуя с ним 3 февраля 1942 г. Кстати, тогда же он поднял вопрос о поездке в СССР, чтобы согласовать «дальнейшую политическую линию», обсудить положение в Центральной Европе и будущую политику ЧСР, включая внутреннюю, а также реконструкцию страны после войны²⁷.

За перипетиями отношений в чехословацко-польско-советском треугольнике внимательно следили не только англичане, но и американцы. Об этом, в частности, свидетельствовала беседа Рипки с американским послом при польском правительстве А.Й. Биддлом 6 февраля. Он говорил о заинтересованности Лондона и Вашингтона в скорейшей выработке плана устройства будущей Европы и мира, начале переговоров с Россией по этим вопросам, которая, дескать, свой план уже имеет, о необходимости убедить ее, что англичане и американцы не хотят создавать никаких блоков против русских. Рипка подчеркнул, что попытка втянуть Чехословакию в какую бы то ни было антироссийскую комбинацию была бы «прямым сумасшествием», что жизненным интересом народов Центральной Европы и Балкан является «дружба с Россией против Германии», хотя эти народы хотят опираться также и на Запад, чтобы «не попасть в советскую кабалу». Рипка заявил, что Чехословакия, желая иметь самые дружественные связи с Россией, хочет быть лишь ее «союзницей, но не вассалом или рабом». Биддл, живо согласившись с этим, со вздохом отметил, что «действительно сильным „социальным барьером“ против большевизма в Европе является сильная Чехословакия и гораздо меньше Польша, не говоря уж о прочих государствах»²⁸.

Следует отметить, что уже тогда союзники по антигитлеровской коалиции, как Англия и США, так и СССР, начали внимательно отслеживать планы друг друга на послевоенный период и вырабатывать соответствующую политику. В январе 1942 г. появился секретный меморандум британского МИД о политике в отношении Советского

Союза на случай поражения Германии в войне, в котором, в частности, значилось: «Положение России на европейском континенте станет неуязвимым, ее престиж так возрастет, что установление коммунистических режимов в большинстве европейских государств будет крайне облегчено»²⁹. В соответствии с этим предположением следовало выстраивать и британскую политику в отношении СССР. Москва, в свою очередь, тоже следила за политическими «играми», которые могли привести после войны к возникновению в Европе нежелательных для нее государственно-политических конструкций. По решению Политбюро ЦК ВКП(б) 28 января 1942 г. была создана комиссия по подготовке дипломатических материалов, в задачу которой входило «собирать и систематизировать все заслуживающие внимания материалы о состоявшихся соглашениях относительно послевоенного устройства стран Европы, Азии и других частей мира». Комиссия в составе 9 человек начала работу под председательством Молотова. Результаты ее деятельности суммировались в обзорах и справках. Работа среди членов комиссии распределялась по территориальному принципу. Ответственными за Центральную, Восточную и Юго-Восточную Европу, Ближний и Средний Восток назначались В.Г. Деканозов, заместитель наркома иностранных дел, и Я.З. Суриц, бывший посол СССР во Франции³⁰.

Между тем Москва продолжала настаивать на том, что переговоры о планах всяческих федераций и государственных комбинаций являются пока преждевременными, и поэтому она сдержанно относится к проекту ЧПК. Богомоллов заявил официально Рипке 9 февраля: «Советское правительство внимательно изучает польско-чехословацкую декларацию от 19 января, учитывая при этом, что один из партнеров, Польша, является непосредственным соседом Советского Союза и что вопрос польско-советских границ еще не решен»³¹. Во время беседы Богомоллов допускал резкие высказывания в отношении позиции поляков. Бенеш был также недоволен не только их несговорчивостью, но и той «игрой», которую вела Англия в вопросах чехословацко-польско-советских отношений. Согласно записи беседы Рипки с президентом от 12 марта тот заявил: «Ситуация сегодня уже не такая, чтобы я стоял с шапкой в руке на ступенях Форин Офис. Англичане все еще настороженно относятся к нашим требованиям и тем самым прямо толкают нас в сторону русских. Мы не хотим этого делать, но все же, если русские согласятся с нашими требованиями и предложат нам свою поддержку, естественно, мы не сможем ее отвергнуть и не отвергнем. Англичане все время хотят играть с поляками и все время хотят соглашения между поляками и нами, но своей игрой с поляками против русских прямо осложняют,

если не делают невозможным наше соглашение с поляками. Наконец, может случиться, что русские захотят играть с нами, с одной стороны, против поляков, с другой, против англичан»³². В конце концов, так и произошло.

28 апреля 1942 г. на стол Молотова легла секретная справка (без подписи) о поездке Э. Бенеша в Москву и вопросах, которые он хочет поставить. Ввиду важности документа для развития последующих советско-чехословацких отношений остановимся подробнее на его содержании. «Бенеш за последние три месяца, — говорилось в справке, — неоднократно поднимал перед Богомоловым вопрос о своей поездке в Москву для переговоров с т. Сталиным». Далее излагалась суть вопросов, которые он хотел бы обсудить: а) о послевоенных границах Чехословакии. Бенеш утверждал, что «англичане якобы отстаивают мюнхенский раздел Чехословакии и английское правительство не хочет дать ему точный ответ о восстановлении Чехословакии (здесь и далее подчеркнуто черным карандашом в тексте. — В.М.). Бенеш, не получив от англичан признания домюнхенских границ Чехословакии, явно рассчитывает получить это признание от нас и тем самым заставить англичан аннулировать мюнхенское соглашение); б) об общей границе между СССР и Чехословакией. По мнению Бенеша, если Советский Союз не будет соседом ЧСР, то ее положение будет равно довоенному — тогда нужно соглашение с Польшей и совместное урегулирование вопросов с Венгрией; если же СССР твердо намеревается стать соседом Чехословакии, то «обстановка круто изменится», «можно будет по-другому развивать и отношения с Польшей», которая «тогда не сможет играть большой роли». «Таким образом, общая граница с СССР, по Бенешу, является предпосылкой будущей безопасности Чехословакии»; в) Бенеш заявил Богомолу, что «желая, чтобы украинский вопрос исчез окончательно, он хотел бы передать СССР Карпатскую Украину, чтобы быть уверенным в том, что никакие происки чужих держав не могли бы использовать украинцев в своих целях»; г) признание границ СССР. Естественно, что ставить вопрос об общей границе между СССР и Чехословакией и тем более о передаче СССР Карпатской Украины, Бенеш может лишь признавая необходимым восстановление границ СССР 1941 г. Он это совершенно недвусмысленно и заявлял Богомолу. Бенеш «стоит целиком на советской точке зрения самоопределения наций и поэтому считает, что присоединение Литвы, Латвии и Эстонии к СССР, а также Западной Белоруссии и Западной Украины, было желанием этих народов. И он целиком признает эти территории советскими»; д) об отношении СССР к польско-чехословацкой конфедерации. Бенеш заявил Богомолу, что «все это существует только в сослагательном наклонении и за-

висит от отношений между СССР и Польшей. Только при условии полной демократизации Польши и полного урегулирования всех ее спорных вопросов с СССР было бы возможно реализовать это соглашение с Польшей. Вообще он против всех соглашений, которые могли бы оказаться подозрительными СССР». Далее речь шла о переселении в Германию судетских немцев, о «наказании предателей славянства» («Словакию надо почистить от тех элементов, которые втянули ее в войну с Советским Союзом»), о мероприятиях по «подготовке взрыва германского тыла», особенно на территории Чехословакии, «когда советские войска пойдут южным путем в Европу».

Авторы справки считали приезд Бенеша в СССР «целесообразным и своевременным» (последнее слово обведено черным карандашом. — *В.М.*) и обосновывали это так: а) «Бенеш под английским влиянием договорился в принципе с поляками о польско-чехословацкой конфедерации, являющейся для нас неприемлемой. Однако имеются основания полагать, что Бенеш ныне готов отойти от этой комбинации, при условии гарантии безопасности будущей Чехословакии со стороны Советского Союза. Ликвидировать через Бенеша в самом зародыше эту конфедерацию и польские интриги вокруг нее было бы весьма желательно»; б) Бенеш признает наши границы 1941 г.. «Об этом он заявлял неоднократно нашим представителям, и вполне вероятно, что он будет готов заявить об этом публично в итоге переговоров в Москве, получив взамен от нас признание необходимости восстановления домюнхенских границ Чехословакии»; в) «из числа всех эмигрантских правительственных деятелей Бенеш, считающийся с популярностью СССР в чехословацких народных массах, является относительно наиболее приемлемой для нас фигурой и должен быть нами использован для выявления и нейтрализации антисоветских интриг, ведущихся в Лондоне враждебными нам английскими, польскими и прочими кругами».

С другой стороны, по мнению составителей справки, поездка Бенеша в СССР в данный момент имела бы и свои отрицательные (слово обведено черным карандашом. — *В.М.*) стороны. «Публичное признание границ СССР 1941 г. такой малой страной, как Чехословакия, прежде чем будет достигнута договоренность о признании этих границ великими державами — Англией и США, может быть истолковано как признак противоречий между нами и союзниками в этом вопросе». «Поездка Бенеша, безусловно, заставит насторожиться английское правительство, а предлагаемые ниже соглашения вряд ли получат безусловное одобрение со стороны англичан и вызовут с их стороны известное недовольство (которое можно будет до некоторой степени сгладить тем, что в зрелой стадии пере-

говоров с Бенешем мы можем проинформировать англичан о намечающемся соглашении с Чехословакией)». «Разумеется, что польское правительство отнесется к поездке Бенеша и к нашему соглашению с ним отрицательно и что это может стать новым источником трений между нами и поляками».

И все же составители справки, «учитывая выше указанные бесспорные положительные моменты», считали целесообразным пригласить Бенеша в СССР. Указывались и возможные итоги переговоров, которые могли бы завершиться подписанием а) совместной советско-чехословацкой декларации; б) соглашения о займе; в) секретного соглашения по некоторым из перечисленных выше вопросов. Высказывались соображения относительно возможного содержания этих документов. Декларация могла бы включать в себя: взаимное признание незыблемости границ, нарушенных гитлеровской агрессией (в отношении Чехословакии — домюнхенских границ, а в отношении СССР — границ 1941 г.); заявления о решимости обеих стран бороться до полного изгнания врага со своих территорий; заявление о решимости обеих стран содействовать обеспечению свободы и независимости всех славянских народов, угнетаемых гитлеровцами и их ставленниками; заявление о готовности обеих стран сотрудничать в деле такого послевоенного устройства Европы, которое исключало бы повторение гитлеровской агрессии. Соглашение о займе (последнее слово обведено черным карандашом. — *В.М.*) должно было бы содержать заявление о согласии советского правительства предоставить на льготных условиях заем на содержание чехословацкой военной части на территории СССР, военных и дипломатических миссий Чехословакии в СССР, а также условий, на которых этот заем предоставляется. Секретное соглашение могло бы содержать обязательство Чехословакии не участвовать без согласия СССР ни в каких блоках, конфедерациях, союзах, таможенных или валютных униях; готовность СССР заключить с восстановленной Чехословакией договор о военном союзе; согласие СССР поддержать требование Чехословакии о выселении немцев из Судетской области; одностороннее заявление Чехословакии о ее желании присоединения Карпатской Украины к Советскому Союзу³³. На первой странице документа в верхнем левом углу помета чернилами: «За т. Деканозовым, Соболевым, Уманским». Скорее всего, все пометы были сделаны Молотовым и свидетельствовали о его внимательном ознакомлении с документом. В справке, по сути, намечалась перспектива советско-чехословацких отношений на ближайшее время. Речи о договоре в ней пока не было. Вопрос о приглашении Бенеша в Москву оставался открытым, хотя и содержались рекомендации решить его положительно.

*Нарастание кризиса
в чехословацко-польско-советских отношениях*

Бенеш все более склонялся к мысли о необходимости поездки в Москву, о чем он и сообщил английскому представителю при чехословацком правительстве Ф.Б. Николсу 1 мая 1942 г. Как предполагал президент, она должна была состояться летом 1942 г. Бенеш намеревался обсудить с советским руководством два вопроса: о переговорах с поляками относительно создания конфедерации и о том, чтобы «при внутренней реконструкции республики после войны Советы не вмешивались в наши дела... Мы хотим проводить сбалансированную политику между Востоком и Западом»³⁴. О своем желании посетить СССР Бенеш уведомил и Богомолова, а 7 мая сообщил об этом Фирлингеру. Он полагал, что после подписания готовившегося англо-советского договора «актуальными станут другие вопросы Центральной Европы», включая чехословацкий и польский, а также вопрос о конфедерации. Президент считал необходимым «информировать Советы» о том, как он представлял себе переход к послевоенным условиям в освобожденной стране³⁵. 8 мая Бенеш говорил с Майским о желании посетить Москву, когда условия созреют для этого³⁶. 14 мая Вышинский напомнил Молотову о неоднократных предложениях Бенеша относительно поездки в СССР. «Поскольку чехословаки на протяжении столь длительного времени ставят этот вопрос, я считал бы необходимым дать им тот или иной ответ», — писал Вышинский. Слева от текста записки помета чернилами: «Копию телеграммы Молотова т. Богомолову т. Вышинский получит сегодня-завтра». Дата 14 мая. Подпись С[ергей] К[озырев]³⁷. Указание Богомолову было дано, и 15 мая он сообщил Бенешу о принципиальном согласии советского правительства на его приезд в СССР в любое время³⁸. Хотя до этого Бенеш активно зондировал возможность своей поездки в СССР, но 21 мая президент сообщил Фирлингеру, что считает ее преждевременной. Он не хотел выглядеть вымаливающим этот визит: «Я поеду лишь в том случае, когда это желание проявим не только мы, но когда и они (Советы. — В.М.) тоже проявят к этому интерес и пригласят меня». Сообщение Богомолова о согласии советского правительства принять его в любое время он характеризовал как «в целом ни то, ни се», «ни рыба, ни мясо»³⁹. Возможно, так оно и было, но главное все же, по-видимому, состояло в том, что в Лондоне начались советско-английские переговоры, и президент ждал их результатов.

Вопрос о заключении советско-английского договора о взаимопомощи в войне против гитлеровской Германии, которую Советский Союз по существу вел в одиночку, приобретал все большее значе-

ние. Подписать договор намечалось в ходе визита В.М. Молотова в Англию, который начался 20 мая. В его начале Бенеш и Сикорский (20 мая), а затем Рипка и Рачиньский (21 мая) обсудили вопрос о положении дел с чехословацко-польской конфедерацией. Общая запись об итогах встреч, сделанная Рипкой, свидетельствовала о большой их напряженности и наличии претензий друг к другу. Сикорский упрекал Бенеша в том, что тот (точнее, Фирлингер) слушается «приказов Москвы», говорил, что если Чехословакия не хочет конфедерации, то Польша, несмотря на свое стесненное географическое положение, может существовать и самостоятельно. На что Рипка ответил репликой: «И Чехословакия тоже может». Разгневанный Бенеш заявил, что он ужасно удивлен словами Сикорского, и главное их тоном, и не понимает причины этого. Он выразил сомнение в том, что такое можно снести, и добавил: «Я сам Вам следовать не буду». Сикорский несколько сбавил тон, но продолжал уговаривать Бенеша в том, что уже сейчас, за границей, надо готовиться к отпору коммунизму, поскольку Сталин, дескать, после войны «снова будет работать с Коминтерном». Польский премьер добавил, что считает Сталина весьма реалистично мыслящим государственным деятелем, но удивлен тем, насколько убежденным коммунистом тот является. Сикорский выражал недовольство ясно выраженным нейтралитетом Чехословакии в решении спорных советско-польских вопросов. Считая, что Россия будет чрезвычайно истощена войной, он утверждал, что решающее слово после нее будет принадлежать Америке и Англии и что следует договориться о том, чтобы опираться в политике именно на них. Бенеш ответил, что, исходя из имеющегося у Чехословакии опыта, он не может ориентироваться исключительно на англосаксонские страны, поэтому «мы будем вести себя осторожно и ждать конкретных результатов войны». 21 мая Рипка узнал от Рачиньского, которому об этом сказал Иден, что в Англии находится Молотов и готовится подписание советско-английского договора⁴⁰.

Именно в этот день, 21 мая, состоялась первая встреча Молотова с У. Черчиллем. Главным стал вопрос о втором фронте, который, по мнению наркома, являлся не военным, а политическим, и договоре, в котором, как он считал, должны быть указаны минимальные условия, обеспечивающие безопасность СССР на будущее время: «Для нас минимальным условием является восстановление границ СССР, нарушенных Гитлером в войне против СССР. Мы не можем уступить в этом вопросе»⁴¹. Если английское правительство согласилось на восстановление советских границ в Прибалтике, то вопрос о советско-польской границе оставался открытым до урегулирования его между СССР и Польшей, которую, по мнению Москвы, можно

было бы «удовлетворить за счет Германии, а не за счет СССР». Иден в беседе с Молотовым заявил, что Англия «не намерена оказывать одностороннюю поддержку Польше» в ущерб интересам СССР и что она не брала на себя никаких обязательств в отношении гарантирования границ в Восточной Европе. При этом он настаивал на сохранении в договоре статьи о федерациях, против чего возражало советское правительство, поскольку оно якобы имело сведения о попытках «направить некоторые федерации против СССР»⁴². Переговоры и разногласия по отдельным пунктам предложенного Москвой проекта советско-английского договора привели к тому, что англичане предложили, в конце концов, свой проект, который Молотов считал «неприемлемым, так как он является пустой декларацией, в которой СССР не нуждается». Сталин был иного мнения, полагая, что он является «важным документом»: «там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой»⁴³. Сталин рекомендовал Молотову скорее подписать договор и вылететь в Америку. 26 мая советско-английский договор был подписан. В его пятой статье значилось, что договаривающиеся стороны будут «действовать в соответствии с двумя принципами — не стремиться к территориальным приобретениям для самих себя и не вмешиваться во внутренние дела других государств»⁴⁴.

27 мая Молотов вылетел в США, где пробыл до 5 июня, а затем вернулся в Англию. Здесь он снова встречался с Черчиллем и Иденом, а также с главами эмигрантских правительств ряда малых стран. Среди прочих во время встречи Идена с Молотовым 9 июня обсуждался и вопрос о заключении договоров с ними, в частности советско-югославского договора. Молотов заявил о желательности этого. Иден считал, что спешить с этим не надо, что следует «избежать соревнования между Великобританией и СССР в деле заключения различных договоров с малыми странами», особенно что касается их послевоенных границ. Он заявил, что английское правительство хочет «избежать заключения подобных договоров и просит об этом советское правительство». Молотов обещал доложить Москве о высказанном Иденом мнении. 4 июля нарком сообщил Майскому: «Можете сообщить Идену, что в принципе мы с его предложением согласны и хотели бы иметь со стороны англичан конкретные предложения по этому вопросу»⁴⁵. Но англичане сочли достаточным получение принципиального согласия советского правительства и не удосужились представить просимые конкретные предложения, что впоследствии, при решении вопроса о советско-чехословацком договоре, сыграло немаловажную роль.

Бенеш полагал, что подписание советско-британского договора о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны на период 20 лет имеет большое значение с точки зрения развития советско-чехословацких отношений. Он гордился тем, что принимал участие в подготовке договора и получил от Идена благодарность за то, что «оказал влияние на английскую общественность и представил все необходимые доводы в пользу соглашения с Советским Союзом»⁴⁶. Президент высоко оценил договор, считая его «документом серьезным, на сто процентов отвечающим нашей сегодняшней и послевоенной политике», «фундаментальным для послевоенного урегулирования, определяющим на длительный период общую политику России и Англии в Европе»⁴⁷.

Полагая, что заключение советско-британского договора сыграет важную роль в дальнейшем развитии чехословацко-советских отношений, Бенеш в то же время не собирался отказываться от идеи чехословацко-польской конфедерации. 3 июня координационный комитет одобрил текст новой декларации обоих правительств, подтверждавшую принципы предыдущих двух деклараций от ноября 1940 г. и января 1942 г. и информировавшую о продолжении работы комиссий по выработке конкретных форм объединения⁴⁸. В начале июня Богомоллов довел до сведения Рипки, что «советское правительство выступает за восстановление независимой, сильной Чехословакии... в тех границах, которые существовали до Мюнхена»⁴⁹. Готовилась почва для встречи Бенеша с Молотовым⁵⁰, которая состоялась 9 июня 1942 г. Сегодня известны две записи беседы: одна, сделанная Богомолловым⁵¹, и вторая, сделанная несколько дней спустя Бенешем⁵². Записи в принципе (по перечню обсужденных проблем, описанию позиций) мало чем отличаются друг от друга, некоторая разница есть в акцентах, более или менее подробном изложении интересующих обе стороны вопросов. «Молотов принял Бенеша по его инициативе в помещении посольства. Бенеш начал беседу с выражения благодарности советскому правительству за дружественную линию по отношению к Чехословакии за несколько лет до ликвидации и в период ликвидации Чехословакии», «за выражение пожелания видеть Чехословакию восстановленной в домюнхенских границах», — так начинается советская запись беседы. Бенеш в самом начале своей записи констатировал: «Разговор с Молотовым был прямым, ясным, очень конкретным и вполне дружественным. Были обсуждены все касающиеся нас основные вопросы и констатированы взаимное доверие и дружественные отношения, которые будут постоянными. Майский сказал об этом Рипке 11 июня (говоря о

результатах беседы): „Молотов был очень доволен беседой“. Можно полагать, что все вопросы между нами выяснены и что можно приступить к конкретному обсуждению всего, что касается наших взаимоотношений». В оценке Мюнхена мнения собеседников совпали, но замечание Молотова о том, что «особенно вредной была позиция Франции в период Мюнхена», с чем Бенеш согласился, и его ответ «Чехословакия была столько лет верна Франции и, в конце концов, была предана ею» есть только в советской записи.

«Характеризуя свою политическую линию, Бенеш сказал, что Чехословакия географически находится в тяжелом положении, окруженная Австрией, Германией, Польшей и Венгрией. В этой обстановке она вынуждена искать себе опору... В течение 20 лет Чехословакия ориентировалась на Запад и прежде всего на Францию. Теперь положение резко меняется, и если СССР станет соседом Чехословакии, то ориентировка на СССР будет соответствовать более всего интересам Чехословакии и симпатиям чехословацкого народа. Надо построить такую Европу, чтобы повторение Мюнхена стало невозможным. Для этого Чехословакия шла и идет на сближение с Польшей и СССР. Молотов подтвердил необходимость предотвращения второго Мюнхена и необходимость сближения Чехословакии и Польши, но спросил Бенеша, как он понимает польско-чехословацкую конфедерацию, так как вопрос об этой конфедерации не совсем ясен для советского правительства». Бенеш сказал, что «ни при каких условиях эта конфедерация не будет использована против СССР, что это только стремление Чехословакии использовать соседство с Польшей для укрепления своего положения в Центральной Европе (подчеркнуто. — В.М.)». Это утверждение в записи Бенеша отсутствует. Молотов заявил, что «рад это слышать», что СССР надеется иметь с Польшей хорошие отношения и преодолеть все имеющиеся во взаимоотношениях трудности путем «некоторых взаимных уступок», но «не за счет Украины и Белоруссии, а за счет Германии». При этом нарком заметил, что «в польских кругах имеются лица, у которых еще сильны антирусские настроения и проявляется тенденция к использованию польско-чехословацкой конфедерации против СССР». Бенеш согласился, что «такие люди среди поляков есть, но Чехословакия не пойдет на создание конфедерации без выполнения двух условий: 1) демократизация Польши и 2) урегулирование всех спорных вопросов между Польшей и СССР. В любом случае конфедерация будет реальностью только после освобождения обеих стран и в условиях демократического обсуждения этой конфедерации». Молотов обратил внимание Бенеша на опубликованный в январе 1942 г. «польско-чехословацкий договор о конфедерации, где ника-

ких оговорок или условий не было упомянуто». Бенеш отметил, что это был не договор, а резолюция, и «попытался уменьшить значение этого документа». Богомолов в сноске к этому месту записи сделал помету: «Поляки в своей прессе называют этот документ договором, а чехословаки — соглашением». Молотов не стал возражать против названия, но заметил, что одновременно с подписанием этой «резолюции» Рачиньский в своем интервью истолковал «конфедерацию весьма широко, как объединение многих государств от Балтийского моря до Эгейского и вдобавок включил в это объединение Литву». «Бенеш замялся и сказал, что Чехословакия не может и не хочет вмешиваться в польско-советские пограничные споры, но что он считает вопрос о Литве, как о советской республике, бесспорным, а большие союзы государств бесполезными... Еще раз повторил, что он не пойдет на такую польско-чехословацкую конфедерацию, которая будет враждебна интересам СССР, и что если ему придется выбирать между Польшей и СССР, то он, безусловно, выберет СССР (подчеркнуто. — В.М.)». Этого заявления в записи Бенеша также нет.

Далее разговор перешел на более общие темы: о поездке Молотова в Англию и США, об открытии второго фронта, об ответственности Германии за войну, об оценке Бенешем политики советского правительства в 1939 г. Бенеш заявил, что он приложит все усилия, чтобы убедить англичан и американцев открыть второй фронт, отметил, что он понимал линию советского правительства в 1939 г., и добавил, что понимал необходимость для СССР советско-финской войны, считая ее «справедливой мерой самообороны СССР». В записи Бенеша о его позиции в 1939 г. говорится более пространно, а об отношении к советско-финской войне: «в период финской войны я молчал». Бенеш отметил также, что Молотов задал вопрос «о наших (судетских. — В.М.) немцах», а президент ответил: «мы хотели бы избавиться от значительного их числа либо от всех тех, которые провинились как нацисты». Молотов, значится в записи Бенеша, согласился, заметив, что это внутренняя проблема Чехословакии, в которую СССР не будет вмешиваться, но, когда будет можно, поможет. Речь шла также о будущем экономическом сотрудничестве обеих стран. «Расставаясь, мы договорились, что встретимся, очевидно, в этом году в Москве», — так завершается запись Бенеша. В советской записи беседы об этом ничего не говорится.

Начальник канцелярии президента Я. Смутны, 9 июня сделавший со слов Бенеша запись о его встрече с Молотовым, тоже говорит о том, что речь шла и о поездке президента в СССР и что за ним был оставлен выбор времени визита. Президент с большой симпатией отзывался о советском наркоме: «Молотов говорил ясно, точно форму-

лировал вопросы, гораздо точнее, чем, например, Майский, не говоря уж о Богомолове», «Молотов на прямой вопрос дает всегда, если возможно, такой же прямой ответ, не уваливая». По мнению Бенеша, записал Смутны, «тон всех советских людей по отношению к нам в последнее время очень изменился к лучшему», «с Россией у нас сейчас все в порядке»⁵³. Однако это впечатление оказалось обманчивым. В июне-июле, когда в советско-польских отношениях наступило резкое ухудшение в связи с выводом из СССР армии В. Андерса и усилением антисоветских настроений среди польской эмиграции, Богомоллов в беседах с рядом чехословацких политических деятелей (Г. Рипка, Я. Странский, Р. Виест, Л. Файерабенд) начал «атаку» на проект чехословацко-польской конфедерации. Сначала, говоря от своего имени, потом от имени неких «советских кругов», он выразил сомнение относительно необходимости дальнейшего ведения переговоров с поляками и рекомендовал либо вовсе отказаться от них, либо отложить на неопределенное время. Полпред полагал, что нейтральная позиция чехословацкой стороны в советско-польских спорах играет лишь на руку полякам, которые используют это обстоятельство в своих интересах, публично выступают с антисоветскими заявлениями и даже высказывают сомнения относительно необходимости открытия второго фронта в Европе⁵⁴. По словам Бенеша, Богомоллов в категоричной форме заявил чехословацкому министру иностранных дел Я. Масарику, что «Москва против чехословацко-польского сближения», и рекомендовал довести это до сведения англичан, американцев и поляков. Президент был страшно раздосадован этим, считая, что русские «уже раскрывают свои карты» и что они сами должны открыто и официально изложить свои взгляды союзникам по антигитлеровской коалиции⁵⁵. Однако не учитывать создавшуюся ситуацию он не мог. Чехословацко-польские переговоры застопорились, и Бенеш посчитал нужным обсудить возникшие трудности с поляками и англичанами. Встретившись 22 июня с польским полпредом при чехословацком правительстве А. Тарновским, Бенеш, не отрицая русофильских настроений чехословацкого народа, утверждал, что никаких помыслов ни с советской, ни с чехословацкой стороны относительно более тесного союза между СССР и ЧСР не существовало. 25 июня Бенеш и Рипка были приглашены на обед к Идену, который интересовался беседой президента с Молотовым, и в частности тем, было ли письменное советское заявление о восстановлении Чехословакии в домюнхенских границах. Бенеш ответил, что это заявление было устным, но Молотов подтвердил его во время встречи, а Рипка добавил, что, очевидно, последует и письменное уведомление⁵⁶. Кроме того, Иден интересовался, существуют ли

какие-либо обязательства, взятые на себя Чехословакией в отношении СССР, и заметил, согласно записи беседы Рипкой, что «русские с нами не должны заключать никакого особого договора (dohodu), поскольку это противоречило бы духу и обязательствам, вытекающим из англо-советского договора»⁵⁷.

15 июля 1942 г. Богомоллов официально заявил Масарику, что чехословацко-польская конфедерация, по мнению советского правительства, не содействует делу мира в Европе и поэтому оно против каких-либо действий по ее подготовке в данное время и чехословацко-польских переговоров на этот счет⁵⁸. Несмотря на все уверения чехословацких политиков в обратном, Богомоллов утверждал, что планируемая чехословацко-польская конфедерация имеет антисоветскую направленность, что Польша не сможет стать гарантом независимости восстановленной Чехословакии, что им может быть лишь Советский Союз, который после войны станет соседом ЧСР и будет иметь с ней общую границу. 31 июля Бенеш в беседе с Богомолловым попросил дать ясный ответ относительно советской позиции в вопросе чехословацко-польской конфедерации. Прервав его многословные и не раз повторенные доводы, президент сказал: «Для меня достаточно одного довода, который Вы прямо не высказали и который из всего этого вытекает, как само собой разумеющийся. Этот довод следующий: Советский Союз против создания польско-чехословацкой конфедерации или против нынешних переговоров о ней, он не желает ее. Так это или нет? Если да, то сам по себе это достаточный довод и все остальные отпадают. Я — реалист в политике и знаю, что если Вы будете против конфедерации, то создать ее будет невозможно... Мы также признаем, что поляки в своей пропаганде используют переговоры с нами в собственных интересах. Это довод и для меня. И, если советский полпред скажет мне ясно и откровенно, что они (русские. — *В.М.*) против осуществления этого плана, я должен это понять и определить свою дальнейшую политику»⁵⁹. Таким образом, Бенеш был готов во имя добрых отношений с Советским Союзом отказаться от «дружбы» с Польшей, не раздражая при этом особенно Англию, лелеявшую мысль о ЧПК. Однако президент был очень сердит и на СССР, полагая, согласно записи Смутного, что «Богомоллов чем дальше, тем больше говорит от имени Коминтерна». Было бы ошибкой думать, считал Бенеш, что «русские» сначала не имели ничего против чехословацко-польских переговоров, «они об этом никогда ясно ничего не говорили, и, наоборот, всегда с осторожностью, уклончиво принимали наши уверения, что переговоры не направлены против них, что могут им помочь, что мы не берем на себя никаких обязательств и т. д., но никогда не выражали одобрения»⁶⁰.

Затягивалось и решение вопроса о поездке президента в СССР. Это осложнялось еще и тем, что летом-осенью 1942 г. в связи с оттяжкой открытия второго фронта в Европе усилилась напряженность в советско-английских отношениях, свидетельством чего стал визит У. Черчилля в Москву 12–16 августа 1942 г.⁶¹ Но еще до этого, осознав, что в чехословацко-польско-советском треугольнике назревают нешуточные распри, англичане решили продемонстрировать свое доброе отношение к Чехословакии. 5 августа Иден сообщил Масарику письменно, что правительство Великобритании не считает себя далее связанным Мюнхенским соглашением и что «при окончательном определении чехословацких границ в конце войны на его точку зрения не будут влиять никакие изменения, происшедшие в этом вопросе как в 1938 г., так и позднее»⁶². 2 сентября 1942 г., уже после поездки в СССР, Черчилль в письме на имя Бенеша подтвердил решение британского правительства⁶³.

Выстраивая свою внешнеполитическую линию, Бенеш вынужден был лавировать между англичанами, поляками и «русскими». Убеждая первых и вторых в необходимости укрепления чехословацко-советского сотрудничества, он в то же время не желал ни теоретически, ни принципиально отказываться от идеи чехословацко-польской конфедерации, о чем и заявил Богомолу 27 августа 1942 г.⁶⁴. Однако в беседах с поляками все чаще стали подниматься вопросы, по которым между обеими сторонами имелись расхождения во взглядах, например, о Тешинской области. Ранее этот вопрос откладывался на неопределенное время. Москва же все более настойчиво давала понять, что в будущем не желает иметь своим соседом государственно-политическую конструкцию в виде польско-чехословацкой конфедерации. В начале сентября IV центральноевропейский отдел НКВД за подписями Васильева и Новикова подготовил справку «Польско-чехословацкая „конфедерация“». Кавычки сразу давали понять отношение авторов документа к проекту⁶⁵. В справке рассматривались история рождения проекта, ход переговоров по подготовке к его реализации после войны, существующие между Польшей и Чехословакией противоречия (подробно), цели объединения, приводились высказывания польских и чехословацких политических деятелей об отношении к СССР, оценки прессы. При характеристике конфедерации употреблялись такие термины, как «крайняя искусственность и нежизнеспособность», «шаткость и ненадежность здания», «прожектерские потуги некоторых эмигрантских деятелей», «мертворожденная конструкция», «опасные химеры». Авторы справки указывали, что «между двумя партнерами по конфедерации нет единства взглядов по вопросу об отношении к СССР, т. е. по са-

тому основному вопросу внешней политики конфедерации». «Таким образом, — гласил вывод, — с какой стороны ни посмотришь на пресловутую „конфедерацию“, неизбежно приходишь к заключению, что идея польско-чехословацкой „конфедерации“ противоречива от начала до конца. Безжизненность этой идеи станет особенно наглядна, если отдать себе отчет, каковы те реальные интересы, которыми будут всецело поглощены народы Средней Европы после победоносного окончания нынешней войны. Среди них на первом плане будут, несомненно, такие важные вопросы, как восстановление национальных границ и национальной независимости этих стран». Далее говорилось, что первостепенной задачей славянских народов Средней Европы является борьба с немецким засильем и что «искусственная затея с конфедерацией, в каких бы внешне привлекательных тонах ее ни расписывали», может оказаться вредной и «стать инструментом в руках тех, кто хочет ограничить или вовсе свести к нулю независимость славянских народов».

14 октября Новиков имел длительную беседу с Фирлингером по вопросу о конфедерации. Советский дипломат заявил, что «эта затея явно нереальная. Советская общественность (! — В.М.)... рассматривает эту идею как искусственную и не отвечающую жизненным интересам этих стран». Полпред заметил, что он «никогда не считал ее реальной», но «чехословацкая официальная пропаганда всегда ссылается на одобрение советскими официальными кругами этой идеи» (здесь и далее подчеркнуто в документе. — В.М.). На это Новиков ответил: «это не соответствует действительности, ибо никогда и нигде советские официальные круги не отзывались о конфедерации одобрительно». Фирлингер «развел руками и сказал, что ему также об этом ничего не известно, но, тем не менее, он вынужден констатировать этот факт». Далее полпред добавил, что «чехи настроены советофильски (он не сказал русофильски). После войны чехи, безусловно, будут стремиться к сближению с СССР. Лично он, Фирлингер, считает, что для Чехословакии гораздо более приемлема конфедерация с Советским Союзом. Он уверен в том, что какой-то вид объединения Чехословакии с Советским Союзом будет существовать... Но мы, конечно, не хотели бы отталкивать и поляков, если бы последние ввели у себя более демократический строй». Полпред предположил, что после разгрома Германии возможно создание социалистической Польши и Чехословакии, на что Новиков ответил, что тот, «пожалуй, слишком далеко заходит в своих предположениях... о политическом лице восстановленных Польши и Чехословакии»⁶⁶. Таким образом, Фирлингер уже не в первый раз в беседах с советскими дипломатами озвучивал идею какой-либо фор-

мы государственного объединения Чехословакии и СССР. Эта идея не канула в Лету, а нашла несколько позже свое воплощение в мысли о союзном советско-чехословацком договоре.

24 октября Молотов в ответ на ноту от 29 сентября направил письмо Фирлингеру, в котором говорилось, что советское правительство с удовлетворением приняло к сведению факт заключения чехословацко-британского соглашения по вопросу о прекращении действия Мюнхенского соглашения. Перед этим, 22 октября, текст письма был направлен Молотовым Сталину с просьбой: «Прошу утвердить этот ответ чехам о Мюнхене» (синий карандаш. — *В.М.*). Помета в верхнем левом углу (красный карандаш): «Ст[алин]». Кроме того, копию документа получили заместители наркома иностранных дел Вышинский, Деканозов, Лозовский⁶⁷. Однако советское правительство по-прежнему не желало давать официально однозначно негативный ответ о своем отношении к чехословацко-польской конфедерации. Об этом Богомолов прямо заявил Бенешу 30 октября, а позицию советского правительства сформулировал так: «1) советские круги (! — *В.М.*) в Москве против политики вашей конфедерации с Польшей и полагают, что это осложнило бы ситуацию... 2) советское правительство наблюдает за вашими переговорами с Польшей и изучает то, что вы до сих пор сделали и делаете». Бенеш в ответ заявил: «Я рад, что у меня сегодня имеется ясная формулировка [советского] правительства. Она в целом хороша и разумна. Советское правительство ни за, ни против, оно лишь наблюдает за нашими переговорами и изучает их... это означает, что вопрос конфедерации в ваших руках. Если вы согласитесь, она будет, не согласитесь — не будет»⁶⁸.

*Чехословацко-польский союзный договор
как первый шаг на пути к конфедерации*

Но было уже ясно, что Москва против. Об этом Масарик 20 ноября говорил с Иденом. Подчеркнув желание договориться с поляками, чехословацкий министр иностранных дел заявил: «Но никто, в том числе и поляки, не может от нас требовать, чтобы мы сделали это против [желания] России». Иден обещал поговорить с Сикорским о том, как «неразумно было бы в данный момент делать что-либо против или назло России». Масарик высказал мысль о возможности заключения чехословацко-польского союзного договора и просил Идена о поддержке этой идеи. Тот обещал. В этот же день Масарик ужинал с Рачиньским и тоже завел речь о союзном договоре как первом шаге на пути к возможной конфедерации, учитывая осложнения, возникшие в связи с продвижением ее проекта. Рачиньский, хотя и

удивился сделанному предложению, но, когда Масарик сообщил ему, что англичане с одобрением смотрят на это, обещал подумать⁶⁹. 23 ноября состоялась встреча Бенеша, Масарика и Рипки с Сикорским и Рачиньским. Министр считал предложение о союзном договоре как первом шаге к конфедерации разумным, но сомневался в положительном восприятии идеи польской общественностью, поскольку неизбежно речь пойдет и о Тешинской области. Англичане советовали начать быстрее переговоры о заключении договора. Они и были начаты, но натолкнулись на неуспех: препятствием стал Тешинский вопрос, без обсуждения которого, по мнению чехословацкой стороны, «переговоры едва ли могли быть успешными». Поляки же считали эту область своей и не шли ни на какие уступки. По всей вероятности, заявил Рипка в беседе с поверенным в делах СССР при союзных правительствах в Лондоне В.А. Вальковым 13 декабря 1942 г., Чехословакия не сможет договориться с поляками и по вопросу об альянсе (союзном договоре. — *В.М.*), поскольку предпосылкой для его заключения «является разрешение вопроса о Тешинской Силезии». В представлении Бенеша, согласно Рипке, «альянс должен быть военным союзом, направленным против Германии». Полякам, заметил Рипка, «идея альянса не вполне нравится в связи с тем, что он направлен исключительно против Германии, тогда как в намерения поляков входило направить польско-чехословацкую конфедерацию также и против СССР»⁷⁰.

«Вопрос о польско-чехословацкой конфедерации сейчас оставлен открытым на послевоенный период», — утверждал Бенеш в беседе с В.А. Вальковым 26 декабря 1942 г. Президент сказал, что перед отъездом Сикорского в США⁷¹ тот спросил его, может ли он заявить Рузвельту, что между Польшей и Чехословакией достигнута полная договоренность о конфедерации, на что Бенеш ответил: «1. Соглашение по вопросу о конфедерации нами не подписано; 2. До тех пор, пока не разрешен вопрос о Тешинской Силезии, нельзя говорить и по вопросу о конфедерации; 3. Без урегулирования спорных вопросов между Польшей и СССР и без согласия Советского Союза Чехословакия не может дальше обсуждать вопрос о конфедерации. Поэтому Сикорский не может делать подобного рода заявлений Рузвельту». Далее Бенеш сообщил об идее чехословацко-польского союзного договора (альянса), которую он согласен обсудить с поляками, но при следующих условиях: «1. Предварительное разрешение вопроса о Тешинской Силезии; 2. Альянс должен быть направлен исключительно против Германии; 3. Альянс ни в коем случае не должен затрагивать интересы СССР, с которым Чехословакия намерена после войны заключить военный союз». Бенеш просил сообщить его

точку зрения советскому правительству, и особенно о чехословацко-польском альянсе, «ибо он не хочет делать ничего такого, что бы шло вразрез интересам Советского Союза, с которым Чехословакия имела и хочет иметь хорошие отношения»⁷².

31 декабря МИД ЧСР направил чехословацким представителям инструкцию, в которой подводились итоги переговоров о проекте чехословацко-польской конфедерации. Констатировалось их осложнение, прекращение в последние месяцы работы смешанных комиссий. В качестве одной из главных причин назывались различия чехословацких и польских взглядов на значение Советского Союза в деле сотрудничества стран Центральной Европы. «Чехословакия не может и не будет предпринимать ничего, что препятствовало бы традиционно дружественным чехословацко-советским связям», — значилось в инструкции. Говорилось об усилении антисоветской направленности польской политики, о том, что Польша не хочет обсуждать вопрос о Тешинской области, считая ее своей и не учитывая отказ Англии от Мюнхенского соглашения, об идее чехословацко-польского союзного договора против Германии сроком на 20 лет⁷³. Все это изложил и Фирлингер в беседе с Богомоловым 8 января 1943 г., добавив при этом, что, поскольку, по его мнению, «в советских кругах не видят сколько-нибудь значительной разницы между конфедерацией и альянсом, он, «со своей стороны, посоветовал Бенешу прежде, чем делать какие-либо предложения полякам, проконсультировать этот вопрос с советским правительством»⁷⁴. 16 января Фирлингер передал Новикову секретную информацию (на русском языке) о принципах чехословацко-польского альянса. Одновременно предлагалось заключить аналогичный договор с СССР, оставляя за советским правительством право самому представить соответствующий текст договора или же предложенный ему текст изменить и дополнить⁷⁵. Таким образом, проект ЧПК если пока и не был похоронен окончательно, но на неопределенное время «положен под сукно». Однако мысль о сближении в какой-либо форме Чехословакии и Польши не оставляла Бенеша.

Наступал 1943 год, год решительного перелома в ходе Великой Отечественной войны да и Второй мировой войны в целом. Освободительная миссия советских вооруженных сил просматривалась все более четко, как и важная роль Советского Союза в послевоенном мирном урегулировании. 29 декабря 1942 г. Рипка в конфиденциальном порядке сообщил Валькову, что «чехословацкое правительство *уже сейчас* (курсив мой. — В.М.) хотело бы заключить общий договор о взаимопомощи с Советским Союзом»⁷⁶. Этот вопрос сейчас рассматривается Бенешем, который является сторонником

такого шага»⁷⁷. Фирлингер в своих взглядах на будущее советско-чехословацких отношений пошел еще дальше. 29 декабря, беседуя с Богомоловым, который находился тогда в Москве, посол⁷⁸ в форме своего личного мнения (и не в первый раз) заявил, что он «сочувствует идее вхождения Чехословакии в советскую федерацию на правах союзного государства (вроде М[онгольской]Н[ародной]Р[еспублики])». Он мотивировал эту мысль тем, что «симпатии чехословацкого народа к СССР непрерывно растут, а внутренняя ситуация Чехословакии с неизбежностью будет требовать социалистической реконструкции Чехословакии в послевоенной Европе». При этом Фирлингер снова повторил, что перед его отъездом в СССР (т. е. в августе 1941 г.) «Бенеш в беседе с ним выражал сочувствие этой идее тесного сближения Чехословакии и СССР»⁷⁹. На самом деле если эта мысль когда-либо и посещала президента, то лишь в качестве тактического шага в деле налаживания чехословацко-советских отношениях, а в 1942 г. он никак не мог быть ее сторонником. Более того, в своем послании Государственному Совету от 12 ноября 1942 г. Бенеш прямо заявил, что вопрос о конфедеративных отношениях между Чехословакией и Советским Союзом никогда официально не ставился и не ставится ни той, ни другой стороной и что советское правительство «буквально и последовательно подчеркивает» полную независимость Чехословакии в домюнхенских границах⁸⁰. В упомянутой беседе Фирлингер намекнул Богомолову о недоверии к нему со стороны чехословацкого правительства, что было правдой и объяснялось откровенно просоветскими позициями посла⁸¹. Правильность действий советского правительства никогда не подвергалась им сомнению.

В конце декабря 1942 г. по случаю вручения верительных грамот Фирлингер был принят Молотовым. В ходе беседы, продолжавшейся около часа, посол заявил о возможном визите Бенеша в Москву уже весной 1943 г., во время которого «можно было бы заложить основы некоего более тесного соглашения (dohody)». Несколько раз Фирлингер встречался также с Богомоловым и Деканозовым. «Советские правительственные круги», по мнению посла, «высказывали решительное подозрение, что за нашим проектом оборонительного союза с Польшей скрывается старый план конфедерации»⁸². Напомним, что речь действительно шла о первом шаге к конфедерации. И Рипка, беседуя с Вальковым 8 января, отмечал, что «чехословацкое правительство не отказывается от идеи конфедерации как идеи, но оно отказывается от самой конфедерации... О конфедерации с поляками мы разговаривать сейчас не собираемся, это вопрос будущего... а сейчас ограничимся альянсом, направленным исключительно против Германии». Рипка хотел знать точку зрения

советского правительства по этому вопросу, но в то же время заявил о желании «уже сейчас (курсив мой. — В.М.) заключить договор с СССР на послевоенный период». На вопрос Валькова, каким должен быть этот договор в представлении чехословацкого правительства, Рипка ответил, что, по его мнению, изложенному в записке Бенешу по этому вопросу, «договор должен быть заключен в духе англо-советского договора 1942 года»⁸³. Проект советско-чехословацкого договора (на французском языке) Рипка представил Бенешу уже 20 декабря 1942 г.⁸⁴, а в беседе с Вальковым 29 декабря подчеркнул, что этот договор означал бы «первый важный опорный пункт, и... пункт главный, в системе сотрудничества Советского Союза со странами Центральной Европы»: «альянс Советского Союза с Чехословакией дал бы Советскому Союзу немедленно совершенно надежную гарантию, что в Центральной Европе просто-напросто ничего нельзя сделать ни против Советского Союза, ни без Советского Союза»⁸⁵.

Сообщая Фирлингеру 11 января о проекте заключения союзного чехословацко-польского договора, Бенеш в то же время отметил желательность одновременного подписания аналогичного договора с Советским Союзом. Президент подчеркнул благоприятное отношение Майского к проекту и «полное согласие Идена с этой концепцией»⁸⁶. Но Москва была не склонна поддерживать и этот проект. 26 января Богомолов сообщил Рипке, что «по мнению советских кругов, проект альянса означает то же самое, что и проект конфедерации». Когда Рипка пытался убедить его в больших различиях между обоими проектами, Богомолов ответил, что возможно это и так, но ему было дано указание передать мнение советских кругов. Он настаивал именно на том, что это мнение не советского правительства, а неких советских кругов. Посол снова подчеркнул, что поляки ведут себя вызывающе враждебно по отношению к Советскому Союзу⁸⁷. Бенеш, признавая в беседе с Иденом, что поведение поляков и особенно их «нелепая позиция в вопросе о границах» мешают убедить СССР в правильности новых проектов развития чехословацко-польско-советских отношений, просил англичан о поддержке. Иден обещал дать указание английскому послу в Москве А.К. Керру переговорить с Молотовым по этим вопросам⁸⁸.

В Лондоне рождалась идея трипартитного чехословацко-польско-советского договора. 4 февраля во время встречи Бенеша с Богомоловым посол выразил мнение, что советско-польско-чехословацкое соглашение вряд ли возможно с нынешним польским правительством и в существующей атмосфере. Разговоры Идена с Майским по этим вопросам, как сообщали Бенеш и Масарик Фирлингеру, будут носить лишь дружественно информационный ха-

ракти, как и разговоры с поляками: «В этой ситуации мы займем выжидательную позицию». При этом Бенеш делал вывод, что «Советы до окончания войны» не захотят и в отношении Чехословакии принимать каких-либо окончательных решений. Он намеревался в скором времени поехать в Вашингтон, а затем в Москву, где хотел бы обсудить вопросы, касавшиеся сотрудничества с СССР и положения дел в центральноевропейском регионе⁸⁹.

Вопрос о будущем Центральной и Юго-Восточной Европы волновал и Запад. Об этом, в частности, свидетельствует длительная беседа Майского с Иденом 11 марта, накануне отъезда министра в США. Идена интересовала позиция СССР по основным европейским проблемам. Майский заявил, что может касаться этих вопросов «только в абсолютно частном порядке и высказывать только личное мнение». Речь зашла, в частности, о возможности и желательности (с точки зрения Англии) создания федеративных объединений в указанном регионе после войны. Майский заявил: «Никаких решений совпра (советского правительства. — *В.М.*) по вопросу о федерациях нет. Однако общее настроение наших политических кругов в отношении федераций очень осторожное. Причина понятна. Вопрос о федерациях — не абстрактный вопрос. Надо точно знать, о каких федерациях идет речь? Будет ли та или иная федерация дружественна или, наоборот, враждебна СССР? Это для нас решающий момент». Иден согласился, что к вопросу о федерациях надо подходить конкретно. Майский: «Если говорить откровенно, то с еще большей настороженностью, чем ко всем другим федерациям», СССР относится к «польско-чешской конфедерации». «Причина проста: мы совершенно не знаем, что будет представлять из себя будущая Польша. А если судить по польпра (польскому правительству. — *В.М.*) в Лондоне, то трудно ожидать возникновения после войны дружественной СССР Польши». Иден, записав Майский, «был, видимо, разочарован, но воздержался от каких-либо замечаний». Посол, продолжив тему, заметил, что «все эти комбинации малых держав» кажутся ему «мало жизненными» и что сохранение мира и порядка в послевоенной Европе мыслимо лишь в порядке общеевропейской организации (политической и военной) во главе с СССР и Англией. Ничто другое мира не может спасти... Игра же в локальные федерации малых держав будет только отвлекать внимание от преследования главной и основной задачи. Если же общеевропейская организация будет создана, то каждая малая держава найдет в ее структуре свое надлежащее место». Иден, согласившись с мнением относительно роли общеевропейской организации, заметил: «Возможно, что тогда и вопрос о федерациях малых стран отпадет или, во всяком случае, будет стоять иначе, чем сейчас»⁹⁰.

*Идея советско-чехословацкого договора:
международный контекст*

Москва не без основания полагала, что трипартитный договор тогда едва ли был возможен из-за откровенно антисоветской позиции польского эмигрантского правительства. И тут на первый план стала выступать и в конце концов зажила самостоятельно идея сепаратного советско-чехословацкого договора. 21 февраля 1943 г. Фирлингер в телеграмме Бенешу высказал мысль о возможности инициативной со стороны чехословацкого правительства постановки вопроса о договоре с СССР, пока без Польши⁹¹. 25 февраля Богомолу из Москвы было предложено спросить от своего имени Бенеша, является ли заявление Фирлингера о желании заключить советско-чехословацкий договор, аналогичный польско-чехословацкому альянсу, предложением чехословацкого правительства и, в случае утвердительного ответа, уточнить существо предполагаемого договора. Далее послу предлагалось, опять же в случае утвердительного ответа, задать Бенешу вопрос, как он отнесся бы к идее заключения аналогичного договора между СССР и Польшей? «Не удивительно, — говорилось далее в директиве, — что Бенеш ответит положительно на этот вопрос. Тогда Вам следует, продолжая зондаж, спросить, не считал ли бы Бенеш возможным в таком случае заключение трипартитного пакта СССР — Польша — Чехословакия?»⁹². Весной 1943 г. возможность такого решения еще обсуждалась как в Москве, так и в Лондоне. Однако кризис в чехословацко-польско-советских отношениях был налицо. 6 марта состоялась беседа Лозовского с Фирлингером⁹³, о содержании которой уже на следующий день был оповещен Молотов⁹⁴. Посол сообщил, что «он получил от Бенеша новый запрос о том, может ли чехословацкое правительство надеяться на возможность подписания с Советским Союзом договора, который регулировал бы советско-чехословацкие отношения не только *в период войны* (т. е. речь шла о подписании договора еще во время войны, курсив мой. — *В.М.*), но и в послевоенный период». При этом Фирлингер хотел выяснить, «нет ли каких-нибудь международных препятствий (имелась в виду позиция Англии. — *В.М.*) для союза между Чехословакией и СССР». Лозовский, который, по его словам, был «недостаточно в курсе» проектов по вопросу развития и укрепления советско-чехословацкого сотрудничества (это видно и из его письма Молотову. — *В.М.*), заявил, тем не менее, что «поскольку между СССР и Чехословакией существуют дружественные отношения, то тесное сотрудничество между нашими странами в послевоенное время может встретить только положительное отношение». Считая,

что проектируемый чехословацким правительством договор с СССР имеет характер «пакта о дружбе и взаимопомощи», Лозовский предлагал устно заявить Фирлингеру о том, что «советское правительство относится положительно к идее договора». Резолюция Молотова 19 марта гласила: «С тт. Корнейчуком и Вышинским»⁹⁵.

В тот же день, 19 марта, Богомолов пригласил Бенеша на завтрак, чтобы прояснить некоторые вопросы. Речь шла о чехословацко-польском альянсе, о трипартитном договоре, наконец, о советско-чехословацком договоре, относительно которого президент высказал свои принципиальные соображения, состоявшие в следующем: а) это — восстановление в новых условиях советско-чехословацкого договора 1935 г.; б) это — приближение к трипартитному чехословацко-польско-советскому договору как подготовка к общей славянской политике в будущем; в) это — соответствие договору СССР с Англией, «чтобы остальная Европа могла спокойно его (советско-чехословацкий договор. — *В.М.*) принять и не расценивать как проявление вашего империализма». Если Москва захочет, добавил Бенеш, то он мог бы позднее сформулировать все это конкретнее в письменном виде. В свою очередь, президент, заявив, что ему неясны некоторые вопросы советской политики, прямо спросил у Богомолова, намерено ли советское правительство *до окончания войны* (курсив мой. — *В.М.*) заключить с Чехословакией договор о сотрудничестве и взаимопомощи в духе договора 1935 г. и советско-английского договора 1942 г. Наконец, Бенеша интересовал вопрос об отношении СССР к проекту трипартитного договора, к Германии и немцам вообще и, в частности, к проекту переселения немецкого меньшинства из Чехословакии⁹⁶.

На следующий день Богомолов сообщил в Москву о встрече с Бенешем и поставленных им вопросах, в том числе и о подписании договора еще до окончания войны. Но советское правительство, по всей видимости, не торопилось с ответом, как не торопил его и Бенеш. Президент собирался в начале мая с визитом в США и 4 апреля встретился с Черчиллем, чтобы обсудить с ним ряд вопросов. Британский премьер поинтересовался, в частности, как обстоит дело с чехословацко-польским сотрудничеством. Бенеш ответил, что оно находится «почти на мертвой точке», но он надеется все же на достижение договоренности. Черчилль высказал свою заинтересованность в этом, но заметил, что Польша должна была бы пойти на территориально компенсированные уступки в отношении России на востоке: «Если нам удастся их (поляков. — *В.М.*) в этом убедить, то это будет большим шагом вперед. Вы ведь определенно люди разумные, а поляки неразумные...». Премьер говорил и о России, подчеркнув, что

«вопреки всем потерям она выйдет из войны сильной, мощной, и ее сила возрастет... Балтийские государства окончательно будут принадлежать России. Как и в 1914 г., Россия идет вместе с нами против общего врага, и мы будем последними, кто захочет отнять у нее территории, которые принадлежат ей исторически и стратегически. Это относится также и к восточным границам Польши... Но именно потому, что Россия будет так сильна, было бы ошибкой существование на западе от нее ряда маломощных, неорганизованных государств и государствочек... С Россией должны договориться и мы, и американцы, это будет нелегко, но иначе не будет прочного мира». Бенеш согласился и заявил, что его желание видеть сильную Польшу не означает возможность участвовать в создании конструкции, которая могла бы превратиться в антироссийский альянс или в то, что реакционеры именуют «санитарным кордоном»⁹⁷.

Обращение к советско-польской проблематике в указанной беседе явилось вовсе не случайным и объяснялось, по всей видимости, дальнейшим ухудшением отношений СССР с польским правительством, которые, в конце концов, были вовсе прерваны в связи с «катынским делом». Поляки обвиняли, как сегодня ясно, совершенно справедливо, советские органы в причастности к расстрелу польских военнопленных в Катыни в 1940 г., а Москва решительно опровергала это. 19 апреля ТАСС опубликовал официальную точку зрения советского правительства по данному делу, а 21 апреля Москва, наконец, ясно высказалась за подписание советско-чехословацкого договора. В телеграмме Молотова Богомолу советскому послу поручалось передать Бенешу, что советское правительство в принципе согласно с заключением советско-чехословацкого договора о взаимопомощи по типу англо-советского и готово обсудить конкретные предложения чехословацкого правительства. О сроках подписания договора и о времени его действия ничего не говорилось. Однако поскольку речь шла о договоре по типу советско-английского, то можно предположить, что имелось в виду не только послевоенное сотрудничество, но и взаимопомощь во время войны, а это требовало подписания его еще до ее окончания. Москва готова была обсудить конкретные предложения чехословацкого правительства на этот счет. Что касается трипартитного соглашения, то советское правительство считало его в принципе приемлемым, но обсуждение этого вопроса ввиду «теперешних натянутых отношений между советским и польским правительствами» несвоевременным⁹⁸.

23 апреля Богомолу встретился с Бенешем, чтобы передать ему ответ советского правительства. Интерпретация содержания этой беседы советской (плюс Фирлингер) и чехословацкой сторонами не-

сколько отлична, что важно для понимания последующего развития событий, связанных с подписанием договора. Запись Бенеша свидетельствует, что он в первую очередь хотел выяснить принципиальную позицию советского правительства относительно возможности заключения советско-чехословацкого договора, чтобы затем уже решать вопрос о его конкретном содержании, времени действия и моменте подписания: «Богомоллов и я констатировали, что мои вопросы и их ответы имеют целью, прежде всего, выяснить общую ситуацию, что нет необходимости делать это завтра, что у нас еще есть время и на [разработку] проекта этого договора и на дискуссию о нем, поскольку для нас обоих речь идет о подготовке условий и конструировании окончательных отношений в послевоенный период. Но мне необходимо было это разъяснение уже сегодня, особенно в связи с моей поездкой в Америку, и поскольку мы вообще должны видеть уже сегодня, как в нынешних непрерывно меняющихся обстоятельствах выстраивать всю свою будущую политику»⁹⁹. По версии Фирлингера, в полученной им телеграмме Бенеша от 4 мая сообщалось, что если речь идет о зондаже вопроса, то Москва согласна подписать договор о взаимопомощи перед окончанием войны, что президент должен подготовить его текст для обсуждения («дело не должно быть завершено уже завтра, мы должны резервировать себе необходимое время и спокойно подготовить вопрос») и что все эти вопросы будут продискутированы во время поездки президента в Москву¹⁰⁰, которая планировалась на июнь, сразу после его возвращения из Америки и Канады. Таким образом, речь не шла о подписании договора в ближайшее время, т. е. во время визита Бенеша в СССР.

В начале мая президент отправился в США. Во время неоднократных его встреч с Рузвельтом обсуждалась между прочим и позиция Бенеша по отношению к СССР, которая, как он утверждал, получила одобрение¹⁰¹. В Вашингтоне (10 мая) президента настигла телеграмма Фирлингера от 7 мая о его длительном разговоре с первым заместителем наркома иностранных дел СССР А.Е. Корнейчуком и К.В. Новиковым. Советское правительство, как сообщал посол, «ждет Вашего проекта договора и считает, что договор мог бы быть подписан во время Вашего визита». Это существенное отличие от прежней советской позиции Фирлингер отметил в своих мемуарах. Он просил как можно скорее прислать ему указанный проект и не рекомендовал «откладывать это дело»¹⁰². Бенеш не спешил. В телеграмме Масарику 31 мая он сообщил, что не считает нужным передавать Богомоллову проект договора до своего возвращения в Лондон: «Каждое слово будет иметь значение... Необходимо будет придерживаться как можно ближе текста англо-советского пакта... Я хочу также подождать еще

последнего разговора с Рузвельтом». Кроме того, Бенеш не оставлял мысль о возможности присоединения к договору поляков, и он хотел, чтобы это отразилось и в его проекте¹⁰³. Не совсем ясна была президенту и позиция Лондона в отношении договора. Масарик просил его 2 июня дать указание Фирлингеру не форсировать решение дела. К характеристике общей обстановки следует еще добавить, что в мае с Рузвельтом встречался и Черчилль для обсуждения вопроса об открытии (точнее, об оттягивании открытия) второго фронта в Европе. Очередной перенос этой акции на май 1944 г. не мог не сказаться на отношениях внутри антигитлеровской коалиции, усилив их напряженность. Отрицательно это повлияло и на ход советско-чехословацких переговоров.

Англичане, узнав о готовившемся подписании во время визита Бенеша в Москву двустороннего советско-чехословацкого договора, выразили открытое недовольство. Рипка уверил Николса в беседе с ним 3 июня, что речь не шла о подписании договора во время поездки Бенеша в СССР. Иден 16 июня заявил Бенешу об устном соглашении с Молотовым относительно того, что до окончания войны великие державы не будут заключать никаких договоров с малыми союзными государствами¹⁰⁴. 18 июня президент встретился с Богомоловым, чтобы информировать его об итогах своего визита в США и о возражениях Идена против немедленного подписания советско-чехословацкого договора. Обсуждалось и его содержание. Бенеш показал послу подготовленный им проект, в котором идея договора с СССР увязывалась с трипартийным договором¹⁰⁵. Богомолов возразил, заявив, что, по его мнению, лучше эти два вопроса разделить. Бенеш согласился и обещал переделать проект, положив в его основу факт существования советско-чехословацкого договора 1935 г., который формально не был отменен. Президент предполагал выехать в СССР после 4 июля и пробыть там три недели¹⁰⁶. 22 июня Бенеш направил Фирлингеру телеграмму, в которой говорилось о целях его поездки в Москву: поблагодарить советское правительство за действенную помощь Чехословакии, обсудить с советским руководством вопросы, касающиеся советско-чехословацких отношений, в том числе и договора, а также различных проблем европейской политики и будущего мира¹⁰⁷. О подписании договора не было и речи. Богомолов, по словам Бенеша (телеграмма Фирлингеру от 28 июня), считая, что дело подписания договора касается лишь СССР и Чехословакии, рекомендовал не уступать англичанам даже ценой конфликта с ними. Таким образом, Бенеш оказался между двух «великодержавных жерновов», ведущих свою политическую игру. Не желая стать «яблоком раздора» между Англией и СССР и

содействовать усилению напряженности в антигитлеровской коалиции, а также опасаясь того, что вина за это впоследствии может быть возложена на него, Бенеш решил повременить с подписанием договора и добиться, чтобы Лондон и Москва урегулировали этот вопрос между собой. Его позиция четко отражена в указанной телеграмме Фирлингеру от 28 июня: «Наша политика — сблизить англичан и русских, а не разделять их... кроме того, последствия всего спора англичане возложили бы на нас, а мы не настолько сильны, чтобы позволить себе это, и, наконец, мы все еще существенно зависим от Англии в вопросах наших границ, в продовольствии, сырье и финансах... спор должен быть решен согласием... если бы выяснилось, что англичане вообще хотят помешать заключению договора, мы категорически это отклоним»¹⁰⁸.

Думается, что такая позиция главы небольшого государства, будущее которого зависело от степени согласованности действий великих держав, была адекватна сложившейся ситуации, вытекала из общей внешнеполитической концепции Бенеша («50% на Запад, 50% на Восток»), характеризовала его как реально мыслящего политика, не желавшего углубления разногласий между ведущими членами антигитлеровской коалиции. «Ситуация деликатная и требует чрезвычайно осторожных действий с нашей стороны»¹⁰⁹, — писал Бенеш Фирлингеру. Новиков, которому Фирлингер изложил «мотивы и опасения» президента, посчитал, что в таком случае лучше было бы не предпринимать поездки вообще или отложить ее: «Советское правительство приняло Вашу инициативу, и подписание пакта должно было бы быть сегодня основной целью поездки... Вести переговоры о соглашении и не подписать его — это вызвало бы неблагоприятное впечатление, и Москва не согласилась бы с подобными действиями»¹¹⁰. Мнение о том, что поездку Бенеша в Москву в случае, если не будет принято решение о подписании договора, лучше отложить, высказывал и Богомолов, чрезвычайно раздосадованный сложившейся ситуацией¹¹¹.

Фирлингер, несомненно, был прав, полагая, что подписание договора могло бы «стать весьма важным событием для развития отношений в Европе»¹¹². По сути это была серьезная заявка СССР на укрепление его влияния в центральноевропейском регионе. В разговоре со Смутным в конце июня 1943 г. Богомолов утверждал, что «Россия уже никогда не откажется от своей политики в Центральной Европе», что ее присутствие здесь будет «постоянным», что она хочет дружественных отношений с государствами этого региона, чтобы «держат под шахом Германию»¹¹³. Скорее всего, именно эта сторона дела волновала англичан, опасавшихся усиления влияния «русских»

в Европе после войны. В июле, августе и сентябре 1943 г. создавшаяся ситуация обсуждалась внешнеполитическими ведомствами СССР (Корнейчук, Богомолов, Новиков, Майский), Великобритании (Иден, Керр) и Чехословакии (Масарик, Рипка, Фирлингер, находившийся в постоянном контакте с Бенешем). Стороны бесконечно повторяли свои доводы «за» и «против» подписания договора, однако прогресса в решении вопроса не обнаружилось. Между тем судьба договора занимала не только дипломатов, но и чехословацкую эмигрантскую общественность в Лондоне. Чаша весов в ее настроениях резко склонилась в пользу подписания договора, что в немалой степени объяснялось и успехами Красной Армии на советско-германском фронте летом 1943 г., окончательно переломившими ход Второй мировой войны. «Эта война будет выиграна на Востоке»¹¹⁴, — констатировал Бенеш в сентябре 1943 г. Ясно обозначилась перспектива освобождения Чехословакии советскими войсками. 16 июля чехословацкое правительство приняло решение о скорейшем заключении договора с СССР, которое затем было поддержано и чехословацким Государственным советом¹¹⁵. Бенеш не одобрял этих акций, считая, что они будут истолкованы англичанами как попытка давления на них и лишь затруднят решение вопроса¹¹⁶.

Англичане, несмотря на все дипломатические усилия советской и чехословацкой сторон, продолжали упорствовать в своем отрицательном отношении к подписанию договора. Бенеш был раздражен и не скрывал этого от Николса, заявив ему 8 августа, что «своей негативной позицией они (англичане. — В.М.) сами толкают нас на Восток, и нам ничего не останется, как повернуться исключительно к России»¹¹⁷. Однако он считал, что следует набраться терпения и продолжать переговоры. Бенеш полагал, что «как только будет достигнута договоренность между англичанами и русскими, все уладится само собой»¹¹⁸. 23 августа президент, по словам Богомолова, заявил ему следующее: «Если великая держава делает глупости, то 20 лет его опыта подсказывают ему, что надо подождать, и когда эта держава начнет исправлять свою глупость, то лучше сделать вид, что не замечаешь этого». Он также спросил посла, не считает ли советское правительство возможным начать предварительные переговоры по существу договора, который он хочет подписать в сентябре. Одновременно президент представил и его проект. Богомолов согласился взять текст «только для личного ознакомления»¹¹⁹.

Но 24 августа посол передал в Москву «перевод проекта договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией». Проект, по словам Богомолова, отличался от показанного ему Бенешем в июне: в нем не говорилось о сроке

действия договора (20 лет — по аналогии с англо-советским договором 1942 г.) и «весь договор обращен только против Германии или союзных с ней государств, но не предусматривается взаимопомощи против агрессии по отношению к СССР или Чехословакии государства, не связанного непосредственно с Германией или связанного с какой-либо иной державой»¹²⁰. Проект договора, одобренный советским правительством, был вручен Фирлингеру для передачи Бенешу 30 сентября. В него были внесены пункты, учитывавшие критические замечания Богомолова. Первое из них (о сроках) было принято чехословацкой стороной, а второе отвергнуто: Бенеш полагал, что такой пункт может быть неправильно истолкован, прежде всего поляками. В окончательной редакции договор так и сохранил антигерманскую направленность. В протокол при подписании договора советская сторона предлагала (по словам Фирлингера, по инициативе Сталина) внести пункт о возможности присоединения в будущем к договору третьей стороны (имелась в виду Польша) и его превращении, таким образом, в трипартитное соглашение¹²¹. Бенеш был доволен этим дополнением, поскольку хотя бы отчасти реализовывалась его идея трехстороннего пакта.

Хотя англичане заверяли, что они в принципе не возражают против поездки Бенеша в Советский Союз, но советовали отложить ее до совещания министров иностранных дел СССР, Великобритании и США, которое планировалось в Москве во второй половине октября 1943 г. 24 сентября чехословацкое правительство подтвердило свою позицию в вопросе быстрее заключения советско-чехословацкого союзного договора, который отвечает как интересам республики и ее быстрого восстановления после войны, так и интересам Объединенных наций, обеспечения будущего мира, особенно в Центральной Европе¹²². Об этом были информированы правительства Великобритании, США и СССР. Иден раздраженно отреагировал на полученное сообщение, заявив Масарику: «Ваше правительство с ума сошло и думает лишь о договоре с Россией. У меня не только эта забота, но немало и других дел! В России мы будем говорить и по этому вопросу»¹²³.

Незадолго до этой встречи Николс в беседе с Рипкой снова заявил, что англичане «не против идеи советско-чехословацкого договора, а против того, чтобы он был заключен сейчас, и что они хотят, чтобы договор был включен в известную общую систему (имелась в виду система договоров с малыми странами Центральной и Юго-Восточной Европы. — *В.М.*)». Разъясняя собеседнику позицию Бенеша, Рипка отметил еще один важный довод в пользу заключения договора: «договором с Советами мы хотим также обеспечить внутреннюю неза-

висимость... опасности коммунизма мы хотим противопоставить, с одной стороны, внешнеполитическое дружественное сотрудничество с Советским Союзом, а с другой — ликвидацию этой опасности путем привлечения коммунистов к сотрудничеству в правительстве, а тем самым и к ответственности за действия правительства»¹²⁴.

Однако позиция Англии казалась непреклонной. Она считала, что «договор не может быть подписан до конца войны», о чем Бенеш сообщил Фирлингеру 18 октября, после отъезда Идена в Москву. «Для нас важно, — писал президент, — что в настоящее время договор уже согласован, а когда он будет подписан, это можно считать при нынешнем положении совершенно второстепенным. Если однако будет решено подписать его немедленно, тем лучше. Однако я не хочу, чтобы ныне Чехословакия стала яблоком раздора между Англией и Россией. От этого пострадали бы все, и мы больше всех... рискуя вызвать конфликт с Англией, я не могу ехать в Россию и не могу подписывать там договор. Невозможно, чтобы мы пошли на риск прямого и острого конфликта между Чехословакией и Англией, последствия которого были бы опасными. Мы не в таком положении, чтобы могли это сделать»¹²⁵. Бенеш просил советскую сторону «нажать» на англичан, чтобы облегчить чехословацкому правительству возможность заключить договор с СССР. Корнейчук, к которому Фирлингер обратился с этой просьбой, хотя и считал, что вопрос касается только советского и чехословацкого правительств, все же обещал довести ее до сведения советского правительства.

Однако президент был далеко не уверен, что Москва и Лондон придут к взаимопониманию насчет договора и страшно досадовал на тех и других. Об этом свидетельствовал, в частности, откровенный и подробный разговор 16 октября Бенеша со Смутным, который изложил следующим образом оценки президента: «Поведение Советов было хуже, чем англичан... Сегодня я знаю, что для них речь шла о том, чтобы прибрать меня к своим рукам, и в этом вся мерзость. Любой ценой они хотели принудить меня, чтобы я подписал договор; они рассчитывали, что если я это сделаю, то для англичан и американцев со мной будет покончено, что я буду вести политику лишь с ними (русскими. — *В.М.*), буду зависеть лишь от них, что они будут держать меня в своих руках и делать со мной, что захотят... Это скверно хотеть со мной так играть. Поэтому они приперли меня к стене: подписать или же в Москву не ездить; они думали, что меня вынудят, поэтому и проводили нажим со всех сторон». Бенеш считает, продолжал Смутны, что «мы имели против себя Англию и Россию», что у него оправданная горечь в отношении них, так как «обе страны вели с нами нечестную игру; но Бенеш признает, что с

русской стороны эта игра была гораздо более нечестной, чем с английской стороны», что русские стремятся «запутать ситуацию как можно больше, чтобы их роль не была так очевидна»¹²⁶.

Так видел ситуацию Бенеш накануне проходившей в Москве с 19 по 30 октября 1943 г. конференции министров иностранных дел Великобритании, СССР и США, обсудивших мероприятия, которые следует предпринять для сокращения сроков войны против Германии и ее союзников в Европе. На шестом заседании конференции 24 октября¹²⁷ по просьбе Великобритании был рассмотрен вопрос о соглашении между главными и малыми союзниками по послевоенным вопросам. За два дня до заседания, по словам Молотова, проект советско-чехословацкого договора был направлен Идену и Хэллу. После непродолжительных дебатов между Молотовым и Иденом, не содержащих никаких новых мотиваций и объяснений позиций сторон, Иден заявил, что, ознакомившись с проектом, считает договор хорошим и не имеет возражений против него, а также против поездки Бенеша в Москву для его подписания¹²⁸. Это и было зафиксировано в секретном протоколе Московской конференции от 1 ноября 1943 г.¹²⁹. Вечером 25 октября Корнейчук сообщил Фирлингеру о принятых решениях, а на следующий день временный поверенный СССР при союзных правительствах в Лондоне П.Д. Орлов официально уведомил об этом Бенеша и передал ему пожелание советского правительства «как можно скорее посетить Москву и подписать договор»¹³⁰. Бенеш сказал, что это и его желание. «Так будем паковать чемоданы, — сказал он с веселой усмешкой своему секретарю Э. Таборскому. — Я был уверен, что англичане в конце концов образумятся»¹³¹.

1 Beneš Edvard. *Demokracie dnes a zítra*. Sv. II. Londýn, 1942. S. 166–168.

2 Československo-polská jednání o vytvoření konfederace 1939–1944. *Československé diplomatické dokumenty*. Kn. I–IV. Praha, 1994. S. 9–13 (далее: *ČRPJK*); О чехословацко-польских переговорах относительно создания конфедерации см. подробно: Němeček J. *Od spojení k roztržce. Vztahy československé a polské exilové reprezentace 1939–1945*. Praha, 2003.

3 Beneš E. *Šest let exilu a druhé světové války. Řeči, projevy a dokumenty z r. 1938–1945*. Praha, 1946. S. 455.

4 Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 276. Л. 16 (далее: *АВП РФ*).

5 *АВП РФ*. Ф. 029. Оп. 5. П. 31. Д. 53. Л. 17–18.

6 Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. *Dokumenty*. Díl I. Březen 1939–červen 1943. Praha, 1998. S. 230–231 (далее: *ČSVDJ*. D. 1).

7 К началу Великой Отечественной войны дипломатических отношений между СССР и Польшей не существовало. Они были восстановлены 30 июля 1941 г. Тогда же было достигнуто соглашение о формировании на советской территории польских воинских частей под командованием генерала В. Андерса.

8 ČSVDJ. D. 1. S. 233–234.

9 Ibid. S. 241–242, 246–247.

10 Однако вскоре польское правительство отказалось выполнять это решение и настояло на отправке польского контингента из СССР на помощь английским войскам на Ближнем Востоке. В марте–июле 1942 г. через Иран эвакуировались свыше 75 тыс. польских военнослужащих и около 38 тыс. членов их семей (Иллюстрированная энциклопедия «Великая Отечественная война 1941–1945». М., 2005. С. 507–508).

11 Fierlinger Z. *Ve službách ČSR. Díl II.* Praha, 1948. S. 44.

12 АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 31. Д. 53. Л. 80.

13 Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи, беседы, дискуссии. Документы, комментарии 1941–1945. М., 2004. С. 40, 42.

14 Там же. С. 51.

15 Иден поделился с Бенешем и впечатлениями от банкета, который Сталин устроил в его честь и который продолжался с 10 часов вечера до 5 часов утра: «На него явился Тимошенко, уже немного пьяный, но все же, несмотря на то, что много пил, был полон сил и свеж, в то время, как Ворошилов к 4 часам утра выглядел, как абсолютный даун. Тимошенко во всяком случае произвел на Идена гораздо более сильное и лучшее впечатление, чем Ворошилов, и ему (Идену. — В.М.) кажется, что Сталин больше ценит Тимошенко, чем Ворошилова. Когда Сталин спросил у Идена, так ли английские генералы и маршалы много пьют, как русские... Иден ответил с юмором Сталину, что думает, что „у нас (у англичан) нет таких сильных маршалов и генералов“. Сталин вообще любит юмор, и с помощью анекдота с ним можно многое решить» (ČSVDJ. D. 1. S. 281–282).

16 Fierlinger Z. *Ve službách ČSR. Díl II.* S. 46.

17 ČPJVK. Кн. 2. S. 250–252.

18 Fierlinger Z. *Ve službách ČSR. Díl II.* S. 50.

19 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 276. Л. 2–5.

20 ČSVDJ. D. 1. S. 287–288.

21 ČPJVK. Кн. 2. S. 259; ČSVDJ. D. 1. S. 285.

22 ČPJVK. Кн. 2. S. 252.

23 Ibid. S. 260–261.

24 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 147. Д. 14. Л. 43.

25 ČPJVK. Кн. 2. S. 262–264.

26 ČSVDJ. D. 1. S. 291–294.

27 ČSVDJ. D. 1. S. 296–298.

- 28 ČSVDJ. D. 1. S. 299–300.
- 29 Противостояние. Очерки военно-политической конфронтации первой половины XX века. М., 1995. С. 244–245.
- 30 СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из АВП РФ. Т. 1. СССР и германский вопрос. 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г. М., 1996. С. 146–148.
- 31 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 147. Д. 14. Л. 36–38; ČSVDJ. D. 1. S. 301–302.
- 32 ČSVDJ. D. 1. S. 307.
- 33 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 274. Л. 2–6.
- 34 ČSVDJ. D. 1. S. 322.
- 35 Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 1. М., 1981. С. 211. (далее: ДМИСЧО 4–1).
- 36 ČSVDJ. D. 1. S. 328.
- 37 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 276. Л. 10.
- 38 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 70. Д. 838. Л. 16–17.
- 39 ČSVDJ. D. 1. S. 337–338.
- 40 ČPJVK. Кн. 2. S. 288–295.
- 41 Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 103, 105.
- 42 Там же. С. 111–113.
- 43 Там же. С. 157. Ту же мысль в беседе с Рипкой 15 мая, согласно его записи, открыто выразил Богомолов: он заявил, что пусть поляки кроят Европу и решают вопрос о своем освобождении лишь с англичанами и американцами, «в конце концов, сегодня самым важным дипломатом является генерал Тимошенко». Кроме того, советский полпред констатировал, что по вопросу о создании чехословацко-польской конфедерации не достигнуто согласия ни по одному из принципиальных политических вопросов и что это естественно, поскольку «мы, чехословаки, ведь не хотим принимать руководство польской „державы“» (ČPJVK. Кн. 2. S. 287).
- 44 Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 190–193.
- 45 Там же. С. 316–317, 346.
- 46 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 70. Д. 838. Л. 16–17.
- 47 Там же. Л. 27–28.
- 48 ČPJVK. Кн. 2. S. 307–308. Декларация была опубликована 10 июня 1942 г.
- 49 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 145. Л. 5–6.
- 50 Там же. Д. 142. Л. 108.
- 51 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 5. Д. 48. Л. 13–16. Начало записи опубликовано в ДМИСЧО 4–1. С. 228–229, полную запись см.: Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 323–325.
- 52 ČSVDJ. D. 1. S. 348–351.
- 53 Dokumenty z historie československé politiky. Díl 1. Praha, 1966. S. 272, 274 (далее: ДНČР).

54 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 147. Д. 14. Л. 75–80; ČSVDJ. D. 1. S. 352–353; ČРЈVK. Кн. 2. S. 315–317.

55 ДНČР. S. 278.

56 Иден еще 7 июня 1942 г. сообщил Бенешу следующее: английское правительство, учитывая, что Германия умышленно нарушила соглашение 1938 г., касающееся Чехословакии, «не чувствует себя связанным никакими обязательствами в этом отношении» (ČSVDJ. D. 1. S. 345, сноска № 4 к док. № 168).

57 ČРЈVK. Кн. 2. S. 323, 331–332; ČSVDJ. D. 1. S. 357–358.

58 ČSVDJ. D. 1. S. 365. Несколько позднее он уверял Рипку, что Масарик его неправильно понял и что это сообщение он делал не от имени советского правительства, а от имени «соответствующих советских кругов и от себя лично». Что это за «круги», Богомолов не мог вразумительно объяснить (ČSVDJ. D. 1. S. 374).

59 Ibid. S. 377.

60 Ibid. S. 384 (сноска № 3 к док. № 184).

61 См. подробнее: Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 348–383.

62 Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. С. 55 (сноска * к док. № 28).

63 ДНČР. S. 286.

64 ČРЈVK. Кн. 3. S. 371.

65 В фонде Молотова имеется два варианта Справки: от 3 и 19 сентября. Второй, судя по пометам, это доработанный Новиковым первый вариант (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 276. Л. 14–29 и 30–43).

66 Там же. Д. 277. Л. 103–104.

67 Там же. Д. 273. Л. 19–20 (Опубликовано в: Советско-чехословацкие отношения... С. 58).

68 ČРЈVK. Кн. 3. S. 394–395.

69 Ibid. S. 408–417.

70 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 397. Л. 11–12.

71 Поездка Сикорского в США состоялась в декабре 1942 г. Там идея польско-чехословацкой конфедерации не получила поддержки.

72 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 397. Л. 4–6.

73 ČРЈVK. Кн. 3. S. 425–427.

74 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 397. Л. 22.

75 АВП РФ. Ф. 013. Оп. 5. П. 16. Д. 296. Л. 3.

76 О желании как можно раньше заключить прочный советско-чехословацкий союзный договор по образцу советско-британского договора Рипка говорил Валькову еще раньше, 14 декабря (ČSVDJ. D. 1. S. 419).

77 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 397. Л. 19.

78 В конце 1942 г. чехословацкое полпредство (миссия) в Москве было преобразовано в посольство, а Фирлингер получил ранг посла.

⁷⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 397. Л. 21.

⁸⁰ ČSVDJ. D. 1. S. 415. В составленной Н.В. Новиковым 1 июля 1943 г. справке «Советско-чехословацкие отношения в 1941–1943 гг.» говорится, что вопрос о «государственном объединении Чехословакии и СССР» был поднят «по инициативе чехов... и также был снят самими же чехами» и что Бенеш в своем послании Госсовету от 12 ноября 1942 г. «решительно опроверг существование у чехословацкого правительства намерений объединить Чехословакию с СССР». Изменение позиции Бенеша в данном вопросе Новиков объяснял тем, что «к этому времени ему удалось добиться отчасти при помощи СССР ряда внешнеполитических успехов, после чего он решил прекратить свои далеко идущие заискивания перед нами» (АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 31. Д. 43. Л. 7).

⁸¹ В связи с этим Богомолов, типично «красный» советский дипломат, отмечал: «Фирлингер пользуется в Чехословакии репутацией „друга Советского Союза“ и левого чехословацкого социалиста. Тт. Готвальд и Неedly относятся к нему с большим доверием, чем он того заслуживает. Есть опасность того, что Фирлингер пользуется доверчивостью Неedly, чтобы выведать для Бенеша что-либо о позиции СССР по отношению к Чехословакии» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 397. Л. 21).

⁸² Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl II. S. 93–95.

⁸³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 397. Л. 24–25.

⁸⁴ ČSVDJ. D. 1. S. 420–423.

⁸⁵ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 147. Д. 14. Л. 135–137; ČSVDJ. D. 1. S. 424.

⁸⁶ ČSVDJ. D. 1. S. 426–429. Видимо, все же в назидание Фирлингеру Бенеш писал, что, не желая ни с кем объединяться вопреки интересам Советского Союза, «мы также не хотим никогда быть ни его вассалом, ни инструментом в его руках, равно как ни картой в его дипломатической либо иной игре. Зато мы всегда хотим быть его верным и надежным союзником и настоящим другом».

⁸⁷ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 147. Д. 14. Л. 69–74; ČSVDJ. D. 1. S. 432–435.

⁸⁸ ČPJVK. Кн. 3. S. 438. Разговор Керра с Молотовым состоялся. Нарком заявил, что советское правительство никогда не высказывалось против идеи конфедерации, но подтвердил осторожное отношение к ней «советских кругов». Английское правительство, по словам Николса, не считало возможным далее осуществлять нажим на советское правительство в этом вопросе (ČSVDJ. D. 1. S. 451).

⁸⁹ ČPJVK. Кн. 3. S. 444; ДНЧР. S. 311–312.

⁹⁰ АВП РФ. Ф. 017. Оп. 1. П. 2. Д. 10. Л. 85–86.

⁹¹ ČSVDJ. D. 1. S. 441; Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl II. S. 115–116.

⁹² АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 31. Д. 43. Л. 10.

⁹³ Советско-чехословацкие отношения... С. 63–64.

⁹⁴ АВП РФ. Ф. 013. Оп. 5. П. 16. Д. 296. Л. 1.

- 95 Там же. Л. 2.
- 96 ČSVDJ. D. 1. S. 444–450.
- 97 Ibid. S. 453–456.
- 98 Советско-чехословацкие отношения... С. 71–72.
- 99 ČSVDJ. D. 1. S. 462.
- 100 Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl II. S. 120–121.
- 101 Советско-чехословацкие отношения... С. 77. О встречах и беседах Бенеша в США см. подробнее: ČSVDJ. D. 1. S. 469–471, 473–474, 482, 487, 489, 498–499.
- 102 ДМИСЧО 4–1. С. 304; ČSVDJ. D. 1. S. 466.
- 103 ДМИСЧО 4–1. С. 315–316; ČSVDJ. D. 1. S. 488.
- 104 ČSVDJ. D. 1. S. 490, 499.
- 105 Проект договора см: ČSVDJ. D. 1. S. 494–498.
- 106 ДМИСЧО 4–1. С. 317–318; ČSVDJ. D. 1. S. 504–506.
- 107 ДМИСЧО 4–1. С. 318–319.
- 108 Там же. С. 320.
- 109 Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl II. S. 128.
- 110 Советско-чехословацкие отношения... С. 93–94.
- 111 ČSVDJ. D. 1. S. 510–520, 523–525.
- 112 Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl II. S. 137.
- 113 ДНČР. S. 336.
- 114 Ibid. S. 378.
- 115 Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2 (červenec 1943 — březen 1945). Praha, 1999. S. 36–37, 43 (далее: ČSVDJ. D. 2).
- 116 ДМИСЧО 4–1. С. 346–349.
- 117 ДНČР. S. 365.
- 118 Ibid. S. 374.
- 119 Советско-чехословацкие отношения... С. 101–102.
- 120 ДМИСЧО 4–1. С. 338–339.
- 121 Советско-чехословацкие отношения... С. 107–109.
- 122 ДМИСЧО 4–1. С. 346–349.
- 123 ДНČР. S. 381, 386.
- 124 ДМИСЧО 4–1. С. 355–356.
- 125 Там же. С. 363–364.
- 126 ДНČР. S. 394–395.
- 127 Возможно, это было простым совпадением, но накануне, 23 октября 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР чрезвычайным и полномочным послом при правительстве Чехословакии вместо Богомолова был назначен В.З. Лебедев (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 198. Л. 186). Бенеш был рад этой замене, поскольку с Богомоловым у него сложились не лучшие отношения. Президент считал (в

непубличных беседах), что информация и оценки, передаваемые послом в Москву, в искаженном виде изображали чехословацкие позиции и не содействовали взаимопониманию сторон. Верительные грамоты Лебедев вручил Бенешу в Лондоне 18 января 1944 г. В выступлении президента отмечалось, что он «охотно и с признательностью» вспоминает об «эффективном и успешном сотрудничестве» с Богомоловым (Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 2. М., 1983. С. 46–47).

¹²⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1978. Т. 1. С. 168–171.

¹²⁹ Советско-чехословацкие отношения... С. 128.

¹³⁰ ДМИСЧО 4–1. С. 377–378.

¹³¹ ČSVDJ. D. 2 S. 99 (сноска b к док. № 48).

Глава 4

Визит Э. Бенеша в Москву: подписание договора, беседы, встречи. Декабрь 1943 г.

В конце ноября 1943 г. Бенеш вылетел из Лондона в Москву, избрав по согласованию с советским правительством южный маршрут через Багдад, Тегеран, Баку. Как известно, с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. проходила Тегеранская встреча руководителей СССР, США и Англии. Бенешу, которого сопровождали генерал А. Нижборский (криптоним А. Гасала), Я. Краузе, Я. Смутны и Э. Таборский, пришлось более чем на неделю из-за непогоды задержаться на английской военной базе Хабанья (под Багдадом), где его ожидали заместитель наркома иностранных дел СССР А.Е. Корнейчук, З. Фирлингер, полковник Г. Пика, Б. Врбенский и начальник протокольного отдела НКВД СССР Г.И. Фомин. Томительное ожидание продолжения пути не пропало даром: с Корнейчуком (в присутствии Фирлингера) были обсуждены все вопросы, которые Бенеш намеревался выяснить в Москве. Корнейчука, по словам Фирлингера, особенно занимал вопрос о чехословацко-польских отношениях. Президент информировал советского дипломата о состоявшейся незадолго до его отлета из Лондона беседе тет-а-тет с премьером польского эмигрантского правительства С. Миколайчиком, который зондировал возможность восстановления дипломатических отношений Польши с СССР, не обещая, впрочем, каких-либо изменений в польской политике по отношению к Москве¹. Подробно обсуждался славянский вопрос. Бенеш заявил, что идея славянской взаимности может быть реализована «лишь в сотрудничестве с Советским Союзом и на основе полного равноправия и независимости славянских народов». Он интересовался также, останется ли славянская идея постоянной составляющей советской политики в будущем, все ли в многонациональном Советском Союзе поддерживают эту идею, особенно в демократическом ее понимании. Корнейчук, не только как политик и дипломат, но и как общественный деятель и украинский писатель, изложил Бенешу свои взгляды на проблему, подчеркнув, что они найдут подтверждение и в Москве². Президент был доволен итогами предварительных бесед, что Таборский зафиксировал следующим образом: «Результатами разговоров чрезвычайно доволен, и эти переговоры его в значительной мере вознаградили за длительную задержку в Хабанье. Он представил Корнейчуку во время четырех продолжи-

тельных встреч... общий набросок своей политики, не исключая и особо деликатные вопросы... Корнейчук, понятно, не дал на эти вопросы точных ответов, но обещал, что все эти вопросы изложит в виде обзорного доклада, который представит Молотову, и таким образом подготовит президенту (!) почву для переговоров в Москве. Но из всего хода дискуссии президент вынес ясное впечатление, которое ему буквально подтвердил и Корнейчук, что по большинству вопросов между нами и русскими — абсолютное согласие, и что совместный договор в Москве будет подписан быстро и гладко»³.

4 декабря Бенеш вылетел в Тегеран, затем — в Баку, откуда поездом, следуя через разрушенный Сталинград, отправился в Москву, куда прибыл утром 11 декабря. На вокзале его ожидала пышная встреча: как нигде на Западе, президенту Чехословакии были оказаны все почести, которые полагались первым лицам государства в подобных случаях. Заместитель коменданта г. Москвы полковник Гребенщиков, направив в секретариат Молотова форму рапорта начальника почетного караула, выделенного для встречи Бенеша, сообщал, что «порядок отдания воинских почестей будет сохранен тот же, что и при встрече господина Идена и господина Хелла»⁴. В 10 часов утра на Курском вокзале Бенеша встречали 16 человек (государственные, партийные, военные деятели) во главе с Молотовым. Чехословацкую эмиграцию в Москве представлял лишь профессор З. Неедлы. Президента и сопровождавших его лиц разместили в особняке в Островском переулке, д. 8. Он полагал, что будет иметь два свободных дня, поскольку советскому руководству понадобится время, чтобы ознакомиться с его соображениями, переданными Корнейчуку. Но уже в 14 часов того же дня Бенеша и сопровождавшего его Фирлингера принял председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин. Позднее, на чрезвычайном заседании чехословацкого правительства в Лондоне, президент так излагал свои впечатления от этой встречи: «Калинин объяснял нам, как неправильно судит мир об их интернационализме. Они — советские патриоты. Советская империя (по терминологии Бенеша. — *В.М.*) идентифицируется сегодня с тем, что в международном плане представляла собой русская империя, однако она... стала совершенно иной державой, новой экономически и новой политически. Сегодня — это не изначально революционное, коммунистическое государство. Кажется, революция стабилизировалась. Они сегодня выступают в международном плане, как всякое иное государство, как держава, несущая общую ответственность за мир и войну... [Концепция], согласно которой они хотели бы подорвать мир или насадить коммунизм в другие государства, исчезла. Они — совет-

ские патриоты, одна из имеющих значение держав мира; они имеют право на то, чтобы решать в мире, хотят и будут решать. Это впечатление сложилось у меня с самого начала, [возникало] постоянно и всюду»⁵.

После официального приема Калинин в тот же вечер устроил в Кремле банкет в честь Бенеша, на котором присутствовал и Сталин. Подробные и эмоционально окрашенные заметки о вечере, сделанные Смутным, ныне опубликованы и переведены на русский язык⁶. Вот как описаны его впечатления о советском лидере: «Сталин как личность и внешне вызывал впечатление силы и одновременно большой гибкости. Невысокий фигурой, немного сгорбленный, с седыми волосами, седыми усами. Он казался сильно уставшим, постаревшим. Взгляд как будто безучастный, но острый. Одет в бежевый маршальский мундир со звездой Героя Советского Союза (так в документе, правильно: Героя Социалистического Труда. — *В.М.*). Президент Калинин был им полностью оттеснен на задний план. Рядом со Сталиным в постоянной близости держался маршал Ворошилов. Банкет был роскошный по сравнению с условиями, к которым мы привыкли в Лондоне во время войны, с меню из 16 блюд». Был затронут вопрос о Мюнхене, и Сталин уверял, что СССР готов был в случае, если бы Чехословакия стала защищаться, оказать ей военную помощь. Бенеш объяснял мотивы своего поведения. После ужина президент и Фирлингер примерно час обсуждали с советскими руководителями (Сталин, Калинин, Молотов, Ворошилов, Жданов, Корнейчук) вопросы, которые затем стали предметом официальных переговоров. Потом все перешли в зал для показа кинофильмов, который продолжался до утра. Перед уходом Сталин спросил у Молотова, какова программа Бенеша на воскресенье 12 декабря. Молотов, согласно Смутному, ответил, что никакой и что в понедельник или во вторник будет подписан совместный договор. Сталин сказал: «А почему не завтра?» (Утром 12 декабря точнее было бы спросить: «А почему не сегодня?». — *В.М.*) «Вопрос Сталина, — по словам Смутного, — выглядел как приказ, и так была определена дата подписания договора 12 декабря».

Подписание состоялось вечером в рабочем кабинете Молотова в Кремле. Свои подписи под документом поставили В.М. Молотов (по уполномочию Президиума Верховного Совета СССР) и З. Фирлингер (по уполномочию Президента Чехословацкой республики). Договор о взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве опирался на советско-чехословацкий договор от 16 мая 1935 г. и межправительственное Соглашение от 18 июля 1941 г. Стороны обязывались: оказывать друг другу военную и другую помощь в войне против

Германии и связанных с ней государств; без взаимного согласия не вступать в переговоры, не заключать перемирия или мирного договора с Германией и ее союзниками; в случае возобновления после войны Германией политики «Дранг нах Остен» оказывать друг другу военную и другую помощь; осуществлять тесное и дружественное сотрудничество после восстановления мира, действуя «в соответствии с принципами: взаимного уважения к их независимости и суверенитету, равно как и невмешательства во внутренние дела другого государства»; развивать «в возможно более широких масштабах свои экономические отношения и оказывать друг другу всяческую возможную экономическую помощь после войны»; «не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции», направленной против одной из сторон. Договор, заключенный на 20 лет, вступал в силу немедленно и подлежал ратификации в возможно короткий срок. В Протоколе к Договору значилось, что в случае, если к нему «пожелает присоединиться какая-либо третья страна, граничащая с Союзом ССР или Чехословацкой республикой и представляющая в этой войне объект германской агрессии», последней будет дана возможность по обоюдному согласию сторон «подписать этот договор, который, таким образом, приобретает качество трипартитного договора»⁷. Бенеш был доволен: договор отвечал всем его изначальным намерениям, т. е. имел антигерманскую направленность и при благоприятных условиях мог быть превращен в трехсторонний.

Церемония подписания договора, согласно описанию Смутного, выглядела так: «Это был просторный зал, современно и со вкусом обставленный мебелью из русской (вероятно, карельской. — *В.М.*) березы; его стены были обиты тем же деревом. На стене — большой щит с картами мира и военных фронтов. Президент Калинин прочитал свое короткое выступление, склонившись к настольной лампе, чтобы при своей близорукости мог вообще его прочитать. Д-р Бенеш кратко ответил. Оба выступления дружественные, в духе подписанного договора. Сталин присутствовал, но сначала не хотел, чтобы его имя упоминалось в коммюнике, но согласился, когда Бенеш об этом попросил. Он (*Сталин. — В.М.*) настаивал затем, чтобы в сообщении было упомянуто, что договор был подписан в Кремле. После подписания было принесено вино. Сталин отказался пить у стола, на котором был подписан договор, и все должны были перейти к столу, на котором были подготовлены закуски. Я вообще заметил, что Сталин очень внимателен к мелочам. Напомнил, например, чтобы в сообщении не была забыта дата. Одет он был в другой мундир, чем в предыдущий день: из материала желто-зеленого цвета (хаки. — *В.М.*)

свободного покроя, напоминающего военный мундир. Хочет, чтобы все происходило непринужденно, просто. Калинина выдвигает всегда вперед как главу государства. (Из текста вычеркнута фраза: «в этом есть, вероятно, и доля рафинированности». — *В.М.*) Но ясно, что все рассчитано на эффект. Тосты произносились по русскому обычаю за новую и старую дружбу, за договор и т. д. Весь акт записан на кинолентку, включая то, что говорилось. Все продолжалось три четверти часа... Атмосфера при подписании весьма сердечная. После подписания сразу же отправились в театр»⁸.

В Большом в этот вечер давали «Снегурочку». На спектакль приехал и Сталин, который пригласил Бенеша в свою ложу. В антрактах обсуждались и политические вопросы, главным из которых был польский. Обстановку во время просмотра спектакля подробно описал Смутны. Он же по просьбе Бенеша записал по возвращении из театра и беседу президента со Сталиным⁹. Заметив: «Мы хотим договориться с Польшей», советский лидер спросил у Бенеша, «как это сделать и возможно ли это?». Президент, отметив, что отношения с поляками прохладные, что существуют спорные вопросы, что поляки как прежде, так и теперь видят себя в роли санитарного кордона между СССР и Германией, выразил, однако, уверенность, что «после войны поляки могут образумиться и что с ними возможно сотрудничество». При этом он положительно характеризовал Миколайчика.

В понедельник 13 декабря Бенеш побывал на выставке военных трофеев и в кинотеатре. Посещением выставки и объяснением гидов он остался очень доволен: «Мне было интересно наблюдать за офицерами, которые давали пояснения. В течение двух часов не было ни одного хвастливого слова; объясняли мне, что это, например, у немцев лучше, чем у нас, это — у нас лучше, чем у них, это мы у них переняли, усовершенствовали — одним словом, поделовому, по-военному объективно. На этой выставке есть также наши танки и артиллерийские орудия Шкодовки, которые сегодня используются в войне против Советов»¹⁰. Дважды, 14 и 16 декабря, Бенеш встречался с Молотовым для обсуждения конкретных вопросов сотрудничества, как в сфере двусторонних, так и международных отношений («Президент хочет, чтобы с этого момента политика обоих государств была координирована, и поэтому в программу сегодняшних своих переговоров включил все принципиальные международно-политические вопросы»). Сегодня известны и советские, и чехословацкие записи этих бесед. Первые, более короткие и четче оформленные, сделаны новым советским послом при чехословацком правительстве В.З. Лебедевым¹¹, вторые, более

пространные и схожие со стенограммой, начальником канцелярии президента Я. Смутным¹². Сравнение записей показывает, что по сути в них нет принципиальных расхождений, хотя в некоторых деталях есть нюансы. 14 декабря Молотов в присутствии Корнейчука и Лебедева принял Бенеша, которого сопровождали Фирлингер и Смутны, в своем кремлевском кабинете. Президент, выразив благодарность за широкую публикацию материалов о его пребывании в Москве, попросил согласия Молотова принять для обсуждения вопросов намеченный им для себя порядок. Нарком согласился. Бенеш предложил «наметить общую линию политики в вопросе о наказании Германии и Венгрии после войны». Чехословацкое правительство, сказал он, хотело бы знать цели советского правительства в этом вопросе, чтобы «не сделать ошибки в своей политике» и «чтобы соответственно направлять выступления своих представителей в Англии и Америке». (Здесь и далее цитируется советская запись беседы, отмечаются отличия от чешской записи.) «Т. Молотов напомнил Бенешу, что т. Сталин уже сообщил ему точку зрения советского правительства по этому вопросу. Бенеш согласился с этой позицией и заявил, что Черчилль также высказался в беседе с ним за раздел Германии». (Чешская запись: Бенеш первый упомянул о беседе со Сталиным, его точке зрения и своем согласии с ней.) «Прага должна иметь ту же политику, что и Москва, заявил Бенеш. Т. Молотов заметил, что так было бы лучше, конечно». Бенеш затронул тему разоружения Германии после войны, но позиции сторон в записи Смутного выглядят не совсем ясно (в советской записи об этом ничего нет).

Перейдя к вопросу о Венгрии, президент заявил о своем несогласии с мнением о том, что она должна быть уничтожена. Он полагал, что она нуждается «во внутренней революции», в уничтожении феодализма, в тотальном изменении всей внутренней жизни. В оккупации Венгрии, по его мнению, должны участвовать не только американские и английские, но «обязательно и прежде всего» советские войска. «Т. Молотов сказал, что Венгрия, конечно, должна быть наказана. Надо исходить из этого. Что касается оккупации, то мы здесь ближе, чем другие армии. Но пока еще не известна ситуация, при которой оккупация может произойти. Во всяком случае, англичане и американцы, видимо, будут очень активны в Европе». Бенеш заявил, что Чехословакия хочет иметь домюнхенские границы, чего ни англичане, ни американцы ей пока не гарантируют. Президент выразил свое удовлетворение советской точкой зрения относительно «исправления всех последствий Мюнхенского соглашения в отношении Чехословакии».

Далее Бенеш повел речь о выселении немцев и венгров после войны за пределы Чехословакии и сослался на разговор со Сталиным по данному вопросу, который в беседе с ним «выразил свое согласие с этим». Затем президент изложил свой план решения проблемы и сказал, что Черчилль и Иден в принципе с ним согласны, но пока обязали его, Бенеша, не говорить об этом публично. Чехословацкие немцы, по словам президента, «самая богатая часть населения в Чехословакии. Все они были фашистами. Они являются виновниками войны и должны быть наказаны». Бенеш вручил Молотову записку о принципах переселения нацменьшинств¹³, оговорив ее конфиденциальность, и просил отнестись к ней как к первому наброску, подлежащему обсуждению. Он считал, что «его предложение радикально решает вопрос, и он готов выбросить из Чехословакии все 2 800 тысяч немцев, если это будет возможно». По мнению президента, «проблема переселения нацменьшинств скоро встанет на обсуждение великих держав, так как она выдвинута поляками и греками на заседаниях мининделов (министров иностранных дел. — В.М.) малых держав в Лондоне». Какого-либо ответа или реакции Молотова на эту часть речи Бенеша не последовало. Записка, врученная наркому Бенешем, ввиду ее важности была разослана Сталину, Молотову, Ворошилову, Микояну, Берии, Маленкову, Деканозову, Литвинову, Корнейчуку.

Довольно подробно изложил Бенеш свою позицию по вопросу о репарациях. Он считал «абсолютно необходимым, чтобы Германия вернула все то, что она украла у Чехословакии с первых дней ее оккупации». В связи с этим говорилось о лишении имущества немцев, которые будут выселены из Чехословакии, и передаче его государству (национализации), о проведении в стране аграрной реформы с целью ограничения размеров частных землевладений. Затронут был вопрос «о чешско-польских отношениях». Бенеш заявил, что он практически уяснил его из бесед с Молотовым и Сталиным в предыдущие дни, но теперь его интересует «тактическая сторона» в дальнейших отношениях с поляками. По мнению президента, подписание советско-чехословацкого договора и особенно протокола к нему «внесет в польскую среду много споров и разногласий». Его беспокоила также позиция Запада по польскому вопросу. Молотов: «Как показала Московская конференция и конференция в Тегеране, в этом вопросе у нас с англичанами и американцами разногласий не будет». Советская запись беседы не содержит разъяснений Бенеша, касавшихся чехословацкой позиции 1940–1943 гг. в вопросе конфедерации с Польшей. На этом беседа, продолжавшаяся 1 час 40 минут, была прервана: Сталин по телефону сообщил Молотову, что «сейчас

будет зачитываться его приказ о взятии Черкасс и в 6 часов будет салют». «Мы наблюдали за ним из кремлевского двора», — записал Смутны. Решено было продолжить беседу в ближайшие дни.

Она состоялась (в том же составе) 16 декабря и длилась два с половиной часа. Обсуждение началось с вопроса о военном советско-чехословацком сотрудничестве во время и после войны. Бенеш передал Молотову записку по вопросу о вооруженных силах Чехословакии и сопроводил ее некоторыми комментариями. Он выразил пожелание, чтобы все чехословацкие солдаты, попавшие в плен на советско-германском фронте, освобождались для зачисления в чехословацкую часть, сформированную в СССР: «Чехословацкое правительство стремится иметь побольше вооруженных сил к тому времени, когда Красная Армия подойдет к границам Чехословакии¹⁴. Чехословацкое правительство намерено организовать в СССР вторую чехословацкую бригаду, дабы создать дивизию, а затем и легкий корпус». Далее в советской записи неточно излагается мысль о создании в СССР чехословацкой авиационной части и говорится, что «с этой целью чехословацкие летные кадры будут направлены в Англию». В действительности речь шла о направлении пилотов из Англии в СССР для создания здесь авиационной части. Чехословацкое правительство, по словам Бенеша, «хотело бы иметь одну воинскую часть в СССР на фронте, а другую наготове для десантных высадок в тылу немцев на чехословацкой земле. Чехословацкое правительство хочет, чтобы чехословацкий народ сам воевал против немцев». Молотов осведомился, каковы установки правительства о борьбе внутри страны и идет ли там партизанская борьба. Бенеш ответил, что правительство подготавливает народ к восстанию против немцев, что партизанской борьбы пока нет, но ведется диверсионная работа. Разъяснения президента о том, почему в Чехословакии нельзя проводить ни партизанских акций, ни саботажа в крупных размерах, в советской записи не отражены. Однако более пространно, чем в чешской записи, говорится о том, что, несмотря на договоренность с англичанами, те до сих пор не смогли бомбить «очаги военной промышленности в Чехословакии», поэтому Бенеш «выразил уверенность, что эту задачу выполнит авиация Красной Армии, когда фронт будет поближе к Чехословакии. Особенно желательна была бы бомбежка очагов военной промышленности в Словакии». В чешской записи это пожелание Бенеша не зафиксировано. Это объясняется, по-видимому, тем, что, в случае его известности, оно могло бы быть неоднозначно и даже резко критически встречено как вообще в чешской, так особенно в словацкой эмиграции, да и в стране.

Президент «выразил пожелание создать тесный контакт чехословацкой армии с Красной Армией и после войны. Он хотел бы иметь на вооружении своей армии советские образцы оружия, готов согласовать работу военной промышленности и выработать одинаковые образцы вооружения, желает тесного контакта между офицерами обеих армий, контакта в области военно-воздушных сил. Чехословацкая армия должна принять доктрину Красной Армии». Молотов, приняв записку, обещал передать ее для ознакомления советским военным специалистам. Президент просил дать принципиальный ответ на записку до его отъезда из СССР, и нарком обещал довести это до сведения Сталина. Документ, озаглавленный «Военные вопросы для обсуждения с советским правительством», содержал следующие пункты: 1. Организация чехословацких воинских частей на территории СССР. 2. Советская помощь чехословацкой армии в заключительной фазе войны и после перемирия. 3. Взаимодействие чехословацкой армии с Красной Армией после войны. Записка разослана Сталину, Молотову, Ворошилову, Микояну, Берии, Маленкову, Деканозову. Корнейчук и генерал Г.С. Жуков (НКГБ), уполномоченный СНК СССР и ГКО по делам иностранных военных формирований на территории СССР, были ознакомлены с ней¹⁵.

Далее речь шла об экономическом сотрудничестве СССР и Чехословакии после войны, о чем Бенеш также представил специальный меморандум¹⁶. Отметив, что до войны 75–80% экономического оборота Чехословакии шло за счет ее западных соседей, президент заявил о намерении «не меньше 50% внешней торговли вести за счет сношений с Востоком, особенно с СССР», что работа чехословацкой промышленности должна быть согласована с работой советской промышленности и базироваться на советском сырье. Молотов, принимая документ, заявил, что «намерения чехословацкого правительства он приветствует и что вопрос должен быть разработан путем дальнейших переговоров между Фирлингером и т. Микояном в Москве». В чешской записи беседы отмечено замечание Молотова: «Хотя мы и строим свою экономическую систему на собственной промышленности, но будем определенно зависеть и от сотрудничества с другими»¹⁷. Меморандумы по военным и экономическим вопросам, врученные президентом Молотову, свидетельствуют, насколько тесным, по представлению Бенеша и его окружения, должно было стать сотрудничество СССР и Чехословакии после ее освобождения.

Затем обсуждался вопрос о наказании виновников войны, и Бенеш сообщил, что чехословацкое правительство готовит специальный закон по этому вопросу и хочет наказать военных преступников

в своей стране, в частности тех деятелей в Словакии, которые виновны в войне против СССР. Он обратился к советскому правительству с просьбой оказать ему моральную поддержку в этом, когда придет время. Президент высказал опасение, что «как только война окончится, англичане и американцы очень скоро забудут о преступниках войны, покарав десяток-полтора людей». Молотов отметил, что прежде всего должны быть наказаны главные виновники — Германия, затем Венгрия, Финляндия, а также «те словаки, которые были заодно с немцами». Он заявил, что позиция Бенеша понятна, и «она может получить поддержку СССР». В чешской записи тема наказания словацких военных преступников в изложении Бенеша представлена более широко.

Завершающая часть беседы была посвящена выяснению отношения сторон к Австрии, Румынии, Югославии, Франции, Италии, а также вопросу о будущем государственном устройстве Чехословакии и ее границах. Этот последний вопрос весьма детально изложен в чешской и кратко в советской записи беседы. В последней не нашли также отражения вопросы, касавшиеся будущей политики в отношении Германии, о Польше и ее границах, о чем достаточно подробно говорится в чешской записи¹⁸. О причинах этого можно только гадать. Возможно, но сомнительно, это была оплошность Лебедева, записывавшего, как обычно, беседу по памяти. Возможно — и это скорее всего — он выполнял указание всегда очень осторожного Молотова, предпочитавшего, чтобы обмен мнений по указанным вопросам не был зафиксирован письменно: тут было еще много неясного, особенно что касается англо-американских позиций, и нарком следовал русской поговорке «Что написано пером, того не вырубишь топором». Косвенно свидетельствует об этом и следующее. Бенеш высказал свою заинтересованность в составлении протокола о беседах, подчеркнув, что это нужно ему «в качестве директивы для правительства, для дипломатов». Молотов согласился и предложил Бенешу подготовить проект документа. Тот не возражал и представил такой проект. 20 декабря Фирлингер передал его Корнейчуку. Однако подписание протокола не состоялось. 21 декабря Корнейчук объяснил это так: «Видимо, все же лучше было бы не подписывать, поскольку в этом случае надо было бы уведомить об этом Англию и Соединенные Штаты». На проекте вербального протокола, переданного Молотову, рукой последнего написано: «Т. Сталину. Считаю, что надо отклонить предложение чехов о таком или подобном письменном документе (даже и с остальными союзниками нет таких документов. В. Молотов. 21.XII.)». Бенеш не настаивал, поскольку, по словам Смутного, «видел, что Сталин и

Молотов рассматривали переговоры как обмен мнениями, а не как конференцию»¹⁹.

Меморандумы (записки), переданные Молотовым Сталину, стали основой его беседы с Бенешем 18 декабря²⁰. Она была записана, по всей видимости, присутствовавшим на встрече Фирлингером, а ее оригинальный текст правлен рукой Бенеша. На встрече, продолжавшейся почти три часа, речь шла по всему кругу вопросов, обсуждавшихся ранее с Молотовым. Фирлингер в своих мемуарах, упоминая о беседе, писал: «Комиссар Молотов и маршал Сталин... тщательно избегали всего, что могло касаться нашего правительства, что могло выглядеть как навязывание или как стремление оказать на нас какое-либо влияние. При каждой возможности они подчеркивали свое отношение к Чехословакии как к полностью суверенному и независимому государству, которое должно само решать свои проблемы демократическим способом и которому СССР не намерен ничего навязывать и ничего предписывать»²¹. В начале беседы Сталин захотел узнать мнение Бенеша о том, «намерены ли Великобритания и США идти в этой войне до конца, последовательно и что думают относительно вторжения на европейский континент». Президент ответил, что, «насколько ему известно, вторжение на континент готовится очень активно», и характеризовал Черчилля как честного человека, с чем Сталин, согласно записи, живо согласился. Он заметил, что есть два государства, которые будут угрожать миру во всем мире, это — Япония и Германия, и которые должны быть уничтожены не только в военном, но и в экономическом отношении («Немцы сильный и талантливый народ и могут после войны опять очень быстро подняться»). Коснувшись Венгрии, Сталин сказал, что ее следует строго наказать и что СССР поможет в этом Чехословакии («С венграми ни в коем случае не следует церемониться»). Советский лидер интересовался положением в Чехословакии и тем, почему там нет партизанского движения. Бенеш объяснил и заметил, что после войны в стране следует организовать жизнь по-новому. «Конечно, нельзя сохранять старую демократию, которая нежизнеспособна и могла бы привести к упадку, — поддержал Сталин. — Следует сделать следующий шаг вперед, отвечающий новому развитию и новому положению вещей». Говоря о словаках, Сталин заметил, что их дома «следует крепко держать в руках» и «учитывая их малочисленность, никакого сепаратизма допускать нельзя, это была бы немислимая глупость. Со стороны словаков это просто глупое сумасбродство». Он подчеркнул, что «Словакия не должна и думать о том, чтобы стать самостоятельной. Она принадлежит Чехословакии». Коснувшись вопроса о Подкарпатской Руси, Сталин с удовлетворением принял к сведению,

что собеседник считает ее население украинцами. (Однако о будущем этой области речь не шла.)

Подробно, заинтересованно и конкретно Сталин говорил о необходимости углубления сотрудничества разведок в военной и политической областях. Относительно меморандума по военным вопросам он выразился так: «все правильно», и с готовностью обсудил конкретные вопросы сотрудничества. Одобрение получили и меморандумы по экономическим вопросам, а также относительно трансфера немецкого и венгерского населения из Чехословакии. В связи с этим Сталин посоветовал выровнять «границу с поляками так, чтобы наша (чехословацкая. — *В.М.*) пограничная линия с поляками была как можно более продолжительной. В отношении Венгрии тоже надо требовать, что нам (Чехословакии. — *В.М.*) необходимо, поскольку венгров надо прижать, они этого заслужили». Сталин на карте показал Бенешу, как он представляет себе советско-польскую границу, которая соответствовала приблизительно старой линии Керзона.

«Сталин соглашается также с нашими пропозициями относительно перемирия», — значит в записи Фирлингера. Очевидно, речь шла о меморандуме чехословацкого правительства, содержащем некоторые принципиальные пожелания относительно будущего статута Чехословакии и решения вопроса о ее национальных меньшинствах после подписания мира ²². Меморандум включал 6 пунктов: 1) очищение всей территории домюнхенской республики и передача ее в распоряжение чехословацкого правительства; 2) освобожденную территорию немедленно вслед за освобождающей ее армией принимает чехословацкое правительство — для ЧСР нет и не будет АМГОТ ²³; 3) принимается принцип трансфера немецкого и венгерского населения из ЧСР, Чехословакия в международном плане признается чехословацким государством, т. е. государством чехов и словаков, к которому присоединена Закарпатская Украина с особым автономным режимом; 4) принципы и детали трансфера будут предложены чехословацким правительством, которое предложит одновременно окончательное решение относительно эвентуального обмена территориями с Германией и Венгрией и о большей национальной гомогенности государства; что касается оставшейся части немецкого и венгерского меньшинств, Чехословакия подчинится тому режиму в отношении меньшинств, который будет принят на мирной конференции касательно меньшинств в европейских государствах; 5) ЧСР хочет участвовать в оккупации Германии и Венгрии наряду с великими державами, если будет решен вопрос об их длительной военной оккупации и меньшие государства к оккупации допущены;

б) чехословацкое правительство предложит подробный план наказания военных преступников и «квислингов», прежде всего что касается ЧСР, а также особенно Советского Союза. Сталин, согласно записи Фирлингера, согласился с этими принципами.

Говоря о территориях, которые СССР хотел бы получить после войны, советский лидер подчеркнул: «Советские народы должны иметь ощущение, что за огромные человеческие и материальные потери, которые они понесли в этой войне, они получают некоторую компенсацию за счет врага».

Находясь в Москве, Бенеш посетил Всеславянский комитет, где выступил с речью, которая затем передавалась по радио. Президент подчеркнул значение советско-чехословацкого договора для всех славянских народов: «Наш договор — это одно из важнейших событий, которое будет иметь влияние на наше положение и положение славян после войны. Мой путь в Москву представляется мне символическим. Такой же путь в будущем совершат и все славянские народы. Мой путь сюда — это манифестация славянской солидарности». Бенеш подчеркнул, что славянская политика «должна быть демократической, народной», и поблагодарил Комитет за то, что тот проводит именно такую политику. Символический путь славянства, заложенный договором, подчеркнул Бенеш, это — единственно правильный путь для будущего Чехословакии²⁴.

Президент, который намеревался сотрудничать с коммунистами в освобожденной стране и привлечь их к работе в правительстве, шесть раз (13–18 декабря) встречался с представителями Загранбюро КПЧ в Москве. Во встречах со стороны КПЧ участвовали К. Готвальд, Я. Шверма, В. Копецкий, Р. Сланский. Коммунисты тщательно готовились к приезду Бенеша в Москву, продумывали возможные результаты встречи с ним и обсуждали вопросы, касающиеся национально-освободительной борьбы и будущего устройства восстановленного государства. Ими была выработана политическая платформа, с которой заранее (20 ноября 1943 г.) был ознакомлен и Г. Димитров²⁵, фактически возглавлявший тогда Отдел международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б). Отдел, по сути, осуществлял руководство международным коммунистическим движением после роспуска в мае-июне 1943 г. Коминтерна²⁶. Эта выработанная коммунистами платформа и была предложена ими Бенешу для переговоров. Президент изложил свои взгляды на будущее освобожденной страны, на характер и суть переходного периода в ее развитии («Это будет национальная революция, связанная с социальной революцией»), на состав временного правительства, опирающегося на блок левых партий, который поведут коммунисты, как самая силь-

ная рабочая партия, охарактеризовал положение дел в чехословацкой эмиграции и видных ее деятелей.

Готвальд высказал точку зрения коммунистов в отношении проектов Бенеша и изложил позицию компартии, касающуюся действий на завершающем этапе национально-освободительной борьбы и во время перехода «к строительству новой жизни в республике». По некоторым вопросам была достигнута согласованность, по другим нет. Например, Готвальд заявил об отказе компартии возглавить правительство переходного периода: «Все же обстановка будет чрезвычайной. Мы не хотим создавать Вам трудностей и считаем, что председателем правительства должен быть Ваш человек». Бенеш ответил: «Несомненно, для нас это более выгодно, и в международном отношении это представляет большую выгоду. Но как коммунисты, вы должны настаивать на том, что вы хотите сохранить традиции самой сильной партии. Это будет важно для будущего. После выборов народ подтвердит, что вы являетесь самой сильной партией. Все другие партии находятся в состоянии кризиса. Вы находитесь в наилучшем положении. Соседство Советского Союза будет играть большую роль в деле усиления вашего влияния. Но вы должны быть осторожными и не перегибать в ваших действиях, чтобы не говорили, что все сразу „большевизируется“». «Вы будете самым сильным элементом нового режима, и я всегда буду его поддерживать», — сказал президент. Готвальд заявил, что коммунисты претендуют в будущем временном правительстве на кресла министров внутренних дел и обороны, но отказываются (это было согласовано с Димитровым) от предложения вступить в лондонское правительство («Мы, коммунисты, признаем лондонское правительство как законного представителя Чехословацкой республики... однако за само правительство, за его политику и его состав мы не можем брать ответственности»). Бенеш с пониманием отнесся к этой точке зрения.

Готвальд в целом был доволен ходом переговоров и заявил: «Если наша договоренность будет иметь откровенный характер, то коммунисты и Бенеш представляют вместе такую силу, которую никто не одолеет». Согласившись по многим позициям с коммунистами, президент, коснувшись отмены существующих порядков и будущих преобразований, сказал: «Мы не должны создавать ухудшения там, где уже теперь в стране имеется нечто лучшее». По словам Бенеша, «концепция коммунистов произвела на него впечатление наиболее продуманной и ясной» по сравнению с представлениями других партий и политических группировок о будущем страны. Готвальд констатировал, что результаты переговоров можно выразить одной фразой... а именно: „Дело находится на правильном пути“. За ходом

переговоров внимательно следил Димитров: переводы бесед на русский язык немедленно ложились ему на стол. После ознакомления с материалами он переправлял записи в НКВД, Корнейчуку²⁷. Сразу после переговоров с Бенешем Готвальд, суммируя их результаты, написал письмо чехословацким коммунистам в Лондон. Перевод этого послания Димитров отправил Молотову 2 января 1944 г. с пометой: «Полагаю, что эта информация представляет интерес для Вас»²⁸. Предложения коммунистов на переговорах с Бенешем явились первым шагом на пути оформления их концепции послевоенного устройства Чехословакии. Согласованная во многом с президентом ЧСР платформа по сути содержала все основные принципы программы первого послевоенного правительства страны. Контуры этой программы вполне вписывались в декларации советского руководства о его политике в отношении стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе и Чехословакии, после войны.

Результаты переговоров Бенеша в Москве превзошли все его ожидания. Он находился в состоянии, близком к эйфории. «Можно сказать, что я сам не ожидал, что мы все продвинемся так далеко, что вопросы будут поставлены так ясно, так решительно, на основе такой сердечности и гармоничного сотрудничества в отношении будущего», — сообщал он 18 декабря в Лондон. Бенеш был очарован оказанным ему приемом и почестями, любезностью и вниманием первых лиц советского государства. Их заявления о послевоенном мирном урегулировании в основном совпадали с его собственными взглядами. Будущее страны Советов представлялось Бенешу в «розовых тонах»: «прогресс в идейном развитии по сравнению с 1935 годом огромный, подлинный и необратимый, — телеграфировал он в Лондон 18 декабря. — Рассматривать вопросы об интернационале (ропуске Коминтерна. — *В.М.*), о религии, о сотрудничестве с Западом, о славянской политике и т. д. как тактику было бы фундаментальной ошибкой. Развитие в направлении к новой русской империи, децентрализованной, с прочным местом для остальных советских народов, в духе новой народной демократии — неопровержимый и необратимый процесс. Из войны выйдет новый Советский Союз, экономически и социально полностью сохранивший советскую систему, политически же совершенно обновленный; он возглавит славян и добьется для себя и для них совершенно нового положения в мире... К нам — симпатии, всеобщее расположение... Договор понимается как начало новой, очень важной политической фазы для славян»²⁹. Эти представления Бенеша, как показала история, были иллюзорными, но тогда он искренне верил своим впечатлениям и старался убедить Запад в том, что опасаться

советской угрозы нет оснований, что Советская Россия начала движение по пути демократии.

Именно за эти взгляды, за стремление к сотрудничеству с Москвой официальная чешская печать протектората, действуя по указке своих немецких попечителей, клеймила Бенеша как большевика, стремящегося в случае поражения Германии в войне к установлению советского режима в Чехословакии. Не случайно в январе 1944 г. здесь была организована так называемая Антибольшевистская лига и еще до заключения советско-чехословацкого договора поднялась новая волна антисоветской кампании с целью его дискредитации и уменьшения влияния на умонастроение чешского народа³⁰. 21 декабря Бенеш обратился по московскому радио к своим согражданам в оккупированной стране с разъяснениями, касавшимися сути договора и политики после освобождения. Он подчеркнул, что новый союзный договор, исходящий из договора 1935 г., рассматривается в контексте и духе «всей нашей национальной истории последних столетий», питается мыслями великих национальных «будителей» Добровского, Коллара, Палацкого, Шафарика, Гурбан-Ваянского, Гавличека, Ригера о значении взаимоотношений с русским народом для будущего развития. «Советский Союз, — сказал Бенеш, — искренне желает сильной Чехословацкой республики, консолидированной, как можно более гомогенной в национальном смысле, которая была бы действительно хорошим и сильным другом и сотрудником советских народов в будущей защите длительного европейского мира». Президент отметил дружественный и братский прием, оказанный ему в Москве, и заявил: «Для меня лично — это один из прекраснейших моментов моей политической деятельности и моей политической жизни»³¹.

Советско-чехословацкий договор, немедленно одобренный Президиумом Верховного Совета СССР и президентом ЧСР, был ратифицирован, и 22 декабря в 20 часов в Кремле состоялся обмен ратификационными грамотами. Затем последовал банкет, на котором «хозяином» был уже Сталин. Из 46 приглашенных было 13 чехов³². Об этом эпизоде визита Бенеша известно пока лишь на основании записи в дневнике Таборского и выступления президента на заседании чехословацкого правительства в Лондоне. Таборский так передавал свои впечатления о банкете: «В целом это было повторение первого ужина, только на этот раз роль хозяина играл Сталин. Опять — несметное количество блюд³³, одно вкуснее другого, и потоки водки и иных напитков, дающие возможность [произносить] множество тостов. Мы уже все друг с другом перезнакомились, и поэтому все было гораздо сердечнее, чем в первый раз. Маршал Сталин даже

ходил с тостами в адрес отдельных лиц вокруг стола, хотя каждый из отмеченных быстро поспешал ему навстречу, как только маршал поднимался. Президент тут же в заключение ужина произнес короткую благодарственную речь, на что Сталин ответил заявлением о необходимости славянского сотрудничества после войны. Он сказал, что до сих пор немцам удавалось разделять славян, сотрудничая с одной частью славян против других, а затем — наоборот. Ныне же все славяне должны объединиться. И произнес тост за всех славян, и, как он буквально подчеркнул, и за тех, которые пока воюют на другой стороне, вместе с немцами. По окончании [ужина] наш хозяин снова повел нас в свой кинозал, где нам на этот раз показали две комедии»³⁴.

Бенеш, выступая на чрезвычайном заседании чехословацкого правительства 11 января 1944 г. с информацией о результатах своего визита в Москву, так обобщил слова Сталина, сказанные на банкете: необходимость согласия между славянскими народами. «Я — никакой не панславист, — по словам президента, заявил Сталин, — я — ленинец и им останусь. Но не будет спокойствия в мире, если не будут проведены необходимые меры против Германии и за сотрудничество славянских народов; мы должны окончательно сломить немецкий империализм, и его нельзя сломить иным способом, чем это сделано в нашем договоре. Если договоримся мы и чехословаки, с нами должны договориться и поляки, и все остальные славянские народы»³⁵. По приезде в Лондон Бенеш написал для журнала «Фри уорлд» большую статью «Новая славянская политика», которая была переведена на русский и полностью опубликована в «Правде»³⁶.

22 декабря в 10 часов утра поездом на Баку Бенеш отбыл из Москвы. Его сопровождали Корнейчук, Фирлингер и Лебедев. На вокзале — те же, кто встречал его, во главе с Молотовым: гимны, обход почетного караула, короткая речь президента. Он уезжал из Москвы в прекрасном настроении и с убежденностью в правильности своих политических расчетов и в том, что, как он писал Молотову еще в августе 1941 г., дружественные отношения СССР и Чехословакии не только во время войны, но и после победы «могут быть одним из важнейших факторов для сохранения мира в восточной и центральной Европе»³⁷. Для Бенеша заключение договора с СССР означало не только начало реализации его концепции роли Чехословакии как «моста между Западом и Востоком, но гарантию от повторения Мюнхена. Кроме того, он полагал, что закрепленный в договоре принцип невмешательства во внутренние дела друг друга снимет реально обозначившуюся в условиях быстрого приближения Красной Армии к довоенным западным границам СССР угрозу «со-

ветизации» и «большевизации» возрожденной ЧСР, поможет с помощью намечаемых им в союзе с коммунистами глубоких социально-экономических преобразований предотвратить социальную революцию в освобожденной стране. Бенешу, в целом достаточно трезво мыслящему политику, был в то же время свойствен определенный налет романтизма и идеализации, вера в возможность «честной политики» и исполнение данного (и особенно закрепленного в договоре) слова, обещания. Он верил, как и многие тогда на Западе, в перспективу демократизации общественного строя СССР после войны в результате развития контактов и сотрудничества между Востоком и Западом. Личный опыт общения Бенеша с кремлевскими лидерами, и прежде всего со Сталиным и Молотовым (май 1935 г., июнь 1942 г., декабрь 1943 г.), демонстрация понимания ими чехословацких проблем и симпатий к президенту ЧСР, почести, оказанные ему в Москве (что, безусловно, очень льстило ему), давали Бенешу основание видеть в советских руководителях мудрых и честных политиков, которым можно доверять, отодвигали на задний план сомнения в искренности их намерений. В своем обращении к Государственному совету 4 февраля 1944 г. он так оценивал советских лидеров: «Сталин — политический и государственный деятель великого стиля, отличающийся глубокой образованностью, железной энергией и политической дальновидностью. Сталин и Молотов являются особенно горячими советскими патриотами, и поэтому они могут оценить патриотизм других... Советский режим прочен, советская революция победоносна, советский Союз сознает свою победу в войне, гордится ею и своим участием в борьбе за свободу Европы и всего мира, за сохранение демократии против фашизма»³⁸. В одном из своих интервью 21 февраля, отвечая на вопрос, в чем заключается наибольшая опасность, угрожающая миру после войны, Бенеш заявил: «Несомненно, ничто не может быть более опасным для мира после общей победы, чем возможность того, что великие державы и другие демократические нации, сражающиеся сейчас вместе против Германии, не смогут сохранить своего союза»³⁹.

Советский Союз, заключив договор с Чехословакией, сделал первую серьезную заявку на укрепление своих позиций в центральноевропейском регионе. Кремль считал договор важным политическим событием, документально подтверждавшим намерения Москвы не вмешиваться после войны во внутренние дела малых европейских стран и опровергавшим утверждение гитлеровской пропаганды о стремлении СССР «большевизировать» Европу и установить в ней свое господство. Учитывая значение советско-чехословацкого договора, Советское Информбюро приняло решение об усилении пропа-

ганды заложенных в нем принципов, особенно в радиовещании на славянские страны⁴⁰.

Советская печать («Правда»⁴¹, «Известия», «Красная звезда») дала высокую оценку договору. Подавляющая часть чехословацкой эмиграции и чешской общественности в стране приветствовала заключение договора, видя в нем залог объединения национальных сил в борьбе против немецких оккупантов и в деле восстановления освобожденной ЧСР. Свои заявления по этому поводу корреспонденту ТАСС сделал ряд чехословацких политических деятелей. Председатель правительства Я. Шрабек, в частности, отметил, что договор означает «начало нового, лучшего и более прочного устройства Европы». Исполняющий обязанности министра иностранных дел Г. Рипка подчеркнул: «Наше традиционное русофильство сознательно исходило из мысли о том, что наш народ, окруженный мощной массой немцев и союзных им венгров, сможет чувствовать, что его национальное существование обеспечено только если получит опору в лице русской державы — самого близкого нам из великих союзников. В нашем русофильстве просто нашло свое выражение чувство национального самосохранения. Вот почему чехословацкий народ видит в сегодняшнем договоре один из краеугольных камней нашей безопасности». Позитивно оценили договор, отметив разные его аспекты с точки зрения интересов Чехословакии, также председатель Государственного совета П. Макса, его заместитель В. Носек, члены совета К. Крейбих и Р. Бехине⁴².

Мировая, и особенно английская, общественность с вниманием и интересом следила за визитом Бенеша в Москву, осознавая важность его результатов для послевоенного развития, прежде всего в Европе. Мнения были разные, как и оценки договора. Уже 15 декабря вопрос о подписании советско-чехословацкого договора обсуждался в нижней палате английского парламента. Значительное место отвела этому событию и пресса. 15 декабря Г. Рипка телеграфировал Бенешу в Москву: «Сегодняшняя английская печать была превосходна, особенно „Times“, „Daily Telegraph“, „News Chronicle“, „Daily Worker“, „Manchester Guardian“, „Evening Standard“. Я рад, что мне удалось предварительными разговорами с ведущими журналистами вызвать эту реакцию. Николс был удивлен благоприятными откликами в печати». Николс и далее сохранял сдержанное, вплоть до негативного, отношение к подписанию договора. 17 декабря Рипка информировал Бенеша о первой реакции британских дипломатических кругов: «Мое общее впечатление было не особенно благоприятным. Николс продолжает неофициально говорить, что сейчас было преждевременно подписывать этот договор. Особенно в Форин Офис старые активные

и пассивные мюнхенцы не могут это еще проглотить, несмотря на заявление Идена в парламенте, которое я Вам послал. Из того, что я вижу, складывается впечатление, что 1) общественность искренне довольна; 2) также довольны все антимюнхенцы; 3) мюнхенцы сердятся, но пока молчат; 4) у тех, кто боится чрезмерного влияния России, — или досада, или опасения; 5) стремление официальных кругов использовать наш договор для того, чтобы воздействовать на поляков в том смысле, чтобы искали сближения с Россией; 6) если бы это не удалось, обвинить нас в том, что мы не обращаем внимания на „общее“ наведение порядка в Центральной Европе и что своей односторонней просоветской политикой способствуем тому, что такого порядка нельзя достичь — мы должны быть готовы к тому, что это возможно в будущем»⁴³. Оценки американской общественности тоже не были однозначны: их спектр колебался от безусловно одобрительных до резко критических⁴⁴.

Именно поэтому на обратном пути из Москвы в Лондон, пролежавшем через Алжир, Бенеш поспешил встретиться с находившимся там Черчиллем, чтобы проинформировать его о результатах визита в СССР. «Итоги поездки превзошли мои ожидания, — сообщал он в МИД 22 декабря, — несмотря на это следует сохранять в комментариях и в беседах спокойствие и деловитость. Англичан я буду информировать подробно после возвращения. Нужно успокоить их»⁴⁵. 4 января 1944 г. президент имел три продолжительные беседы с британским премьером, о которых сделал собственные короткие заметки: «Он (Черчилль. — *В.М.*) был за договор с Советским Союзом, Форин Офис на это смотрит неправильно», «нужно к этому подключить поляков — я должен помочь», «мы — домюнхенские границы», «немцы — все на родину (в Германию. — *В.М.*), как [договорились] и с русскими»⁴⁶. 11 января Бенеш сообщил Фирлингеру о беседах с Черчиллем: «Я информировал его о своих московских разговорах и передал поздравления от Сталина. Он был этим весьма искренне обрадован и повторял не только мне, но позднее также и Лебедеву, как дорожит дружбой Сталина, и так же, как Сталин, Черчилль желает, чтобы сотрудничество между Великобританией, СССР и Соединенными Штатами пережило войну и обеспечило миру мир. Черчилль полностью согласен во всем со взглядами Сталина относительно польского вопроса, вопроса о границах между Германией, Польшей и СССР и наших дел. Подчеркивал мне, что полностью понимал и признает необходимость общей чехословацко-советской границы, полного трансфера немцев из Республики и высоко оценивал значение чехословацко-русского договора». Выступая 11 января на чрезвычайном заседании чехословацкого правитель-

ства, Бенеш так описывал свою встречу с Черчиллем: «Я передал ему весьма лестные приветы от Сталина. Черчилль был к этому необычайно чувствителен. Сталин говорил мне о Черчилле чрезвычайно хорошо. Черчилль — точно так же о Сталине. Сталин, когда я покидал Кремль, еще через стол обратился ко мне: „Поцелуйте от меня Черчилля“. Интересно, что эти личные отношения, которые установились на конференции в Тегеране, играют на всех сторонах (в отношениях между союзниками. — *В.М.*) большую роль. Сталин говорит о Черчилле очень тепло; о Рузвельте говорил как о весьма разумном и гибком человеке»⁴⁷. И Сталин, и Черчилль, и Бенеш были опытными дипломатами, прекрасно владевшими искусством ведения политической игры и знавшими, что, где, когда и кому следует говорить, чтобы слова, нередко камуфлирующие истинные чувства и взгляды, дошли до адресата и помогли в достижении поставленных целей.

Советская и чехословацкая стороны искренне, а английское политическое руководство, по крайней мере, на словах, выражали удовлетворение подписанием советско-чехословацкого договора и результатами поездки Бенеша в Москву. Весной 1944 г. Красная Армия стремительно приближалась к довоенным границам Чехословакии. В советско-чехословацких отношениях наступал новый этап — этап претворения в жизнь достигнутых договоренностей. И здесь Бенеша ждали не только радости дружбы с Москвой, но и первые разочарования.

¹ Fierlinger Z. *Ve službách ČSR. Díl II.* Praha, 1948. S. 181. Согласно записи Бенеша о встрече с Миколайчиком, речь шла также о будущих польско-советских границах, о планах СССР в отношении Польши. Мнение президента сводилось к следующему: «В конце концов, [попытка] советизировать нас (Польшу и Чехословакию. — *В.М.*) или осуществить нажим с тем, чтобы мы провозгласили себя советскими республиками (Миколайчик опасался этого. — *В.М.*), по моему мнению, быстро или сразу после войны сделали бы невозможной нынешнюю советскую политику в отношении Англии и Америки, а она (политика. — *В.М.*) для Советов гораздо важнее, чем желание иметь подле себя советские Польшу и Чехословакию, и это, по-моему, естественно». Бенеш подчеркнул также, что Польша и Чехословакия в будущем могут сохранить свое существование лишь при условии сотрудничества с Советами, но только как самостоятельные государства (*Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2 (červenec 1943 — březen 1945).* Praha, 1999. S. 106–110 (далее: *ČSVDJ. D. 2*))

² Fierlinger Z. *Ve službách ČSR. Díl II.* S. 182–189.

- 3 ČSVDJ. D. 2. S. 121.
- 4 Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 5. П. 34. Д. 405. Л. 1 (далее: АВП РФ).
- 5 ČSVDJ. D. 2. S. 201.
- 6 См.: Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.), вступительная статья В.В. Марьиной // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 12–15.
- 7 Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 1. М., 1981. С. 394–396 (далее: ДМИСЧО 4–1).
- 8 ČSVDJ. D. 2. S. 132.
- 9 Запись беседы внешне похожа на стенограмму. Возможно, по ходу беседы Смутны делал какие-то заметки, а возможно, просто обладал «фотографической» памятью (Переговоры Э. Бенеша в Москве... № 1. С. 16–20).
- 10 Немецкая армия взяла на свое вооружение как чехословацкие танки, так и артиллерийские орудия, которые в протекторате на заводах Шкода производились в течение всей войны. Из пехотного вооружения использовались главным образом легкие пулеметы и пистолеты. Чехословацкие самолеты служили для обучения летного состава (ČSVDJ. D. 2. S. 210, 227).
- 11 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 1–7, 11–19.
- 12 Записи бесед Смутного в переводе на русский язык см.: Переговоры Э. Бенеша в Москве... № 1. С. 20–28; № 3. С. 3–14.
- 13 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 8–10; ČSVDJ. D. 2. S. 145–147. Записка на русском языке называлась «Выселение части населения Чехословакии», на чешском — «Трансфер населения в ЧСР». О содержании и сравнении обоих документов см. подробнее: Марьяна В.В. Выселение немцев из Чехословакии: рождение и модификация идеи. 1939–1943 годы // Славяноведение. 2003. № 1. С. 39–41.
- 14 В чешской записи: «Нам необходимо, чтобы во время переворота в нашем распоряжении находилось как можно больше вооруженных сил» (Переговоры Э. Бенеша в Москве... № 3. С. 3).
- 15 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 20–27; ČSVDJ. D. 2. S. 163–169.
- 16 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 28–30; ČSVDJ. D. 2. S. 169–171.
- 17 Переговоры Э. Бенеша в Москве... № 3. С. 4.
- 18 Там же. С. 9–12.
- 19 ČSVDJ. D. 2. S. 184–189.
- 20 *Переговоры Э. Бенеша в Москве... № 3. С. 14–19.*
- 21 *Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl II. Praha, 1948. S. 190.*
- 22 ČSVDJ. D. 2. S. 171–172. В АВП РФ автор не обнаружил меморандума.
- 23 АМГОТ — союзная военная администрация на оккупированных территориях.

- 24 ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 2. Д. 19. Л. 23–24об.
- 25 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 64–69 (далее: РГАСПИ).
- 26 См. подробнее: Марьина В.В. Ликвидация или модификация? (Коминтерн 1939–1943 гг.) // Славяноведение. 1994. № 5; Лебедева Н.С., Наринский М.М. Роспуск Коминтерна//Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995; Адибеков Г.М. Коминтерн после формального роспуска (1943–1944гг.) // Вопросы истории. 1997. № 8.
- 27 Переводы бесед на русский язык см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 23–63; на чешском языке: Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. Dokumenty. Sv. I-1. / Ed. M. Klimeš, P. Lesjuk, I. Malá, V. Prečan. Praha, 1965. S. 40–59.
- 28 Cesta ke Květnu. Sv. I-1. S. 59–68; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 94–108.
- 29 ČSVDJ. D. 2. S. 173.
- 30 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 24. П. 37. Д. 11. Л. 2, 9.
- 31 Там же. Д. 5. Л. 31а-35.
- 32 Список приглашенных и их расположение за столом см.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 34. Д. 405. Л. 35 (Опубликовано В. Марьиной в: Переговоры Э. Бенеша в Москве... № 3. С. 20).
- 33 Меню включало: «Холодная закуска: икра зернистая, икра паюсная — расстегайчики, семга, салат паризьен, поросенок холодный с хреном, масло, огурцы кавказские. Горячая закуска: плов из молочного барашка, стерлядь миньер с каперсами. Обед: суп-крем из пулярки, кансоне профитроль, пирожки разные, нельма разварная, соус муслин, индейка, цыплята, куропатки с красной капустой, валованчики маседуан, пломбир ореховый, мороженое фруктовое, кофе, ликеры, фрукты, петифур, сыры разные, миндаль» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 34. Д. 405. Л. 30).
- 34 ČSVDJ. D. 2. S. 190–191.
- 35 Ibid. S. 204–205.
- 36 Правда. 24 апреля 1944 г. С. 3–4.
- 37 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 24. П. 37. Д. 5. Л. 31а, 35.
- 38 ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 24. Д. 107. Л. 25–27.
- 39 ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 3312. Л. 24.
- 40 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 21. П. 34. Д. 2. Л. 4.
- 41 См., например, «Правда» 14 декабря 1943 г. (Передовая статья). Проект статьи главный редактор газеты П.Н. Поспелов направил Молотову, который внес некоторую правку. В частности, был снят следующий текст после абзаца о протоколе к договору: «таким образом, при наличии у третьей стороны искреннего стремления к сотрудничеству, доброй воли и согласия с принципами настоящего договора, последний может быть превращен из двустороннего в трехсторонний» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 34. Д. 406. Л. 15).

42 ГАРФ Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 2423. Л. 46–48.

43 ČSVDJ. D. 2. S. 173.

44 См. обзор американской прессы разного направления, касавшейся заключения советско-чехословацкого договора: Michálik S. Československo-sovietska zmluva z roku 1943 v americkej tlači // Soudobé dějiny. 1994. N 6. S. 847–860.

45 Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 2. Декабрь 1943 г. — май 1945 г. М., 1983. С. 23.

46 Československo-polská jednání o vytvoření konfederace 1939–1944. Československé diplomatické dokumenty. Kn. IV. Praha, 1994. S. 552–553.

47 ČSVDJ. D. 2. S. 196–197, 214.

Глава 5

Начало реализации московских договоренностей о военном сотрудничестве

К 1944 г. уже не оставалось сомнений, что освобождение Чехословакии придет с Востока: Красная Армия приближалась к ее довоенным границам. Необходимость активизации движения Сопротивления в протекторате и Словакии становилась все более очевидной для чехословацкой эмиграции как в Москве, так и в Лондоне. Однако принципиальное единство позиции по этому вопросу не означало схожесть взглядов на его формы и методы развития. Загранбюро КПЧ в Москве при поддержке ИККИ, а затем ОМИ ЦК ВКП(б) приоритет отдавало партизанским способам борьбы с участием местного населения, «чехословацкий» Лондон, не отрицая необходимости ее развития, делал ставку на вооруженный переворот или восстание, организованное армейскими кругами (конкретно имела в виду словацкая армия) при поддержке, как изнутри, так, главным образом, и извне. Причины различия во взглядах на выбор тех или иных форм движения Сопротивления крылись в понимании их значения для последующего внутривнутриполитического развития страны. Было очевидным, что в руководстве партизанским движением первую скрипку будут играть Москва и коммунисты, которые не преминут использовать это для укрепления своих позиций и влияния в освобожденной стране. Бенеш и эмигрантское правительство рассчитывали на получение поддержки со стороны армейских частей, находившихся под командованием сторонников «лондонцев», и других вооруженных формирований (жандармерии, полиции и пр.) внутри страны. Хотя эти тайные помыслы относительно будущего являлись секретом Полишинеля, никто, разумеется, не говорил о них открыто. Они обсуждались лишь в тесном кругу друзей или политических единомышленников. На период борьбы против гитлеровского засилья предполагалось объединение усилий всех антифашистских национальных сил, к чему непрестанно призывали как коммунисты, так и Бенеш.

В проектах чехословацкого правительства, касавшихся освобождения страны, большая роль наряду с использованием сил внутреннего Сопротивления отводилась десантным операциям союзников, в том числе и с Запада. В течение 1943 г. эти планы обсуждались с британскими военными ведомствами. Просьба перебросить

на территорию ЧСР чехословацкие парашютно-десантные части и вооружение для 10–50 тысяч человек, а также помочь английской авиацией и десантами в случае восстания была, по сути, отклонена. Ее выполнение обставлялось рядом неприемлемых и в тот момент невыполнимых для чехословацкой стороны условий: нужно предоставить данные о численности и расположении сил, которым будет поставляться оружие, и восстание должно произойти по указанию из Лондона и в назначенные им сроки¹. Тогда-то и началось зондирование вопроса о возможной помощи пока еще виртуальному восстанию Советским Союзом.

СССР, не без основания в силу военных успехов Красной Армии претендовавший на укрепление своих позиций в Центральной и Юго-Восточной Европе, не делал из этого особого секрета, хотя публичных заявлений не допускал. Такие мысли в беседах с чехословацкими политическими деятелями развивал, в частности, А.Е. Богомолов. Особая роль при этом отводилась Чехословакии. И.М. Майский, в конце 1943 г. занявший пост заместителя наркома иностранных дел, в записке на имя Молотова от 11 января 1944 г. утверждал: СССР «выгодно стремиться к созданию сильной Чехословакии», которая способна стать важным проводником советского влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе ввиду настроений ее населения и наличия советско-чехословацкого договора. Майский считал, что Чехословакию «следует рассматривать как форпост нашего влияния» в указанном регионе². Запад, понимая неизбежность в сложившихся условиях такого поворота событий, вынужденно соглашался с указанной перспективой, хотя, как будет показано ниже, не собирался пассивно наблюдать за происходившим.

Дальнейшее формирование чехословацких воинских частей

В планах Москвы, касавшихся укрепления ее влияния в восстановленной Чехословакии, немалая роль отводилась созданным в СССР чехословацким воинским частям, которые сражались вместе с Красной Армией на советско-германском фронте. В них, как говорилось выше, стремились упрочить свое влияние коммунисты, но и лондонцы не собирались сидеть сложа руки. Советские власти всячески отличали и поощряли участвовавшую в боях чехословацкую бригаду. Ее командир кавалер ордена Суворова 2-й степени Л. Свобода вместе с Г. Пикой был приглашен на банкет, устроенный Сталиным в честь Бенеша и чехословацкой делегации. За участие в боях за г. Белая Церковь бригада получила еще одну советскую пра-

вительственную награду, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени³. В январе 1944 г. бригаду с инспекционной целью посетили генерал А. Гасал-Нижборский, Пика, Кратохвил, Фирлингер и Борек, которые в течение трех недель знакомились с положением дел в части. Посол в беседе с командующим 1-м Украинским фронтом генералом армии Н.Ф. Ватутиным (бригада сражалась в составе этого фронта) подчеркнул настоятельную необходимость быстрого пополнения чехословацких частей, что «можно обеспечить за счет перебежчиков, чехословацких партизан и новобранцев из чешских населенных пунктов»⁴. Ватутин обещал дать согласие на то, чтобы Свобода оставлял в бригаде «всех надежных людей, которых найдет в прифронтовой полосе». Это желание Свободы пополнить личный состав бригады, понесшей значительные потери в боях на фронте, вошло в противоречие с указаниями как из Лондона, так и из Москвы о необходимости направлять всех добровольцев, готовых вступить в чехословацкую воинскую часть, в резервный полк бригады. Такую инструкцию получили и военные комиссариаты. Командир бригады, считая, что это происки чехословацкой военной миссии, приложил много усилий, чтобы данное указание не выполнялось. Между Свободой, с одной стороны, и Пикой и Кратохвилем, с другой, пробежала еще одна «черная кошка», хотя каждый из них был по-своему прав.

7 марта 1944 г. бригада получила приказ переместиться на Волынь, к городу Ровно для переформирования. Здесь и был начат набор в чехословацкую часть волыньских чехов, число которых, по словам Свободы, составляло примерно 45 тыс. человек. Они знали о гитлеровцах не понаслышке: деревню Чешский Малин постигла та же участь, что и чешские села Лидице и Лежаки в оккупированной стране. В июле 1943 г. 400 жителей Малина были зверски замучены и сожжены карателями⁵. Среди волыньских чехов оказалось много добровольцев, готовых вступить в чехословацкую часть, чтобы с оружием в руках бороться за освобождение Чехословакии, до предвоенных границ которой оставалось уже не 2500 км, как от Бузулука, а 420 км. «У населения чешских деревень [в районе Житомира], — сообщал Фирлингер в Лондон, — хорошее настроение и высокое национальное сознание»⁶.

Большая часть мобилизованных или добровольцев из волыньских чехов все же, видимо, влилась в состав бригады, пополнив ее личный состав, но некоторая часть была направлена в г. Ефремов, где началось формирование 2-й отдельной чехословацкой воздушно-десантной бригады. А дело состояло в следующем. Еще во время визита Бенеша в Москву была достигнута договоренность относительно дальнейшего создания чехословацких воинских частей

на территории СССР. Об этом президент и чехословацкие военные представители вели переговоры с генералом Г.С. Жуковым, о чем Бенеш и сказал Сталину во время встречи с ним 18 декабря 1943 г. Советский лидер, подтвердивший, что он ознакомился с чехословацким меморандумом по военным вопросам и что он согласен с высказанными в нем предложениями, заявил, что, кроме Жукова, считает нужным назначить для ведения переговоров по этим вопросам заместителя начальника Генштаба Красной Армии Ф.И. Голикова⁷. Уже на следующий день после отъезда Бенеша из Москвы, 23 декабря, Жуков представил Сталину проект постановления ГКО о необходимых мероприятиях «по дополнительному формированию на территории СССР чехословацких воинских частей». Проект решения, — писал Жуков, — «составлен на основе учета пожеланий, высказанных чехами, и исходит из наличных ресурсов людского контингента на территории СССР». «Мы имеем в настоящее время до 6500 человек, из них: 3000 человек в бригаде СВОБОДА; 2000 в лагерях для военнопленных, 1200 человек в запасной части, дислоцируемой в Бузулуке, и 200 человек в госпиталях», — говорилось в документе. 25 декабря Жуков повторно просил Сталина утвердить предлагаемый проект, указывая, что генерал Пика просил «ускорить разрешение практических вопросов, связанных с дополнительными формированиями». 30 декабря ГКО за подписью Сталина принял Постановление «О дополнительном формировании на территории СССР чехословацких воинских частей». Во-первых, речь шла об отдельной чехословацкой воздушно-десантной бригаде, включавшей управление бригады, парашютно-десантный и бронетанковый батальоны, истребительно-противотанковый, зенитный и артиллерийский дивизионы, разведывательную самокатную и саперно-подрывную роты и роту связи; во-вторых, об отдельном чехословацком танковом батальоне⁸; в-третьих, об отдельной чехословацкой авиационной эскадрилье истребителей⁹; в-четвертых, о запасном чехословацком пехотном батальоне. «На укомплектование формируемых частей бригады, — говорилось в постановлении, — обратить личный состав ныне существующей запасной чехословацкой части, а также состав военнопленных германской, венгерской, итальянской и румынской армий чехословацких национальностей и гражданства, содержащихся в лагерях НКВД для военнопленных». Определялись пункты формирования воздушно-десантной бригады, отдельного танкового и запасного батальонов — г. Ефремов Московской области, и отдельной авиационной истребительной эскадрильи — г. Иваново. Приказывалось подготовить к 5 января 1944 г. казарменный и складской фонды в г. Ефремов для размещения чехословацких частей,

передислоцировать сюда же из Бузулука к 10 января 1944 г. запасной чехословацкий батальон. Поручалось Жукову и генерал-майору Петрову отобрать из лагерей НКВД для военнопленных лиц, пригодных для службы в формируемых частях, и к 10 января направить их в распоряжение чехословацкого командования. Предписывалось НКВД СССР ежемесячно сообщать Жукову данные об указанных лицах, поступавших в лагеря и, с согласия наркомата, передавать их в распоряжение чехословацкого командования. Командующим фронтов-округов давалось указание направлять в Ефремов всех указанных лиц, в том числе «вливающихся с партизанскими отрядами в части Красной Армии». На НКО СССР возлагалось материальное и финансовое обеспечение новых воинских частей «в соответствии с установленным ранее порядком». «Все имущество для чехословацких частей отпускать бесплатно», — говорилось в постановлении. Соответствующим ведомствам и их руководителям предписывалось выполнять «все заявки т. Жукова, связанные с формированием чехословацких частей». Поручалось «выделить необходимое количество квалифицированных офицеров-инструкторов для помощи командованию чехословацкой воздушно-десантной бригады» (Капитохину), подготовить в школах ВВС и бронетанковых школах Красной Армии необходимое количество летно-технического состава и лиц бронетанковой специальности из числа военнослужащих чехословацких воинских частей (Новикову и Федоренко). Форма и знаки различия для личного состава чехословацких воинских частей устанавливались в соответствии с принятыми в чехословацкой армии до 1938 г. Постановлялось: «Удовлетворить ходатайство чехословацкого командования о разрешении въезда в СССР недостающего количества старших офицеров¹⁰. Поручить НКВД СССР при получении заявки от чехов установить упрощенный порядок въезда в СССР чехословацких офицеров». На НКГБ СССР возлагалось оперативное обслуживание чехословацких воинских частей¹¹.

В тот же день, 30 декабря 1943 г., начальник военной канцелярии Бенеша генерал А. Гасал-Нижборский, Г. Пика и Я. Кратохвил провели переговоры с командующим Московским военным округом генерал-полковником П.А. Артемьевым о помощи советских военных органов в формировании 2-й отдельной чехословацкой воздушно-десантной бригады в СССР (ОВДБ). Речь шла о ее размещении в г. Ефремов, обмундировании личного состава, в частности 2500 словаков, перешедших на сторону Красной Армии, вооружении бригады, направлении в нее советских инструкторов. Артемьев и представитель Жукова обещали чехословацким переговорщикам всяческую помощь в решении практических вопросов формирования части¹².

Командиром ОБВД стал бывший заместитель Л. Свободы полковник В. Пржикрыл, ранее командир батальона 1-й отдельной чехословацкой бригады в Великобритании, а начальником штаба с 8 января 1944 г. сотрудник МНО чехословацкого правительства в Лондоне генерал В. Сахер. Вместе с находившейся в процессе формирования 2-й бригадой все части должны были реорганизоваться в 1-й чехословацкий армейский корпус (ЧАК) под командованием генерала Я. Кратохвила. К этому времени все яснее становились планы чехословацкого правительства использовать словацкую армию для переворота (восстания) в Словакии, и Пика, выполняя указания из Лондона, начал подготовку людей, специальных групп (диверсионных, разведывательных, организационных, связи), воздушно-десантной бригады для переброски на словацкую территорию¹³. При этом Бенеш, еще беседуя с коммунистами в Москве, высказал свое пожелание, чтобы в десантных операциях на оккупированной восточной части республики участвовали не только чехословацкие, но и «некоторые советские части»¹⁴. Личный состав ОБВД складывался из сдавшихся в плен словаков (70%), военнослужащих чехословацкого резервного полка и добровольцев-чехов из деревень Волинской области. Советское командование оказывало всяческую помощь в формировании бригады и внимательно следило за его ходом, каждые десять дней получая на этот счет соответствующую информацию. В конце января бригада насчитывала более 2700 человек, а в конце апреля ей было вручено боевое знамя¹⁵. В связи с созданием Чехословацкого армейского корпуса бригада 30–17 мая была передислоцирована в прифронтовой район — Проскуров, где продолжалось обучение ее личного состава.

10 апреля Генштаб КА издал директиву о формировании 1-го Чехословацкого армейского корпуса. К 5 мая надлежало сформировать его Управление с дислокацией в г. Ровно, а численность 1-й отдельной чехословацкой бригады довести до 5582 человек. Запасной батальон преобразовывался в полк и вместе с танковым батальоном передислоцировался из Московской области тоже в г. Ровно. В качестве инструкторов в чехословацкие воинские части направлялись 250 офицеров Красной Армии. Укомплектование личного состава формируемых частей осуществлялось путем призыва военнообязанных «чехословацкой национальности» (то есть чехов и словаков. — *В.М.*) в освобожденных областях Западной Украины, за счет военнопленных «чехословацкой национальности» (точнее: граждан бывшей Чехословацкой республики), состава запасного батальона. 19 мая Генштабом КА было принято решение о формировании в районе г. Каменец-Подольский 3-й отдельной чехословацкой пехот-

ной бригады численностью тоже 5582 человека. Ее укомплектование предполагалось провести, помимо прочего, и за счет «излишков» личного состава 1-й бригады. 3-я бригада под командованием прибывшего из Англии генерала К. Клапалека была сформирована к 1 июня 1944 г. преимущественно из волынских чехов. В связи с нехваткой офицерских кадров для формирующихся чехословацких частей Генштаб КА 9 апреля 1944 г. дал указание начать их обучение в советских военных училищах: Рязанском пехотном — 220 человек, Московском инженерном (Болшево Московской области) — 20, Муромском связи — 10, Саратовском танковом — 30, Смоленском артиллерийском (г. Ирбит) — 120 человек. Сроки обучения определялись в 3–4 месяца. Вскоре подготовка чехословацких офицеров в советских военных училищах была расширена: летом 1944 г. только в указанных Рязанском и Смоленском заведениях обучалось 385 чехов и словаков, а в октябре 1944 г. на чехословацких отделениях десяти советских военных училищ — 425 человек¹⁶. Естественно, что здесь они получали не только военную, но и соответствующую политическую подготовку.

О составе, настроениях и политработе в чехословацких воинских частях составила подробную справку ответственный секретарь чехословацкой секции Всеславянского комитета С.А. Шмераль¹⁷, находившаяся в частях в командировке с 13 июля по 5 августа 1944 г. Информация основывалась на ее личных наблюдениях, беседах с политработниками, солдатами и офицерами. Солдатские кадры ЧАК, как она сообщала, состоят из трех групп. Первая, количественно наименьшая, состоит главным образом из чехов и включает небольшое ядро чехословацкой политэмиграции и воинов бывшего польского легиона Свободы. Эти люди, по мнению Шмераль, в основном положительно относятся к СССР и проникнуты духом славянской идеи. В группе много коммунистов, которые распределены как опытные воины по различным частям и бригадам. Вторую группу, в основном «мелкобуржуазную», составляют волынские чехи, преимущественно молодые люди, как добровольцы, так и мобилизованные. Среди них «мало колхозников и много зажиточных крестьян». Как утверждают политработники части, писала Шмераль, «в этой группе немало людей, которые вступили в Чехословацкий корпус, чтобы избежать впоследствии вступления в колхозы. Их расчет таков: из Чехословакии прогонят немцев, там будет много земли, мы ее получим и уедем из СССР. В этой же группе есть люди, работавшие против немцев на Волыни в подпольных условиях. Они горят желанием мести за сожжение Чешского Малина. Однако таких значительно меньше». Третью группу составляют словаки, перешедшие

на сторону Красной Армии из словацкой дивизии. Среди них много бывших партизан — одесских, крымских, белорусских. Они восторженно отзываются о советских людях, о Красной Армии. Четвертая группа — карпато-украинцы, крестьяне, перешедшие границу еще в начале войны и 2–3 года находившиеся в советских «концлагерях», большей частью на Колыме. Пополнения освобожденных из лагерей все время прибывают: «Первое время после приезда эти люди находились в подавленном настроении. Офицеры говорили, что карпато-украинцы проявляют особое рвение в учебе, очень дисциплинированы и на них можно будет положиться в бою». В материальном отношении, сообщала Шмераль, солдаты прекрасно обеспечены, сытно и хорошо питаются.

Относительно Л. Свободы в справке говорилось, что он «пользуется наибольшей популярностью во всех частях», и описывался такой эпизод: «Когда я, приглашенная на обед, приехала к нему на квартиру, я застала его за чтением книги Сталина „О Великой Отечественной войне Советского Союза“. Свобода сказал мне: „Я читаю эту книгу и поражаюсь тому, как многое мог предвидеть и понять еще в начале войны маршал Сталин“». (Конечно, Свобода мог искренне интересоваться книгой Сталина — тогда не было человека, особенно военного, который бы ею не интересовался, — но зачем же так напоказ? С целью произвести впечатление на собеседника? Во всяком случае, это так выглядит.) Далее, как пишет Шмераль, «он сообщил мне конфиденциально, что, минуя корпус (напомним, что им командовал Крадохвил. — *В.М.*), он послал телеграмму в штаб фронта с просьбой разрешить его бригаде одной выступить (видимо, на фронт. — *В.М.*), поскольку другие чешские части еще не готовы. „Нас берегут, — сказал Свобода, — для того, чтобы мы дрались в Чехословакии. Но поскольку Красная армия помогает освобождению нашей страны, мы обязаны участвовать и в освобождении территории СССР, пробивать путь к себе на Родину. Мы не хотим приходить на готовое. Мы хотим первыми вступить на нашу землю“». Говорилось в справке и о популярности в армии генерала Я. Крадохвила: «Это — не близкий к нам человек, но солдаты любят его за демократизм, за то, что он бывает в частях, знаком со многими солдатами, запросто с ними разговаривает. Политработник Райцин (коммунист. — *В.М.*) говорит, что Крадохвил много обещает, но не всегда свои обещания выполняет. Политработе он не мешает, но и не поддерживает ее, а только терпит. Другие командиры бригад мало популярны в массах, хотя они и опытные военные специалисты».

Офицеров части автор разбивает на три группы. Первая — офицеры, приехавшие из Англии и с Ближнего Востока: «Это большей

частью кадровики. К СССР они относятся скептически, но не проявляют этого открыто. Все высшие командные посты в армии заняты офицерами этой группы»¹⁸. Вторая группа — офицеры (бывшие учителя, студенты, частично кадровые офицеры словацкой дивизии), перешедшие на сторону Красной Армии, они «мечтают о новой Чехословакии и искренне симпатизируют СССР. Однако нужно отметить, что среди этой группы можно встретить и национализм, и антисемитизм. Хотя многие из них принадлежат к левой словацкой интеллигенции, люди они недостаточно политически грамотные. Этим людям, как правило, надо помочь разобраться в политических вопросах. Они могут быть полезны и теперь, и в Чехословакии». Последняя, немногочисленная группа — коммунисты и близкие к ним люди. Большая часть из них находится на политработе. «Советские офицеры в чехословацкой армии», как показалось автору справки, «за исключением тт. Мишина и Камбулова (представители НКВД. — В.М.) держатся очень обособленно».

Шмераль сообщала и о том, как налажена в корпусе политработы. «Сеть политработников есть во всех частях, во главе политработы только что переведенный из бригады Свободы в корпус штабс-капитан Прохаска, бывший редактор издательства иностранных рабочих в Москве. Это человек спокойный, молчаливый, кажется безынициативным и вялым, но политически выдержан и развит, пользуется авторитетом. На его лекции ходят и офицеры. Генерал Свобода всегда с ним советуется в последнее время». О заместителе Прохаски журналисте Райцине, авторе книги очерков о бригаде, Шмераль писала: «Это — талантливый, инициативный, энергичный, самоуверенный, но не всегда выдержанный и тактичный человек. Райцин не доволен тем, что он подчинен Прохаске, считая себя сильнее него. Все политработники в частях говорят, что Райцин и Прохаска не сработаются». В политотделах бригад имелось по 3–4 политработника, а в батальонах и ротах — офицеры просвещения. Они проводили лекции и беседы на политические темы: о СССР, о Красной Армии, о национальном вопросе и т. д. В первой бригаде издается ежедневная печатная газета «Наше войско в СССР», в других бригадах — информационные сводки на стеклографах. Имеются две походные типографии. Кто из бойцов и офицеров — коммунисты, в части не знают, «партизанная работа ведется нелегально... Большинство коммунистов — младшие командиры и поэтому имеют малое влияние на офицерский состав». Общий вывод автора справки гласил: «Чехословацкие части готовы к боям, хотят сражаться, однако наше влияние на солдат и особенно на офицеров еще недостаточно, мы его можем и должны увеличить путем индивидуальной работы»¹⁹.

Вопросы взаимодействия советской армии и чехословацких частей обсуждались еще во время пребывания Бенеша в Москве. Тогда была достигнута договоренность о том, что в боях на территории Чехословакии, сначала в Подкарпатской Руси, потом в Словакии, операции будут проводиться всегда совместно. По мере приближения Красной Армии к довоенным границам ЧСР тема советско-чехословацких взаимоотношений становилась все более актуальной. В конце апреля чехословацкое правительство сочло необходимым поставить перед советскими властями некоторые вопросы, касающиеся оказания помощи населению освобождаемых районов. Речь шла о поставках из СССР «некоторого количества предметов первой помощи (продовольствия и др.)» с тем, чтобы позднее эти поставки были компенсированы за счет соответствующих фондов, причитающихся Чехословакии от ЮННРА²⁰. Советские власти положительно откликнулись на это обращение, предложив чехословацкому правительству представить конкретные предложения о помощи²¹. Начались и переговоры о платежных средствах на освобожденной территории, где в то время находились в обращении четыре вида валют. Чехословацкое правительство намеревалось заменить все их кроной и для этого просило советское правительство обеспечить напечатание необходимого количества денежной массы (примерно 1 млрд.) в купюрах представленного образца. Москва дала согласие и обещала уже в мае передать первую часть указанной суммы чехословацкой стороне. 14 апреля Фирлингер информировал Лондон, что, согласно сообщению Вышинского, начато изготовление купюр стоимостью 1, 5, 20, 100, 500 крон на общую сумму более 2 млрд. крон²².

*Советско-чехословацкое соглашение
от 8 мая 1944 г.*

Но для Бенеша особенно важно было внести ясность в вопрос о том, как будут взаимодействовать на освобожденной территории советские военные и чехословацкие государственные органы. 22 февраля 1944 г. Бенеш в беседе с Лебедевым выдвинул идею заключения между советским и чехословацким правительствами соглашения о взаимоотношениях в период вступления советских войск на территорию Чехословакии. Советское руководство не возражало и предложило чехословацкому правительству подготовить текст такого соглашения. Он был составлен и передан в Москву для согласования. Одновременно аутентичные тексты получили англичане и американцы, с которыми чехословацкое правительство тоже намеревалось заключить подобные соглашения.

8 апреля советские войска вышли к домюнхенским границам Чехословакии на участке Подкарпатской Руси, а 14 апреля Молотов в беседе с Фирлингером дал согласие советского правительства на подписание предложенного чехословацкой стороной текста указанного соглашения, заявив при этом, что должен информировать о нем в порядке консультаций англичан и американцев. Ни те, ни другие не возражали и сочли возможным появление подобного соглашения, тем более, что в главном оно совпадало с аналогичными соглашениями, подготовленными западными союзниками для подписания с бельгийским, голландским и норвежским правительствами. 1 мая 1944 г. Вышинский провел пресс-конференцию, на которой ознакомил иностранных журналистов с содержанием готовящегося к подписанию документа. 8 мая Лебедев и Рипка поставили свои подписи под Соглашением об отношениях между советским Главнокомандующим и Чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии²³. Ни англичане, ни американцы не намерены были тогда подписывать аналогичные соглашения с чехословацким правительством, полагая, что конкретная военная ситуация пока не требует этого. Не подписано оно было и позже, когда в апреле 1945 г. американская армия вступила на территорию западной Чехии.

Остановимся на содержании Соглашения подробнее, поскольку в ходе его реализации между советской и чехословацкой сторонами выявились различия в толковании отдельных его пунктов. Статья 1 гласила: «...верховная власть и ответственность во всех делах, относящихся к ведению войны, будет находиться в зоне военных операций на время, необходимое для осуществления этих операций, в руках Главнокомандующего советскими (союзническими) войсками». При реализации соглашения сразу возник вопрос, как понимать выражение «во всех делах, относящихся к ведению войны», да еще в зоне военных операций. Ведь во время войны как раз все дела можно было считать относящимися к ее ведению. В этом случае чехословацкой администрации вообще нечего было делать. Далее, появилась неясность в том, что считать «зоной военных операций», на которую распространялась власть советских военных органов, а что понимать под тылом, где должна была действовать чехословацкая администрация. При существующей формулировке советские военные власти могли решать этот вопрос произвольно, как они считали нужным. То же самое относилось и ко времени, необходимому для проведения этих операций. В статье 2 говорилось о назначении для освобожденной территории чехословацкого правительственного уполномоченного и его обязанностях: «а) создать

и руководить согласно чехословацким законам администрацией на территории, очищенной от неприятеля; б) воссоздать чехословацкие военные силы; в) обеспечить активное содействие чехословацкой администрации советскому (союзному) главнокомандующему, а именно давать местным властям соответствующие указания, исходя из потребностей и желания советского (союзного) главнокомандующего». Эта статья также оказалась трудновыполнимой. Создаваемые чехословацким уполномоченным органы (пункт «а»), как показала практика, сразу вступали в конфронтацию с возникавшими на местах национальными комитетами в Словакии или народными радами в Подкарпатской Руси, руководимыми в большинстве случаев коммунистами и уже в силу этого поддерживаемыми советскими военными властями. Национальные комитеты в ходе Словацкого национального восстания 29 августа — 30 октября 1944 г. (см. подробнее главу 6) и народные рады в Подкарпатье (см. главу 7) вовсе не были склонны воспринимать, а тем более выполнять распоряжения чехословацких властей, то есть правительственной делегации. Такая ситуация в Соглашении, естественно, не предусматривалась. К тому же неясным и по-разному толкуемым оказалось выражение «на территории, очищенной от неприятеля». Одни толковали это как «очищенной от неприятеля» в ходе непосредственно военной операции по изгнанию врага, другие приплюсовывали к этому еще и защиту тыла действующей армии от вражеских элементов (т. е. ликвидация остатков разгромленных сил противника, бандформирований, шпионов, диверсантов, террористов, пособников оккупантов и т. д.). Пункт «б» второй статьи тоже мог толковаться произвольно, поскольку неясно было, кто конкретно и на какой основе должен был воссоздавать военные силы: формируемые при чехословацкой администрации военные органы, на основе мобилизации местного населения во вновь создаваемые чехословацкие военные части? Или же командование чехословацкого корпуса, действовавшего в составе советских вооруженных сил, на основе мобилизации с целью пополнения корпуса? Этот вопрос, видимо, обсуждался в эмигрантских кругах, но четкой формулировки в Соглашении не было. Загранбюро КПЧ, например, излагая свои представления на этот счет, полагало: «чехословацкое военное управление на освобожденной территории во внутренних военных вопросах подчиняется правительственной делегации, в оперативных же вопросах — командованию союзнических войск». Предусматривалось проведение по договоренности с командованием союзнической армии массовой мобилизации в чехословацкую армию, которую должно было осуществлять чехословацкое военное управление при содействии возникших на освобожденной террито-

рии национальных комитетов²⁴. Таким образом, чехословацкие коммунисты предусматривали создание некоего «чехословацкого военного управления», действовавшего при чехословацкой администрации и сотрудничавшего с советским военным командованием. Так, думается, понимал этот вопрос и «чехословацкий» Лондон. Однако на практике все оказалось гораздо сложнее. Выполнение пункта «в» второй статьи также оказалось под вопросом, поскольку, как говорилось выше, не выполнялся пункт «а».

Статья 3 Соглашения предусматривала, что «чехословацкие воинские части, находящиеся в момент вступления советских (союзнических) войск на чехословацкую территорию в их составе, будут немедленно использованы на чехословацкой территории». Эта статья выполнялась при вступлении советских войск на территорию Словакии, но в боях за Подкарпатскую Русь чехословацкий корпус не участвовал, поскольку был задействован в прорыве Красной Армии на помощь словацким повстанцам (см. главу 6). 4-я статья Соглашения гласила, что для обеспечения связи между советским главнокомандующим и чехословацким правительственным уполномоченным при советском главнокомандующем будет назначена чехословацкая военная миссия. Таким образом, ее функции — обеспечение связи — были очерчены достаточно четко, но впоследствии возникли разночтения и по этому поводу, о чем будет сказано позднее. Из других статей Соглашения — всего их было 9 — важными представляются еще несколько. Как только какая-либо часть освобожденной территории, — говорилось в статье 6, — перестанет являться зоной непосредственных военных операций, чехословацкое правительство «полностью берет в свои руки власть управления общественными делами (слово «власть» в русском переводе представляется излишним. — *В.М.*)» и будет оказывать советскому главнокомандующему через свои гражданские и военные органы всестороннее содействие и помощь. Однако в Соглашении не было ни слова о том, как будет проходить передача власти на освобожденной территории и должна ли эта передача вообще происходить. Видимо, предполагалось, что это дело практики. В действительности неясность в этом вопросе породила массу недоразумений и конфликтных ситуаций.

Статья 7 касалась юридических вопросов: все лица, принадлежавшие к советским войскам на территории Чехословакии, должны были подчиняться юрисдикции советского главнокомандующего, а к чехословацким военным силам — чехословацкой юрисдикции. Ей подчинялось и гражданское население даже в тех случаях, когда преступления совершались против советских войск, за исключением преступлений в зоне военных операций. Но ни статья 6, ни статья 7 на территории

Подкарпатской Руси фактически не применялись, поскольку деятельность чехословацких органов здесь оказалась практически заблокированной. Таким образом, текст Соглашения был весьма несовершенным и позволял каждой из сторон толковать его в свою пользу²⁵.

*Начало переговоров о помощи
готовившемуся в Словакии восстанию*

Между тем чехословацкое правительство, располагавшее уже с конца 1943 г. сведениями о готовящемся в Словакии восстании, все более настойчиво, особенно после заключения советско-чехословацкого договора в декабре 1943 г., добивалось от Москвы согласия оказать ему конкретную помощь. К этому времени Министерство национальной обороны (МНО) и созданный при нем Штаб по формированию вооруженных сил во главе с генералом Б. Нойманном (криптоним — Мирослав) уже имели разработанный в общих чертах план подготовки восстания и помощи ему извне. Он исходил из принципа, что сигнал к началу выступления будет дан чехословацким правительством из Лондона в момент, когда войска союзников достаточно приблизятся к домюнхенским границам Чехословакии. Для подготовки восстания и руководства им за границей надлежало сформировать и обучить определенное количество десантных организационных и диверсионных групп (150 человек) с целью заброски их в заранее намеченные районы. За несколько дней до начала выступления и после него повстанцы, возможное число которых определялось цифрой от 10 до 70 тысяч человек, должны были получить из-за границы вооружение. Кроме того, предполагалась переправка на территорию восстания некоторой части чехословацких военных частей, созданных на Западе и в СССР, а также, по возможности, и небольших подразделений армий союзников. Расчет делался также на помощь союзной авиации, а именно бомбардирование целей и объектов, указанных повстанческим командованием. Наконец, что очень важно, имелось в виду во время подготовки восстания и в его ходе создать в освобождаемой стране основу чехословацкой армии, которая сможет активно проявить себя на завершающем этапе войны и непосредственно после ее окончания в интересах восстановленной Чехословакии. Именно в духе этого плана и велись переговоры с союзниками, в том числе и с Советским Союзом, об оказании помощи готовящемуся восстанию²⁶. Как уже говорилось, на Западе отнеслись к указанному плану сдержанно и скорее отрицательно, чем положительно. Это объяснялось как военной, так и политической стороной дела: отсутствием данных о возможных повстанческих силах, трудностями и

дальностью переброски по воздуху просимого вооружения и людей; к тому же все очевиднее становилась возможность освобождения Чехословакии с Востока и, следовательно, включения ее в сферу советских интересов и влияния.

В начале 1944 г. чехословацкие военные чины начали активные переговоры с советскими властями относительно конкретной помощи планируемому в Словакии вооруженному восстанию. Принципиальное согласие на оказание такой помощи Пика получил еще в ноябре 1943 г., о чем и сообщал в Лондон: «Принципиально нет никаких возражений. Нам будет оказана полная поддержка. Количество и вид оружия будут подготовлены в соответствии с нашим планом. Доставка будет обеспечена советскими самолетами как перед началом восстания, так и в ходе самой операции. Поддержка со стороны советской авиации будет обеспечена». Кроме того, согласно Пике, советское руководство взяло на себя обязательство доставить в Словакию в случае начала там восстания вооружение для 50 тысяч человек, дало согласие на высадку советской авиацией чехословацкой воинской части, сформированной в СССР, и обещало оказать поддержку советскими десантными частями²⁷.

6 декабря 1943 г. Пика сообщил Жукову о том, что чехословацкое правительство располагает сведениями из германских источников о намерениях Гитлера в январе-феврале 1944 г. оккупировать Словакию, где ведется подготовка к восстанию против немцев. 7 декабря Жуков информировал об этом Сталина, подчеркнув, что Пика просил сообщить, «могут ли чехословаки рассчитывать на помощь словакам со стороны СССР в момент вооруженной борьбы», а именно «можем ли мы: 1. Подготовить и перебросить нашими средствами до начала событий 25 словаков из числа военнослужащих чехословацких воинских частей на территории СССР для организации связи, посадочных площадок и баз вооружения в Словакии. 2. Выбросить с воздуха нашими средствами необходимое вооружение для повстанцев (районы будут указаны чехами)²⁸. 3. В момент боев с немцами поддержать с воздуха словаков действиями авиации, подвергнув бомбардировке базы и коммуникации немцев как в самой Словакии, так и в пограничных с ней районах. 4. Помочь словацким частям прикрытия, которые вступят в борьбу с немцами, выброской некоторого числа наших авиадесантных частей». Жуков сообщал, что обещал Пике довести его просьбу до сведения советского правительства и просил указаний Сталина²⁹. 8 декабря Пика представил Г.С. Жукову своего рода первый проект вооруженного выступления словацкой армии, указав на два варианта возможного его начала: а) при приближении Красной Армии к домюнхенским границам ЧСР и б) в случае оккупации Словакии гитлеровцами³⁰.

Бенеш, который на словах в общем соглашался с необходимостью развития партизанского движения на всей территории расчлененной Чехословакии (об этом он говорил и с советскими руководителями, и с чехословацкими коммунистами во время своего пребывания в Москве, а также публично заявил, выступая в Государственном совете 3 февраля 1944 г.), тем не менее в своих планах освобождения страны по-прежнему отдавал предпочтение восстанию (перевороту) при опоре на вооруженные силы. Он продолжал считать, что в отличие, например, от Польши, Югославии, Греции в «его» стране нет необходимых условий для развития широкого вооруженного сопротивления снизу, включая партизанское движение. А. Гасал (Нижборский), оставленный им в Москве для ведения переговоров по военным вопросам, имел поручение обсуждать с советскими властями прежде всего вопросы помощи вооруженному восстанию при опоре на армию. В конце 1943 — начале 1944 г. состоялось еще несколько бесед чехословацких военных представителей с Г.С. Жуковым, в ходе которых снова подтвердилась принципиальная готовность советских властей оказать помощь планируемому восстанию.

О результатах этих переговоров Жуков доложил Сталину письменно 1 марта 1944 г. Изложив планы «чехов» (т. е. чехословацкого правительства) относительно подготовки вооруженного восстания словацкого народа и участия в нем словацкой армии, он, в частности, отметил, ссылаясь на полученные сведения, что она «состоит всего из 2 недоукомплектованных дивизий, к тому же плохо вооруженных», что «до начала назревающих в Словакии событий туда необходимо перебросить воздухом ранее обещанные советским правительством 50 000 комплектов стрелкового вооружения», 2-ю парашютно-десантную чехословацкую бригаду, а «поскольку этих сил недостаточно», перебросить еще по воздуху около двух советских стрелковых дивизий и оказать им помощь действиями советской авиации. По указанию Молотова, писал Жуков, он обсудил эти вопросы с Антоновым, который считает, что «если даже и перебросить в Словакию две стрелковые дивизии... то маловероятно, что удастся удержать немецкие войска на границах Словакии и организовать стабильную оборону». Антонов считал также утопичными расчеты на то, что Венгрия в случае начала боев будет держать себя нейтрально. Кроме того, как полагал первый заместитель начальника Генштаба КА, «сама переброска 2-х стрелковых дивизий воздухом является тяжелой задачей». Командующий советской военной авиацией дальнего действия А.Е. Голованов, по сути, считал такую операцию невыполнимой из-за ограниченной грузоподъемности транспортных самолетов, невозможности выделить их достаточное

количество для подобной переброски, отсутствия соответствующих аэродромов, горючего на обратные рейсы, которых должно быть не менее 6–7, и т. д. «Тов. Антонов, — писал Жуков, — считает целесообразным рассматривать операцию в Словакии только как возможность создания большого плацдарма активной партизанской борьбы на территории Словакии. Он заявил, что Генеральный штаб Красной Армии считал бы выгодным, если бы такой плацдарм был создан, так как он свяжет известные силы немцев. Полагаем, что из этого и нужно исходить при рассмотрении предложения чехов». Однако, ссылаясь на мнение Антонова, Жуков продолжал: «Если по политическим соображениям предложение чехов будет Вами (Сталиным. — *В.М.*) признано приемлемым», обещать им: а) переброску воздухом в Словакию 2-х парашютно-десантных бригад (чехословацкой и советской); б) организацию партизанских отрядов по северным склонам Карпат; в) доставку воздухом ранее обещанных 50 тысяч комплектов стрелкового вооружения; а также порекомендовать использовать указанные две бригады «для развертывания мощного партизанского движения за счет мобилизации и вооружения местного населения». «Вместе с тем, тов. Антонов оговаривается, — писал Жуков, — что и такая операция была бы очень трудной для нас, потребовала бы затраты значительного количества транспортной авиации и была бы связана с большими потерями, как в личном составе, так и в материальной части». Только переброска 50 тысяч комплектов стрелкового вооружения (963 462 кг) потребовала бы до 500 транспортных самолетов на один рейс.

Далее речь шла о советско-чехословацком военном сотрудничестве после войны: получении оружия, обмундирования, горючего для нужд чехословацкой армии, обучении ее офицерских кадров в советских военных заведениях, осуществлении унификации образцов вооружения, установлении прямого железнодорожного сообщения между СССР и Чехословакией. А.И. Антонов и Ф.И. Голиков (заместитель наркома обороны по кадрам), по словам Жукова, считают, «что, поскольку для нас выгодно взять в свои руки строительство будущей чехословацкой армии, следует обещать чехам просимое ими, с учетом того, что мы не будем передавать чехам для организации производства наиболее секретные образцы нашего вооружения». Поскольку, говорилось в докладной записке, генерал Нижборский в ближайшие дни намерен возвратиться в Лондон, он настойчиво просит дать ему ответы на поставленные вопросы. Жуков просил Сталина дать ему указания³¹.

Возможно, такие указания были получены, и 2 марта во время ужина, устроенного Фирлингером, состоялась очередная встреча со-

ветских и чехословацких представителей, на которой обсуждались вопросы помощи СССР в развитии освободительного движения в Словакии. С советской стороны во встрече участвовали Голиков, Жуков, Фитин (начальник первого — разведывательного — управления НКВД СССР, выступавший под псевдонимом «дивизионный генерал Фокин». — *В.М.*), генерал-майор Евстигнеев, с чехословацкой — Фирлингер, Нижборский, Пика. 3 марта Сталин и Молотов получили отчет об этой встрече за подписями Голикова и Жукова. «Мы убедили их (чехов. — *В.М.*) в том, — говорилось в отчете, — что главное внимание на первых этапах следует обратить на развертывание мощного партизанского движения на основе привлечения местного населения. Чехи согласились с нашими доводами» и предложили такой план: через 2–3 недели выбросить в Словакию 5 групп с задачей создать базы по приему людей и наладить связь, а в конце апреля — еще 20 групп с аналогичными задачами; затем приступить к переброске на эти базы обещанных 50 000 комплектов стрелкового вооружения; в мае выбросить в Словакию 2-ю чехословацкую воздушно-десантную бригаду и использовать ее как руководящее ядро для формирования партизанских отрядов из местного населения. Фирлингер заявил о целесообразности переброски в Словакию нескольких групп (отрядов) советских военнослужащих, чтобы использовать это обстоятельство в пропагандистских целях среди местного населения. Обсуждение конкретных вопросов послевоенного сотрудничества советские представители отклонили, посчитав, что «сейчас разговор на эту тему носил бы отвлеченный характер». И опять просьба — дать указания³².

Сегодня известны еще два документа, касающихся этой встречи: МИДа Чехословакии с изложением депеши Фирлингера Бенешу от 3 марта³³ и чехословацкая версия обсуждения вопроса³⁴. В первом документе, в отличие от записки Голикова и Жукова, ничего не говорится о согласии чехословацких представителей с мнением о развертывании массового партизанского движения в Словакии, зато указывается, что Советский Союз не будет препятствовать англичанам, «если они захотят направить прямым рейсом самолеты с первой группой наших офицеров (для чехословацких воинских частей в СССР. — *В.М.*)». Во втором из названных документов, составленном Нижборским сразу после возвращения в Лондон, подробно и детально излагаются позиции как советской, так и чехословацкой стороны. Принципиальных противоречий или отличий по сравнению с более краткой советской докладной Сталину здесь не имеется. Однако указывается на замечание Фокина (т. е. Фитина. — *В.М.*) о том, чтобы Чехословакия перешла от более или менее пассивного сопротивления к открытой

и организованной борьбе, как в Югославии и Польше. «Мы подчеркнули, — писал Нижборский, — что это и наше желание, что в этом направлении мы ведем всю нашу подготовку, и что наше правительство и президент республики тоже уже дали необходимые указания». Упоминалось и о времени начала восстания в Чехословакии, которое связывалось с общим планом наступления союзников, стратегические операции которых начнутся примерно в мае. К этому времени следовало подготовить и все операции в Словакии: «генерал-полковник Голиков с предложением согласился». Пика еще раз подчеркнул, что акция может начаться и раньше в связи с насильственной оккупацией Словакии немецкими войсками: «И в этом случае нашей обязанностью является поддержать сопротивление как военными материалами, так и нашими частями с территории СССР». Речь шла также о ходе формирования чехословацких воинских частей в СССР, о доставке из Англии необходимых для них офицерских кадров, об объединении всех частей в легкий корпус под общим командованием. Что касается вопросов послевоенного сотрудничества, то, по словам Голикова, «мы можем быть абсолютно уверены в полной помощи Советского Союза, поскольку маршал Сталин дал принципиальное согласие на выполнение всех наших требований».

Итак, в марте 1944 г. в целом была достигнута договоренность об оказании советской помощи вооруженному восстанию словацкого народа, который не мог рассчитывать в его осуществлении только на собственные силы. Советская сторона, по сути, приведя веские доводы, убедила чехословацких военных представителей в нереальности разработанного ими плана и предложила свой план, осуществлению которого готова была помочь. Первым шагом такой помощи в организации восстания должна была стать выброска организаторских групп на территорию Словакии с целью подготовки баз для доставки вооружения и людей, а также формирования подвижных партизанских отрядов из местного населения. Именно решением этих задач и занялись как советские, так и чехословацкие военные органы весной 1944 г. Пика настаивал, чтобы с ним согласовывались или, по крайней мере, становились ему известны все советские действия на территории Словакии (Чехословакии). С формальной точки зрения все было правильно, но, во-первых, эта деятельность была многоканальна и разнопланова, чаще всего отличалась дробностью и оперативностью, поэтому согласовать все конкретные шаги просто не представлялось возможным; во-вторых, не всеми политическими и военными секретами советские органы намерены были делиться с Пикой, тем более зная его как профессионального разведчика, к тому же поддерживавшего связь не только со своим непосредствен-

ным начальством в Лондоне, но и контакты с сотрудниками английского посольства в Москве. Так что сдержанность советских властей в условиях военного времени вполне объяснима.

Особую заинтересованность в развитии партизанского движения на территории бывшей Чехословакии проявляли не только советские власти, но, как говорилось выше, и Заграничное бюро КПЧ в Москве. В мае 1944 г. К. Готвальд, очевидно с согласия ОМИ ЦК ВКП(б) и лично Г. Димитрова, посетил Киев и договорился с руководством ЦК КП(б) Украины о помощи в развитии партизанского движения пока в Подкарпатской Руси и Словакии. 17 июня 1944 г. ЦК КП(б)У принял об этом соответствующее решение. Постановление обязывало Украинский штаб партизанского движения (УШПД) во главе с генерал-лейтенантом Т.А. Строкачем сформировать и направить на территорию Карпатской Украины и Словакии 10 украинских организаторских партизанских отрядов численностью 15–20 человек каждый с задачами: произвести разведку обстановки, установить связь с местным населением и организовать партизанские отряды. ЦК КПЧ (так именовало себя Загранбюро КПЧ) получил возможность иметь при УШПД своего представителя для участия в организации чехословацких отрядов и осуществления их связи с московским руководством КПЧ. Для обучения чехословацких партизан предоставлялось 100 мест в спецшколе УШПД, прием в которую производился через представителя компартии при штабе, имевшей здесь своих политработников. Предписывалось перебросить в партизанские отряды, действующие на территории Чехословакии, группу связи в составе трех человек от ЦК КПЧ³⁵. Представителем Загранбюро при УШПД стал сначала Р. Сланский, а после его переброски в Словакию — А. Шрамм. Уже в мае в школу, находившуюся в Обарове под Ровно, было зачислено 60 чехословацких граждан (чехов, словаков, украинцев), в июле — еще 99 человек.

Пика и Кратохвил, уведомленные Готвальдом о происходившем и согласные с этим³⁶, пожелали иметь при УШПД своего представителя, но получили отказ. Как сообщал Сланский Готвальду 14 июля, в штабе хотели иметь дело только с представителем КПЧ, который и будет осуществлять связь с командованием корпуса. Кратохвил добивался ответа на вопрос, кто будет руководить партизанскими отрядами, кому они будут подчинены. Строкач, согласно Сланскому, подчеркнул намерение «организовать самостоятельное чехословацкое партизанское движение» и готовность «передавать всю информацию [командованию] чехословацкого корпуса». При этом Сланский высказал свои сомнения относительно задач, которые ставятся перед советскими группами, парашютируемыми в Словакию, а именно:

проведение лишь военно-разведывательных акций. Он предлагал включить в задачи этих отрядов помощь в развитии широкого партизанского движения. Он предложил также, чтобы партизанские базы создавались не только в Восточной, но и в Центральной Словакии, с чем Строкач согласился.

29 июля Сланский направил с М. Ракоши, который тоже вел переговоры в Киеве о десантах в Венгрию, новое письмо Готвальду. Он сообщал о людях, отобранных им в чехословацком корпусе для обучения в школе УШПД. Это были преимущественно «недовольные» порядками в корпусе, направившие свои требования в виде меморандума на имя Кратохвила, которого Сланский характеризовал как реакционера и пьяницу. Командующий с готовностью расстался с этими людьми. Среди отправленных в школу было 68 словаков, 29 украинцев, 1 чех, в том числе 42 бывших партизана. Сланский предлагал отобрать еще 50–60 словаков для переправки их в Словакию. «Думаю, — писал он, — что ситуация в Словакии и особенно в словацкой армии созрела для того, чтобы организовать массовый переход словацких солдат и вообще словаков в партизанские отряды». Сланский полагал, что можно опоздать с развитием партизанского движения, и рекомендовал направлять в партизанские отряды под видом офицеров просвещения коммунистов, которые являлись бы «политическими руководителями в отряде», организовали бы партию «дома», «установили бы связь с партией и ее организациями»³⁷.

Еще 26 июня Пика направил Ингру телеграмму о парашютистах, забрасываемых из СССР на территорию Чехословакии. Он сообщал, что независимо друг от друга посылают «своих людей» командующий фронтом, командование армиями (с целью глубокой разведки), УШПД, «чехословацкая политическая группа (наши депутаты)», НКВД. Пика писал, что старается быть в курсе деятельности коммунистов и сотрудничать с ними в деле организации партизанских отрядов. НКВД, по его словам, действует тайно. В этой ситуации желание Ингра и Пики, чтобы боевая деятельность в Словакии и Подкарпатской Руси координировалась и направлялась исключительно при помощи «директив ответственных инстанций в Лондоне» или командования ЧАК, выглядела утопично³⁸. Для формирования организаторских групп советские военные органы, НКВД и УШПД использовали в основном военнослужащих ЧАК, зачастую не согласуя свои действия ни с Кратохвилем, ни с Пикой. Это, естественно, вызывало их раздражение и вело к попыткам внедрить «своих людей» в формируемые в основном коммунистами группы.

В соответствии с постановлением ЦК КП(б)У на территорию Чехословакии до середины августа 1944 г. было заброшено 12 пар-

тизанских организаторских групп во главе с опытными советскими (А.П. Величко, В.А. Квитинский, Е.П. Волянский, А.С. Егоров, И.И. Дибров, К.К. Попов, Л.Б. Мурзин и др.) и чехословацкими (Л. Калина, Э. Ушьяк, Т. Пола, А. Шагат и др.) партизанскими командирами. Таким образом, как бы параллельно и независимо друг от друга шли, с одной стороны, развитие партизанского движения, подчинявшегося УШПД, а с другой, подготовка вооруженного восстания силами словацкой армии, взаимодействующей с Красной Армией и партизанами.

Соглашаясь на развитие в Чехословакии партизанского движения, эмигрантское правительство по-прежнему считало приоритетным второй вариант свержения режима, существовавшего в Словакии. Весной 1944 г. произошла реорганизация словацких вооруженных сил, в результате которой существенно возросла численность и улучшилось вооружение армейских частей, размещенных непосредственно на территории Словакии. По инициативе министра обороны Ф. Чатлоша в апреле-мае были сформированы две новые пехотные дивизии (в составе 22 500 человек), которые рассматривались как действующая армия в отличие от тыловых частей — военных гарнизонов. Дивизии, размещенные на востоке Словакии (их командование находилось в г. Прешов), имели на вооружении артиллерию и авиацию (42 самолета). Чатлош рассчитывал использовать эти части при приближении Красной Армии к границам Словакии для реализации своих амбициозных алибицких планов (см. главу 6), на эти же распропагандированные части намеревалось опереться и чехословацкое эмигрантское правительство и внутренние силы словацкого Сопротивления при подготовке восстания в Словакии. Общее командование дивизиями осуществлял генерал А. Малар. В августе они были включены в немецкую армейскую группировку «Северная Украина», и территория восточной Словакии стала частью оперативной зоны этой группировки³⁹. Выступление обеих дивизий против немцев согласно плану, разработанному словацким военным центром во главе с подполковником Я. Голианом⁴⁰ и одобренному Словацким национальным советом (СНС)⁴¹, должно было начаться по согласованию с командованием Красной Армии при ее приближении к границам Словакии. План (первый вариант) состоял в следующем: словацкие дивизии ударят в тыл немцам, тем самым облегчат советским войскам преодолеть карпатские перевалы и быстро овладеть всей Словакией. Тыловые части словацкой армии (военные гарнизоны: 14 тыс. человек), сосредоточенные в Центральной Словакии, помогут осуществить политический переворот, затем соединятся со словацкой действующей армией и вместе с Красной Армией очистят

Словакию от немцев. Второй вариант предусматривал в случае начала оккупации немцами Словакии сосредоточить все повстанческие силы в ее центральной части и сражаться против оккупантов.

Об этих планах, ставших известными Ингру от Голиана, военный министр 10 июля 1944 г. информировал советского военного атташе в Лондоне А.Ф. Сизова и в тот же день Пику с указанием довести их до сведения «русского командования». Ингр сообщал, что дивизии расположены в районах Бардейов и Медзилаборце и имеют на вооружении 15 тыс. винтовок, 1000 легких и 250 тяжелых пулеметов, 50 противотанковых орудий, 150 минометов и 70 пушек. Отмечалось, что до сих пор в Восточной Словакии нет ни немецких, ни венгерских частей. «Обсудите с русским командованием, — писал Ингр, — сроки осуществления плана с точки зрения операции на Восточном фронте, к которой подключится Словакия»⁴². 14 июля Пика передал полученную информацию Г.С. Жукову, а 20 июля — Фирлингер Зорину. При этом посол «выразил свои сомнения по поводу действительных намерений офицеров и генералов, стоящих во главе этих словацких дивизий»⁴³. Депешей от 21 июля (расшифрована 24 июля) Пика сообщил в Лондон полученный им письменный ответ Жукова: «Советское правительство не имеет возможности установить срок выступления двух словацких дивизий и считает, что было бы целесообразным, чтобы чехословацкие органы, которым подчиняется военная организация, существующая в этих дивизиях, руководствовалась при определении срока их наступления действительным состоянием готовности этих дивизий к выступлению и учитывала стратегическую ситуацию, которая сложилась к тому времени». Пика полагал, что с Верховным Главнокомандованием Красной Армии можно будет договориться о конкретной задаче, «когда части в Словакии будут в полной готовности». «После получения сообщения о боевой готовности обеих дивизий я обсужу вопрос о совместной акции»⁴⁴, — писал Пика. Таким образом, ответ Жукова вовсе не содержал принципиального отказа от координации действий Красной Армии с действиями двух указанных дивизий, как это изображается в некоторых исследованиях. Имелись в виду, во-первых, ситуация на конкретный момент, т. е. конец июля 1944 г., а во-вторых, состояние готовности к выступлению словацких дивизий. Смысл этого ответа, думается, был правильно понят Пикой, и советское правительство вряд ли можно упрекать в каком-то лукавстве и нежелании сотрудничать. Словацкие дивизии, судя по сведениям о их вооружении, могли оказать содействие Красной Армии лишь в том случае, если бы карпатские перевалы оставались только на их «попечении», а немцы не стали здесь организовывать сильную

оборону. Это, естественно, было утопией. Пика, видимо, тоже сомневался в боеготовности указанных дивизий, поскольку в депеше от 21 июля ненавязчиво советовал Ингру «введение в бой второй бригады (десантной) для решения следующих задач: облегчить переход между Ужицким и Дуклинским перевалами (включая оба эти перевала) при взаимодействии с советскими частями с севера». Что же касается конкретной ситуации, то тут надо иметь в виду, что советские войска в тот момент вовсе не собирались форсировать Карпатский хребет прямым ударом, поскольку это привело бы к очень большим потерям. С.М. Штеменко пишет: «Горы следовало обойти. Эта идея и закладывалась в замысел будущих операций в Карпатах, где предполагалось действовать небольшими силами». 30 июля был воссоздан 4-й Украинский фронт во главе с генерал-полковником И.Е. Петровым. Фронт состоял из двух армий (восемнадцати дивизий). По словам Штеменко, «с людьми и снарядами было не густо... боеприпасов имелось всего 0,2–0,3 боекомплекта. Соотношение сил сложилось тогда в пользу противника: разведка доложила, что перед фронтом в полосе почти 400 км оборонялось десять пехотных немецких дивизий из состава 1-й танковой армии и одиннадцать дивизий 1-й армии венгров. Противник занимал основными силами хорошо укрепленные позиции, в том числе линию Арпада по водоразделу главного хребта Восточных Карпат, перекрывал покрытые лесом перевалы и горные пути. Оборона врага не имела видимых слабину». К тому же следует учитывать и всегдашнюю, а в условиях военного времени особенную, советскую подозрительность. «Настораживала, — по словам Штеменко, — и просьба о сроках действий. Она походила на разведку замыслов советского Верховного Главнокомандования»⁴⁵. Кроме того, ни советскому командованию, ни Загранбюро КПЧ в это время практически вообще ничего не было известно о положении в Словакии: сведения, поступавшие из Лондона и получаемые через Пика, были, во-первых, скудны, во-вторых, требовали проверки и уточнения. Направленные в страну организаторские группы поначалу сообщали лишь о выполнении поставленных перед ними боевых задач. Командующий советской военной авиацией дальнего действия А.Е. Голованов, постоянно соприкасавшийся с руководителем ОМИ ЦК ВКП(б) Г. Димитровым по работе, связанной с заброской людей, средств связи и прочего на территории различных государств, в своих мемуарах пишет, что получал от Димитрова сообщения «о результатах наших боевых действий по глубоким тылам противника». Из Словакии, по словам Голованова, «такая информация отсутствовала». На вопрос, как идут дела в Чехословакии, Димитров ответил, что «там частые провалы, регулярная связь ввиду этого отсутству-

ет, а поэтому и об истинном положении в Чехословакии (речь фактически шла о Словакии. — *В.М.*) судить трудно. Он также сказал, что прилагалось много усилий для налаживания этих связей, посылались связные, рации, однако ощутимых результатов пока нет»⁴⁶. Так что в конце июля 1944 г. договориться о каких-либо конкретных сроках выступления словацких дивизий ни по объективным, ни по субъективным причинам было просто нереально.

Тем временем Пика продолжал выяснять вопрос о поставках в Словакию обещанного советского оружия. Не отказываясь от обещанного, советские органы, как сообщал Пика в Лондон 31 июля, хотели точно знать, «кто получит оружие, подготовлены ли его безопасная приемка и складирование и определены ли точно места, куда его нужно доставить. Советская сторона должна поставить оружие, но хочет иметь уверенность, что оно попадет в надежные руки, а не останется лежать где-нибудь мертвым грузом». Пика рекомендовал, «независимо от получения оружия от СССР, доставить оружие также из Англии. Сегодня этот вопрос срочный, а вооружение никогда не будет лишним»⁴⁷. Чехословацкое МНО в Лондоне действительно в течение июля вело переговоры с англичанами о поставках оружия в Словакию, указывая конкретные его виды и количество (в целом незначительное), а также места, куда оно может быть сброшено. Как сообщал Ингр Пике 26 июля, «англичане готовы этот материал поставить при условии согласия русского правительства» и намерены обратиться к нему по дипломатическим каналам для решения вопроса. Ингр просил Пику выяснить, может ли советское правительство само поставить запрашиваемое у англичан оружие. В случае положительного ответа, писал министр, англичане не будут обращаться к советскому правительству с подобной просьбой. Английский посол в Москве А. Керр такую ноту действительно направил, что, по словам Зорина, вызвало удивление советской стороны, поскольку принципиальное ее согласие на поставку оружия в Словакию было получено. В ответе Керру говорилось, что вопрос советскими органами изучен и что «акция будет осуществлена, как только для этого появятся условия»⁴⁸, что, по сути, было верно.

Итак, представляется, что до августа 1944 г. советские власти, сохраняя в поле зрения ситуацию в Словакии и накапливая сведения о ней, не придавали этому вопросу первостепенного значения, хотя некоторый материал для размышлений и имели. Поскольку конкретных и точных данных ни о положении в стране, ни о настроениях ее населения, ни о готовности двух словацких дивизий участвовать в свержении режима советская сторона не имела, а словесных заверений из Лондона о подготовленности восстания было явно недо-

статочно, Москва испытывала определенные неуверенность и колебания относительно поставок в Словакию обещанного оружия, хотя принципиально готова была оказать помощь назревающему там вооруженному восстанию.

¹ Slovenské národné povstanie. Dokumenty (zost. V. Prečan). Bratislava, 1965. S. 115 (далее: SNPД).

² СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг.: Документы. В 2-х томах. М., 1996. Т. 1. С. 342, 353.

³ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Книга вторая. Декабрь 1943 г. — май 1945 г. М., 1983. С. 39, 42, 44 (далее: ДМИСЧО 4–2).

⁴ Имелась в виду территория, населенная так называемыми волынскими чехами. Они в массовом порядке переселились на земли Волынской губернии Российской империи в 60–70-х гг. XIX в. В 1946–1947 гг. XX в. имела место первая волна их реэмиграции в Чехословакию, с 1991 г. пошла вторая волна.

⁵ Свобода Л. От Бузулука до Праги. М., 1969. С. 249–250.

⁶ ДМИСЧО 4–2. С. 53–55.

⁷ Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.) // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 16–17; ДМИСЧО 4–2. С. 18–20.

⁸ Согласно директиве Генерального Штаба КА от 3 января 1944 г. численность ОВДБ должна была составлять 4282 человека, танкового батальона — 179 человек, запасного батальона — 838 человек (ДМИСЧО 4–2. С. 37).

⁹ В соответствии с Директивой Генштаба КА от 4 июня 1944 г. эскадрилья была переформирована в 1-й отдельный чехословацкий авиационный истребительный полк, располагавший 32 самолетами (Там же. С. 83–84).

¹⁰ Пика полагал, что число офицеров из Англии может быть примерно 150 человек (Там же. С. 38)

¹¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 2. Д. 254. Л. 228–235 (далее: РГАСПИ). Опубликовано: <http://www.9may.ru/unsekrret/m10008435>.

¹² ДМИСЧО 4–2. С. 29–30.

¹³ Benčík A., Richter K. Vražda jménem republiky. Tragický osud generála Heliodora Píky. Praha, 2006. S. 285–286. Первую бригаду Пика, сообщая 3 января 1944 г. С. Ингру в Лондон о ходе формирования чехословацких воинских частей, предполагал оставить в существующем составе на фронте, дополнительно обучив ее «для решения десантных задач» (ДМИСЧО 4–2. С. 38).

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 52.

15 ДМИСЧО 4–2. С. 30 (примечание 4 к документу № 14), 37; Brož M. *Válečné dokumenty vypověďají. Čs. vojenská jednotka v SSSR v dokumentech, exponátech a fotografiích*. Praha, 2005. S. 51, 54.

16 ДМИСЧО 4–2. С. 67–69, 80–81.

17 Софья Александровна Шмераль — жена видного деятеля КПЧ Богумира Шмеряла, скончавшегося в Москве в 1941 г.

18 Фирлингер в беседе с заведующим IV Европейским отделом НКВД В.А. Зориным 14 июля 1944 г. говорил о том, что политическое развитие этих офицеров «сильно отстает от развития солдат», и просил обратить внимание на это обстоятельство, с тем чтобы через советские военные органы «следить за работой этих офицеров, помогать им преодолеть свою политическую отсталость и предостерегать от возможных ошибок» (ДМИСЧО 4–2. С. 88).

19 Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ. Учетно-Архивный отдел КГБ при СМ СССР. Центральный оперативный архив. Ф. К-10с. Оп. 11. Порядок. № 46. Дело 200. Т. 4. Л. 90–98.

20 ЮННРА — Администрация Объединенных Наций для оказания помощи и обновления пострадавших в годы войны стран. Осуществлялись главным образом поставки продовольствия и медикаментов, финансируемые не подвергшимися оккупации странами.

21 ДМИСЧО 4–2. С. 72, 81.

22 Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. *Dokumenty*. Díl 2 (červenec 1943 — březen 1945). Praha, 1999. S. 243–244, 246 (далее: ČSVDJ. D. 2).

23 ДМИСЧО 4–2. С. 75–80.

24 *Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu*. I-1. Praha, 1965. S. 108.

25 Подробнее о реализации Соглашения на территории Подкарпатской Руси см.: Марьяна В.В. *Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг.* Документальный очерк. М., 2003. С. 40 и далее.

26 Benčík A., Richter K. *Vražda jménem republiky*. S. 276.

27 *Ibid.* S. 278; ДМИСЧО 4–2. С. 20.

28 Имелось в виду чехословацкое правительство.

29 Советский Союз и Словацкое национальное восстание 1944 г. Документы из Архива Президента РФ. Предисловие В.В. Марьиной // *Новая и новейшая история*. 1996. № 5. С. 110–111.

30 SNPД. S. 124–125.

31 Советский Союз и Словацкое национальное восстание 1944 г. С. 111–114.

32 Там же. С. 114–116.

33 ДМИСЧО 4–2. С. 64–65.

34 SNPД. S. 168–170.

- 35 ДМИСЧО 4–2. С. 85–86.
- 36 Там же. С. 86.
- 37 Friš E. Povstanie zďaleka i zblízka. Bratislava, 1964. S. 26–29.
- 38 SNPД. S. 220–221.
- 39 Prečan V. Nejdramatičtější epizoda slovenských dějin // Svět historie — historikův svět. Liberec, 2007. S. 467–468; SNPД. S. 256–257.
- 40 Ян Голиан — подполковник, во время Словацкого национального восстания — генерал, в 1943–1944 гг. — начальник штаба так называемой словацкой Быстрой дивизии, действовавшей на советско-германском фронте в 1944 г. — начальник штаба Командования сухопутных войск в Банской Быстрице и глава повстанческого Военного центра.
- 41 Словацкий национальный совет создан в конце 1943 г. как орган подготовки восстания. См. подробнее: Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945 гг. М., 1995. С. 254–258.
- 42 ДМИСЧО 4–2. С. 87–88.
- 43 Там же. С. 93.
- 44 Там же. С. 95–96.
- 45 Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. В 2 кн. М., 1989. Кн. 2. С. 458, 459–460.
- 46 Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная.... М., 2004. С. 467–468.
- 47 ДМИСЧО 4–2. С. 98.
- 48 Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl II. Praha, 1948. S. 111.

Глава 6

СССР и Словацкое национальное восстание: планы и реалии

Словацкое национальное восстание (СНВ) — одна из самых ярких страниц в истории словацкого народа и крупнейшее событие в истории европейского движения Сопротивления периода Второй мировой войны. В течение двух месяцев — с конца августа по конец октября 1944 г. — восставшие части словацкой армии и партизанские отряды сопротивлялись оккупации Словакии нацистскими войсками, а после падения центра восстания города Банска Быстрица ушли в горы, где продолжали сражаться¹. Восстание, может быть, как никакое другое событие в истории словацкого народа привлекло к себе внимание исследователей. Ему посвящены десятки публикаций документов, сотни монографий и, вероятно, тысячи статей, как на родине, так и за границей². Как всякое крупное историческое событие, СНВ сегодня оценивается по-разному, иногда даже диаметрально противоположно. Смена Чехословакией парадигмы общественного развития в конце 1989 г., когда произошла так называемая бархатная или нежная революция, привела к увеличению числа открытых хулителей восстания, которые раньше не выходили за рамки пассивного недовольства официально существующими его оценками. Но одновременно мифы и легенды, которых и прежде было немало, сменялись новыми. Прошлое, по меткому выражению известного чешского историка В. Пречана, большого знатока истории СНВ, «является полем битвы современников, которые свои проблемы рьят в исторические костюмы»³. С этим нельзя не согласиться.

Органической составляющей истории СНВ является отношение к нему СССР. Представляется, что национальная чешская и словацкая историография смогла в основном дать принципиально верный ответ на вопрос об отношении к восстанию советского государственного, политического и военного руководства, принявшего решение об оказании ему помощи. Москва, оценивая события в Словакии через призму своих долговременных (национально-государственных и, тогда, классовых) и моментальных интересов в регионе Центральной Европы, осознала политическое и военное значение восстания и приняла решение об оказании ему помощи. Советским руководством была оценена как возможность влияния СНВ на последующее, благоприятное для СССР, развитие событий

в возрожденной Чехословакии, так и его роль в приближении краха нацистской Германии и выведения из строя ее сателлитов. Уяснив, что в хоре политических голосов, заявивших о своей причастности к подготовке и руководству восстанием, громко звучит голос коммунистов, Москва не сомневалась в необходимости оказания ему и материальной, и политической, и моральной поддержки.

Но и в этой, казалось бы достаточно разработанной, теме есть свои «белые пятна», которые могут быть ликвидированы лишь при введении в научный оборот новых архивных материалов. Это касается, например, участия советских людей в восстании (мало что известно, в частности, о группах, направленных в Словакию по линии специальных, секретных служб), о конкретных заданиях, в том числе и политико-идеологического плана, которые получали люди, переправленные в Словакию Украинским штабом партизанского движения (УШПД) и советским военным командованием. Несомненно, могут быть уточнены данные о поставках Советским Союзом вооружения на повстанческую территорию, а также прояснен вопрос о том, мог ли СССР тогда выполнить все заявки повстанцев. Дополнительного изучения требуют причины трудного хода Карпато-Дуклинской операции Красной Армии (8 сентября — 28 октября 1944 г.)⁴, проводившейся с целью оказания помощи восстанию. Пока еще не известны механизм и мотивация принятия тех или иных решений советскими верхами.

Заметим, что более или менее правильно ответить на вопрос об отношении СССР к Словацкому национальному восстанию можно лишь рассматривая проблему в широком международном контексте того времени. Без этого невозможно понять и объяснить не только важнейшие принимаемые Москвой решения, но и дать ответ на некоторые, казалось бы, частные, но важные с точки зрения исследуемой темы вопросы (например, об отношении советских властей к миссии К. Шмидке, к судьбе и планам Ф. Чатлоша, о чем будет сказано далее, и т. д.). При изучении проблемы исключительно важен и такой ракурс, как взаимоотношения стран антигитлеровской коалиции, прежде всего СССР и Англии, а также отношения Москвы с чехословацким эмигрантским правительством в Лондоне. Они, как было показано выше, шли, с одной стороны, преимущественно по линии укрепления сотрудничества и признания необходимости восстановления Чехословакии, а с другой, характеризовались определенным недоверием и подозрительностью кремлевского руководства к планам президента Э. Бенеша и его военного министра С. Ингра, касавшимся Словакии. Далее, вопрос об отношении СССР к СНВ необходимо рассматривать и в контексте советской политической стратегии

в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в конце войны и происходивших в регионе событий (Варшавское восстание, стремление части политических и военных кругов Румынии и Венгрии выйти из войны на стороне гитлеровской Германии). Нельзя забывать и о том, что внутренние ресурсы для оказания помощи со стороны Советского Союза, ведшего три года тяжелейшую изнурительную войну и напрягавшего все силы для доведения ее до победного конца, были небезграничны. Если говорить о внутренних условиях существования СССР, то не следует забывать и об атмосфере всеобщей подозрительности и недоверия, господствовавшей в стране еще до войны и усилившейся в чрезвычайных условиях военного времени, о том, что все решения принимались, в конечном счете, на самом вер-ху и лично Сталиным. Об этом свидетельствуют и опубликованные в России документы из Архива Президента Российской Федерации, касающиеся отношения СССР к Словацкому национальному восста-нию⁵. Они показывают, что все важнейшие материалы, связанные с определением советских позиций в отношении развития освободи-тельной борьбы в Словакии, докладывались, видимо, как правило, лично И.В. Сталину, без одобрения и согласия которого не решал-ся ни один вопрос, каким бы мелким он ни казался. К сожалению, публикуемые документы не дают возможности отследить реакцию Сталина на поставленные вопросы или представленные материалы. Вполне вероятно, что указания давались в устной форме при личной встрече или по телефону. Лишь на одном документе, от 27 августа 1944 г., направленном Сталину в связи с ожидавшейся оккупацией Словакии вермахтом и возможностью помощи словакам со сторо-ны СССР, размашистым сталинским почерком начертано весомое «Нужно решить».

Вести из Словакии: осмысление ситуации

Исходя из материалов главы 5, покажем реакцию советских властей на события, непосредственно предшествовавшие восста-нию в Словакии, а затем конкретные формы помощи ему со сто-роны Москвы. Прошлое, как известно, имеет «свою правду», ко-торую нельзя рассматривать только с точки зрения сегодняшнего дня, т. е. современного знания о последствиях какого-либо события. Естественно, у советского руководства, решавшего вопрос об отно-шении к СНВ, была «своя правда», которая заставляла соотносить сведения о готовившемся в Словакии выступлении против режима Й. Тисо с большой политикой, которую вел СССР, с его видением по-слевоенного устройства мира и Европы, с его отношением к союзни-

кам в рамках антигитлеровской коалиции, с его уже официально зафиксированной позицией в вопросе восстановления Чехословацкого государства во главе с Э. Бенешем, с тем, что было известно Москве о Варшавском восстании, наконец, с намерениями советского военного командования, имевшего, как известно, свои оперативные планы, изменение которых, без сомнения, требовало определенной ясности относительно событий в Словакии. Все это не позволяло решать вопрос об отношении к событиям в Словакии без всесторонней оценки ситуации. Как показано выше, Москве до августа 1944 г. мало что было известно о ней, поскольку ни советские органы, ни Заграничное бюро КПЧ в Москве не имели связи со Словакией. Только после того, как на ее территории начали действовать направленные из СССР летом 1944 г. организаторские партизанские группы, стали постепенно поступать сведения о положении в стране и настроениях ее населения. Ранее эти данные поступали из Лондона от эмигрантского чехословацкого правительства, которое имело со Словакией более или менее регулярную радиотелеграфную и курьерскую связь, и передавались советским властям либо через посла ЧСР в Москве З. Фирлингера, либо через начальника Чехословацкой военной миссии в СССР генерала Г. Пику. Такой сложный путь получения информации (Словакия — Лондон — Москва) уже сам по себе был источником многих недоразумений.

Положение с решением вопроса о помощи готовившемуся восстанию серьезно изменилось в начале августа 1944 г. после прибытия в СССР двух самолетов из Словакии. С первым прилетели представители словацких военных — подполковника Я. Голиана, возглавлявшего в словацких армейских кругах подготовку восстания, и словацкого военного министра генерала Ф. Чатлоша. Со вторым — представители Словацкого национального совета (СНС) коммунист К. Шмидке и подполковник М. Ферьенчик. Прибытию этих делегаций, как явствует из документов, придавалось большое значение. Они сразу были переправлены в Москву. Сообщение о приземлении 2 августа 1944 г. первого из самолетов нарком государственной безопасности СССР В.Н. Меркулов направил наркому иностранных дел СССР Молотову 6 августа⁶. В нем содержались краткие характеристики прибывших и их задачи. О главе делегации, старшем лейтенанте словацкой армии Я. Корецком, начальнике разведывательного отдела «штаба словацкой армии»⁷, говорилось, что он прибыл по заданию подполковника Голиана, «возглавляющего группу словацких военных, намеренных начать активные действия против немцев, с заданием установить связь с представителями Чехословакии в СССР и советским командованием для координации частей словацкой ар-

мии с советскими войсками против немцев». Капитан «словацкой авиации» Л. Коза, член группы Голиана, организовал по его приказу перелет самолета в СССР. Инженер В. Фрейка, начальник НИИ авиации военного министерства Словакии, назвал себя «представителем ряда районных комитетов народного освобождения Чехословакии, посланным для связи с чехословацким посольством в СССР и советскими властями с целью получения помощи и указаний по дальнейшей работе». Т. Балаж заявил о себе как о представителе «ряда партизанских отрядов, посланном за директивами и помощью к генералу Пике в ответ на его листовку, распространенную переброшенными из Советского Союза словацкими разведчиками». Пятым членом группы был «ротмистр чехословацкого корпуса в СССР Карел Грин, агент НКГБ СССР, переброшенный в мае 1944 г. в Словакию с разведывательными заданиями и для установления в Словакии связи с подпольными организациями»⁸. Далее перечислялись члены экипажа самолета, состоявшего из трех человек.

В сопроводительном письме Меркулова сообщалось о том, что удалось выяснить в результате проведенного его службой (НКГБ) предварительного опроса членов экипажа и пассажиров. По заявлению руководителя полета Я. Корецкого, в группу Голиана входил ряд словацких военных, занимавших ответственные посты в словацкой армии: генерал Малар, командующий участком обороны на Карпатах, в распоряжении которого имелись две пехотные дивизии; генерал Юрех, «ныне отстраненный от командования в армии и занимающий пост начальника научно-исследовательского института военного министерства в Словакии; майор Веселы, начальник штаба дивизии тыла; подполковник Веселы, начальник ремонтной службы армии; подполковник Ферьенчик, начальник ветеринарной службы армии, и «ряд других, якобы давно работавших против немцев». Отмечалось, что «эта группа не связана с какой-либо подпольной гражданской патриотической организацией и партизанами и действует самостоятельно». Такой вывод службы государственной безопасности мог натолкнуть советское руководство на мысль о возможности чисто военного переворота в Словакии, поддержка которого не входила в расчеты Москвы. Затем излагалось содержание конфиденциальной беседы сотрудника НКГБ с Карелом Грином, которое как бы подтверждало сделанный ранее вывод. Его оценка ситуации передавалась так: «в действительности никакой подпольной военной организации, работающей против немцев, в Словакии не было, и словацкие военные активно сотрудничали с ними до последнего времени. В связи с резким ухудшением военного положения Германии, боязнью расплаты за свое сотрудничество с немцами перед Советским Союзом и своим

собственным народом, настроенным, по словам Грина, в подавляющем большинстве просоветски, подполковник Голиан и другие в целях спасти себя и буржуазный строй Словакии решили, создав видимость своей тайной работы против немцев, связаться с советским командованием и при вступлении Красной Армии на территорию Словакии повернуть словацкие войска против немцев... Эти планы словацкой военной верхушки одобряются чехословацким правительством в Лондоне, установившим связь с Голианом через специально посланных курьеров и парашютистов. Группа Голиана ориентируется на Англию и устанавливает контакт с советским командованием лишь под влиянием военной обстановки. Между группой Голиана и подпольными патриотическими организациями в Словакии существует антагонизм, поскольку военные не борются с немцами, не желают сотрудничать с подпольными организациями и оказывать им помощь, стремясь остаться господствующей силой и не допустить вооружения народа». Кстати, все это было преувеличением и не соответствовало действительности: весной 1944 г. сотрудничество Военного центра с СНС было достигнуто, Голиан, хотя и с неохотой, согласился подчиняться распоряжениям Совета, но соперничество между ними сохранялось и далее. Естественно, подобная характеристика, с которой, несомненно, ознакомился не только Молотов, но и советское военное руководство, не могла не усилить и ранее существовавшего недоверия советских властей к намерениям словацкого Военного центра, готовившего восстание в армии.

В сообщении Меркулова перечислялись также документы, которые были посланы Голианом «для личного вручения» генералу Пике, в том числе справка о численном составе словацкой армии, дислокации ее частей по состоянию на 7 июля 1944, характеристика их вооружения, проект ответной телеграммы генералу Ингру (без подписи) об условиях, на которых словацкое командование считает возможным «пропуск» Красной Армии в Словакию (потрясающая наивность, проистекающая, возможно, из гипертрофированного представления о собственной значимости и непонимания ситуации — *В.М.*), перечень требуемой словацким командованием военной помощи от командования Красной Армии (приложены карты), шифры и условные связи, информация о состоянии венгерских войск на 15 июля 1944, описание укреплений линии «Арпад» (Венгрия) с приложением схемы всей линии и отдельного узла круговой обороны, список американских, сербских и французских военнопленных, находившихся в Словакии, схема электрификации Словакии. Документы были, несомненно, важные и представляли большой интерес для советского командования. Молотов с сообщением Меркулова ознакомился 7 ав-

густа 1944 г., о чем на его первой странице есть помета⁹. Направляя самолет «со своими людьми» в СССР, Голиан стремился опередить в этом СНС и военного министра Ф. Чатлоша, которые, по его сведениям, также намеревались установить контакт с советскими властями. О том, что с указанным самолетом в СССР полетит и представитель СНС коммунист К. Шмидке, было договорено заранее, но то ли по недоразумению, то ли специально он не был принят на борт самолета, который улетел без него.

6 августа Пика встретился с пассажирами самолета, прилетевшего 2 августа из Словакии. Однако, согласно его депеше в Лондон, привезенных Я. Корецким материалов он пока не видел, поскольку они были переданы тем сразу после приземления самолета советским генералам, еще не прилетевшим в Москву. Материалы Пика, видимо, получил на следующий день, поскольку 9 августа сообщил Ингру, что 10 августа конкретно обсудит обработанные им материалы с представителем верховного командования Красной Армии, т. е. с Г.С. Жуковым. Пика представил ему обобщающую справку о военно-политической ситуации в Словакии, содержащую сведения о состоянии и размещении немецких и венгерских войск, численности и дислокации частей словацкой армии и партизанских отрядов, а также конкретные предложения о их взаимодействии с частями Красной Армии. Пика просил Жукова изучить эти материалы и «использовать возможность быстрого проникновения Красной Армии [с севера] вглубь Словакии и в тыл немецко-венгерской обороны в Подкарпатской Руси». Он просил также, чтобы части 1-го ЧАК были включены в состав действующей армии, осуществляющей операции на словацком направлении¹⁰.

Второй из вышеупомянутых словацких самолетов с двумя пассажирами (Шмидке и Ферьенчик) и тремя членами экипажа приземлился 4 августа, и уже на следующий день Л.З. Мехлис, член Военного совета 4-го Украинского фронта, сообщил об этом Сталину. «Они привезли с собой много интересных документов. Самолет, на котором они летели, они получили от словацкого военного министра [Ф. Чатлоша]», — значит в записке. Мехлис просил выслать «дуглас» для «отправки этих людей в Москву»¹¹. Просимый самолет, видимо, прилетел немедленно, потому что уже 7 августа прибывший в Москву Шмидке имел первую беседу с генерал-майором Г.М. Славным из Разведывательного управления Генштаба Красной Армии, на которой присутствовали с советской стороны генерал-полковник Кузнецов, предположительно начальник Главного управления контрразведки НКВД СССР («СМЕРШ») и полковник Дьяконов, а со словацкой стороны — М. Ферьенчик. Сталин

получил запись этой беседы¹². 8 августа состоялась вторая встреча Славина и Шмидке, а 10 августа Сталину была представлена докладная записка Славина об обеих беседах с приложенным к ней переводом письма Ф. Чатлоша¹³ и схемой оборонительной линии. В тот же день две докладные записки Славина о беседах со Шмидке были направлены Антоновым Молотову¹⁴.

Теперь советское руководство имело сведения о готовящемся в Словакии восстании, что называется, из первых рук. И главное, оно уяснило, что коммунисты не только активно участвуют в подготовке вооруженного выступления, но и стремятся к его руководству. Шмидке сообщил, что главный вопрос, ради которого он прилетел, это установление контакта с советским Генеральным штабом о координации действий между Красной Армией и словацкой армией против немцев. Шмидке, личность которого удостоверил сотрудник аппарата Г. Димитрова Морозов, привез с собой документы Чатлоша, в которых говорилось, «как лучше сделать, чтобы вся словацкая армия (подчеркнуто. — В.М.) приняла участие в борьбе против немцев». Предположительное количество войск, которые могли бы при этом выступить, по словам Шмидке, составляло 100–120 и даже 150 тысяч человек, что, видимо, было явным преувеличением. Кроме того, в Восточной Словакии действовала «небольшая армия партизан» численностью 600–800 человек. Советские представители интересовались тем, каково влияние сторонников восстания в армии. «Армия всецело в нашем распоряжении», — сказал Шмидке. Относительно ее вооружения прилетевшие заявили, что оно не модернизированное и включает винтовки, легкие и тяжелые пулеметы, минометы, артиллерию. Танков, самолетов и противотанкового оружия армия не имеет. Шмидке полагал, что между планом координирования действий, составленным Военным советом, и планом, предложенным Чатлошем, разницы «почти нет», это — «примерно такой же план». Военный совет обращался с просьбой прислать одного советского офицера в качестве советника словацкой армии. Весьма критически Шмидке отзывался о деятельности парашютистов, которые выбрасываются на территорию Словакии с различными заданиями: эти люди «или ломают себе ноги и то имущество, которое у них имеется, или попадают в руки гестапо и жандармерии, и пользы не приносят». Шмидке просил также ознакомить его с содержанием советско-чехословацкого договора, поскольку, видимо, в Словакии этого документа не было. Помимо этого, он пожелал встретиться с Готвальдом и Димитровым, чтобы проинформировать их о внутривластном положении в стране, с Фирлингером «для информации его о будущем Словакии», и своей семьей, проживавшей в московской гостинице «Люкс»¹⁵.

Во время второй беседы со Шмидке ему был задан ряд вопросов: об обстановке в стране и позициях ее правительственных и военных кругов; о вооруженных силах словацкой армии и их политических настроениях; о силах и намерениях противника (немцев, венгров); о планах словаков и о помощи, которую они хотели бы получить от Красной Армии. Далее излагались ответы Шмидке на эти вопросы. Он рассказал о посещении в конце марта или начале апреля (в действительности это было в мае 1944 г.) ставки Гитлера некоторыми членами словацкого правительства во главе с Тисо для обсуждения создавшегося военного положения. Гитлер, заявив, что он всеми силами будет оборонять Европу и не допустит туда Красную Армию, решил сосредоточить свои силы на юге. На вопрос Тисо, что будет со Словакией, Гитлер якобы ответил, что не сможет оказать ей помощь и что Словакия должна рассчитывать на собственные силы. Тисо заверил Гитлера, что они примут все меры, чтобы не допустить Красную Армию в Словакию и будут защищать свои границы. Такое решение вопроса, по словам Шмидке, оградило Словакию от оккупации ее немцами (напомним, что в марте 1944 г. немцы оккупировали Венгрию) и создало предпосылки для организации всех национальных сил внутри страны. Сам же Тисо будто бы «по возвращении высказал пожелание найти пути для установления связи с Советским Союзом. Отсюда мы (словаки. — *В.М.*) сделали соответствующие выводы и начали проводить мобилизацию, располагая свои основные силы вдоль северных границ, как будто бы занимая оборону... Коммунистам мы разъясняли, что, вступив в армию, они легально получают оружие и смогут спокойно продолжать свою работу среди населения».

Далее Шмидке рассказал об организации СНС и его составе, а также о создании Военного совета. Отметил, что в связи с тем, что Чатлош и командовавший восточнословацкими дивизиями А. Малар высказались за ориентацию Словакии на Советский Союз, их также предполагается ввести в состав Военного совета. Шмидке заверил, что компартия является ведущей партией в стране и ее поддерживает 60–70% населения, что было явным преувеличением. Общее настроение всех кругов, по его словам, за тесный союз с СССР и за обеспечение всех мероприятий, направленных к продвижению Красной Армии. Характеризуя отдельных деятелей словацкой правящей верхушки, Шмидке отметил, что Тисо, проводя внешне линию за продолжение борьбы на стороне Германии, не препятствует сплочению национальных сил против нее и ищет пути к сближению с Советским Союзом. Чатлош, по словам Шмидке, считает, что Словакия должна ориентироваться на СССР, он желает установить

непосредственные связи с руководством Красной Армии, обещает ей всемерную помощь и находится под влиянием компартии. И даже министр внутренних дел словацкого правительства германофил Мах «ориентировку на Советский Союз считает правильной», поскольку «Германия войну проиграла».

Естественно, что все эти характеристики и оценки, данные Шмидке, нуждаются в сопоставлении с другими документами, но они свидетельствуют о представлениях, которые тогда имели место в руководстве Коммунистической партии Словакии (КПС). Очевидно, что Шмидке высказывал не только свои личные соображения и что эти вопросы обсуждались в верхах партии. В частности, что касается сотрудничества с представителями внутривластной оппозиции в это время, видимо, преобладало мнение о его возможности и желательности. Хотя политические планы Чатлоша оценивались как «наивные», но предполагалось использовать его авторитет и влияние в армии. Возможно, Чатлошу были даны какие-то гарантии или, во всяком случае, обещания. Иначе вряд ли он из-под «домашнего ареста», наложенного на него Тисо, бежал бы на повстанческую территорию. Возможно, и советские руководители, как утверждал Чатлош, склонны были воспользоваться его «услугами».

В начале восстания Чатлош добровольно перешел на повстанческую территорию и, по его словам, изъявил желание отправиться в Москву, чтобы предложить свои услуги советскому командованию и содействовать успешному наступлению Красной Армии. Советская версия пленения Чатлоша изложена в письме Н.С.Хрущева на имя Сталина¹⁶. Версия же Чатлоша содержится в его показаниях, собственноручно написанных им в Бутырской тюрьме в Москве¹⁷. В частности, он неоднократно заявлял, что согласно сведениям, переданным ему представителями компартии Словакии, направленный им военный план был утвержден маршалом Жуковым (если такие факты действительно имели место, то, скорее всего, речь шла о Г.С. Жукове, и не об утверждении им плана, а о знакомстве с ним. — В.М.), а политические предложения отвергнуты. Кроме того, Чатлош утверждал, что советское командование якобы согласилось, чтобы он принял на себя руководство повстанческим и партизанским движением. Третий ответ из СССР, по словам Чатлоша, содержал утверждение, что ему будет сообщено о дне выступления, после чего он должен был прибыть в Банску Быстрицу для руководства движением¹⁸. Известными автору советскими документами эти утверждения Чатлоша не подкрепляются, но они косвенно как бы перекликаются с вышеприведенными словами Вышинского. Однако под сильным нажимом Бенеша, т. е. по политическим, а не военным

соображениям, от мысли о каком-либо сотрудничестве со словацкими «квислингами» советские власти, видимо, решили отказаться.

Раскрывая «планы словаков», Шмидке в беседе со Славиным отметил: основная задача состоит в том, чтобы сохранить страну от немецкой оккупации путем внешних обязательств перед Гитлером и созданием видимости подготовки к обороне против Красной Армии. Если все же Германия попытается оккупировать Словакию — всеми силами и средствами оказывать немецким войскам вооруженное сопротивление, используя также партизанские способы борьбы. Шмидке, в частности, опять просил в самом срочном порядке выделить советника для взаимодействия и практической помощи словацкой армии, поставить перед ней конкретные задачи и указать сроки действия, а для ускорения захвата наиболее важных заводов, аэродромов помочь им авиацией. «Никаких просьб о помощи им вооружением и другими видами военного имущества, — писал Славин в своем отчете, — т. Шмидке не поднимал».

Что касается отношения к Бенешу, то по мнению, существующему в Словакии (точнее, среди коммунистов и части их партнеров по СНС. — *В.М.*), как утверждал Шмидке, Бенеш ведет двойную игру — с одной стороны, заключает соглашение с Советским Союзом, с другой стороны, преследуя цель посеять недоверие к Советскому Союзу, обращается с письмом к населению Чехословакии (обращение в переводе на русский язык приложено к документу), советует ему воздержаться от каких-либо активных выступлений и занять выжидательную позицию¹⁹. Относительно будущего Словакии Шмидке заявил, что она «согласна войти в Чехословакию только на федеративных началах». Он высказался также и в отношении чехословацкой правительственной делегации, которая в это время в соответствии с советско-чехословацким соглашением от 8 мая готовилась для отправки на освобожденную Красной Армией территорию Чехословакии: «Таких уполномоченных словаки не примут и они им не нужны, так как для осуществления этих задач создан Национальный комитет (Совет. — *В.М.*) в самой Словакии, который и примет на себя эти функции. По этому вопросу словаками сделано представление Бенешу».

Оригиналы документов (28 листов), доставленных пассажирами приземлившегося в районе г. Чертков словацкого самолета, были направлены генералом армии Антоновым Молотову 11 августа 1944 г.²⁰ Вся эта масса вновь полученных материалов плюс докладная записка Пики подлежали тщательному изучению, проверке и перепроверке, анализу советскими военными и политическими органами. Пребывание Шмидке в Москве вообще старались сохранить

в тайне, как и привезенный им меморандум Чатлоша, хотя, похоже, это являлось тайной Полишинеля: в Лондоне обо всем стало известно сразу. Бенеш через Фирлингера и Пику категорически настаивал на том, чтобы Москва не вступала в переговоры с Чатлошем, поскольку это может иметь нежелательные политические последствия и осложнит советско-чехословацкие отношения. Шмидке, один из руководителей действовавшей в подполье КПС, привезший с собой чрезвычайной важности военные и политические документы, и в Москве сначала находился на конспиративном положении: его поселили в особой служебной квартире, и даже со своим младшим сыном, как пишет Э. Фриш, он встречался тайно в сквере у Кремля. Старший сын, которого готовили к переброске в ближайшее время в Словакию, поселился вместе с отцом. Эту квартиру могла посещать и жена Шмидке, уведомленная о секретной миссии ее мужа. «Наше присутствие в Москве, исходя из серьезных причин военного характера, — докладывал Шмидке на заседании СНС 5 сентября, — сохранялось в тайне, и как только было определено, как включить наше выступление в общий план наступления Красной Армии, стала возможна встреча с чехословацким послом Фирлингером, которого я проинформировал о всех наших военных и политических планах»²¹. Это произошло 26 августа. Но значительно раньше, примерно где-то между 15 и 20 августа, Шмидке встретился с Димитровым, которого информировал о положении в Словакии²², а затем с Готвальдом, Швермой и Копецким²³. Результатом этих встреч явился документ под названием «О некоторых задачах национально-освободительного движения в Словакии», хранящийся в Фонде Димитрова (РГАСПИ). Документ без подписи, имеет гриф «совершенно секретно», датирован 23 августа; есть экземпляры, правленные чернилами, возможно Димитровым. Содержание документа свидетельствует, что он был составлен либо на основании бесед со Шмидке, либо при его участии. Документ, несомненно, несет на себе печать консенсуса, договоренностей Загранбюро КПЧ (ОМИ ЦК ВКП(б)) и Шмидке как представителя нелегального руководства КПС по многим принципиальным вопросам ведения национально-освободительной борьбы в стране и ее будущего. В частности, это касалось отношения к Бенешу и эмигрантскому правительству, деятельности чехословацкой правительственной делегации, функций и роли СНС на освобожденной территории («Руководящим органом словацкой национально-освободительной борьбы и единственным полномочным представителем словацкого народа в стране является Словацкий национальный совет и после освобождения Словакии всесловацкий съезд национальных комитетов... При освобождении Словакии от немецкого и венгерского

ига и после свержения нынешнего братиславского правительства Словацкий национальный совет в согласии с правительственным делегатом возьмет в свои руки все общественное управление по всей территории Словакии», участия армии как целого в восстании, ее взаимодействия с партизанами и т. д. Совершенно исчезло то, несомненно, «лакированное» изображение позиций словацких государственных руководителей (Тисо, Чатлоша) в вопросе об отношении к восстанию и сотрудничеству с Советским Союзом на завершающем этапе войны, свойственное Шмидке сразу по прибытии в Москву²⁴. Не нашло отражения и желание словаков жить в федеративном государстве с чехами: взаимоотношения между ними определялись расплывчатым термином «как равный с равным», позднее, в апреле 1945 г., включенным в так называемую Кошицкую программу²⁵.

Указанный документ скреплен с другим под названием «Некоторые практические мероприятия по организации связи со Словакией». Он тоже датирован 23 августа, имеет гриф «совершенно секретно» и многочисленные пометы синим карандашом (подчеркивание, отчеркивание по краю текста), сделанные, скорее всего, Димитровым. Руководству КПС предписывалось обеспечить регулярную связь с ЦК КПЧ в Москве, чтобы информировать его о положении в Словакии и работе партии; использовать эту связь для того, чтобы радиостанция «За словацкую свободу», вещавшая из Москвы, стала «рупором Словацкого национального совета». «Посылаемым партизанским отрядам, — говорилось в документе, — нами будут даны указания, чтобы они устанавливали связь с партией и национальными комитетами в Словакии и свою работу строили на основе их указаний». Предписывалось также оказывать помощь тем партизанским отрядам, которые будут посланы через Словакию в Чешские области и на Карпатскую Украину. Руководство КПЧ брало на себя обязательство «заботиться о том, чтобы как можно скорее был издан „Краткий курс истории ВКП(б)“ на словацком языке, а также некоторые другие произведения. Газета „Ческословенске листы“ будет регулярно доставляться в Словакию в количестве несколько сот экземпляров каждого номера». ЦК КПЧ намеревался в ближайшее время послать в Словакию своего представителя, в задачу которого входило сотрудничать со словацким руководством, оказывать помощь ему, а также при его содействии установить связь с партией в Чешских областях²⁶. Это лишний раз подтверждает, что Загранбюро КПЧ в Москве до того не имело никаких сведений ни о состоянии национально-освободительного движения в отдельных частях расчлененной Чехословакии, ни о готовившемся в Словакии восстании. Еще 2 августа Я. Шверма в письме к Р. Сланскому в Киев называл

слухи об этом фантастическими и сообщал: «с русскими кругами мы до сих пор не связывались, чтобы узнать их точку зрения по этому вопросу... Собственных сообщений из страны, к сожалению, мы до сих пор никаких не имеем...»²⁷.

Только в середине августа в Москву на имя И.В. Сталина, К. Готвальда и Г. Димитрова стала поступать от Строкача и Сланского из УШПД информация о положении в Словакии, основанная на донесениях командиров партизанских отрядов. 15 августа о росте и перспективах развития партизанского движения в Чехословакии, Венгрии и Румынии, о помощи в этом УШПД Хрущев доложил Сталину²⁸. 19 августа Готвальд получил от Строкача спецсообщение о положении в Чехословакии. В нем говорилось об обострении противоречий между отступающими частями немецкой армии и словацкими войсками: «Словаки-пограничники не пропускают отступающих немцев через свою границу» (3.08.44); «29 июля немецкие гарнизоны, пытавшиеся перейти границу, не были пропущены. Через границу перешли только те немцы, которые сложили оружие» (7.08.44); «Словацкие пограничники совершенно не пропускают немцев» (8.08.44). Отмечалось, что «словацкая армия симпатизирует Красной Армии и ждет того момента, когда она сможет выступить вместе с ней против немецких войск», что «население Чехословакии (точнее, Словакии. — В.М.) с нетерпением ждет прихода Красной Армии», что происходит братание между солдатами и партизанами, что солдаты с оружием в руках переходят на их сторону. Согласно сообщению Величко: «Словацкие войска готовы перейти на сторону советских войск» (7.08.44); «По агентурным данным в словацких воинских частях разучивают советский гимн. Некоторые части имеют красные знамена, лозунги „Да здравствует, Сталин!“» (10.08.44). Величко полагал: «Условия развития словацкого партизанского движения неизмеримы» (8.08.44). Тогда же Величко и Калина информировали УШПД: «Словацкий народ и армия готовы к общему объединению против немецких оккупантов. Руководители словацкой армии просят Вас дать сигнал к общему выступлению. План выступления против немцев составлен, договорились о совместных действиях». В спецсообщении говорилось о провокациях гитлеровцев против партизан: «В Центральной Словакии немцами сброшено под видом партизан несколько групп власовцев, которые грабят население, насилюют женщин. В задачу подобных групп входит дискредитация партизанского движения и озлобление населения против партизан»; «в районе Банской Быстрицы под видом партизан действуют власовцы. Выслали группы для их вылавливания»; «немецкие власти в Словакии за выдачу нашего парашютиста дают 5000 крон»²⁹.

Полученные в Москве материалы свидетельствовали о широком распространении в Словакии прорусских настроений и намерении сопротивляться возможной оккупации³⁰.

Еще в начале августа два направленных из СССР партизанских отряда (Героев Советского Союза Н.А. Прокопюка и В.А. Карасева), перейдя польско-чехословацкую границу, вступили в контакт с некоторыми офицерами двух восточнословацких дивизий. Сразу же, а с 10 августа в массовом порядке отряд Прокопюка стал пополняться добровольцами из солдат и офицеров 2-й словацкой дивизии. Всего в него вступило более 250 человек. Около 450 словацких военнослужащих организовали 4 самостоятельных партизанских отряда, еще 2 (около 100 человек) были созданы местными жителями. Население оказывало партизанам помощь продуктами и одеждой, а генерал Малар приказал с 12 августа обеспечивать партизанские отряды продовольствием словацкой армии³¹. Сведения о деятельности партизанских отрядов и настроениях населения достаточно регулярно в течение августа поступали в Киев (УШПД) и Москву.

Советскому руководству, естественно, нужно было определенное время, чтобы всесторонне проанализировать весьма обширную информацию и уяснить ситуацию в Словакии. Полученные в Москве сведения (от Корецкого, Шмидке, Чатлоша, чехословацкого эмигрантского правительства, от командиров партизанских отрядов и разведывательных групп, действовавших в Словакии) были разнообразны и часто весьма противоречивы. Надо учитывать, что это было время Варшавского восстания, имевшего не только антинацистскую, но и антисоветскую (по замыслу его руководителей) направленность и повлекшего за собой усиление напряженности внутри антигитлеровской коалиции. В этой ситуации советское руководство ни в коем случае не хотело допустить осложнения отношений с Бенешем какими-либо опрометчивыми шагами или решениями. Следует учитывать, что в то же время, не афишируя этого, Москва стремилась содействовать усилению влияния коммунистов в освобождаемой стране. Наконец, следует учитывать, что помощь словацким повстанцам требовала кардинального изменения плана военных операций Красной Армии. Ясно, что принять решение в «словацком вопросе» было не так-то просто. В этом контексте понятна и относительная медлительность советских политических и военных органов в принятии конкретных решений о координации действий Красной Армии с частями словацкой армии. Однако, по словам К. Шмидке, к моменту его встречи с З. Фирлингером 26 августа «все было выяснено относительно того, как включить наше выступление в общий план Красной Армии»³². Было ли здесь упущено время, как считают некоторые ис-

следователи? Думается, что однозначно утвердительного ответа тут дать нельзя. Да и были ли восточнословацкие дивизии практически готовы к такой координации? Видимо, и на этот вопрос пока нельзя ответить решительным «да». Что касается оценки результатов миссий Корецкого и Шмидке в СССР, то, с одной стороны, их можно, вероятно, считать, как это делают некоторые словацкие исследователи, неудачными: ведь главная их задача — окончательная координация действий словацкой и советской армий — не была выполнена, с другой стороны, обе они были, безусловно, успешными с точки зрения содействия уяснению советским руководством ситуации в Словакии и принятию, в конечном счете, решения о помощи восстанию.

25 августа в Москву прибыла сформированная в Лондоне чехословацкая правительственная делегация во главе с социал-демократом Ф. Немецем и его заместителем словацким генералом Р. Виестом, будущим командующим словацкой повстанческой армией. Советское правительство еще в июле 1944 г. дало согласие на прибытие этой делегации в Москву. НКВД подготовил и характеристики на Немеца и Виеста. Генерал, бывший «легионер», в целом характеризовался весьма положительно. Получив в 1938 г. чин генерал-лейтенанта, он вскоре после расчленения Чехословакии тайно эмигрировал во Францию, где, как первый словацкий генерал чехословацкой армии, сформированной в этой стране, командовал дивизией. «Виест, — говорится в характеристике, — неоднократно выступал по радио с разоблачением клики Тисо, Туки, Маха. Он одним из первых выступил по радио против участия Словакии в войне с Советским Союзом. Было опубликовано специальное обращение генерала Виеста к словацким солдатам, в котором он призывал их к активной борьбе против германского фашизма»³³. Правительственная делегация готовилась к переправке на освобожденную территорию страны. 27 августа Фирлингер организовал широкое совещание чехословацких политических и военных деятелей, находившихся в ту пору в Москве. Помимо членов делегации на нем присутствовали Шмидке³⁴, который рассказал о своей миссии и о положении в Словакии, Готвальд, Шверма, Копецкий и Пика. Готвальд сообщил, что, согласно имеющимся у него сведениям (они были получены УШПД от Величко и переданы в Москву³⁵), 25 августа немцы фактически начали оккупацию Словакии и что некоторые словацкие гарнизоны (Брезно, Зволен, Турчански св. Мартин) готовы оказать сопротивление. Решено было обратиться к советскому руководству, чтобы узнать, какова его реакция на создающуюся ситуацию³⁶.

В тот же день, 27 августа Пика сообщил советскому военному командованию, что из Словакии от Голиана получены данные

о возможной оккупации Словакии в ближайшие дни и о принятом Голианом решении оказать сопротивление немецким и венгерским войскам. Это решение было одобрено Бенешем и Ингром, которые тоже просили советское командование поддержать словацкие части со стороны Красной Армии. Именно на этом, направленном Сталину документе, как уже говорилось, короткая резолюция «Нужно решить»³⁷. Видимо, Главнокомандующий хотел поторопить военных, все еще рассматривавших варианты возможных действий советских войск в случае оккупации Словакии немцами и начала там восстания. Не исключено, хотя документальных подтверждений на этот счет нет, что в Генеральном штабе рассматривалась и возможность использовать в военных операциях Красной Армии план, предложенный Чатлошем. Такую мысль допускали ведь также словацкие коммунисты и СНС, которые, считая политический план военного министра абсурдом и нелепостью, полагали, что можно использовать его авторитет для включения в восстание всей словацкой армии, а потом в отношении него действовать по принципу «мавр сделал свое дело, мавр может уйти». Заместитель наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский, по сообщению Фирлингера в Лондон 28 августа 1944 г., подтверждая, что «Советское правительство не имеет намерения защищать предателей», допускал, что «„квислинги“ могут быть на короткое время использованы для определенных целей»³⁸.

В это время в Словакии в соответствии с приказами УШПД и несмотря на несогласие с этим Военного центра и СНС, боявшихся, что таким образом будет преждевременно спровоцирована оккупация Словакии немцами, чрезвычайно активизировалось партизанское движение. Г. Гусак, тогда один из руководителей подпольного руководства КПС и член СНС, в своей обширной информации, подготовленной для Загранбюро КПЧ в феврале 1945 г. (в то время Гусак находился в Москве), так характеризовал ситуацию: «Восстание началось в конце августа, потому что немцы начали оккупацию Словакии, а немцы начали оккупацию, поскольку партизанские группы так усилили свою подрывную деятельность и выступали так агрессивно, что немцы проявили бы большую слабость, если бы не вмешались. Немцы вмешались бы и без этого, вследствие приближения Красной Армии, но это произошло бы гораздо позже и в иной форме... Партизанским группам в июле-августе в Словакии все удавалось так, как нигде в мире: государственный аппарат разложен, армия и жандармерия с нами (готовившими восстание. — В.М.), мы оказываем партизанам всяческую моральную и материальную поддержку, их поддерживает все население, им просто некого бояться... Мы смотрели на это развитие с большими опасениями. Мы видели, что срок начала вос-

стания определяют нам партизаны, а не мы [сами]. Мы возражали против чрезмерной поспешности... Наша позиция квалифицировалась как трусость и слабость... Мы не договорились ни с Величко, ни с другими. Их аппетит возрастал после каждого успеха. Они имели боевые успехи, не имея неприятеля, поскольку словаки против них ничего не предпринимали, а из немцев там были только гражданские лица... Партизанская горячка охватила и наших товарищей: если до того мы удерживали их в рамках, которые не могли повредить [подготовке] восстания (оно готовилось тайно. — *В.М.*), то теперь вдруг все повернулось в сторону партизанских отрядов под советским командованием и оказания им помощи. Наши солдаты и офицеры все уже хотели действовать, партизаны показали пример, они не хотели ждать. По соображениям конспирации нельзя было говорить о том, что готовится [восстание], и [позиция] руководства партии многими ее членами подвергалась критике как оппортунистическая»³⁹.

Оценки коммунистов в СНС и Военного центра в вопросе об отношении к чрезмерной активизации партизанского движения в данной конкретной обстановке совпадали. Это объяснялось еще и тем, что усилилось разложение армии, дезертирство, солдаты и офицеры переходили на сторону партизан. Голиан, по словам Гусака, просил Бенеша или Ингра помочь в урегулировании вопроса о взаимоотношении армии и партизан, но получил примерно такой ответ: «Партизанские акции приветствуются, берите с них пример и вы, об ограничении акций не может быть и речи». Вероятно, по этой причине, а также под давлением коммунистов, которые в принципе поддерживали развитие партизанского движения, Голиан с условием, что не будут предприниматься действия, которые ускорили бы немецкое военное вмешательство, отдал приказ о вооружении партизан с армейских складов. Приказ начал осуществляться с 20 августа⁴⁰, что, естественно, вопреки договоренностям, не могло не привести к дальнейшей активизации действий партизан. В сущности, эти действия и спровоцировали немцев, которые приступили к оккупации страны, а это, в свою очередь, и привело 29 августа к началу Словацкого национального восстания (СНВ). Большая часть словацких гарнизонов в Центральной Словакии поддержала идею восстания, но по разным причинам, по словам Гусака, «подвели запад и восток» страны. В первые же дни оккупации немцы заняли Братиславу и разоружили крупнейший братиславский гарнизон. «Ужасны были и потери на востоке: потери наилучших войск, материалов, территории, путей к советским войскам». Командующий двумя восточнословацкими дивизиями генерал Малар в эти критические дни оказался в Братиславе и не только не помог повстанцам, но и навредил им своим оппор-

тунистическим выступлением по братиславскому радио 30 августа. Замещавший Малара в период его отсутствия полковник В. Тальский получил приказ Голиана выступить, но не выполнил его. В ночь с 30 на 31 августа он перелетел на самолете в штаб армии командующего 1-м Украинским фронтом маршала И.С. Конева. Вместе с самолетом Тальского на Львовском аэродроме приземлились еще 38 самолетов⁴¹, приданных двум указанным дивизиям. Версий причин такого поступка Тальского много. Это и стремление заработать алиби, и желание установить непосредственную связь с советскими войсками, и воспрепятствовать захвату немцами словацкой авиации, и указанное оппортунистическое выступление Малара по радио, считавшего восстание преждевременным, призывавшего население, как и Чатлош, избегать необдуманных действий и подчиняться лишь правительству, и амбициозность высших офицеров словацкой армии, сложные отношения в ее верхах, и слухи о готовившемся немцами разоружении восточнословацких дивизий. Возможно, решение Тальского было продиктовано комплексом всех этих причин. Но как бы там ни было, он бросил вверенные ему командованию дивизии на произвол судьбы, и разгневанный Голиан с полным основанием мог расценивать поступок Тальского как дезертирство и предательство по отношению к руководству восстания.

Помощь повстанцам: расчеты и просчеты

1 сентября, согласно донесению командования 1-го Украинского фронта Сталину, Конев принял Тальского, который заявил ему, что прибыл в связи с оккупацией Словакии немцами и хочет получить указание «о дальнейшей линии поведения словацких войск». Тальский по-прежнему утверждал, что в случае наступления советских войск в западном направлении обе вверенные ему дивизии «могли бы наступать в восточном направлении с целью соединения с Красной Армией». Он заявил, что части 1-й и 2-й словацких дивизий, перегруппировавшись, могут начать наступление в направлении Кросно навстречу советским войскам. Но при этом Тальский сказал, что «на командира 2-й дивизии и ее состав особенно не рассчитывает». В случае, если советские войска не смогут перейти в наступление, то, по мнению Тальского, указанным дивизиям целесообразно «переключиться для партизанских действий». Конев общал Сталину, что фронт в районе Кросно находится в 30–40 км от словацкой границы, и высказал соображение относительно возможных действий: «Для соединения со словацкими частями и партизанским движением, если будет Ваше решение, целесообразно было бы

провести совместную операцию левым флангом 1-го Украинского фронта и правым флангом 4-го Украинского фронта для выхода на словацкую территорию...». К проведению операции, которую, по мнению Конева, можно начать через 7 дней, он считал желательным привлечь и 1-й чехословацкий корпус. Тальскому никаких указаний дано не было⁴². В первых числах сентября он был переправлен на повстанческую территорию.

В тот же день, когда было получено донесение Конева, т. е. 2 сентября, ему за подписью Антонова была направлена директива Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК), в которой Сталин приказывал «подготовить и провести операцию на стыке 1-го и 4-го Украинских фронтов с тем, чтобы ударом из районов Кросно, Санок в общем направлении на Прешов выйти на словацкую границу и соединиться со словацкими войсками». «К проведению операции, — говорилось в директиве, — разрешается привлечь чехословацкий корпус и использовать войска словаков, находящиеся северо-восточнее Прешов, о чем с ними необходимо заблаговременно договориться»⁴³. Но договариваться было уже не с кем. Тальский улетел еще до того, как немцы приступили к разоружению обеих восточнословацких дивизий. Крупнейший исследователь истории СНВ Й. Яблоницкий утверждает, что эта акция не была связана с подготовкой восстания, а явилась результатом событий в Румынии и того, что словацкая армия не выступала достаточно энергично против партизан⁴⁴. 31 августа практически без сопротивления немцы захватили штаб армии в Прешове и все важнейшие коммуникации. При разоружении прешовского гарнизона они расстреляли более 300 словацких офицеров и солдат. В ночь на 1 сентября в г. Бардеев была расстреляна еще одна группа словацких офицеров. Прилетевший в Прешов 31 августа А. Малар был арестован немцами, отправлен в концентрационный лагерь Заксенхаузен в Германии и позже расстрелян⁴⁵. В условиях начавшейся паники, хаоса, колебаний и неуверенности командиров 1-й и 2-й дивизий, не получивших никаких указаний, отсутствия сведений о координации действий с советскими войсками немцам удалось разоружить и расформировать обе дивизии, на которые повстанцы да и командование советских войск возлагали большие надежды. Часть личного состава дивизий была интернирована и отправлена в концлагеря, другая часть перешла на повстанческую территорию, пополнив армейские подразделения, некоторые ушли в горы и присоединились к партизанам, а остальные просто разошлись по домам. Так, согласно отчетам о деятельности упомянутых партизанских отрядов Прокопюка и Карасева, часть солдат и офицеров разоруженных дивизий присоединилась к этим отрядам.

В первой половине сентября на сторону отряда Прокопюка перешло 584 офицера и солдата 1-й словацкой дивизии, которые имели 1 миномет, 47 станковых и ручных пулеметов, 27 автоматов, 471 винтовку и 74 лошади под седлом. «Солдаты и офицеры словацких частей группами и в одиночку уходили в леса и некоторые из них принимались в наше партизанское соединение», — говорилось в отчете о деятельности партизанского соединения им. Александра Невского (В.А. Карасев). В начале сентября в этот отряд прибыли офицеры 1-й словацкой дивизии, 1600 солдат-пехотинцев, 6 батарей горных, противотанковых и иных пушек. Из этих частей в течение двух дней было сформировано 20 боевых партизанских отрядов и Нитранская партизанская бригада⁴⁶.

Но в Москве и в начале сентября еще ничего не было известно о разоружении двух восточнословацких дивизий. Фирлингер и Пика по поручению своего правительства немедленно направили советскому руководству просьбы об оказании помощи повстанцам. Пика держал постоянную связь с советским военным командованием. 31 августа он сообщил Ингру: «...я каждую ночь с 24 до 3 часов устно информирую представителей советского правительства о ситуации и срочных запросах, подтверждая это в письменной форме днем во время новой встречи»⁴⁷. 31 августа Фирлингер и Пика, принятые Вышинским, сообщили ему о ситуации в Словакии и настойчиво просили о помощи повстанцам. Заместитель наркома иностранных дел обещал в тот же день передать это советскому правительству⁴⁸. Чехословацкое правительство в Лондоне всячески стремилось развеять сомнения Москвы относительно целей и характера восстания, подчеркивало его отличие от Варшавского восстания. Так, в беседе с послом СССР при союзных правительствах в Лондоне В.З. Лебедевым государственный министр Г. Рипка заявил, что «в нашем случае не следует опасаться повторения того, что произошло в Варшаве; мы сами позаботимся о том, чтобы этого не случилось». В этом же уверял Лебедева и Бенеш⁴⁹.

НКВД получил записку Готвальда «К событиям в Словакии», а 2 сентября Заграничное бюро КПЧ с одобрения Димитрова направило письмо Молотову с информацией о характере восстания и просьбой об оказании ему незамедлительной помощи⁵⁰. В записке, в частности, говорилось: «Заявление лондонского правительства, что оно руководит этой борьбой, мы считаем бахвальством, объявление Лондоном словацкого национального войска частью чехословацкой армии считаем преждевременным и вредным в политическом и военном отношениях». Коммунисты оспаривали намерение эмигрантского правительства присвоить себе роль организаторов и руково-

дителей восстания и, наоборот, указывали на свои заслуги в этом. В записке подчеркивалось, что в стране «развертывается мощная вооруженная народная война против вторгшихся немецких войск, в которой участвуют партизаны, значительная часть словацкой армии и широкие слои населения» и что «в подготовке вооруженного выступления принимала активное участие компартия, которая имеет сегодня решающее влияние в народе». В письме на имя Молотова указывалось, что решающий характер борьбы — «национальный, словацкий, по своим обстоятельствам она подобна борьбе в Югославии и ведется с целью завоевать словацкую свободу и построить новую Чехословакию, в которой словацкий народ имел бы равноправное положение с чехами». В письме подчеркивалась «срочность быстрого решения вопросов помощи со стороны СССР». И, надо сказать, помощь была оказана немедленно. Верховное Главнокомандование Красной Армии отдало приказ о выделении определенного количества оружия и боеприпасов и о сосредоточении их на наиболее близко расположенных к Словакии прифронтовых аэродромах. Первые партии оружия и боеприпасов были доставлены на словацкий аэродром «Три дуба» уже в ночь с 3 на 4 сентября 1944 г. Во время восстания на территорию Словакии были переправлены 2-я отдельная чехословацкая парашютно-десантная бригада, 1-й чехословацкий авиационный истребительный полк.

Советское командование, основываясь на имевшейся к тому времени весьма противоречивой и недостаточной информации о положении дел в Словакии, изменило свои стратегические планы. До сентября оно не собиралось форсировать Карпатский хребет прямым ударом, поскольку это грозило огромными человеческими и материальными потерями. Горы предполагалось обойти. Успешная Яско-Кишиневская операция КА, начавшаяся 20 августа, давала, по словам Штеменко, «надежду обойти оборону врага в Карпатах по румынской территории», «поставить под удар тыл противника в Карпатах и либо уничтожить, либо вынудить его к отходу. В связи с этим по распоряжению Верховного Главнокомандующего от 26 августа войска 4-го Украинского фронта перешли к обороне»⁵¹. Согласно приказу Ставки, следовало создать «жесткую», «глубоко эшелонированную оборону», «подготовить в полосе фронта не менее трех оборонительных рубежей с общей глубиной 30–40 километров». Но приказ не был выполнен, так как через несколько дней поступила другая директива Ставки ВГ: наступать. Причиной этого стали события в Словакии.

По воспоминаниям Штеменко, Сталин, узнав о начале оккупации Словакии немцами, «приказал Генштабу оказать помощь по-

встанцам и отдать войскам распоряжение о проведении наступательной операции. „Подготовьте директиву товарищу Коневу, — сказал он. — Его фронт достиг больших успехов под Сандомиром и закрепил свое положение. И опыт наступления он имеет немалый“... И.В. Сталин сам переговорил с И.С. Коневым по телефону и велел в ближайшее время сообщить его мнение о помощи словакам силами 1-го Украинского фронта». «В ночь на 2 сентября, когда Генштаб докладывал в Ставке обстановку на фронтах за истекшие сутки, — вспоминал Штеменко, — особый интерес был проявлен к юго-западному направлению и Карпатам. Выслушав доклад, Верховный Главнокомандующий подошел к столу, за которым сидели некоторые члены Политбюро и Государственного Комитета Оборона. Состоялся короткий обмен мнениями о помощи Словацкому национальному восстанию. Помощь эта рассматривалась не только как военная задача, но и как выполнение союзнического долга перед народами Чехословакии, проявление пролетарского интернационализма, международной солидарности трудящихся наших стран⁵². Я не записал точных выражений товарищей, которые тогда в сжатой форме выразили свою позицию, но общий смысл их состоял в том, чтобы помощь оказать как можно скорее. Вместе с тем было ясно, что быстрый успех в Карпатах едва ли возможен и потому прорыв обороны противника будет стоить большой крови. Но иного выхода не было, и Верховный Главнокомандующий тут же приказал Генштабу организовать снабжение повстанцев вооружением и боеприпасами и подготовить директиву 1-му Украинскому фронту о проведении наступательной операции в Карпатах с учетом соображений И.С. Конева»⁵³.

3 сентября Конев представил Сталину план операции по выходу на словацкую границу и соединению со словацкими войсками. Операцию предполагалось начать через 5 дней и уже на пятый день после ее начала преодолеть Карпаты и овладеть г. Прешов. При этом Конев, как и было обещано руководителями восстания и чехословацким правительством, рассчитывал на встречные вспомогательные действия из Словакии: «На третий день операции привлечь для наступления, из района севернее Стропков, 1-ю и 2-ю словацкие дивизии и партизан навстречу наступающим частям 38 армии». 2-ю чехословацкую воздушно-десантную бригаду к началу операции, по обстановке, предполагалось «или выбросить на парашютах в район севернее Стропкова в расположение главных сил словацких дивизий, или посадить на аэродромах». В директиве Генштаба КА Коневу от 4 сентября говорилось, что Сталин утвердил план операции и приказал начать наступление не позднее 8 сентября. В тот же день, 4 сентя-

бря, директиву о проведении наступательной операции по освобождению Словакии получил и командующий 4-м Украинским фронтом генерал-полковник И.Е. Петров. 5 сентября командующий 38-й армией 1-го Украинского фронта генерал-полковник К.С. Москаленко (в состав его армии входил и 1-й ЧАК) подготовил соответствующий приказ о наступательной операции. Конкретные задачи были поставлены и перед чехословацким корпусом, который должен был действовать во втором эшелоне армии⁵⁴.

Восточно-Карпатская операция, которая включала в себя Карпато-Дуклинскую и Карпато-Ужгородскую операции, началась 8 сентября и проходила до 28 октября 1944 г. Основной с точки зрения помощи повстанцам была Карпато-Дуклинская операция, многократно описанная, хотя и по-разному оцениваемая, в научной и мемуарной литературе⁵⁵. Можно утверждать, что этот маловыгодный с военной точки зрения прорыв КА через Карпаты был начат не из военно-стратегического расчета, а по политическим соображениям. Автору неизвестны документы, которые позволили бы определенно ответить на вопрос, знало ли советское командование к этому времени о судьбе двух восточнословацких дивизий. Скорее всего, нет. Тем более, что еще в донесении УШПД о положении в Словакии от 6 сентября говорилось, что 1-я и 2-я словацкие дивизии «настроены против немцев, ждут и готовы к переходу на сторону КА»⁵⁶. Ничего не сообщила о положении дел на востоке Словакии и словацкая военная делегация, прилетавшая 7 сентября в Киев с письмом от Голиана, о чем Хрущев доложил Сталину 8 сентября. Голиан писал, что немцы концентрируют против повстанцев «крупные силы пехоты с тяжелым вооружением, танками и самолетами и что словацкая армия и партизаны своими силами могут удержаться в занимаемых ими районах (Центральной Словакии. — *В.М.*) не более одной недели». Командующий повстанческой армией просил оказать помощь выброской десанта Красной Армии и вооружением. В записке Хрущева говорилось, что ЦК КП(б)У и УШПД могут оказывать восставшим весьма ограниченную помощь⁵⁷. В сообщении, полученном по телефону от представителя Загранбюро КПЧ при УШПД Р. Сланского, который беседовал с членами указанной делегации, тоже не упоминалось о восточнословацких дивизиях⁵⁸. Согласно известным автору документам, Голиан сообщил в Лондон о судьбе этих дивизий лишь 12 сентября, тогда же это сообщение было передано Пике в Москву⁵⁹. Но даже если бы советское командование получило к 8 сентября сообщение о разоружении этих частей словацкой армии, остановить начало операции КА по освобождению территории Словакии было бы трудно, если не невозможно: в ней

были задействованы армии трех, 1-го, 2-го и 4-го, Украинских фронтов, которые уже получили соответствующие директивы Ставки ВГ и приступили к их выполнению.

Карпато-Дуклинская операция проходила тяжело, с большими потерями для Красной Армии и чехословацкого корпуса, и не имела того военного эффекта, на который была рассчитана. Следует учитывать, что руководство вермахта, предусматривавшее возможность использования советскими войсками этого направления для удара по территории Германии, создало в Карпатах мощную оборону, эшелонированную на глубину до 60 км. Здесь было дислоцировано 19 дивизий 1-й немецкой танковой и 1-й венгерской армий, входивших в состав группы армий «Северная Украина». По свидетельству командующего 38-й армией генерал-полковника (впоследствии маршала) К.С. Москаленко, немецкое командование бросило против советских и чехословацких частей 60% войск, противостоявших всему 1-му Украинскому фронту⁶⁰. Немецкие части, державшие оборону узких карпатских перевалов, находились в гораздо более выгодном положении, чем наступавшие советские войска. «Характер местности, — вспоминал Штеменко, — позволял противнику противодействовать каждому шагу наступающих войск относительно малыми силами, тем более, что дорог на подступах к обороне было крайне мало. Маневр — основа войны в горах — был в этих условиях до предела скован и в некоторых случаях исключен совсем. Отсутствие специального снаряжения и опыта действий в горах у наших войск осложняло положение. Подготовка операции проходила по самому сокращенному варианту. По необходимости операция приобретала форму фронтального, лобового натиска, который... в данной обстановке грозил превратиться в кровопролитное прогрызание позиций немецко-фашистских войск»⁶¹. Использовать эффект внезапности и взаимодействия со словацкими частями, который мог обеспечить успех фронтального удара, не удалось. Кроме того, как оказалось, у советских войск тогда не имелось достаточных материальных средств для наступления, которое готовилось в спешке. Попытка создать перелом в ходе сражения за счет ввода в бой танкового и кавалерийского корпусов, а также 1-го ЧАК не удалась: «Ни кавалерия, ни танки не смогли в горах обогнать пехоту. Они шли вместе с ней длинной колонной по одной дороге, не были в состоянии совершить какой-либо маневр, очень растянулись и находились под воздействием сильного флангового огня противника»⁶².

И все же в результате упорных боев 10 и 11 сентября советским войскам удалось прорвать оборону противника на узком участке фронта шириной в 1,5–2 км. В эту брешь и решено было ввести кон-

ницу, чтобы расширить прорыв. За сутки она продвинулась на 20 км и разведка кавкорпуса вышла на территорию Словакии. Однако немцам удалось 14 сентября закрыть коридор и отрезать кавалерию от главных сил наступавших. Небольшие запасы боеприпасов, продовольствия и фуража были исчерпаны, снабжение кавалеристов, сражавшихся в окружении в горах, пришлось организовывать по воздуху. Потери оказались огромными. Сильно пострадал и 1-й ЧАК. В связи с этим Конев в ночь с 9 на 10 сентября сместил Я. Кратохвила как не справившегося с командованием корпуса и назначил на его место Л. Свободу. Споры среди историков относительно того, насколько справедливо и правильно было это решение, идут до сих пор. Неясными остаются многие вопросы. Не принял ли это решение Конев, отличавшийся крутым нравом, сгоряча? Ведь, корпус действовал в составе 38 армии, тоже понесшей огромные потери. Не старался ли Конев отвести от себя гнев Сталина за неудачное введение в сражение чехословацкого корпуса, переложив ответственность на Кратохвила? Известно, что Сталин старался уберечь корпус от излишних потерь, стремясь сохранить его как основу будущей чехословацкой армии и опасаясь, кроме всего прочего, и неблагоприятного международного резонанса. Не были ли неудачные действия корпуса лишь предлогом для принятия Коневым чисто политического решения? Не секрет, что советское руководство и военное командование предпочитали видеть в должности командующего корпусом более опытного в военном отношении и более надежного в политическом смысле Л. Свободу, а Кратохвил был ставленником Лондона. Не должен ли был Конев в создавшейся ситуации решать вопрос о смещении командующего корпусом с Пикой, на которого в тот момент были возложены обязанности главнокомандующего чехословацких войск в СССР? Очевидно, согласно советско-чехословацким военным договоренностям, он должен был это сделать, но, возможно, в пылу сражения не подумал об этом, а может быть, на согласование просто не было времени или он считал себя вправе так поступить, как непосредственный исполнитель военной операции. Каковы были состояние неполного корпуса и его готовность к столь сложной операции? Дело в том, что ни боевая подготовка личного состава его 1-й и 3-й бригад, состоявших в значительной степени из недавно мобилизованных волынских чехов, ни их вооруженность, ни подготовка офицерского корпуса не находились тогда еще на должном уровне. Наконец, возможно, действительно Кратохвил не справился с возложенной на него задачей и, имея командный пункт далеко в тылу, не смог эффективно управлять корпусом? Кратохвил ведь и не отрицал, что совершил много ошибок, что «пострадал» за дело, а Пика старал-

ся «спустить инцидент на тормозах» и не советовал правительству в данном случае заниматься «выяснением отношений» и конфликтовать с Москвой: главным было освобождение Чехословакии. Так или иначе, но пока получить вразумительного ответа на все эти вопросы историкам-профессионалам не удастся, да и вряд ли удастся.

3 октября Пика сообщил Г.С. Жукову, что министр национальной обороны Я. Масарик (незадолго до этого он сменил С. Ингра на этом посту) назначил Л. Свободу командующим чехословацкого армейского корпуса в СССР, а генерал Кратохвил остается в распоряжении Чехословацкой военной миссии в СССР. Важно еще отметить вот что: в письме Ингру от 3 октября Пика констатировал: «...генерал Кратохвил передал командование генералу Свободе, который отказывался его принять, ссылаясь на конституционные формальности (что может быть назначен лишь президентом республики). По рекомендации генерала Кратохвила он командование принял». Согласно донесению Кратохвила военной миссии сразу после его смещения, он не снимал с себя ответственности за неудачи корпуса: «Я был смещен, поскольку не организовал бой. Некоторые командиры не выполнили своих задач. На своем месте оказался генерал Свобода. Я не делаю никого особо ответственным. Я был командующим, и поэтому [за все] ответственным». Штаб Главного командования чехословацкими вооруженными силами, проанализировавший в феврале 1945 г. действия 1-го ЧАК в начале Карпато-Дуклинской операции, пришел к выводу о серьезных ошибках, допущенных его командованием⁶³. С.М. Штеменко на основании беседы с Коневым осенью 1971 г. — тогда они оба были приглашены в гости к президенту ЧССР Л. Свободе — утверждал: Кратохвил не справился с возложенными на него задачами, «он отсиживался на тыловых позициях и злоупотреблял привезенным с собой британским виски, в то время как солдаты и офицеры его корпуса штурмовали в Карпатах с большими потерями оборону сильного и упорного врага. Поэтому Конев отстранил тогда Кратохвила от командования корпусом и вместо него назначил генерала Свободу, а после того доложил И.В. Сталину. Верховный Главнокомандующий одобрил решение командующего фронтом, но по поводу отстранения Кратохвила от должности сказал, что дело имеем в данном случае с иностранцем, командиром войск другой, хотя и союзной нам страны, а посему отстранение Кратохвила и новое назначение Л. Свободы требуется оформить и юридически. Это и было сделано вскоре после переговоров с правительством Чехословакии»⁶⁴.

Еще в ходе операции, 27 сентября, причины ее неудач были проанализированы и доложены Сталину и маршалу Г.К. Жукову.

Подписавшие документ командующий 1-м Украинским фронтом маршал И.С. Конев, начальник штаба фронта В.Д. Соколовский и член военного совета фронта К.В. Крайнюков видели эти причины в следующем: не оправдавшиеся расчеты на взаимодействие с двумя восточнословацкими дивизиями, которые были разоружены немцами в конце августа («Выход на границу Словакии [38-й армии] был выполнен, но обстановка в Восточной Словакии ко времени выхода наших войск на границу резко изменилась. Словацкие дивизии рассыпались»); неподготовленность личного состава к ведению наступательных действий в горах; отсутствие достаточных материальных средств для ведения наступления, особенно танков и тяжелых орудий; малочисленность пехоты («операцию 38-я армия начала при укомплектованности дивизии 4,5– 5 тысяч»); нехватка танков («привлеченные для операции три танковых корпуса, в среднем по 60 танков на корпус, были укомплектованы почти исключительно ремонтными танками, которые в условиях гор быстро выбывали из строя и разбивались огнем противника. Потери в танках около 150 штук»); упорное сопротивление сил вермахта, использовавших преимущество обороны в горно-лесистой местности и превративших каждую вершину в неприступную крепость. В донесении Сталину и Жукову сообщалось, что в ходе операции до конца сентября 38-я армия потеряла 20 тысяч человек. Командование фронтом полагало, что операция либо должна быть прекращена, либо продолжена при условии выделения необходимых армии сил и средств. Вместе с тем оно считало, что «проводимая операция оттянула у противника все силы со Словакии, которые он бросил для подавления повстанческого движения, что дало время и возможности повстанческому движению в Средней Словакии организационно окрепнуть и собрать силы для дальнейшего сопротивления немцам»⁶⁵. К причинам неудачного хода Карпато-Дуклинской операции в сентябре 1944 г. следовало бы добавить еще следующие: усталость советских войск 1-го и 4-го Украинских фронтов, только что завершивших длительную наступательную операцию на Львовско-Сандомирском направлении и нуждавшихся в отдыхе и организации тылов; ужасные погодные условия; ошибки командования 1-го ЧАК, о чем в донесении ничего не говорилось; неэффективное использование в качестве пехоты 2-й (парашютно-десантной) бригады, по сути элитного, хорошо обученного подразделения чехословацкого корпуса, что привело к сильному ослаблению бригады и запаздыванию с ее отправкой на помощь СНВ.

Операция 38-й армии, получившей подкрепление в живой силе и технике, по решению Ставки ВГК была продолжена. 6 октября 1944 г.

части Красной Армии и 1-й ЧАК овладели Дукельским перевалом и вступили на территорию Словакии. В тот же день командующий корпусом Л. Свобода направил по этому случаю приветственно-поздравительные телеграммы И.В. Сталину, Э. Бенешу и И.С. Коневу⁶⁶. В ходе Восточно-Карпатской операции советские войска потеряли 126,2 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, или 34,1% личного состава, имевшегося к началу операции⁶⁷. Потери советских войск в Карпато-Дуклинской операции составили 21 тысячу убитых и 63 тысячи раненых, а 1-го чехословацкого корпуса — 1844 убитых и 4700 раненых⁶⁸, т. е. около половины его личного состава. В связи с огромными потерями в историографии конца XX века вообще была поставлена под вопрос значимость Карпато-Дуклинской операции с точки зрения помощи СНВ. Однако серьезные исследователи проблемы не согласились с этим. Вот, в частности, мнение чешских военных историков А. Бенчика и К. Рихтера: «...было бы весьма досадно (trápne), если бы с нашей стороны прозвучали по адресу советского командования упреки в том, что операция была не нужна и что из наших представителей о ней, собственно, никто не просил. Это неправда. На помощь советской армии, т. е. на ее вступление на территорию Словакии в ходе наступательных операций, рассчитывали [разработчики] обоих вариантов военного плана восстания, одобренных Словацким национальным советом и лондонским МНО... Когда стала известна правда о положении двух словацких дивизий, операция уже готовилась. Сталин ее не отменил, и Пика тоже об отмене не просил, поскольку ее проведение без взаимодействия со словацкими дивизиями было, хотя и затруднено, но, несмотря на это, все же целесообразно. Неуместно также упрекать чехословацкое командование в том, что оно допустило участие наших воинов в этой операции, хотя корпус, состоявший в большей части из недостаточно обученных новобранцев с Волыни, не был достаточно подготовлен к таким тяжелым боям... И хотя корпус еще не был приведен в состояние окончательной боеготовности, с моральной и политической точек зрения было немыслимо оставить его не у дел, когда речь шла об операции, предпринятой по нашей просьбе и в наших интересах.

Несмотря на то что по ряду причин не удалось выполнить поставленную задачу, операция не может расцениваться как ненужная. Она оттянула на себя значительные немецкие силы, что чрезвычайно облегчило положение на повстанческом фронте. Она привела к серьезным немецким потерям в людях и материалах. Она серьезно нарушила связь между немецкими армиями, сражавшимися на польской территории, и оборонявшимися против советских войск в Венгрии. Она разрушила немецкий тыл. Она привела к потере

немцами значительных территорий, тем самым ухудшив в целом положение немецких войск на восточном фронте. Она дала возможность чехословацкому корпусу в бою завоевать право вступить на родную землю и создала условия для дальнейшего освобождения чехословацкой территории. Правда, что результаты наступления в Карпатах, которое, несмотря на все трудности, следует оценивать как победу, были оплачены чувствительными потерями. И все же злонамеренной наивностью было бы приписывать советскому командованию намерение умышленно использовать чехословацкий корпус в Карпатах таким образом, чтобы обескровить его. Хотя нет желания говорить о Сталине в розовых тонах, но приписывать ему подобные глупости нельзя. У него не было мотива избавляться от чехословацкого корпуса, который не доставлял ему никаких политических трудностей». «Вопреки всем недостаткам, — делают вывод чешские историки, — участие чехословацких воинов в боях за карпатские гребни является достойным вкладом в дорого оплаченную победу и по праву может оцениваться через призму героических боевых традиций чехословацкой, а ныне чешской армии»⁶⁹. Соглашаясь выводами чешских историков, можно добавить следующее: значение Карпато-Дуклинской операции, помимо указанного, состояло еще и в том, что она несла в себе огромный моральный заряд, вселяя в сражавшихся словацких патриотов веру в идущую с Востока помощь. Для Советского Союза переход Красной Армии за Карпаты означал его выход в Центральную Европу, превращение СССР в решающий фактор международных отношений в данном регионе.

Что касается зарубежной помощи СНВ, то Советский Союз практически был единственной страной, оказывавшей в меру своих возможностей такую помощь. Просьбы чехословацкого правительства к Англии, как до, так и в ходе восстания, о его поддержке по существу не были удовлетворены. В инструкции Форин Офис британскому послу в Москве обозначался определяющий принцип британской позиции в отношении СНВ: «...мы должны в вопросе словацкого восстания оставить инициативу за Россией». Москва же продолжала игнорировать запросы англичан, касавшиеся ее отношения к вооруженному восстанию в Словакии и, по мнению В. Пречана, тем самым вынуждала их «к совершенному бездействию»⁷⁰. Но, как представляется, англичане и не собирались серьезно «действовать», оставляя это право за СССР, армия которого стояла «у ворот Словакии», и не желая дальнейшего напряжения отношений с Москвой, уже весьма осложненных из-за Варшавского восстания.

Насколько эффективна и достаточна была советская материальная помощь СНВ? В исследованиях последних лет нет одно-

значно положительного или отрицательного ответа на этот вопрос. Да, видимо, пока и не может быть, поскольку сводных сведения о ней, этой помощи, не существует. Они довольно скудны, неполны, основаны на разрозненных данных, а также заявлениях тогдашних политических и военных деятелей⁷¹. Не претендует на окончательность суждений и автор, для которого не подлежит сомнению лишь то, что СССР оказывал повстанцам всю помощь, какую мог предоставить в тех конкретных условиях. Теперь по существу. В начале сентября Конев направил в Словакию своих офицеров связи во главе с майором И.И. Скрипкой-Студенским, которые и информировали Москву о просьбах командования повстанческой армии относительно материальной помощи восстанию. Из известных автору документов следует, что соответствующими военными властями, как правило, немедленно отдавались распоряжения о выполнении заявок повстанцев на поставку им вооружения и медикаментов. Распоряжения, если не было каких-либо объективных препятствий (частое явление осени — ненастная и, следовательно, нелетная погода, техническая неготовность или отсутствие в достаточном количестве военно-транспортной авиации и т. д.), также выполнялись оперативно⁷², за что Пика (в том числе и от имени Голиана), Бенеш, Ингр неоднократно благодарили советское руководство⁷³. Но документы свидетельствуют также, что выполнялись не все заявки повстанцев, как по ассортименту, так и по количеству. Красная Армия в это время вела наступление по всем фронтам от Северного до Черного моря, и оружия попросту не хватало, как не было его в достатке и у прорывавшихся через карпатские перевалы советских войск. Так, например, в справке от 9 сентября 1944 г. о сбросе вооружения и боеприпасов на аэродром «Три дуба», выполненном 85 самолетами, приводились такие данные: автоматов 480 (из 1000 по заявке), противотанковых ружей — 136 (из 300), пулеметов ДШК — 5 (из 50), ручных пулеметов — 110 (из 300), станковых пулеметов — 48 (из 100), тол — 1096 кг (вместо 1000) и по 3 боекомплекта к каждому виду вооружения⁷⁴. Словацкий национальный совет сообщал в Лондон 20 сентября: «Советская помощь оказывается, но не в той мере, которая существенно улучшила бы нашу ситуацию»⁷⁵. В то же время Голиан доносил Ингру: «У нас 50 тысяч невооруженных солдат, не хватает оружия»⁷⁶. В связи с непрерывными просьбами командования повстанческой армии об оказании ей быстрой и действенной помощи со стороны союзников Бенеш уже в конце октября, т. е. накануне падения Банской Быстрицы, обратился с аналогичной просьбой к Сталину. Помощь, которую мы до сих пор получили, констатировал Бенеш, хотя и значительная, но не может даже прибли-

зительно покрыть наши потребности ⁷⁷. В справке главного командования чехословацких вооруженных сил о событиях в Словакии в августе-октябре 1944 г., составленной для Бенеша 10 ноября 1944 г., говорилось, что ситуация с вооружением, несмотря на относительно большие поставки из СССР, накануне решающих боев существенно не улучшилась, что армия не имела танков, самолетов, противотанковых и зенитных орудий, не хватало автоматов, взрывчатки, колючей проволоки, медикаментов. Было подсчитано, что доставленный материал составлял (по весу) примерно одну пятую необходимого. При этом подчеркивалось, что результаты действий советской авиации, учитывая неблагоприятные погодные условия в Карпатах, следует «оценивать как достойные уважения» ⁷⁸. Необходимо иметь в виду еще и то, что советские военно-транспортные самолеты того времени имели небольшую грузоподъемность (примерно 2 тонны). Это требовало привлечения к перевозкам значительного количества самолетов и увеличения числа совершаемых ими рейсов к повстанцам, что не всегда удавалось ⁷⁹.

Следует также сказать, что не все виды оружия годились для повстанцев: солдаты словацкой армии не умели пользоваться некоторыми из них ⁸⁰. Это тоже осложняло выполнение заявок. Среди сброшенного оружия было много трофейного немецкого, с которым словацкая армия была хорошо знакома ⁸¹. При сбрасывании оружия, по словам Пики, одна треть его получала повреждения и не могла быть использована. Много оружия попадало в труднодоступные места в горах, где его поиск был затруднен, и оно не находило адресата ⁸². Так, например, отвечавший за поставку оружия в Словакию генерал-майор А. Белянов решительно был не согласен со сведениями, поступившими (через Пику) от главнокомандующего чехословацкими войсками в Словакии о принятом в ночь на 6 сентября на аэродроме «Три дуба» оружии. Помета от руки на документе гласила: «Эти данные не все. Сброшено очень много. А.Б.». И конкретно: зенитных пулемета — не 2, а 4; легких пулеметов — не 15, а 30; противотанковых ружей — не 12, а 72 и т. д. Указание Белянова было таково: «Скажите Пике, что сброшено гораздо больше, вернее, во много раз больше в ночь на шестое» ⁸³.

В начале декабря 1944 г. начальник специального отдела НКО СССР генерал-майор Бедняков направил Белянову перечень вооружения и боеприпасов, посланных в Чехословакию (скорее всего — в Словакию) за период с 5 сентября по 29 ноября 1944 г. В нем рядом с цифрами, сообщенными Бедняковым, карандашом (возможно, Беляновым) проставлены другие, а именно: винтовки калибра 7,92 — 2050 (2050), ручные пулеметы — 399 (515), автоматы — 1702 (2152),

станковые пулеметы — 42 (90), противотанковые ружья — 120 (256), пулеметы ДШК — 20 (24), минометы 81 и 82 мм — 5 (9)⁸⁴. Насколько полны приведенные данные, автору неизвестно: документы содержат на этот счет очень противоречивые сведения. И все же, видимо, можно согласиться с мнением, что Советский Союз тогда не был технически готов, т. е. не имел достаточного количества военно-транспортной авиации и вооружения, чтобы обеспечить запросы повстанцев, но по политическим соображениям не поощрял осуществление таких поставок в Словакию Англией и США⁸⁵. Хотя и в этом вопросе имела место эволюция советской позиции в сторону ее смягчения. 26 октября Фирлингер сообщал в Лондон: «что касается помощи со стороны других союзников, то... я еще раньше сообщал, что против поставки оружия в Словакию и против иной действенной помощи сражающейся Словакии здесь никаких возражений не будет»⁸⁶. Однако никаких официальных заявлений советской стороной на этот счет сделано не было. По данным словацкого исследователя Д. Галая, всего из СССР повстанцам было направлено 639 тонн военных материалов (по другим данным — 365 тонн) и примерно 2 тысячи человек⁸⁷. «Советы сделали для Словакии все, что было в их силах»⁸⁸, — телеграфировал Фирлингер Масарику 8 октября. И это было правдой. Англичане ограничились одноразовой поставкой повстанцам медикаментов. Тем же самолетом 18 сентября в Словакию прилетела британская военная миссия. Дважды приземлявшиеся (17 сентября и 7 октября) на аэродром «Три дуба» с целью эвакуации оказавшихся на территории Словакии американских летчиков американские самолеты доставили в Словакию 24 тонны военных материалов и медикаментов, в том числе 100 автоматов, 90 легких пулеметов, 160 базук (переносных противотанковых ракетных комплексов) и 7 ящиков взрывчатки. Кроме того, английская авиация совершила не принесший успеха налет на некоторые немецкие аэродромы в Словакии, а американские самолеты несколько раз бомбили железнодорожные станции и аэродромы⁸⁹.

Советская военно-транспортная авиация не только перевозила оружие в Словакию, но и вывозила оттуда тяжелораненых, чтобы разместить их в советских госпиталях⁹⁰. 16 октября из Словакии были эвакуированы жены и дети видных деятелей восстания, а также доставлены «для сдачи на хранение в Госбанк СССР валюта и ценности, переданные Словацким национальным советом»⁹¹. Доставка оружия и других материалов в Словакию находилась, по свидетельству командующего авиацией дальнего действия (АДД) А.Е. Голованова (будущего Главного маршала авиации), под личным контролем Сталина, которому непосредственно направлялись специальные донесения по этому вопросу⁹². На АДД была возложена

и задача переброски (17–21 сентября) в Словакию 2-й парашютно-десантной чехословацкой бригады. Однако сроки не были выполнены. Бригада, измотанная участием в боях за карпатские перевалы, нуждалась в отдыхе, пополнении⁹³ и довооружении. Поэтому начало ее переброски, которая происходила в несколько приемов, затянулось⁹⁴. 8 октября штаб 1-го Украинского фронта сообщал, что из состава 2-й бригады на аэродром «Три дуба» в ночь на 27 сентября, 7 и 8 октября 105 самолетами переброшено 708 человек и 104,5 т грузов. Сообщалось также, что в течение 7 и 8 октября на тот же аэродром доставлены члены чехословацкого правительства (чехословацкой правительственной делегации), генерал-лейтенант Виест со штабом и генерал-лейтенант Нижборский⁹⁵. Всего же с 27 сентября по 24 октября в Словакию были переброшены 1928 военнослужащих бригады и 303,6 т грузов. В операции участвовало 337 самолетов, 249 из которых выполнили задание, а 88 вернулись на базы из-за плохих метеоусловий⁹⁶. По словам Голованова, прием людей и грузов на аэродроме «Три дуба», находившемся под неустанным контролем немецкой авиации, проходил так: «Наши корабли приходили на аэродром волнами по 15–20 самолетов (ночью. — В.М.). Как правило, они разгружались, не выключая моторов. С помощью словацких товарищей были созданы группы по разгрузке прибывающих самолетов, вместе с экипажем корабля они быстро разгружали самолет, который сейчас же улетал, а на его месте появлялся другой самолет»⁹⁷. Немецкие истребители, базировавшиеся на аэродроме в Попраде, стремились перехватить советские транспорты и не допустить их разгрузку, что, видимо, удавалось сделать. Какой урон был нанесен советской авиации, автору неизвестно. Голованов, говоря об этом, употребляет выражение «определенный урон»⁹⁸. По некоторым данным, было сбито или потерпело аварию при взлетах 17 самолетов, погибло 74 советских летчика и 80 пассажиров⁹⁹.

Тем временем Украинский штаб партизанского движения переправлял в Словакию новые партизанские отряды, которые во время восстания численно очень выросли. На 26 сентября, согласно сообщению Хрущева Сталину, «на территорию Чехо-Словакии переброшено на самолетах 15 организаторских партизанских отрядов, общей численностью 215 человек, и более 30 тонн грузов вооружения и боеприпасов. Кроме того, для усиления руководства партизанскими отрядами направлено 12 офицеров Украинского штаба партизанского движения»¹⁰⁰. В конце сентября в Словакию прибыл представитель УШПД полковник А.Н. Асмолов, ставший заместителем Шмидке в словацком Главном штабе партизанского движения (ГШПД). Немецкое кольцо вокруг центра словацкого

восстания г. Банска Быстрица неуклонно сжималось. Командование повстанческой армии, по мнению словацких коммунистов и СНС, действовало недостаточно эффективно, поэтому они просили, чтобы ее возглавили опытные советские офицеры. «Их просьбу мы вежливо отклонили, — писал Хрущев Сталину. — Неумение штаба Гольяна руководить войсками, разложение солдатских масс и трупов офицеров, бездействие и выжидание скорого прихода Красной Армии создали явную угрозу подавления народного движения Чехо-Словакии»¹⁰¹. Насколько это утверждение было правдой, судить трудно. Во всяком случае, о подобных настроениях и положении в словацкой армии в октябре говорилось и в других документах, в том числе в донесениях штаба 1-го Украинского фронта¹⁰², докладной записке военного корреспондента газеты «Комсомольская правда» на повстанческой территории С. Крушинского (октябрь 1944 г.)¹⁰³, в справке В. Пржикрыла, который был особенно критичен, о боевых действиях 2-й воздушно-десантной бригады (февраль 1945 г.)¹⁰⁴ и др. Однако существовали и другие мнения о боевых качествах повстанческой армии. Так, заместитель начальника политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майор Усов доносил начальнику ГлавПУ РККА 22 октября: «За время боев с немецкими оккупантами повстанческая словацкая армия значительно окрепла в организационном отношении, улучшилось руководство армией. Политическое настроение повстанцев и партизан, подавляющего большинства их, хорошее, боевой дух высокий. Солдаты и офицеры сильно ненавидят немцев и горят желанием поскорее очистить свою страну от немецких оккупантов с помощью Красной Армии, которую они ждут с нетерпением»¹⁰⁵. Высокого мнения о боевых качествах повстанческой армии был и назначенный в конце сентября командовать немецкими оккупационными силами генерал Хефле, который утверждал: «Повстанческая армия генерала Виеста и начальника его генерального штаба Голиана до самого конца сражалась доблестно — в интересах исторической правды я должен констатировать [это] к их чести, как командующий тогда неприятельскими силами»¹⁰⁶. У повстанческой армии, безусловно, имелись свои проблемы: не хватало оружия, было мало способных и опытных офицеров, значительную часть личного состава представляли плохо обученные и призванные по мобилизации резервисты. Кроме того, командование армии постоянно «лихорадило» от двойного подчинения. Вынужденное выполнять приказы СНС и Лондона, оно лавировало, колебалось, что, естественно, влияло на настроения и поведение офицерского корпуса.

И еще: ни к началу СНС, ни в его ходе не удалось достичь сопряженности действий армии и партизан. Это не могло не сказаться

на ходе восстания, ослабляя надежды на его благоприятный исход. С самого начала Лондон и руководство повстанческой армии считали необходимым установить единое командование и подчинить ему партизанские отряды. С точки зрения военных успехов восстания, то есть главного в ту пору, сделать это было необходимо, но коммунисты не могли пойти на это из политических соображений, опасаясь остаться без «собственных» вооруженных сил. Партизанское движение, по словам Гусака, «считалось армией партии, коммунистической армией», противостоявшей «буржуазно ориентированной» регулярной армии и ее командованию¹⁰⁷. Созданный для координации действий армии и партизан орган — Совет обороны Словакии на практике оказался неэффективным, став местом дискуссий и обсуждений жалоб сторон. Р. Виест, назначенный 7 октября командующим повстанческой армией, также пытался организовать единое военное командование обеими вооруженными силами восстания. По пути в Словакию он побывал в штабе командующего 1-м Украинским фронтом, с которым обсудил этот вопрос и, видимо, убедил Конева в правильности своей позиции. Поэтому не удивительно, что именно 7 октября тот издал приказ об оперативном и политическом подчинении партизанских отрядов, действовавших в Центральной Словакии, в котором говорилось: «В целях объединения усилий всех вооруженных сил Средней Словакии для борьбы с немецкими захватчиками приказываю: Первое. В оперативном отношении партизанским бригадам и отрядам войти в оперативное подчинение Командующего Первой словацкой армией генерал-лейтенанта Виеста. Второе. По вопросам организационного и политического руководства выполнять указания оперативной группы Штаба партизанского движения полковника Асмолова, который будет получать в этой части указания от Военного совета 1-го Украинского фронта»¹⁰⁸.

Руководство КПС да и партизанские командиры не были согласны с таким решением. К. Шмидке, Р. Сланский и Я. Шверма (он погиб после ухода повстанцев в горы) направили Г. Димитрову две телеграммы, где снова настаивали лишь на координации действий армии и партизан и расценивали приказ Конева как «неправильный», как «вмешательство в компетенцию Словацкого национального совета». Дело дошло до Сталина, которого Конев просил поддержать его точку зрения, «чтобы избежать разногласий в организации вооруженной борьбы против немцев». К обсуждению вопроса подключилось Загранбюро КПЧ. В письме К. Готвальда от 12 октября, направленном, очевидно, в Словакию¹⁰⁹, говорилось: «Ознакомившись с приказом товарища Конева и посоветовавшись с военными товарищами, мы считаем, что в организационном и по-

литическом отношении руководство партизанскими отрядами и партизанским движением в Словакии необходимо оставить, как это и было до сих пор, за Штабом партизанского движения. Но во избежание разнобоя в оперативном руководстве вооруженными силами Словакии партизанский штаб должен действовать по одному общему плану вместе с Первой чехословацкой армией и оперативные указания, даваемые партизанским отрядам, должны согласовываться с генералом Виестом, командующим Первой чехословацкой армией. Так и следует понимать приказ тов. Конева»¹¹⁰. Таким образом, в письме, не изменявшем, по сути, приказа Конева, лишь давались разъяснения и излагалась позиция Загранбюро КПЧ. Г. Гусак, описывая этот эпизод в своих воспоминаниях, утверждал: «На практике это означало лишь то, что все остается по-старому. Здесь существовали две независимые вооруженные силы, споры и напряженность между которыми были почти в порядке дня... это значительно ослабляло общий эффект на фронтах»¹¹¹.

Не было единства и в самом партизанском движении, которое после начала восстания очень разрослось. Так, отряд Егорова увеличился до 2800 человек, отряды Величко, Калины и Волянского — до 2500, Жингора — до 1500, Биелика — до 1300 человек и т. д. По сообщению Т.А. Строкача Н.С. Хрущеву от 10 сентября, на территории Словакии действовали и поддерживали связь с УШПД 7 партизанских бригад, 2 соединения и 7 отрядов общей численностью 15 153 человека¹¹². Главный штаб партизанского движения, по словам Гусака, был «неповоротливым институтом», приказы которого признавались партизанскими отрядами и их командирами лишь тогда, «когда им это подходило». Дело в том, что большинство партизанских формирований по-прежнему находились в подчинении УШПД и выполняли его приказы. Отсутствие единого партизанского командования конечно же отражалось на боевых действиях этой части вооруженных повстанческих сил. Так, большинство партизан — 70–75% — во время восстания находилось на освобожденной территории и «держали фронт» совместно с армией. Все попытки УШПД, ГШПД (и конкретно Асмолова), КПС, СНС, командования повстанческой армии заставить партизан передислоцироваться в тыл оккупационной немецкой армии ни к чему не привели.

Свободная повстанческая территория под напором оккупационных немецких сил¹¹³ продолжала сокращаться и после падения 27 октября Банской Быстрицы перестала существовать. 15 тыс. словацких солдат и офицеров, согласно немецким данным, попало в плен. 15–20 тыс. ушли в горы, чтобы продолжить борьбу партизанскими методами, часть скрылась в деревнях и разошлась по домам¹¹⁴.

Виест и Голиан были пленены, отправлены в Берлин и там казнены. В словацких горах началась партизанская война, которую пытался как-то организовать ГШПД во главе с Асмоловым. Согласно донесению штаба 1-го Украинского фронта в Генштаб Красной Армии 16 ноября 1944 г., на территории Чехословакии действовало 30 партизанских бригад, соединений, отрядов общей численностью свыше 12 тыс. человек. Большая их часть находилась в Словакии, а самые крупные под командованием Величко, Егорова, Попова и т. д. двигались в направлении Праги, Брно, Моравской Остравы ¹¹⁵, чтобы активизировать партизанское движение в Чехии.

8 декабря Асмолов издал приказ о переходе всех партизанских сил к активной борьбе против оккупантов, о подготовке «широкого вооруженного восстания к моменту подхода Красной Армии», о «беспощадной борьбе с изменниками и предателями как из среды населения, так и партизан, солдат и офицеров, перешедших на службу к немецким захватчикам». Всем партизанским частям категорически запрещалось уходить из определенных для них районов действия на восток с целью соединения с частями Красной Армии ¹¹⁶. Но в тех конкретных условиях, когда тысячи людей, оказавшихся зимой в горах без продовольствия, одежды, жилья, а зачастую и оружия, должны были бороться просто за выживание, возможность подготовки нового массового восстания была иллюзорной. В течение декабря 1944 — января 1945 г. шло переформирование (организовывались более мелкие отряды по 100–200 человек), передислокация, переподчинение (они были переданы в подчинение партизанскому штабу 4-го Украинского фронта) партизанских частей, с помощью опытных советских партизанских командиров проходила работа по организации огромных масс людей, не имевших навыков ведения «нерегулярной» войны. Несмотря на колоссальные трудности, борьба в горах продолжалась, сковывая немецкие военные силы и дезорганизуя нацистский тыл. Можно, видимо, согласиться с Г. Гусаком, утверждавшим: «Не было поражения и не было победы в Словакии» ¹¹⁷.

¹ Подробнее о восстании см.: Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945 гг. М., 1995. С. 411–442.

² См.: Марьина В.В. Словацкое национальное восстание 1944 года в послевоенной историографии // Славяноведение. 1999. № 6. С. 44–59.

³ Prečan V. V kradeném čase. Výběr ze studií, článků a úvah z let 1973–1993. Brno, 1994. S. 347–349.

⁴ См. подробнее: Великая отечественная война. 1941–1945. Книга 3. Освобождение. М., 1999. С. 126–130.

5 Советский Союз и Словацкое национальное восстание 1944 г. Документы из Архива Президента РФ (Предисловие В.В. Марьиной) // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 100–130; № 6. С. 112–123. (далее: СССР и СНВ).

6 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 74. Д. 552. Л. 1–5 (далее: РГАСПИ).

7 Я. Корецкий — начальник разведывательного отдела Командования сухопутных войск в Банской Быстрице

8 К. Грин был переброшен в Словакию с ведома Г. Пики, который считал его «своим информатором». Возможно, Грин был двойным агентом, но, скорее всего, контактировал с Пикой по заданию НКГБ, а может быть, и коммунистов. Г. Гусак, член подпольного руководства КПС и СНС, автор книги о Словацком национальном восстании, считает Грина информатором Пики (См.: Гусак Густав. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969. С. 235, 240). Группа Грина, скрытно именовавшаяся «Нина-Мария», имела прямую связь с Пикой, который рекомендовал и Лондону наладить с ней непосредственные контакты (Slovenské národné povstanie. Dokumenty. Zostavil V. Prečan. Bratislava, 1965. S. 236, 245. Примечание 3 к док. 100) (далее: SNPД).

9 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 552. Л. 1–5.

10 SNPД. S. 285, 288–289; Benčík A, Richter K. Vražda jménem republiky. Tragický osud generála Heliodora Píky. Praha, 2006. S. 301.

11 СССР и СНВ. № 5. С. 116.

12 Там же. С. 117–121.

13 Там же. № 5. С. 122–127.

14 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 552. Л. 6–14.

15 К. Шмидке был отправлен Загранбюро КПЧ для работы в Словакию в середине 1943 г. Ни о его приземлении, ни о деятельности, связанной с созданием СНС, ничего не было известно. Предполагали даже, что он погиб. Поэтому его личность идентифицировалась сотрудником ведомства Г. Дмитрова. Семья Шмидке, жена и двое сыновей, оставалась в Москве.

16 СССР и СНВ. № 6. С. 119–120.

17 См. подробнее: Marjina V.V. Vázeň butyrskej cely F. Čatloš. // Historický časopis. Bratislava, 1996, N 4.

18 Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ. Уголовное дело по обвинению бывшего главнокомандующего словацкой армией Чатлош Фердинанда. Т. 1. Л. 3, 16, 18 (далее: ЦАФСБ РФ).

19 В действительности так и было. Весной 1944 г., учитывая международную обстановку, успешные действия Красной Армии, приближавшейся к довоенным чехословацким границам, широкое развитие партизанского движения, в частности в Польше и Югославии, Бенеш не мог не призывать публично к активизации национально-освободительной борьбы «дома», но в посланиях своим сторонникам в Словакии и Чешских областях он советовал

поступать осторожно, не допуская излишних жертв, и подчеркивал, что сделанные им публичные заявления вынуждены внешними обстоятельствами.

20 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 552. Л. 20–26.

21 Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 2. М., 1983. С. 145 (далее: ДМИСЧО 4–2).

22 По словам Г. Гусака, Димитров «одобрил линию Шмидке и руководства Коммунистической партии Словакии и советовал продолжать тактику „обмана Тисо“, чтобы общенациональная акция не была раскрыта прежде времени, чтобы восстание имело полный успех» (Гусак Г. Свидетельство... С. 255).

23 Friš E. Povstanie zd'aleka i zblízka. Bratislava, 1964. S. 38–40.

24 Весьма нелестную характеристику Шмидке дал глава разведывательного управления НКГБ Фитин. 30 августа 1944 г. он сообщал Димитрову: «По полученным нами агентурным данным из Словакии руководители военных подпольных органов во главе с подполковником Голианом предпринимают все возможные меры к подрыву работы и авторитета подпольных коммунистических организаций и партизанских отрядов. Командированный из Москвы для руководства работой коммунистических организаций работник Шмидке подпал полностью под влияние группы Голиана. Под непосредственным воздействием этой группы он исключил из партии самых авторитетных и опытных коммунистов-подпольщиков. Партизанским отрядам давал директивы о прекращении активной работы и роспуске отрядов, мотивируя это тем, что активные действия могут вызвать реакцию и оккупацию Словакии немцами. В результате деятельности группы Голиана участились случаи провалов подпольных организаций» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 548. Л. 31). Весьма возможно также, что это извращенное представление о деятельности Шмидке в Словакии явилось следствием бесед с упомянутым агентом НКГБ К. Грином. Но, очевидно, записка Фитина осталась без внимания, поскольку уже до этого Шмидке имел беседы как с Димитровым, так и с представителями Загранбюро КПЧ в Москве.

25 РГАСПИ.Ф. 495. Оп. 74. Д. 552. Л. 27–31. На словацком языке см. SNPД. S. 310–312.

26 Там же. Л. 32–33. На словацком языке см. SNPД. S. 312–313.

27 Friš E. Povstanie zd'aleka i zblízka. S. 28–29; Гусак Г. Свидетельство... С. 252–253.

28 СССР и СНВ. № 5. С. 128–129.

29 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 547. Л. 32–36. В переводе на словацкий язык см. SNPД. S. 301–303.

30 ДМИСЧО. 4–2. С. 105–107; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 552. Л. 32–36; СССР и СНВ. № 5. С. 128–129; Dejiny Slovenského Národného Povstania 1944. Díl 3. Bratislava, 1984. S. 347.

31 ЦАФСБ РФ. Ф. К-loc. Оп. 11. Поп. № 49. Д. 200. Т. 4. Л. 201–261, 272.

32 Husák G. Svedectvo o Slovenskom Národnom Povstaní. Bratislava, 1964. S. 267.

33 Архив внешней политики РФ. Ф. 07. Оп. 5. П. 50. Д. 200. Л. 3–5 (далее: АВП РФ).

34 После начала восстания Шмидке и Ферьенчик улетели в Словакию.

35 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 552. Л. 43.

36 SNPД. S. 329–334.

37 СССР и СНВ. № 5. С. 129–130.

38 ДМИСЧО 4–2. С. 111.

39 SNPД. S. 963–965.

40 Гусак Г. Свидетельство... С. 295–296.

41 Это по данным Г. Гусака (См.: Гусак Г. Свидетельство... С. 365), по данным, сообщенным И.С. Коневым Сталину 2 сентября, 27 самолетов, среди которых 9 типа «Фокке-Вульф-189» и «Ме-109Б», остальные — транспортные (См.: Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. 1944–1945: Документы и материалы. Т. 14–3 (2). М., 2000. С. 483); 3 самолета тоже из Прешова перелетели в расположение армий 4-го Украинского фронта (Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М., 1989. С. 463); согласно сводным данным начальника штаба ВВС КА Г.А. Ворожейкина И.В. Сталину от 1 сентября, всего перелетело 29 самолетов, на аэродром Львова село 19 самолетов (2 МЕ-109, 4 ФВ-189 и 13 легкомоторных, преимущественно спортивных самолетов разных типов), еще 10 самолетов приземлились на других аэродромах (СССР и СНВ. № 6. С. 112–113).

42 Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах... С. 483–484.

43 Там же. С. 484.

44 Jablonický J. Povstanie bez legiend. Bratislava, 1990. S. 147.

45 С.М. Штеменко в своих мемуарах бездоказательно утверждает, что Малар «раскрыл врагу планы захвата карпатских перевалов и бежал к немцам» (Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. С. 466).

46 ЦАФСБ РФ. Ф. К-10с. Оп. 11. Пор. № 49. Д. 200. Т. 4. Л. 201–261, 272.

47 ДМИСЧО 4–2. С. 117.

48 Там же. С. 118–119, 123–124.

49 См.: Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Praha, 1999. S. 284, 292 (далее: ČSVDJ 2).

50 ДМИСЧО 4–2 С. 120–121, 132–134.

51 Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. С. 462.

52 Эта фразеология и словесные клише были свойственны тому времени, и, скорее всего, именно в такой форме происходил «краткий обмен мнениями» в кабинете Сталина.

53 Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. С. 463–464.

⁵⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах... С. 484–490.

⁵⁵ 12 октября 2004 г. в Праге состоялся научный семинар, посвященный 60-летию Карпато-Дуклинской операции КА. Доклад о новейшей, после 1989 г., историографии этого вопроса сделал словацкий военный историк Й. Быстрицкий, который выступил против примитивного очернительства значения операции, против «любительских» попыток создания новых мифов и полуправд при освещении проблемы, против извращения уже известных исторических фактов и документально доказанных истин (См.: *Vědecký seminár k 60. výročí bojů v Karpatsko-Dukelské operaci//Moderní dějiny 13. Sborník k dějinám 19. a 20. století. Praha, 2005. S. 293–371*)

⁵⁶ Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах... С. 490.

⁵⁷ СССР и СНВ. № 6. С. 113–114.

⁵⁸ О беседе со Сланским, который характеризовал события в Словакии как «стихийное всенародное восстание», Я. Шверма сообщил Г. Димитрову 11 сентября (См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 552. Л. 46–48).

⁵⁹ SNPД. S. 478.

⁶⁰ Москаленко К.С. На юго-западном направлении. М., 1972. С. 474.

⁶¹ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. С. 465.

⁶² Там же. С. 467.

⁶³ *Bystrický J. Niekoľko poznámok k najnovšej historiografii Karpatsko-Duklinskej operácie//Moderní dějiny 13. Praha, 2005. S. 329–332.*

⁶⁴ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. С. 469.

⁶⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Книга 3. Освобождение. С. 465–466.

⁶⁶ Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах... С. 497–498; ДМИСЧО 4–2. С. 194–195

⁶⁷ Гриф секретности снят: Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 207.

⁶⁸ *Český antifašismus a odboj. Slovníková příručka. Praha, 1988. S. 146.* Примерно такие же цифры содержатся в донесениях штаба 38-й армии штабу 1-го Украинского фронта: в сентябре-октябре 1944 г. 1-й ЧАК потерял 935 человек убитыми, 4518 ранеными и 756 без вести пропавшими, т. е. всего 6209 человек (См.: *Bystrický J. Niekoľko poznámok... S. 316*). Я Немечек со ссылкой на исследование о потерях чехословацкой армии в годы Второй мировой войны (2003 г.) приводит такие цифры: за период от 8 сентября до 6 октября 1944 г. корпус потерял 932 человека убитыми, 3826 ранеными и 560 пропавшими без вести; потери командного состава достигли 90% (*Němeček J. Československá vláda a nasazení československých jednotek na Dukle // Moderní dějiny 13. Praha, 2005. S. 297*). Надо отметить, что использование

разных источников и разных методик подсчета дают отличающиеся друг от друга сведения о потерях как Красной армии, так и 1-го ЧАК.

69 Benčík A, Richter K. *Vražda jménem republiky*. S. 321–322.

70 Prečan V. *V kradeném čase*. S. 49.

71 Интересно отметить, что Пика, сообщая Ингру 13 сентября о готовности советского правительства оказать помощь СНВ, рекомендовал «не говорить об этом много» по радио (SNPD. S. 484).

72 ЦАФСБ РФ. Д. 200. Т. 4. Л. 134–137, 139, 141–142, 146, 148, 151, 159; Т. 5. Л. 72, 79.

73 ДМИСЧО 4–2. С. 142; ЦАФСБ РФ. Д. 200. Т. 4. Л. 88–89, 159; Т. 5. Л. 77.

74 ЦАФСБ РФ. Д. 200. Т. 5. Л. 75.

75 SNPD. S. 544.

76 Ibid. S. 554.

77 Ibid. S. 755–756.

78 Ibid. S. 831–832.

79 Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Книга 3. Освобождение. С. 130.

80 ЦАФСБ РФ. Д. 200. Т. 5. Л. 72–73.

81 ЦАФСБ РФ. Д. 200. Т. 4. Л. 135, 136, 139, 145, 148.

82 Там же. Л. 190.

83 Там же. Л. 128–129.

84 Там же. Л. 195–196.

85 SNP v pamäti národa. Materiály z vedeckej konferencie k 50. výročiu SNP. Donovaly, 26–28 apríla 1994. Bratislava, 1994. S. 264.

86 Fierlinger Z. *Ve službách ČSR. Díl 2*. Praha, 1948. S. 363.

87 SNP v pamäti národa. S. 264; SNPD. S. 837.

88 ДМИСЧО 4–2. С. 199.

89 SNP v pamäti národa. S. 265; ČSVDJ 2. S. 303 (примечание № 1 к док. № 125).

90 ЦАФСБ РФ. Д. 200. Т. 4. Л. 182, 188; SNP v pamäti národa. S. 264; SNPD. S. 837.

91 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 553. Л. 60–62.

92 Голованов А.Е. *Дальняя бомбардировочная...* М., 2003. С. 470–471. В книге приводится много выдержек из упомянутых донесений Сталину с конкретным указанием дат, количества рейсов, доставленных или не доставленных по тем или иным причинам грузов и людей и т. д.

93 В течение 10 дней боев бригада потеряла 11 офицеров, 18 ротмистров, 194 сержанта и 404 солдата, всего 627 человек (SNPD. S. 978).

94 Член чехословацкой правительственной делегации Ф. Углирж в декабре 1944 г. сообщал, что «за переправку второй бригады и военного материала в Банску Быстрицу отвечал советский полковник Удальцов (И.И. Удальцов — впоследствии советский дипломат, сотрудник, директор

Института славяноведения АН СССР — В.М.), с которым мы постоянно, часто ежедневно встречались» (SNPD. S. 886).

⁹⁵ Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах... С. 501.

⁹⁶ ДМИСЧО 4–2. С. 217.

⁹⁷ Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная... С. 472.

⁹⁸ Там же. С. 474.

⁹⁹ ČSVDJ 2 S. 324 (примечание № 1 к док. № 144).

¹⁰⁰ СССР и ЧНВ. № 6. С. 121.

¹⁰¹ Там же. С. 122.

¹⁰² Говорилось о недостаточном опыте боев с немецкими оккупантами у солдат и офицеров, недостаточной стойкости отдельных подразделений, неверии отдельных офицеров в успех восстания, в помощь Красной Армии, особенно после подавления Варшавского восстания, недооценке необходимости создания прочной обороны, существовании национальной розни между чехами и словаками (Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах... С. 506).

¹⁰³ Крушинский писал о «растерянности», вызванной успехами немцев в подавлении восстания, медленной переброской на территорию Словакии 2-й чехословацкой парадесантной бригады, сомнениями в действительном желании СССР оказать помощь восстанию («Спрашивали, не относится ли советское командование к борьбе словаков так же, как оно относилось к восстанию поляков в Варшаве»). (См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 708. Л. 11–18; Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах... С. 500).

¹⁰⁴ О впечатлениях первых дней пребывания на словацкой территории В. Пржикрыл писал: «Нигде не было видно такого естественного патриотического запала борьбы против врага, который был необходим для завоевания свободы, но всюду преобладали равнодушие, безразличие, какое-то страстное ожидание прихода Красной Армии. Народ с надеждой ожидал прилета бригады, как спасительницы, которая поддержит словацкую армию и остановит наступление немецких вооруженных сил». Пополнившие бригаду словацкие военнослужащие (850 человек), по словам Пржикрыла, «в бою не показали себя. Это были в большинстве малоопытные солдаты, трусы, плохо обученные и слабо морально подготовленные». «Словацкая армия имела в своем составе мало способных офицеров, была уставшей и обессиленной непрерывными отступлениями, была склонна к моральному разложению» (SNPD. S. 978, 983–984, 989).

¹⁰⁵ Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах... С. 505.

¹⁰⁶ SNPD. S. 1100.

¹⁰⁷ Гусак Г. Свидетельство... С. 470–471.

108 Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах... С. 501.

109 Документ, опубликованный в сборнике: Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах... С. 504, неправильно озаглавлен как «Письмо чехословацким представителям в Коминтерне». Этой организации тогда уже не существовало, а разъяснять что-либо представителям КПЧ в Москве не имело смысла, так как они сами и составляли этот документ, очевидно, после совещания с Димитровым.

110 Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах... С. 504.

111 Гусак Г. Свидетельство... С. 492–493.

112 SNPД. S. 508.

113 В их составе против повстанцев действовала и дивизия СС-Галичина: сначала один батальон (так называемый «Батальон Вилднера»), а с 28 сентября все части дивизии, включая и резервный полк. В конце декабря 1944 г. дивизия передислоцировалась в Словению, где действовала против партизан Й.Б. Тито (<http://www.anti-orange-ua.com.ru/forum/>).

114 SNPД. S. 975.

115 ДМИСЧО 4–2. С. 237.

116 Там же. С. 248–251.

117 SNPД. S. 976.

Глава 7

Закарпатье: на пути включения в состав СССР. 1944 г.

Предыстория: чехословацкая и советская позиции

29 июня 1945 г. в Москве был подписан Договор о Закарпатской Украине, согласно которому эта область, входившая ранее в Чехословакию под названием Подкарпатская Русь (ПР), воссоединялась «со своей издавней родиной — Украиной» и включалась в состав Украинской ССР¹. История этого так называемого воссоединения рассмотрена автором в монографии «Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг.»², имеющей обширное документальное приложение. Поэтому частые отсылки читателя к этой книге неизбежны. Еще в 1939 г. Э. Бенеш, как глава будущей восстановленной в домюнхенских границах Чехословакии, выражал готовность после войны и на законных основаниях передать Подкарпатскую Русь Советскому Союзу. От своих слов он не отказался и после восстановления советско-чехословацких дипломатических отношений 18 июля 1941 г., формулируя свою позицию так: «Подкарпатская Русь должна принадлежать либо нам, либо России». Однако советское руководство, принимая это к сведению, никак не реагировало на заявления президента, полагая, что для практического решения вопроса еще не настало время³. Тогда Бенеш стал более осторожен в выражениях, перестал говорить о возможности передачи ПР Советскому Союзу и, наоборот, учитывая заявления советского правительства о признании Чехословакии в ее домюнхенских границах, стал подчеркивать безусловную принадлежность этой области ЧСР. Кажущаяся незаинтересованность Бенеша в обсуждении вопроса о ПР с советским руководством была отмечена и заведующим 4-м отделом НКВД СССР Н.В. Новиковым в его справке «Советско-чехословацкие отношения в 1941–1943 гг.», датированной 1 июля 1943 г. и подготовленной, скорее всего, в связи с планируемым приездом Бенеша в СССР. После заявления Молотова о том, что «СССР желает видеть Чехословакию восстановленной в домюнхенских границах», Бенеш «более ни разу не намекал» на возможность передачи Закарпатской Украины⁴ СССР, — говорилось в справке. Новиков объяснял это тем, что к указанному времени президенту «удалось добиться отчасти при помощи СССР ряда внешнеполитических успехов, после чего он решил прекратить свои далеко

идушие заискивания перед нами»⁵. Дело же, на наш взгляд, было не столько в «заискиваниях», сколько в том, что Бенеш считал для себя вопрос на данный момент выясненным и постановку его несвоевременной, как, впрочем, и СССР.

Но Бенеш, реально мыслящий политик, безусловно, понимал, что Москва не может не быть заинтересованной в «получении» Закарпатья, области, важной и в стратегическом, и в политическом отношении. Отсюда и его заявление в беседе с министром польского эмигрантского правительства Я. Станьчиком 12 ноября 1943 г., т. е. за несколько дней до отлета в СССР: «Скажу Вам, чего хотят русские: окончательно решить украинский вопрос. Без этого они войну не окончат и действуют в соответствии с этим»⁶. С пониманием этого Бенеш и отправился в Москву для подписания советско-чехословацкого договора. Во время вынужденной остановки в Хабанье в беседе с А.Е. Корнейчуком президент, в частности, заявил: «Мы, естественно, настаиваем на том, чтобы Подкарпатская Русь осталась в Чехословакии, но чтобы в культурном отношении полностью ориентировалась на Украину». При этом он добавил, что если бы СССР когда-нибудь захотел забрать ПР себе, то возместил бы Чехословакии все ее вложения в эту область, и «дело будет сделано»⁷. В беседе Бенеша с Молотовым 16 декабря употреблялись уже только термины «Закарпатская Украина» и «украинцы» (как в советской, так и чехословацкой записях бесед), но пока речь шла о ее сохранении в составе ЧСР. Советское руководство на тот момент устраивала своего рода промежуточная позиция Бенеша в отношении ПР, свидетельствующая о его намерении не противиться в будущем, после войны, возможному присоединению этой области к СССР (УССР). Обе стороны прекрасно понимали, что так и будет⁸, но предпочитали тогда не ставить точку над «i». В циркулярной депеше о результатах переговоров Бенеша в Москве, отправленной 24 января Г. Рипкой чехословацким представителям, между прочим, говорилось: «Подчеркиваю, что с советской стороны не предъявляется никаких претензий на Подкарпатскую Русь. Советское правительство считает ее частью ЧСР»⁹. Москва еще не готова была рассматривать вопрос в практической плоскости. Весной 1944 г. все чехословацкие политики, в том числе коммунисты, говорили о будущей Чехословакии как о государстве трех славянских народов: чехов, словаков и подкарпатских украинцев.

Однако Бенеш и его окружение (особенно военные) были встревожены заявлениями некоторых политических деятелей УССР о том, что «надо объединить всех украинцев». Симптоматично в этом плане было и появление на посту наркома иностранных дел УССР¹⁰

Д.З. Мануильского, бывшего представителя ЦК ВКП(б) в Исполкоме Коминтерна, который всегда считал жителей Подкарпатской Руси украинцами¹¹. С приближением Красной Армии к довоенным границам СССР вопрос «об объединении всех украинцев» переходил из теоретической в практическую плоскость. Актуальным стало и развитие партизанского движения на территории ПР, чем, как и в Словакии, занимался Украинский штаб партизанского движения (УШПД) в Киеве. В мае 1944 г. он направил в Закарпатье (районы Тячево, Мукачево, Свалява) 3 группы десантников с целью помощи в организации этого движения. 22 мая на территории ПР было объявлено чрезвычайное положение¹², начались аресты, действовали военные трибуналы, проводились публичные казни. Однако УШПД продолжал забрасывать десанты: с мая по октябрь 1944 г. в Закарпатье было десантировано 262 опытных партизанских организатора, среди которых находилось много украинцев. В июне-сентябре здесь действовали отряды под командованием И. Косика, В. Лаврова, И. Маслова, С. Сопилкова, Героя Советского Союза А. Тканка, В. Русина, В. Буянова, В. Хоменко, М. Перечинского, В. Магориты¹³, развившие довольно бурную деятельность. Партизанское движение находилось под советским контролем и управлением, чехословацкое правительство не имело на него, как и в Словакии, никакого влияния.

Выход УССР на международную арену, активизация партизан, видимо, заставили Бенеша снова повторить в разговоре с В.З. Лебедевым 12 июля 1944 г., что «в определенное время мы договоримся о том, чтобы русские взяли также Подкарпатскую Русь». Рипка, который записал беседу, высказал и свое мнение на этот счет: «Сам лично я думаю, что для нас было бы лучше долго не держать Подкарпатскую Русь. Иначе у нас будут постоянные трудности, с одной стороны внешние, с Россией, с другой — внутренние, поскольку Подкарпатскую Русь, которую неизбежно получит коммунистическое большинство, наши коммунисты станут использовать в Словакии, а следовательно, и во всем государстве. Кроме того, нам стало бы легче в экономическом и финансовом отношении»¹⁴. Бенеш же был непреклонным сторонником решения вопроса о ПР между ЧСР и СССР в послевоенное время и на законных основаниях. 21 августа лондонское радио передало речь президента перед чехословацкими солдатами в Англии. Он сказал, что возрожденная Чехословакия «будет государством чехов, словаков и карпатских украинцев. Республика будет иметь свои дюмюнхенские границы. На это мы делаем особый упор, и это право мы будем отстаивать до последнего дыхания»¹⁵.

В Лондоне шло формирование чехословацкой правительственной делегации на освобожденной территории¹⁶. 25 августа делегация

и ее глава Ф. Немец прибыла в Москву. Уже 26 августа она, а также Фирлингер и Пика были приняты Вышинским, с которым обсуждались вопросы практической деятельности чехословацкой администрации на освобожденной территории¹⁷. Меж тем началось Словацкое национальное восстание (см. главу 6), и по решению чехословацкого правительства делегация отправилась на освобожденную в его ходе территорию Словакии, куда прибыла 7 октября. Ее взаимоотношения со Словацким национальным советом (СНС), взявшим на себя всю законодательную и исполнительную власть, не заладились с самого начала. Совет подозревал лондонское правительство в намерении навязать словакам посредством делегации свою волю. Выполнить возложенные на нее задачи делегации, по существу, не удалось. СНС соглашался видеть в правительственном делегате лишь представителя лондонского правительства, с которым намеревался сотрудничать, и просил внести соответствующие поправки в декрет президента от 3 августа о функциях делегата. Но такие поправки, насколько известно автору, до переезда Немца на освобожденную территорию Подкарпатской Руси внесены не были. Почему? Ведь в Лондоне вроде бы согласились с необходимостью сделать это, поскольку попытка Немца реализовать свои полномочия, определенные президентским декретом, обнаружили его несовершенство и несоответствие конкретной обстановке. Налицо было, с одной стороны, понимание несоответствия первоначальных представлений (декрет) о функциях правительственного делегата реалиям освобожденной словацкой, и не только словацкой, территории, с другой, неспешность при корректировке этих представлений в преддверии развертывания деятельности делегата на освобожденной территории Подкарпатской Руси. Чем это объяснить? Можно предположить, во-первых, что это было результатом простой чиновничьей неповоротливости; во-вторых, что намерение изменить декрет относилось только к Словакии; наконец, в-третьих, что существовала убежденность в том, что ситуация в ПР будет отличаться от имевшей место в Словакии. Отличие казалось важным: словацкая территория была освобождена в результате национального восстания, а ПР — в ходе наступления Красной Армии. Это позволяло надеяться, что декрет президента о правительственном делегате, основанный на советско-чехословацком соглашении от 8 мая 1944 г., «сработает» в ПР.

9 сентября 1944 г. началась Карпато-Ужгородская операция войск 4-го Украинского фронта, целью которой было разгромить противника в Восточных Карпатах и выйти в район Мукачево, Ужгород, Чоп. Войска фронта, преодолев 9 октября Главный Карпатский хребет, совершили прорыв на Средне-Дунайскую равнину

и правобережье Тисы. Овладев Лупковским, Русским, Ужокским, Вышковским, Верецким, Яблоницким и Татарским перевалами, советские войска «продвинулись в глубь территории Чехословакии от 20 до 50 км на фронте протяжением 275 км». Соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за преодоление Карпат, получили наименование «Карпатских». 18 октября Москва салютовала в их честь¹⁸. Меж тем правитель Венгрии адмирал М. Хорти, который намеревался «вывести» страну из войны и порвать союзнические отношения с Германией, направил в Москву делегацию с просьбой о перемирии. 11 октября она подписала его предварительные условия, из которых вытекало, что Венгрия должна освободить территорию Подкарпатья и не может рассчитывать на сохранение этого края в своем составе¹⁹. Ей было предъявлено, в частности, требование признать недействительным решение Венского арбитража от 2.XI.1938 г. и всех постановлений о включении территории Карпатской Руси и Восточной Словакии. Венгерская администрация покидала край вместе с отступавшими войсками. 23 октября был взят г. Хуст, 26 октября освобожден г. Мукачево, а 28 (по другим данным 27) октября — Ужгород. Части советской армии овладели им без особого сопротивления, поскольку противник, опасаясь оказаться зажатым в горных ущельях, покинул пределы края. Командир 1-го чехословацкого армейского корпуса Л. Свобода направил командующему 4-м Украинским фронтом генералу армии И.Е. Петрову поздравления и благодарность в связи с освобождением «столичного города Подкарпатской Украины — Ужгорода и всей Подкарпатской Украины от германских и венгерских оккупантов»²⁰. 1-й ЧАК в освобождении Закарпатья не участвовал, так как по просьбе чехословацкой стороны был задействован в Карпато-Дуклинской операции и боях за освобождение Словакии²¹.

20 октября, когда уже стало очевидным, что словацкие повстанцы не смогут сдержать напор немецких частей, чехословацкое правительство приняло решение о перебазировании чехословацкой правительственной делегации «из Словакии на освобожденную территорию Карпатской Украины». Фирлингер обратился к советским властям с просьбой помочь осуществить перелет делегации. При этом он предполагал, что первым временным административным центром мог бы стать Ужгород²². 23 октября чехословацкая правительственная делегация вылетела из Словакии во Львов. 27 октября Генштаб за подписью Антонова направил директиву Петрову, которая гласила: «Верховный Главнокомандующий разрешил допустить группу чехословацких представителей на освобожденную территорию Чехословакии для организации местной гражданской админи-

страции. Разрешено также чехословакам проводить мобилизацию на освобожденной территории»²³. В тот же день в Турце (под Львовом) Ф. Немец встретился с членом Военного совета 4-го Украинского фронта Мехлисом и получил разрешение на размещение делегации в Хусте. Советские власти мотивировали это тем, что Ужгород является зоной оперативных действий Красной Армии. При этом Мехлис заявил, что территория, на которой делегация развернет свою деятельность, будет ограничена приблизительно линией, идущей на север от Хуста.

*Чехословацкая правительственная делегация:
назревание конфликта с советскими военными властями*

К месту своего размещения делегация прибыла 28 октября, т. е. в день празднования государственной независимости Чехословакии. По словам Немца, «прибытие правительственной делегации на территорию Карпатской Украины было встречено большинством местного населения положительно. Мысль о восстановлении Чехословацкой республики представлялась очевидной». Об этом настроении свидетельствовал, в частности, митинг, который состоялся на следующий день после прибытия делегации в Хуст, 29 октября утром. Он начался оглашением пространной поздравительной телеграммы Бенешу и Сталину. Каждое упоминание о президенте республики сопровождалось весьма живым одобрением. Главный оратор член делегации коммунист И. Туряница²⁴ говорил ясно и недвусмысленно о восстановлении Чехословацкой республики на принципе сосуществования трех равноправных славянских народов²⁵.

В тот же день, 29 октября, Немец направил телеграмму Сталину, в которой говорилось, что он «принял власть (подчеркнуто. — В.М.) в освобожденных районах Чехословацкой Республики»²⁶. Аналогичная телеграмма была послана и Бенешу. В ней Немец выражал надежду, что президент как можно скорее прибудет на освобожденную территорию. Однако советское руководство думало иначе. 1 ноября НКВД счел необходимым конфиденциально указать Фирлингеру, что формулировка в телеграмме Немца «принял власть на освобожденной территории» точно не отвечает принципам Соглашения о компетенции правительственного делегата и что вопрос о переезде на освобожденную территорию президента и правительства пока не актуален, поскольку Карпатская Украина до сих пор является военной зоной²⁷. 3 ноября Немец посетил штаб 4-го Украинского фронта и встретился с И.Е. Петровым. Генерал с картой и карандашом в руках определил точную демаркационную линию, которая делила

всю Карпатскую Украину на восточную и западную зоны. В первой, включавшей пять районов: Хуст, Севлюш, Тячево, Рахов и Волове, могла развертывать деятельность чехословацкая правительственная делегация, вторая оставалась под управлением советских военных органов. По договоренности между Петровым и Немцем представители чехословацкой администрации не имели права без разрешения советских военных властей пересекать демаркационную линию и пребывать в зоне оперативных действий Красной Армии. Но на деле с продвижением ее частей на запад эта линия оставалась прежней, как и территория, на которой Немец пытался установить власть чехословацкого правительства. Кроме администрации правительственного делегата в зоне на восток от демаркационной линии действовали советские военные комендатуры, которые, естественно, подчинялись советскому командованию и выполняли его приказы. Помимо этого, со стороны советских комендантов вообще было много отсебятины. Таким образом, территория, как будто подведомственная Немцу, на самом деле оказалась «зоной двоевластия», что приводило к множеству недоразумений и конфликтов. Иногда соблюдая, а иногда и не соблюдая внешние приличия, военные коменданты проводили, как им представлялось, нужные и правильные решения, которые, по словам Немца, входили в противоречие с указаниями администрации правительственного делегата.

Советские военные коменданты не были сторонними наблюдателями и при создании местных органов власти. Вот как описывал Немец выборы в Национальный комитет Хуста, которые состоялись на вышеупомянутом митинге 29 октября 1944 г.: «Митинг открыл советский военный комендант города заявлением, что существующий национальный комитет состоит из самозванцев и что дело населения выбрать новый. Потом был зачитан список кандидатов, составленный накануне на пленарном заседании коммунистической партии, и по каждому из кандидатов задан вопрос, имеются ли против него возражения. Ни у кого возражений не было, и поэтому предложение без голосования было объявлено как принятое»²⁸. Везде ли выборы были похожи на описанные, трудно сказать, но, вероятно, можно утверждать, что советские военные коменданты играли в их организации не последнюю роль. Чехословацкая правительственная делегация также в соответствии с полученными ею указаниями пыталась создавать местные органы власти или наладить связь с ранее уже существовавшими местными национальными комитетами. Создание сети районных национальных комитетов на территории к востоку от демаркационной линии было завершено примерно в течение трех недель. По словам Немца, сотрудничество чехословацкой

администрации с комитетами было в основном хорошим. В задачу правительственного делегата в связи с планами Бенеша на децентрализацию восстановленной ЧСР входило создание в ПР Земского национального комитета и соответствующей вертикали национальных комитетов на местах ²⁹.

Разместившись в Хусте, чехословацкая администрация немедленно приступила к организации своей работы. Канцелярия правительственного уполномоченного с президиумом и 13 отделами (финансов, внутренних дел, юстиции, информации, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, экономики и др.) являлась своего рода филиалом лондонского правительства ³⁰. Разработанная в Лондоне подробная инструкция содержала перечень вопросов, которые должен решать правительственный делегат, а именно: ликвидация оккупационного режима, главным образом в сфере экономики, восстановление сельскохозяйственного, промышленного и ремесленного производства, прежде всего отраслей, важных с точки зрения ведения военных действий и снабжения населения, обеспечение населения продовольствием ³¹, проведение социально-политических мероприятий, налаживание здравоохранения. Важнейшей своей задачей, вытекавшей из Соглашения от 8 мая 1944 г., военные члены делегации во главе с генералом Гасалом считали мобилизацию граждан ПР в чехословацкую армию. Но 5 ноября 1944 г. Немец получил сведения о том, что в районе Хуста и его окрестностей вывешены объявления о наборе добровольцев в Красную Армию. В тот же день он обратился с письмом к Петрову, стремясь выяснить, делается ли это по его приказу или является инициативой местных военных властей. Немец обращал внимание командующего на то, что согласно чехословацким законам разрешение на вступление в иностранную армию может дать только президент. Вечером того же дня правительственный делегат был приглашен в штаб фронта для ведения переговоров, в которых участвовали с советской стороны Петров и Мехлис, а с чехословацкой — Немец и член военной части делегации генерал А. Гасал. Петров заявил, что объявления, подписанные советскими военными комендантами, вывешены по его приказу, и что местное население выразило желание служить в Красной Армии. Он напомнил, что в свое время советское правительство дало согласие на вступление в чехословацкую воинскую часть в СССР украинцев (т. е. жителей Подкарпатья, находившихся в советских лагерях) и волынских чехов, советских граждан, и что теперь, как он надеется, в качестве «услуги за услугу» чехословацкое правительство должно разрешить набор в Красную Армию украинцев и русских, местных жителей. Впрочем, Петров обещал запросить по этому вопросу Москву ³².

Набор в Красную Армию продолжался, и, по словам Немца, местами имел форму «принудительной мобилизации». 11 ноября он отправил Фирлингеру в Москву для передачи в Лондон следующую телеграмму: «Массовый набор наших граждан в Красную армию с согласия советских военных инстанций укрепляет в мысли, что дело идет к плебисциту о присоединении к СССР. Завтра, в воскресенье, везде должны пройти собрания подобного плана, и в Москву якобы направлена делегация. Информировать немедленно Лондон»³³. В тот же день, 11 ноября 1944 г. Пика посредством радиодепеши сообщил Масарику и Ингру о наборе жителей Подкарпатья в Красную Армию. Текст вывешенных по этому поводу для всеобщего ознакомления объявлений, переданный Гасалом, гласил: «От русского и украинского населения Подкарпатской Украины приходят вопросы о том, как вступить добровольно в Красную Армию. Объясняем, что 1. граждане Подкарпатской Украины, русские и украинцы, могут вступить добровольно в ряды Красной Армии, чтобы сражаться с оружием в руках против немецких и венгерских захватчиков. 2. По всем вопросам, связанным с добровольным вступлением в ряды Красной Армии, обращайтесь к военному командованию. 3. В Красную Армию принимаются добровольцы до 40 лет». Генерал Гасал просил инструкций, а Пика собирался просить объяснений у Главнокомандования Красной Армии³⁴.

Естественно, что в Лондоне были обеспокоены этой информацией. Секретарь Бенеша Э. Таборский записал в своем дневнике 12 ноября: «Из ПР доходят тревожные сообщения о вызывающем удивление советском поведении. Подкарпатским русинам публично через советские объявления предлагается вступить в советскую армию. А Москва вчера по радио передавала заявление, которое якобы было отправлено Сталину с торжеством по случаю 27-й годовщины Октябрьской революции, прошедших в Ужгороде 7 ноября. (Телеграмма была опубликована в «Правде» 11 ноября 1944 г. — В.М.) В нем кроме прочего говорится: „наши мысли и стремления были всегда с народом украинским и русским. К нашим братьям по крови были обращены наши взгляды и надежды. Нашим вечным сном было и есть — жить в единой и общей семье с украинским народом“. Что это может означать? Ведь это же явная агитация за присоединение Подкарпатской Руси к СССР. Удержим мы ее? Ведь Сталин президенту во время его визита в Москву ясно сказал, что Подкарпатская Русь есть и останется чехословацкой!»³⁵.

Бенеш в беседе с Лебедевым 13 ноября обратил его внимание «на невозможность действий советских военных органов на Подкарпатской Руси, где набирают добровольцев в Красную Армию».

На следующий день об этом же говорил с Лебедевым Рипка. Посол подтвердил, что вопрос требует быстрого улаживания, «поскольку иначе его могли бы легко использовать против Советского Союза и против Чехословакии все те, кто к вам и нам относится недоброжелательно»³⁶. В тот же день, 14 ноября, Лебедев посетил Бенеша, чтобы сообщить ему, согласно записи в дневнике Таборского, ответ Молотова. Советский нарком просил, чтобы «мы не настаивали на увольнении уже принятых добровольцев и не возражали против набора последующих». Бенеш же настаивал на прекращении призыва и агитации, сказав только, «что мы не будем дезавуировать русское командование в вопросе о людях, уже вступивших в Красную Армию»³⁷. Естественно предположить, что Молотов осознавал несоответствие действий советских военных органов на освобожденной территории ПР советско-чехословацкому Соглашению от 8 мая 1944 г., но также естественно предположить, что он понимал и стремление военных путем набора добровольцев хотя бы отчасти восполнить серьезные потери, понесенные советскими войсками в боях за преодоление Карпат. Отсюда — попытка Молотова «полюбовно» договориться с Бенешем, на что тот, прежде всего по политическим соображениям, не пошел. 17 ноября 1944 г. Рипка телеграфировал Фирлингеру о том, что президент мог бы дать согласие на каждое отдельное добровольное вступление в ряды Красной Армии, но нельзя, чтобы это стало массовым явлением, «поскольку это сделало бы невозможным организацию нашей армии на нашей территории и получило бы характер политической акции, которая была бы неблагоприятна для нашего правительства и нашего государства в будущем»³⁸.

Нужно сказать, что у советского руководства были свои представления о том, как практически должна была действовать чехословацкая правительственная делегация на освобожденной территории ПР. Они исходили из долговременной заинтересованности СССР в этой области, но внешне базировались как на статьях майского Соглашения, так и на необходимости решения первоочередных задач в ближайшем тылу советской армии. С этой точки зрения интересна беседа Фирлингера с В.А. Зориным 14 ноября 1944 г., записанная чехословацким послом. По его словам, позиция Зорина сводилась к следующему: чехословацкая «администрация должна, прежде всего, стремиться поставить весь тыл на службу армии с точки зрения военной и хозяйственной. Всюду там, где это возможно, следует восстановить производство, работающее прежде всего на фронт. Делегат должен свои требования всегда обсуждать со штабом фронта, прежде всего с военным советом фронта, который состоит из ближайших сотрудников командующего фронтом и в компетенцию ко-

того входят все важные политические и хозяйственные вопросы, касающиеся не только фронта, но и всего тыла. Этот военный совет останется в контакте с нашей делегацией также и в зонах, на которые будут полностью распространяться полномочия делегата. Членом военного совета является бывший редактор «Правды», комиссар Мехлис, который имеет инструкции идти во всем навстречу нашей делегации. Там, где вопросы, предложенные нашим делегатом военному совету, будут превышать его полномочия, военный совет будет обращаться к Верховному Главнокомандованию Красной Армии, а оно же, в случае необходимости, далее — к правительству». Фирлингер так комментировал слова советского дипломата: «Из того, что мне говорил Зорин, ясно, что нашей военной миссии, которая должна быть связующим звеном между командованием Красной Армии и нашей делегацией, выпадает важная роль (статья 4 Соглашения — *В.М.*). Известно, что в свое время нами было заявлено Наркоминделу, что главой военной миссии при Красной Армии является генерал Гасал, а теперь, по приезде, мне Гасал сообщил устно, что он, собственно, главой миссии не будет, а будет в действительности выполнять функции главнокомандующего всеми нашими тыловыми воинскими формированиями. Я не исключаю, что подобная невыясненность компетенций может нанести вред делу. Я полагаю, что важная функция главы военной миссии должна была бы быть поручена надежному и знающему русские условия высшему офицеру, и сожалею, что Гасал эту функцию не сохранил за собой или же что не был немедленно заменен подходящим лицом»³⁹. С одной стороны, Соглашение, как мы видели выше, прямо не предусматривало деятельность Главнокомандующего чехословацкими тыловыми военными формированиями на освобожденной территории, но, с другой стороны, поскольку в обязанности правительственного делегата входило воссоздание чехословацких военных сил, нужен был и соответствующий военный орган для его реализации. Задачи чехословацкой военной миссии сводились Соглашением к роли связующего звена между командованием Красной Армии и правительственным делегатом. Видимо, сознавая это невыгодное для себя упущение в составленном им же тексте Соглашения, чехословацкое правительство еще в октябре 1944 г. просило Фирлингера и Пику урегулировать с советскими органами вопрос о предполагаемом перемещении на освобожденную территорию ЧСР чехословацкого главного командования во главе с Ингром. Москва сочла постановку этого вопроса несвоевременной⁴⁰. Фирлингер был прав, полагая, что «невыясненность компетенций» Гасала может повлечь за собой много неприятностей. Так на практике и произошло.

Поскольку Фирлингер не делал никаких демаршей перед советским правительством относительно набора жителей Подкарпатья в Красную Армию, Пика решил сам выяснить этот вопрос. 16 ноября он направил письмо заместителю Уполномоченного СНК СССР по иностранным военным формированиям на территории СССР генерал-майору А. Белянову, в котором доказывал необходимость пополнения понесшего большие потери в боях 1-го ЧАК, для чего правительственный делегат и объявил всеобщую мобилизацию чехословацких граждан в чехословацкую армию. Пика просил освободить чехословацких граждан из частей Красной Армии и передать их в распоряжение чехословацкого военного командования на освобожденной территории (генерала Гасала) и резервного полка корпуса для быстрого пополнения его состава. Мотивировка была аргументированной. Из письма Пики не следовало, что предполагается создать какую-то «тыловую армию», как потом трактовалось в историографии, не связанную с чехословацким корпусом. Через несколько дней Белянов сообщил, что набор в чехословацкую армию можно будет проводить также в оперативной зоне и что советские военные органы не намерены далее осуществлять этот набор, особенно это касается Словакии⁴¹.

Однако набор в Красную Армию не прекратился практически до конца 1944 г. Петров, встретившись с Немцем 15 ноября, в жесткой форме заявил, что считает для себя вопрос решенным, и просил чехословацкого делегата не возвращаться больше к нему. Немец констатировал, что эти действия противоречат чехословацким законам, и поэтому он передает все дело чехословацкому правительству в Лондоне «для его разрешения путем прямых переговоров с Москвой»⁴². Отношения между командующим 4-м Украинским фронтом и правительственным делегатом зашли в тупик. Почему же, несмотря на явно конфликтную ситуацию, набор в Красную Армию продолжался? Ведь было ясно, что эта акция противоречила майскому Соглашению и грозила ухудшением советско-чехословацких отношений. В известных документах советского происхождения (партийного и дипломатического характера) утверждается, что мужское население ПР призывного возраста, русские и украинцы, стихийно стремились вступить в ряды Красной Армии, создавая даже очереди у пунктов набора добровольцев. Советскому командованию, дескать, ничего не оставалось, как пойти навстречу этому движению. Сообщения же в Лондон, направленные тайно членами чехословацкой правительственной делегации, свидетельствовали об ином: набор проводился политработниками советской армии при поддержке коммунистов. По всей вероятности, в действительности имело место и то, и другое, но сегодня трудно (и даже невозможно) установить, какой из этих ме-

тодов преобладал. Возможно, в начальный период после освобождения и наблюдалось спонтанное стремление вступить в ряды армии-освободительницы, но потом, когда эйфория спала, эти настроения быстро пошли на убыль. На рубеже 1944–1945 гг. на территории ПР действовало 520 пунктов набора добровольцев, которые охватывали 640 населенных пунктов края. В ряды советской армии было мобилизовано, по некоторым сведениям, 15–16 тысяч человек⁴³. Советский маршал А.А. Гречко называет другую цифру: 25 тысяч⁴⁴.

Активную роль в пополнении рядов Красной Армии сыграли коммунисты, которые либо вышли из подполья, либо прибыли из СССР. Они, как правило, возглавляли местные органы власти — национальные комитеты (так они именовались в чехословацких документах) или народные рады, которые в массовом порядке возникали по всей ПР, как на восток, так и на запад от демаркационной линии. Восстанавливались и создавались заново местные организации компартии. «Огромную роль во всей экономической и политической деятельности населения Закарпатской Украины играют коммунисты, — говорилось в материале о политических событиях в Закарпатье осенью 1944 г., подготовленном для Димитрова в январе 1945 г. — Коммунистическая партия является единственной политической партией на территории Закарпатской Украины, которая сохранилась организационно как единое целое. Коммунистическая партия в своей практической работе с первого дня освобождения Закарпатской Украины от немецко-фашистских захватчиков проявила себя как руководящая и организующая сила народного движения за создание новой народной власти. Коммунисты провели повсеместно, где имелись партийные организации, выборы партийных органов — местных, заводских, городских и окружных»⁴⁵. По существу, то же самое говорилось и в документе «Политическое положение в Закарпатской Украине», направленном в январе 1945 г. Димитрову начальником VII управления ГлавПУ РККА генералом Бурцевым: «В качестве организаторов общественного мнения и выразителей желаний народа выступают закарпатские коммунисты»⁴⁶. Формулировка была весьма точной: именно коммунисты, политически наиболее активная часть населения, взяли на себя роль «организаторов общественного мнения» и «выразителей желаний народа». Как всегда, они вешали от имени народа, но это вовсе не значит, что так оно и было.

Движение за присоединение Закарпатья к СССР (УССР)

И. Туряница, сразу уехавший из Хуста в Мукачево, действовал, по сути, независимо от чехословацкой делегации. Оказавшись на

территории к западу от демаркационной линии, т. е. в зоне оперативных действий Красной Армии, он развернул здесь бурную деятельность. Перво-наперво Туряница перестал говорить о Чехословацкой республике как государстве трех народов — чехов, словаков и подкарпатских украинцев, и стал на позицию присоединения Закарпатья к СССР (УССР). У автора нет сведений о том, действовал ли Туряница по собственной инициативе или получил инструкции (указания) от кого-то. Скорее всего, второе. Будучи избранным заместителем председателя национального комитета в Мукачево, Туряница содействовал началу издания коммунистической газеты «Закарпатська правда» (на какие деньги?) и восстановлению сети коммунистических организаций. 7 ноября повсеместно торжественно отмечалась 27-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции. 12 ноября, в воскресенье, на всей территории ПР были проведены собрания и митинги, на которых речь шла о присоединении к СССР и принимались соответствующие резолюции. 16 ноября Немец послал Петрову письмо по этому поводу⁴⁷.

Поскольку Немецу стало известно, что Туряница организует в Мукачево созыв съезда национальных комитетов на 26 ноября, он направил новое письмо Петрову, в котором говорилось о нарушении ранее достигнутой договоренности о том, что «за демаркационной линией мы (т. е. чехословацкие представители, а Туряница был членом делегации — *В.М.*) ничего предпринимать не будем»⁴⁸. Командующий фронтом в свою очередь обвинил представителей чехословацкой правительственной делегации в ряде нарушений соглашения. Немец обещал расследовать все указанные нарушения и сообщил о созванной им на 21 ноября конференции делегатов национальных комитетов пяти районов, находившихся в зоне его деятельности, т. е. к востоку от демаркационной линии. Поскольку в западной зоне уже началась подготовка к съезду представителей национальных комитетов в Мукачево, Петров и Мехлис приложили усилия, чтобы воспрепятствовать проведению назначенной Немецем конференции. На встрече чехословацких представителей и представителей советского командования 21 ноября стороны упрекали друг друга в нарушении соглашения. Петров, констатируя, что свободное передвижение между обеими зонами не может быть сохранено, поскольку неприятель уже в курсе осуществленных передислокаций советских военных частей, заявил, что следует установить жесткий режим по обе стороны демаркационной линии. Затем Мехлис пожаловался, что национальные комитеты в районах, подведомственных чехословацкой правительственной делегации, «слабо поддерживают Красную Армию в ее усилиях подавить венгров». Немец выразил сожаление

по этому поводу и в свою очередь заявил, что подобные ситуации возникают в связи с неразберихой и хаосом на подведомственной ему территории, где действуют, по сути, две власти: советская и чехословацкая. Национальные комитеты поэтому пребывают в смятении и не знают, кого слушать. «Трудности моей работы заключаются в том, — заявил Немец, — что я никогда не уверен в том, будут ли меры, которые я принимаю, сторнированы (аннулированы. — В.М.) местным комендантом»⁴⁹. Следует отметить, что жесткий тон переговоров, взятый советскими военными, контрастировал с более мягким тоном Немца, который готов был идти на уступки⁵⁰.

На следующий день после этой встречи, 22 ноября Немец направил Мехлису телеграмму, в которой как бы подвел итог обсуждавшимся вопросам и изложил свое понимание ситуации. Зоны на восток и запад от демаркационной линии, писал он, являются ареной военных операций, «поэтому территория на восток от демаркационной линии не была передана под мое управление, и я на ней со своим аппаратом являюсь лишь органом связи между местными органами и советским командованием. Поэтому я со своей администрацией обязан принимать во внимание указания и приказы местных советских военных комендантов». То же самое относится и к созданию чехословацких вооруженных сил: «И в этом случае мы находимся на территории, которая нам еще не была передана в гражданское управление, и нам следует поступать в соответствии с этим». Пока же, писал Немец, «я должен на собственную ответственность проводить мероприятия по поддержке военных усилий Красной армии на территории, на которой я могу пока лишь в этой роли сотрудничать». Немец просил также сообщить, может ли он через Мехлиса направить на съезд национальных комитетов в Мукачево, намеченный на 26 ноября, свое письменное выступление. «Уверяю Вас, господин генерал-полковник, — значилось в телеграмме, — что после вчерашнего разговора в штабе я полностью осознаю более узкое ограничение моих полномочий, чем те, на которые я первоначально рассчитывал, принимаю это к сведению»⁵¹.

24 ноября Немец получил ответ Петрова на это письмо, в котором тот излагал свое видение ситуации. Утверждалось, что «освобожденная территория остается в зоне дивизионных и армейских тылов, где непосредственно ведутся военные операции». «Вы знаете, — говорилось в телеграмме, — что никакой передачи территории, как об этом говорится в пункте 6 Соглашения⁵², еще не было и не могло быть, поскольку освобождена незначительная часть территории. И мне кажется, что Вы не поднимали вопрос о полной передаче Вам этой территории». Далее Петров утверждал, что действующие на восток от

демаркационной линии советские комендатуры заботятся лишь о поддержании военного порядка и решении военных вопросов, а все вопросы внутреннего управления решает правительственный делегат: «издает приказы, распоряжения, созывает конференции, как считает нужным». Формально в определенной степени это было так, но в действительности дело обстояло иначе. «На всей территории Карпатской Украины, — говорилось в телеграмме, — нас занимают лишь военные вопросы, целью которых является улучшение ситуации в тылу, его очищение от взятых в плен венгров, немцев, венгерских жандармов и полицейских, которые еще недавно чувствовали себя особенно хорошо в районе на восток от запретной зоны и даже в разных местах проникли в органы местного гражданского управления. Это объясняется недостатком борьбы с этими элементами, среди которых обнаруживается много шпионов». Петров отклонил также просьбу Немца помочь ему направить текст выступления на готовящуюся конференцию в Мукачево, заявив, что это не в его компетенции и касается лишь отношений делегата с местными органами власти. Телеграмму подписал также Мехлис. Немец, не желавший обострения уже далеко зашедшего конфликта, в своем ответе от 26 ноября, по сути, согласился со всем сказанным советским командующим фронтом, просил извинения за то, что говорил «об управлении освобожденной территорией, хотя эта территория в управление не была передана, поскольку все еще находится в зоне военных действий армейских и дивизионных тылов». Он просил также сообщить мнение о том, имеются ли уже предпосылки «для полной и формальной передачи территории за демаркационной линией» в управление правительственного делегата «в смысле майского соглашения с.г.»⁵³.

Советские военные власти брали на себя, по сути, все функции, связанные с организацией жизни, как на запад, так и на восток от демаркационной линии. Среди гражданских лиц главной их опорой были коммунисты. 19 ноября в зале местного театра г. Мукачево состоялась первая конференция компартии Закарпатской Украины (КПЗУ), на которой присутствовало 294 делегата и 124 гостя. Среди делегатов было 35% рабочих, 50% — крестьян и 15% — представителей трудовой интеллигенции. Конференция приняла резолюцию «О воссоединении Закарпатской Украины с Советской Украиной». В ней говорилось о желании и требовании воссоединиться (объединиться) «со своим старшим братом — народом Советской Украины»: «Отныне мы не малый народ, который нуждается в опеке. Мы — составная часть великого украинского народа». Следует отметить, что в русских переводах документа, поступавших в ОМИ ЦК ВКП(б), используется термин «воссоединение», а в чешской редакции того времени

говорится «об объединении». В резолюции об очередных задачах компартии Закарпатской Украины в качестве основной значилась «организация сил народа для окончательного разгрома гитлеровской Германии, уничтожения фашистской тирании и разрешения национальных, культурных и социальных вопросов путем объединения с Советской Украиной». Указывалось на необходимость конфискации и бесплатной передачи земли в собственность безземельных и малоземельных крестьян, улучшения условий жизни рабочих, служащих и интеллигенции, гарантирования работы всем трудящимся, открытия школ на основе принципа обязательного бесплатного обучения всех детей на их родном языке, создания Государственного университета Закарпатской Украины и ряда других высших учебных заведений. Конференция обязала все партийные организации развернуть широкую работу по увеличению рядов партии за счет привлечения в ее ряды передовых рабочих, партизан, безземельных и средних крестьян, а также лучших представителей национальной интеллигенции. Намечалось создание организаций трудящейся молодежи и трудящегося крестьянства, восстановление деятельности профсоюзов.

Конференция направила письмо Сталину, в котором содержалась благодарность за освобождение и говорилось о мечте «навсегда слиться с нашими братьями из Советской Украины»: «Только Вы, Иосиф Виссарионович, только украинский и русский народы могут понять наши чувства и наши стремления... Верните нас в лоно нашей матери-родины — Украинской державы. Народ наш вечно будет благодарен Вам за эту помощь». Письмо о желании воссоединиться «с великим украинским народом» было направлено также первому секретарю ЦК КП(б)У Н.С. Хрущеву, который именовался «вождем украинского народа, вождем украинских большевиков». Конференция посылала «братский привет ЦК ВКП(б) и ее гениальному вождю т. Сталину». Это приветствие было доставлено адресату. С ним ознакомились также Молотов, А.С. Щербаков, Г.М. Маленков⁵⁴.

На конференции был избран Центральный комитет коммунистической партии Закарпатской Украины (ЦК КПЗУ) в составе 24 человек. Его секретарем стал И.И. Туряница, поддерживавший тесные контакты с советскими военными властями. В руководство КПЗУ входили как прибывшие из СССР, так и местные коммунисты. Что представляли собой эти люди, видно из кратких характеристик, которые были составлены на основе данных, присланных Мехлисом Димитрову в ОМИ ЦК ВКП(б), и личных дел, имевшихся в отделе. Приведем некоторые сведения из этих характеристик, помеченных грифом «совершенно секретно». Туряница (он же — Туреф И.И.): родился в 1901 г. в Мукачево, украинец, из рабочих, в 1925–1930 гг. про-

шел путь от низового партработника до секретаря областного комитета КПЧ в Ужгороде; в 1930–1933 гг. учился в Коммунистическом институте журналистики в Харькове; в 1933–1939 гг. — секретарь крайкома Красных профсоюзов, член крайкома КПЧ; с 1939 г. — политэмигрант в СССР, офицер политпросвещения в 1-м чехословацком армейском корпусе; «имеет большой опыт оргмассовой и руководящей работы, политически развит, теоретически подготовлен, пользуется авторитетом в партийных рядах и популярностью в стране». Вайс Самуил (он же — Варга Ш., Весели В., Вольф К., Кольбен) родился в 1899 г. в Венгрии, из рабочих, образование высшее, по профессии бухгалтер, состоявший ранее в социал-демократической, а затем коммунистической партии Венгрии, с 1921 г. — член ЦК КПЧ; в 1934–1935 гг. учился в Международной ленинской школе, в 1935–1936 гг. — секретарь крайкома Красных профсоюзов в г. Нитра, затем — секретарь крайкома КПЧ в Мукачево и Ужгороде; с 1939 г. — политэмигрант в СССР, работал на предприятиях в Ворошиловграде и Алма-Ате, затем в НИИ-205 при ОМИ ЦК ВКП(б), откуда осенью 1944 г. был командирован в Закарпатскую Украину, «политически развитый и теоретически подготовленный товарищ, в партработе инициативен». Ледней И. Д. (он же — Оленич Василь), родился в 1904 г. в ЗУ, из семьи батрака, украинец; в 1930–1934 гг. учился в совпартшколе в Киеве и институте журналистики в Харькове; в 1934–1939 гг. на партийной работе в ЗУ; с 1939 г. — в СССР, с 1941 г. — доброволец в РККА (специальная служба), затем — в чехословацкой части на территории СССР; «политически развитый и теоретически подготовленный товарищ, имеет опыт оргмассовой и руководящей работы в легальных и нелегальных условиях». Мацканюк М., родился в 1908 г. в ЗУ, украинец, окончил 5 классов народной школы и 3 года (1929–1932 гг.) учился в совпартшколе в Киеве, с 1932 г. — член КПЧ; в 1939 г. приехал в СССР без разрешения партии, за что в марте 1940 г. получил выговор, работал на заводе Ростсельмаш в Ростове-на-Дону, «имеет опыт пропагандистской и оргмассовой работы, теоретически подготовлен». Климпотюк Н.В. (он же — Тиссин К.В.), родился в 1906 г. в ЗУ, украинец, из рабочих, с 1929 г. — член КПЧ, в 1931–1935 гг. учился в совпартшколе в Киеве и Институте журналистики в Харькове, в 1936–1939 гг. — редактор «Карпатской правды» и секретарь окружкома КПЧ, в 1939–1944 гг. — политэмигрант в СССР, «политически развит, теоретически подготовлен, партии предан, имеет опыт работы в легальных и нелегальных условиях». Совпартшколу в Киеве (1930–1933 гг.) окончили также Тимко А. и Ваш И. В 1926 г. один год в партийной школе в Харькове учился Фушич В., который в 1927 г. возвратился в ЗУ на партполитработу, а в 1936 г. стал

депутатом парламента от КПЧ. В одной справке о нем говорилось: «политически развит, неплохой агитатор и организатор». В другой значилось: «После перехода партии на нелегальное положение остался в г. Иршава, стал пить и открыто заявлял, что работа партии его больше не интересует. Впоследствии был интернирован венграми». С 1939 по 1944 г. в СССР находилась Борканюк Ц. (правильно: С. — В.М.), работавшая на различных предприятиях, а в 1943–1944 гг. — в НИИ-205 при ОМИ ЦК ВКП(б). Варга П. (он же — Шалек Р.), член КПЧ с 1921 г., в 1936 г. — член ЦК КПЧ, характеризовался как «политически развитый, честный и преданный партии товарищ, имеющий большой опыт работы среди крестьян». Положительно оценивались и другие члены ЦК КПЗУ: Гандера М., Тарахонич Д. (в 1936 г. — секретарь КСМ ЗУ, «инициативный и преданный партии товарищ»), Раточка И., Вакула Ю., Теслович В. (член КПЧ с ее основания), Желизко И., Шимон Я. («выдержанный коммунист, имеет богатый опыт в партийной работе, но теоретически мало подготовлен»), Пупчак М., Черничко М. (член КПЧ с 1921–1922 гг.). Имели место и накладки, как, например, с Мартой Терполь, из крестьян, «теоретически и политически слабо развитой». С момента оккупации она находилась в СССР, осенью 1944 г. работала в газете, издаваемой 1-м армейским чехословацким корпусом, и в ЦК КПЗУ, по словам Мехлиса, была избрана «заочно и ошибочно, так как она беспартийная»⁵⁵.

Именно эти, в большинстве достаточно подготовленные и преданные идеям коммунизма люди начали развертывать работу по организации деятельности компартии на территории ПР, проведению агитации и пропаганды за ее присоединение к СССР, созданию национальных комитетов (народных рад). В справке о политическом положении в ЗУ, составленной старшим инспектором 7-го управления ГлавПУ РККА В.Медовым в январе 1945 г., говорилось: «По мере освобождения городов и сел Закарпатской Украины повсеместно создавались городские, районные и сельские народные комитеты. В большинстве случаев они возникали без участия и очень часто вопреки желаниям уполномоченного чехословацкого правительства г-на Немеца. Народные комитеты сразу после их возникновения брали власть в свои руки, устанавливали контакт с представителями советского командования, от которых они получали всяческую помощь и поддержку» (подчеркнуто. — В.М.). Механизм реализации угодного Москве сценария развития событий в ЗУ обозначен здесь предельно точно: коммунисты + советское военное командование. «Движение народных масс за создание своей народной власти, — говорилось в справке, составленной 9 января 1945 г. сотрудником ОМИ ЦК ВКП(б) И. Медведевым для Димитрова, — повсюду возглавляли коммуни-

сты, получившие возможность в легальных условиях развернуть активную политическую деятельность»⁵⁶. Хотя точных данных на этот счет нет, но надо полагать, что национальные комитеты (народные рады) и возглавлялись в большинстве своем коммунистами. Ознакомившись с докладом Медова, Димитров сделал краткие заметки: «от Ужгорода до Кремля — советская земля. Этот лозунг популярен среди закарпатских украинцев... т.т. Вайс и Туряница создают национальные комитеты, которые выбираются на сходах. В них входят главным образом коммунисты»⁵⁷. Вместе с тем Й. Кроснарж, посетивший по поручению Загранбюро КПЧ Закарпатскую Украину в конце ноября 1944 г., в своем отчете о поездке писал: «В первый же момент после освобождения во всех городах, деревнях и местечках демократическим путем были избраны национальные комитеты. Были проведены собрания всех граждан с широким участием в них всех слоев народа и были выбраны городские и окружные комитеты. Состав этих комитетов действительно демократический. Наряду с крестьянами и рабочими в них имеются представители интеллигенции и церкви всех здешних вероисповеданий... Наибольшими симпатиями здесь пользуется Коммунистическая партия Закарпатской Украины, она — единственная политическая партия, которая тут существует»⁵⁸.

Под руководством коммунистов и начало разворачиваться якобы стихийное движение за присоединение ПР к Советскому Союзу, Советской Украине. На собраниях одновременно с выборами местных национальных комитетов (народных рад) принимались и резолюции с просьбами о включении ПР в состав СССР. Активно занялась пропагандой этой идеи и ежедневная коммунистическая газета «Закарпатська правда» (редактор — вышеупомнутый Климпотюк), тираж которой сначала составлял 4000, а после 24 ноября 1944 г. — 8000 экземпляров. О пропагандистской деятельности газеты свидетельствует, в частности, и подборка статей из нее за ноябрь-декабрь 1944 г., присланная в ОМИ ЦК ВКП(б). 17 ноября, например, на страницах газеты было опубликовано обращение командира партизанского отряда В. Диянича к Сталину, озаглавленное «С думой о родине». В нем говорилось: «Выслушайте и поймите нас, Иосиф Виссарионович! Примите нас в свою семью... Вы нас возродили, ибо до сих пор мы почти мертвыми были. Поэтому и обращаемся к Вам, как к отцу родному... Возьмите нашу бедную, маленькую страну гор и деревень в „Союз нерушимый республик свободных“. Мы разроем Карпаты, если они окажутся препятствием к этому, мы разобьем все преграды, если только услышим Ваше отцовское: Да!»⁵⁹.

Отдел внешних сношений НКО СССР направил НКВД СССР 26 ноября 1944 г. копии с лент телеграмм, адресованных Сталину, с

просьбой о присоединении ЗУ к Советскому Союзу: народный совет села Золотарево (12.11.44. Подписи 60 человек), собрание г. Волове (19.11.44. 70 подписей), митинг крестьян села Сенемир Воловецкого округа (226 подписей), петиция граждан села Горяны («хотим строить свою жизнь и свое счастье под Вашим отцовским руководством»), 17.11.44. 48 подписей), село Королева над Тисой («Мы все, как один, просим, чтобы нас великий советский народ взял под свою опеку и принял нас, закарпатских украинцев, в состав Советского Союза, потому что считаем себя украинцами и русскими, а не чехами». 25.11.44. 147 подписей), представители народного комитета Тячевского округа (19.11.44. 366 подписей), жители села Голубиног Свалявского округа (19.11.44. 371 подпись) и т. д.⁶⁰. Следует отметить, что резолюции и обращения хотя и были аналогичны по сути, по форме отличались друг от друга, т. е. тексты их писались по заданию, но не под копирку. Можно ли из этих и других подобных материалов сделать вывод, что 95% населения ЗУ, как говорилось в отчете Кроснаржа, выступало за присоединение края к УССР? И да, если очень хотелось верить в это, и нет, поскольку никто никогда не подсчитывал, какую часть от общего числа дееспособного населения ЗУ составляли поставившие свою подпись. И.И. Поп, например, считает, что по данному вопросу население ЗУ разделилось на три неравные группы: последовательных сторонников, пассивных противников и индифферентных⁶¹. К сожалению, он не говорит, как конкретно выглядело это неравенство. С. Виднянский (Киев) и М. Гайдош (Прешов, Словакия) пишут, что в историографии до сих пор дискутируется вопрос о том, было ли движение за присоединение ЗУ к УССР действительно массовым или лишь одним из политических направлений, не охватывавшим даже треть политически активного населения⁶². Думается, что дать ответ на этот вопрос чрезвычайно трудно, а может быть, и просто невозможно.

На собраниях и митингах, принимавших резолюции о присоединении ПР (ЗУ) к СССР, одновременно выносились решения о ее выходе из состава Чехословакии. Так, например, на общем городском собрании жителей Ужгорода было принято обращение к Бенешу (письмо на русском языке опубликовала газета «Закарпатська Україна» 15 ноября 1944 г.), в котором наряду с сердечным приветом и наилучшими пожеланиями содержалась просьба помочь осуществить единую волю закарпато-украинского народа воссоединиться с Советской Украиной⁶³. 25 ноября Бенеш получил отправленные открытым текстом телеграммы жителей двух населенных пунктов ПР с просьбой поддержать ее присоединение к Украине. «Ни на что я отвечать не буду и наши органы пусть тоже не отвечают, — сообщал

Бенеш свою позицию Фирлингеру в тот же день. — Все это будет обсуждаться между нами на мирной конференции. Пока же существует обязательство относительно домюнхенских границ. Я только удивляюсь тому, что советская цензура эти депеши пропустила с „украинского фронта“ У британской цензуры они уже также имеются, и я ожидаю, что как только это здесь станет необходимым, это будет использовано. Мы публично обо всех этих вещах будем хранить молчание». Таборский в связи с депешей записал в дневнике: «Я спросил по этому случаю президента, как он на все это смотрит. „Вот теперь и увидим, сказал он, — думал ли Сталин искренне в 1943 г. или же хотел нас лишь обмануть. Или же Москва не имеет такого влияния на военных, как мы думаем, и не хочет их дезавуировать, или же они (в Москве — ред.) обманщики“»⁶⁴.

Немец, осознав всю сложность ситуации, 23 ноября направил телеграмму-молнию Фирлингеру в Москву для пересылки ее в Лондон⁶⁵. Немец сообщал своему правительству, что по всей Карпатской Украине распространяется листовка под названием «За объединение Закарпатской Украины с Советской Украиной», содержащая резолюцию Коммунистической партии Закарпатской Украины от 19 ноября 1944 г.: «В смысле этой резолюции на запад и восток от демаркационной линии подписываются заявления населения городов и деревень». Далее говорилось, что на 26 ноября в Мукачево назначен съезд представителей национальных комитетов обеих зон и что все делегаты получили пропуска от советских комендантов. Немец запрашивал инструкции относительно своих дальнейших действий и информировал правительство о том, что обратился к командованию фронта с просьбой дать ему возможность немедленно вылететь в Москву⁶⁶. В тот же день он направил телеграмму Мехлису. В ней также говорилось об агитации за присоединение Карпатской Украины к СССР, о предстоящем съезде в Мукачево, подчеркивалось, что, несмотря на запрет перехода из одной зоны в другую, разрешение на пересечение демаркационной линии от военных комендантов получили все делегаты с территории на восток от этой линии: «Запрещение переходить эту линию направлено, таким образом, односторонне против членов делегации чехословацкого правительства, которым также запрещено установить контакт с участниками съезда или самим съездом». Далее в телеграмме говорилось: «Я также убежден, что Вам известно содержание распространяемой листовки с решением коммунистической партии, поскольку Вы сами констатировали, что без военной цензуры на освобожденной территории Карпатской Украины не может быть выпущено ни одно печатное издание». Немец подчеркивал, что распространению листовки с подобным содержанием находится в явном

противоречии с советско-чехословацким Соглашением, и просил дать ему возможность вылететь в Москву. К телеграмме прилагался письменный текст возможного выступления на съезде правительственного делегата, в котором разяснялись его задачи и отношение к будущему украинского народа: «Чехословацкое правительство стояло и стоит на той позиции, что внутреннее урегулирование отношений в республике будет делом собственного решения свободно избранных представителей того или иного славянского народа республики... Я не намерен вмешиваться в ваши внутренние дела. Вы их решите, как только республика будет освобождена и когда возникнут условия для проведения нормальных выборов представителей вашего народа»⁶⁷. Мехлис на телеграмму не ответил. Текст выступления Немца съезду передан не был. Почему? Очевидно, потому, что сценарий дальнейшего развития событий был уже готов, и роль чехословацкого правительственного делегата в нем отсутствовала.

Невозможно себе представить, чтобы о всем происходившем на освобожденной территории ПР не были осведомлены на самом верху, в Кремле, чтобы об этом не знал Сталин. Хотя полных данных о том, какие сведения ложились ему на стол, пока нет, но известно, что из секретариата Молотова такая информация ему поступала и не могла не привлечь его внимания. Также трудно вообразить, чтобы «военные», Петров и Мехлис, действовали вопреки воле Сталина: ведь вопрос лежал не в военной, а в политической плоскости, и тут его слово, как, впрочем, и везде, было законом. Но советский лидер пока предпочитал роль «стороннего наблюдателя», выжидая дальнейшего развития событий в ПР и реакции на них со стороны чехословацкого правительства и мировой общественности. Разыгрывавшийся сценарий должен был быть реализован по инициативе и руками «низов», как в случае с Западной Украиной, Западной Белоруссией и прибалтийскими странами.

Одновременно с движением за присоединение ПР к УССР началась античешская, античехословацкая кампания, подхваченная в печати. 18 декабря 1944 г. Г. Димитров получил подборку материалов, в том числе и из газеты «Закарпатська Україна», о резких выпадах против чехословацкого правительства и его делегата на освобожденной территории⁶⁸. Следует заметить, что античехословацкая кампания была развернута в преддверии съезда народных комитетов Закарпатской Украины, который, как уже говорилось, готовился коммунистами при поддержке советского командования на 26 ноября 1944 г. В обобщающих материалах о событиях на Закарпатской Украине, подготовленных НИИ-205 для ОМИ ЦК ВКП(б) в марте 1945 г., по этому поводу говорилось: «В информациях и газетных материалах, посту-

павших из Закарпатской Украины в первые недели после освобождения, Чехословакия почти не упоминается... в первый период, до съезда народных комитетов... население Закарпатской Украины не проявляло недружелюбного отношения к Чехословакии. Однако явно не было и никакого сотрудничества с чехословацкой правительственной делегацией»⁶⁹. Античехословацкие настроения подогревались главным образом в печати, по всей видимости, искусственно. Говоря современным языком, при поддержке советских военных властей была развернута мощная «пиар-кампания» против сохранения Подкарпатской Руси в составе восстановленной Чехословацкой республики.

В назначенный день, 26 ноября 1944 г. в Мукачево состоялся съезд Народных комитетов Закарпатской Украины. В советских документах и литературе он именовался не иначе как съезд народных, а не национальных комитетов. В его работе участвовало 663 делегата. У автора нет данных о том, как выбирались делегаты съезда и проходили ли выборы вообще, как шла работа самого форума. По данным Виднянского и Гайдоша, им фактически руководили политические органы советской армии во главе с Мехлисом, Л. Брежневым и полковником И. Тюльпановым, а также такие высокопоставленные советские функционеры из Киева, как А. Чеканюк (впоследствии — ректор Высшей партийной школы при ЦК КП(б)У), А. Тканко — партизанский командир (вскоре — командир созданных в ЗУ народных дружин), майор Левко, который контролировал деятельность молодежных коммунистических организаций в крае. Самое активное участие в подготовке съезда приняла КПЗУ во главе с Туряницей⁷⁰. Немец, как уже говорилось, не получил возможность даже представить на съезд свое письменное выступление.

Делегаты съезда были единодушны в своем мнении видеть Закарпатскую Украину в составе СССР. Многие выступления содержали античешские, античехословацкие выпады, что подчеркивалось затем и коммунистической прессой, в частности газетой «Закарпатська правда». Этот мотив, зазвучавший в речи Туряницы, был подхвачен и другими делегатами, в частности О. Тимко, В. Похваном, Ю. Сикурой⁷¹. Съезд единодушно принял постановление, гласящее: «1. Воссоединить Закарпатскую Украину со своей великой матерью Советской Украиной. 2. Просить Верховный Совет Украинской Советской Социалистической Республики и Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик включить (в последующих публикациях документа это слово было заменено на слово «принять». — *В.М*) Закарпатскую Украину в состав Украинской Советской Социалистической Республики. 3. Избрать Народную Раду (в дальнейших публикациях — Народный Совет. — *В.М*) как

единственную центральную власть, действующую по воле народа на территории Закарпатской Украины. 4. Уполномочить и обязать (слово «обязать» в дальнейших публикациях исключено. — *В.М.*) Народную Раду Закарпатской Украины осуществить постановление съезда о присоединении Закарпатской Украины к Советской Украине» ⁷². Это постановление, принятое единогласно, было затем включено в Манифест съезда, который отправил приветствия маршалу Сталину, Красной Армии, президиуму Верховного Совета УССР (М.Е. Гречухе), Совету Народных комиссаров УССР (Хрущеву). С Манифестом, судя по материалам, направленным Димитрову, было ознакомлено все взрослое население ЗУ. К 1 января 1945 г. его подписало более четверти миллиона человек ⁷³. Это число, составлявшее 50% всего взрослого населения края, по мнению Виднянского и Гайдоша, могло быть в целом реальным, «если учесть опыт организаторов подобных акций, при проведении которых не стеснялись применять методы давления и сознательного обмана людей» ⁷⁴.

Съезд избрал Народную Раду Закарпатской Украины (НРЗУ), из 17 членов которой 10 являлись коммунистами. Председателем Рады стал Туряница, он же — секретарь КПЗУ. Его заместителями были П. Сова, юрист по образованию, председатель Ужгородского народного комитета, недавно принятый в ряды компартии, и профессор П. Линтур, окончивший Пражский университет преподаватель богословия и литературы, в прошлом — член комсомола Чехословакии, в 1944 г. — узник концлагеря, после освобождения — член Хустского городского народного комитета, недавно принятый в ряды компартии. Таким образом, председатель НРЗУ и два его заместителя были коммунистами. Они же получили и важнейшие посты: внутренних дел и государственной безопасности (И. Ваш), сельского хозяйства (Д. Тарахонич), промышленности и торговли (С. Вайс), просвещения (И. Керча), коммунального хозяйства (П. Сова), не имели портфелей В. Теслович и С. Борканюк. Остальные посты занимали формально беспартийные, либо состоявшие в компартии в прошлом, либо сочувствовавшие ей, либо готовые вступить в ее ряды, но не принятые из тактических соображений. Например, о священнике православной церкви И. Кополовиче, возглавившем комиссию по расследованию зверств оккупантов, в характеристике, представленной на него, как и на всех прочих членов НРЗУ, в ОМИ ЦК ВКП(б), говорилось: «Работает очень активно. Добивается приема в ряды компартии, пока не принят из тех соображений, что ему временно лучше выступать как беспартийному в составе Народной Рады» ⁷⁵.

НРЗУ официально довела до сведения командующего 4-м Украинским фронтом генерала Петрова о состоявшемся в Мукачеве съезде

де и принятых им решениях, хотя, несомненно, ему обо всем этом было известно заранее: в противном случае проведение съезда было бы запрещено. «Народная рада Закарпатской Украины, — говорилось в письме, — являясь единой и законной центральной властью Закарпатской Украины, просит за всеми вопросами, которые касаются Закарпатской Украины, обращаться только к нам по адресу: Мукачево, ул. 26-го Октября, № 51»⁷⁶. В подробной телеграмме от 28 ноября 1944 г. Немец информировал свое правительство о ходе мукачевского съезда и принятых им решениях.

Меж тем «блокада» чехословацкой правительственной делегации продолжалась, и Немец, по его словам, несмотря на все усилия, не мог получить никаких сведений ни о позиции своего правительства, ни о позиции советских органов. Советское же командование продолжало предъявлять Немецу все новые претензии, связанные с нарушениями советско-чехословацкого соглашения, прежде всего, военными представителями чехословацкой администрации. Претензии касались, в частности, не разрешенных советскими военными органами переходов демаркационной линии, попыток проведения мобилизации в чехословацкую армию и агитации против добровольного вступления в Красную Армию на запад от этой линии, хранения оружия и боеприпасов населением в зоне деятельности правительственной делегации, укрывательства венгров и немцев перед отправкой в лагеря для военнопленных на этой территории, перемещения в Хуст так называемого резервного полка 1-го ЧАК без согласия командования фронта и т. д. Немец посылал «объяснительные телеграммы» по каждому конкретному факту и извинялся за случившееся. Петров и Мехлис, подписывавшие телеграммы на имя правительственного делегата, заверяли, что командование фронта интересуется только решение военных вопросов в обеих зонах освобожденной территории ПР, а проведение различных конференций его, дескать, не касается. Конечно, это было, мягко говоря, лукавство: если без согласия советских военных властей на этой территории не могло появиться ни одно печатное издание, то что же говорить о съездах, на которые приглашались делегаты со всего Подкарпатья. Хотя было очевидно, что без ведома командования фронта ни один из вышеупомянутых съездов не мог состояться и что оно поддерживает отношения с избранными ими органами, ЦК КПЗУ и НРЗУ, но в депешах Петрова и Мехлиса на имя Немца фаришейски утверждалось, что командование «со своими пожеланиями и потребностями будет обращаться исключительно к правительственному делегату»⁷⁷. По всей видимости, материалы российских архивов, касающиеся деятельности советских военных (и не только

военных) органов в Закарпатье осенью 1944 г., пока остаются недоступными для исследователей: по крайней мере, весьма интересный сборник документов о пребывании Красной Армии на территории стран Центральной, Северной Европы и на Балканах в 1944–1945 гг. не содержит ни одного документа, относящегося к территории Подкарпатской Руси, которую части Красной Армии освобождали от венгерской оккупации и которую советское правительство признавало тогда составной частью Чехословакии⁷⁸.

Конфликт между командованием 4-го Украинского фронта и правительственным делегатом казался Немцу неразрешимым. 1 декабря он направил новую телеграмму чехословацкому посольству в Москве. В ней сообщалось, что национальные комитеты получили приказ прекратить сотрудничество с правительственной делегацией. «Я сам не хочу ничего делать против их воли... Я не могу взять на себя дальнейшую ответственность», — писал Немец и просил договориться о его вылете в Москву или Лондон⁷⁹. В тот же день с нарочным он получил письмо, подписанное Туряницей и датированное 30 ноября 1944 г. В нем Народная Рада предлагала чехословацкому правительственному делегату и всему его гражданскому и военному аппарату в трехдневный срок покинуть территорию Закарпатской Украины. «В случае неподчинения нашему категорическому решению и нашему требованию, — говорилось в письме, — мы вынуждены будем предпринять дальнейшие шаги, со всеми для Вас из этого вытекающими последствиями»⁸⁰. После получения этого приказа Немец отправил телеграмму-молнию чехословацкому посольству в Москве. В ней он сообщал о своем намерении добиться встречи с командующим 4-м Украинским фронтом Петровым, так как съезд работал на территории, где деятельность правительственной делегации была запрещена. Поскольку, по словам Немца, он не хотел принимать каких-либо решений, которые могли бы нарушить советско-чехословацкое Соглашение, правительственный делегат снова настаивал на получении инструкций относительно своей дальнейшей деятельности. 2 декабря он отправил ответ Народной Раде, в котором выразил желание сотрудничать с ней по всем практическим вопросам экономического и социального характера, исключая вопрос о государственно-правовом положении Карпатской Украины, который, по его словам, может быть решен лишь правительством. Немец сообщал, что информировал его о решениях мукачевского съезда и ждет дальнейших инструкций. Ответ Немца передал лично Турянице политический советник делегации коммунист Й. Вало. По его словам, Туряница угрожал, что в случае отказа добровольно покинуть Карпатскую Украину делегация будет выдворена с ее территории⁸¹.

Однако этого не случилось. 3 декабря по настоятельной просьбе Немца состоялась его встреча с Петровым и Мехлисом. Последние, всячески демонстрируя свою непричастность к случившемуся, лицемерно, по-другому это нельзя назвать, заявили, что для них само собой разумеющимся и единственным лицом, с которым они намерены вести переговоры, остается чехословацкий правительственный делегат, и это его дело, как он урегулирует отношения с местными властями. Мехлис даже предложил послать роту советских солдат для охраны делегации, от чего Немец отказался⁸². После этой встречи он снова попытался наладить отношения с Народной Радой в целях решения некоторых практических вопросов организации жизни на освобожденной территории. Из этого ничего не вышло. Туряница отверг сотрудничество, заявив, что все важные вопросы они будут решать сами. 5 декабря НРЗУ приняла постановление о прекращении связей народных комитетов Закарпатской Украины с уполномоченным правительства Чехословацкой республики д-р Немцем и его гражданским и военным аппаратом, временно находившимся в Хусте. Комитетам предписывалось «исполнять указания исключительно Народной Рады и поддерживать правительственный контакт только с нею». Вместе с тем 6 декабря Народная Рада направила Немцу письмо, в котором просила немедленно переслать президенту Чехословацкой республики Э. Бенешу приложенное послание. В нем до сведения президента доводился принятый на съезде народных комитетов Манифест о «воссоединении» ЗУ с Советской Украиной и выходе ЗУ из состава Чехословацкой республики. В обращении выражалась надежда, что президент не будет «противиться исполнению вековой мечты нашего украинского народа — соединению со своей матерью — Советской Украиной» и даст скорейшее указание «правительственному делегату Чехословацкой республики г-ну Немец об отъезде с территории Закарпатской Украины». Письмо было подписано почему-то только десятью членами НРЗУ⁸³.

7 декабря 1944 г. Немец сообщил Народной Раде, что ее послание президенту отправлено в Лондон. Вместе с тем он обращал внимание Рады на то, что как глава правительственной делегации он обязан выполнять законы и конституцию Чехословацкой республики, а также Соглашение с СССР. Кроме того, на основании этого Соглашения и переговоров с Петровым и Мехлисом 3 декабря подчеркивалось, что «советский главнокомандующий будет со всеми своими желаниями и нуждами обращаться исключительно к правительственному делегату, который готов сотрудничать с Радой в целях их выполнения»⁸⁴. Но НРЗУ уже полностью взяла инициативу в свои руки. Вскоре после съезда она издала декреты о государственном гимне и государственном флаге ЗУ: ими стали гимн и флаг Советского Союза. На флаге

был написан лозунг «Да здравствует воссоединение Закарпатской Украины с Советской Украиной!». По постановлению Рады каждый номер газеты, выходящий в ЗУ, должен был иметь над заголовком тот же лозунг⁸⁵. Постановлением НРЗУ от 5 декабря 1944 г. в качестве ее местопребывания определялся Ужгород. До конца 1944 г. Рада приняла ряд важных декретов и постановлений, касавшихся как организации жизни на территории ЗУ, так и отношений с чехословацким правительством и его делегатом⁸⁶. 9 декабря 1944 г. за подписями Туряницы и Ваша был издан декрет «О запрещении мобилизации в чехословацкую армию и разрешении вербовки добровольцев в Красную Армию». Декрет вступал в силу со дня принятия, за его проведение в жизнь отвечал уполномоченный НРЗУ по делам государственной безопасности. Кроме того, был принят декрет об организации добровольных народных дружин и их центрального штаба. Членам дружин предлагалось без отрыва от своей основной работы с оружием в руках «защищать население Закарпатской Украины от нападения внешних и внутренних врагов». Все народные дружинники обязаны были торжественно присягнуть «на верность Родине, Народной Раде Закарпатской Украины и Манифесту о воссоединении Закарпатской Украины с Советской Украиной». Народной милицией и народными дружинами руководил герой Советского Союза бывший партизанский командир коммунист Тканко.

Декретом от 18 декабря 1944 г. создавался Специальный суд НРЗУ «для борьбы с врагами нашего народа». Суд, который действовал на всей территории ЗУ, формально избирался Народной Радой и имел очень широкие полномочия. До издания уголовных, уголовно-процессуальных и других законов Суд руководствовался «своим правосознанием и внутренним убеждением, которые основываются на интересах обеспечения независимости власти (т. е. НРЗУ. — В.М.) и личных прав граждан». Такая формулировка давала возможность произвола и принятия судом субъективных решений, особенно учитывая, что ему был подвластен чрезвычайно широкий круг дел (всех «преступных злодеяний, рассмотрение которых в Специальном суде будет признано необходимым») ⁸⁷. В качестве меры наказания Суд имел право применять тюремное заключение сроком на 10 лет и расстрел с конфискацией имущества. Приговоры Суда выносились именем НРЗУ и не подлежали отмене. Приговоры о расстреле должны были подтверждаться Народной Радой. Декрет вступал в силу со дня опубликования 18 декабря 1944 г. Сведений о результатах его конкретной деятельности зимой-весной 1945 г. в распоряжении автора нет, но, думается, они не могли не убавить число сторонников НРЗУ и тех, кто горячо поддерживал присоединение ЗУ к УССР.

Однако другие мероприятия, инициируемые коммунистами, наоборот, вербовали им новых союзников. Например, сразу стал реализовываться очень актуальный для малоимущих слоев деревни декрет о земле, полным ходом шла национализация производства. В собственность государства перешли все банки: был создан Народный банк Закарпатской Украины⁸⁸. Эти, проведенные в сжатые сроки и еще до официального присоединения ПР к СССР, преобразования являлись первым этапом на пути ее включения в систему социалистического хозяйства. Процесс советизации ЗУ, как по праву считают Виднянский и Гайдош, начался практически с первых дней вступления Красной Армии на эту чехословацкую территорию, что само по себе было уже нарушением всех предшествовавших советско-чехословацких договоренностей. Среди внутренних факторов, содействующих осуществлению советизации, упомянутые историки называют следующие: а) исторические, национально-культурные и этнографические факторы; укрепление осознанности местным населением его идентичности с украинской национальностью, убеждение в неизбежности и прогрессивности объединения с «братьями» по другую сторону Карпат, что было для многих жителей Закарпатья гарантией национально-культурного развития после многолетнего национального гнета; б) социально-экономические условия: в период венгерской оккупации усилилось обеднение большей части населения ЗУ; в) политические обстоятельства: несмотря на репрессии венгерских оккупационных властей, в крае действовало относительно большое число коммунистов, имевших здесь значительное влияние еще со времени домюнхенской Чехословакии и получавших поддержку как Загранбюро КПЧ в Москве, так и коммунистической партии Украины. Просоветской и прокоммунистической ориентацией отличалось и тесно связанное с партизанским движением на Украине закарпатское движение Сопротивления, хотя оно и не было таким массовым, как это изображалось советской пропагандой⁸⁹. «Политика Народной Рады, коммунистических деятелей Закарпатской Украины, — говорилось в вышеупомянутом материале, направленном Бурцевым Димитрову, — ориентируется на Киев, на Москву, Советский Союз они считают своей родиной»⁹⁰.

Для реализации намеченных планов коммунистам требовались надежные помощники, «приводные ремни» к массам, поэтому они развернули активную деятельность по «восстановлению и оживлению работы профсоюзов, крестьянских, молодежных, женских организаций»⁹¹. Вся деятельность коммунистов, вопреки советско-чехословацкому Соглашению от 8 мая 1944 г., была нацелена на установление в ЗУ новой власти и присоединение этой территории

к СССР. Командование 4-го Украинского фронта оказывало этому всемерную негласную поддержку, что конкретно организовывал, по всей видимости, Мехлис. А вот приказа оказывать такую поддержку чехословацкому правительственному делегату генерал И.Е. Петров не имел: в указанной директиве Генерального штаба КА от 27 октября говорилось лишь о разрешении «допустить» ее на освобожденную территорию Чехословакии. Параллельно с запуском механизма присоединения Закарпатья к СССР (организация собраний, митингов, петиций, съездов КПЗУ и НКЗУ, проведение карательных акций, осуществление социально-экономических мероприятий) Мехлис поставил вопрос о культурном обслуживании населения этой области. 19 декабря 1944 г. он обратился в отдел пропаганды ЦК ВКП(б) с просьбой оказать помощь жителям ЗУ литературой, кинофильмами, радиоустановками, поскольку «скудные фонды фронта» не позволяют ему это делать. Письмо из отдела пропаганды поступило в ОМИ ЦК ВКП(б), а затем за подписями Г. Димитрова и его заместителя Л.С. Баранова было направлено В.М. Молотову. Такое же письмо было послано на имя Г.М. Маленкова⁹². Известно, что на освобожденной территории ПР действовали и радиоустановки, и динамики, что там выступала, например, часть труппы Большого театра, что показывались советские кинофильмы, что в массовом порядке печатались и распространялись листовки с призывом выступить за присоединение ПР к СССР. Все это требовало соответствующей организации и финансирования. Последнее, как можно предположить, осуществлялось Москвой и Киевом.

Эволюция позиции Загранбюро КПЧ в Москве

Чешские и словацкие коммунисты, и оказавшиеся на освобожденной территории ПР, и находившиеся вне ее пределов, стали, в определенной степени, заложниками, хотя и добровольными, возникшей ситуации. Документы отражают эволюцию их взглядов на события, происходившие в Закарпатье осенью 1944 г. Поддерживая сначала идею восстановления Чехословакии как государства трех народов: чехов, словаков и карпато-украинцев⁹³, коммунисты затем отказались от нее и высказались за включение ПР в состав СССР. Но путь от первого ко второму взгляду отмечен и колебаниями, и недопониманием происходившего, что особенно характерно было для позиции Загранбюро КПЧ в Москве. Оно сначала, видимо, пребывало в растерянности, не зная, как совместить действия коммунистов в ЗУ с чехословацко-советским соглашением от 8 мая 1944 г.: Москва, с одной стороны, официально как бы поддерживала идею

восстановления Чехословакии в домюнхенских границах, а с другой стороны, не пресекала деятельность по отторжению от нее Подкарпатской Руси. В конце концов, вероятно, возобладала мысль о том, что надо держаться официальных договоренностей Москвы с Бенешем. Такой вывод, в частности, можно сделать из следующего. Фирлингер, получивший 16 ноября телеграмму из Лондона о том, что кампания за присоединение ПР к СССР возглавляется Туряницей, решил выяснить на этот счет мнение К. Готвальда и Б. Врбенского. 19 ноября 1944 г. посол передал в Лондон, что сообщение относительно Туряницы вызвало в Москве всеобщее удивление. Очевидно, тут под «Москвой» Фирлингер понимал представителей Загранбюро КПЧ в Москве, К. Готвальда и Б. Врбенского, с которыми он беседовал на этот счет. «Готвальд был бы очень удивлен, — писал посол, — если бы за всем этим делом действительно крылось какое-то изменение советской политики в отношении нас. Он, однако, убежден, что в Подкарпатье — спонтанное воодушевление за присоединение к СССР, чего следовало ожидать. С Туряницей у него связи нет, и Туряница также в последнее время не был в Москве. Готвальд однако полагает, что Турянице хорошо известна точка зрения партии. Наконец, в пятницу отправились в Подкарпатье Кроснарж, Климпотюк и Борканюк, у которых имеются инструкции. Готвальд считает, что советские органы не могут действенно препятствовать стихийным выступлениям за присоединение к СССР. Москва в этом плане не станет для нас играть роль полиции. Готвальд однако не думает, чтобы выступления были инспирированы официально. В Подкарпатье определенно много социальных проблем. Мы должны проводить там действительно народную политику, иначе население, которое в течение 6 лет было оторгнуто от республики, не ощутит значительного изменения по сравнению с венгерским режимом и тем более будет желать присоединения к СССР»⁹⁴. Таким образом, речь шла лишь о проведении «действительно народной политики» во имя сохранения ПР в составе Чехословакии.

Врбенский, по словам Фирлингера, полагал, что «никогда ни в партии, ни у высших офицеров просвещения, каким являлся Туряница, не наблюдалось тенденций, направленных на отторжение Подкарпатья. Этих тенденций он также никогда не наблюдал у советских военных и политических деятелей». Врбенский рекомендовал занять «благоклонную позицию в стремлении найти какой-либо формально приемлемый выход» и «с осторожностью принимать сообщения, недооценивающие сложную политическую ситуацию на освобожденной территории и особенно в Подкарпатье»⁹⁵. Из этого следует, что находившиеся в Москве чехословацкие коммунисты

либо лукавили, делая свои заявления, либо действительно не понимали смысла происходивших в ПР событий. На тот момент, скорее, второе. Следует учитывать, что поступавшая оттуда информация была чрезвычайно скудна и отрывочна.

19 ноября 1944 г. Готвальд получил телеграмму офицера по просветительной работе 1-го чехословацкого армейского корпуса штаб-капитана Я. Прохазки (в документах также: Прохаска), в которой говорилось: «По полученным сведениям карпато-украинский народ высказывается за присоединение к СССР... Ставится вопрос о плебисците и выдвигается требование к Бенешу разрешить такой плебисцит. На освобожденной территории Закарпатской Украины выявилась обстановка, требующая особого решения. По моему мнению, мы как коммунисты должны поддержать данное общенародное требование, но с тем ограничением, чтобы не потерпеть ущерба в едином фронте борьбы». Прохазка запрашивал мнение Загранбюро КПЧ и инструкции относительно дальнейших действий. 21 ноября Готвальд подготовил проект ответа на полученную телеграмму. В нем говорилось: «Отвечаем на Ваш запрос относительно позиции ЦК КП Чехословакии по вопросу о присоединении Закарпатской Украины к СССР. ЦК КПЧ считает: 1. В настоящих условиях необходимо сосредоточить все усилия на борьбе против немецких захватчиков. Постановка вопроса о присоединении Закарпатской Украины к СССР в настоящее время могла бы лишь ослабить усилия чехословацкого народа и нанести вред общему делу. 2. Не выступая против желания закарпатских украинцев о присоединении Закарпатской Украины к СССР, ЦК КПЧ в то же время считает, что вопрос о плебисците может быть поставлен лишь только после окончания войны». В тот же день проект телеграммы Готвальда Димитров отправил Молотову, подчеркнув в сопроводительном письме: «Мы со своей стороны согласны с проектом ответа т. Готвальда и просим Вашей санкции на посылку этой телеграммы в адрес Прохаска»⁹⁶. Через два дня после этого Димитров записал в своем дневнике: «Заслушал сообщение майора Медова (ПУР) о Закарпатской Украине. Рекомендовал чешским товарищам отнестись положительно к движению за присоединение Закарпатской Украины к Советскому Союзу»⁹⁷. Что же произошло за эти два дня? Димитрову, чутко улавливавшему настроения Кремля, видимо, стала известна реакция советского руководства на события в ЗУ, иначе такой рекомендации не последовало бы. Дал или нет Молотов свое согласие на отправление телеграммы Готвальда, неизвестно. Скорее всего, она была попридержана. Ситуация, сложившаяся к этому времени в ЗУ, безусловно известна Молотову, делала посылку телеграммы неактуальной и, более того, наносящей вред интересам Москвы.

Но, видимо, еще ранее Загранбюро КПЧ, не желая оставаться в неведении, само решило выяснить, что происходит в Закарпатской Украине. С этой целью туда и был направлен Й. Кроснарж. Вместе с Климпотюком и С. Борканюк они отправились из Москвы 14 ноября и «с помощью партийных и военных органов» 21 ноября прибыли в Ужгород. «О нашей поездке и нашей деятельности, — по словам Кроснаржа, — руководство 4-го Украинского фронта не было информировано, и там были удивлены нашим приездом. Связаться с Москвой нам разрешено не было». Эти слова свидетельствуют, что с кем-то из представителей командования фронта, скорее всего с Мехлисом, Кроснарж общался и получил представление о позиции советских военных относительно событий в ЗУ. С Немцем он встретился только 23 ноября. Беседовал он, по всей видимости, также с Туряницей и Вайсом. Оценивая политику и деятельность компартии, Кроснарж писал в отчете о поездке: «Руководство компартии, главным образом тов. Туряница и Вайс, до конца октября придерживалось той линии, что Закарпатская Украина остается в рамках новой демократической Чехословацкой республики и на территории Закарпатской Украины будет распоряжаться и управлять украинский народ. Но уже в начале ноября, если они не хотели отстать от массового движения всего народа, они были вынуждены изменить свою линию и встать во главе всего народа на борьбу за присоединение к Советскому Союзу». Круг общения Кроснаржа, очевидно, был весьма ограничен. Его впечатления от увиденного и услышанного сводились к следующему: «Вся Закарпатская Украина, освобожденная Красной Армией от немецко-мадьярских оккупантов, охвачена великой любовью к Красной Армии, Советскому Союзу и товарищу Сталину». Осознав, что неофициальный «плебисцит» в ЗУ уже, по сути, состоялся и что результаты его отражены в многочисленных резолюциях и обращениях граждан о присоединении Закарпатья к Советской Украине, Кроснарж пришел к заключению, что идея сохранения ПР в составе восстановленной ЧСР нереальна. 26 ноября он отправился в обратный путь. В отчете он указал, что КПЗУ «испытывает недостаток в опытных кадрах», что «нужно быстро провести их подготовку» и «как можно быстрее послать на партийную работу всех способных украинских товарищей, которые до сих пор проживают в Советском Союзе»⁹⁸.

Загранбюро КПЧ в Москве ничего не оставалось, как изменить свою позицию в отношении ЗУ, следовать советам Димитрова и помочь КПЗУ кадрами. Еще раньше в Подкарпатье на подпольную работу по рекомендации Загранбюро КПЧ были посланы П. Варга, И. Ионаш и В. Нямышук. Перед их отправкой в ЗУ с ними беседова-

ли Готвальд и Копецкий. Разрешение на их отъезд было испрошено у Молотова и Маленкова⁹⁹. Последнее свидетельствует, что хотя официальные лица в Москве всячески открещивались от движения, развернувшегося в ЗУ, подчеркивая его стихийный характер, но на самом деле они были в курсе происходившего и санкционировали, конечно негласно, помощь этому движению. Таким образом, дела расходились со словами. Зорин, например, как сообщал Фирлингер в Лондон 30 ноября 1944 г., уверял его, что «никакая агитация за присоединение к СССР с их (советской. — В.М.) стороны не поддерживается, а наоборот, прямо тормозится, хотя это связано с трудностями. Советское правительство вообще не намерено свою политику по отношению к нам в вопросе о Подкарпатье менять»¹⁰⁰. Формально она и не менялась, но практика свидетельствовала об обратном.

В конце декабря 1944 г. Загранбюро КПЧ окончательно пересмотрело свой взгляд на события в ПР. Об этом свидетельствует его письмо, направленное 21 декабря Прохазке в качестве директивы коммунистам 1-го чехословацкого корпуса. В нем говорилось: «Мы отстаиваем ту точку зрения, что с чехословацкой стороны не только не может быть учинено малейшее препятствие осуществлению воли закарпатского народа, но что президент республики д-р Бенеш и чехословацкое правительство по собственной инициативе должны сделать значительный шаг и безотлагательно предложить гладкое проведение присоединения Закарпатской Украины к Советскому Союзу. Мы того мнения, что правительственная делегация уже не может никоим образом вмешиваться в деятельность верховной власти, Народной Рады Закарпатской Украины... Мы, как КПЧ, уже полностью принимаем к сведению, что Коммунистическая партия Закарпатской Украины от нашей партии отделилась и стала самостоятельной. С момента осознания действительной ситуации мы также уже не осуществляли ни малейшего влияния на действия закарпатских товарищей». Коммунистам 1-го чехословацкого корпуса рекомендовалось полностью «приспособиться к нашей позиции в вопросе о Закарпатской Украине» и не противиться в случае, если возникнет необходимость, переводу закарпатских бойцов в ряды Красной Армии. Рекомендовалась также осторожность и сдержанность в претворении «важных для нас замыслов», «чтобы из-за вопроса о Закарпатской Украине в чехословацком армейском корпусе не возникли споры, которые поставили бы под угрозу национальное единство». Что касается «основной политической линии», то утверждалось: «Ясно, что и далее нашей программой остается свободная, демократическая Чехословакия, причем чехословацкая линия сегодня относится только к словацким и чешским землям»¹⁰¹. Весьма критически оценивалась

в письме деятельность чехословацкой правительственной делегации и особенно ее военной части, представляющей «реакционные лондонские круги». Эти оценки основывались и на вышеупомянутом отчете Кроснаржа, в котором чехословацкой правительственной делегации отводилось большое место¹⁰².

*Переговоры Ф. Немеца в Москве
и переезд делегации в Словакию*

Конфликт между ней и командованием 4-го УФ не затухал. Какой-либо компромисс казался невозможным. По выражению Фирлингера, «делегация и Петров вцепились друг другу в волосы»¹⁰³. В самой же делегации тоже не было единства, во всяком случае что касается способа действия и поведения. Немец представлял умеренное крыло, предпочитавшее более мягкие методы в общении как с советскими военными властями, так и с местными органами власти; военная часть делегации настаивала на более жесткой линии и пыталась осуществить ее на практике. Это, естественно, не могло не вызывать раздражения советского военного командования, указывавшего на нарушение Соглашения от 8 мая. Один его пункт действительно фактически не был выполнен, а именно пункт о создании чехословацкой военной миссии, которая должна была стать связующим звеном между советским командованием и чехословацкой администрацией. Возможно, если миссия начала бы действовать в таком качестве, легче было бы достичь взаимопонимания. Но Гасал, с согласия и по указанию Ингра, сразу взял на себя функции главнокомандующего чехословацкими вооруженными силами на освобожденной территории, что впрямую не предусматривалось Соглашением и не могло не вызвать противодействия со стороны командования 4-го Украинского фронта. Военная обстановка, по его мнению, требовала, чтобы как в зоне непосредственных военных операций, так и в ближайшем тылу Красной Армии все делалось с ведома и согласия советских военных властей. Фирлингер, следуя советам Зорина, рекомендовал Бенешу проявлять «спокойствие и рассудительность» в решении спорных вопросов¹⁰⁴.

Бенеш и Рипка тоже были за «спокойное и аргументированное» разрешение конфликта, но требовали от Фирлингера и Немеца настойчивости в отстаивании принципиальных позиций чехословацкого правительства в вопросе присоединения Карпатской Украины к СССР и набора добровольцев в Красную Армию. Но ничего сделать уже было нельзя: после создания НРЗУ чехословацкая правительственная делегация практически была лишена возможности продолжать свою деятельность на территории ПР даже к востоку от де-

маркационной линии. Конфронтация с местными властями достигла высшей степени. Бенеш находился в смятении. 9 декабря Таборский зафиксировал в своем дневнике неофициальную реакцию президента на полученные сообщения: «Президент всем этим весьма озабочен, смотрит на это примерно так: украинский национализм перелестывает Москве через голову. Однако нелегко, чтобы после всего того, что нам Москва говорила, она поступила бы таким образом. Ведь она не хотела бы тем самым растерять свои козыри... Нет иного объяснения, чем то, что украинский национализм несколько отбил от рук Москвы». «Однако у меня впечатление, — записал далее Таборский, — что этому и сам президент полностью не верит и что это несколько смахивает на wishful thinking (желание — отец идеи. — В.М.)». Секретарь записал слова Бенеша: «Я не понимаю, почему они это делают... Если бы они хотели получить Подкарпатскую Русь, то могли бы об этом сказать. Я никогда не хотел удерживать Подкарпатскую Русь ценой русской враждебности... Почему же они захотели отобрать ее таким способом, если могли получить ее от нас, попросив об этом? Нет, это единственно можно объяснить только тем, что на этом настаивают украинские националисты и что это происходит без согласия Москвы. Когда мы были в прошлом году в Москве, я наблюдал, что Сталин был несколько обеспокоен опасностью украинского национализма»¹⁰⁵. Возможно, Бенеш был отчасти прав. Хрушев, как глава Советской Украины, был особенно заинтересован в присоединении к ней Закарпатья. Но, зная партийно-государственную субординацию, присущую советской системе, трудно представить себе, чтобы «хозяин» Украины мог осуществлять политический нажим на «главного хозяина», Сталина, а тот, не желая этого, пошел бы у него на поводу. Нет, автором и постановщиком пьесы, по-видимому, был сам Сталин, хотя, вероятно, у него были соавторы из числа соратников по партии. Пьеса эта разыгрывалась уже не раз. Сюжет ее был незамысловат: организация «стихийного» народного движения, на волне которого устанавливается угодная Москве власть. Первая постановка пьесы была осуществлена в Западной Украине и Западной Белоруссии осенью 1939 г., вторая — в Прибалтике летом 1940 г. И в первый, и во второй раз все прошло на ура. Теперь международная обстановка снова позволяла надеяться на успех. Сталин, готовясь к постановке нового спектакля в советско-чехословацких отношениях, постепенно начал переписывать и уточнять имеющийся сценарий: из него была вычеркнута роль чехословацкого правительственного делегата и введены массовые сцены. Бенеш же, может потому, что не до конца понимал политики Сталина, может потому, что все еще питал иллюзии в отношении него и его обещаний, а может, наоборот, по-

тому, что считал себя обманутым и старался сохранить лицо, может по каким-то иным причинам, по-прежнему придерживался старого текста разыгрывавшейся пьесы, но уже мало веря в ее успех.

12 декабря Бенеш через Пику отправил инструкцию Немцу, в которой всю вину за события в Закарпатье возлагал на украинское правительство вообще, и особенно на военных и коммунистов: «Нельзя забывать, что украинский национализм есть и будет всесторонне опасен, и Москва должна с этим считаться; так, по крайней мере, я вижу это сейчас». Бенеш советовал Немцу вести себя следующим образом: «пусть происходит, что происходит, мы будем держаться договора и требовать от Москвы его осуществления, мы ни от чего не откажемся и от своих прав не отступимся». Если же этого нельзя будет сделать, то Бенеш считал нужным «констатировать это, стать наблюдателями и пассивно выжидать дальнейшего развития». Он полагал, что «с нашей стороны было бы ошибкой прибегнуть к насилию. С одной стороны, у нас нет для этого соответствующих сил, с другой, каждый такой случай будет взят на заметку и использован против нас». «Оставайтесь на своих местах, — заканчивал свои рекомендации Бенеш, — будьте, пожалуйста, едины в этом плане со мной и с правительством, сохраняйте спокойствие, достоинство, терпение»¹⁰⁶.

Но в это время Немца уже не было в Закарпатье. Он прибыл в Москву, чтобы обсудить с советским руководством создавшуюся ситуацию и возвратиться в Хуст, где оставалась основная часть делегации. Позицию Зорина, с которым встречались Фирлингер и Немец, посол в сообщении в Лондон определил так: «Для них, дескать, затруднительно вмешиваться в наши внутренние дела. Мы должны урегулировать их сами. Советские органы до сих пор выполняли договор, и нет причин, по которым они должны были бы вмешиваться в наши отношения с национальными комитетами»¹⁰⁷. Эту позицию Москвы («я — не я, и хата не моя»), по сути, Зорин формулировал так четко впервые. Ход был очень хитрый: мы согласны с мнением чехословацкой стороны, что события в ПР — не наше дело, мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела, разбирайтесь с ними, как хотите. Деша Фирлингера о беседе с Зориным страшно раздосадовала Бенеша. Таборский так записал в дневнике об этом: «Президент был сообщением о реакции Зорина весьма рассержен: „Их агенты принуждают наших людей подписывать петиции за присоединение Подкарпатской Руси к Украине и своевольно устанавливают коммунистические местные национальные комитеты. Советские командиры организуют обязательные призывы наших граждан в Красную Армию. А когда мы протестуем, лишь заявляют, что они об этом сожалеют, но они не могут вмешиваться в наши внутренние дела“»¹⁰⁸.

22 декабря Бенеш направил свой «личный ответ» Немцу и Фирлингеру. Он подтверждал, что «события на Подкарпатье являются нашим внутренним делом и следует действовать так, чтобы это не коснулось нашего отношения к Советскому Союзу». Вместе с тем президент снова повторял, что в вопросе государственно-правовой принадлежности этой области «мы настаиваем на договоре и на официальных советских и наших декларациях о домюнхенских границах». Иначе, подчеркивал он, во время мирных переговоров и затем на мирной конференции «остальные наши земли кто куда растащил бы». Поэтому президент не собирался отвечать ни на какие декларации и призывы национальных комитетов и НРЗУ из Ужгорода. Бенеш соглашался, что важнейшим вопросом является урегулирование отношений чехословацких военных с советскими военными органами и что необходимо любой ценой создать взаимное доверие. Поскольку ясно было, что в связи с перемещением фронта на Запад делегация в скором времени переедет в Словакию, президент советовал «уточнять наши права и наши обязанности при передаче и принятии территории». Он выражал искреннее желание, чтобы конфликтной ситуации в ПР «был положен конец»¹⁰⁹. Бенеш явно шел на компромисс в частных вопросах, настаивая, по его мнению, на главном: до окончания войны ПР должна оставаться составной частью восстановленной Чехословакии.

Конфликт между командованием 4-го Украинского фронта и Гасалом, который пытался создавать на подвластной делегации части освобожденной территории районные командования и проводить мобилизацию, формируя чехословацкие воинские подразделения и так называемую штабную роту, по сути, не был ликвидирован до конца декабря. Особенное раздражение советских военных вызывала указанная штабная рота, в которой были сосредоточены старшие офицеры, предназначенные для занятия командных должностей в будущей чехословацкой армии. 26 декабря Гасал получил составленную в весьма резком тоне телеграмму за подписью Петрова по вопросам организации и пополнения чехословацких воинских частей на освобожденной территории. «Все чехословацкие части, находящиеся на чехословацкой территории, — подчеркивалось в ней, — должны быть незамедлительно использованы для борьбы против немцев — нашего общего врага». «Формирование всех воинских частей на освобожденной территории, как Вам было сообщено после наших переговоров, должно проводиться лишь на основе специального соглашения, заключенного в Москве... — говорилось далее. — Вопреки этому порядку были между тем сформированы в различных районах запасной полк, артиллерийская часть, саперный батальон,

батальон связи и штабная рота». Петров доводил до сведения Гасала, что все эти части, кроме штабной роты, отправлены для пополнения 1-го чехословацкого армейского корпуса, понесшего тяжелые потери в боях. Штаб фронта направил генералу Свободе приказ использовать и эту роту для пополнения корпуса. Гасалу сообщалось, что она должна прибыть на место назначения не позднее 1 января 1945 г.¹¹⁰ Телеграмма, по стилю напоминая скорее приказ, чем документ общения с представителем союзной армии, свидетельствовала, кстати, что Гасалу все же удалось как-никак провести мобилизацию в чехословацкую армию. Если предположить, что все указанные в телеграмме воинские подразделения были укомплектованы полностью, то численность их личного состава могла составлять более тысячи человек. Согласно же сообщению Немца Фирлингеру от 22 февраля 1945 г. (правительственный делегат тогда находился уже на освобожденной территории Словакии), за период с 8 ноября 1944 г. по 15 февраля 1945 г. с территории Закарпатской Украины, переданной под чехословацкое управление, для пополнения 1-го чехословацкого корпуса было отправлено «презентированных» новобранцев и добровольцев в общем 15 офицеров и 6720 человек рядового состава¹¹¹.

А находившийся в Москве Немец между тем ожидал обещанной Зориным встречи с Вышинским, который, согласно официальной версии, был болен. Она состоялась 27 декабря в присутствии членов делегации СНС, которая находилась в Москве проездом из Лондона. Фирлингер и Немец заявили, что «вопрос о присоединении Закарпатской Украины к УССР может быть решен таким образом», чтобы ни в коей мере не ослабить «существующую дружбу между Чехословакией и СССР». Вышинский отреагировал так: «К теперешнему народному движению в Закарпатской Украине по воссоединению с УССР следует относиться как к объективному историческому факту, отражающему вековые чаяния народных масс Закарпатской Украины. Я сказал, что мы не можем, разумеется, помешать населению Закарпатской Украины выражать свои чувства, желания и чаяния. Вместе с тем Советский Союз продолжает стоять на базе советско-чехословацкого договора от 8 мая 1944 г. (правильно: Соглашения. — *В.М.*), в соответствии с чем мы и согласились на назначение уполномоченного правительства Чехословакии на освобожденной территории. Споры же внутреннего порядка должны решать сами чехословаки». Немец в ответ заявил, что и с чехословацкой стороны не было никаких попыток тормозить движение, что делегация имела в виду только свои конкретные задачи и всегда готова была к сотрудничеству с национальными комитетами. Подводя итог первой части разговора, Фирлингер, по его словам, констатировал, что точки зрения обоих правительств

идентичны: «Президент Бенеш и его правительство не могут допустить изменения государственно-правового статуса Подкарпатья, тем не менее между нами существует договор, что этот вопрос будет решен так, как это отвечает нашему тесному дружественному союзу с СССР, который мы хотим еще более укрепить». Обсуждались и другие вопросы, в том числе о переезде чехословацкого правительства на освобожденную территорию Чехословакии ¹¹².

В тот же день, 27 декабря, Фирлингер и Немец посетили Молотова в Кремле. О содержании беседы в двух пространных телеграммах в Лондон сообщил Фирлингер 28 декабря. Посол предложил найти какое-нибудь временное решение, которое пока не касалось бы государственно-правового положения этой области. «Из разговора с Молотовым, — писал Фирлингер, — я вынес впечатление... что советское правительство хочет политически и экономически теснее с нами сотрудничать. На проблему Подкарпатья он смотрит как на дело, в принципе решенное ходом событий... Тем не менее советское правительство уважает существование договора и желание президента и правительства, чтобы вопрос остался открытым до того момента, когда об этом можно будет вести переговоры. Подчиняется оно этому пожеланию по собственной охоте или только от растерянности, сказать трудно» ¹¹³.

Ф. Немец, чехословацкие коммунисты в Лондоне, СНС, восстановивший свою деятельность на освобожденной территории Восточной Словакии, советовали Бенешу согласиться на немедленное присоединение ПР к СССР, считая, что отказ сделать это отрицательно скажется на советско-чехословацких отношениях ¹¹⁴. Но президент не склонен был принимать подобные рекомендации. 30 декабря он телеграфировал Фирлингеру, что беседы с Вышинским и Молотовым меняют ситуацию до такой степени, что ее детальное обсуждение не требуется. Бенеш был удовлетворен ясностью в том, что вопрос о государственно-правовой принадлежности Подкарпатской Руси пока отложен и будет решен в данный момент дружески, «не задев добрых отношений обоих государств». Эта согласованная с Молотовым позиция, как предполагал Бенеш, могла бы быть уточнена во время его поездки через Москву на освобожденную территорию ЧСР. Встретившись 1 января 1945 г. с советским дипломатом Чичаевым, президент выразил свою удовлетворенность позицией Москвы и ее желанием отложить пока вопрос о Подкарпатье. «На своем пути на родину, — заявил он, — я поеду через Москву и обговорю все дело со Сталиным и Молотовым» ¹¹⁵.

Немец же, выполнивший, как он полагал, свою миссию в Москве, торопился на родину, но уже не в Закарпатье, а в Словакию. 14 янва-

ря 1945 г. Немец и сопровождавшие его лица отбыли из Москвы и 16 января прилетели в Мукачево. Обнаружив, что напряженность в отношениях делегации и Национального комитета Хуста еще более усилилась ¹¹⁶. Немец 18 января побывал в Штабе 4-го Украинского фронта, где поставил вопрос о перемещении правительственной делегации на освобожденную территорию Словакии. 25 января Ставка Верховного Главнокомандования на основе указания ГКО приказала Военному Совету 4-го Украинского фронта объявить Немцу, что «он может иметь своего представителя в Ужгороде для Закарпатской Украины», которому «будет обеспечено содействие со стороны Военного Совета 4-го Украинского фронта». Немцу разрешался «переезд в один из городов Словакии по его усмотрению». Было приказано «в дальнейшем оказывать содействие г-ну Немцу и в случае каких-либо недоразумений немедленно адресоваться в Государственный Комитет Обороны». Приказ подписали Сталин и Антонов ¹¹⁷. Это свидетельствовало, что Сталин был в курсе конфликта между Немцем и командованием 4-го УФ. В Ужгороде с согласия НРЗУ в качестве представителя чехословацкой администрации был оставлен член Государственного совета в Лондоне, дополнительно введенный в состав чехословацкой правительственной делегации коммунист И. Петрушак вместе с небольшим аппаратом гражданских и военных чиновников ¹¹⁸. Резиденцией правительственного делегата в Восточной Словакии стал г. Кошице, 19 января освобожденный Красной Армией. В Кошице и приезжал Петрушак, чтобы решить с Немцем некоторые текущие вопросы ¹¹⁹.

Сталин и Бенеш: обмен письмами о Закарпатье

События в ПР между тем получили международный резонанс. Союзников СССР по антигитлеровской коалиции, Англию и США, интересовали, прежде всего, его намерения относительно этой стратегически важной области, после включения которой в свой состав Советский Союз, как уже отмечалось, получал выход в Центральную Европу. Кроме того, проблема Закарпатья стала пробным камнем деклараций СССР о невмешательстве во внутренние дела освобождаемых им стран. 15 января 1945 г. Таборский записал в своем дневнике: «Как и следовало ожидать и как президент правильно предупреждал, советские действия в отношении Подкарпатской Руси использованы как против русских, так и против нас» ¹²⁰. Советские органы внимательно следили за тем, как освещаются в мире события в Закарпатье. Об этом свидетельствовали, в частности, обзоры иностранной прессы, подготовленные для ОМИ ЦК ВКП(б) ¹²¹. Шумиха вокруг

вопроса о ЗУ развернулась в западной прессе примерно в середине января 1945 г. Таборский записал по этому поводу в своем дневнике 26 января: «От наших дипломатических представителей в мире постоянно приходят сообщения о том, какой неблагоприятный отзвук всюду вызвали советские действия в Подкарпатской Руси. Статьи и радиокомментарии, неблагоприятные для СССР, появляются повсюду. Некоторые комментаторы усматривают в этом проявление далеко идущих экспансионистских устремлений России и ее неискренность по отношению к своему верному союзнику. Это — как раз то, о чем президент предупреждал»¹²².

Сталин, который, несомненно, был в курсе происходившего, решил отреагировать на это. 23 января 1945 г. Готвальд был приглашен на встречу с Молотовым. На беседе, с ее середины, присутствовал и Сталин. Согласно словам Готвальда, советские руководители «хотели быть лучше информированы о событиях в Подкарпатье и, особенно, о том, как эти события понимаются чехословацкой стороной». Вышеизложенное дает основание полагать, что кремлевское руководство было достаточно хорошо информировано о происходящем в ЗУ и, возможно, хотело лишь уточнить отношение чехословацких коммунистов к этим событиям. Сталин фарисейски вопрошал, не осуществляется ли давление на Немца со стороны украинцев, и утверждал, что «действительно с этой стороны было много неприятностей». Как бы извиняясь, советский лидер заявил, что в ЗУ было много людей, которые слишком рьяно взялись за дело, и что виновные будут привлечены к ответственности. Таким образом, вина за ошибки автоматически перекладывалась на плечи «анонимных» украинцев, чем, кстати, подтверждалось вроде бы и мнение Бенеша на этот счет. Готвальд, по его словам, рассказал Сталину о мукачевском меморандуме, о чем, дескать, Сталин не знал. Умения лицедействовать, как известно, советскому лидеру было не занимать, и его удивление могло показаться Готвальду действительно искренним. Сталин обещал содействовать тому, чтобы чехословацкая правительственная делегация могла как можно быстрее перебраться на территорию Словакии (см. вышеупомянутый приказ Ставки от 25 января). Командование фронта, как понял Готвальд, теперь получило точные инструкции о дальнейших действиях; никакого набора добровольцев в Красную Армию больше не будет. Так действительно и было: ведь речь шла уже о территории Словакии. Вместе с тем Сталин объяснил, имея в виду и прошлое, и будущее, что в условиях, когда «на всем протяжении фронта от Балтики до Дравы ведутся тяжелые бои, о которых на Западе и понятия не имеют», образование «какой бы то ни было абсолютно свободной зоны в ближайшем тылу, в которой могли бы

существовать различные трудно контролируемые иностранные органы, проблема чрезвычайно деликатная; какое-либо легкомыслие в этом плане может иметь тяжелые последствия»¹²³. С этой точки зрения Сталин, безусловно, был прав. Но дело было в том, что понятия «ближайший тыл» и «зона военных операций» определены не были и могли произвольно толковаться. Тут же, в присутствии Готвальда, Сталин продиктовал послание Бенешу, в котором сформулировал советскую позицию в отношении ЗУ.

24 января чехословацкий посол был приглашен к Молотову, который поставил его в известность о беседе с Готвальдом и передал письменный текст послания Сталина Бенешу, сказав, что он будет вручен президенту в Лондоне Чичаевым. Молотов, согласно сообщению Фирлингера Бенешу в тот же день, допускал, что в Подкарпатье со стороны советских людей были допущены ошибки, но было бы несправедливо обвинять советское правительство или советские органы в том, что они собираются отторгнуть его от ЧСР. Из действий Сталина ясно, полагал Фирлингер, что «советское правительство чувствует себя оскорбленным подозрением, которое проявляют некоторые чешские круги в этом деле, о чем Москве известно из разных источников». На вопрос Фирлингера, может ли быть письмо Сталина использовано открыто, Молотов ответил утвердительно, подчеркнув, что «это, наоборот, будет хорошо»¹²⁴. Позже выяснилось, что Бенеш почему-то не ознакомил с содержанием письма даже многих людей из своего ближайшего окружения. 25 января Чичаев вручил Бенешу послание Сталина. Президент просил советского дипломата немедленно поблагодарить Сталина и сообщить ему, что на днях он направит ему личное письмо. В послании Сталина говорилось: «Сегодня я узнал от товарища Готвальда, что Чехословацкое правительство испытывает неловкость в связи с событиями в Закарпатской Украине, полагая, что Советское правительство думает односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине вопреки договору между нашими странами». Сталин считал, что такое предположение основано на недоразумении. «Советское правительство, — писал он, — не запрещало и не могло запретить населению Закарпатской Украины выразить свою национальную волю. Это тем более понятно, что Вы сами мне в Москве говорили о Вашей готовности передать Закарпатскую Украину Советскому Союзу, при этом, как Вы должно быть помните, я не дал тогда на это своего согласия». Сталин расценивал как оскорбительное для советского правительства предположение о том, что оно намерено нарушить советско-чехословацкий договор. Вопрос о Закарпатской Украине, поставленный самим населением, полагал Сталин, должен быть решен лишь по соглашению между

Чехословакией и Советским Союзом либо до окончания, либо после окончания войны с Германией, «когда это найдут целесообразным оба правительства»¹²⁵. Интересна неофициальная реакция Бенеша на послание, зафиксированная в дневнике Таборского 26 января: «Из этого видно, что Сталин хочет нас успокоить. В конце концов, по всей вероятности, недоразумение можно будет уладить. Однако президент полон решимости отложить решение о Подкарпатской Руси вплоть до времени возвращения на родину»¹²⁶.

На письмо Сталина Бенеш ответил 29 января 1945 г. Президент поблагодарил его за ясное и точное изложение советской позиции и в свою очередь постарался четко сформулировать свою точку зрения. Происшедшее в ЗУ он характеризовал как события «чисто местного характера» и как «следствие участия в них чисто местных деятелей», к чему «присоединились некоторые заявления киевской радиостанции». Бенеш заверял Сталина, что ни он «лично, ни чехословацкое правительство ни на минуту не допускали, что советское правительство имело намерение односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине или нарушить договор между нашими государствами». Далее он выражал желание, чтобы вопрос был решен по согласованию между Чехословакией и Советским Союзом «по окончании войны с Германией, т. е. как только будет обеспечено восстановление наших домюнхенских границ с Германией и Польшей и когда я смогу переговорить по этому вопросу с нашими деятелями в Праге». Бенеш подчеркивал неизменность своей позиции в вопросе о ЗУ по сравнению с сентябрем 1939 г. и желание окончательно решить его «в духе полной дружбы» с СССР, не допустив вмешательства других держав¹²⁷. Комментируя письмо Бенеша Сталину, Таборский записал в своем дневнике: «Письмо президента является классическим доказательством охлаждения, которое произошло в наших отношениях с Советским Союзом после визита президента в декабре 1943 г.». Приводя некоторые выдержки из письма, он подчеркивает неадекватность содержащихся в них утверждений действительности (например, «ни президент, ни правительство ни на одну минуту не сомневались...»). «Скорее наоборот! Такие опасения тут были и есть, — записал Таборский. — Но в стремлении сохранить, что можно, президенту не остается ничего другого, как делать вид, что мы полностью верим обещаниям Сталина, и попытаться таким образом предотвратить худшее. Конечно, для президента речь ни в коем случае не идет о Подкарпатской Руси, от которой он готов действительно отказаться, а о том, чтобы воспрепятствовать чему-либо подобному в Словакии»¹²⁸.

События в ЗУ, заявления Петрушака о том, что Восточная Словакия, где было много украинцев (русин), должна вместе с Подкарпат-

ской Русью быть присоединена к Советской Украине, действительно давали основания для опасений подобного рода. Но, думается, Сталин тогда не хотел заходить так далеко, опасаясь международных осложнений и не желая портить отношения с союзниками по антигитлеровской коалиции накануне Ялтинской конференции. Это подтверждается и указанием командованию 4-го Украинского фронта не проводить набор добровольцев в Красную Армию на освобожденной территории Словакии, а также координировать действия по налаживанию мирной жизни там со Словацким национальным советом.

¹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 5. Май 1945 г. — февраль 1948 г. М., 1988. С. 78–79 (далее: ДМИСЧО).

² Марьина В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. М., 2003.

³ Там же. С. 19–22, 24–26.

⁴ В советских документах эта область называется преимущественно Закарпатской Украиной, а ее население украинцами.

⁵ Архив внешней политики РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 31. Д. 43. Л. 7 (далее: АВП РФ).

⁶ Československo-Polská jednání o kofederaci 1939–1944. Československé diplomatické dokumenty. (Ed. I. Šťoviček ve spolupráci s J. Valentou). Č. 2. Praha, 1994. S. 251 (далее: ČРJK).

⁷ Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Praha, 1999. S. 111, 113 (далее: ČSVDJ 2).

⁸ Выступая в Госсовете 11 января 1944 г., Бенеш утверждал: не подлежит сомнению, что «для Москвы 42 миллиона украинцев являются единым народом» (ČSVDJ 2. S. 205–206).

⁹ Slovenské národné povstanie. Dokumenty (Ed. V. Prečan). Bratislava, 1965. S. 141 (далее: SNPД).

¹⁰ 1 февраля НКВД СССР был реорганизован: возникли «самостоятельные» НКВД УССР и НКВД БССР

¹¹ Марьина В. Указ. соч. С. 46–47.

¹² 19 марта Венгрия была оккупирована гитлеровцами.

¹³ Za národní osvobození, za novou republiku. 1938–1945. Praha, 1982. S. 361–362.

¹⁴ ČSVDJ. D. 2. S. 266.

¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 72 (далее: РГАСПИ).

¹⁶ См. подробнее: Марьина В. Указ. соч. С. 49–50.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 0138а. Оп. 256. П. 154. Д. 5. Л. 22.

¹⁸ ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2 (далее: ДМИСЧО 4–2). М., 1983. С. 211–212.

19 Желицки Б. Регент Венгрии Миклош Хорти (1868–1957) // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 205–206.

20 Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. С. 211.

21 Марьина В. Указ. соч. С. 53–56.

22 Fierlinger Z. Ve službách ČSR. D. 2. Praha, 1948. S. 386–387.

23 Русский архив: 14 3(2) Великая Отечественная: 3(2): Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы. 1944–1945. М., 2000. С. 508.

24 Офицер по просветительной работе 1-го ЧАК И. Туряница отправился в ПР несколько раньше, чем вся делегация. Об этом сообщалось в телеграмме СНС на имя Димитрова и Готвальда 26 октября, в которой, в частности, говорилось: «Мы дали ему точные инструкции. Нужно послать к нему группу наших украинских товарищей с радистом» (Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu Sv. I-2. Praha, 1965. S. 287). Что это были за инструкции, автору неизвестно. Но можно предположить, что они основывались на опыте общения СНС с правительственным делегатом во время его пребывания на территории Словакии. Скорее всего, этот опыт в какой-то мере был учтен Туряницей, когда он прибыл в ПР.

25 Zpráva vládního delegáta Františka Němce o vývoji na Podkarpatské Rusi 1944. Dokumenty. Ed. J. Němeček, H. Nováčková, M. Sedlková // Sborník archivních prací. 2000. N. 1. S. 138 (далее: Zpráva...).

26 ДМИСЧО 4–2. С. 223.

27 ČSVDJ. D. 2. S. 316.

28 Zpráva... S. 143.

29 Delegace Slovenské národní rady v Londýně (říjen-listopad 1944): Nové dokumenty (Ed. V. Prečan) // Česko-Slovenská historická ročenka, 1999. Brno, 1999. S. 236, 243.

30 Němeček J. Edvard Beneš a Sovětský Svaz 1939–1945 // Slovanské historické studie. 23. Praha, 1997. S. 337; Поп И.И. Чехословакия — Советский Союз. 1941–1948 гг. М., 1990. С. 143.

31 В решении продовольственного вопроса оказывали помощь и советские военные органы: Советский Союз выделил для Закарпатья 250 тыс. пудов зерна, которые доставлялись в города и села на машинах 4-го Украинского фронта (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 707. Л. 3).

32 Zpráva... S. 139–140.

33 Ibid. S. 140–142.

34 ČSVDJ. D. 2. S. 342.

35 Ibid. S. 339.

36 Ibid. S. 337–338.

37 Ibid. S. 340.

38 Ibid. S. 343.

- 39 Ibid. S. 340–341.
- 40 Fierlinger Z. Ve službách ČSR. D. 2. S. 387.
- 41 ČSVDJ. D. 2. S. 348–349, 361.
- 42 Zpráva... S. 142–143.
- 43 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 80; Vidňanský S, Gajdoš M. Niektoré osobitosti nastolenia totalitného režimu v Zakarpatskej Ukrajine // Od diktatúry k diktatúre. Slovensko v rokoch 1945–1953. Bratislava, 1995. S. 82.
- 44 Гречко А.А. Визволення Закарпаття // Героїчне незабуттє. Київ, 1965. С. 85.
- 45 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 80.
- 46 Там же. Л. 41.
- 47 Zpráva... S. 145.
- 48 Ibid. S. 145–146.
- 49 Ibid. S. 149–150.
- 50 Марьина В. Указ. соч. С. 70–72.
- 51 Zpráva... S. 152.
- 52 О каком Соглашении говорил Петров, неясно, поскольку в пункте 6 Соглашения от 8 мая 1944 г. речи о передаче власти не было.
- 53 Zpráva... S. 184–185.
- 54 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 707. Л. 17–23; Д. 708. Л. 38–40. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 56. Д. 765. Л. 11.
- 55 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 100–109, 118, 121, 130.
- 56 Там же. Л. 44, 80.
- 57 Там же. Д. 708. Л. 29об.
- 58 Там же. Д. 707. Л. 2.
- 59 Там же. Л. 90.
- 60 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 56. Д. 765. Л. 11–27.
- 61 Поп И.И. Чехословакия — Советский Союз. 1941–1948. С. 149.
- 62 Vidňanský S., Gajdoš M. Niektoré osobitosti... S. 80.
- 63 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 707. Л. 66.
- 64 ČSVDJ. D. 2. S. 353–355.
- 65 Как было выяснено впоследствии, эту телеграмму чехословацкое посольство получило только 5 декабря. Все депеши правительственного делегата шли по линии военной связи, и это послание, а также ряд других, были, видимо, попридержаны и не дошли вовремя до адресата.
- 66 Zpráva... S. 160–161.
- 67 Ibid. S. 163–167.
- 68 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 707. Л. 55–62. См. подробнее: Марьина В. Указ. соч. С. 81–82.
- 69 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 203, 206.
- 70 Vidňanský S., Gajdoš M. Niektoré osobitosti... S. 83.
- 71 Zpráva... S. 170–172. См. подробнее: Марьина В. Указ. соч. С. 83.

- 72 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 708. Л. 44; ДМИСЧО 4–2. С. 240–242.
- 73 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 708. Л. 45–49; *Cesta ke Květnu*. Sv. I-2. S. 463.
- 74 Vidňanský S., Gajdoš M. Niektoré osobitosti... S. 83.
- 75 Характеристики см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 708. Л. 52–57.
- 76 Там же. Л. 80.
- 77 *Zpráva*... S.181, 185–191.
- 78 Русский архив: 14 3(2) Великая Отечественная: 3(2): Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы. 1944–1945. М., 2000.
- 79 *Zpráva*... S. 173.
- 80 *Ibid.* S. 173–174.
- 81 *Ibid.* S. 174–177.
- 82 *Ibid.* S. 177–178.
- 83 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 708. Л. 58–70, 77–79; ДМИСЧО 4–2. С. 247.
- 84 *Zpráva*... S. 181.
- 85 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 49. Л. 114об.
- 86 См. подробнее: Марьина В. Указ. соч. С. 88.
- 87 Там же. С. 90–91.
- 88 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 765. Л. 83, 100–101.
- 89 Vidňanský S., Gajdoš M. Niektoré osobitosti... S. 81.
- 90 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 52.
- 91 Там же. Л. 66. См. подробнее: Марьина В. Указ. соч. С. 92–93.
- 92 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 707. Л. 71–72.
- 93 См. подробнее: Марьина В. Указ. соч. С. 95–96.
- 94 Fierlinger Z. *Ve službách ČSR*. D. 2. S. 409.
- 95 *Ibid.*
- 96 Коминтерн и Вторая мировая война. Часть 2. М., 1998. С. 476–478; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 1. 1944–1948 гг. М; Новосибирск. 1997. С. 100. (далее: ВЕДРА)
- 97 Георги Димитров. Дневник (9 март 1933–6 февруари 1949). София, 1997. С. 449.
- 98 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 707. Л. 1, 4, 5, 8, 9.
- 99 РГАСПИ Ф. 495. Оп. 74. Д. 118. Л. 8–13.
- 100 *ČSVDJ*. D. 2. S. 365.
- 101 *Cesta ke Květnu*. Sv. I-1. S. 470–471.
- 102 См. подробнее: Марьина В. Указ. соч. С. 100–102.
- 103 *ČSVDJ*. D. 2. S. 360.
- 104 *Ibid.* S. 351, 360.
- 105 *Ibid.* S. 370.
- 106 *Ibid.* S. 376–377.

- 107 Ibid. S. 384.
- 108 Ibid. S. 384–385.
- 109 Ibid. S. 391–394.
- 110 ДМИСЧО 4–2. С. 262.
- 111 АВП РФ. Ф. 0138а. Оп. 26. П. 133. Д. 11. Л. 70.
- 112 АВП РФ. Ф. 0138а. Оп. 25в. П. 154. Д. 5. Л. 38–41; ČSVDJ. D. 2. S. 406–407. О встрече см. подробнее: Марьина В. Указ. соч. С. 114–117.
- 113 ČSVDJ. D. 2. S. 409–410.
- 114 См. подробнее: Марьина В. Указ. соч. С. 118–120.
- 115 ČSVDJ. D. 2. S. 421, 428.
- 116 См. подробнее: Марьина В. Указ. соч. С. 122–123.
- 117 Русский архив: 14 3(2) Великая Отечественная: 3(2): Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. С. 518–519.
- 118 АВП РФ. Ф. 0138а. Оп. 26. П. 133. Д. 11. Л. 25, 38, 70.
- 119 Там же. Л. 102, 102об.
- 120 ČSVDJ. D. 2. S. 415.
- 121 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 207–218. См. подробнее: Марьина В. Указ. соч. С. 124–129.
- 122 ČSVDJ. D. 2. S. 465.
- 123 Ibid. S. 474–475; Fierlinger Z. Ve službách ČSR. D. 2. S. 559–560.
- 124 ČSVDJ. D. 2. S. 472.
- 125 ДМИСЧО 4–2. С. 277.
- 126 ČSVDJ. D. 2. S. 471.
- 127 ДМИСЧО 4–2 С. 287–288. Перевод письма Бенеша на русский язык, хранящийся в РГАСПИ (Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 31), несколько отличается по форме, но не по сути, от опубликованного позже в советских документальных сборниках.
- 128 ČSVDJ. D. 2. S. 482–483.

Глава 8

На Родину — через Москву

«Важнейшие дела сегодня решаются в Москве» (Бенеш)

К концу 1944 г. Бенеш фактически уже освободился от иллюзий, которые он питал в отношении Сталина и коммунистов некоторое время назад. Несовпадение, а точнее, противоположность слова и дела Москвы на освобожденной территории Чехословакии, т. е. в Подкарпатской Руси, вели к утере Бенешем веры в твердость обещаний Сталина, делали все более иллюзорными представления президента о возможности эволюции советского строя в демократическом направлении. Но вносить какие-либо коррективы во внешнюю политику было уже поздно: освобождение шло с востока, и если Бенеш хотел в ближайшее время попасть на родину, а он этого хотел, то ехать надо было через Советский Союз. Обмен письмами между Бенешем и Сталиным (см. главу 7) внес определенную ясность в позиции СССР относительно времени формального решения вопроса (фактически он был решен) о государственной принадлежности Подкарпатской Руси. Тем не менее точки над «i» не были поставлены.

Именно поэтому Бенеш так обрадовался советскому предложению перенести деятельность чехословацкого правительства поближе к освобождаемой территории Словакии или даже на эту территорию, надеясь, что это поможет более быстрому улаживанию возможных конфликтов с советскими властями. Предложение о переезде поступило Бенешу от советского посла при союзных правительствах в Лондоне В.З. Лебедева еще 5 сентября 1944 г., который заявил, что было бы замечательно, если бы президент прибыл в страну одновременно с освобождением ее Красной Армией и чехословацким армейским корпусом и если бы он держал путь на родину через Москву¹. Тогда Бенеш еще оставил время для размышлений. 27 декабря 1944 г. заместитель наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский в беседе с Фирлингером снова подтвердил заинтересованность Москвы в переезде чехословацкого правительства на освобожденную территорию ЧСР через территорию СССР, а 28 декабря о том же говорил и Молотов². Уже 30 декабря 1944 г. Бенеш телеграфировал Фирлингеру: «Прошу передать советскому правительству, что, по моему мнению, переезд моего правительства на освобожденную территорию является единственным

решением, которое поможет окончательно разрешить наши теперешние политические и военные трудности. Поэтому я приветствую этот непрямой призыв советского правительства к переезду, приглашение принимаю и немедленно начну подготовку к нему. Подчеркиваю, что я этого приглашения ожидал. Считаю, что было бы лучше — учитывая позиции Запада, — чтобы переезд произошел сразу же на нашу территорию (например, в Кошице), а ни в коем случае не во Львов или в другой советский город». Далее Бенеш просил Ф. Немеца подготовить условия на освобожденной территории для переезда туда правительства. «Будет однако необходимо, — писал Бенеш, — определить зону, в которой станут действовать президент и правительство, и точно договориться о взаимных правах и обязанностях президента и правительства, (с одной стороны. — *В.М.*), и советских военных деятелей, (с другой. — *В.М.*), чтобы трудности не повторились». «Я полностью согласен с тем, — говорилось в депеше, — что контакты между нашим правительством и правительством советским недостаточны, учитывая, что наши важнейшие дела решаются сегодня в Москве, а вовсе не в Лондоне. Отсюда проистекают и недоразумения или же недоверие в вопросах внешней политики... сам факт, что мы еще в Лондоне, может иметь определенное влияние; я определенно с этим считался. Поэтому, если нынешнее состояние окончится как можно скорее, это будет лишь правильно и логично»³.

По всей видимости, Бенеш ясно осознавал, что в сложившейся ситуации «дружественное» по отношению к СССР правительство Чехословакии, скорее всего наподобие «люблинского комитета» в Польше, может возникнуть при всех обстоятельствах, независимо от желания или нежелания кого бы то ни было на Западе. И он, как опытный политик, предпочел, опираясь на советско-чехословацкий договор 1943 г., взять инициативу в свои руки. В конце войны Бенеш, как представляется, еще более утвердился в мысли, высказанной им в беседе с генералом В. Сикорским еще в начале 1942 г., о том, что «надо договориться с Советами, чтобы прийти в Прагу и Берлин вместе с Красной Армией» и что «надо пойти на уступки СССР, так как они все равно возьмут то, что им нужно, силой. И тогда будет хуже»⁴. Поэтому Бенеш был решительно настроен войти в Прагу вместе с Красной Армией.

Напряженность в советско-чехословацких отношениях в это время возникала не только в связи с вопросом о судьбе Подкарпатской Руси. Москва была заинтересована в том, чтобы дружественное ей чехословацкое правительство как можно быстрее официально признало Польский комитет национального освобождения (ПКНО), так называемое «люблинское правительство», созданное при советском

содействии в июле 1944 г. на освобожденной польской территории, в качестве единственной законной власти в Польше⁵. 26 декабря 1944 г. Фирлингер сообщал в Лондон о недовольстве Москвы внешней политикой чехословацкого правительства: «Поскольку мы подписали договор, Кремль ожидал более активной и дружественной политики с нашей стороны. Насколько мне известны здешние представления, недостаточно, чтобы союзнические отношения такого рода, как наши, вынуждали другую сторону только к корректности. Так, например, в польском вопросе мы могли действовать более инициативно». Фирлингер советовал в целях улучшения «нашего отношения с СССР» «приспособить нашу внешнюю политику советским пожеланиям, которые советская сторона, хотя часто конкретно не формулирует, но исполнение которых [!] однако ожидает»⁶. Такие конкретные пожелания прозвучали из уст заведующего 4-м Европейским отделом НКВД СССР В.А. Зорина 29 декабря. Фирлингер сообщил в Лондон об этой беседе: «В советских правительственных кругах вызывает удивление, что наше правительство не посчитало нужным установить связь с польским комитетом... мы должны понять, что лондонское правительство в Польше править не будет и что, скорее всего, это будут люди нового демократического польского режима... Зорин выразил надежду, что его соображения будут приняты во внимание чехословацким правительством...»⁷.

Однако Бенеш не торопился с признанием «люблинского комитета», а затем и Временного польского правительства (ВПП), созданного на его основе 31 декабря 1944 г. 4 января 1945 г. оно было признано Советским Союзом, а Англия и США в тот же день заявили о его непризнании. Бенеш тянул время, выдвинув условием признания заявление ВПП об осуждении польской политики в отношении Чехословакии в 1938 и 1939 гг. и согласии с ее домюнхенскими границами. Кроме того, ему не хотелось входить в конфронтацию с английским правительством, которое настаивало на том, чтобы решение данного вопроса консультировалось с ним. Зорин, по словам Фирлингера, выразил свое неудовольствие позицией чехословацкого правительства и высказался в том смысле, что это может неблагоприятно сказаться на отношениях ЧСР и СССР. Давление было нешуточное, но Бенеш все еще колебался, утверждая, что если Москва признала ВПП, то чехословацкое правительство, конечно же, сделает это автоматически, но по-прежнему настаивал на выяснении вопроса о Тешинской области, которая имеет для Чехословакии «чрезвычайное экономическое значение». Зорин же полагал невозможным выдвижение каких-либо предварительных условий признания и считал, что в случае положительного решения вопроса Москва поможет

ЧСР в решении ее пограничных споров с Польшей. «Наше немедленное признание (ВПП. — В.М.) в сложившейся ситуации является императивом. Оттягиванием мы значительно осложняем наши позиции»⁸, — телеграфировал 8 января 1945 г. в Лондон Фирлингер. А там все еще колебались. 10 января Г. Рипка встретился с американским дипломатом Дж. Брюинсом и просил у него совета, как поступить в ситуации, когда советское правительство требует признания ВПП, а английское правительство рекомендует подождать: «Мы должны поступить так, чтобы из-за этого вопроса не вступить в конфликт с советским правительством, но одновременно хотим, чтобы наши действия понимались Англией и Америкой». Очевидно, Брюинс тоже советовал потянуть время, поскольку в инструкциях Бенеша и Рипки, отправленных Фирлингеру в тот же день, не было и речи о немедленном признании ВПП, а предлагался новый вариант: обмен соответствующими нотами относительно пограничных вопросов одновременно с признанием чехословацким правительством ВПП. «У нас нет в этом деле никаких задних мыслей, и мы не хотим намеренно откладывать или оттягивать решение вопроса. Но мы не хотим опять стать объектом неких дипломатических маневров кого-либо... Мы здесь связаны обещанием предварительно информировать англичан о наших действиях. Иначе мы выглядели бы нелояльными. Это должен понимать всякий»⁹.

Обмен депешами между Фирлингером и «чехословацким» Лондоном продолжался, но с каждым днем становилось все яснее, что Кремль настаивает на немедленном признании ВПП без всяких предварительных условий. Москва спешила в преддверии Ялтинской конференции, на которой одним из важнейших был вопрос о Польше. Лебедев, находившийся в Москве, тоже советовал Фирлингеру не откладывать с признанием Временного польского правительства. «Речь идет, — полагал Лебедев, — о важной исторической задаче создания новой Польши, которая не была бы против СССР. Иначе немцы опять используют антисоветские настроения поляков и в Европе не будет мира. Это — одна из основных задач, которую поставил перед собой СССР. Для него речь не идет об идеологическом овладении Польшей. Это — ее внутреннее дело». Лебедев, по словам Фирлингера, конфиденциально заявил, «что все его друзья в Наркоминделе с напряжением ожидают, что нынче сделает чехословацкое правительство. Поддержит советскую политику или нет? Друзья познаются в беде. Скоро будет поздно доказывать эту дружбу, поскольку вопрос о признании будет так или иначе решен»¹⁰.

«Спешите, иначе будет поздно» — звучало рефреном во время всех последующих бесед советских дипломатов с Фирлингером от-

носителем признания ВПП. 24 января он встретился с Молотовым, который, отбросив всякий дипломатический такт, в резкой форме заявил послу, что единственно возможным путем для чехословацкого правительства является немедленное признание варшавского правительства, после чего могут быть начаты переговоры по вопросу о чехословацко-польских границах. «Впрочем, чехословацкое правительство очень долго медлило и теперь может признание откладывать и далее. Для советского правительства это совсем не важно. Польское правительство существует, будет существовать и далее консолидироваться», — заявил советский нарком¹¹. В упомянутой беседе с Готвальдом 23 января Сталин также советовал сначала признать польское правительство, а потом начать с ним переговоры по спорным вопросам, обещая при этом поддержку со стороны СССР. 26 января Фирлингер телеграфировал Бенешу: «Мы можем сохранить Тешин лишь с помощью Москвы. Поэтому советую действовать в любом случае решительно и быстро еще до конференции трех, которая состоится в ближайшие дни. Всякое опоздание может нанести вред»¹². И Бенеш сдался. 27 января Г. Рипка, встретившись с советским дипломатом И.А. Чичаевым, просил его передать в Москву, что чехословацкое правительство решило официально признать варшавское правительство, не ожидая каких-либо заявлений с его стороны о спорных пограничных вопросах¹³. 30 января в 21 час 30 минут Фирлингер сообщил по телефону в 4-й Европейский отдел НКВД о том, что получена телеграмма из Лондона о признании чехословацким правительством ВПП и желании установить с ним дипломатические отношения. 31 января посол специальным письмом уведомил об этом Молотова¹⁴.

Еще один вопрос, активно обсуждавшийся в конце 1944 — начале 1945 г. чехословацкими и советскими дипломатами, касался чехословацко-венгерских отношений и был связан с восстановлением ЧСР в домюнхенских границах, ее долей в венгерских репарациях после войны, трансфером венгерского населения из Чехословакии, которая ожидала поддержки Советским Союзом всех выдвигаемых ею требований. И Москва, где с октября 1944 г. велись переговоры о заключении перемирия между СССР и Венгрией, готова была сделать это. В декабре на освобожденной венгерской территории в Дебрецене было создано временное правительство, которое приняло решение о выходе Венгрии из войны на стороне Германии и объявило ей войну. 20 января 1945 г. направленная в Москву венгерская правительственная делегация подписала соглашение о перемирии. Чехословакия, которая по праву считала себя жертвой венгерской агрессии¹⁵, рассчитывала, что в ходе его подго-

товки будут учтены все ее претензии к Венгрии. В ноте, переданной в Москву в ноябре 1944 г., Чехословакия настаивала на участии в переговорном процессе с Венгрией для защиты своих интересов¹⁶. Молотов и Вышинский обещали, согласно Фирлингеру, учесть все пожелания чехословацкой стороны¹⁷ и информировать ее о ходе переговоров. 26 декабря 1944 г. чехословацкому правительству был передан Меморандум правительства СССР об условиях перемирия с Венгрией. В нем говорилось о намерении предъявить ей требование о возмещении ущерба, причиненного Советскому Союзу, а также Чехословакии и Югославии в размере 300 млн долларов, из которых 100 млн должны были получить две последние страны¹⁸. В инструкциях, направленных Рипкой Фирлингеру 30 декабря, подчеркивалась необходимость внесения в условия перемирия пункта об осуждении Венгрией агрессивных актов 1938–1939 гг. и признании ею домюнхенских границ ЧСР. Предлагалось также добиться согласия Венгрии на трансфер венгерского населения из Чехословакии¹⁹. Из беседы Фирлингера с Зориным 3 января 1945 г. стало ясно, что это последнее требование вряд ли удастся включить в условия перемирия, так как решение о трансфере может быть принято только в ходе переговоров о заключении мира²⁰. 14 января заместитель В.М. Молотова В.Г. Деканозов передал З. Фирлингеру текст перемирия с Венгрией, согласованный с Англией и США. В нем объявлялись «несуществующими» решения первого Венского арбитража Германии и Италии (2 ноября 1938 г.), по которому в состав Венгрии были включены южные районы Словакии и часть Подкарпатья²¹. 15 января в Кремле у Молотова состоялась многосторонняя встреча, в которой участвовали американский посол в СССР В.А. Гарриман, советник английского посольства в Москве Дж. Бальфур, югославский посол в СССР С. Симиц и Фирлингер. Обсуждался текст перемирия, который предстояло передать венгерской делегации. Молотов предложил Фирлингеру снова изложить свои требования, в частности касавшиеся трансфера. Советский нарком решительно поддержал его, предложив найти устраивавшую всех формулировку. Гарриман заявил о необходимости передать вопрос в Союзную контрольную комиссию. Бальфур сказал, что имеет точные инструкции британского правительства, позиция которого по этому вопросу отрицательна. Достичь согласия не удалось, как и по ряду других требований Чехословакии²².

«Передайте Молотову искреннюю благодарность президента и правительства за необычайно активную поддержку наших требований», — писал Рипка Фирлингеру 19 января и просил снова настойчиво добиваться включения принципа трансфера венгерского насе-

ления в текст перемирия. Он сообщал о беседе с английским послом при чехословацком правительстве Ф.Б.Николсом, которому заявил, что «только Советы понимают наши интересы и нас поддерживают» и что тот обещал немедленно информировать Форин Офис о необходимости послать Бальфуру точные инструкции. Но было уже поздно: 20 января перемирие было подписано. Молотов, как бы извиняясь за то, что не все требования Чехословакии оказалось возможным включить в текст перемирия, рекомендовал Фирлингеру в письме от 20 января, чтобы чехословацкое правительство после подписания перемирия и создания союзной контрольной комиссии послало в Венгрию своего представителя, который мог бы на месте выяснять все вопросы, касающиеся ЧСР. Однако из-за противодействия Запада не все требования Чехословакии удалось включить в окончательный текст перемирия с Венгрией, в частности, требование о трансфере венгерского населения²³.

Декабрь 1944 — январь 1945 г. отмечены необычайной дипломатической активностью во взаимоотношениях СССР и Чехословакии, выявлением сходных и несходных позиций, поисками и нахождением компромиссов. Одновременно в Лондоне шла подготовка к переезду чехословацкого правительства на родину. Определялся круг вопросов для обсуждения в Москве, намечались лица, которые должны были сопровождать Бенеша в этой поездке. Президент начал консультации с представителями партий относительно состава нового правительства, которое предстояло сформировать в ходе переговоров в Москве. За несколько дней до отъезда Бенеша, 24 февраля 1945 г., Черчилль пригласил его на обед. «Разговор был свободный и дружеский», — значит в собственноручной записи Бенеша об этой встрече. «Черчилль начал с того, что слышал о некоторых моих опасениях относительно того, что будут делать у нас Советы и Красная Армия. Я подтвердил, что у меня есть некоторая озабоченность, но не опасения. Я сделал максимум того, что можно было сделать, я заключил договор с Москвой, проводил демократическую внутреннюю политику — больше не было возможности сделать. Надеюсь, что с положением дел удастся справиться. Далее зашла речь о Подкарпатской Руси. Я ему рассказал, в какой стадии находится вопрос и что означает обмен письмами Сталин — Бенеш», — значит в записи. Обсуждалось и будущее Европы: «Он (Черчилль. — В.М.) подчеркнул, что верит в то, что русские останутся в пределах своих сил и возможностей. А если они их превысят, то натолкнутся на англичан и американцев. За будущее Европы он не ручается, только англичане снова защитят себя, даже если русские все заберут и дойдут до Атлантического океана по французской территории». Черчилль

считал, что «Германию лучше было бы разделить», «относительно Польши ничего не обещал, у него сложилось впечатление, что она просто находится во власти Советов». Речь шла также о Югославии, Греции, Австрии, Венгрии. Черчилль был удовлетворен переговорами в Ялте, считая, что в отношении Польши ничего иного нельзя было сделать. Говоря о системе безопасности в мире, он был уверен, что она должна остаться в руках великих держав, что они могут сохранить мир, пока между ними будет согласие. Если же оно будет нарушено, то «дело снова дойдет до войны в какой-либо форме». «Мы договорились, что я буду писать ему», — закончил свою запись Бенеш, очень польщенный тем, что Черчилль назвал его «одним из самых рассудительных европейских политиков»²⁴.

В Москве тоже готовились к приезду Бенеша. Договоренность, хотя и негласная, между союзниками по антигитлеровской коалиции о разделе сфер влияния в послевоенной Европе фактически была достигнута²⁵. Чехословакии при этом отводилась особая роль. СССР, как утверждал заместитель наркома иностранных дел И.М. Майский в записке на имя Молотова от 11 января 1944 г. «выгодно стремиться к созданию сильной Чехословакии», которая способна стать важным проводником советского влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе ввиду настроений ее населения (очевидно, речь шла о русофильстве) и наличия советско-чехословацкого договора. Майский писал: «Чехословакия должна быть по возможности усилена территориально, политически и экономически. Ее следует рассматривать как форпост нашего влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе»²⁶.

В закрепленной (фактически) за СССР сфере его влияния (интересов, безопасности — тогда это называлось по-разному) можно было применить достаточно гибкую тактику в проведении советской политики. Эта тактика была рассчитана не на сиюминутный, а на постепенный результат при опоре на внутренние силы, коммунистов, в ряде стран уже занявших или поставивших цель занять прочные позиции в органах новой власти. Глобальные, стратегические цели — распространение социалистической системы советского образца на весь мир и идея мировой социалистической революции — не были похоронены. Их реализация мыслилась лишь в иных формах, иными методами и темпами, продиктованными новой международной обстановкой. Выражения «советизация», «большевизация», «социалистическая революция», «социализм», «диктатура пролетариата» были исключены не только из официального лексикона советских лидеров и прессы, но и из не рассчитанных на обнародование выступлений и заявлений советских и партийных функционеров не первой величины. Отвергались как необоснованные даже намеки на то, что СССР

стремится к «советизации» тех стран, на чью территорию вступала Красная Армия. По мнению кремлевских лидеров, еще не пришло время для открытой, прямолинейной проповеди идей социализма, воплощенных в советском образце. Речь пока шла лишь об установлении демократических режимов, поддерживаемых всеми антифашистскими силами и дружественных по отношению к Советскому Союзу. В записке, подготовленной Комиссией при НКВД во главе с Майским в январе 1944 г. и касавшейся вопросов послевоенного мирного урегулирования, в разделе «Государственный строй вражеских и ныне оккупированных государств» утверждалось: «СССР заинтересован в том, чтобы государственный строй этих стран базировался на принципах широкой демократии в духе идеи народного фронта»²⁷. При этом обращалось внимание на то, что главная угроза миру и спокойствию может исходить «от преждевременных революций, так как они могут спровоцировать эскалацию напряженности в отношениях с Западом»²⁸.

Как известно, развитие событий во второй половине 40-х гг. привело по сути к установлению в странах Центральной и Юго-Восточной Европы режимов советского образца, но в 1944–1945 гг. столь быстрого прихода к монополющей власти коммунистов Москвой не предполагалось. Наоборот, она сдерживала леворадикальные тенденции, проявлявшиеся в компартиях стран региона, советовала не спешить с выполнением программы-максимум. В том, что Советский Союз, по крайней мере на том этапе, отказался от идеи советизации стран сферы своего влияния, Сталину удалось убедить, в частности, даже Черчилля, который в письме Рузвельту 22 октября 1944 г., т. е. после переговоров в Москве, где была достигнута негласная договоренность о так называемом процентном соглашении, писал: «Д.Д. (дядюшка Джо. — В.М.) хочет, чтобы Польша, Чехословакия и Венгрия образовали сферу независимых антинацистских просоветских государств»²⁹. Термин «просоветские», судя по контексту, тут следовало понимать как дружественные СССР. Вскоре после Ялтинской конференции (3–11 февраля 1945 г.) Черчилль отказался от такого толкования политики Москвы, характеризуя ее как стремление советизировать страны, оказавшиеся в сфере влияния СССР, как «курс, абсолютно противоречащий всем демократическим идеям», как навязывание странам Восточной Европы «русского варианта демократии»³⁰.

Официальная линия Кремля на создание дружественных, но несоединенных государств в указанном регионе особенно отчетливо была сформулирована в беседе Г. Димитрова, возглавлявшего Отдел международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б), с рядом че-

хословацких коммунистов в декабре 1944 г.: «Вопрос советизации Чехословакии не ставить. Сегодня не будем гадать, когда придет время, чтобы поставить вопрос о советизации Чехословакии. Это — не так легко, как многие думают. Чехи и словаки должны сами вступить на путь к советской власти, собственным развитием. И мы также должны подвести народ к социализму и советской власти, систематически подготавливая его политически, идеологически. Те люди в Словакии, которые чересчур спешат в отношении советской власти, должны быть попридержаны. Как Сталин правильно сказал: нужно идти шаг за шагом, и прежде чем сделать следующий шаг, нужно закрепить завоеванные позиции»³¹. Упрек относился в первую очередь к словацким коммунистам. Идея советской Словакии, ее присоединения к СССР, официально выдвинутая компартией Словакии в 1940 г. и раскритикованная Загранбюро КПЧ в Москве, была достаточно широко распространена среди словацких коммунистов и в конце войны. Не чужда она была, в частности, и Г. Гусаку, одному из членов последнего нелегального руководства КПС³². Секретарь ЦК КПС Э. Фриш в июле 1945 г. говорил, что в период Словацкого национального восстания «компартия жила идеями борьбы за присоединение Словакии к СССР»³³. Но такие представления о будущем Словакии тогда совершенно не отвечали интересам Москвы и ее политике в отношении Чехословакии.

Столь откровенные рекомендации, которые прозвучали из уст Димитрова на вышеуказанной встрече, свидетельствовали о том, во-первых, что идея социалистической революции не была отброшена за ненадобностью, а лишь снята с повестки дня как несвоевременная, во-вторых, что мыслилось ее поэтапное осуществление, первым шагом на пути к чему и являлись так называемые народно-демократические режимы. Сколь длительным будет этот путь, тогда никто не мог предположить, хотя, например, в упомянутой записке Майского срок превращения Европейского континента в социалистический определялся в 30–50 лет³⁴.

Представляется, что именно вопросы будущего режима в Чехословакии, политики коммунистов в освобожденной стране являлись основными во время вышеупомянутой встречи Сталина и Готвальда вечером 23 января 1945 г. сначала в Кремле, в кабинете Молотова, а затем, уже без наркома, на даче советского руководителя. Об этой встрече вообще мало что известно³⁵. В историографии она упоминалась лишь в связи с вышеуказанным письмом Бенешу по поводу Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси), продиктованным Сталиным тут же, в кабинете Молотова. В это время вопрос о Закарпатской Украине для Москвы фактически уже был решен, и не

он являлся главным. Мнение Готвальда о нем, конечно, можно было спросить и даже направить послание Бенешу, великодушно предоставив ему право выбрать, когда окончательно — до или после победы над Германией — будет решен вопрос о Закарпатье. Две другие, более важные в тот период для советского руководства задачи решались в беседе с Готвальдом. Вспомним, что она состоялась 23 января, в то время, когда на чехословацкое эмигрантское правительство осуществлялся массированный нажим Кремля в целях признания им так называемого люблинского правительства. Готвальд использовался в качестве еще одной важной педали для продавливания нужного Москве в преддверии Ялтинской конференции решения. Сталин, как уже говорилось, рекомендовал «сначала признать варшавское правительство, а потом начать с ним переговоры»³⁶.

Второй круг вопросов, который обсуждался уже на даче Сталина, касался, в основном, скорее всего, приезда Бенеша в Москву, формирования нового чехословацкого правительства и его программы. Готвальд не оставил воспоминаний. Поэтому о содержании беседы можно судить лишь рассматривая приглашение руководителя чехословацких коммунистов в Кремль в контексте тех конкретных усилий, которые предпринимались тогда Москвой по укреплению ее позиций в освобождаемых странах Центральной и Юго-Восточной Европы, а также по ряду косвенных свидетельств. Напомним, что в начале 1945 г. существовали уже просоветские правительства в Польше, Болгарии, Венгрии, Югославии. В декабре 1944 г. и в январе 1945 г. Вышинский посетил Румынию, чтобы лично проконтролировать, как идут дела в этой стране и содействовать приходу к власти лояльного Советскому Союзу правительства П. Грозы. 4 января румынские коммунисты А. Паукер, Г. Георгиу-Деж и Апостол были приняты Сталиным, который дал им конкретные советы в отношении политики компартии в стране и проведения курса на создание правительства Национально-демократического фронта. 9 января Сталин беседовал с главой делегации Народного комитета освобождения Югославии коммунистом А. Хебрангом. 28 января Сталин принял югославскую и болгарскую делегации в связи с обсуждением проекта союзнического договора между Югославией и Болгарией и создания федеративного государства. В конце января и начале февраля 1945 г. секретарь ЦК БРП(к) Т. Костов и секретарь ЦК КПЮ Э. Кардель выступили с информационными докладами о положении дел соответственно в Болгарии и Югославии³⁷. Что касается Чехословакии, то, хотя Готвальд достаточно тесно общался с Димитровым, но контактов с советским руководством на высшем уровне у него пока не было. К этому времени Красная Армия уже

вела активные боевые действия на территории Восточной Словакии: 20 января Москва салютовала войскам 4-го Украинского фронта, освободившим города Прешов, Кошице, Бардеев³⁸. Бенеш готовился к переезду на родину через Москву. Вопрос о создании нового чехословацкого правительства стал как никогда актуальным. Молотов и Сталин, по всей видимости, хотели составить личное впечатление о руководителе чехословацких коммунистов и дать ему соответствующие рекомендации. Давались ли Готвальду какие-либо советы, связанные с политикой КПЧ в освобожденной стране, доподлинно неизвестно. Но если исходить из логики вышеперечисленных шагов советского руководства в других освобождаемых Красной Армией странах Центральной и Юго-Восточной Европы, то можно с уверенностью предположить, что давались. Может быть, давались не напрямую, намеками, но Готвальд был достаточно опытным политиком, чтобы уловить желания кремлевских стратегов. Он сам никогда не говорил во всеуслышание о беседе со Сталиным на даче, может быть, только с самыми близкими ему людьми, например с В. Копецким. В 1946 г., когда отмечалось 50-летие Готвальда, Копецкий написал воспоминания о его деятельности в Москве в годы войны. В этой хвалебной, имеющей чисто пропагандистский характер брошюрге упоминается, в частности, о встрече Готвальда со Сталиным в декабре 1944 г. Такой встречи, насколько известно на сегодняшний день, не было. Скорее всего, Копецкий, который никогда не придерживался точности в своих работах, имел в виду встречу 23 января 1945 г. и описывал подробности этой встречи явно со слов самого Готвальда. «Товарищ Готвальд, — писал Копецкий, — пришел к товарищу Сталину в полпервого ночи, и их разговор продолжался целых шесть часов, до семи часов утра». Далее описывается, с какой симпатией Сталин говорил о Чехословакии, о чешском и словацком народах, восхищался их демократичностью и добросердечностью, говорил о немцах, указывая, как должны действовать славяне, чтобы «никогда не повторилась трагедия их кровавого уничтожения чудовищной немецкой военной машиной». Во время шестичасовой беседы, которая, как видно из описания, проходила в очень непринужденной обстановке, по словам Копецкого, «товарищ Готвальд обсудил с маршалом Сталиным много важных вопросов»³⁹.

О содержательной стороне встречи Готвальда со Сталиным упоминал в своих воспоминаниях и Г. Гусак, который в январе–феврале 1945 г. в течение трех недель находился в Москве и неоднократно общался с Готвальдом. В беседе со Сталиным, по словам Гусака, велась дискуссия по основным вопросам политики партии в период освобождения и после него. Сталин советовал Готвальду проявлять максимум

осторожности и тактичности, например, при решении словацкого вопроса, рекомендовал считаться с Бенешем, достигнуть договоренности с ним как с президентом. «После осложнений вокруг польского вопроса, — писал Гусак, — когда разрыв с польским эмигрантским правительством в Лондоне оказал весьма отрицательное воздействие и на совместные действия с западными союзниками, Сталин хотел избежать аналогичных проблем и осложнений с Бенешем и его правительством, тем более, что это было единственное эмигрантское правительство, заключившее союзнический пакт с СССР»⁴⁰.

Примечательно, что уже через неделю после встречи со Сталиным, 1 февраля 1945 г. Готвальд вместе с Копецким посетили Димитрова, с которым, судя по короткой дневниковой записи последнего, обсуждали вопросы деятельности чехословацкой компартии и приезда в Москву Бенеша⁴¹. Сразу после этого Загранбюро КПЧ развернуло бурную деятельность по подготовке программы и состава нового чехословацкого правительства. Эти вопросы начали обдумываться чехословацкими коммунистами в Москве еще во время приезда Бенеша сюда в декабре 1943 г. Тогда были сделаны первые шаги на пути оформления их концепции послевоенного устройства ЧСР, определены основные принципы программы первого после освобождения страны правительства. Вопрос о его конкретном составе, видимо, стал рассматриваться Загранбюро КПЧ осенью 1944 г. Именно тогда в ОМИ ЦК ВКП(б) поступили подготовленные коммунистами характеристики на членов чехословацкого эмигрантского правительства, в которых особое внимание обращалось на отношение того или иного деятеля к компартии и СССР, а также характеристики на членов Словацкого национального совета (СНС)⁴².

Эти последние, в целом весьма положительные, были интересны для советского руководства тем, что, во-первых, предполагалось включение его представителей в состав нового чехословацкого правительства, а во-вторых, тем, что чехословацкий правительственный делегат Ф. Немец, прибывший на освобожденную территорию Восточной Словакии в январе 1945 г., передал бразды правления этой территорией в руки СНС, оставив за собой лишь связь с советскими военными властями, Лондоном и Москвой, а также общегосударственные вопросы. Немец сообщил Фирлингеру, что 4 февраля он был приглашен в штаб 4-го Украинского фронта, где ему было сообщено об установлении демаркационной линии (Спишска Бела — Кежмарок — Попрад — Добшина), разграничивавшей территории, подвластные СНС и советскому военному командованию. «На восток от линии, — сообщал Немец, — установлен полный чехословацкий суверенитет и действуют чехословацкие законы. Советское

командование оставило за собой однако в этой области из соображений безопасности тыла надзор за транспортом и телекоммуникациями. Ему будут подчинены военные коменданты городов, и оно будет иметь право арестовывать опасные элементы, невзирая на национальность». По договоренности со штабом Немец рекомендовал СНС провести мобилизацию кадровых офицеров в возрасте до 50 лет, офицеров запаса — до 45 лет, младших офицеров и рядовых — до 40 лет⁴³. Речь шла уже не о мобилизации в Красную Армию, что имело место в Подкарпатской Руси и стало одной из причин конфликтной ситуации между «чехословацким» Лондоном и Москвой, а о пополнении ЧАК. Как видно из изложенного, ни СНС, ни Ф. Немец не располагали на освобожденной территории всей полнотой власти, что в условиях военного времени, думается, было весьма закономерно. Советские военные власти не могли допустить, чтобы в ближайшем тылу действующей армии создавались опасные для нее ситуации. Тот факт, что Чехословакия являлась союзным с СССР государством, в данном случае имел подчиненное значение. Напомним: Сталин еще во время встречи с Готвальдом 23 января по этому поводу говорил, что в условиях, когда «на всем протяжении фронта от Балтики до Дравы ведутся тяжелые бои, о которых на Западе и понятия не имеют», образование «какой бы то ни было абсолютно свободной зоны в ближайшем тылу, в которой могли бы существовать различные трудно контролируемые иностранные органы, проблема — чрезвычайно деликатная; какая-либо легкомысленность в этом плане может иметь тяжелые последствия»⁴⁴. И в этом Сталин был прав. Но, как уже говорилось, понятие «ближайший тыл» не определялось и могло произвольно толковаться, что, естественно, порождало конфликты. Говоря о «трудно контролируемых иностранных органах», Сталин, по всей видимости, имел в виду переезд на свободную территорию вместе с новым чехословацким правительством аккредитованного при нем дипломатического корпуса, на чем настаивала чехословацкая сторона и в чем особенно был заинтересован Запад. Но особую остроту этот вопрос приобрел позднее.

Ждали ли русских в Словакии?

Пока же в Москве внимательно изучали те материалы, которые по разным каналам приходили с освобожденной территории Словакии и касались настроений ее населения, деятельности СНС и т. д. Многие из этих материалов поступали в ОМИ ЦК ВКП(б) Димитрову. Так, например, большой интерес вызвала информация Г. Гусака о положении в Словакии, одна из которых (пространная) была подготов-

лена им во время пребывания в Москве в январе-феврале 1945 г. для Загранбюро КПЧ, а вторая (более короткая, на немецком языке) привезена, очевидно, К. Шмидке в августе 1944 г.⁴⁵ Сравнение обоих текстов показывает, что второй из них содержал более радикальные характеристики политики КПС и настроений в Словакии. Как уже говорилось выше, московское руководство КПЧ настойчиво пыталось смягчить этот радикализм словаков. Димитров внимательно изучил оба документа. Особый его интерес, судя по пометам, вызвали места, касавшиеся оценок позиций и влияния компартии, такие как: «ведет за собой весь рабочий класс, значительную часть интеллигенции и мелких крестьян»; программа партии является марксистско-ленинской; рабочие массы считают СССР «образцом в разрешении социально-экономических вопросов»; «славянские традиции и социалистическая ориентация играют большую роль в Словакии»; КПС «ставит на первое место в своей работе борьбу против немцев и предателей, однако она не может забывать своей ответственности и за достижение своих дальнейших политических целей»⁴⁶. Все это было чрезвычайно важно с точки зрения определения советской политики в отношении Чехословакии и налаживания отношений между коммунистическими партиями обеих стран.

В ОМИ ЦК ВКП(б) поступали и некоторые документы, касавшиеся организации жизни на освобожденной территории Словакии, в частности проект постановления СНС о земельной реформе. В сопроводительной записке члена военного совета 4-го Украинского фронта Л.З. Мехлиса, направившего документ, значилось: «Уязвимые места и грубые ошибки в проекте будут ясны при его внимательном чтении». С проектом, весьма радикальным, помимо сотрудников ОМИ ознакомились Молотов, Зорин, Готвальд, которые высказали по нему свои критические замечания. Готвальд направил Гусаку телеграмму, прося его воздержаться от публикации и широкого обсуждения проекта⁴⁷.

Тщательно подбирались и изучались материалы, касавшиеся настроений населения Словакии после вступления на ее территорию Красной Армии. Тот же Гусак в упомянутой короткой информации утверждал, что «Словакия подготовлена в психологическом и политическом отношении к приходу Красной Армии», что «значительная часть населения с коммунистической ориентацией заранее приветствует Красную Армию, надеясь с ее приходом получить возможность осуществления своих социальных и экономических порядков». Он полагал, что 70-80% населения Словакии настроены просоветски⁴⁸. Скорее всего, это было преувеличением, если понимать под этим установление советского строя, но, вероятно, отражало широкое распространение симпатий к России в словацком обществе в

конце войны. Вот как описывал настроения на территории Средней Словакии военный корреспондент газеты «Комсомольская правда» капитан С.К. Крушинский, находившийся там во время Словацкого национального восстания: «Для царившего здесь политического настроения самым характерным было чувство дружбы к Советской России и Красной Армии. Здесь видят в нас естественного, желательного и единственно возможного освободителя. Имеющихся здесь советских офицеров предупредительно приветствуют не только все военнослужащие, но также жители (многие поднятием сжатой руки)... Я видел на улице английских и американских офицеров. Они, безусловно, не встречали такого выражения симпатий... С несомненной искренностью население и солдаты (словацкой армии, участвовавшие в восстании. — *В.М.*) ждут прихода частей Красной Армии». Вместе с тем Крушинский указывал «на опасения многих интеллигентов, что они будут лишены материальных удобств», что «произойдет немедленное и механическое уравнивание по беднякам, что будут пересчитаны все скатерти и простыни и т. д.»⁴⁹. Но несмотря на имевшиеся у части словацкого населения опасения, советских солдат в Словакии в целом ждали и встречали хорошо.

Красная Армия вступила на территорию Словакии осенью 1944 г. и в течение полугода здесь шли бои. В директиве Ставки Верховного Главного Командования командующему войсками 4-го Украинского фронта И.Е. Петрову и командующему войсками 1-го Украинского фронта И.С. Коневу, подписанной Сталиным и Антоновым 31 октября 1944 г., в приказном порядке требовалось: «1. Разъяснить всему личному составу войск, что Чехословакия является нашим союзником и отношения со стороны войск Красной Армии к населению освобожденных районов Чехословакии и к повстанческим чехословацким частям должны быть дружественными. 2. Запретить войскам самовольную конфискацию автомашин, лошадей, скота, магазинов и разного имущества. 3. При размещении войск в населенных пунктах учитывать интересы местного населения. 4. Все необходимое для нужд наших войск получать только через местные органы гражданской администрации чехословаков или через командование чехословацких повстанческих частей. 5. Нарушающих приказ привлекать к суровой ответственности»⁵⁰.

Донесений армейских политорганов о положении в стране и настроениях ее населения довольно много; они направлялись в Главное политическое управление рабоче-крестьянской Красной Армии (ГлавПУ РККА), некоторые из них пересылались в ЦК ВКП(б) для сведения и использования в работе его отделов. При характеристике отношения населения к советским войскам армейские политработ-

ники прибегали к таким выражениям, как население «встретило части Красной Армии с большой радостью и восторгом», «повсеместно бойцы и офицеры ощущают теплый, радушный прием и дружественное отношение», «стремятся оказать помощь нашим частям в борьбе против немцев», «симпатии к Советскому Союзу огромны», «большинство населения с нетерпением ждет прихода Красной Армии», «все слои населения горят желанием сотрудничать с Советским Союзом». В донесениях приведено множество конкретных примеров такого поведения словацкого населения, в целом хорошо встречавшего советские войска⁵¹.

Вместе с тем сообщалось и о фактах недовольства, связанных с действиями органов Красной Армии при закупке для нее продовольствия, с отдельными фактами мародерства и насилия со стороны советских солдат⁵². Естественно, что таких сообщений было гораздо меньше, и многие из нарушений директив Ставки просто не попадали на страницы отправляемых наверх донесений: ведь нарушителей вне зависимости от должностей и званий ждало суровое наказание, и факты неблагоприятного поведения солдат и офицеров, если это не получало широкой огласки, либо замалчивались, либо разбирались прямо на месте.

Недовольство населения вызывали также карательные действия органов СМЕРШ и НКВД на освобожденной территории, репрессии против активных сторонников режима президента Словацкой республики Й. Тисо, следовавшего до конца войны в фарватере политики гитлеровской Германии. Согласно данным словацкого исследователя Р. Летца, органы НКВД проводили преимущественно аресты российских и украинских эмигрантов, затем венгров и немцев, а также словаков, опираясь при этом на помощь местных коммунистов, партизан и используя списки, составленные разведотделами 1-го ЧАК или оперативными группами СМЕРШ. Арестованные сосредоточивались в сборных лагерях и оттуда в вагонах, непригодных для перевозки людей, отправлялись в Советский Союз, где использовались на работах в шахтах, каменоломнях, строительстве и сельском хозяйстве. Лецц пишет, что в Восточной Словакии арестовывались в первую очередь представители местной интеллигенции с целью ослабить потенциальную антикоммунистическую оппозицию. Данные о словаках, отправленных в ГУЛАГ (причем неясно, идет ли речь о словаках по национальности или о жителях Словакии), расходятся, колеблясь от 12 до 69 тысяч. Председатель словацкой Ассоциации граждан, насильственно депортированных органами НКВД в СССР, Д. Слободник говорил о приблизительно 10 тысячах человек. В течение 1945–1953 гг. депортированные, если оставались живы, постепенно возвращались на родину⁵³. Но этот вопрос из-за недоступности для исследователей

архивных данных пока не изучен. Неоднозначно оценивалась населением и мобилизация словаков в 1-й ЧАК, проводимая согласно постановлению СНС от 6 февраля 1945 г. К 6 апреля ЧАК насчитывал уже 31 725 человек. До середины мая, по некоторым сведениям, было мобилизовано почти 68 тыс. словаков⁵⁴.

В целом же, известные автору как опубликованные, так и неопубликованные документы дают основание полагать, что для словаков в конце войны были характерны преимущественно антинемецкие, антивенгерские и прорусские (для какой-то части и просоветские) настроения, независимо от политической ориентации и желания либо сохранить самостоятельную Словацкую республику, либо восстановить Чехословакию. Это, конечно, не означало, что среди части населения (в донесениях чаще всего говорилось о представителях интеллигенции и зажиточного крестьянства), особенно под воздействием немецкой пропаганды и верных Германии властей, перед приходом Красной Армии не наличествовало нежелание нести тяготы военного времени и страх за свои жизни и имущество⁵⁵. «Некоторая часть населения, — говорилось в докладной записке ГлавПУ РККА в ЦК ВКП(б) на имя Г. Димитрова в марте 1945 г., — опасается того, что Красная Армия рано или поздно введет в Чехословакию свои порядки»⁵⁶. Эти опасения, как показала история, не были напрасными: только «свои порядки» Кремль вводил уже не столько при помощи Красной Армии, сколько другими методами.

О своей озабоченности, «не опасениях», как он подчеркнул, относительно того, «что будут делать Советы и Красная Армия» на территории Чехословакии, Бенеш говорил и Черчиллю, к которому вместе с Масариком был приглашен на обед 24 февраля 1945 г. Однако президент выразил надежду, что «ситуацией можно будет овладеть». Черчилль подчеркнул свою веру в то, что «русские останутся в границах своих сил и возможностей, а если их перейдут, то наткнутся на англичан и американцев», но за будущее Европы не ручался. Он подчеркнул также, что система послевоенной безопасности должна остаться в руках великих держав и что мир будет сохранен, пока будет согласие между СССР, Англией и США; если же оно будет нарушено, то «снова дело дойдет до войны в какой-либо форме»⁵⁷.

*Бенеш в Москве: встречи, беседы,
формирование нового чехословацкого правительства*

А пока Москва готовилась к приезду Бенеша. Загранбюро КПЧ и ОМИ ЦК ВКП(б) внимательно следили за всем, что было связано с этим. Например, тексты телеграмм Готвальда коммунистам в

Лондон просматривал Димитров и, по мере необходимости, правил их. Точно так же руководитель ОМИ знакомился с телеграммами, полученными из Лондона Фирлингером и Готвальдом⁵⁸. Последний представил Димитрову проект организации и структуры первого правительства Национального фронта чехов и словаков. В сопроводительной записке Готвальда подчеркивалось, что в него должны войти представители всех главных политических групп, в том числе и из чехословацкого эмигрантского правительства, «которые наиболее важны для Бенеша». Из 20 членов проектируемого кабинета восемь человек во время войны находились в Англии, шесть — в Советском Союзе и шесть — в Словакии. Предполагалось также, что после освобождения чешских земель правительство будет пополниено представителями чешского подполья. В ОМИ поступили и характеристики на кандидатов в члены кабинета. В них, как и ранее, обращалось особое внимание на отношении этих политических деятелей к коммунистам и СССР⁵⁹.

Незадолго до приезда Бенеша Димитров получил переведенный на русский язык первый проект политической платформы нового чехословацкого правительства, подготовленного Загранбюро КПЧ. В сопроводительном письме от 10 марта 1945 г. Готвальд сообщал, что по большинству поставленных в проекте вопросов Бенеш был «в общих чертах с нами согласен», и выражал надежду, что «удастся добиться принятия в ней (платформе. — В.М.) всего для нас важного». Готвальд обращался к Димитрову с просьбой «помочь нам Вашими советами и указаниями при решении этой важной задачи». Один из экземпляров письма, судя по помете Димитрова «Тов. И.В. Сталину», был направлен советскому лидеру⁶⁰.

Руководитель ОМИ внимательно ознакомился с предложенной Готвальдом программой и сделал свои замечания. Однако сопоставление текста, который изучал Димитров, и окончательного текста программы свидетельствует, что большинство его замечаний носили не принципиальный, а скорее редакционный характер, кроме одного, на наш взгляд важного. В разделе о внешнеполитической деятельности правительства в первом варианте говорилось о *союзных* с СССР славянских странах, а в окончательном — об СССР и *остальных* славянских странах (выделено мною. — В.М.)⁶¹. Это исключало, по-видимому, толкование данного места программы в том смысле, что в ближайшем будущем Советский Союз собирается создать некий блок славянских государств под своей эгидой. Тогда подобная возможность весьма волновала союзников СССР по антигитлеровской коалиции.

19 марта, накануне своего назначения послом в ЧСР⁶², по проекту платформы первого правительства Национального фронта чехов и

словаков представил свои соображения и В.А. Зорин. Его достаточно пространственные замечания были направлены Молотову, который, судя по пометам, ознакомился с ними, обратив внимание на ряд затронутых Зориным вопросов⁶³. Хотя автору неизвестно, были ли эти соображения доведены до сведения Загранбюро КПЧ, но сопоставление с опубликованной программой показывает, что некоторые из них были приняты во внимание.

Замечания Зорина, более или менее существенные, касались почти всех разделов программы, кроме тех, которые затрагивали вопросы социально-экономических преобразований. Раздел о строительстве новой чехословацкой армии в проекте программы отсутствовал, он был включен в нее несколько позднее. Особой критике со стороны советского дипломата подвергся раздел о внешней политике ЧСР. «Весь раздел лишен чувства меры в вопросе об отношении к Советскому Союзу и к единству славянских народов», полагал Зорин. Он обратил внимание на такие формулировки, как «приверженность Чехословакии Советскому Союзу», «славянскую линию своей внешней политики правительство будет поддерживать», «поддержать стремление по сближению... со средневропейским и восточноевропейским объединением славянских народов». «Весь раздел требует исправления с тем, — считал посол, — чтобы при сохранении ориентации Чехословакии на Советский Союз и на укрепление единства славянских народов подчеркнуть также укрепление дружественных отношений Чехословакии с Англией, США, Францией и др. объединенными нациями и устранить скользкие формулировки о славянской линии внешней политики, средневропейском и восточноевропейском объединении славянских народов и т. п.». Эти рекомендации, по всей видимости, были учтены. Вместо вышеназванных «формулировок» в программе речь стала идти конкретно о Югославии, Болгарии и Польше. Существенные замечания касались раздела о национальной политике. «Во всем разделе, — полагал Зорин, — хотя и говорится о равноправии чешского и словацкого народов, вопрос о государственных формах их дальнейшего существования поставлен крайне расплывчато: нет упоминания ни об автономии Словакии, ни о федеративном объединении Чехии и Словакии». «В интересах преодоления словацкого сепаратизма, — продолжал он, — очевидно, следует сказать более определенно о будущих государственных формах существования Словакии в рамках единого чехословацкого государства. Кроме того, совершенно необходимо сформулировать обязательства по обеспечению прав национальных меньшинств (в первую очередь украинцев и русин)». Ни одно из этих соображений не нашло отражения в окончательном тексте правительственной программы⁶⁴.

В Москве ждали приезда Бенеша. 21 февраля в НКВД поступило сообщение, что выезд президента и сопровождающей его группы лиц намечен на 26–28 февраля на трех английских самолетах и что избран северный маршрут: Стокгольм — Хельсинки — Ленинград. Одновременно в порядке информации сообщалось, что «в ближайшее время пароходом из Лондона выедет вторая группа членов чехословацкого правительства, правительственных чиновников и иностранный дипломатический корпус, аккредитованный при чехословацком правительстве, — всего 200–250 человек»⁶⁵. И тут дело застопорилось: советское руководство не готово было положительно решить ни тот, ни другой вопрос. Что касается маршрута, то оно предлагало южный вариант: через Каир, Тегеран, Баку и Сталинград, считая его уже апробированным в 1943 г. и более безопасным. Британское правительство настаивало на своем предложении, приводя, по существу, те же аргументы⁶⁶. В конце концов был избран южный маршрут. Видимо, еще до приезда президента ЧСР в Москву в советских верхах стал обсуждаться и вопрос о возможности прибытия на освобожденную чехословацкую территорию указанной большой группы лиц из Лондона. Об этом, в частности, свидетельствовало и замечание Сталина во время встречи с Готвальдом 23 января 1945 г. Советский лидер не склонен был видеть «иностранные органы» в ближайшем тылу ведущей боевые действия Красной Армии. Однако никаких официальных возражений со стороны Москвы пока не поступало.

11 марта 1945 г. Бенеш вылетел из Лондона с сопровождавшей его группой лиц и 19 марта благополучно прибыл в Москву. Вместо одной, как ранее предполагалось, он пробыл здесь две недели. Они были наполнены обсуждением вопросов о составе нового чехословацкого правительства и его программы, а также переговорами в Кремле и встречами с советскими общественными деятелями. 19 марта НКВД получил перечень вопросов, которые Бенеш хотел бы обсудить с советскими руководителями. Он включал следующие 10 пунктов: 1. Границы с Германией, Венгрией, Польшей. 2. Трансфер из Чехословакии немецкого и венгерского населения. 3. Карпатская Украина. 4. Хозяйственное положение на освобожденной территории, в том числе: а) установление правил, касающихся «трофейного имущества», б) вопросы чехословацкой валюты, в) помощь со стороны СССР населению освобожденных территорий. 5. Вопрос репараций Венгрии: определение чехословацкой квоты. 6. Транспорт: а) железнодорожный, б) дунайское пароходство, в) использование румынских портов для импорта Чехословакии и др. 7. Дальнейшая организация чехословацкой армии. 8. Взаимоотношения между СССР,

Польшей и Чехословакией. 9. Политика СССР и ЧСР в отношении Германии. 10. Дальнейшее финансирование чехословацких платежей на территории СССР⁶⁷.

Все эти вопросы и были затронуты во время первой беседы Бенеша с Молотовым 21 марта 1945 г., на которой присутствовали с советской стороны Вышинский и Зорин, а с чехословацкой — Я. Масарик и З. Фирлингер⁶⁸. По первому из поставленных заранее вопросов (о границах) Бенеш напомнил, что он и все чехословацкое правительство всегда определяли свои взгляды формулой «домюнхенские границы». Далее он изложил позицию Англии по этому вопросу, которая согласилась «на передачу контроля чехословацкому правительству над территорией, входящей в домюнхенские границы», т. е. на 31 декабря 1937 г., и намерена поставить вопрос о признании границ на обсуждение в Европейской контрольной комиссии. Что касается трансфера немцев и венгров из Чехословакии, то президент заявил о колебаниях англичан по этому вопросу и ожидании ими мнения советского правительства. Молотов, заметив, что отношение Москвы к выселению немцев в принципе положительное, предложил перевести этот вопрос в практическую плоскость («сколько и как надо выселять»). Бенеш полагал, что переселить нужно 2 млн из 2 млн 800 тыс. немцев и 400 тыс. из 600 тыс. венгров, проживавших в ЧСР⁶⁹.

Достаточно пространно Бенеш говорил о Карпатской Украине и договоренности со Сталиным о ее передаче СССР после войны, а также о необходимости точно определить границы этой области, «ибо на территории Чехословакии живут украинцы». Молотов выразил свое согласие. Казалось, вопрос о времени определения государственно-правового статуса ЗУ на официальном уровне был улажен. Однако вскоре стало ясно, что это не совсем так. По инициативе Молотова после его беседы со Сталиным и другими советскими руководителями состоялась вторая встреча (24 марта) советского наркома и Бенеша, где первый под предлогом, что это необходимо Президиуму Верховного Совета СССР для уяснения ситуации с Подкарпатьем, потребовал у президента письменно подтвердить его согласие на присоединение ЗУ к СССР (УССР). Бенеш вынужден был составить и подписать такое письменное обязательство, которое носило секретный характер⁷⁰.

На этом же заседании президент передал пожелание Словацкого национального совета «поставить перед советским правительством вопрос о том, чтобы помочь быстрее очистить Словакию от венгров, которые пришли на словацкую территорию после ее оккупации венгерскими войсками». На вопрос Молотова, о каком количестве идет

речь, Бенеш ответил, что «примерно о 10–15 тыс. человек, особенно в Кошице», и добавил, что «следовало бы дать указание генералу Петрову и маршалу Малиновскому о сокращении количества венгров в Словакии». Молотов обещал выяснить этот вопрос ⁷¹.

21 марта достаточно подробно обсуждалась проблема военных трофеев, поскольку на освобожденной территории Чехословакии нередко возникали конфликты с советскими военными властями по вопросу о том, какая недвижимая и материальные ценности могут считаться трофеями. Бенеш был настойчив в выяснении позиции Москвы, и Молотов посчитал нужным четко изложить ее: «Мы рассматриваем Чехословакию союзником и на добро Чехословакии мы не покушаемся, однако законы войны требуют, чтобы то, что захвачено в результате боя, то, что завоевано кровью солдат, считалось военными трофеями, и те, кто изгоняет противника с захваченной территории, имеют право распоряжаться имуществом, захваченным в бою. Естественно, что союзнические армии могут и обязаны делиться захваченным, но право распоряжаться захваченным все же принадлежит тем, кто изгнал противника» ⁷². 31 марта правительства СССР и ЧСР подписали соглашение о порядке использования военных трофеев на территории Чехословакии. Оборудование германских предприятий и другое трофейное имущество, имеющее «существенно важное военное значение», может быть по согласованию с чехословацким правительством «вывезено на территорию СССР для использования на нужды войны», — значилось в первой статье соглашения. Часть трофейного оборудования германских предприятий предполагалось уступить чехословацкому правительству на правах собственности. Германскими считались все предприятия или их части, которые «были построены немцами или завезены ими во время оккупации, но не с чехословацких заводов» ⁷³. Реализация этого соглашения, как оказалось впоследствии, была страшно затруднена ввиду того, что оно, во-первых, не было опубликовано и о его содержании мало кто знал, а во-вторых, формулировки были настолько общими, что их экстраполяция на конкретные случаи оказалась практически невозможной.

На встречах 21 и 24 марта речь шла о расширении чехословацкой армии. Бенеш заявил, что он получил согласие Сталина на это ⁷⁴. В сообщении Пики в Лондон 26 марта утверждалось, что обсуждение вопроса о реорганизации армии «началось по инициативе Сталина и на основе предложения чехословацкого корпуса о его превращении в армию. При этом Сталин предложил вооружение для 10 дивизий» ⁷⁵. В беседах с Молотовым Бенеш указывал на необходимость поддержания тесного контакта правительства с Москвой и Лондоном в

целях быстрого решения всех связанных с этим вопросов, для чего потребуются наладить радиосвязь, предоставить транспорт и самолеты. Советский нарком заметил, что нужно считаться с военной обстановкой и с тем, что правительство будет находиться в тылу Красной Армии, подчеркнув тем самым сложность выполнения вышеуказанных просьб. 27 марта Верховному Главнокомандующему Вооруженными силами СССР был передан меморандум Бенеша, касающийся строительства чехословацких вооруженных сил. В нем говорилось, что после освобождения Словакии и части чешских земель можно будет сформировать до 10 дивизий и «развернуть теперешний чехословацкий армейский корпус в СССР в армию». Обозначался ее состав и указывалось, что при организации армии «будет использован организационный устав Красной Армии». В связи со значительным увеличением количества высших соединений отмечалась необходимость переправки на освобожденную территорию из Лондона части старших офицеров, а также организации при советской помощи школ для младшего комсостава; содержалась просьба о направлении в них «опытных советских инструкторов из военных училищ Красной Армии», а также о прикомандировании к чехословацкой армии офицеров технической службы КА. Вооружение и снаряжение ЧА предполагалось провести из средств Советского Союза. В меморандуме подчеркивалась необходимость в связи с организацией чехословацких вооруженных сил наладить радиосвязь президента и правительства с Москвой и Лондоном, содержалась просьба обеспечить президента, правительство и СНС необходимыми транспортными средствами (легковые и грузовые автомобили, мотоциклы), поставить одно звено транспортных самолетов «дуглас» для курьерской связи президента и правительства с Москвой. В ответном письме Сталина Бенешу 29 марта сообщалось о немедленной и безвозмездной выдаче вооружения для четырех дивизий, а через 3–4 месяца — для остальных шести дивизий, а также (в общей форме) выдаче средств транспорта и связи ⁷⁶. Что касается радиосвязи, то ее организация в тылу действующей советской армии вскоре встретила серьезные трудности.

Из прочих визитов Бенеша в Москве интерес представляет его посещение 28 марта Всеславянского комитета, где он беседовал с его председателем генерал-лейтенантом А.С. Гундоровым и членами Президиума Комитета З.Р. Неедлы, С.Д. Благоевой, Н.С. Тихоновым, В.В. Мочаловым ⁷⁷. Разговор шел преимущественно о проблемах славянского движения, и Бенеш изложил свое их видение. Он подчеркнул, что в течение столетия, с 1848 г., «проблемы славянства идут именно по линии консолидации усилий славян вокруг России», что

Москва «должна быть руководящим центром этого движения», что чехи и словаки, как и все славянские народы, кроме поляков, иначе себе и не представляют дела.

Во время встреч в Москве были рассмотрены все намеченные Бенешем для обсуждения с советскими руководителями вопросы. Но здесь решалась и еще одна важная задача — формирование нового чехословацкого правительства и принятие его программы, проект которой подготовило Загранбюро КПЧ. Его обсуждение продолжалось несколько дней, но раздел о внешней политике ЧСР не вызвал серьезных дискуссий, хотя сомнения в правильности преимущественной ориентации на СССР и были высказаны ⁷⁸. «Выражая бесконечную благодарность чешского и словацкого народов Советскому Союзу, правительство будет считать неколебимой основной линией чехословацкой внешней политики самый тесный союз с победоносной славянской державой на востоке», — значилось в окончательном тексте правительственной программы. Говорилось о союзнических отношениях со славянскими странами, Польшей, Югославией и Болгарией, о налаживании связей с «новой и действительно демократической» Венгрией и «независимой и демократической» Австрией, о дружественных взаимоотношениях с демократическими западными державами Англией, США, Францией ⁷⁹.

Были приняты также предложенные коммунистами структура и персональный состав правительства. В РГАСПИ хранится документ под названием «Предложения по организации временного чехословацкого правительства Национального фронта», подписанный Готвальдом 22 февраля 1945 г. Подпись на документе зачеркнута и чернилами написано: «Единогласно утверждено на заседании представителей Национального фронта чехов и словаков в Москве 28 марта 1945 г.» ⁸⁰. Из 25 членов нового правительства семь представляли коммунистов, три — социал-демократов, три — чешских социалистов, четыре — словацких демократов, три — народную (католическую) партию, пять были формально беспартийными. Возглавил кабинет чехословацкий посол в Москве, близкий к коммунистам левый социал-демократ З. Фирлингер. Представители КПЧ и КПС заняли важнейшие посты двух вице-премьеров (К. Готвальд и В. Широкий), министров внутренних дел, информации, сельского хозяйства, социального обеспечения и пост государственного секретаря в министерстве иностранных дел (В. Клементис). 12 членов созданного кабинета во время войны находились в Англии, шесть — в СССР, семь — в стране. По национальности 16 были чехами и 9 словаками ⁸¹.

Все намеченные в Москве дела были выполнены. Бенеш и новое правительство готовились к отъезду на родину. За день до него Сталин

дал обед в честь Президента ЧСР, который состоялся в Екатерининском зале Большого кремлевского дворца. С тостами и краткими речами выступали В.М. Молотов, Э. Бенеш, Л. Свобода, Я. Масарик, В. Шробар. Советский лидер дважды произносил тосты. Запись обоих его выступлений сделана по памяти Б.Ф. Подцеробом, секретарем Молотова. Взяв слово в первый раз, Сталин заявил, что он «слышал много словословий по адресу Красной Армии», но «она имеет еще много недостатков». Советский лидер просил извинить ее бойцов за возможные с их стороны проступки на освобожденной территории Чехословакии (см. главу 9). Второй тост был за «новых славянофилов», к которым Сталин причислил и себя. В отличие от старых славянофилов, которых советский лидер назвал реакционерами за то, что они «выступали за объединение всех славянских народов в одном государстве под эгидой русского народа», новые славянофилы, по его мнению, стоят за «союз независимых славянских государств». Сталин отметил, что и первая, и вторая мировые войны развернулись и шли «на спинах славянских народов» — Чехословакии, Польши, Югославии и Советского Союза («Англия и Германия дерутся, а славянские народы проливают свою кровь»; «Франция не воевала, она впустила немцев в свои пределы»; «Бельгия и Голландия не воевали — они покорно легли перед немцами и подняли лапки кверху»; «Англия на островах — и ее положение особое»). Сталин отметил, что хотя он «ненавидит немцев», но вынужден признать, что «это сильный и способный народ», который попытается «возродиться в течение ближайших 15 лет» и «взять реванш». Советский лидер заметил: «чтобы немцам не дать подняться и затеять новую войну, нужен союз славянских народов. Мы, новые славянофилы, — продолжал Сталин, — являемся коммунистами, если хотите — большевиками. Про нас думают, что мы хотим установить повсюду советский строй. Это не так... Мы хотим, чтобы каждый народ имел тот строй, которого он достоин. Мы не собираемся вводить в Чехословакии советский строй». Обращаясь к Бенешу, Сталин, не отрицая за ним права иметь сомнения на этот счет, пожелал, «чтобы чехословаки поняли, что он говорит искренне и что он говорит то, что думает». (Надо заметить, что тогда ни Сталин, ни кто-либо другой из советских руководителей не собирались *немедленно* «вводить» советский строй на территориях, оказавшихся в сфере влияния СССР, поэтому *в тот момент* Сталин был искренним.) Хозяин застолья поднял бокал «за союз и дружбу независимых славянских народов, больших и малых». После обеда собравшимся были показаны два хроникальных фильма, «Будапешт» и «От Вислы до Одера», которые, по свидетельству Подцероба, «произвели на чехов большое впечатление» и сопровождались аплодисментами ⁸².

Во время пребывания Бенеша в Москве советским руководством был решен по существу отрицательно и вопрос о переезде на освобожденную территорию ЧСР западного дипломатического корпуса, аккредитованного при чехословацком правительстве. Остановимся на этом, казалось бы, частном вопросе подробнее, особенно на аргументации советской стороны, поскольку и тогда, и в последнее время в историографии вокруг него возникало немало домыслов. Уже во время первой беседы с Бенешем Молотов обратил его внимание на то, что правительство будет функционировать в зоне оперативных действий Красной Армии и что нельзя не учитывать этого обстоятельства при организации его работы. Однако первоначально Москва не возражала против прибытия из Лондона на освобожденную территорию части сотрудников правительственного аппарата и дипломатического корпуса⁸³. 24 марта чехословацкое посольство получило телеграмму от правительственного делегата на освобожденной территории ЧСР Ф. Немеца о том, что «расквартирование и питание приготовлены лишь для 20 человек из свиты г. президента... Ввиду затруднений по расквартированию, питанию и транспорту может случиться то, что если без предварительного извещения придет больше народу, то они окажутся без квартир и питания. Я рассчитывал лишь на 20 человек, о которых мне доложено»⁸⁴. 25 марта Фирлингер сообщил Зорину, что получена телеграмма об отплытии из Лондона 29 марта английского парохода с сотрудниками правительственного аппарата и иностранными дипломатами. Он добавил, что по указанию Масарика в Лондон была отправлена телеграмма с просьбой по возможности задержать отъезд, так как самому чехословацкому правительству еще неясны условия размещения на освобожденной территории. Однако, как следовало из ответной телеграммы Рипки, англичане настаивали на отплытии именно 29 марта, поскольку следующий пароход может быть только через шесть недель. Зорин заявил Фирлингеру, что соображения чехословацкого правительства о неподготовленности к приему на освобожденной территории такого большого числа приезжающих справедливы. «К ним я мог бы добавить и военные соображения, поскольку Кошице является ближайшим тылом Красной Армии. В особенности это будет относиться к иностранным дипломатам», — подчеркнул советский посол⁸⁵.

На следующий день, принимая Фирлингера, Зорин поинтересовался, как мыслится организация охраны правительственных учреждений и чехословацкого правительства и насколько обеспечено снабжение продовольствием всего правительственного аппарата. Зорин пояснил при этом, что упомянутые вопросы интересуют советское военное командование, «ибо размещаться правительственный аппа-

рат будет в ближайшем тылу Красной Армии, и командование фронтом, конечно, в известной мере несет ответственность за охрану и обслуживание правительственного аппарата». Фирлингер заметил, что «он очень благодарен за постановку этих вопросов, ибо думает, что и словаки, и некоторые члены правительства недостаточно конкретно представляют себе трудности, которые встанут перед правительством на освобожденной территории»⁸⁶.

27 марта начальник Главного штаба ВМФ СССР адмирал Алафузов информировал Вышинского, что глава морской секции Британской военной миссии в СССР контр-адмирал Арчер сообщил ему письмом, что англичане отправляют в Чехословакию через Констанцу транспортом «Алмандзора» группу в количестве 242 человек, в том числе 28 британских, 10 американских, 4 бельгийских и 10 голландских дипломатов. Судно прибудет в Констанцу примерно 12–14 апреля 1945 г.⁸⁷ В тот же день Зорин принял Фирлингера и сделал следующее заявление по этому поводу: «Советские военные власти считают, что военная обстановка в районе Кошице и в прилегающих районах в настоящее время мешает положительному решению этого вопроса. Кроме того, имеются затруднения в размещении значительного числа членов дипкорпуса». Советские военные власти полагали необходимым «отложить на некоторое время» приезд дипкорпуса в Чехословакию. Говорилось также, что впоследствии этот приезд «будет осуществляться не сразу, а по частям, и что посольства и миссии будут представлены в минимальном числе, по крайней мере, на первое время». «Что касается сотрудников чехословацкого правительственного аппарата, офицеров и общественных деятелей, то препятствий к их переезду на освобожденную территорию не имеется»⁸⁸, — заявил Зорин. Фирлингер в ответ на это, согласно записи в дневнике советского дипломата, сказал, что «по его мнению другого ответа с нашей стороны и нельзя было ожидать и что оставшиеся в Лондоне члены правительства, видно, совершенно не представляют себе условий, в которых будет работать первое временное правительство в ближайшем тылу Красной Армии». 28 марта советский поверенный в делах в Лондоне Чичаев информировал Рипку о том, что советское правительство возражает против того, чтобы дипломатический корпус следовал вместе с чехословацкой правительственной группой⁸⁹. Англичане были страшно раздосадованы происшедшим и пытались возложить всю вину за случившееся на чехословацкое правительство. Рипка, защищаясь, заявил, что оно «в соответствии с соглашением от 8 мая (1944 г. — В.М.) обязано считаться с точкой зрения советских военных властей, поскольку территория, о которой идет речь, формально все еще является военной

зоной»⁹⁰. Но англичане и американцы были настойчивы и просили разрешить допуск их дипломатических миссий на освобожденную территорию ЧСР, соглашаясь сократить число дипломатов до минимума (5 человек)⁹¹. Однако до переезда чехословацкого правительства в Прагу такое разрешение получено не было.

Думается, аргументация советских властей в тех конкретных условиях не была лишена оснований, поскольку «дипломатическая крыша» нередко служила прикрытием разведывательной деятельности. Отказ советских властей допустить представителей дипломатического корпуса на освобожденную территорию ЧСР вызвал чрезвычайное раздражение Черчилля, о чем советский посол в Англии Ф.Т. Гусев информировал Москву в телеграмме от 19 мая 1945 г., т. е. уже после переезда чехословацкого правительства в освобожденную Прагу. «Вы не пускаете наших представителей в Прагу, — заявил Черчилль. — Нашему послу, аккредитованному при правительстве Бенеша, не разрешили въезд в Чехословакию, нашим самолетам не разрешают прилетать в Прагу... Мы — британцы — представляем из себя достойную нацию, и мы не позволим, чтобы нас третировали»⁹². Замечание Гусева о том, что 18 мая «Рипка и другие представители чехословацкого правительства вылетели на британском самолете из Лондона в Прагу», не произвели впечатления на Черчилля. Возможно, с этим самолетом, а может быть, с другим, но примерно в то же время, в Прагу прибыл и британский посол Николс. С конца мая 1945 г. здесь начала функционировать и американская дипломатическая миссия⁹³. Во время встречи Идена и Молотова 16 июля 1945 г., т. е. накануне открытия Потсдамской конференции, было констатировано, что «чехословацкого вопроса больше не существует»⁹⁴.

31 марта Бенеш, сформированное в Москве правительство и советский посол Зорин выехали на освобожденную территорию Словакии в г. Кошице. Здесь 4 апреля было объявлено о составе нового чехословацкого правительства и принята его программа, получившая наименование Кошицкая. Представляется, что в первый месяц своей деятельности президент и правительство оказались в определенной изоляции от внешнего мира. Регулярные контакты через Зорина они имели лишь с Москвой⁹⁵. Советский посол в этот период встречался и беседовал со многими чехословацкими политическими и общественными деятелями, передавая их просьбы и свои впечатления советскому руководству⁹⁶. Против налаживания прямой радиосвязи президента и правительства с Лондоном возражали советские военные власти. Настойчивые попытки Великобритании и США направить свои количественно ограниченные дипломатические миссии в Чехословакию по-прежнему наталкивались на сопротивление

Москвы. Президент и правительство были ограничены в своей деятельности и внутри страны, поскольку всей организацией жизни на освобожденной территории Словакии занимался Словацкий национальный совет, очень щепетильно относившийся к любым поползновениям практического усекновения своей власти.

В день отъезда Бенеша на родину, 31 марта, Л.П. Берия направил письмо Сталину, в котором, ссылаясь на указания Главнокомандующего, сообщал, что «для охраны президента Чехословакии Бенеша и чехословацкого правительства на освобожденной Красной Армией территории Чехословакии формируется отдельный батальон войск НКВД. Для организации охраны в Чехословакию командировается комиссар госбезопасности тов. Шадрин с группой оперативных работников. Командующим артиллерией Красной Армии тов. Вороновым выделяется для прикрытия резиденции президента Чехословацкого правительства один зенитный полк, один истребительный авиационный полк... Прошу Вашего решения». 2 апреля за подписью Сталина было принято Постановление ГКО об организации охраны президента Э. Бенеша и правительства Чехословакии силами НКВД СССР. ГКО постановлял: «1. Поручить НКВД СССР (т. Берия) выделить для охраны президента Чехословакии Бенеша и чехословацкого правительства на освобожденной Красной Армией территории Чехословакии отдельный батальон войск НКВД численностью в 350 человек. 2. Обязать НКО (т. Воронова) для прикрытия резиденции чехословацкого правительства выделить один зенитный полк в составе: 85-ти мм орудий — 48, 37-ми мм орудий — 36, зенитных пулеметов — 33, прожекторов — 46, батарей «СОН» — 2 и один истребительный авиационный полк в 32 самолета. Выделяемые средства прикрытия подчинить командиру отдельного батальона войск НКВД. 3. Обязать НКО (т.т. Хрулева, Федоренко и Пересыпкина) выделить на укомплектование отдельного батальона НКВД: грузовых автомашин «ЗИС» — 15, легковых автомашин «Виллис» — 5, бронетранспортеров — 5, санитарных машин — 1, радиостанцию «РАФ» на автомашине — 1»⁹⁷. Охрана осуществлялась до переезда Бенеша и правительства в Прагу⁹⁸.

Сталиным было отдано также приказание об организации охраны границы Польши с Чехословакией (630 км) войсками НКВД. Для этого, согласно сообщению Берии Главнокомандующему от 31 марта, предполагалось сформировать 5 пограничных отрядов и организовать Управление пограничных войск в г. Кракове. Вопрос о принятии под охрану пограничных войск НКВД польско-чехословацкой границы на время, пока Польское временное правительство формирует свою пограничную охрану, Берия согласовал с Б. Берутом. В

постановлении ГКО за подписью Сталина от 2 апреля говорилось о формировании 5 пограничных отрядов численностью 10 100 человек, из которых 5000, «годных к несению строевой службы», в том числе 650 офицеров и 4350 сержантов и рядовых, НКО должен был передать НКВД⁹⁹. После принятия этого постановления Берия направил на имя Сталина докладную записку, в которой предлагал «Организовать охрану границы между Чехословакией и Польшей по границе 1939 г., для чего предложить НКВД СССР договориться с Чехословацким правительством об отводе чехословацкой администрации из указанных районов». Предлагалось также распространить на пограничные отряды НКВД положения о порядке производства арестов органами «СМЕРШ» в прифронтовой полосе, т. е. подвергать «задержанию всех лиц, пытающихся нелегально нарушить границу» и производить арест «в 50-км полосе от границы бандитов, диверсантов, агентов противника, активных участников организации Армии Крайовой, контрабандистов, перекупщиков и других лиц, готовящихся к побегу за границу»¹⁰⁰. Были ли эти рекомендации приняты, автору неизвестно.

Тем временем Красная Армия продвигалась все дальше на запад. 4 апреля Москва салютовала войскам, освободившим Братиславу, 5 апреля — Ружомберок. В апреле первый чехословацкий армейский корпус был преобразован в первую чехословацкую армию, хотя по сути она еще не достигла масштабов соединений такого рода. Большинство словацкого, а затем и чешского населения по-прежнему восторженно приветствовало своих освободителей. В армейском политдонесении о положении в освобожденной Братиславе говорилось: «Население встречает наши войска хорошо», выражает «свою горячую благодарность Красной Армии, протянувшей руку помощи словацкому народу». В частности, упоминалось, что известный словацкий писатель Я. Есенский, переведший на словацкий язык произведения Пушкина, Блока, Маяковского, заявил представителям Красной Армии: «Вы освободили нас от ига наших вековых врагов — немцев и венгров. Мы всегда следили за вашей борьбой и ждали вас. Словацкая интеллигенция считает русских своими старшими братьями. Мы очень рады приходу Красной Армии»¹⁰¹.

1 Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943–březen 1945. Praha, 1999. S. 292–293 (далее: ČSVDJ. D. 2).

2 Ibid. S. 407–408, 409.

3 Ibid. S. 421–422.

- 4 Архив внешней политики РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 31. Д. 43. Л. 6 (далее: АВП РФ).
- 5 См. подробнее: Němeček J. Od spojení k roztržce. Vztahy česko-slovenské a polské exilové reprezentace 1939–1945. Praha, 2003. S. 260–294.
- 6 ČSVDJ. D. 2. S. 401, 403.
- 7 Ibid. S. 415–416.
- 8 Ibid. S. 443.
- 9 Ibid. S. 446–447.
- 10 Ibid. S. 462.
- 11 Ibid. S. 473.
- 12 Ibid. S. 477.
- 13 Ibid. S. 475, 477, 478
- 14 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 30; Д. 10. Л. 32
- 15 В 1938–1939 гг. южная часть Словакии и Подкарпатская Русь были оккупированы венгерскими войсками и присоединены к Венгрии.
- 16 ČSVDJ. D. 2. S. 347
- 17 Ibid. S. 432
- 18 Ibid. S. 399
- 19 Ibid. S. 426–427.
- 20 Ibid. S. 432–433; Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1 (1944–1948 гг.). М., 1998. С. 133–134 (далее: ВЕДРА. Т. 1).
- 21 ČSVDJ. D. 2. S. 457.
- 22 ČSVDJ. D. 2. S. 459–461.
- 23 ČSVDJ. D. 2. S. 457, 465–467; ВЕДРА. Т. 1. С. 152–153.
- 24 ČSVDJ. D. 2. S. 492–493.
- 25 См. подробнее: Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 412–487.
- 26 СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг. Документы: в 2 т. М., 1996. Т. 1. СССР и германский вопрос. 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г. С. 342, 353.
- 27 О генезисе идеи «народной демократии» и практике ее реализации см. подробнее: Марьина В.В. «Народная демократия»: теория и практика // Власть — общество — реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006. С. 14–77.
- 28 Филитов А.М. В комиссиях наркоминдела // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 57–58.
- 29 Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. Выпуск второй. М., 1977. С. 209.
- 30 Там же. С. 287, 315.
- 31 Sborník dokumentů k dějinám KSČ v letech 1938–1945. Praha, 1965. Díl 4. S. 17–18.
- 32 См.: Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969. С. 421–422.

- 33 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26а. П. 139. Д. 4. Л. 6.
- 34 Филитов А.М. Указ. соч. С. 56.
- 35 См.: Марьяна Валентина. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М., 2003. С. 129–134.
- 36 Fierlinger Z. *Ve službách ČSR*. Praha, 1948. Díl 2. S. 560.
- 37 ВЕДРА. Т. 1. С. 113, 120–133, 140–150; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. 1944–1948 гг. Документы. М., 1999. С. 118, 122, 138–139 (далее: СФВЕ); Георги Димитров. Дневник (9 март 1933–6 февруари 1949). София, 1997. С. 458, 463–464.
- 38 Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 2 Декабрь 1943 г. — май 1945 г. М., 1983. С. 276–277 (далее: ДМИСЧО 4–2).
- 39 Koreský V. *Gottwald v Moskvě*. 2 vyd. Praha, 1948. S. 46–47.
- 40 Гусак Г. Указ. соч. С. 789–790.
- 41 Георги Димитров. Дневник. С. 464.
- 42 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1082. Л. 15–22; Д. 774. Л. 1–8. (далее: РГАСПИ).
- 43 Fierlinger Z. *Op. cit.* S. 579–580.
- 44 ČSVDJ. S. 474–475; Fierlinger Z. *Op. cit.* S. 559–560.
- 45 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 774. Л. 54–70, 128–218.
- 46 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 557. Л. 21–40; Ф. 17. Оп. 128. Д. 774. Л. 234–253.
- 47 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 134. Д. 24. Л. 145; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 31. Л. 85–89; Д. 774. Л. 254; Д. 31. Л. 79.
- 48 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 557. Л. 21–40.
- 49 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 708. Л. 12.
- 50 ДМИСЧО 4–2. С. 225.
- 51 Там же. С. 215, 245, 253, 257, 273, 279 и др.
- 52 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 48–51.
- 53 Letz R. *Slovensko v rokoch 1945–1948. Na ceste ku komunistickej totalite*. Bratislava, 1994. S. 78–79, 203.
- 54 Освобождение Словакия в 1944–1945 гг. (Ervin Pauliak. «Slovo». 31. V. 2006) (<http://www.inosmi.ru/print/227822.html>).
- 55 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 3–5, 18, 34; ДМИСЧО. Т. 4–2. С. 256–257, 273.
- 56 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 30.
- 57 ČSVDJ. D. 2. S. 492–493.
- 58 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1082. Л. 31–38, 40–45, 48–54. Телеграммы опубликованы Фирлингером (Fierlinger Z. *Op.cit.* S. 568–575, 580–583).
- 59 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1082. Л. 75–76, 105–140; Ф. 495. Оп. 74. Д. 55. Л. 41–65.
- 60 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 716. Л. 3; ВЕДРА.Т. 1. С. 172.

- 61 Cestou Května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945– květen 1946. Praha, 1975. S. 33.
- 62 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 5. Л. 4.
- 63 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 822. Л. 1–3; ВЕДРА. Т. 1. С. 171–172.
- 64 См. подробнее: Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. М., 2004. С. 130.
- 65 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 44.
- 66 См. подробнее: Марьяна В.В. Э. Бенеш.: Последний визит в Москву (март 1945 г.). Документальный очерк // Славяноведение. 1996. № 6. С. 78–79.
- 67 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 43; ČSVDJ. S. 504–505.
- 68 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 833. Л. 1–9; ČSVDJ. S. 505–511.
- 69 См. подробнее: Национальная политика... С. 182–183.
- 70 См. подробнее: Марьяна Валентина. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь)... С. 136–145.
- 71 См. подробнее: Национальная политика... С. 211–309.
- 72 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 833. Л. 6.
- 73 ДМИСЧО 4–2. С. 332–333.
- 74 Встреча по некоторым данным состоялась 19 марта, но какие-либо более подробные сведения о ней отсутствуют.
- 75 ČSVDJ. S. 527.
- 76 ДМИСЧО 4–2. С. 327–330; ČSVDJ. S. 528–531.
- 77 АВП РФ. Ф.0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 52–57.
- 78 Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. 1. Svazek. I-1. Praha, 1965. S. 400–404
- 79 Cestou Května. S. 32–34.
- 80 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1082. Л. 79–83, 98–104.
- 81 Там же. Л. 183; Cesta ke Květnu. I-2. S. 727.
- 82 Архив Президента Российской Федерации. Ф. 45. Оп. 1. Д. 393. Л. 57–59.
- 83 ČSVDJ. S. 524.
- 84 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 133. Д. 11. Л. 139.
- 85 Там же. П. 132. Д. 6. Л. 79–80.
- 86 Там же. Д. 7. Л. 1–2.
- 87 Там же. Д. 10. Л. 49.
- 88 Вышинский 28 марта дал указание сообщить Алафузову «содержание нашего заявления чехам (Фирлингеру) с просьбой информировать об этом Арчера» (АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 49)
- 89 Там же. Д. 6. Л. 89; Д. 10. Л. 68, 70.
- 90 ČSVDJ. S. 534–535.
- 91 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д.10. Л. 69–74.
- 92 Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 521.

⁹³ Petruf P. K pobytu amerických vojsk v Česko-Slovensku roku 1945 // Historický časopis. 1990. N 5. S. 664.

⁹⁴ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 533.

⁹⁵ Связь с чехословацким посольством в Москве была затруднена. Гниздо, временный поверенный в делах ЧСР в СССР, жаловался А.А. Лаврищеву, заведующему 4-м Европейским отделом НКВД СССР, «на неудовлетворительную связь с Кошице, откуда телеграммы приходят с запозданием на 4–5 дней» (АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 100). Связь находилась под контролем советских военных органов.

⁹⁶ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 8–10, 11–12, 25–27; Д. 8. Л. 66–68, 71–74; ВЕДРА. Т. 1. С. 199–207, 209–211.

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 467. Л. 132–134 (http://www.soldat.ru/forum/index.html?gb=3&page=&id=44516&referer_query=gb%...).

⁹⁸ 18 мая 1945 г. и.о. начальника войск НКВД СССР генерал-лейтенант Стаханов сообщил В.Г. Деканозову, что согласно донесению командира батальона полковника Нестерец от 11 мая чехословацким правительством создана своя охрана и полицейский аппарат для охраны правительства. 4 мая правительство обратилось к В.А. Зорину с просьбой сократить советскую охрану до минимума. Стаханов просил сообщить мнение НКВД о целесообразности оставления в дальнейшем указанного батальона для охраны чехословацкого правительства. 22 мая А.А. Лаврищев по указанию Вышинского сообщил Стаханову, что НКВД считает целесообразным сократить охрану чехословацкого правительства до минимума и дать соответствующее указание командиру батальона в Прагу (АВП РФ. Ф. 9138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 82–83).

⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 467. Л. 128–129, 131 (http://www.soldat.ru/forum/index.html?gb=3&page=&id=44516&referer_query=gb%...).

¹⁰⁰ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 66. Д. 725. Л. 7–8 (http://www.soldat.ru/forum/index.html?gb=3&page=&id=44516&referer_query=gb%...).

¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 79–91, 139–140; Оп. 128. Д. 32. Л. 42.

Глава 9

Освобождение Праги: международный аспект

9 мая 1945 г. войска 1-го, 2-го и 4-го Украинских фронтов Красной Армии вошли в Прагу, *окончательно и полностью* очистив город от немецких оккупантов. Пражане восторженно встречали освободителей. Употребление терминов *окончательно и полностью* не случайно и означает, что 5–9 мая город или его части неоднократно переходили из рук в руки. В главе показано, кто, какие силы участвовали в освобождении Праги и как это происходило. Начнем с событий, предшествовавших пяти указанным дням непосредственных боев за столицу Чехословакии.

Прага в военно-политических расчетах воюющих сторон

К середине апреля 1945 г. ни у кого не вызывало сомнения, что дни гитлеровской Германии сочтены. С востока к ее столице, ведя жестокие бои, пробивались части Красной Армии, с запада — встречавшие несравненно меньшее сопротивление противника англо-американские войска. Британский премьер У. Черчилль считал необходимым упредить Красную Армию в овладении германской столицей. 1 апреля он писал президенту США Ф.Д. Рузвельту: «Если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения»¹. Что касается военного аспекта, то это утверждение вызывало сомнение, так как границы оккупационных зон Германии были уже согласованы главами правительств СССР, США и Великобритании на Крымской конференции: западная граница советской зоны должна была проходить в 150 км западнее Берлина. Основная причина желания первыми овладеть Берлином имела политический характер. 11 апреля англо-американские войска начали выходить к Эльбе: до столицы Германии оставалось чуть более 100 км. Генерал У. Симпсон уверял, что если его бронетанковым частям подвезут горючее, то он через 24 часа, опередив русских, будет в Берлине. Однако главнокомандующий англо-американскими войсками в Европе Д. Эйзенхауэр отклонил это предложение, посчитав, что для захвата Берлина сил пока недостаточно и что «русские» это могут сделать быстрее. Москва тоже торопилась

с проведением Берлинской операции, имея в виду политическое значение овладения германской столицей и опасаясь, что англо-американские войска могут опередить Красную Армию. 16 апреля битву за Берлин начали войска маршала Г.К. Жукова (1-й Белорусский фронт), с которыми взаимодействовали войска под командованием маршалов И.С. Конева (1-й Украинский фронт) и К.К. Рокоссовского (2-й Белорусский фронт). 26 апреля немецкая столица была полностью окружена. Начался штурм Берлина, обороной которого руководил сам фюрер. Осознав, что сопротивление бесполезно и война окончательно проиграна, Гитлер 30 апреля покончил жизнь самоубийством. Согласно его завещанию было назначено новое германское правительство во главе с гросс-адмиралом К. Деницем, который рассматривался нацистской верхушкой как человек наиболее приемлемый для западных держав и с которым связывались надежды на возможность договориться с англичанами и американцами о сепаратном мире без Советского Союза. 25 апреля произошла встреча советских и передовых частей американских войск на реке Эльбе у Торгау, а в Лондоне было получено предложение Г. Гиммлера о капитуляции немецких войск на западном фронте. 2 мая советские войска овладели Берлином², но части вермахта, сосредоточенные на территории Чехии, продолжали ожесточенно сопротивляться Красной Армии.

18 апреля американские войска под командованием генерала Дж. Паттона подошли с запада к довоенным границам Чехословацкой республики и два дня спустя овладели первым чешским городом Аш. Но затем их наступление приостановилось. Вступившая на словацкую территорию еще осенью 1944 г. Красная Армия, преодолевая упорнейшее противодействие сил противника, продолжала освобождение страны. 4 апреля, как уже говорилось, в восточнорезавцкий г. Кошице прибыли президент ЧСР Э. Бенеш и сформированное в Москве первое правительство Национального фронта чехов и словаков (см. главу 8). В тот же день войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии А.И. Еременко³ освободили столицу Словакии Братиславу. В их составе действовал и 1-й чехословацкий армейский корпус. 26 апреля войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала Р.Я. Малиновского совместно с румынскими армиями после длительных боев овладели городом Брно. 30 апреля была освобождена Моравска Острава, в тот же день американские войска заняли Мюнхен. Чехия пока оставалась во власти оккупантов. Здесь дислоцировалась крупнейшая к концу войны группировка немецких армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Ф. Шернера, насчитывавшая около миллиона солдат и офицеров. К началу мая она оказалась в гигантском котле.

1 мая Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии направила директиву войскам 1-го Украинского фронта использовать части его правого крыла «для стремительного наступления в общем направлении на г. Прага»⁴. 2 мая 2-й Украинский фронт получил директиву «главные силы фронта развернуть на запад и нанести удар в общем направлении на Йиглава, Прага» с задачей после 12–14 мая «выйти на р. Влтава и захватить Прагу»⁵.

Третий рейх агонизировал. В этих условиях тактика нацистов состояла в том, чтобы, вбив клин между западными державами и Советским Союзом, попытаться заключить сепаратный мир с первыми, продолжая войну против второго. Гиммлер предпринял усилия, чтобы встретиться с Эйзенхауэром и договориться о капитуляции всего западного фронта. Однако такая встреча не состоялась. Командующий англо-американскими экспедиционными войсками в Европе писал впоследствии: «К концу апреля неприятель окончательно отказался от всех попыток воспрепятствовать движению союзников с запада и востока одновременно. Он повернулся к западным союзникам спиной, чтобы сосредоточить все оставшиеся силы на последней отчаянной попытке задержать русских; однако было уже чересчур поздно. По мере того, как его армии пятились все более и более назад, их части в тылу тысячами сдавались англо-американским войскам»⁶. Войска под командованием Шернера намеревались вести упорные бои против Красной Армии до тех пор, пока основные их силы не будут сданы американцам.

В условиях быстрого сближения шедших навстречу друг другу с запада и востока армий союзников по антигитлеровской коалиции необходимо было согласование планов их действий. Эйзенхауэр посредством союзнической военной миссии в Москве находился в постоянном контакте с советским верховным командованием. С конца марта он регулярно сообщал ему о планах и намерениях продвижения войск, которыми командовал, чтобы избежать возможных коллизий между армиями союзников во время проведения воздушных или наземных операций, в том числе и в Чехии. Поначалу Эйзенхауэр вовсе не планировал здесь никаких военных действий. По-другому думал Черчилль. Он полагал, что взятие Праги войсками западных союзников будет иметь чрезвычайное политическое значение с точки зрения развития всего региона Центральной Европы. 30 апреля британский премьер писал новому президенту США Г. Трумэну (Ф.Д. Рузвельт скончался 12 апреля): «Можно почти не сомневаться в том, что освобождение американцами Праги и как можно большей территории Западной Чехословакии могло бы полностью изменить послевоенное положение в Чехословакии и положительно повлиять

на соседние страны. Если западные державы не сыграют важную роль в освобождении Чехословакии, страна может пойти югославским путем»⁷. Черчилль был настойчив в отстаивании своей позиции. К тому же ему не нравилось, что Эйзенхауэр ведет непосредственные переговоры с советским командованием, не советуясь при этом с начальниками штабов британской армии.

24 апреля Эйзенхауэр получил из Москвы информацию от начальника Генерального штаба Красной Армии генерала А.И. Антонова о том, что советские войска намерены провести операцию по очищению от немецких войск долины реки Влтавы, по обеим сторонам которой, как известно, расположена Прага. Эйзенхауэр принял это к сведению. Несколькими днями позже он сообщал начальнику штаба армии США Дж. Маршаллу: «Советский Генеральный штаб намечает операции в долине Влтавы, результатом которых было бы освобождение Праги. Представляется, что они, несомненно, могут достичь этой цели скорее, чем мы»⁸. Тогда советские и американские войска находились примерно на одинаковом расстоянии от Праги, и только последующие события показали, насколько упорным было сопротивление немцев на востоке и слабым на западе, что, естественно, не могло не сказаться на скорости движения обеих союзных армий. 25 апреля У. Черчилль информировал британский комитет начальников штабов о своем коротком телефонном разговоре с Эйзенхауэром, в ходе которого он выяснил, что последний «никогда не планировал идти в Чехословакию», что «в западной части Чехословакии находятся две или три испытанные в боях немецкие дивизии и что для победы над ними необходимо приложить огромные усилия». Эйзенхауэр, по словам Черчилля, заявил, что «никогда не рассматривал Прагу как военную, а тем более политическую цель». Он отдал своим армиям на юго-востоке приказ продвигаться в Баварию и достичь Линца, по возможности, раньше, чем «там будут русские». Британский премьер сомневался, что Эйзенхауэр может изменить свою точку зрения⁹. И все же он попытался это сделать.

Изложив британскому комитету начальников штабов политические аргументы в пользу вступления американской армии на территорию Чехословакии, он попросил их высказаться о военной стороне дела. Они пришли к заключению, что с военной точки зрения было бы неразумно ослаблять удар на главных направлениях — в Австрии и Дании, — предприняв военную операцию в Чехословакии. Однако они признали правильными политические доводы в пользу такой операции и дали поэтому британской военной миссии в Вашингтоне указание обратиться по данному вопросу к американскому комитету начальников штабов. Объединенный, англо-американский, комитет

начальников штабов имел право давать Эйзенхауэру директивы. Дж. Маршалл высказался против операции в Чехословакии. 28 апреля он сообщал Эйзенхауэру: «Я не хотел бы рисковать американскими жизнями во имя чисто политических целей. Чехословакия должна быть очищена от немецких частей, и при этом мы должны сотрудничать с русскими». В ответном послании Эйзенхауэра от 29 апреля говорилось, что он размышляет относительно наступления американских войск в Западной Чехии, но полагает, что «Красная Армия занимает блестящие позиции для очищения Чехословакии» и что советский генеральный штаб намерен провести операцию в долине Влтавы, результатом которой будет освобождение Праги. При этом он отмечал, что если это будет необходимым и обстоятельства позволят, то движение американской армии будет направлено на Пльзень, Карловы Вары и, возможно, на Ческе Будейовице: «Я не попытаюсь предпринять ни одного шага, который посчитаю неразумным с военной точки зрения, лишь для достижения неких политических выгод, разве что получил бы в этом смысле конкретный приказ от Объединенного комитета начальников штабов»¹⁰. Приказа не последовало. Решение вопроса было оставлено за Эйзенхауэром.

Но Черчилль продолжал упорствовать. Весьма обеспокоенный усилением влияния СССР в освобождаемых Красной Армией странах и возможностью распространения коммунизма в Европе, он настаивал на том, чтобы англо-американские войска продвинулись как можно дальше на восток¹¹ и овладели Берлином, Веной и Прагой. Размышляя о ситуации, сложившейся в Европе накануне разгрома нацистской Германии, он приходил к выводу о том, что, во-первых, советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира; во-вторых, следует немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения; в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток; в-четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий — Берлин; в-пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение¹². Однако Трумэн не стал вмешиваться в решение военных вопросов. В послании Черчиллю от 1 мая он сообщил ему точку зрения Эйзенхауэра и выразил свое согласие с ней. Британский премьер более не настаивал и коротко ответил американскому президенту 2 мая: «Я полностью согласен с точкой зрения генерала Эйзенхауэра, которому правительство Его Величества всегда полностью доверяло»¹³. 30 апреля Эйзенхауэр вновь передал в Москву подробные сведения о планах военных операций союзных войск и указал на возможность их продвижения на линию Пльзень — Карловы Вары — Ческе Будейовице, если позволят обстоятельства.

Советское командование не возражало и приняло это к сведению¹⁴. Москве было известно о настойчивых требованиях Черчилля опередить Красную Армию в овладении Прагой¹⁵.

В последние дни войны Чехия приобрела для гитлеровцев особенно важное значение и должна была удерживаться ими любой ценой. В окрестностях Праги располагались крупные бронетанковые части вермахта и СС, артиллерия и авиация. Но кроме силовых предполагались и политические акции. Имперский наместник в Протекторате Богемия и Моравия К.Г. Франк еще в конце апреля предпринял несколько безуспешных попыток установить связь с американским командованием¹⁶. На совещании у К. Деница 3 мая было решено, что протекторат прекратит свое существование и вместо него будет создана «чешско-моравская республика». Франк сформировал и ее правительство, в состав которого были включены менее запятнавшие себя коллаборационизмом члены правительства протектората, а главой назначен Р. Биенерт. 4 мая оно обратилось с воззванием к чешскому народу, в котором говорилось, что Протекторат Богемия и Моравия прекратил существование, что немецкие исполнительные органы не будут ничего предпринимать против нового правительства, задачей которого является сохранение «мира и порядка»¹⁷. Но решить ее оказалось невозможно.

Нарастающий процесс частичных капитуляций нацистских войск на западном фронте, наступление Красной Армии в Моравии, смерть Гитлера и падение Берлина — все это действовало как катализатор на развитие освободительного движения в еще оккупированной части Чехии, где велась подготовка к вооруженному восстанию. Весной 1945 г. гитлеровцы нанесли сильные удары по коммунистическому подполью и только-только начавшему развиваться партизанскому движению. Силы Сопротивления были значительно ослаблены. Вместе с тем надо сказать, что и накануне окончания войны в чешском народе, причем во всех его слоях, было много сторонников пассивного выжидания, полагающих, что освобождение придет извне, будет принесено союзническими армиями и что малому чешскому народу не стоит зря рисковать и проливать напрасно кровь¹⁸. Своего адресата находила и пропаганда властей протектората, предупреждавшая об «угрозе азиатского большевизма», предостерегавшая против «анархии и хаоса», убеждавшая в необходимости сохранения «спокойствия и порядка». Тем не менее в начале мая в ряде чешских городов, главным образом районного масштаба, состоялись стихийные антинацистские выступления. Они были разными по форме и характеру. В Пршерове, где 1 мая распространились слухи о капитуляции Германии, манифестации и демонстрации переросли в

вооруженное столкновение с оккупантами; в Нимбурке состоялась всеобщая забастовка в железнодорожных мастерских; 3 мая бастовала Упице, затем поднялось население Раковника; на северо-востоке Чехии и в Подкркноше активизировали свои действия партизаны, которые разоружали немецкие части. Выступления против оккупантов произошли и в других местах. Все они носили стихийный характер и не имели единого руководства. Чешский национальный совет (ЧНС), весьма разношерстный в политическом отношении орган, претендовавший на руководство восстанием, сформировался только в конце апреля и не успел наладить связь с местами. Возглавлял Совет университетский профессор А. Пражак. 30 апреля ЧНС принял программное обращение к гражданам еще оккупированной территории, где высказался в поддержку Кошицкого правительства и его программы, заявив об ориентации во внутренней политике «на самую широкую демократию», а во внешней — на «теснейшее сотрудничество» с Советским Союзом и на «дружественные отношения» с остальными союзниками¹⁹. Однако немедленное начало восстания не планировалось ни ЧНС, ни коммунистами, которые также входили в его состав и голос которых был весом. Подпольное руководство Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) 4 мая приняло решение повременить с призывом к восстанию и отложить его на два-три дня.

Ни с командованием Красной Армии, ни с командованием англо-американских войск ЧНС связи не имел, но поддерживал радиосвязь с чехословацкой эмиграцией в Лондоне. О существовании Совета советский посол при Кошицком правительстве В.А. Зорин узнал от премьера З. Фирлингера 16 апреля 1945 г., которому об этом было сообщено телеграммой из Лондона. В ней утверждалось, что Совет хочет установить радиосвязь с чехословацким правительством, и содержалась просьба содействовать этому. Фирлингер подчеркнул, что в этом «должны быть заинтересованы и советские военные власти, поскольку связь с людьми на чешской земле была до сих пор в руках англичан, а сейчас чехословацкое правительство дало указание передать связь советским военным властям». Зорин обещал передать полученные им сведения советскому правительству²⁰. Этот вопрос был затронут и 17 апреля в беседе Зорина с одним из руководителей КПЧ Р. Сланским, который охарактеризовал пришедшую из Лондона информацию о создании ЧНС как «сомнительную». Он полагал, что «этот Совет создан английскими агентами и вряд ли представляет какое-либо широкое движение», и считал необходимым получить более подробные сведения о его составе и деятельности²¹. По данным, полученным советником посольства Н.Я. Демьяновым

от министра информации чехословацкого правительства коммуниста В. Копецкого 21 апреля 1945 г., ЧНС «отличается малочисленностью своих кадров и отсутствием какого-либо организующего его деятельность центра»²². Такая информация порождала недоверие к ЧНС и вряд ли способствовала желанию советских властей самим искать связь с ним. В дальнейшем это недоверие возросло в связи с переговорами Совета с Русской освободительной армией (РОА), власовцами, и немцами, о чем будет сказано далее.

Наряду с ЧНС на роль организатора восстания претендовали и активизировавшиеся в это время нелегальные организации бывших чехословацких военнослужащих. Они ориентировались на поддержку имевших оружие войск правительства протектората, полиции, жандармерии, финансовой охраны, пожарных и т. д. Возникло так называемое военное командование «Алекс» во главе с генералом Ф. Слунечко, политическим представителем которого стал Центральный национальный комитет. Не подчинившийся ЧНС комитет был распущен им 5 мая. Находившееся в тесном контакте с «Алексом» Военное командование Большой Праги — «Бартош», возглавляемое генералом К. Кутлвашром, выразило желание сотрудничать с ЧНС.

Пока в Праге размышляли над тем, пора начинать восстание или нет, Эйзенхауэр то ли под впечатлением аргументов Черчилля, то ли из военных соображений, рассудив, что потерь со стороны американских войск будет немного, поскольку немцы не собираются сопротивляться, а наоборот готовы сдаться в плен, отдал приказ армии Паттона начать наступление в Чехословакии, продвинувшись до вышеозначенной линии Пльзень — Карловы Вары — Ческе Будейовице. Об этом Эйзенхауэр и сообщил в Москву 4 мая, добавив, что, если ситуация потребует, армия готова продвинуться далее до рек Влтава и Лаба и освободить западные, т. е. левые, берега этих рек, в то время как советские войска освободят восточные, т. е. правые, их берега. Занять «левый берег» Влтавы означало, по сути, занять расположенную на этом берегу часть Праги вместе с находящимся тут Градом (Пражским кремлем), административным центром города. В ответном письме Эйзенхауэру от 5 мая Антонов настаивал на первоначальной договоренности, мотивируя это тем, что советские войска уже начали перегруппировку сил и приступили к реализации ранее запланированной операции. Продвижение американских войск на запад грозило возможностью столкновения и перемешивания войск союзников, чего не желали обе стороны. Это был важный военный аргумент, что должен был признать и Эйзенхауэр. Но в советской позиции, несомненно, присутствовала и скрытая политическая мо-

тивация: Чехословакия, которая имела союзный договор с СССР и подавляющая часть которой была освобождена Красной Армией, согласно представлениям Москвы, как, впрочем, и Эйзенхауэра, входила в сферу советских интересов. Поэтому не менее, чем Черчилль, настаивавший на том, чтобы в Прагу первыми вступили американские войска, советское руководство было заинтересовано в освобождении чехословацкой столицы Красной Армией. Американские войска остались на договоренной в апреле линии. В посланной Антонову телеграмме Эйзенхауэр писал: «Полагаю, что советские войска смогут быстро перейти в наступление и разгромить силы противника в центре страны»²³. Так и произошло. 4 мая командование войсками 1-го Украинского фронта отдало приказ армиям правого крыла быть готовыми к исходу 6 мая начать «стремительное наступление... в общем направлении на г. Прага... и танковыми армиями на шестой день операции овладеть ею»²⁴. Измотанные в боях за Берлин войска должны были перейти в наступление по особому распоряжению. Им предстояло преодолеть Рудные горы на севере Чехии и упорное сопротивление противника.

В это время и англичане решили как-то обозначить свое участие в освобождении Чехословакии. 5 мая английский посол в СССР А.Дж.К. Керр сообщил В.М. Молотову, что правительство Великобритании поручило ему проконсультиться с советским правительством по вопросу оказания помощи группам Сопротивления в тех районах Чехословакии, которые еще находятся под германской оккупацией. Речь шла о пребывании военной миссии при штабе чехословацкого главнокомандования для поддержания ее связи с базами в Италии, откуда может оказываться материальная помощь по воздуху, и штабами в Лондоне²⁵. У автора нет сведений о том, как отреагировало советское правительство на это предложение, но, скорее всего, в сложившейся обстановке реакция могла быть лишь отрицательной.

Начало восстания в Праге

5 мая в Праге началось стихийное восстание против оккупантов. В полдень по пражскому радио прозвучали первые призывы о помощи: «Мы обращаемся к чешской полиции, чешской жандармерии, правительственным войскам; следуйте немедленно к зданию, где находится радиостанция — эсэсовцы хотят нас уничтожить, идите немедленно!». На призыв откликнулись не только тысячи пражан, но и жители окрестностей столицы. За здание радиостанции разгорелись ожесточенные бои. К концу дня оно оказалось в руках повстанцев.

Отсюда на протяжении всего восстания велось радиовещание: населению сообщалось о том, как развивается ситуация; звучали призывы к союзникам оказать помощь повстанцам. Используя момент неожиданности, они принудили немцев к обороне и достигли немалых успехов. Под контролем восставших пражан находилась почти вся территория на восточном (правом) берегу Влтавы. Они захватили десять из двенадцати пражских мостов через Влтаву, почти все вокзалы, главпочтамт, междугородную телефонную станцию, электростанцию, много важных промышленных объектов. Получили свободу 3 тыс. заключенных тюрьмы Панкрац. Мелкие нацистские части были разоружены, более крупные изолированы в разных частях города. В руках повстанцев оказалось много оружия, отобранного у немцев, а также 5 бронепоездов и 5 танков и броневедомостей²⁶. Однако в некоторых местах оккупанты оказали серьезное сопротивление уже в первый день восстания. Преимущественные позиции они занимали на западном (левом) берегу Влтавы.

Ранее принятое решение ЧНС повременить с началом восстания стало практически невыполнимым. Ситуация грозила выйти из-под контроля. Совет, собравшийся под председательством профессора Пражака в 14 часов, решил возглавить восстание. Вечером по пражскому радио прозвучало обращение ЧНС к чешскому народу. Совет «как представитель революционного движения чешского народа и как доверенный орган правительства Чехословацкой республики в Кошицах» взял на себя «законодательную и исполнительную власть на территории Чехии, Моравии и Силезии». Сообщалось о создании пражского Национального комитета во главе с В. Вацекком²⁷ (коммунистом). В тот же день ЧНС предъявил ультиматум нацистам. «Немецкая администрация протектората уже не существует, — говорилось в нем. — Большая часть ее представителей находится в руках чешских вооруженных сил и Чешского национального совета. Немедленно прекратите бесполезное сопротивление и сдайтесь чешским вооруженным силам. С вами поступят как с военнопленными согласно международному праву. Если же это не произойдет, то вы будете считаться бандитами и с вами и будут обращаться как с таковыми»²⁸. Повстанцами был пленен следовавший на переговоры с американцами председатель сформированного К.Г. Франком правительства Р. Биенерт. Он намеревался уговорить их, чтобы они убедили повстанцев пропустить немецкие войска через Прагу для сдачи в плен американцам. Нацисты и Франк в этот день проявили охоту к переговорам с повстанцами о перемирии. Им нужно было время, чтобы стянуть к Праге хорошо вооруженные и готовые драться до победы части СС, дислоцированные вне города. Ф. Шернер отдал

приказ: «Восстание в Праге должно быть подавлено всеми средствами... Прага должна, безусловно, опять перейти в немецкие руки»²⁹. Перед эсэсовцами были поставлены и конкретные задачи по овладению отдельными частями города — Градчаны (Пражский кремль), Староместская и Вацлавская площади, главные на восточном берегу Влтавы. Идея переговоров с немцами и Франком положительно воспринималась частью руководства восстанием и, прежде всего, офицерами бывшей чехословацкой армии.

4 мая генерал Дж.С. Паттон получил приказ начать наступление вглубь Чехии и выполнил его в течение 5–6 мая, остановившись на линии Пльзень — Карловы Вары — Ческе Будейовице, и в соответствии с указанием начал проводить активную разведывательную деятельность в пражском направлении. Он очень хотел войти в Прагу, благо не встречал фактически никакого сопротивления со стороны немцев. Паттон даже просил об этом своего непосредственного начальника генерала О. Бредли, но получил отказ. 9 мая на пресс-конференции в Праге на вопрос американского журналиста, почему мы не взяли Прагу, Паттон ответил: «Это я вам могу сказать совершенно точно: потому что мы получили приказ не брать ее»³⁰. Позднее в своих мемуарах он писал: «Я чувствовал, что мы должны были идти до самой Влтавы, и если бы это не понравилось русским, послал бы их к черту»³¹. Бредли тоже не сомневался в том, что американские войска легко овладели бы Прагой: «Если бы верховное командование отменило свои приказы, — вспоминал он, — Паттон, очевидно, через 24 часа мог бы быть на Вацлавской площади»³². 6 мая Бредли получил указание Эйзенхауэра: «Информируйте, пожалуйста, генерала Антонова... что я приказал своим силам не переходить линию Ческе Будейовице — Пльзень — Карловы Вары. Полагаю, что советские силы могут продвинуться быстро и разрешить ситуацию в центре страны»³³.

Призывы о помощи восставшим, круглосуточно звучавшие по пражскому радио на чешском, английском и русском языках, были известны союзникам. Часть таких обращений, переданных в ночь с 5 на 6 мая, попала и на стол Сталина. «Чехословацкая Прага обращается к Лондону, — говорилось в одном из них. — Прага обращается к армиям генерала Эйзенхауэра. Прага обращается ко всем союзным армиям с призывом о помощи. Мы сражаемся за свободу. Мы сражаемся против германских орд. Пришлите нам орудия, самолеты, пришлите нам ваши армии. Окажите нам помощь в нашей борьбе за свободу»³⁴. С небольшими перерывами между 4 и 5 часами утра 6 мая Прага вещала на русском языке: «Говорит чешская Прага. Советский Союз! Советский Союз! Станция Киев НКГБ, 4-е управление. Подполковник Сидоров. Просим срочно парашютной поддержки. Высадка Ольшанское клад-

бище, на Виноградах, 12. Сигнал место посадки треугольник. Нужно оружие, нужны самолеты. Подписано Витовский»³⁵. Эти и другие сведения были переданы руководителем ТАСС Н. Пальгуновым личному секретарю Сталина А.Н. Поскребышеву, видимо, утром 6 мая. В сопроводительном письме говорилось: «В течение всей ночи сегодня Пражская радиостанция передавала призывы о помощи. Часть этих призывов адресована 4-му Управлению НКГБ. О призывах Пражской радиостанции мною сообщено в 3.45 Генштабу (ген-л Грызлов) и НКГБ СССР (т. Судоплатов) — последнему сообщено около 4.10»³⁶.

В тот же день начальник оперативного управления Генерального штаба Красной Армии генерал-полковник С.В. Штеменко направил И.В. Сталину письмо начальника Чехословацкой военной миссии в СССР бригадного генерала Г. Пики «по вопросу захвата чешскими патриотами города Праги и их просьбы о помощи». В письме на имя Антонова Пика сообщал «короткие сведения о событиях в Праге». «Вчера 5 мая в 12 часов начато в Праге вооруженное восстание против немецких оккупантов, — писал он. — Патриоты завладели радиопередаточными станциями и стали вызывать чехословацких солдат, полицию и население на вооруженное выступление. С 12 ч. 30 м. развеваются над Прагой чехословацкие, советские и союзные флаги. Немецкие надписи срываются и заклеиваются. Патриоты завладели немецким вооружением, пулеметами и несколькими пушками. Выходы из Праги преграждены. Чешский народ в восторге. Восстанием руководит Чешская Народная Рада (ЧНС. — *В.М.*)». Пика просил, чтобы «Верховное Главнокомандование обратило внимание на пражские события» и «предоставило народному восстанию полную поддержку (сбросом противотанковых ружей, автоматов, гранат и т. д.)». Пика сообщал также, что в 4 часа утра по телефону он информировал об этих событиях Отдел внешних сношений НКО СССР. Штеменко просил указаний Сталина³⁷. Однако ни сброса оружия, ни десантов не последовало³⁸. В Москве было принято иное решение: ускорить ранее запланированную Пражскую операцию Красной Армии.

Автору неизвестно о какой-либо реакции Бенеша и Кошицкого правительства на события в Праге. Возможно, они, не имея точных сведений о том, кто, какие политические силы задействованы в руководстве восстанием, просто не знали, как его оценивать и как отнестись к нему Москва. А это, как показало Варшавское восстание, было очень важно. Информация, которая приходила из Лондона, от Рипки, тоже, как представляется, была весьма скупая. Собственной связи с Лондоном Бенеш и правительство не имели. Интересно отметить, что ничего не писал об этом в своих мемуарах и Фирлингер: они заканчиваются отъездом Бенеша и нового чехословацкого пра-

вительства из Москвы в конце марта 1945 г. Правда, двадцать лет спустя он вспоминал о том, что Зорин якобы хотел знать реакцию чехословацкого правительства на предложение Эйзенхауэра: если оно попросит, то американская армия может начать наступление с целью помочь Праге. По словам Фирлингера, он не смог переговорить об этом с президентом и правительством, которые в то время готовились к переезду в Братиславу, но сам высказался отрицательно в отношении такой возможности, поскольку присутствие американцев в Праге могло бы иметь «неблагоприятные политические последствия». Других свидетельств о том, что такое предложение Эйзенхауэра обсуждалось в Кошицах, нет. В протоколах заседания правительства от 5 мая (оно продолжалось до 6 часов вечера) и от 7 мая нет ни одного упоминания о восстании в Праге³⁹. В дневниковых записях Зорина о встречах с чехословацкими деятелями, в том числе и с Фирлингером, в период до переезда правительства в Прагу, отсутствуют сведения, либо подтверждающие, либо опровергающие указанное заявление Фирлингера. Но, предположим, даже если такой разговор состоялся и даже если об этом был оповещен Бенеш, чехословацкое правительство и президент не могли повлиять на ситуацию. Позиция Москвы относительно освобождения Праги, несомненно, была доведена Зориным до сведения Фирлингера, и пойти против нее в тех конкретных условиях не представлялось возможным. Предложение Эйзенхауэра чехословацкому правительству, если и было таковое, осталось без ответа.

*Начало Пражской операции Красной Армии.
Власовцы в Праге*

Вести о восстании в Праге заставили советское командование поторопиться. К тому же было неясно, удержатся ли американские войска на договоренной линии, не начнут ли они в создавшейся ситуации, вняв призывам повстанцев о помощи, наступление на столицу Чехословакии. 6 мая с севера начали, а 7 мая продолжили наступление на Прагу войска 1-го Украинского фронта. 7 мая к ним присоединились войска 2-го Украинского фронта. Ускорили движение на запад войска 4-го Украинского фронта. Но основная роль в овладении Прагой отводилась 1-му Украинскому фронту, армии которого еще не успели отдохнуть после Берлинской операции. 6 мая Конев отдал приказ: не считаясь с усталостью личного состава, развивать наступление быстрым темпом — 30–40 км, а танки — 50 км в сутки. В тот же день, 6 мая, политуправление 1-го Украинского фронта издало директиву, в которой указывалось на необходимость

«разъяснять всем бойцам и офицерам, что Красная Армия вступила на территорию Чехословакии, чтобы ликвидировать последние очаги сопротивления гитлеровцев и помочь полностью освободить союзную нам Чехословацкую Республику от ига гитлеризма. Долгом чести каждого бойца и офицера своим поведением и отношением к местному населению показать, что воины Красной Армии высоко ценят и уважают чувства благодарности и симпатии, проявляемые чехословацким народом к своей освободительнице — Красной Армии». «Предупредить всех бойцов и офицеров, — говорилось в директиве, — о недопустимости какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела органов власти Чехословацкой Республики, а также не допускать нетактичного отношения к установившимся в стране национальным, бытовым или религиозным традициям, обрядам и т. д.». Категорически запрещалась конфискация «имущества чехословацких граждан и учреждений». Предписывалось оказывать «всемерную помощь органам власти правительства Чехословацкой Республики на местах в быстрейшем восстановлении и укреплении демократического режима в стране»⁴⁰. Сразу скажем, что наличие директивы вовсе не означало ее неукоснительное выполнение. На практике имели место многочисленные отступления от этих указаний, и извинения Сталина на прощальном обеде с Бенешем в Москве 28 марта (см. главу 8) не были пустой формальностью. Тогда советский лидер заявил, что Красная Армия, несмотря на то что это «действительно доблестная, храбрая и славная армия», «имеет еще много недостатков» и что среди 12 млн. человек ее личного состава не все — ангелы. «Красная Армия прошла с боями большой путь от Сталинграда до ворот Берлина, — продолжал Сталин. — Ее бойцы прошли этот путь не как туристы, они прошли этот путь под огнем, и они победили немцев». Отметив, что большинство бойцов Красной Армии думают, что они герои, Сталин заявил: как люди, считающие себя героями и думающие о возможности близкой смерти, они полагают, что им все позволено и им простят все «излишества» и все безобразия. «Тов. Сталин сказал, — значит в записи, сделанной секретарем В.М. Молотова Б.Ф. Подцеробом, — что он хочет, чтобы чехословаки не слишком очаровывались Красной Армией, чтобы затем им не слишком разочаровываться. Он, тов. Сталин, хочет, чтобы чехословаки поняли психологию, поняли душу рядового бойца Красной Армии». Затем Сталин поднял бокал за то, чтобы «чехословаки поняли и извинили бойцов Красной Армии»⁴¹.

Советская армия, четыре года ведущая кровопролитные бои, естественно, состояла не из одних ангелов: случались и кражи, и незаконная (подчас вынужденная) конфискация имущества, и наси-

лия, и конфликты с местными органами власти и пр. В городах и населенных пунктах создавались советские военные комендатуры, задачей которых являлось установление порядка в тылу Красной Армии и координация отношений между представителями ее частей и местной администрации, а также борьба с «фашистской агентурой, оставшейся на местах и пытающейся вредить советским войскам». Со стороны советских военных комендантов, выполнявших приказы командования, было много «самодеятельности»: каждый из них выполнял свои обязанности в меру своего умения и понимания конкретной ситуации. Это были люди, прошедшие войну, не обученные ни дипломатии, ни политесу, понимавшие и разговаривающие в основном на языке приказов и действовавшие в соответствии с обстановкой военного времени. В частности, определяя обстановку на местах, они чаще всего исходили из информации, поступавшей к ним от местных коммунистов или их организаций, нередко сведения о подлежащих аресту лицах носили субъективный характер. Все это, естественно, порождало немало конфликтных ситуаций и недовольства со стороны населения, о чем впервые исследователи заговорили в 90-х гг. XX века, часто делая упор именно на этих негативных сторонах поведения красноармейцев, оставляя в тени и освободительную миссию советских вооруженных сил, и в целом дружественные отношения между населением и их представителями. Кстати, и поведение американских войск на чехословацкой территории вызывало жалобы местных органов власти ⁴², о чем писалось менее. 7 июня 1945 г. при обсуждении вопроса об отводе американских войск из ЧСР правительство получило информацию, что с этой армией связаны большие трудности, чем с советской» ⁴³.

Но вернемся к событиям в Праге. Оправившись от растерянности, связанной с успехами первого дня Пражского восстания, Шернер приказал подавить его, поскольку оно перерезало основной путь намеченного отхода немецких частей на запад. 6 мая правительство Деница отдало приказ Шернеру сдать армию в плен американцам и обратилось к штабу союзников с просьбой оказать влияние на повстанцев, чтобы они не мешали немецкой капитуляции. «Война против американцев и англичан потеряла смысл, — телеграфировал Шернер имперскому наместнику в протекторате Франку. — Если англо-американская армия захочет продвинуться на линию Влтава — Лаба, она не встретит сопротивления. Немецкая армия отступит с оружием в руках на восточные берега этих рек» ⁴⁴.

Между тем появились сведения о наступлении американских войск, которые якобы должны через несколько часов подойти к Праге. ЧНС направил курьера в штаб генерала Паттона, прося его

поддержать повстанцев авиацией. Но эта просьба не была выполнена. Чтобы затянуть время, Совет продолжал переговоры с Франком и немцами о перемирии⁴⁵. 6 мая бои за Прагу начали части СС. Применив против повстанцев танки и авиацию, гитлеровцы в этот день снова овладели частью города. Восставшие понесли большие потери, но баррикады — их было возведено около 1600 — продолжали сражаться. Оказавшись в трудном положении, ЧНС и командование «Бартош» стали обсуждать возможность сотрудничества с Русской освободительной армией (РОА) генерала А.А. Власова, власовцами. 6 мая в 5.30 пражское радио передало: «Офицеры и солдаты армии Власова! Мы верим, что вы в последнем этапе борьбы против немецких захватчиков как русские люди и советские граждане поддержите восставшую Прагу. Призыв от имени командующего»⁴⁶. Ни кто был инициатором этого обращения, ни от имени какого командующего оно было сделано, неизвестно. Существует версия, что в это время в Праге, на Виноградах, находился русский офицер, который установил телефонную связь с власовцами и обещал им прощение со стороны советских властей, если они помогут восставшим пражанам. В пользу нахождения в Праге в это время некоего русского офицера, скорее всего сотрудника НКГБ, говорит и приведенное выше радиообращение с просьбой о помощи повстанцам. ЧНС также получил сообщение о наличии в городе «советской миссии», но установить с ней телефонную связь не удалось⁴⁷. По всей видимости, в Праге действительно в это время выполняла задание группа представителей советских спецслужб, но выяснить их роль, пока не будут открыты соответствующие архивы, не представляется возможным. По крайней мере, на сегодняшний день известно о существовании двух десантов с позывными «Зеленый лес» и «Ураган». Командир второй из групп капитан П.С. Савельев отправил разведотделу 4-го Украинского фронта 5 мая депешу, в которой говорилось: «Мы стараемся повернуть часть власовцев против немцев и заставить их заблокировать пути, ведущие к Праге»⁴⁸. По другой версии, власовцев в Прагу пригласили офицеры бывшей чехословацкой армии, работавшие в административных органах протектората в окрестностях города. Именно после их встречи с начальником штаба дивизии С. Буняченко утром 6 мая по пражскому радио было передано обращение на ломаном русском языке: «Офицеры и солдаты армии Власова! Мы верим, что вы в последнем этапе борьбы против немецких захватчиков как русские люди и советские граждане поддержите восстание в Праге»⁴⁹. По третьей версии, связь с власовцами установил Кутлвашр еще 2 мая. Возможно, во всех этих версиях есть доля правды. Кстати, Кутлвашр не отрицал, что вел переговоры с власов-

цами 5 мая, заявив при этом: «Власовцы были весьма равнодушны, и следует рассчитывать на них с осторожностью»⁵⁰.

Что же представляла собой РОА? Ею командовал генерал А.А. Власов, сдавшийся в плен немцам летом 1942 г. Гитлер до поры до времени не желал и боялся иметь в тылу такую армию, и поэтому до середины 1944 г. не предпринимал решительных шагов по ее формированию. Командование вермахта не доверяло советским военнопленным, полагая, что значительная их часть при определенных условиях может перейти на сторону Красной Армии. Не доверял фюрер и Власову. Все попытки Гимmlера представить его Гитлеру не имели успеха, мотив отказа был один и тот же: «Предал Сталина, предаст и меня»⁵¹. Однако летом 1944 г., когда положение фашистских войск на Восточном фронте резко ухудшилось, фюрер вспомнил о Власове. Гимmlер предложил объединить все существовавшие на оккупированной немцами территории и в самой Германии белогвардейские, националистические и другие антисоветские организации и для руководства их деятельностью создать политический центр. 14 ноября 1944 г. в Праге состоялось организационное заседание Комитета освобождения народов России (КОНР). На нем с приветственными словами выступили Франк, заместитель министра иностранных дел Германии И. Риббентропа обергруппенфюрер В. Лоренц, президент Словакии Й. Тисо⁵², представители вермахта и СС, председатель русской эмиграции в Германии генерал В. Лампе и т. д. Зачитанный Власовым манифест провозглашал главной целью Комитета свержение сталинского режима и возвращение народам прав, завоеванных ими в «народной революции» 1917 г., прекращение войны и заключение почетного мира с Германией, создание новой свободной народной государственности «без большевиков и эксплуататоров»⁵³. Такковы были политические цели РОА и КОНР. Председателем Комитета стал Власов, секретарем — В. Малышкин.

Находясь на службе нацистов, власовцы выполняли охранные функции, участвовали в акциях против партизан и гражданского населения в оккупированных странах, в том числе и в чешских землях. Здесь они использовались как конфиденты и агенты-provokatory; в партизанских районах, в частности Пршерова и Оломоуца, они выдавали себя за бежавших советских военнопленных или за десантированных советских партизан⁵⁴. В шифрограмме на имя Готвальда о партизанском движении в стране от 3 января 1945 г., в частности, говорилось: «немцы используют большие власовские силы против партизан, и, к сожалению, не без успеха»⁵⁵.

В конце 1944 г. Гимmlер поручил Власову приступить к непосредственному созданию РОА. 30 декабря 1944 г. он был назначен ее

командующим. В январе-феврале 1945 г. состоялись встречи Власова с Герингом, Геббельсом, Риббентропом. Армия формально состояла из трех дивизий. Первая из них под командованием сначала полковника, а с января 1945 г. генерал-майора С.К. Буняченко, бывшего командира 389-й стрелковой дивизии Красной Армии, который, спасаясь от суда военного трибунала, перебежал к немцам осенью 1942 г., была сформирована в январе 1945 г. Комплектование второй дивизии только началось, а третья вообще значилась лишь на бумаге. Всего сухопутные силы РОА по некоторым данным насчитывали примерно 45 тыс. человек⁵⁶. На вооружении РОА по приблизительным подсчетам российского исследователя К. Александрова находились: 44 самолета, около 25 танков и бронемашин, более 570 минометов и более 230 пушек разного калибра, включая противотанковые орудия, более 2000 ручных и станковых пулеметов, сотни фаустпатронов и противотанковых ружей, несколько десятков огнеметов⁵⁷.

1-я дивизия РОА считалась отборной. В ее состав вошла полностью эсэсовская карательная бригада Каминского, личный состав которой участвовал в борьбе с советскими партизанами и подавлении Варшавского восстания (август–октябрь 1944 г.). Однако ее боевая подготовка была низкой. Один из командиров полка РОА после войны на суде показывал, что солдаты этой бригады являлись морально разложившимися, что они занимались грабежами и бандитизмом, что у всех солдат при себе было «большое количество золотых вещей, награбленных у мирных жителей»⁵⁸. После встречи с Герингом Власов начал создавать специальные части, войска связи, авиацию. В марте 1945 г. Первая русская дивизия была включена в состав группы армий «Висла», которой командовал Гиммлер, и в апреле участвовала в боях против Красной Армии, но успеха не имела.

В предчувствии близкого окончания войны и краха Германии, надеясь на возможный конфликт между странами антигитлеровской коалиции, командование РОА и КОНР попытались установить контакты с американской армией с целью сдачи ей в плен. Такое решение было принято 20 апреля 1945 г. на узком совещании Власова и его окружения. Секретарь Комитета В.Ф. Малышкин 29 апреля вел переговоры на этот счет с командующим 7-й американской армией генералом А.М. Петчем⁵⁹. В мае к американцам для ведения переговоров отправилась другая делегация. 5 мая она вернулась с «документом, в котором говорилось, что командование американской армии готово принять власовцев, но с условием, что они сдадут оружие и будут на положении военнопленных». Надеясь еще на конфликт между союзниками по антигитлеровской коалиции и на то, что в этой ситуации он сможет стать правителем России, Власов написал обращение к

созданной в это время ООН. В нем он пытался оправдать свое сотрудничество с нацистами и призывал к борьбе с большевизмом. Передать по радио это обращение Власов не сумел, и до ООН оно, таким образом, не дошло⁶⁰.

В конце апреля — начале мая 1945 г. основные силы РОА располагались к югу и юго-западу от Праги в районе Рокицаны. Использовать их, прежде всего дивизию Буняченко, в своих целях намеревался и Шернер⁶¹. 27 апреля начальник штаба группы армий «Центр» Олдвиг фон Натцмер встретился с командиром 1-й дивизии, чтобы договориться о ее участии в боях против Красной Армии, и обещал ей всяческую поддержку. Но Буняченко уклонился от предложенного военного сотрудничества. Не помогло и посредничество Власова, на словах согласившегося с немецкими требованиями. Буняченко заявил, что за дивизию отвечает он и будет делать лишь то, что сам сочтет нужным. Среди личного состава дивизии усилились антинемецкие настроения. В некоторых местах имели место захват военных складов и разоружение небольших частей вермахта. Хотя немцы и продолжали переговоры с вышедшей из повиновения дивизией, но Шернер отдал приказ в случае неподчинения приказу разоружить ее, о чем Буняченко получил уведомление 2 мая. Это, по мнению К. Александрова, «сделало участие власовцев в Пражском восстании неотвратимым». Буняченко теперь сам стал искать союзников, чтобы противодействовать применению против его дивизии вооруженной силы⁶². Штаб дивизии, отказавшись подчиняться немецкому командованию, в то же время отверг и все предложения местных групп Сопrotивления и советских разведчиков включиться в подготовку восстания против немцев. Хотя сохранение РОА ее командование и руководство КОНР связывали преимущественно со сдачей в плен американцам, но существовал еще так называемый «южный вариант»: объединение с четниками сербского генерала Д. Михайловича, ведущего борьбу с немецкими оккупантами⁶³.

После 2 мая Буняченко стал склоняться к мнению о необходимости оказания помощи готовящемуся в Праге восстанию. Власов был настроен скептически. Существует версия, что тогда Власов направил советскому командованию радиogramму: «Могу ударить в тыл пражской группировке немцев. Условие — прощение мне и моим людям». Ответа не последовало⁶⁴. Утром 3 мая дивизия Буняченко, не встречая особого сопротивления, начала разоружать окрестные немецкие гарнизоны и захватывать военные склады. Еще в ночь на 5 мая в ее штабе побывали представители Кутлвашра и выясняли возможность оказания помощи Праге в случае восстания. 5 мая радио повстанцев передавало: «Защитники Праги! Стойко держитесь,

напрягайте последние силы. К нам на помощь идет армия генерала Власова!»⁶⁵. А утром 6 мая прозвучало вышеупомянутое радиообращение от имени некоего «командующего». В связи с этим среди власовцев быстро распространились слухи о возможной амнистии в случае их участия в борьбе против немцев. Буняченко же, скорее всего, рассчитывал на впечатление, которое могло произвести участие его дивизии в Пражском восстании на англичан и американцев.

Вечером 6 мая дивизия Буняченко вошла в фактически занятую немцами Прагу и, вступив с ними в бой с применением танков и артиллерии, освободила значительную часть города на левом (западном) берегу Влтавы, остановила сильные части эсэсовцев, наступавших на Прагу с юга, вела упорные бои на Градчанах, окружила казармы и аэродром в Рузине, а затем овладела им, захватив 20 самолетов. На стенах домов власовцы расклеивали плакаты, призывавшие к борьбе против фашизма и большевизма. Их танки были расписаны лозунгами «Смерть Гитлеру!», «Смерть Сталину!». В штабе Кутлвашра появились два власовских офицера, которым был передан план Праги с обозначением главных мест расположения гитлеровских войск. Во избежание путаницы власовцы получили тысячи сшитых бело-синие-красных нарукавных повязок. Буняченко предъявил краткий ультиматум командованию Пражского гарнизона, потребовав его капитуляции с условием последующего возвращения на родину или передачи англо-американским союзникам. Ни о восстании, ни о его руководящих органах в ультиматуме не было ни слова. Буняченко действовал самостоятельно, как независимая сила. Подробно в штабе Кутлвашра обсуждался вопрос о трех направлениях наступления власовцев 7 мая. Однако этот план не был осуществлен.

Последние дни восстания. Уход из Праги власовцев

Утром 7 мая в ЧНС началось обсуждение вопроса о возможности сотрудничества с власовцами и принятия их помощи повстанцам⁶⁶. В штабе Кутлвашра в это время находился представитель Буняченко личный адъютант Власова капитан Р.Л. Антонов. Коммунисты, члены Совета, резко выступили против какого-либо соглашения с РОА. Был принят документ под названием «Точка зрения Чешского национального совета по вопросу военных действий генерала Власова и его армии против немецких вооруженных сил в Праге и ее окрестностях (v pražském prostoru)». По сути, речь шла о письменном соглашении, которое подтверждало руководящие позиции ЧНС в восстании, а роль власовцев сводила лишь к чисто добровольной военной помощи повстанцам. Заместитель председателя

ЧНС коммунист Й. Смирковский, инициатор документа, предложил сообщить Антонову конкретно следующее: Совет является представителем кошицкого правительства, и только Совету принадлежит право решать военно-политические вопросы на территории Чехии⁶⁷; ЧНС благодарит армию генерала Власова за помощь повстанцам (не все коммунисты согласились с этим предложением); РОА будет действовать в полном согласии и сотрудничестве с чехословацким командованием; какие-либо переговоры с неприятелем находятся исключительно в ведении командования чехословацких вооруженных сил; призыв к всеобщей капитуляции немецких войск оставляет за собой командование чехословацких вооруженных сил⁶⁸. Антонов от имени Буняченко, который в свою очередь представлял «больного Власова», подписал эти условия, ограничившие право власовцев на самостоятельность действий в вопросе освобождения Праги и капитуляции немецких войск.

Однако коммунисты по-прежнему возражали против принятия помощи со стороны РОА, характеризуя Власова как предателя Советского Союза и считая, что сотрудничество с его армией явится политической ошибкой, повлияет на отношение СССР к восстанию и его оценку в мире. «Обсуждаемый вопрос может иметь непредсказуемые последствия с точки зрения позиции СССР и его возможной быстрой помощи восстанию. Ясно, что лишь имя Власов является для советских деятелей достаточным поводом, чтобы иметь серьезные опасения относительно линии и действительных целей восстания... Движение возглавляет человек, который нарушил присягу, и за это ему не может быть прощения»⁶⁹, — заявил коммунист В. Давид. Э. Эрбан пригрозил, что коммунисты уйдут из ЧНС, если не будут прерваны связи с власовцами. По предложению коммунистов Совет принял решение обратиться по радио непосредственно к рядовым РОА с призывом помочь восстанию. Обращение гласило: «Солдаты так называемой армии Власова. Вас организовали для борьбы против своей Советской власти. Вы решились вовремя повернуть оружие против нацистов, против врагов своей родины. Мы приветствуем это ваше решение. Бейте нацистов, бейте их так, как пражане, бейте их так, как их била славная Красная Армия»⁷⁰. Одновременно был составлен текст письма Власову с благодарностью за готовность оказать помощь повстанцам. Принято предложение военной комиссии ЧНС просить власовцев предоставить повстанцам оружие. С письмом в штаб Буняченко направились коммунисты В. Давид и Й. Кнап. В предоставлении оружия повстанцам было отказано. Уточнив позицию власовцев по отношению к Красной Армии, Гитлеру и западным союзникам, делегаты ЧНС, как пишет К. Александров, попросили

как можно быстрее вывести части РОА из Праги, чтобы не компрометировать ЧНС их участием в восстании⁷¹. По радио на английском и русском языке передавалось заявление ЧНС: «Чешский национальный совет заявляет, что акция генерала Власова против немецких войск является собственным делом этих частей и что Чешский национальный совет не имеет с ними никакого политического либо военного соглашения»⁷². Получивший эту информацию Буняченко готов был сражаться в Праге и без соглашения с ЧНС, но при условии, что по радио будет передано по-чешски и по-русски его личное политическое заявление с объяснением причин его нахождения в армии Власова⁷³, выступления с оружием против немцев, желания помочь сражающейся Праге⁷⁴. В этом ему было отказано. В это время ЧНС получил из Лондона за подписью Г. Рипки радиogramму: «Будьте крайне осторожны в отношении помощи со стороны русских частей под командованием власовских офицеров. Власова по праву Советы считают предателем. Вы можете поддерживать связь с русскими солдатами, которые сражаются против немцев, но относиться сдержанно к их офицерам, и, если это окажется возможным, арестуйте этих офицеров, иначе у нас могли бы возникнуть большие осложнения [в отношении] с советским союзником»⁷⁵. Уведомление об этой депеше и ее текст были направлены и Бенешу в Кошице. Буняченко, получивший информацию о подписании капитуляции немецких войск 7 мая в Реймсе и о том, что американские войска не намерены идти на Прагу, приказал с наступлением темноты выводить части дивизии из города, взяв курс на Пршибрам и далее на запад, чтобы сдать в плен американцам. Впрочем, часть бойцов дивизии (около 400 человек) осталась в Праге и продолжала воевать против гитлеровцев. Сколько власовцев полегло в боях за Прагу, неизвестно; по словам Буняченко, еще до отвода его дивизии на запад, она потеряла 300 человек⁷⁶. Кроме того, около 200 раненых находилось в госпиталях⁷⁷. По свидетельству одного из высших офицеров дивизии, пражане восторженно приветствовали власовцев, обнимали, целовали их, предлагали угощение и напитки, забрасывали цветами⁷⁸. Вероятно, это так и было. А как же иначе? Пражане видели в них освободителей от немецких оккупантов.

Между тем 7 мая продолжалось осуществление запланированной ранее Пражской операции Красной Армии. Наступление вели с трех сторон войска 1-го Украинского фронта под командованием маршала И.С. Конева, 2-го Украинского фронта под командованием маршала Р.Я. Малиновского и 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии А.И. Еременко⁷⁹. К концу дня 8 мая, преодолев Рудные горы, части 1-го Украинского фронта вступили на территорию Чехословакии и предприняли марш-бросок в сторо-

ну Праги, пройдя в ночь с 8 на 9 мая 80 км. Вместе с наземными войсками действовала и советская авиация, нанося бомбовые удары по путям отхода немецких войск. По некоторым сведениям, за 3 дня наступления авиация 1-го Украинского фронта совершила 4 тыс. вылетов, 2-го УФ — 3 тыс. и 4-го УФ — более 800 вылетов. Судьба группы армий Шернера, потерявшей способность организованного сопротивления, была, по существу, решена 8 мая. В этот день в 20 часов командующий 1-м Украинским фронтом в соответствии с указанием Главного командования Красной Армии обратился по радио к немецким солдатам с предложением о безусловной капитуляции, которое не было принято. ЧНС, не имевшему связи с советским военным командованием, ничего не было известно ни о планах Красной Армии, ни о направлении передвижения советских войск.

С согласия К. Деница представитель верховного главнокомандования Германии генерал А. Йодль 7 мая в 02 часа 40 минут подписал в г. Реймсе, где была ставка Эйзенхауэра, протокол о безоговорочной капитуляции Германии на всех фронтах, включая Восточный. Согласно ему, состояние войны должно было прекратиться в 23 часа 01 минута 8 мая (по московскому времени — в 0 часов 01 минута 9 мая)⁸⁰. У нацистов, таким образом, оставалось еще почти двое суток, чтобы осуществить сдачу армии Шернера американцам. Сразу вслед за тем, как Йодль получил разрешение подписать документ о капитуляции в Реймсе, Дениц отдал фельдмаршалу А. Кессельрингу и генералу Винтеру, возглавлявшим войска в Чехословакии, приказ: «Задача состоит в том, чтобы отвести на запад возможно больше войск, пробиваясь при этом в случае необходимости через расположение советских войск с боем»⁸¹.

Снова последовало обращение немцев к штабу союзников с просьбой содействовать прекращению действий пражских повстанцев, препятствующих немецкой капитуляции. В штаб Кутлвашра вечером 7 мая прибыли американские офицеры, направлявшиеся в штаб Шернера. Они доставили сообщение о немецкой капитуляции и приказы о прекращении американцами боевых действий. Американцы советовали прекратить бои и в Праге. Они интересовались политическим составом ЧНС, позициями в нем коммунистов, числом повстанцев и их ситуацией. Американцы, по воспоминаниям Й. Смирковского, передали приветствия от генерала Паттона и сообщили, что его армия может быть в Праге 8 мая в 4 часа утра, если об этом официально попросит ЧНС. Некоторые члены Совета с восторгом приняли предложение. Другие же, в частности Смирковский, заявили, что ЧНС является представителем Кошицкого правительства и не может сепаратно просить о помощи одного из союзников⁸².

Ранним утром 8 мая повстанческое радио передало приказ командующего чехословацкими войсками о прекращении огня до вступления в силу протокола о безусловной немецкой капитуляции⁸³. Шернер, несмотря на полученную информацию, принял решение пробиваться на запад через Прагу с боем (о том, что в конце апреля немцы объявили Прагу открытым городом, т. е. не собирались вести там уличные бои, было забыто), а приказ о капитуляции сознательно не довел до сведения частей. Используя танки, артиллерию, авиацию, немецкие войска начали наступление на город с юга и овладели его центром. Против восставшего населения осуществлялись массовые репрессии. Эсэсовцы выгоняли женщин и детей из домов и гнали их перед своими танками на баррикады. Но одновременно утром 8 мая начальник гарнизона немецких войск в Праге генерал Р. Туссэн заявил о готовности начать переговоры о капитуляции. Неясно, что это было? Несогласованность действий в немецком стане? Сознательное затягивание времени? Попытка уберечь Прагу от излишнего кровопролития в последние дни войны? Между тем штаб немецких армий группы «Центр» был захвачен советскими войсками. Шернер покинул своих подчиненных и, переодевшись в гражданское платье, бежал (точнее, улетел) на запад, к американцам.

8 мая в 10 часов в здание, где расположился ЧНС, прибыл для переговоров старший сын начальника немецкого гарнизона Р. фон Туссэн. Он отверг предложение повстанцев о безусловной капитуляции и потребовал пропустить немецкие войска через Прагу на запад, мотивируя тем, что они, и прежде всего части СС, вышли из подчинения. Прага в это время стала как бы проходным двором для частей вермахта, стремившихся пробиться на запад, чтобы сдать в плен американцам. Немецкие войска продолжали бесчинствовать на улицах Праги. ЧНС пошел, по сути, на то, чтобы принять условия, на которые согласился Туссэн. В 16 часов 8 мая был подписан документ, не содержащий ни слова о капитуляции. В нем говорилось: «1. Полномочный представитель немецких вооруженных сил подписывает *соглашение* (ujednání) о способе отвода (stažení) всех немецких вооруженных сил... [находящихся] в Праге и ее окрестностях. Начало отхода частей 8 мая в 18 часов. 2. Это *соглашение* не влияет на условия, которые были предусмотрены для этих частей союзным командованием (американских и английских и советских вооруженных сил)... 5. Передача вооружения будет проведена так: а) все тяжелое вооружение будет сдано по выходе из Праги на окраине города и взято чехословацкой национальной армией... 6. Сдача всего остального вооружения чехословацкой национальной армии будет проведена *перед американской демаркационной линией*... 9. Чешское население

ние не будет создавать трудностей уходящим немецким войскам»⁸⁴. Вряд ли указанный документ может быть назван актом о капитуляции немецких войск, как это иногда представляется. Скорее всего, он являл собой некий компромисс между ЧНС и Туссэном, вынужденный со стороны первого тем, что немецкие войска бесчинствовали в Праге, в то время как у повстанцев не хватало оружия, чтобы защищаться, а со стороны второго — желанием как можно скорее, пока советские войска не перерезали путь к отступлению, пробиться к американцам и сдаться им в плен. Думается, что если оценивать соглашение с точки зрения общей военно-политической обстановки того времени, то его можно было считать ошибочным, как и делалось в советской и чехословацкой историографии 50–80-х гг., но с чисто человеческих позиций и здравого смысла, которым всегда отличались чехи, соглашение нельзя считать таковым. Приняв указанные условия, восставшие попросту стремились быстрее избавиться от оккупантов, избежать излишнего кровопролития и уберечь Прагу от разрушений. В 50-х гг. всем членам ЧНС, подписавшим соглашение, были предъявлены обвинения в измене и предательстве. Многие из них получили разные сроки тюремного заключения, в том числе и коммунист Й. Смирковский, а один (Я. Неханский) расстрелян.

Завершение Пражской операции Красной Армии

Соглашение между ЧНС и Туссэном вступило в силу вечером 8 мая, хотя не все немецкие части ему подчинились, и повстанцы продолжали сражаться. А рано утром 9 мая танковые армии 1-го Украинского фронта под командованием генералов Д.Д. Лелюшенко и П.С. Рыбалко вступили с севера и северо-запада в Прагу. В течение дня в город вошли также части 2-го и 4-го Украинских фронтов. Еще не один день в городе и его окрестностях продолжалась ликвидация последних очагов сопротивления немцев, а Прага очищалась от не желавших сдаваться в плен отрядов вермахта и эссовских снайперов. По сведениям историка Я. Шимова, при вступлении в Прагу погибли 30 красноармейцев. Всего же потери советских войск в боях за Прагу и окрестности составили примерно 500 солдат и офицеров. Все они похоронены на военном Ольшанском кладбище. Что касается жертв Пражского восстания, то с 5 по 9 мая погибло более 1,5 тысяч повстанцев и мирных жителей, около 1 тысячи немцев, в основном солдат вермахта и СС, и около 300 власовцев. Хотя власти призывали пражан соблюдать законность, сразу после освобождения, по словам Я. Шимова, их ярость «выплеснулась на немцев, в том числе и на мирных жителей, неповинных в зверствах. Многих линчевали прямо на улицах»⁸⁵.

В то же время население, согласно донесениям армейских политорганов, восторженно встречало советские войска⁸⁶. А вот свидетельства дневника одного из очевидцев событий 9 мая на улицах пражского района Дейвицы: 12.00: «На улице волнение. Едут танки и броневики славной русской армии. Парни все в пыли. На улицах огромное воодушевление. Возгласы: слава, здравствуйте, сотни рук поднимаются в приветствии... Поднимается буря ликования во время проезда каждого огромного танка»; 16.00: «Русские солдаты раздают сигареты, папиросы, а также консервы. Бесстыжие люди рвут это у них прямо из рук. Во время остановки всей колонны один человек играет на гармошке, а несколько солдат пляшут русские танцы»; 23.00: «Идем спать, вероятно, сегодняшняя ночь будет спокойной. Первая ночь в освобожденной Праге...»⁸⁷. «Вчера был в Праге. Город находится в хорошем состоянии и почти не имеет разрушений»⁸⁸, — сообщал И.С. Конев И.В. Сталину 12 мая 1945 г. Продвигаясь на запад, части Красной Армии в течение нескольких дней завершили разгром немецкой группировки на территории Чехословакии.

О Пражском восстании сегодня говорят по-разному, хотя оно по-прежнему остается в ореоле славы, как стихийное выступление народных масс против оккупантов. Анализу подвергаются, прежде всего, действия его руководителей, как военных, так и ЧНС, уточняется, подчас и с перегибами, роль Красной Армии и власовцев в освобождении Праги. В связи с этим Либор Кукал (Пражское радио, 08.05.2002) отмечал: «Писать об истории Пражского восстания — дело неблагодарное. Чувства подсказывают каждому человеку, что восстание — поступок героический, которым надо восхищаться. Поэтому до сих пор только шепотом говорят о том, что Пражское восстание было с военной точки зрения абсолютно непродуманным, неорганизованным и в какой-то степени лишним»⁸⁹. Я. Шимов также считает, что в истории Пражского восстания еще много белых пятен, которые предстоит разгадать: «Хотя восстание длилось всего 4 дня, оно обернулось множеством жертв, а его ход был настолько запутанным, что до сих пор можно столкнуться с версиями, далекими от истинной правды»⁹⁰.

Последние дни РОА и история пленения Власова изучены на сегодняшний день, как представляется, достаточно основательно. Дивизия Буныченко, подошедшая к занимаемому американцами рубежу, не была принята командованием союзников. Буныченко приказал распустить личный состав и рекомендовал в одиночку и мелкими группами пробираться в Южную Германию. Думается, правильно было бы отделять командование РОА от тысяч ее бойцов, многие из которых видели в присоединении к ней единственный шанс остаться в живых, спастись от гитлеровских концлагерей

и, если повезет, перейти на советскую сторону. Вместе с тем в РОА было много людей, вступивших в нее из идеологических и шкурнических соображений. Поэтому и вели себя власовцы в последние дни войны по-разному: некоторые кончали жизнь самоубийством, некоторые безучастно ждали своей участи, некоторые пошли на восток, чтобы сдать русским, а некоторые пробирались на запад. Власов, согласно донесению начальника политуправления 1-го Украинского фронта генерала Ф.В. Ящечкина в Москву, был пленен при попытке на автомобиле пробиться на запад. При Власове были найдены американский паспорт на его имя, старый партбилет, переписка с фашистскими боссами, открытое письмо 1-й дивизии РОА к правительствам США и Англии с просьбой о предоставлении убежища «политическим эмигрантам», а также деньги и золото. По требованию советского командования Власов отдал письменный приказ войскам сложить оружие и сдать в плен Красной Армии. После тиражирования приказ был доставлен в каждую часть и зачитан личному составу⁹¹. Большинство оказавшихся в расположении советских войск власовцев прошли через ГУЛАГ. Те из них, кто остался в живых и вышел на свободу, фактически не стали полноценными членами советского общества. В августе 1946 г. военный трибунал приговорил к смертной казни «за активную шпионскую, диверсионную и террористическую деятельность» 12 высших чинов РОА, в том числе Власова, Малышкина, Жиленкова, Буняченко, Мальцева и др.⁹²

11 мая в освобожденную Прагу из Братиславы, где оно до этого находилось, прибыло чехословацкое правительство во главе с З. Фирлингером, который в тот же день имел встречу с И.С. Коневым. Как докладывал маршал Сталину, «были решены практические вопросы по оказанию содействия правительству в быстрейшем налаживании порядка в Праге и стране»⁹³. На заседании кабинета, одобренного приветственными телеграммами Сталину и Коневу, Фирлингер информировал министров о том, что советские военные органы через посольство сообщили ему об их недоверии ЧНС. Речь шла о контактах Совета с власовцами, с немцами и вообще о «всей политической линии, отразившейся в радиовещании». Премьер, выразив надежду, что речь идет о недоразумении, тем не менее высказался за сдержанное отношение правительства к ЧНС и за немедленную передачу им управления страной в руки возглавляемого Фирлингером кабинета. Правительство приняло решение не проводить торжественное заседание ЧНС при участии членов кабинета, а ограничиться рабочим заседанием Совета в присутствии премьера. Однако в мае ЧНС не был распущен. 31 мая Зорин передал правительству новую советскую ноту, в которой содержалось требование распустить Совет и пере-

числялись его недостойные доверия члены, вступившие в переговоры с немцами, в том числе А. Пражак, Й. Смирковский, Р. Кутлвашр, Я. Неханский и др. В июне ЧНС прекратил существование⁹⁴.

Пражская операция Красной Армии, проходившая с 6 по 11 мая 1945 г., была последней крупной операцией Второй мировой войны в Европе. В ходе освобождения Праги в плен было взято около 860 тыс. гитлеровцев, захвачено множество танков, артиллерийских орудий, минометов, более тысячи боевых самолетов. Потери советских, румынских, польских и чехословацких войск составили 12 тыс. человек; 40,5 тыс. солдат и офицеров получили ранения⁹⁵.

Итак, советские войска, запланировавшие операцию по освобождению Праги еще в конце апреля 1945 г., поставили точку над «i» 9 мая 1945 г. Фактическое освобождение города началось самими пражанами раньше, 5 мая. Участвовала в этом по политическим и алибиистским соображениям и Первая русская дивизия РОА, покинувшая Прагу в ночь с 7 на 8 мая, чтобы сдать в плен американцам, и отказавшаяся оставить восставшим оружие. Американские войска, с которыми части Красной Армии соприкоснулись на линии Карловы Вары — Пльзень — Ческе Будейовице 11–12 мая, по договоренности с советским командованием не перешли эту линию, несмотря на желание первыми войти в Прагу и возможность сделать это.

Федеральное собрание Чехо-Словацкой федеративной республики приняло в 1991 г. решение о том, что государственный праздник День освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков будет отмечаться не 9 мая, как ранее, а 8 мая, как это делает весь Запад, ссылаясь на то, что акт о безоговорочной капитуляции нацистской Германии был подписан по средневропейскому времени именно в этот день.

1 Черчилль У. Вторая мировая война. Пер. с англ. М., 1955. Т. 6. С. 443.

2 См. подробнее: Великая Отечественная война 1941–1945. Книга 3. Освобождение. М., 1999. С. 267–290.

3 И.Е. Петров был освобожден от командования 4-м Украинским фронтом за ошибки в проведении наступательных операций Красной Армии и назначен начальником штаба 1-го Украинского фронта.

4 Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 2. М., 1983. С. 395. (далее: ДМИСЧО 4–2).

5 ДМИСЧО 4–2. С. 396.

6 Цит. по: Bartošek K. Pražské povstání 1945. Praha, 1965. S. 64.

7 Цит. по: Prečan V. V kradeném čase. Výber ze studií, článků a úvah z let 1973–1993. Brno, 1994. S. 56

8 Ibid. S. 63.

- 9 Ibid. S. 63.
- 10 Ibid. S. 63–64.
- 11 См.: Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. Вып. 2. М., 1977. С. 287, 315, 336.
- 12 Черчилль У. Указ. соч. С. 479.
- 13 Prečan V. Op. cit. S. 67.
- 14 См. подробнее: Petruf P. K pobytu amerických vojsk v Česko-Slovensku roku 1945 // Historický časopis. 1990. N 5. S. 659.
- 15 Kokoška S. Praha v květnu 1945. Historie jednoho povstání. Praha, 2005. S. 63.
- 16 Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. Dokumenty. I-2. Praha, 1965. S. 675.
- 17 Ibid. S. 674–677.
- 18 Odboj a revoluce. 1938–1945. Praha, 1965. S. 405.
- 19 Český odboj a květnové povstání. Sb. dokumentů. 1943–1945. Praha, 1975. S. 161–164.
- 20 Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 19–20 (далее: АВП РФ)
- 21 Там же. Д. 7. Л. 27.
- 22 Там же. Д. 8. Л. 51.
- 23 Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 3: Освобождение. С. 291–292.
- 24 ДМИСЧО 4–2. С. 398–399.
- 25 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 66–67.
- 26 Bartošek K. Op. cit. S. 51.
- 27 Cesta ke Květnu. S. 684–687.
- 28 Ibid. S. 685.
- 29 Bartošek K. Op. cit. S. 49. О Шернере см.: Христофоров В.С., Макаров В.Г., Хавкин Б.Л. Дело фельдмаршала Шернера. По материалам ЦА ФСБ России // Новая и новейшая история. 2008. № 4. С. 166–178.
- 30 Цит. по: Prečan V. Op. cit. S. 60.
- 31 Ibid. S. 61.
- 32 Ibid. S. 60.
- 33 Цит. по: Kokoška S. Praha v květnu 1945. S. 189.
- 34 Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 66. Д. 803. Л. 108 (далее: АП РФ).
- 35 Там же. Л. 104. По некоторым данным криптонимом *Витовский* пользовался Э. Витоуш, который был десантирован НКВД в ночь на 16 сентября 1944 г. в район Хомутова (См.: Kokoška S. Praha v květnu 1945. S. 239. Примечание 39).
- 36 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 803. Л. 102.
- 37 Там же. Л. 110–111.

38 По некоторым данным, еще в апреле–мае 1945 г. на территорию Богемии и Моравии было заброшено от 20 до 40 диверсионных групп, оперативно подчинявшихся УШПД. Часть из них была уничтожена гестапо, другие сохранились и начали формирование партизанских отрядов. Одним из авиадесантных отрядов НКГБ «Ураган» командовал старший лейтенант П.С. Савельев, который, согласно его воспоминаниям, получил задание вести работу среди власовцев с целью недопущения их использования немцами. Один из руководителей Пражского восстания коммунист Й. Смрковский в беседе, опубликованной в «Руде право» 8 мая 1969 г., утверждал, что он встречался с «полковником» Савельевым, который имел задание убедить власовцев выступить на стороне повстанцев. Считалось, что Савельев погиб в бою под Прагой, где ему установлен памятник. Но журналист В. Кинщак несколько лет назад разыскал 83-летнего Савельева в Иркутске и опубликовал в Интернете записанную с ним беседу под названием «Как полковник Савельев уговаривал власовцев повернуть оружие». Савельев — почетный гражданин Добржиша, кавалер двух орденов Отечественной войны первой степени, чехословацкого ордена «Партизанская звезда», бронзовой, серебряной и золотой медалей Всемирного антифашистского комитета. Он утверждал, что поддерживал связь со Смрковским и что в его отряд перешло много власовцев. Савельев принимал их в отряд после принесения ими присяги и обещал предоставить возможность искупить свою вину кровью. Из перебежчиков были сформированы два подразделения под командованием заместителя Савельева Ф. Борисова (Хисматуллина Фатыха Бакеевича). На пражских баррикадах, по утверждению Савельева, сражались также бойцы советских диверсионных отрядов и власовцы-перебежчики, всего примерно 300–400 человек (<http://www.rg.ru/Anons/arc 2001/0511/hit.shtml>)

39 Kokoška S. Praha v květnu 1945. S. 187, 191 (Примечание № 25).

40 ДМИСЧО 4–2. С. 405–406.

41 АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 393. Л. 57–59.

42 Cesta ke Květnu. S. 694–695.

43 ČSR a SSSR. 1945–1948. Dokumenty mezivládních jednání. Brno, 1997. S. 35.

44 Král V. Pravda o okupaci. Praha, 1962. S. 353.

45 Zápis o zasedání ČNR ve dnech 4–9 května 1945 // Historie a vojenství. 1967. N 6. S. 992–993.

46 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 803. Л. 105.

47 Zápis... S. 997, 999.

48 Цит по: Kokoška S. Praha v květnu 1945. S. 158. См. также прим. 38.

49 Ibid. S. 158–159.

50 Zápis... S. 994.

51 Пальчиков П.А. История генерала Власова // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 135.

52 27 января 1945 г. было открыто представительство КОНР в Словакии, но его деятельность здесь оказалась достаточно вялой (Александров Кирилл. Армия генерала Власова 1944–1945. М., 2006. С. 196–197).

53 Раманичев Н.М. Власов и другие // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 303.

54 *Český antifašismus a odboj*. Slovníková příručka. Praha, 1988. S. 140, 384, 387, 508.

55 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 128. Д. 28. Л. 75 (далее: РГАСПИ).

56 Раманичев Н.М. Указ. соч. С. 296.

57 Александров Кирилл. Указ. соч. С. 262.

58 Пальчиков П.А. Указ. соч. С. 139.

59 *Český antifašismus...* S. 495.

60 Пальчиков П.А. Указ. соч. С. 141.

61 См. подробнее: Александров Кирилл. Указ. соч. С. 342–350.

62 Александров Кирилл. Указ. соч. С. 350, 355–356.

63 *Kokoška S. Praha v květnu 1945*. S. 95–101; Александров Кирилл. Указ. соч. С. 197–199.

64 Перченко Ф., Седельников В. Прагу освобождали дважды. Первыми были власовцы // Московские новости. 1991. № 18. 5 мая. К. Александров относит отправку этой радиogramмы к разряду мифов (Александров Кирилл. Указ. соч. С. 358–359).

65 Перченко Ф., Седельников В. Указ. соч. // Московские новости. 1991. № 18. 5 мая.

66 Готовность подполья к действиям, как, видимо, справедливо полагает Ярослав Шимов (Чешское радио 28.04.2008), оказалась невысокой. Капитан Яромир Неханский, посланный в качестве связного в Прагу (из Лондона), докладывал с необычайной резкостью: «Ситуация здесь дерьмовая. С военной точки зрения не сделано почти ничего. Политики ругаются между собой и делят кресла. Оружия не хватает... » (<http://www.radio.cz/ru/statja/103352/limit>)

67 В связи с этим коммунисты в ЧНС резко осудили направление Буняченко ультиматума о капитуляции пражского гарнизона, считая, что он не имел на это права.

68 *Zápis...* S. 995.

69 *Zápis...* S. 998; Bartošek K. Op. cit. S. 171–172.

70 *Zápis...* S. 998.

71 Александров Кирилл. Указ. соч. С. 373.

72 Bartošek K. Op. cit. S. 171–172.

73 Буняченко сдался в плен из-за грозившего ему расстрела за то, что, будучи командиром 389-й стрелковой дивизии, слишком рано отдал приказ о подрыве железнодорожного моста. См.: Раманичев Н.М. Указ. соч. С. 308.

- 74 Zápis... S. 1009.
- 75 Цит. по: Kokoška S. Praha v květnu 1945. S. 182.
- 76 Zápis... S. 1009.
- 77 Все они, а также другие оставшиеся в городе власовцы, как пишет Александров, либо были отправлены органами «СМЕРШ» в неизвестном направлении, либо расстреляны (Александров Кирилл. Указ. соч. С. 376–377).
- 78 Там же. С. 370–371.
- 79 ДМИСЧО 4–2. С. 396, 398–399, 409–410; Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 3: Освобождение. С. 292–294.
- 80 По требованию советского правительства процедура капитуляции еще раз состоялась 8 мая в Берлине, где 9 мая в 00 часов 43 минуты был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии (Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 3. Освобождение. С. 192–193, 296–297).
- 81 Цит. по: Там же. С. 297.
- 82 Bartošek K. Op.cit. S. 213.
- 83 Ibid. S. 216–217.
- 84 Ibid. S. 222–223.
- 85 Шимов Ярослав. Пражское восстание: последние жертвы великой войны. Пражское радио 26.04.08 (<http://www.radio.cz/ru/statja/103352/limit>)
- 86 ДМИСЧО 4–2. С. 421, 423, 425, 429–430.
- 87 Цит. по: Kokoška S. Praha v květnu 1945. S. 216–217.
- 88 ДМИСЧО 4–2. С. 420.
- 89 Кукал Либор. День освобождения. Пражское радио 08.05.02. (<http://www.radio.cz/ru/statja/27711/limit>)
- 90 Шимов Ярослав. Пражское восстание: последние жертвы... Пражское радио 26.04.08.
- 91 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 310. Л. 16. См. также: Пальчиков П.А. Указ. соч. С. 143–144; Александров Кирилл. Указ. соч. С. 399.
- 92 Раманичев Н.М. Указ. соч. С. 310.
- 93 ДМИСЧО 4–2. С. 420.
- 94 ČSR a SSSR 1945–1948. Brno, 1997. S. 25–26.
- 95 Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 3: Освобождение. С. 294.

Резюме

Как это ни парадоксально, но чехословацкие политические деятели в эмиграции, и прежде всего Бенеш, обрадовались нападению Германии на СССР. Они полагали, что втягивание Советского Союза в войну ускорит ее конец, приведет к поражению нацизма и, следовательно, восстановлению Чехословакии. «Я сознательно и всюду добивался того, чтобы война началась. Я с радостью признаюсь в этом, иначе мы свободу не получили бы», — утверждал чехословацкий президент. Однако надежды соседствовали с сомнениями и осторожными оценками возможного хода событий на советско-германском фронте. Радовало Бенеша и то, что британский премьер У. Черчилль, несмотря на свое неприятие коммунизма и советского режима, обещал всяческую поддержку СССР в его схватке с гитлеровской Германией.

Находившийся с апреля 1941 г. с тайной миссией в Москве полковник Г. Пика активизировал до тех пор вялотекущие и малорезультативные переговоры с советскими властями по политическим и военным вопросам. Военная миссия стала фактически официальным представителем чехословацкого эмигрантского правительства в Москве. 24 июня 1941 г. Пика направил письмо советскому правительству, в котором развивал идеи советско-чехословацкого сотрудничества в новых условиях. В частности, СССР предлагалось признать чехословацкое правительство в Лондоне единственным представителем чехословацкого народа и Бенеша руководителем его борьбы против нацизма и фашизма, а также разрешить формирование чехословацкой воинской части на территории Советского Союза. Москва в изменившихся условиях тоже была заинтересована в налаживании советско-чехословацкого сотрудничества, что и фиксировало Соглашение от 18 июля 1941 г. Оно предусматривало немедленный обмен посланниками; взаимопомощь и поддержку всякого рода в войне против гитлеровской Германии; согласие советского правительства на образование на территории СССР чехословацких воинских частей. Заключение соглашения имело большое значение для укрепления международных позиций Чехословакии. Несколько часов спустя после подписания советско-чехословацкого соглашения Англия, до того признававшая чехословацкое правительство как временное, также заявила о его окончательном признании. 19 июля чехословацким посланником в СССР был снова назначен З. Фирлингер, покинувший Москву в декабре 1939 г. По прибытии

в СССР в середине августа 1941 г. он был принят руководством НКВД. Обсуждались вопросы советско-чехословацкого сотрудничества в борьбе с нацистской Германией. Впервые речь зашла о возможности приезда в СССР Бенеша. После эвакуации чехословацкого полпредства вместе с дипломатическим корпусом в Куйбышев переговоры касались главным образом создания в СССР чехословацких воинских частей.

Словакия не объявляла войну Советскому Союзу. Оба государства просто находились в состоянии этой войны. Словакия добровольно и в силу заключенного в 1939 г. договора с Германией направила свою армию на советско-германский фронт. С первых дней войны около 50 тыс. ее солдат и офицеров участвовали в сражениях с Красной Армией, но через несколько месяцев примерно 2/3 из них были отозваны с фронта. Отозваны не потому, что, как писалось раньше, словаки проявили себя как неблагонадежные (случаи перехода на советскую сторону пока были единичными), а потому, что словацкая армия, плохо подготовленная и вооруженная, оказалась мало мобильной и не поспевала за быстро наступавшей немецкой армией. Некоторые словацкие части остались на фронте, другие стали выполнять охранные функции в тылу, участвуя подчас и в карательных акциях. Более или менее массовые переходы словацких военнослужащих на сторону Красной Армии и партизан начались только после перелома в ходе войны.

В то время как словацкая армия участвовала в сражениях на советско-германском фронте, в Советском Союзе шла подготовка к формированию чехословацких воинских частей на его территории. По ряду объективных и субъективных причин их создание затягивалось, несмотря на подписанное 27 сентября 1941 г. советско-чехословацкое военное соглашение. Дело сдвинулось с мертвой точки, когда в конце ноября «Уполномоченным Верховного командования СССР по связи с чехословацкой военной миссией и по реализации советско-чехословацкого военного соглашения» был назначен генерал А.П. Панфилов. Начала действовать смешанная советско-чехословацкая комиссия, которая и обсуждала все конкретные вопросы организации чехословацких воинских частей: о месте формирования (им стал г. Бузулук Чкаловской области), освобождении из мест заключения чехословацких граждан, сосредоточении их в пункте сбора, обмундировании и обучении прибывших людей и пр. Отдельно обсуждались вопросы об оставшейся в СССР к моменту начала войны Суздальской группе интернированных чехословацких легионеров и их переправке в Бузулук (они должны были стать ядром формирующейся воинской части), а также об освобождении из советских лагерей бывших жителей Подкарпатской Руси, оказавшихся там в 1939 г. в связи с нелегальным переходом советской границы. 22 января 1942 г. было подписано соглашение о беспроцентном займе в сумме 5 млн рублей, предоставляемом советским правительством правительству ЧСР в первом полугодии 1942 г. на содержание чехословацких воинских частей на территории СССР.

Организацией отдельного чехословацкого батальона в Бузулуке занимался непосредственно Л. Свобода. Делу мешали неприязненные отношения между Фирлингером и Пикой, а также трения между начальником военной миссии и Л. Свободой, носившие в основном амбициозный характер. К тому же сразу началась борьба за идеологическое овладение батальоном. Если его командование по-прежнему придерживалось принципа аполитичности армии, то коммунисты начали скрытую борьбу за укрепление в части своего влияния. В этом они находили поддержку как со стороны Исполкома Коминтерна, так и помощь, правда негласную, советских офицеров, прикомандированных к батальону. Если Бенеш, Ингр и Пика опасались, и не без основания, усиления в воинской части коммунистического влияния, то советские власти, отказавшиеся допустить въезд в СССР офицеров из Англии, обратного – импорта антикоммунизма. Трещина в отношениях между Пикой и Свободой продолжала углубляться. Об этом свидетельствовало, в частности, письмо Свободы Сталину и советскому командованию с просьбой отправить батальон на фронт, о чем Пика узнал постфактум. Он сомневался в необходимости ускорения отправки батальона на фронт, считал, что чехословацкая воинская часть должна участвовать в войне лишь на ее заключительном этапе, когда начнется непосредственное освобождение Чехословакии. Но в конце концов Пика вынужден был поддержать просьбу Свободы. В феврале 1943 г. батальон прибыл на Воронежский фронт. Здесь у деревни Соколово под Харьковом часть получила боевое крещение, понеся при этом большие потери. Широко распропагандированная отправка батальона на фронт и сражение у Соколово принесли чехословацкому правительству несомненные политические дивиденды. Москва не менее его была заинтересована в том, чтобы бои у Соколово получили положительный общественный резонанс, поскольку батальон являлся первой иностранной воинской частью, сражавшейся в составе Красной Армии на советско-германском фронте. Многие солдаты и офицеры батальона, отличившиеся в этих боях, получили советские и чехословацкие ордена и медали. Л. Свобода как первый иностранный гражданин был награжден орденом Ленина, надпоручик О. Ярош стал первым иностранцем, который посмертно получил звание Героя Советского Союза. Батальон был отведен на отдых и переформирование. В начале апреля 1943 г. на его основе в Новохоперске начала создаваться первая отдельная чехословацкая бригада, командиром которой стал Л. Свобода. Основой ее личного состава являлись подкарпатские русины, освобожденные из советских лагерей. 5–6 ноября бригада приняла участие в боях за Киев, а затем в освобождении всей Правобережной Украины. В конце октября–ноябре 1943 г. под Мелитополем на советскую сторону перешли 2600 солдат и офицеров 101-й пехотной дивизии словацкой армии. Часть их позднее пополнила состав чехословацкой бригады, а часть стала основой формирующейся в СССР 2-й чехословацкой парашютно-десантной бригады.

Другим важным фактором советско-чехословацких отношений в 1941–1943 гг. явилось существование проекта создания после войны чехословацко-польской конфедерации (ЧПК), к которому Москва относилась сначала настороженно, а затем и вовсе отрицательно. Мысль о конфедеративном (федеративном) объединении Польши и Чехословакии исходила от польского эмигрантского правительства и всячески поддерживалась англичанами. Конфедеративное устройство территорий, непосредственно прилегавших к СССР, представлялось Лондону определенным шагом для укрепления английского влияния в восточноевропейском регионе и продолжением политики «санитарного кордона» в отношении Советского Союза. Бенеш и чехословацкое правительство согласились с проектом, усматривая в нем, прежде всего, преграду против возможной германской агрессии в будущем. При этом Бенеш полагал невозможным создание ЧПК без положительного отношения к ней Советского Союза, что поляки не считали обязательным. Летом 1940 г. начались переговоры, касавшиеся конкретных вопросов объединения восстановленных после войны Чехословакии и Польши в политической, экономической, культурной и т. д. областях. Свою точку зрения в вопросе о ЧПК Бенеш довел до сведения Москвы сразу после восстановления советско-чехословацких дипломатических отношений. Желая улучшения советско-польских отношений, Бенеш в то же время решил не вмешиваться в спор о советско-польских границах. Кроме того, по-разному чехословацкая и польская стороны смотрели на вопрос о Тешинской области и о так называемой Яворине (на севере Словакии), отторгнутых от Чехословакии и перешедших к Польше после Мюнхена. Поляки бескомпромиссно настаивали на сохранении польских границ, существовавших на 1 сентября 1939 г., а Бенеш на предмюнхенских границах Чехословакии. Все это накладывало негативный отпечаток на ход переговоров о ЧПК и тормозило их. К лету 1942 г. вопрос о конфедерации повис в воздухе, хотя ни чехословацкая, ни польская сторона не собирались от нее отказываться. Москва пока придерживалась свое мнение, не говоря ни да, ни нет. К тому времени уже обкатывался вопрос о поездке Бенеша в СССР для согласования дальнейшей политической линии, обсуждения положения в Центральной Европе, а также внутренней и внешней политики будущей ЧСР. Советское руководство по мере ухудшения советско-польских отношений все более склонялось к отрицательному взгляду на проект ЧПК, оказывая в этом направлении давление на чехословацкое правительство. В чехословацко-польско-советском треугольнике нарастал кризис, который закончился разрывом советско-польских дипломатических отношений. В этих условиях, не желая отказываться от проекта конфедерации, Бенеш выдвинул идею чехословацко-польского союзного договора (альянса) как первого шага на пути к ней. Появилась

также мысль о трипартитном чехословацко-польско-советском договоре, но Советский Союз отверг оба предложения. Тогда-то возникла и зажила самостоятельно идея чехословацко-советского союзного договора, открытого для присоединения к нему третьей страны (Польши). Советский Союз выразил с этим согласие. Но против немедленного подписания договора выступили англичане, считавшие, что он может быть заключен только после войны. Однако их сопротивление было сломлено: Лондон дал добро на подписание договора.

11 декабря 1943 г. Бенеш прибыл в Москву, где ему была оказана пышная встреча. 12 декабря был подписан советско-чехословацкий Договор о взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, имеющий антигерманскую направленность. Стороны обязывались: оказывать друг другу военную и другую помощь в войне против Германии и связанных с ней государств; без взаимного согласия не вступать в переговоры, не заключать перемирия или мирного договора с Германией и ее союзниками; в случае возобновления после войны Германией политики «Дранг нах Остен» оказывать друг другу военную и другую помощь; осуществлять тесное и дружественное сотрудничество после восстановления мира, действуя в соответствии с принципами взаимного уважения к независимости и невмешательства во внутренние дела другого государства; развивать экономические отношения и оказывать друг другу экономическую помощь после войны; «не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции», направленной против одной из сторон. В Протоколе к Договору говорилось о возможности его превращения в трипартитный. Во время пребывания в Москве Бенеш несколько раз встречался со Сталиным, обсуждая с ним перспективы советско-чехословацких отношений и другие международно-политические вопросы, в том числе и польский. Во время двух встреч с Молотовым рассматривались как конкретные вопросы сотрудничества обеих стран, так и принципы взаимоотношений с другими европейскими странами. Бенеш подчеркнул, что Прага должна проводить «ту же политику, что и Москва» и заявил, что Чехословакия хочет иметь дюнхенские границы, чего ни англичане, ни американцы ей пока не гарантируют. Президент выразил удовлетворение советской точкой зрения относительно «исправления всех последствий Мюнхенского соглашения в отношении Чехословакии». Бенеш говорил о выселении немцев и венгров после войны за пределы Чехословакии, но реакции Молотова не последовало. Речь шла также о репарациях, военном и экономическом сотрудничестве после войны, о наказании военных преступников.

Бенеш посетил Всеславянский комитет, где выступил с речью, в которой подчеркнул значение советско-чехословацкого договора для всех славянских народов. Неоднократно он встречался с представителями

Загранбюро КПЧ в Москве. Готвальд в целом был доволен ходом переговоров. Согласившись по многим позициям с коммунистами, президент заявил, что «концепция коммунистов произвела на него впечатление наиболее продуманной и ясной» по сравнению с представлениями других партий и политических группировок о будущем страны. Предложения коммунистов на переговорах с Бенешем явились первым шагом на пути оформления их концепции послевоенного устройства Чехословакии. Согласованная во многом с президентом ЧСР политическая платформа по сути содержала все основные принципы программы первого послевоенного правительства страны. Контуры этой программы вполне вписывались в декларации советского руководства о его политике в отношении стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе и Чехословакии, после войны. Суммируя свои впечатления от пребывания в Москве и подписания договора, Бенеш говорил: «Для меня лично – это один из прекраснейших моментов моей политической деятельности и моей политической жизни».

Для Бенеша заключение договора с СССР означало, помимо прочего, гарантию от повторения Мюнхена. Кроме того, он полагал, что закрепленный в договоре принцип невмешательства во внутренние дела друг друга снимет реально обозначившуюся в условиях быстрого приближения Красной Армии к довоенным западным границам СССР угрозу «советизации» и «большевизации» возрожденной ЧСР. Бенешу, в целом достаточно трезво мыслящему политику, был в то же время свойствен определенный налет романтизма и идеализации, вера в перспективу демократизации общественного строя СССР после войны в результате развития контактов и сотрудничества между Востоком и Западом. Советский Союз, заключив договор с Чехословакией, сделал первую серьезную заявку на укрепление своих позиций в центральноевропейском регионе. Советское руководство считало договор важным политическим событием, документально подтверждавшим намерения Москвы не вмешиваться после войны во внутренние дела малых европейских стран и опровергавшим утверждение гитлеровской пропаганды о стремлении СССР «большевизировать» Европу и установить в ней свое господство. Мировая, и особенно английская, общественность с вниманием и интересом следила за визитом Бенеша в Москву, осознавая важность его результатов для послевоенного развития, прежде всего в Европе. Мнения были разные, как и оценки договора: их спектр колебался от безусловно одобрительных до резко критических. Черчилль, по словам Бенеша, «высоко оценивал значение чехословацко-русского договора».

Весной 1944 г. Красная Армия стремительно приближалась к довоенным границам Чехословакии. В советско-чехословацких отношениях наступал новый этап – этап претворения в жизнь достигнутых договоренностей. И здесь Бенеша ждали не только радости дружбы с Москвой, но

и первые разочарования. СССР, в силу военных успехов Красной Армии претендовавший на укрепление своих позиций в Центральной и Юго-Восточной Европе, не делал из этого особого секрета, хотя публичных заявлений не допускал. Запад, понимая неизбежность в сложившихся условиях такого поворота событий, вынужденно соглашался с указанной перспективой, хотя и не собирался пассивно наблюдать за происходившим. В планах Москвы, касавшихся укрепления ее влияния в восстановленной Чехословакии, немалая роль отводилась созданным в СССР чехословацким воинским частям, которые сражались вместе с Красной Армией на советско-германском фронте. В них стремились упрочить свое влияние коммунисты, но и лондонцы не собирались сидеть, сложа руки. Советские власти всячески отличали и поощряли участвовавшую в боях чехословацкую бригаду. В марте 1944 г. она получила приказ переместиться на Волынь, к городу Ровно для переформирования. Здесь был начат набор в чехословацкую часть волыньских чехов. Большая часть мобилизованных или добровольцев из них влилась в состав бригады, но некоторая часть была направлена на формирование 2-й отдельной чехословацкой воздушно-десантной бригады. Создавались и другие воинские части. Начался процесс их преобразования в 1-й Чехословацкий армейский корпус (ЧАК), в котором все возрастало влияние коммунистов. Первой из трех бригад по-прежнему командовал Л. Свобода, всеми чехословацкими частями — прибывший из Англии Я. Крадохвил. Договоренность о их совместном с Красной Армией участии в освобождении Чехословакии была достигнута.

Бенеша особенно волновал вопрос о том, как будут взаимодействовать на освобожденной территории советские военные и чехословацкие государственные органы. 8 мая было подписано Соглашение об отношениях между советским Главнокомандующим и Чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии, текст которого подготовила чехословацкая сторона. В ходе реализации Соглашения между подписантами выявились различия в толковании отдельных его пунктов. Часть статей оказалась трудновыполнимой из-за расплывчатости и неточности формулировок, позволявших сторонам толковать их в собственных интересах, а также в силу возникновения непредвиденных обстоятельствами.

Между тем начались переговоры о помощи готовившемуся в Словакии восстанию. На Западе отнеслись к информации о его подготовке сдержанно и скорее отрицательно, чем положительно, что объяснялось как военной, так и политической стороной дела: отсутствием данных о возможных повстанческих силах, трудностями и дальностью переброски по воздуху просимого вооружения и людей; очевидностью освобождения Чехословакии с Востока и, следовательно, включения ее в сферу советских интересов и влияния. Москва еще в конце 1943 г. обеща-

ла такую помощь. Велись переговоры о методах и формах ее оказания. Бенеш, который на словах соглашался с необходимостью развития партизанского движения на всей территории расчлененной Чехословакии, тем не менее и далее в своих планах освобождения страны делал ставку на восстание (переворот) при опоре на вооруженные силы. Москва отдавала предпочтение развитию партизанского движения с помощью заброшенных из СССР организаторских групп и при укреплении влияния в нем коммунистов. Особую заинтересованность в развитии партизанского движения на территории бывшей Чехословакии проявляли не только советские власти, но и Заграничное бюро КПЧ в Москве. В мае 1944 г. с согласия советских органов оно договорилось с руководством ЦК КП(б) Украины о помощи в развитии партизанского движения сначала в Подкарпатской Руси и Словакии. 17 июня 1944 г. ЦК КП(б)У принял об этом соответствующее решение. Постановление обязывало Украинский штаб партизанского движения (УШПД) во главе с генерал-лейтенантом Т.А. Строкачем сформировать и направить на территорию Карпатской Украины и Словакии украинские организаторские партизанские группы с целью установления связи с местным населением и создания партизанских отрядов. На территорию Чехословакии до середины августа 1944 г. было заброшено 12 партизанских организаторских групп во главе с опытными советскими и чехословацкими партизанскими командирами. Таким образом, как бы параллельно и независимо друг от друга шли, с одной стороны, развитие партизанского движения, подчинявшегося УШПД, а с другой, подготовка вооруженного восстания силами словацкой армии, взаимодействующей, как предполагалось, с Красной Армией и партизанами. При этом особые надежды возлагались на две словацкие дивизии, дислоцированные на Востоке Словакии. Советские войска в тот момент вовсе не собирались форсировать Карпатский хребет прямым ударом, поскольку это привело бы к очень большим потерям. Договориться о каких-либо конкретных сроках выступления словацких дивизий ни по объективным, ни по субъективным причинам еще в августе было просто нереально: прямая связь с ними отсутствовала, состояние их боеготовности внушало опасения. Итак, до августа 1944 г. советское руководство, сохраняя в поле зрения ситуацию в Словакии и накапливая сведения о ней, не придавало этому вопросу первостепенного значения, хотя некоторый материал для размышлений и имело.

Словацкое национальное восстание (СНВ), продолжавшееся с конца августа до конца октября 1944 г., вспыхнуло в связи с началом оккупации Словакии немцами. Москва, оценивая эти события через призму своих долговременных (национально-государственных и в то время классовых) и моментальных интересов в регионе Центральной Европы, осознала политическое и военное значение восстания и приняла решение об оказании ему

помощи. Советским руководством была оценена как возможность влияния СНВ на последующее, благоприятное для СССР, развитие событий в возрожденной Чехословакии, так и его роль в приближении краха нацистской Германии и выведения из строя ее сателлитов. Уяснив важную роль коммунистов в причастности к подготовке и руководству восстанием, Москва не сомневалась в необходимости оказания ему и материальной, и политической, и моральной поддержки. Объективный ответ на вопрос об отношении СССР к СНВ подразумевает рассмотрение проблемы в широком международном контексте того времени, учет взаимоотношений стран антигитлеровской коалиции, прежде всего СССР и Англии, а также отношений Москвы с чехословацким эмигрантским правительством. Следует исследовать проблему также в контексте советской политической стратегии в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в конце войны и происходивших в регионе событий. Нельзя забывать и о том, что внутренние ресурсы оказания помощи со стороны Советского Союза, ведшего три года тяжелейшую изнурительную войну и напугавшего все силы для доведения ее до победного конца, были небезграничны. Если говорить о внутренних условиях существования СССР, то не следует забывать о том, что все решения здесь принимались, в конечном счете, на самом верху и лично Сталиным.

Сложный путь получения информации из Словакии через Лондон уже сам по себе был источником многих недоразумений. Положение серьезно изменилось в начале августа 1944 г. после прибытия в СССР двух самолетов из Словакии, с которыми прилетели представители подполковника Я. Голиана, возглавлявшего в словацких армейских кругах подготовку восстания, и словацкого военного министра генерала Ф. Чатлоша, а также Словацкого национального совета (СНС) коммуниста К. Шмидке и подполковника М. Ферьенчика. В распоряжении советских властей оказалось много важных в военном и политическом отношении документов, которые дополнялись устными сообщениями прибывших. Общая картина положения дел с подготовкой восстания в Словакии стала более ясной. Полученные в Москве материалы, в том числе из УШПД и от партизанских командиров, свидетельствовали о широком распространении в Словакии прорусских настроений и намерении сопротивляться возможной оккупации. План Чатлоша, предлагавшего использовать словацкую армию для вооруженного выступления против словацкого прогитлеровского режима, не был принят по политическим соображениям: чехословацкое правительство категорически отвергло возможность сотрудничества со словацким «квислингом».

При оценке действий советского руководства надо учитывать, что это было время Варшавского восстания, имевшего не только антинацистскую, но и антисоветскую (по замыслам его руководителей) направленность и повлекшего за собой усиление напряженности внутри антигитлеровской коа-

лиции. В этой ситуации советское руководство ни в коем случае не хотело допустить осложнения отношений с Бенешем какими-либо опрощивыми шагами или решениями. Следует учитывать, что в то же время, не афишируя этого, Москва стремилась содействовать усилению влияния коммунистов в освобождаемой стране. Наконец, следует учитывать, что помощь словацким повстанцам требовала кардинального изменения плана военных операций Красной Армии. Ясно, что принять решение в «словацком вопросе» было не так-то просто. В этом контексте понятна и относительная медлительность советских политических и военных органов в принятии конкретных решений о координации действий Красной Армии с частями словацкой армии.

После начала восстания по приказу Сталина были изменены советские военные планы и разработана Карпато-Дуклинская операция с целью прорыва через Карпаты для оказания помощи повстанцам. По многим причинам объективного и субъективного порядка она проходила очень трудно и с большими потерями как для Красной Армии, так и участвовавших в ней чехословацких частей. Тем не менее операция имела большое военное и морально-политическое значение с точки зрения помощи повстанцам. По возможности, хотя и не в полной мере, удовлетворялись и их просьбы о поставках оружия. Советский Союз практически был единственной страной, оказывавшей в меру своих возможностей помощь СНВ. Англия предпочла «оставить инициативу» в этом плане за СССР, считая, что Словакия находится в зоне военных действий Красной Армии.

Свободная повстанческая территория под напором оккупационных немецких сил в конце октября перестала существовать. Часть повстанцев попала в плен, часть скрылась в деревнях и разошлась по домам, часть ушла в горы, чтобы продолжить борьбу партизанскими методами. В словацких горах началась партизанская война, которая продолжалась до соединения отрядов с наступающими частями Красной Армии.

С ее приближением к довоенным границам СССР переходил из теоретической в практическую плоскость важный для Москвы вопрос «об объединении всех украинцев». За развитие партизанского движения на территории Подкарпатской Руси (ПР), население которой в СССР считалось украинским, отвечал УШПД. Движение находилось под советским контролем и управлением, чехословацкое правительство не имело на него, как и в Словакии, никакого влияния. Бенеш, который не прочь был передать ПР Советскому Союзу, в то же время являлся непреклонным сторонником решения вопроса об этом только в послевоенное время и на законных основаниях. На освобожденной территории ПР в соответствии с советско-чехословацким соглашением от 8 мая 1944 г. должна была действовать чехословацкая правительственная делегация во главе с Ф. Немцем, которая прибыла туда в конце октября. С самого начала в ее взаимоотношениях с советскими военными властями стали возни-

кать конфликтные ситуации, связанные как с желанием удержать освобожденную территорию под советским контролем, так и с расплывчатостью формулировок указанного соглашения, позволявшей толковать его в соответствии с интересами сторон. Конфликт разрастался и привел к усилению напряженности в советско-чехословацких отношениях.

Советские военные власти брали на себя, по сути, все функции, связанные с организацией жизни на освобожденной территории ПР, независимо от того, в чьем формальном управлении находилась та или иная ее часть. Среди гражданских лиц главной их опорой были коммунисты. 19 ноября в г. Мукачево состоялась первая конференция компартии Закарпатской Украины (КПЗУ), которая приняла резолюцию «О воссоединении Закарпатской Украины с Советской Украиной». Секретарем ЦК КПЗУ стал И.И. Турияница, поддерживавший тесные контакты с советскими военными властями. В руководство партии входили как прибывшие из СССР, так и местные коммунисты. Они и стали инициаторами и организаторами якобы стихийного движения за присоединение ПР к Советскому Союзу, Советской Украине. Одновременно развернулась античешская, античехословацкая кампания. 26 ноября 1944 г. в Мукачево состоялся съезд Народных комитетов Закарпатской Украины, делегаты которого были единодушны в своем желании видеть ее в составе СССР. Съезд избрал Народную Раду Закарпатской Украины (НРЗУ), из 17 членов которой 10 являлись коммунистами. Председателем Рады стал тот же Турияница.

Между тем продолжалась «блокада» чехословацкой правительственной делегации, и Немец, по его словам, несмотря на все усилия, не мог получить никаких сведений ни о позиции своего правительства, ни о позиции советских органов. Советское командование предъявляло делегату все новые претензии, касавшиеся действительного или мнимого нарушения советско-чехословацкого соглашения. Конфликт между командованием 4-го Украинского фронта и НРЗУ, с одной стороны, и правительственным делегатом, с другой, казался Немцу неразрешимым. Он просил отозвать его в Москву для выяснения ситуации, поскольку после создания НРЗУ делегация практически была лишена возможности продолжать свою деятельность на территории ПР. Хрущев, как глава Советской Украины, был особенно заинтересован в присоединении к ней Закарпатья. Но автором и постановщиком разыгрывавшейся на территории Закарпатья пьесы, по всей вероятности, был сам Сталин. Ее суть, как в Западной Украине и Западной Белоруссии осенью 1939 г., так и в Прибалтике летом 1940 г., состояла в организации «стихийного» народного движения, на волне которого устанавливалась угодная Москве власть.

В середине декабря Немец прибыл в Москву, чтобы обсудить с советским руководством создавшуюся ситуацию. Раздосадованный происходившим Бенеш полагал, что конфликту с Советским Союзом должен быть по-

ложен конец, но не за счет отказа от принципа восстановления Чехословакии в ее домюнхенских границах и окончательного решения вопроса о Закарпатье после войны и на законных основаниях. После встреч с Вышинским и Молотовым была достигнута принципиальная договоренность, что вопрос о государственно-правовой принадлежности Подкарпатской Руси пока откладывается. В январе 1945 г. резиденция правительственного делегата была перенесена в г. Кошице, на освобожденную территорию Словакии. В Ужгороде с согласия НРЗУ в качестве представителя чехословацкой администрации был оставлен член Государственного совета в Лондоне коммунист И. Петрущак вместе с небольшим аппаратом гражданских и военных чиновников. 23 января 1945 г. Сталин направил письмо Бенешу, в котором сформулировал советскую позицию в отношении ЗУ Вопрос о Закарпатской Украине, поставленный самим населением, полагал Сталин, должен быть решен лишь по соглашению между Чехословакией и Советским Союзом либо до окончания, либо после окончания войны с Германией, «когда это найдут целесообразным оба правительства». В ответном послании Сталину Бенеш выразил желание, чтобы вопрос был решен по согласованию между Чехословакией и Советским Союзом «по окончании войны с Германией, т. е. как только будет обеспечено восстановление наших домюнхенских границ с Германией и Польшей».

Приняв советское предложение перенести деятельность чехословацкого правительства на освобожденную территорию страны, Бенеш решил ехать через Москву, чтобы урегулировать там все спорные вопросы и договориться о дальнейшем сотрудничестве. Между тем, во взаимоотношениях с СССР возникли новые трения, связанные с настойчивым требованием Москвы немедленно признать созданное ее усилиями Временное польское правительство (ВПП), не выдвигая при этом никаких предварительных условий. Бенеш всячески оттягивал принятие подобного решения, добиваясь от нового польского правительства заявления о признании домюнхенских границ Чехословакии и возврате ей Тешинской области. В конце концов под натиском Москвы президент вынужден был сдаться и признать ВПП. В то же время советское руководство пыталось помочь Чехословакии положительно решить вопрос, касавшийся ее претензий к Венгрии.

Москва готовилась к приезду Бенеша. Загранбюро КПЧ разработало одобренную Г. Димитровым политическую платформу нового чехословацкого правительства как основу для переговоров с президентом. По проекту платформы представил свои соображения и назначенный послом в ЧСР В.А. Зорин. Особой критике он подверг раздел о внешней политике ЧСР. 19 марта Бенеш прибыл в Москву и пробыл здесь две недели. Они были наполнены обсуждением вопросов о составе нового чехословацкого правительства и его программы, а также переговорами в Кремле и встречами с советскими общественными деятелями. Во время первой беседы с Молотовым была затронута масса вопросов, касавшихся советско-чехословацких и

международных отношений, в том числе восстановления ЧСР в домюнхенских границах, трансфера немецкого и венгерского населения, Карпатской Украины, военных трофеев, реорганизации чехословацкой армии и др. По инициативе Молотова после его беседы со Сталиным и другими советскими руководителями состоялась вторая встреча (24 марта) советского наркома и Бенеша, где первый под предлогом, что это необходимо Президиуму Верховного Совета СССР для уяснения ситуации с Подкарпатьем, потребовал у президента письменно подтвердить его согласие на присоединение ЗУ к СССР (УССР). Бенеш вынужден был составить и подписать такое письменное обязательство, которое носило секретный характер.

На основании материалов, подготовленных коммунистами, в Москве были обсуждены вопросы формирования нового чехословацкого правительства, его структуры и программы. Во Всеславянском комитете разговор шел преимущественно о проблемах славянского движения, руководящим центром которого, согласно Бенешу, должна быть Москва. Сталин дал обед в честь президента ЧСР, на котором попросил извинить бойцов Красной Армии за возможные с их стороны проступки на освобожденной территории Чехословакии, а также говорил о «новых славянофилах», которые стоят за «союз независимых славянских государств». Во время пребывания Бенеша в Москве советским руководством был решен по существу отрицательно и вопрос о немедленном переезде на освобожденную территорию ЧСР западного дипломатического корпуса, аккредитованного при чехословацком правительстве в Лондоне.

31 марта Бенеш, сформированное в Москве правительство и советский посол Зорин выехали на освобожденную территорию Словакии в г. Кошице. Здесь 4 апреля было объявлено о составе нового чехословацкого правительства и принята его программа, получившая наименование Кошицкая. Представляется, что в первый месяц своей деятельности президент и правительство оказались в определенной изоляции от внешнего мира. Регулярные контакты через Зорина они имели лишь с Москвой. Против налаживания прямой радиосвязи президента и правительства с Лондоном возражали советские военные власти. Западные дипломаты в Кошице допущены не были. Внутри Словакии всеми делами ведал Словацкий национальный совет. 2 апреля за подписью Сталина было принято Постановление ГКО об организации охраны президента Э. Бенеша и правительства Чехословакии, а также чехословацко-польской границы силами НКВД СССР.

В конце апреля — начале мая 1945 г. Красная Армия вела тяжелые бои за освобождение Чехии и Моравии. Упорное сопротивление ей оказывала крупная немецкая группировка армий «Центр». На территорию западной Чехии вступили американские войска. Между советским и американским командованием была достигнута договоренность о разграничительной линии между наступавшими навстречу друг другу войсками,

которая проходила примерно в 35-40 км к западу от Праги. У Черчилль, усматривавший в этом большое политическое значение, настаивал, чтобы американцы первыми вступили в Прагу. Однако уговорить политическое и военное руководство США сделать это ему не удалось. Американцы, полагая, что после войны Чехословакия окажется в сфере советского влияния, не желали напрасно жертвовать жизнями своих солдат.

5 мая в Праге началось восстание, руководство которым пытались взять на себя Чешский национальный совет (ЧНС), представленный в основном левыми политическими силами, в том числе и коммунистами, и подпольные группировки военнослужащих бывшей чехословацкой армии. Ни с Кошицким правительством, ни с Красной Армией повстанческое руководство связи не имело, но поддерживало ее с Лондоном. Радиостанция Праги, захваченная восставшими, взывала о помощи. Немцы, опомнившись от первого шока, начали наступление на город, отдельные части которого переходили из рук в руки. В этот критический для восстания момент в Прагу вошли власовцы, которые освободили значительную часть города от немцев. Сражавшиеся под лозунгами «против Гитлера» и «против большевиков», они рассчитывали своей помощью повстанцам реабилитироваться в глазах западных союзников, но оставили Прагу, получив известие о приближении к ней Красной Армии и надеясь сдать ее в плен американцам, которые отказались иметь с ними дело. Восстание в Праге продолжалось. 7 мая в г. Реймсе, где была ставка Эйзенхауэра, был подписан протокол о безоговорочной капитуляции Германии на всех фронтах, включая Восточный. Согласно ему, состояние войны должно было прекратиться в 23 часа 01 минута 8 мая (по московскому времени — в 0 часов 01 минута 9 мая). У нацистов, таким образом, оставалось еще около двух суток, чтобы осуществить сдачу армий группы «Центр» американцам. Немцы стали с боями пробиваться через Прагу на запад, чтобы сдать ее им в плен.

Верховное главнокомандование Красной Армии разработало план Пражской операции еще в начале мая 1945 г. По приказу Сталина ее начало было ускорено, и 9 мая утром танковые армии 1-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов вступили в Прагу, окончательно и полностью освободив ее от немцев. Продвигаясь на запад, части Красной Армии в течение нескольких дней завершили разгром немецкой группировки на территории Чехословакии. 11 мая в освобожденную Прагу прибыло чехословацкое правительство. Советские военные органы через посольство сообщили ему об их недоверии к ЧНС. Речь шла о контактах Совета с власовцами и с немцами. В июне ЧНС прекратил существование. Пражская операция Красной Армии, в которой участвовали чехословацкие, румынские и польские войска, была последней крупной операцией Второй мировой войны в Европе.

Избранные документы

№ 1

*Соглашение между правительством
Союза Советских Социалистических Республик
и правительством Чехословацкой Республики*

Лондон

18 июля 1941 г.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик и правительство Чехословацкой Республики договорились заключить настоящее соглашение о нижеследующем:

1. Оба правительства согласились немедленно обменяться посланниками.

2. Оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии.

3. Правительство Союза Советских Социалистических Республик изъявляет свое согласие на образование на территории Союза Советских Социалистических Республик чехословацких воинских частей во главе с командованием, назначаемым чехословацким правительством по согласованию с Советским правительством. В оперативном отношении чехословацкие воинские части на территории Союза Советских Социалистических республик подчиняются Верховному командованию Союза Советских Социалистических республик.

4. Настоящее соглашение вступает в силу немедленно по нашей подписи и ратификации не подлежит.

5. Настоящее соглашение заключено в 2-х экземплярах, каждый на русском и чешском языках. Оба текста имеют одинаковую силу.

Чрезвычайный и полномочный посол
Союза Советских Социалистических
Республик в Великобритании
Я. Масарик

Министр иностранных дел
Чехословацкой Республики
И. Майский

*Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4.
Книга первая. Март 1939г. — декабрь 1943 г. М., 1981. С. 129 (далее: ДМИСЧО 4-1)*

№ 2

Из инструкции Э. Бенеша и С. Ингра Г. Пике о переговорах относительно создания чехословацкой воинской части в СССР

Лондон

19 июля 1941 г.

Можете начать с советским главным штабом переговоры об организации и положении чехословацкой воинской части.

Речь идет о выяснении советской точки зрения как основы для продолжения переговоров. Ведите переговоры в соответствии со следующими принципами:

1) Чехословацкая воинская часть в СССР является составной частью единой, самостоятельной чехословацкой армии за границей. Чехословацкой частью и ее подразделениями будут командовать чехословацкие командиры, части будут иметь чехословацкие знамена, чехословацкие знаки различия, чехословацкие должностные характеристики и будут руководствоваться чехословацкой юрисдикцией, как в плане дисциплинарном, так и управленческом. Организация, снаряжение и вооружение, обучение и тактика будут соответствовать условиям армии в СССР. Тактически, оперативно и в плане всякого рода обеспечения чехословацкая часть будет полностью подчинена верховному или же соответствующему высшему советскому командованию. Во всем остальном командир чехословацкой части подчиняется чехословацкому правительству или же МНО и президенту республики как верховному главнокомандующему. Связь командира чехословацкой части с указанными деятелями осуществляется через военную миссию в СССР.

2) Чехословацкая военная миссия в СССР будет подчинена МНО. Она ведет все военные переговоры технического порядка с советскими центральными учреждениями. При [решении] военных вопросов она сотрудничает также с чехословацким полпредом в СССР. Через нее поддерживается и осуществляется связь чехословацкой воинской части с МНО и другими чехословацкими органами. Она руководит разведывательной деятельностью в стране и связью с ней. По соображениям географического порядка нужно будет придать чехословацкой военной миссии значительный автономный статус.

3) Чехословацкое полпредство в СССР, что касается военных вопросов, осуществляет лишь принципиальные военно-политические переговоры с советским правительством, сотрудничая с начальником чехословацкой военной миссии (например: основное военное советско-чехословацкое соглашение об организации и положении чехословацкой воинской части в СССР). Оно никак не вмешивается в остальные и особенно внутренние военные вопросы.

4) При чехословацкой воинской части создается советская военная миссия, которая советует и оказывает помощь в организации и обучении,

а также в осуществлении всего материального обеспечения. Через нее осуществляется связь чехословацкой воинской части с советским военным командованием, в сфере деятельности которого чехословацкая воинская часть как целое находится.

5) Расходы по формированию и содержанию чехословацкой воинской части, личные и материальные расходы возмещает советское правительство из кредита, предоставленного правительству ЧСР. Система довольствия офицеров и солдат — в соответствии с нормами армии СССР.

6) Что касается пополнения личного состава, следует выяснить, можно ли в СССР рассчитывать на набор из следующих источников:

- а) чехословаки, проживающие в СССР,
- б) волынские чехи, если они были эвакуированы,
- в) военнопленные словацкого и подкарпаторусинского происхождения,
- г) добровольцы чехословацкого происхождения, которые окажутся на территории СССР.

С точки зрения окончательной возможности решающим является число лиц, на которое можно было бы рассчитывать, поэтому сообщите как можно скорее, какое количество людей указанных категорий могло бы быть принято в расчет.

7) Что касается набора, следует подумать, проводить ли его на основе чехословацкого закона о всеобщей военной обязанности или же на основе добровольности. Учитывая разнородность контингента и различия в гражданстве, целесообразнее будет система добровольности, причем можно было бы сохранить внешнюю форму законной воинской обязанности для лиц чехословацкого гражданства, но и здесь на практике действовать на основании добровольности. Что касается советских и иных граждан, по-другому это и нельзя сделать, а при наборе военнопленных принцип добровольности единственно возможен.

8) Нельзя допустить создание особых словацких, немецких и пр. частей.

9) При вероятной нехватке офицеров в чехословацкой воинской части обсудите с советскими органами вопрос о том, может ли быть переправлено в СССР необходимое число офицеров, находящихся в избытке в Англии и на Среднем Востоке.

10) Так мы себе представляем это в общих чертах. Так это выглядит здесь и на Среднем Востоке. Мы заинтересованы, чтобы так же было и в СССР. Выясните, какие возможны отличия в советских взглядах. Скажите, что по договоренности с нами будет достигнуто единство...

Д-р Эдвард Бенеш, ген. Сергей Ингр

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl I. Březen 1939–červen 1943. Praha, 1998. S. 214–216. (Далее: ČSVDJ. D. 1.)

Перевод с чешского автора

№ 3

*Из письма Э. Бенеша И.В. Сталину в связи с восстановлением
советско-чехословацких дипломатических отношений*

Лондон

6 августа 1941 г.

Господин председатель,
возвращение нашего полпреда З. Фирлингера в Москву дает мне возможность направить Вам это мое письмо.

Я хотел бы, прежде всего, выразить наше всеобщее восхищение здесь, на Западе, и всего чехословацкого народа колоссальными усилиями и огромными успехами борьбы Советского Союза против гитлеровского фашизма. Весь наш народ следит за Вашей борьбой с горячими пожеланиями успехов Вашим вооруженным силам и с чувством искренней симпатии и дружбы ко всему народу Вашей великой страны. Это чувства искренней и традиционной дружбы, которые никогда не исчезали и никогда не исчезнут...

Я позволю себе повторить и Вам, что я одновременно пишу господину министру иностранных дел В. Молотову о наших теперешних и будущих отношениях с Советским Союзом:

«Я бы хотел, господин министр, особенно подчеркнуть, что с 1935 г. я ни в чем и никогда, несмотря на все то, что произошло в мире, не изменил своей политической линии по отношению к Советскому Союзу, проводимой в 1935 г., что я ожидал, что Советский Союз в какой-либо форме, но будет участвовать в этой новой войне и что я таким образом последовательно и систематически готовился к минуте, когда обе наши страны смогут опять возобновить политику, которую я считаю для них естественной, очевидной, необходимой в их интересах сегодня и в будущем и отвечающей, прежде всего, всем чувствам и потребностям обоих наших государств.

Исходя из этого, я хочу и в дальнейшем осуществлять наши связи и сотрудничество. Тем самым я выражаю желание огромного большинства народа нашего государства. И в дальнейшем я намерен придерживаться этой линии во время сегодняшнего военного сотрудничества и особенно во время всей подготовки будущего мира и после его достижения. Поскольку я верю, что и после завоевания победы интересы наших стран скрещиваться не будут, и в организации будущей Европы основы наших взаимоотношений, заложенные в 1935 г. и восстановленные 18 июля 1941 г., могут быть одним из важнейших факторов сохранения мира в Восточной и Центральной Европе» *.

Я знаю, что эти наши политические директивы встретят в Москве понимание. И я хочу лишь, чтобы мы эту войну окончили победоносно как можно скорее и все, наконец, могли действительно начать успешное общее

конструктивное созидание новой лучшей Европы и нового лучшего послевоенного социально-экономического строя...

остаюсь искренне Ваш
д-р Э[двард] Б[енеш]

* Перевод этой части текста на русский язык, содержащейся в письме Бенеша Молотову, по форме (не по содержанию) несколько отличается от перевода, сделанного автором.

ČSVDJ. D. I. S. 218–219

Перевод с чешского автора

№ 4

*Из депеши Э. Бенеша своим сторонникам на родину
о советско-чехословацких отношениях*

Лондон

14 августа 1941 г.

... Военные события в России надо и в дальнейшем оценивать в целом оптимистически, хотя русская армия на некоторых участках фронта, в особенности на Украине, должна была немного отступить и понесла тяжелые потери. Однако факт остается фактом, что армия не потерпела поражения, что фронт держится... Сталин и правительство тверды, внутренних затруднений и разногласий нет. Все это дает время на подготовку Америки и Англии и тем самым обеспечивает победу.

Можно уже сегодня сказать, что если война будет выиграна, — а она будет выиграна, — то решающую роль в этом действительно сыграло вторжение в Россию... Советская Россия проводит очень разумную политику и в отношении Англии и Америки действует очень тактично. Везде подчеркивает, что во внутренние дела центральноевропейских государств вмешиваться не будет, всюду прекратила коммунистическую пропаганду, всю свою политику строит на принципе, что все должны действовать совместно в борьбе против Гитлера и фашизма; это значительно уменьшило здесь и в Америке страх перед распространением коммунизма после войны...

Для России в целом ясно, что у нас будет вновь Судетская область, Словакия и Подкарпатская Русь. Англичане сегодня тоже это уже понимают, но колеблются сказать это ясно уже сейчас, так как хотят нас постоянно за что-то придерживать вплоть до самого момента падения Германии, чтобы иметь влияние на будущую организацию Центральной Европы и на устройство наших внутренних дел. Это вопрос очень серьезный, и мы не должны его недооценивать... Таким образом, я начинаю готовиться к битве за границы и за всю нашу территорию и затем подготавливаю планы нашего внутреннего устройства...

ДМИСЧО 4–1. С. 153–154

№ 5

*Из Военного соглашения между Верховным командованием СССР
и Верховным командованием Чехословакии*

Москва

27 сентября 1941 г.

1. Настоящее военное соглашение составлено в соответствии с политическим договором от 18 июля 1941 г.

2. Чехословацкие воинские части будут формироваться на территории СССР, причем

а) они будут составлять часть вооруженных сил суверенной Чехословацкой Республики и предназначаются для совместной с войсками СССР и иных союзных держав борьбы против Германии;

б) военнослужащие этих частей будут присягать на верность Чехословацкой Республике;

в) по окончании войны чехословацкие воинские части вернутся в Чехословакию;

г) во время совместных военных действий чехословацкие воинские части будут подчинены в оперативном отношении Верховному командованию СССР, в делах же организации и личного состава — главнокомандующему чехословацкими вооруженными силами, который через командующего чехословацкими частями на территории СССР координирует указания по делам организации и личного состава с Верховным командованием СССР.

3. Командующий чехословацкими воинскими частями на территории СССР назначается командующим вооруженными силами Чехословакии по согласованию с Советским правительством.

4. Численность и количество чехословацких воинских частей будет зависеть от наличия чехословацких граждан в СССР и возможностей материального снабжения.

5. Формирование чехословацких частей будет проведено в местах, указанных Верховным командованием СССР, причем эти части будут сформированы из чехословацких граждан, находящихся на территории СССР, в призывном и добровольческом порядке.

Для проведения призыва будут установлены призывные комиссии при содействии властей СССР в местностях, указанных ими.

6. Все военнослужащие чехословацких воинских частей на территории СССР будут подчинены чехословацким законам и уставам... За государственные преступления военнослужащие чехословацких воинских частей будут ответственны перед военными трибуналами СССР.

7. Организация и военная экипировка личного состава чехословацких воинских частей будет в меру возможности соответствовать образцам, установленным для чехословацкой армии на территории Великобритании.

Знамена, признаки родов оружия и воинские чины будут, безусловно, отвечать установленным там образцам.

8. Жалование, продовольствие, снабжение и иные дела внутреннего порядка будут урегулированы согласно воинским правилам СССР...

10. Вооружение, снаряжение, обмундирование, автомашины и пр. для чехословацких воинских частей будут поставлены правительством Чехословацкой Республики.

Продовольственное снабжение чехословацких воинских частей обеспечивается правительством СССР.

11. Расходы, связанные с формированием и содержанием чехословацких воинских частей на территории СССР, будут кредитованы правительством СССР и подлежат возвращению чехословацким правительством по окончании войны...

12. Для связи устанавливаются:

1) чехословацкая военная миссия при Верховном командовании СССР — в Москве;

2) советская военная миссия при Верховном командовании Чехословакии — в Лондоне...

Уполномоченный Верховного
командования СССР
генерал-майор *Василевский* *

Уполномоченный Верховного
командования Чехословакии
Пика

* Василевский А.М. — заместитель начальника Генштаба, начальник оперативного управления, с 1943 г. Маршал Советского Союза.

ДМИСЧО 4-1. С. 172-173

№ 6

Из записи беседы А.Е. Богомолова с Э. Бенешем

Лондон

9 июня 1942 г.

... «Сикорский * стал горячиться, обвиняя Бенеша в том, что он своей линией ** ставит вопрос альтернативно, помогая по существу московской политике. Бенеш ответил, что конфедерация еще не состоялась, и поэтому чехословацкое правительство не обязано иметь с Польшей общую иностранную политику. Сикорский обозлился и стал нападать на Бенеша, заявляя ему, что после этой войны не одна Москва будет диктовать мир, что кроме Москвы имеются еще Англия и США... В качестве своего комментария к этому разговору о «мюнхенской политике» Бенеш сказал, что в любых условиях, если придется выбирать между Польшей и СССР, Чехословакия будет

безусловно за СССР, целиком отдавая себе отчет в том, что предпочтение будет отдано стране с советской системой. Бенеш считает, что поляки не могут и не хотят понять внешнеполитическую линию ни Чехословакии, ни СССР... Бенеш спросил меня, что я думаю о всяких планах общеевропейских конфедераций и союзов? Я ответил, что СССР вовсе не является принципиальным противником любых союзов и конфедераций в Европе, но готов отнестись с уважением к таким объединениям европейских государств, которые будут иметь хорошие основы и будут способствовать сохранению длительного и прочного мира. Всякие проекты создания средне- и восточноевропейских коалиций без участия СССР или его прямого одобрения не могут служить гарантией длительного и прочного мира. Бенеш согласился со мной и сказал, что планы конфедераций с такими участниками, как Польша, Чехословакия, Греция, Болгария и др., не будут иметь прочного исторического фундамента и развалятся...

* Бенеш рассказал о встрече с Сикорским.

** О нейтралитете в польско-советских спорах о границах.

АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 275. Л. 17–18

№ 7

Запись Э. Бенеша о беседе с А.Е. Богомоловым

Лондон

9 июня 1942 г.

1) Сообщил мне, что приехал Молотов, и спросил, могу ли я иметь свободный вечер для разговора*.

2) Повторил мне сообщение о том, что их «правительственные и политические круги» за то, чтобы ЧСР была восстановлена в домюнхенских границах.

3) Говорил мне достаточно подчеркнуто, что Советский Союз не против конфедераций, но должен быть полностью гарантирован, что они не направлены против него.

4) Говорили о русско-британском договоре. Я ему рассказал в главных чертах о своем разговоре с Иденом по этому вопросу. Подтвердил, что русские довольны договором.

5) Против поляков настроен как обычно — критиковал их пропаганду.

* Беседа велась во время обеда у Богомолова.

ČSVDJ. D. I. S. 347

Перевод с чешского автора

№ 8

Запись беседы В.М. Молотова с Э. Бенешем

Лондон

9 июня 1942 г.

Молотов В.М. принял Э. Бенеша по его инициативе в помещении [советского] посольства.

Бенеш начал беседу с выражения благодарности Советскому Правительству за дружественную линию по отношению к Чехословакии за несколько лет до ликвидации и в период ликвидации Чехословакии.

Ссылаясь на беседу с посланником СССР при Чехословацком Правительстве Богомоловым, Бенеш поблагодарил Советское Правительство за выражение пожелания видеть Чехословакию восстановленной в домюнхенских границах.

Молотов сказал, что Советское Правительство было и остается противником Мюнхена и, конечно, хотело бы видеть Чехословакию восстановленной со всеми теми ее территориями, которые были отняты у нее Гитлером. В ответ на реплику Бенеша о том, что Мюнхен был преступлением и глупостью, Молотов сказал, что он присоединяется к этой точке зрения и хочет подчеркнуть, что Мюнхен развязал руки Гитлеру и ускорил вступление Европы в войну. Особенно вредной была позиция Франции в период Мюнхена.

Бенеш согласился и сказал, что Чехословакия была столько лет верна Франции и в конце концов была предана ею.

Характеризуя свою политическую линию, Бенеш сказал, что Чехословакия географически находится в тяжелом положении, окруженная Австрией, Германией, Польшей и Венгрией. В этой обстановке она вынуждена искать себе опору. В Германии искать опору бесполезно — ее античехословацкие тенденции хорошо известны. В течение 20 лет Чехословакия ориентировалась на Запад и прежде всего на Францию. Теперь положение резко меняется, и если СССР станет соседом Чехословакии, то ориентировка на СССР будет соответствовать более всего интересам Чехословакии и симпатиям чехословацкого народа. Надо построить такую Европу, чтобы повторение Мюнхена стало невозможным. Для этого Чехословакия шла и идет на сближение с Польшей и СССР.

Молотов подтвердил необходимость предотвращения второго Мюнхена и необходимость сближения Чехословакии с Польшей, но спросил Бенеша, как он понимает польско-чехословацкую Конфедерацию, т. е. вопрос об этой Конфедерации до сих пор не совсем ясен для советского правительства. Дело идет о Конфедерации стран, одна из которых является соседом СССР, а другая может стать соседом СССР, какую позицию занимает эта Конфедерация в отношении СССР.

Бенеш сказал, что он считает, что ни при каких условиях эта Конфедерация не будет использована против СССР, что это только стрем-

ление Чехословакии использовать соседство с Польшей для укрепления своего положения в Центральной Европе.

Молотов сказал, что он рад это слышать, что Советский Союз тоже хочет иметь с Польшей и надеется иметь с ней хорошие отношения. В сближении СССР с Польшей имеются, однако, трудности, которые Советское Правительство надеется преодолеть путем некоторых взаимных уступок. Не за счет Украины и Белоруссии, а за счет Германии. Польское правительство идет на сближение с СССР, но в польских кругах имеются лица, у которых еще сильны антирусские настроения и проявляется тенденция к использованию польско-чехословацкой Конфедерации против СССР.

Бенеш согласился с тем, что такие люди среди поляков есть, но что Чехословакия не пойдет на создание Конфедерации без выполнения двух главных условий: 1) демократизации Польши и 2) урегулирование всех спорных вопросов между Польшей и СССР. В любом случае Конфедерация будет реальностью только после освобождения обеих стран и в условиях демократического обсуждения этой Конфедерации.

Молотов отозвался одобрительно об этой позиции, но при этом напомнил Бенешу, что в начале этого года был опубликован польско-чехословацкий договор о Конфедерации, где никаких оговорок или условий не было упомянуто.

Бенеш поспешил исправить Молотова, заменив слово «договор» словом «резолюция» *, и попытался уменьшить значение этого документа.

Молотов не стал возражать против названия, но сказал, что одновременно с подписанием этой «резолюции» польский министр иностранных дел Рачинский напечатал в «Санди диспетч» интервью, в котором охарактеризовал эту Конфедерацию весьма широко, как объединение многих государств от Балтийского моря до Эгейского, и вдобавок включил в это объединение Литву, которая является Советской Республикой.

Бенеш замялся и сказал, что Чехословакия не может и не хочет вмешиваться в польско-советские пограничные споры, но что он считает вопрос о Литве, как о Советской Республике, бесспорным, а большие союзы государств бесполезными. Он высказался против восстановления прежней Малой Антанты. Еще раз повторил, что не пойдет на такую польско-чехословацкую Конфедерацию, которая будет враждебна интересам СССР, и что если ему придется выбирать между Польшей и СССР, то он, безусловно, выберет СССР.

Разговор перешел на общие темы.

Молотов сказал, что он считает свою поездку в Англию и в США в основном удачной.

Вопрос о втором фронте, если не решен окончательно, то, во всяком случае, наиболее ответственные люди Англии и США за ускорение открытия второго фронта. Это целиком совпадает с их интересами, если они хо-

рошо поняты. Одному СССР трудно вынести тяжесть всей военной машины Гитлера, и если не будет в этом году второго фронта, то на будущий год Гитлер настолько усилится, а СССР настолько ослабнет, что открытие второго фронта в Европе станет более трудным делом, чем теперь, несмотря на то, что Америка и Англия смогут за это время улучшить свою подготовку.

Бенеш целиком согласился с этим мнением и сказал, что он прилагает все усилия к тому, чтобы убедить англичан и американцев открыть второй фронт. По его мнению, второй фронт будет открыт в сентябре этого года.

Последним **Бенеш** задал вопрос о том, что Германия ответственна ли за эту войну, Германия, как таковая, или только германские фашисты должны будут жестоко поплатиться за все, что они сделали во время этой войны.

Молотов согласился, что ответственна и Германия в целом, но сказал, что сейчас было бы нецелесообразно запугивать германский народ всякими карами и тем самым помогать Гитлеру.

Бенеш согласился с тактической правильностью такой позиции.

В конце беседы **Молотов** спросил **Бенеша**, понял ли он линию Советского Правительства в 1939 г. в отношении Германии.

Бенеш сказал, что да, и отметил также, что он понимал и необходимость для СССР советско-финской войны и считал ее справедливой мерой самообороны СССР.

* Примечание А.Е. Богомолова, который записал беседу: Поляки в своей прессе называют этот документ договором, а чехословаки соглашением. Оригинал договора названия не имеет.

АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 5. Д. 48. Л. 13–16

№ 9

*Из циркуляра Я. Масарика чехословацким дипломатическим
представительствам о результатах чехословацко-польских переговоров*
Лондон 30 декабря 1942 г.

Чехословацко-польские переговоры в текущем году попали в тяжелую ситуацию. Смешанные комитеты ряд последних месяцев не работали. Одной из главных причин трудностей является различие между чехословацкой и польской политикой в оценке значения Советского Союза в центрально-европейском сотрудничестве. Чехословакия не может и не будет предпринимать ничего, что препятствовало бы традиционно дружественным чехословацко-советским отношениям. Чехословакия приветствовала советско-британский договор, она убеждена в необходимости тесного со-

трудничества с Россией, как и с западными державами, и во время войны, и после ее окончания... Чехословакия не хочет вмешиваться в споры между Польшей и Советским Союзом, поэтому сохраняет в этих спорных вопросах нейтралитет, но желает польско-советского согласия и сотрудничества. В вопросе о польско-советских границах Чехословакия придерживается нейтралитета, однако не делает ничего, чтобы осложнить позицию Польши. Балтийские вопросы нас не интересуют. Польская политика хотела бы, чтобы переговоры о конфедерации велись без учета позиций великих держав, что практически означает без учета позиций Советского Союза, поскольку принимается в расчет согласие Соединенных Штатов и Великобритании. Нужно при этом учитывать, что часть польской общественности и публицистики стремится к продолжению той безуспешной политики, которая пыталась создать блок против России и против Германии. Эта часть польской общественности организует излишние и вредные дискуссии по вопросу о балтийских государствах, и эта кампания вызывает недоверие Советского Союза. Поэтому и Россия несколько раз обращала наше внимание на то, как это могло бы и наше отношение к России осложнить...

ČSVDJ. D. I. S. 347

Перевод с чешского автора

№ 10

*Из записи беседы А.Е. Богомолова с З. Фирлингером
о польско-чехословацкой конфедерации*

Москва

8 января 1943 г.

... Чехословацкое правительство ликвидировало вопрос о польско-чехословацкой конфедерации, заявив полякам, что, так как по вопросу о Прибалтийских государствах, Венгрии и Тешинской области между чехословацким правительством и польским нет единодушия, то чехословацкое правительство не считает для себя возможным продолжать принимать участие в деятельности смешанных польско-чехословацких комиссий по вопросам конфедерации. Взамен конфедерации чехословацкое правительство предполагает предложить полякам заключить договор о военном союзе против Германии на время войны и на 20 лет после войны. Фирлингер добавил, что после беседы со мной и с тов. Деканозовым он понял, что в советских кругах не видят сколько-нибудь значительной разницы между конфедерацией и альянсом, а поэтому он со своей стороны посоветовал Бенешу прежде чем делать какие-либо предложения полякам, проконсультировать этот вопрос с советским правительством.

Примечание: Из беседы вытекает, что предложение заменить конфедерацию альянсом исходит не от поляков, а от чехословаков. Поскольку возникает противоречие с той информацией, которую дал Бенеш т. Валькову, я постараюсь в Лондоне выяснить этот вопрос и сообщить в НКВД.

АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 31. Д. 43. Л. 1

№ 11

Телеграфное сообщение З. Фирлингера МИД

о переговорах относительно чехословацко-польского союзного договора

Москва

8 января 1943 г.

Сегодня мы все возвращаемся в Куйбышев. Перед отъездом я был у Деканозова, заместителя Молотова, и во время беседы я упомянул о новой стадии наших переговоров с поляками. Деканозов спросил, не преждевременно ли заключать договоры на послевоенный период, поскольку еще никто не знает, как все будет выглядеть после войны. Сегодня главное — победить Гитлера, и поэтому следует, прежде всего, сосредоточиться на борьбе с ним. Из его замечаний я вынес то же впечатление, что и из разговора с Богомоловым, они не смотрят приязненно на наши новые переговоры с поляками. Конфликт с теперешним польским режимом представляется серьезным, и кроме того, идея каких то специальных оборонительных блоков им не нравится. Они отказываются что-либо официально формулировать и не хотят также, чтобы высказанные по случаю взгляды рассматривались как официальная точка зрения правительства.

ČSVDJ. D. I. S. 347

Перевод с чешского автора

№ 12

Из циркулярной инструкции Г. Рипки

чехословацким дипломатическим представителям

о подписании чехословацко-советского союзного договора

Лондон

2 декабря 1943 г.

... * Значение пакта ** огромно. С общемировой точки зрения его значение таково:

1) Он отвечает не только специальным чехословацким и советским потребностям, но служит и европейским интересам, основанным на британо-советско-американском сотрудничестве.

2) Уже сам по себе он представляет сильную преграду против немецкого «Дранг нах Остен» и одновременно создает возможность воздвигнуть на пути этой опасности могучий вал, о который бы в зародыше разбивались все агрессивные планы и попытки немецкого империализма.

3) Он дает возможность и другим центральноевропейским народам, и особенно польскому, дозреть до такого взаимодействия с СССР, которым характеризуется советско-чехословацкое сотрудничество, основанное на принципах взаимного уважения их суверенитета и независимости, а также невмешательства во внутренние дела [друг друга].

4) Действенно выясняет перспективы международного сотрудничества тем, что

а) прокладывает путь к тому, чтобы отношения между меньшими народами Центральной и Юго-Восточной Европы развивались и строились, с одной стороны, на основе обеспечения их национальной независимости, с другой, на общеевропейской основе, в дружественном взаимодействии как с Советским Союзом, так и с западными державами;

б) делает невозможным создание в Центральной Европе каких-либо конструкций, направленных против Советского Союза и тем самым угрожающих плодотворному международному сотрудничеству.

К тому же пакт имеет кардинальное значение для Чехословакии:

1. Он чрезвычайно повышает военную и политическую безопасность государства, тем более, что Советская Россия находится в нашей непосредственной близости.

2. Советское правительство будет поддерживать нас не только против Германии, но и против Венгрии.

3. Обязательство о невмешательстве во внутренние дела... для такого небольшого государства, как Чехословакия, имеет особенно важное значение...

6. Тот факт, что договор был согласован, в конце концов, с британским и американским правительствами, свидетельствует, что... хотя мы и стараемся обеспечить свою безопасность, прежде всего, путем альянса с державой, которая нам ближе всего географически, мы намеренно продолжаем свою традиционную политику, основанную на постулате взаимодействия с Востоком и Западом; в конце концов, и советская политика предполагает сотрудничество с Западом и полностью понимает нашу позицию, определяемую нашим географическим положением в центре Европы.

В связи со всеми приведенными доводами мы считаем пакт высококонструктивным вкладом в политику, основанную на сотрудничестве союзных держав и дружественных им народов.

Рунка

* Излагается истории подготовки к подписанию договора.

** В документе употребляются оба термина: пакт и договор.

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943–březen 1945. Praha, 1999. S. 114–116 (далее: ČSVDJ. D. 2)

Перевод с чешского автора

№ 13

Из Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой

Москва

12 декабря 19

... Статья 1

Высокие Договаривающиеся Стороны, согласившись взаимно объединиться в политике постоянной дружбы и дружественного послевоенного сотрудничества так же, как и взаимной помощи, обязываются оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в нынешней войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе.

Статья 2

Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются не вступать в период нынешней войны в какие-либо переговоры с гитлеровским правительством или каким-либо иным правительством в Германии, которое не отказывается ясно от всяких агрессивных намерений, и не вести переговоры и не заключать без взаимного согласия какого-либо перемирия или мирного договора с Германией или с каким-либо иным государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе.

Статья 3

Подтверждая свою довоенную политику мира и взаимной помощи, выраженную в их договоре, подписанном в Праге 16 мая 1935 года, Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются, что в случае, если одна из них оказалась бы вовлеченной в послевоенный период в военные действия с Германией, которая возобновила бы свою политику «Дранг нах Остен», или с каким-либо из государств, которое объединилось бы с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме в такой войне, то Другая Высокая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет Договаривающейся Стороне, вовлеченной таким образом в военные дей-

ствия, всяческую военную и другую поддержку и помощь, находящиеся в ее распоряжении.

Статья 4

Высокие Договаривающиеся Стороны, учитывая интересы безопасности каждой из них, соглашаются на тесное и дружественное сотрудничество в период после восстановления мира и действовать в соответствии с принципами: взаимного уважения к их независимости и суверенитету, равно как и невмешательство во внутренние дела другого государства. Они соглашаются развивать в возможно более широких масштабах свои экономические отношения и оказывать друг другу всяческую возможную экономическую помощь после войны.

Статья 5

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции, направленных против Другой Высокой Договаривающейся Стороны.

Статья 6

Настоящий Договор вступает в силу немедленно после его подписания и подлежит ратификации в возможно короткий срок; обмен ратификационными грамотами будет произведен в Москве как можно скорее.

Настоящий Договор остается в силе в течение двадцати лет с момента подписания, причем, если одна из Высоких Договаривающихся Сторон в конце указанного периода в двадцать лет не сделает, за 12 месяцев до срока, заявления о своем желании отказаться от Договора, он будет продолжать оставаться в силе на следующие пять лет, и так каждый раз, до тех пор, пока одна из Высоких Договаривающихся Сторон не сделает за 12 месяцев до окончания текущего пятилетия письменного предупреждения о своем намерении прекратить его действие...

По уполномочию Президиума Верховного Совета СССР

В. Молотов

По уполномочию Президента Чехословацкой Республики

З. Фирлинггер

Протокол к Договору

При заключении Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой Договаривающиеся Стороны условились, что в случае, если к этому договору пожелает присоединиться какая-либо третья страна, граничащая с Союзом ССР или Чехословацкой

Республикой и представлявшая в этой войне объект германской агрессии — последней будет дана возможность, по обоюдному согласию правительств Союза ССР и Чехословацкой Республики, подписать этот Договор, который, таким образом, приобретает качество трипартийного договора...

По уполномочию Президиума Верховного Совета СССР

В. Молотов

По уполномочию Президента Чехословацкой Республики

З. Фирлингер

ДМИСЧО. 4-1. С. 304-306

№ 14

*Из неофициальной записи беседы Э. Бенеша с И.В. Сталиным **

Москва

18 декабря 1943 г.

... ** Сталин далее констатирует, что меморандум по военным вопросам *** , который ему президент передал, полностью принимает. Сказал буквально: все правильно. Президент замечает, что желал бы, чтобы генерал Нижборский остался еще на 2-3 недели в Советском Союзе, чтобы все обсудить с генералом Кратохвилем и полковником Пикой. Сталин замечает, что это и хорошо, что президент говорил [об этих] вещах с генералом [Г.С.] Жуковым, но он намерен назначить ему еще более компетентного деятеля, чем только Жуков. На следующий день **** во время ужина президенту в качестве ведущих переговоры о меморандуме по военным вопросам [Сталин] назвал генерала Голикова, заместителя начальника Генерального штаба, и генерала Жукова. Что касается нашего пожелания относительно поставок немецкого вооружения, Сталин констатировал, что оно готово и что может быть поставлено туда, куда это будет необходимо. Он согласился с тем, что вооружение советской и чехословацкой армий после этой войны должно быть примерно одного типа, но заметил, что американцы и другие государства тоже имеют некоторые превосходные виды вооружения, которые необходимо освоить.

Сталин затем одобрил наш меморандум по экономическим вопросам ***** и соглашается с тем, что позже посол Фирлингер может вести переговоры об этом с компетентными деятелями, как только для этого наступит подходящий момент.

Сталин соглашается также с нашими пропозициями относительно перемирия ¹. Полностью соглашается с нашим меморандумом относительно трансфера немецкого и венгерского населения ¹¹ и советует нам в связи с этим, чтобы мы выровняли границу с поляками так, чтобы наша погранич-

ная линия с поляками была как можно более продолжительной. В отношении Венгрии также надо требовать, что нам необходимо, поскольку венгров надо прижать; они этого заслуживают ☞☞☞...

* Сделана, по всей видимости, присутствовавшим на беседе З. Фирлингером. Присутствовал также В.М. Молотов.

** Разговор шел о втором фронте и политике Англии, об отношении к Германии и Венгрии, о положении в Чехословакии и словаках, о сотрудничестве разведок.

*** АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 20–27; *ČSVDJ. D. 2. S. 163–168.*

**** Скорее всего, речь идет об ужине 22 декабря 1943 г.

***** АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 28–30; *ČSVDJ. D. 2. S. 169–171.*

☞ *ČSVDJ. D. 2. S. 171–172*

☞☞ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 8–10; *ČSVDJ. D. 2. S. 145–146.*

☞☞☞ *ČSVDJ. D. 2. S. 177–184.* В переводе с чешского на русский запись беседы опубликована В.В. Марьиной в: Вопросы истории. 2001. № 3. С. 14–19.

№ 15

Из Соглашения об отношениях между Советским Главнокомандующим и Чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии

Москва

8 мая 1944 г.

... Статья 1

После вступления в результате военных операций советских (союзнических) войск на территорию Чехословакии, верховная власть и ответственность во всех делах, относящихся к ведению войны, будет находиться в зоне военных операций на время, необходимое для осуществления этих операций, в руках Главнокомандующего советскими (союзническими) войсками.

Статья 2

Для освобожденной территории будет назначен чехословацкий правительственный уполномоченный, обязанностью которого будет:

а) создать и руководить согласно чехословацким законам администрацией на территории, очищенной от неприятеля;

б) воссоздать чехословацкие военные силы;

в) обеспечить активное содействие Чехословацкой администрации Советскому (союзному) Главнокомандующему, а именно давать местным властям соответствующие указания, исходя из потребностей и желания Советского (союзного) Главнокомандующего.

Статья 3

Чехословацкие воинские части, находящиеся в момент вступления советских (союзнических) армий на чехословацкую территорию в их составе, будут немедленно использованы на чехословацкой территории.

Статья 4

Для обеспечения связи между Советским (союзным) Главнокомандующим и чехословацким правительственным уполномоченным при Советском (союзнном) Главнокомандующем будет назначена Чехословацкая военная миссия.

Статья 5

В зонах, находящихся под верховной властью Советского (союзного) Главнокомандующего, чехословацкие правительственные органы на освобожденной территории будут поддерживать связь с Советским (союзным) Главнокомандующим через чехословацкого правительственного уполномоченного.

Статья 6

Как только какая-либо часть освобожденной территории перестанет являться зоной непосредственных военных операций, Чехословацкое правительство полностью берет в свои руки власть управления общественными делами и будет оказывать Советскому (союзному) Главнокомандующему через свои гражданские и военные органы всестороннее содействие и помощь.

Статья 7

Все лица, принадлежащие к советским (союзническим) войскам на территории Чехословакии, будут подчиняться юрисдикции Советского (союзного) Главнокомандующего. Все лица, принадлежащие к чехословацким военным силам, будут подчиняться чехословацкой юрисдикции. Этой юрисдикции будет подчиняться также и гражданское население на чехословацкой территории даже в тех случаях, когда это касается преступлений, совершенных против советских (союзнических) войск, за исключением преступлений, совершенных в зоне военных операций, каковые подлежат юрисдикции Советского (союзного) Главнокомандующего. В спорных случаях вопрос будет решен взаимным соглашением между Советским (союзным) Главнокомандующим и чехословацким правительственным уполномоченным.

Статья 8

Относительно финансовых вопросов, касающихся вступления советских (союзнических) войск на чехословацкую территорию, будет достигнуто особое соглашение.

Статья 9

Настоящее Соглашение вступает в силу немедленно после его подписания...

По уполномочию правительства
Союза Советских Социалистических республик
чрезвычайный и полномочный посол СССР
при правительстве Чехословацкой Республики
В. Лебедев

По уполномочию правительства Чехословацкой Республики
исполняющий обязанности министра иностранных дел
государственный министр
Г. Рипка

*Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений.
Том 4. Книга вторая. Декабрь 1943 г. — май 1945 г. М., 1983. С. 78–79 (далее:
ДМИСЧО 4–2)*

№ 16

*Из постановления ЦК КП(б)У об оказании помощи КПЧ
в организации партизанского движения на территории Чехословакии*
Киев 17 июня 1944 г.

В целях оказания помощи Чехословацкой Компартии в борьбе с немецкими оккупантами и передачи чехословацкому народу опыта действий украинских партизан в тылу противника ЦК КП(б)У постановляет:

Удовлетворить просьбу ЦК Коммунистической партии Чехословакии в оказании помощи в деле разворота партизанского движения на территории Чехословацкой республики, для чего обязать Украинский штаб партизанского движения:

1. Сформировать и направить на территорию Карпатской Украины и Словакии 10 украинских организаторских партизанских отрядов, численностью 15–20 человек каждый. Отряды снабдить средствами связи, диверсионной техникой и необходимым вооружением.

Выброску отрядов произвести из Киева на базу действующих на границе с Чехословакией украинских партизанских отрядов с задачей последующего их выхода в районы: Великий Бочков, Мукачево, Ужгород, Гумене и Прешов.

2. Отрядам поставить основные задачи: произвести разведку обстановки, установить связь с местным населением и из числа патриотов Чехословацкой Республики организовать партизанские отряды.

3. Предоставить возможность ЦК Компартии Чехословакии иметь при Украинском штабе партизанского движения своего представителя, который будет принимать непосредственное участие в деле организации чехо-

словацких партизанских отрядов и осуществлять связь этих отрядов с ЦК Компартии Чехословакии.

4. В спецшколе Украинского штаба партизанского движения предоставить 100 мест для обучения направляемых в тыл противника чехословацких партизан.

Прием в спецшколу производить через представителя ЦК Компартии Чехословакии при Украинском штабе партизанского движения.

5. Разрешить ЦК Компартии Чехословакии иметь при спецшколе Украинского штаба партизанского движения своих политработников.

6. Украинскому штабу партизанского движения перебросить в партизанские отряды, действующие на территории Чехословакии, группу связи в составе трех человек от ЦК Компартии Чехословакии.

ДМИСЧО 4-2. С. 85-86

№ 17

*Из спецсообщения Украинского штаба партизанского движения
секретарю ЦК КП(б)У о развитии партизанского движения
в Словакии*

Киев

10 сентября 1944 г.

... К 10 сентября 1944 года на территорию Словакии, в районе Ружомберок и Прешов выброшены 16 организаторских партизанских отрядов, общей численностью 249 человек.

Отряды... развернули широкую организаторскую работу среди населения и словацких войск, в результате чего на 10 сентября на территории Словакии действуют и поддерживают связь с Украинским штабом партизанского движения: 7 партизанских бригад, 2 соединения и 7 отрядов, общей численностью 15153 человека, из них наиболее крупные:

1. Бригада Величко, 2085 человек, действует в р-не Турчански Св. Мартин.

2. Бригада Егорова, 2800 человек, действует в р-не Турчански Св. Мартин.

3. Бригада Волянского, 600 человек, действует в р-не Липтовски Градок.

4. Бригада Биелика, 750 человек, действует 15 км северо-западнее Резуцы, в р-не с. Мурань.

5. Бригада Сечанского, 770 человек, действует в р-не Ружомберок.

6. Бригада Пола, 425 человек, действует 40 км западнее Турчански Св. Мартин.

7. Бригада Попова, 1524 человека, действует 20 км западнее Турчански Св. Мартин.

8. Соединение Шукаева, 4300 человек, действует в р-не 20 км северо-западнее Прешова.

9. Соединение Ягупова, 1070 человек, действует в р-не 20 км юго-восточнее Прешова.

10. отряд Майорова, 300 человек, действует 20 км южнее Прешова.

Начальник Украинского штаба партизанского движения
генерал-лейтенант *Т. Строкач*

ДМИСЧО 4-2. С. 156-157

№ 18

*Донесение И.В. Сталину и Г.К. Жукову
о ходе Карпато-Дуклинской операции
38-й армии 1-го Украинского фронта*

Действующая армия

27 сентября 1944 г.

Операция 38-й армии первоначально была запланирована с целью выхода на словацкую границу и соединения со словацкими дивизиями и партизанами Словакии. Выход на границу Словакии был выполнен, но обстановка в восточной Словакии, ко времени выхода наших войск на границу, резко изменилась. Словацкие дивизии рассыпались.

В связи с задачами 2-го и 4-го Украинских фронтов сейчас характер операции 39-й армии изменился — переросла в операцию, взаимодействующую со 2-м и 4-м Украинскими фронтами *.

В связи с этим дальнейшие операции 38-й армии в Словакии принимают затяжной характер по причинам:

1. Недостаточное количество привлеченных к операции сил и средств. Фронт выделить больше сил не в состоянии, учитывая отpravку двух стрелковых корпусов и двух танковых армий в резерв Ставки и напряженность боев на плацдарме на р. Висла.

2. Горный характер местности не позволил со всей эффективностью в начале операции, после совершенного прорыва, использовать танковые и кавалерийские войска, и первоначальный полный прорыв обороны противника не получил поэтому глубокого развития.

За время операции [части] 38-й армии, продвинувшись в глубину на 40 км, вынуждены были преодолеть с напряженными боями три хребта (отроги Карпат), идущих перпендикулярно фронту нашего наступления.

3. Неприспособленность и необученность нашей пехоты вести бои в горах, а также организация и вооружение, не рассчитанные на действия в горах, затрудняют и снижают темпы наступления.

4. Медленность наступления позволила противнику перебросить на участок нашего наступления дополнительно значительные силы — три пе-

хотные и три танковые дивизии со средствами артиллерийско-минометного усиления. Всего же перед фронтом 38-й армии действует шесть пехотных и три танковые дивизии.

В связи с этим бои приняли еще более напряженный характер, а темпы наступления снизились.

5. Материально операция обеспечена слабо. Front считается в обороне, поэтому лимит расхода боеприпасов, авиагорючего центральными до-вольствующего управлениями дается фронту только на оборону. Нет возможности использовать достаточно мощную артиллерию фронта, особенно гаубичную, а это основные предпосылки для действия в горах.

6. Малочисленность пехоты. Операцию 38-я армия начала при укомплектованности дивизиями 4,5–5 тысяч.

За время операции армия потеряла около 20 тыс. человек, дивизии стали 3–3,5 тыс. человек.

Мало танков. Привлеченные для операции три танковых корпуса, в среднем по 60 танков на корпус, были укомплектованы почти исключительно ремонтными танками, которые в условиях гор быстро выбывали из строя и разбивались огнем противника. Потери в танках около 150 штук.

Противнику нанесены большие потери в людях и материалах. Противник вынужден в связи с большими потерями, чтобы остановить наше наступление, бросать с других направлений дивизии и давать пополнение.

Проводимая операция оттянула у противника все силы из Словакии, которые он бросил для подавления повстанческого движения, что дало время и возможности повстанческому движению в Средней Словакии организационно окрепнуть и собрать силы для дальнейшего сопротивления немцам.

Для фронта направление на Словакию является второстепенным — главное направление на Краков и севернее, где фронт и должен держать главные силы и средства и соответственно их готовить.

На второстепенное — словацкое направление в связи с затяжкой операции фронт, помимо запланированных сил и средств, вынужден был дополнительно израсходовать две стрелковые дивизии и два танковых корпуса и материальные средства, ослабив тем самым главное направление.

Для 4-го Украинского фронта правый фланг его — направление Прешов, Мишкольц — является главным, однако решительного характера операция на правом фланге 4-го Украинского фронта до сих пор не имеет.

Дополнительно привлечь еще силы и средства за счет главного направления 1-го Украинского фронта [командующий] не может. В этих условиях вытекает необходимость или прекратить операцию 38-й армии или, если будет Ваше решение, продолжать операцию, выделить необходимые силы и средства: два стрелковых корпуса, пополнение, три боекомплекта боепри-

пасов для 38-й армии со средствами усиления, 300 штук танков для восполнения потерь трех танковых корпусов и четыре тысячи тонн авиационного горючего.

*Конев ** , Соколовский *** , Крайнюков *****

* Карпато-Дуклинская операция 38-й армии 1-го Украинского фронта и 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта переросла в Восточно-Карпатскую стратегическую операцию.

** И.С. Конев — маршал, командующий 1-м Украинским фронтом.

*** В.Д. Соколовский — начальник штаба 1-го Украинского фронта.

**** К.В. Крайнюков — член Военного совета 1-го Украинского фронта.

Опубликовано: *Великая Отечественная война 1941–1945. Книга 3. Освобождение. М., 1999. С. 465–466.*

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 121–125

№ 19

Из докладной записки

*военного корреспондента «Комсомольской правды» С. Крушинского
«К положению в Средней Словакии» **

Октябрь 1944 г.

Повсюду царил порядок... По железной дороге в долине реки Грон от Зволена почти до самого Телгарта ходили поезда, в частности — пассажирские. В городах были открыты все магазины, включая цветочные; действовали электрические станции, водопровод, крестьяне убирали кукурузу и картофель. В Банской Быстрице издавалась часть газет и действовала радиостанция, в десятке мест рылись противотанковые рвы и сооружались другие укрепления, на дороге военные патрули проверяли документы, движение в освобожденном районе не только днем, но и ночью было безопасным... Для царившего здесь политического настроения самым характерным было чувство дружбы к Советской России и Красной Армии. Здесь видят в нас естественного, желательного и единственно возможного освободителя. Имеющихся здесь советских офицеров предупредительно приветствуют не только все военнослужащие, но также и жители (многие поднятием сжатой руки)... Я видел на улице американских и английских офицеров, они безусловно не встречали такого выражения симпатий. Офицерская столовая в Банской Быстрице украшена многочисленными флажками — чехословацкими, советскими, американскими, английскими. Наши флажки на

самых видных местах. С несомненной искренностью население и солдаты ждут прихода частей Красной Армии. Если говорить об отдельных частных политических заботах, как и сомнениях, то следует прежде всего указать на опасения многих интеллигентов, что они будут лишены материальных удобств. Предвидя будущую близость Чехословакии Советскому Союзу и не зная положения, какое у нас существует в действительности, думают, что произойдет немедленное и механическое уравнение по беднякам, что будут пересчитаны скатерти, простыни и т. д. Крестьяне ждут выселения немцев и много говорят о прирезке земли за их счет. Здесь малоземелье, а немецкие колонии владеют лучшими землями...

Общее руководство вооруженными силами осуществляет генерал Голиан, осуществляет, как мне кажется, недостаточно энергично и властно, как бы стесняясь тех, кто считает его некомпетентным. Армия располагает несколькими десятками танков, точнее — танкеток устаревшего образца с устаревшими моторесурсами, при плохой броне и низких огневых качествах. Есть также авиационный истребительный полк (материальная часть — наша) и легкие бомбардировщики, вроде наших «У-2» с некоторым запасом 10-килограммовых бомб. Летчики — хорошие... Действия авиации были стеснены отсутствием авиабензина. Артиллерия и минометы — слабое место... Проходит мобилизация новых возрастов, уклонений от явки нет, если не считать единичных случаев... новые контингенты не обеспечены ни стрелковым оружием, ни обмундированием. Боеспособность словацких частей пока что была низкой. Солдаты оставляли позиции и разбегались под воздействием минометного огня. Первой причиной этого, после отсутствия боевого опыта, является слабость офицерского корпуса. Офицеры получили салонное воспитание. Слишком учтивы, слишком часто повторяют «нехсапачи» (пожалуйста), старшие не умеют приказывать младшим... Это зависит также от засоренности офицерского корпуса. Среди старшего офицерского состава (майор и выше) много таких, кто пытался сделать карьеру в войне против нас и изменил позиции не по внутреннему убеждению, а в силу необходимости (все равно Гитлеру уже не поможешь)... Люди этого типа все еще размышляют, а не слишком ли они поспешили со сменой вех. В среднем офицерском звене есть люди, связанные различными узами с черносотенцами — гардистами, поживившимися, в частности, за счет еврейского имущества. Рассадником вялости и так сказать «бледной немочи» является офицерский корпус Банской Быстрицы. Здесь много офицеров, свободных от каких бы то ни было занятий. Три раза в день они заполняют столовую Велительства Армады **, а обширный досуг отдают колебаниям... В Банской Быстрице, безусловно, больше офицеров, чем на всех секторах фронта... О событиях на линии фронта штаб в Банской Быстрице узнает с большим опозданием...

* С. Крушинский находился в служебной командировке на повстанческой территории Словакии с 27 сентября по 6 октября 1944 г.: побывал в городах Банска Быстрица, Зволен, Телгарт, в ряде сел, на передовых позициях, занимаемых частями словацкой армии, и у партизан, разговаривал с офицерами, солдатами, партизанами, крестьянами, представителями интеллигенции.

** Командование Армии.

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 128. Д. 708. Л. 11–18 (далее: РГАСПИ)

№ 20

Донесение начальника штаба 1-го Украинского фронта В.Д. Соколовского в Генеральный штаб Красной Армии о положении в Словакии

Действующая армия

4 ноября 1944 г.

О положении в Словакии на 3.11.44 г.

По отрывочным агентурным данным и данным партизан в течение последних дней в повстанческом районе Словакии произошли крупные изменения.

В результате предпринятого наступления немцев на важнейших направлениях вдоль основных путей сообщения части повстанческой армии вынуждены были отходить.

27.10. дезорганизованные части повстанческой армии, оказывая незначительное сопротивление немцам, оставили Бан[ска] Бистрица и [с] остатками ушли в горы. Как стало известно, органы власти и штаб повстанческой армии во главе с генералом Виестом ушли также в горы и находятся в районе хребта Низкие Татры (район вым. 1648, 1754 — 20–25 км сев.-вост. Бан.-Бистрица) и ожидают подхода войск Красной Армии.

Действительное положение в повстанческом районе и действия командования армии выясняются. Установлено, что солдаты, преследуемые немцами, бросали оружие и расходились по домам. Офицеры сами переодевались в гражданскую одежду и разбегались.

В настоящее время немцы и гардисты, не прибегая к строгим мерам репрессий к солдатам, по существу способствуют дальнейшему разложению остатков повстанческой армии. Поступают данные о мобилизации словаков в немецкую армию.

В. Соколовский

Русский архив 14 3(2): Великая отечественная 3(2): Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы 1944–1945. М., 2000. С. 509

№ 21

*Из беседы В.А. Зорина с З. Фирлингером
о признании чехословацким правительством
Временного польского правительства*

Москва

4 января 1945 г.

... Из всей беседы напрашивается вывод, что Бенеш маневрирует по вопросу о признании ПВП *, учитывая не только внешнеполитическую позицию своего правительства, но и внутривнутриполитическую борьбу среди чехословацкой эмиграции в Лондоне. По-видимому, в официальных директивах, которые он дает Фирлингеру и которые, естественно, становятся известными значительному кругу членов чехословацкого правительства, Бенеш занимает более сдержанную позицию. В разговорах же с Чичаевым ** Бенеш стремится показать, что он намерен идти с нами в ногу в решении и готов признать ПВП без каких-либо предварительных условий. С другой стороны, преобразование ПКНО во Временное правительство оказало, очевидно, определенное воздействие на Бенеша, и наш нажим по этому вопросу, особенно в сочетании с признанием ПП с нашей стороны, может, по-видимому, склонить Бенеша и чехословацкое правительство к более решительному шагу в этом направлении ***.

* Польское временное правительство.

** И.А. Чичаев — сотрудник советского посольства в Лондоне.

*** Запись направлена В.М. Молотову, А.Я. Вышинскому, В.Г. Деканозову.

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 8–9

№ 22

*Из записи беседы В.А. Зорина с З. Фирлингером
о признании чехословацким правительством
Временного польского правительства*

Москва

20 января 1945 г.

Фирлингер сообщил, что им получена телеграмма от Бенеша, в которой последний высказывается по вопросу о признании ПВП со стороны правительства Чехословакии. Бенеш указывает на то, что точки зрения чехословацкого и советского правительства в отношении признания ПВП не расходятся и что даже после намека Британского правительства на необходимость согласования позиций чехословацкого правительства с позицией Великобритании в этом вопросе, чехословацкое правительство намерено сделать шаг к признанию ПВП «даже ценой конфликта с Лондоном и Вашингтоном». Вместе с тем, чехословацкое правительство хочет, чтобы

наряду с признанием с его стороны было бы сделано заявление со стороны ПП по вопросу спорных вопросов между Чехословакией и Польшей *...

Я сказал, что мы будем приветствовать скорейшее признание со стороны чехословацкого правительства ПВП, и заметил, что, по-видимому, чехословацкое правительство начинает делать реальные шаги к этому признанию. Фирлингер выразил надежду, что это дело будет в ближайшее время завершено **.

* Весь абзац отчеркнут по левому краю красным карандашом.

** Абзац отчеркнут по левому краю красным карандашом. Запись разослана В.М. Молотову, А.Я. Вышинскому, В.Г. Деканозову.

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 24–25

№ 23

*Из записи разговора по телефону
помощника В.А. Зорина А.Н. Абрамова с Э. Фирлингером
по вопросу признания Польского временного правительства*

Москва

30 января 1945 г.

В 21 ч. 30 м. мне позвонил по телефону Фирлингер и сообщил, что чехословацким посольством только что получена телеграмма из Лондона, в которой сообщается, что правительство Чехословацкой республики приняло решение о немедленном признании ВПП и установлении с ним дипломатических отношений... Фирлингер добавил, что он считает это большим шагом вперед со стороны чехословацкого правительства *...

* Запись направлена А.Я. Вышинскому, В.Г. Деканозову.

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 30

№ 24

*План встречи, пребывания и проводов Э. Бенеша,
утвержденный В.М. Молотовым*

Москва

28 февраля 1945 г.

1. Для встречи Бенеша на границе командировать в Баку тт. Молочкова и Абрамова

2. В Москве на аэродроме Бенеша встречают: тт. В.М. Молотов, В.Г. Деканозов, А.Ф. Горкин, генерал-полковник Ф.И. Голиков, М.А. Яснов, К.Р. Синилов, В.А. Зорин, генерал-майор Кутузов

3. Бенешу выделить спецмашину из гаража НКГБ. Для обслуживания остальных лиц выделить 6 машин из гаража СНК СССР

4. На время пребывания Бенеша в СССР прикрепить к нему ответственного референта Протокольного отдела [НКВД] Яцкевича Н.Н.

5. Бенешу и его семье предоставить особняк по улице Островского, д. 6. Для размещения сопровождающих Бенеша лиц поручить Интуристу к 3 марта подготовить 17 номеров в гостиницах «Националь» или «Савой» или «Метрополь»

6. На следующий день после прилета Бенеш наносит протокольный визит тов. М.И. Калинину вместе с т. Шверником, затем вместе со Шрамеком — тов. И.В. Сталину. Шрамак и Масарик наносят визит Молотову

7. На второй день после прилета т. Шверник устраивает в честь Бенеша завтрак в особняке НКВД (Спиридоньевская, 17)

Учитывая пожелание Фирлингера, план внеделовых посещений Бенеша и сопровождающих его лиц (театр, кино, предприятия и т. п.) составить после приезда Бенеша в СССР с учетом его личных пожеланий.

Примечание: посещение Бенешем театров, предприятий и т. п. проходит без особой торжественности (без вывешивания флагов, без исполнения национальных гимнов, большого сопровождения и т. п.)

8. Перед отъездом Бенеша из СССР т. И.В. Сталин дает в его честь обед в Кремле

9. Все расходы, связанные с пребыванием Бенеша в СССР, принять на счет государства

10. Порядок проводов такой же, как и встречи. На проводах присутствуют те же лица, что и на встрече

11. Основные элементы этого плана сообщить Фирлингеру

27 февраля 1945 г.

Ф. Молочков, В. Зорин

АВП РФ. Ф. 07. Оп. 10. П. 37 Д. 497. Л. 13–14

№ 25

*Вопросы, подлежащие обсуждению в переговорах
между правительством СССР и чехословацким правительством,
полученные 4-м Европейским отделом НКВД
из чехословацкого посольства*

Москва

19 марта 1945 г.

1. Вопрос границ:

а) с Германией

б) с Венгрией

- в) с Польшей
2. Трансфер из Чехословакии:
 - а) немецкого населения
 - б) венгерского населения
3. Карпатская Украина
4. Хозяйственное положение на освобожденной территории:
 - а) установление правил, касающихся «трофейного имущества»
 - б) вопросы чехословацкой валюты
 - в) помощь со стороны СССР населению освобожденных районов
5. Вопросы репараций Венгрии: определение чехословацкой квоты
6. Транспорт:
 - а) железнодорожный транспорт и вопросы железнодорожного материала
 - б) дунайское пароходство (вопросы дунайских судов)
 - в) использование румынских портов для импорта Чехословакии
7. Дальнейшая организация чехословацкой армии
8. Взаимоотношения между СССР, Польшей и Чехословакией
9. Дальнейшая политика СССР и Чехословакии в отношении Германии
10. Дальнейшее финансирование чехословацких платежей на территории СССР.

АВП РФ. Оп. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 43

№ 26

*Список чехословацких официальных лиц,
находившихся в период визита Э. Бенеша в Москве: 37 человек
март 1945 г.*

1. Бенеш Эдвард с супругой
2. Шрабек Ян — премьер-министр
3. Масарик Ян — министр иностранных дел
4. Шробар Вавро — глава делегации Словацкого национального совета
5. Странский Ярослав — министр юстиции
6. Белло Ян — министр социального обеспечения
7. Майер Вацлав — министр хозяйственного развития
8. Смутны Яромир — шеф канцелярии президента
9. Гасал Антонин — дивизионный генерал, член правительственной делегации
10. Свобода Людвик — командир 1-й чехословацкой армейской бригады
11. Шпаньель Ольдржих — бригадный генерал, шеф военной канцелярии президента

11а. Пика Гелиодор — начальник чехословацкой военной миссии в [СССР]

12. Готвальд Клемент — депутат пражского парламента

13. Неedly Зденек — депутат пражского парламента

14. Носек Вацлав — член Государственного совета

15. Давид Иосиф — член Государственного совета

16. Гала Франтишек — член Государственного совета

17. Углирж Франтишек — член Государственного совета

18. Лаушман Богумил — член Государственного совета

19. Сланский Рудольф — депутат пражского парламента

20. Урсини Ян — член делегации Словацкого национального совета

21. Гусак Густав — член делегации Словацкого национального совета

22. Стык Йозеф — член делегации Словацкого национального совета

23. Новомеский Лацо — член делегации Словацкого национального совета

24. Шолтес Иосиф — член делегации Словацкого национального совета

25. Дртина Прокоп — зав. канцелярией правительственной делегации

26. Лаштовичка Богуслав — журналист

27. Патцак Вацлав — представитель министерства внутренних дел по делам школы

28. Ференчик Микулаш — подполковник

29. Прохазка Ярослав — майор

30. Чесаны Карел — член правительственной делегации

31. Дакнер — чехословацкий представитель при СКК в Венгрии

32. д-р Клиnger Оскар — врач президента

33. Младек Ян — сотрудник министерства финансов

34. Странский Ян — секретарь министра Шрамека

35. Кордуш Ю. — сотрудник канцелярии президента

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 70–71

№ 27

Из записи беседы В.М. Молотова с Э. Бенешем

Москва

21 марта 1945 г.

... 1. Вопрос границ

Бенеш напоминает, что он и все чехословацкое правительство всегда формулировали свои взгляды по этому вопросу формулой — домюнхенские границы... За три дня до отъезда Бенеша англичане заявили письменно о своем отношении к домюнхенским границам, сделав шаг вперед. Они

написали, что к моменту капитуляции Германии они согласны на передачу контроля чехословацкому правительству над территорией, входящей в домюнхенские границы, как это сделано в соглашении о перемирии с Венгрией. Англичане согласились считать границы Чехословакии, как они [были] на 31 декабря 1937 г. ...

Молотов спрашивает, претендует ли Бенеш на какую-нибудь территорию сверх границ 1937 г.

Бенеш отвечает, что он имеет некоторые претензии в пограничной с Германией области, но не развивает этой темы...

II. Трансфер из Чехословакии немецкого и венгерского населения

Бенеш говорит, что этот деликатный вопрос он обсуждал с англичанами год-полтора тому назад. Англичане согласились, что необходим трансфер немецкого населения из Чехословакии... но это заявление было сделано устно, письменно сформулировать это заявление англичане колеблются... Англичане сообщили, что они ожидают мнения Советского правительства по этому вопросу и не считают это простой проблемой...

Молотов говорит, что в принципе отношение советского правительства к предложению выселить немцев положительное, но сейчас надо ставить вопрос практический, сколько и как надо выселить немцев, по этому поводу хотелось бы иметь соображения Бенеша.

Бенеш говорит, что он сможет сформулировать эту практическую программу выселения. Он считает, что не менее 2 млн немцев придется выселить, и в Чехословакии останется, очевидно, до 800 тыс. их. Вся немецкая буржуазия и интеллигенция очевидно уйдут, останутся рабочие, которые будут размещены среди чешского населения. Сейчас в Чехословакии, по видимому, до 4 млн немцев, венгров около 600 тыс. Из венгров до 400 тыс. должно быть выселено. Опыт сейчас показывает, что с приходом Красной Армии и Чехословацкой армии все немцы уходят...

III. Карпатская Украина

Бенеш подчеркивает, что в этом вопросе он хочет быть совершенно искренним. В течение 20 лет вопрос о Карпатской Украине никогда не считался им окончательно решенным... Чехи, по словам Бенеша, самые разумные люди, они хотят заключить договор, как будет передана Советскому Союзу Карпатская Украина, причем для этого договора очень важно решить вопрос, как будет проходить граница Карпатской Украины, ибо на территории Чехословакии живут украинцы. По мнению Бенеша, вопрос об украинцах на словацкой территории мог бы быть решен путем переселения их и обмена населением с Карпатской Украиной, где также проживает часть словаков. Бенеш спрашивает, как т. Молотов относится к такому решению вопроса.

Молотов заявляет, что тут нет никакого вопроса, и конечно можно договориться об обмене населением...

IV. Хозяйственное положение на освобожденной территории

Бенеш говорит, что имеется неясность в вопросе о военных трофеях, и просит уточнить наше понимание этого вопроса. Чехословакия и СССР — союзники, и естественно, что вопрос о военных трофеях должен был бы быть решен полюбовно, прежде всего стоит вопрос о недвижимом имуществе, которое вряд ли можно считать военными трофеями. Есть факты, когда фабрики, брошенные немцами и венграми, берут советские военные власти, считая их как военные трофеи. Между тем, чехословацкое правительство намерено национализировать такие фабрики.

Молотов замечает, что немцами в Чехословакии были построены новые фабрики и заводы.

Бенеш говорит, что все это верно, но все же требует уточнения.

Молотов соглашается, что надо рассматривать конкретно этот вопрос... мы рассматриваем Чехословакию союзником и на добро Чехословакии не покушаемся, однако, законы войны требуют, что то, что захвачено в результате боев, то, что завоевано кровью солдат, считается военными трофеями, и те, кто изгоняет противника с захваченной территории, имеют право распоряжаться имуществом, захваченным в бою. Естественно, что союзные армии могут и обязаны делиться захваченным, но право распоряжаться захваченным все-таки принадлежит тем, кто изгнал противника...

Бенеш просит дать советскую формулировку понимания военных трофеев на территории Чехословакии и заявляет, что он надеется договориться с советским правительством по этому вопросу.

V. Вопрос репараций Венгрией...

VI. Транспорт...

VII. Дальнейшая организация чехословацкой армии

Бенеш говорит, что во время его беседы с маршалом Сталиным вопрос о расширении чехословацкой армии был признан решенным и что сейчас будет большая работа в этом направлении. В связи с этим встает вопрос о тесном контакте с Москвой и Лондоном. Очевидно, нужно организовать радиосвязь между правительством, Москвой и Лондоном. Также необходим транспорт для правительства и военных органов. Нужно несколько самолетов для поддержания связи.

Молотов говорит, что нужно, однако, считаться с военной обстановкой и с тем, что правительство будет в тылу Красной Армии...

VIII. Взаимоотношения между СССР, Польшей и Чехословакией

Бенеш говорит, что когда был подписан советско-чехословацкий договор, была резервирована возможность присоединения к нему Польши, но он думает, что сейчас, пожалуй, несвоевременно ставить этот вопрос... выражает надежду, что отношения с Польшей будут лучше, чем раньше, и думает, что когда СССР найдет целесообразным поставить вопрос о присоединении Польши к договору, чех[ословацкое] пра[вительство] поддержит это предложение.

IX. Дальнейшая политика СССР и Чехословакии в отношении Германии...

Молотов говорит, что вопрос о расчленении Германии ставился неоднократно, но не решен. Сейчас все сочувствуют этой идее и настроены строго по отношению к Германии, но плана еще нет.

Бенеш боится, что после разгрома немцев будет сочувствие к ним и начнется организация симпатии к немцам.

Молотов говорит, что идея безоговорочной капитуляции не наша идея, тем не менее мы поддерживаем ее и будем последовательно придерживаться ее.

Бенеш говорит, что... сейчас нужна общая славянская политика... и рад, что СССР будет на другой стороне Карпат и станет соседом Венгрии. Лет через 10–15 и Запад может быть против СССР и нужно быть готовыми к этому.

Молотов соглашается, что надо быть трезвыми, а не только мечтать о будущем мире. Если будет сближение между славянскими народами, то безопасность на Востоке укрепитя.

Бенеш считает, что... малые страны заинтересованы в том, чтобы между великими державами не было разногласий, ибо при спорах среди великих держав малые страны страдают больше, чем при наличии согласия между великими державами.

Молотов говорит, что если великие державы хотят по-честному договориться, то СССР хотел бы этого; политика компромисса выгодна и малым державам; если мы увидим, что наши партнеры не хотят договориться, мы будем осторожны. У нас огромное желание заняться внутренними делами. Мы более искренние сторонники мира, чем кто бы то ни было. Если у наших партнеров хватит воли добиться прочного мира, то они найдут в нас верных союзников.

Бенеш считает, что, подходя трезво, Чехословакия должна опираться на Советский Союз.

Молотов замечает: Теперь уже, не дожидаясь Франции?

Бенеш соглашается с этим. Он считает, что надо организовать славянскую политику, чтобы немцы не могли вновь угрожать.

X. Дальнейшее финансирование чехословацких платежей на территории СССР...

На вопрос Молотова, серьезны ли настроения в Англии за сохранение длительного мира и сотрудничество с СССР, Бенеш отвечает, что Черчилль, безусловно, стоит за это, но трудно сказать, что будет после Черчилля... *

* Беседу, которая продолжалась два с половиной часа, записал В. Зорин. Присутствовали также А.Я. Вышинский, Я. Масарик, З. Фирлингер.

№ 28

*Выступления И.В. Сталина на обеде в честь Э. Бенеша,
записанные секретарем В.М. Молотова
Б.Д. Подцеробом*

Москва

28 марта 1945 г.

Первое выступление тов. И.В. Сталина

Тов. Сталин сказал, что он слышал много славословий по адресу Красной Армии. Конечно, можно признать, не хвастаясь, что это действительно доблестная, храбрая и славная армия, но она имеет еще много недостатков. Это армия большая, она ведет большую войну. Вместе с людьми, обслуживающими ее непосредственные тылы, она насчитывает приблизительно 12 миллионов человек. Эти 12 миллионов человек — разные люди. Не следует думать, что все они ангелы.

Красная Армия вступила в Чехословакию, и теперь чехословаки лучше узнают ее, узнают и ее недостатки. Красная Армия идет вперед, одерживая большие победы, но у нее еще много недостатков. Красная Армия прошла с боями большой путь от Сталинграда до ворот Берлина. Ее бойцы прошли этот путь не как туристы, они прошли этот путь под огнем, и они победили немцев. Они думают, что они герои. Так думают почти все бойцы Красной Армии, во всяком случае большинство бойцов Красной Армии. Чем люди менее культурны, тем более они об этом думают.

Они считают себя героями и думают, что они могут позволить себе излишества. Они считают, что им простят эти излишества потому, что они герои. Они прошли под огнем неприятеля большой и тяжелый путь, и каждый из них думает, что может завтра его сразит вражеская пуля. Тов. Сталин сказал, что эти бойцы зачастую делают безобразия, насилуют девушек. Тов. Сталин сказал, что он хочет, чтобы чехословаки не слишком очаровывались Красной Армией, чтобы затем им не слишком разочаровываться. Он, тов. Сталин, хочет, чтобы чехословаки поняли психологию, поняли душу рядового бойца Красной Армии, чтобы они поняли его переживания, что он, рискуя все время своей жизнью, прошел большой и тяжелый путь. Тов. Сталин сказал, что он поднимает бокал за то, чтобы чехословаки поняли и извинили бойцов Красной Армии.

Второе выступление тов. И.В. Сталина

Тов. Сталин сказал, что он поднимает свой бокал за новых славянофилов. Он, тов. Сталин, сам является новым славянофилом. Были старые славянофилы, одним из руководителей которых являлся известный русский публицист Аксаков. Они выступали во времена царизма, и эти славянофилы были реакционерами. Они выступали за объединение всех славян в одном государстве под эгидой русского царя.

Мы, новые славянофилы, стоим за союз независимых славянских государств.

Первая мировая война разыгралась на спинах славянских народов. Мы видим, что и вторая мировая война идет на спинах славянских народов. Англия и Германия дерутся, а славянские народы проливают свою кровь.

Франция не воевала, она впустила немцев в свои пределы, и можно сказать, что она не подверглась оккупации. Бельгия и Голландия не воевали — они покорно легли перед немцами и подняли лапки кверху. Англия? Англия — на островах и ее положение особое. Кто пострадал от немецкого разбоя, от немецкой оккупации? Чехословакия, Польша, Югославия, Советский Союз. Болгария попыталась избежать этого, пыталась спасти себя, но не все у нее вышло благополучно. В общем получается, что «паны дерутся, а у холопов чубы трясутся».

Тов. Сталин сказал, что он ненавидит немцев. Но, тем не менее, он, тов. Сталин, должен признать, что немцы — это сильный и способный народ. Они имеют неплохие кадры, военные, промышленные и другие. После поражения, которое они потерпят в этой войне, они попытаются возродиться в течение ближайших 15 лет.

Тов. Калинин воскликнул: «Реванш».

Тов. Сталин сказал, что да, немцы попытаются взять реванш. Тов. Сталин сказал, что просчитаются те, которые думают, что немцы этого не смогут сделать. Некоторые англичане опять говорят о равновесии сил. Если англичане будут полудрузьями Германии, то они просчитаются и проиграют на этом. Мы сейчас бьем немцев, побьем их и тогда, если и когда они вздумают поднять и разыграть новую войну. Но чтобы немцам не дать подняться и затеять новую войну, нужен союз славянских народов.

Мы, новые славянофилы, являемся коммунистами, если хотите — большевиками. Про нас думают, что мы хотим установить повсюду советский строй. Это не так. Когда Красная Армия пришла в Болгарию, то кое-кто пытался установить там Советы, но мы сказали, что этого не следует делать. Мы хотим, чтобы каждый народ имел тот строй, которого он достоин. Мы не собираемся вводить в Чехословакии советский строй.

Обращаясь к Бенешу, тов. Сталин сказал, что у него, Бенеша, на этот счет, вероятно, есть сомнения. Тов. Сталин сказал, что это право Бенеша. Но он, тов. Сталин, хочет, чтобы чехословаки поняли, что он говорит искренне и что он говорит то, что он думает.

В заключение своего выступления тов. Сталин поднял бокал за союз и дружбу независимых славянских народов, больших и малых *.

* Помимо записи Б.Д. Подчероба, существует запись этих выступлений И.В. Сталина, сделанная присутствовавшим на обеде наркомом танковой промышленности СССР В.А. Малышевым (*Источник. 1997. № 5. С. 127–128*). По сути обе записи мало чем отличаются друг от друга.

Архив Президента Российской Федерации. Ф. 45. Оп. 1. Д. 393. Л. 57–59

№ 29

*Из Соглашения между Правительством
Союза Советских Социалистических Республик
и Правительством Чехословацкой республики
о порядке использования военных трофеев
на территории Чехословакии*

Москва

31 марта 1945 г.

... Статья 1

С освобожденной Красной Армией территории Чехословакии оборудование германских предприятий и другое трофейное имущество, имеющее существенно важное военное значение, может быть вывезено на территорию СССР для использования на нужды войны. Советское посольство в Чехословакии будет сообщать Чехословацкому правительству о наименовании предприятий, а также относительно оборудования, сырья, полуфабрикатов или готовой продукции, которые полностью или частично подлежат вывозу по согласованию с Чехословацким правительством в порядке выполнения указанного выше положения.

Статья 2

Трофейное оборудование германских предприятий и другое имущество, находящееся на указанных выше территориях и не подпадающее под действие указанного выше положения, будет уступлено Чехословацкому правительству на правах собственности.

Статья 3

Германскими предприятиями следует считать все предприятия или части предприятий на освобожденной территории Чехословакии, которые были построены немцами или завезены ими во время оккупации, но не с чехословацких заводов.

Статья 4

Настоящее соглашение вступает в силу со дня его подписания и ратификации не подлежит...

По уполномочию Правительства
Союза Советских Социалистических Республик
А. Вышинский

По уполномочию Правительства
Чехословацкой Республики
З. Фирлинггер

№ 30

*Из Программы Правительства Национального фронта
чехов и словаков*

Кошице

5 апреля 1945 г.

... IV

Выражая бесконечную благодарность чешского и словацкого народов Советскому Союзу, правительство будет считать неизменной ведущей линией чехословацкой внешней политики самый тесный союз с победоносной славянской державой на Востоке. Чехословацко-советский договор от 12 декабря 1943 г. о взаимной помощи, дружбе и послевоенном сотрудничестве будет определять на все будущее внешнеполитическую позицию нашего государства. С помощью Советского Союза будет завершено освобождение Чехословацкой республики с тем, чтобы при опоре на него была всегда обеспечена ее свобода и безопасность и чтобы при всестороннем сотрудничестве с Советским Союзом было обеспечено мирное развитие и счастливое будущее для народов Чехословакии.

Правительство с самого начала будет осуществлять на практике сотрудничество с Советским Союзом во всех направлениях — в военном, политическом, экономическом, культурном, причем оно желает осуществлять взаимный обмен представителями и взаимные связи с соседней Украинской Союзной Советской Республикой. Правительство будет стремиться к тому, чтобы при окончательном разгроме гитлеровской Германии, при осуществлении наказания Германии, при назначении репараций с Германии, при определении новых границ и организации будущего мира Чехословакия стояла тесно, плечом к плечу с Советским Союзом и в одном фронте с остальными славянскими и демократическими государствами...

ДМИСЧО 4-2. С. 347

№ 31

*Из информационной сводки 7-го Управления ГлавПУ РККА
о настроениях населения в освобожденных районах Словакии*

8 апреля 1945 г.

Наступление Красной Армии в Словакии сопровождается подъемом политической активности широких масс народа. Словаки радостно встречают наши войска и помогают им в приведении в порядок коммуникаций, перевозками военного имущества и продажей продовольствия. На многочисленных собраниях, митингах и беседах население подчеркивает родственность русского и словацкого народов и выражает глубокую благодарность Советскому Союзу за освобождение от немецко-фашистских

оккупантов. Население проявляет живейший интерес к условиям жизни в Советском Союзе и перспективам государственного устройства в Словакии. Население Словакии выражает чувство дружбы и симпатии по отношению к Красной Армии... Жители заявляют, что видят в русских своих братьев... Все население заявляет о поголовном грабеже, произведенном немцами в селах. Немцы забирали все и при этом говорили: «Чтобы Ивану ничего не осталось»... Немцы всячески запугивали население приходом русских. Широко для этих целей использовались печать и радио. Надо отметить, что испытанные немцами приемы пропаганды не прошли бесследно. Если население не оказывало сопротивления нашим войскам, то все же известная часть словаков, особенно из числа интеллигенции, боялась прихода русских... Наряду с проявлением симпатий словацкого населения к Красной Армии имеют место и отрицательные факты. Признавая освободительную миссию Красной Армии, некоторые местные жители не желают нести тягот, связанных с войной... Некоторые жители жалуются на то, что с приходом Красной Армии пришла война, разрушаются дома и приносится материальный ущерб... Имеются случаи отказа продавать воинским частям продовольствие и фураж...

РГАСПИ Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 1–5

№ 32

Из записи беседы зав. IV Европейским отделом НКВД СССР

А.А. Лаврищева с чехословацким поверенным в делах Я. Гниздо

Москва

13 апреля 1945 г.

Гниздо напомнил, что советские военные власти отказались удовлетворить просьбу чехословацкого правительства об установлении воздушного рейса между Чехословакией и Англией. Сейчас англичане предоставили в распоряжение чехословацкого правительства 2 самолета, и чехословацкое правительство полагает, что ему будет предоставлено [право] использовать эти самолеты с чехословацкими экипажами для связи с Англией.

Я выразил сомнение в возможности удовлетворения этой просьбы чехословацкого правительства ввиду того, что Чехословакия еще является зоной военных действий *...

* Запись разослана В.М. Молотову, А.Я. Вышинскому, В.Г. Деканозову.

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 98–99

№ 33

*Из записи беседы В.А. Зорина с З. Фирлингером
о положении в Чешских землях*

Кошице

16 апреля 1945 г.

... Затронув вопрос о Чешских землях, Фирлингер прочитал телеграмму, полученную от Масарика и Рипки, в которой сообщается, что на Чешских землях создан какой-то Национальный комитет, который хочет установить радиосвязь с чехословацким правительством, и что необходимые материалы для этой связи (код, шифры) могут быть переданы через 2–3 чиновников, которые должны направиться в Чехословакию кратчайшим путем через Бухарест. Фирлингер в связи с этим просил меня ввиду затруднительности его связи с Лондоном обратиться к советскому правительству с просьбой дать указание советскому военному атташе в Лондоне, чтобы он по договоренности с Рипкой и английскими военными властями решил вопрос о направлении этих людей в Чехословакию тем путем, который советское правительство сочтет приемлемым. Фирлингер добавил, что в этом мероприятии заинтересованы и советские военные власти, поскольку связь с людьми на чешской земле была до сих пор в руках англичан, сейчас чехословацкое правительство дало указание передать связь советским военным властям. Фирлингер обещал мне прислать памятную записку по этому поводу. Я обещал довести его просьбу до сведения советского правительства*.

* Запись беседы была направлена В.М. Молотову, А.Я. Вышинскому, в IV Европейский отдел НКВД. Сведениями о том, последовала ли какая-либо реакция со стороны советских властей на это сообщение и была ли Фирлингером представлена памятная записка, автор не располагает.

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 19–20

№ 34

Из записи беседы Н.Я. Демьянова с В. Копецким

Кошице

21 апреля 1945 г.

... Что касается вступления американских войск на территорию ЧСР, то Копецкий находит, что их вступление в Прагу весьма нежелательно для Чехословацкого правительства с многих точек зрения, хотя среди официальных кругов есть люди*, которые с надеждой взирают на возможное вступление в Прагу англо-американских войск.

* Подчеркнуто в оригинале зеленым карандашом, по всей видимости, А.Я. Вышинским, которому была направлена запись беседы.

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 8. Л. 52

№ 35

*Из беседы поверенного в делах СССР
при союзных правительствах в Лондоне**Н.Д. Кузнецова с чиновником чехословацкого МИД Я. Краусом*

Лондон

25 апреля 1945 г.

Сообщил, что Рипка несколько дней назад с согласия чехословацкого правительства в Кошице сделал представление английским и американским послам при Чехословацкой республике в связи с вступлением американских войск в Чехословакию. Оно заключается в следующем: так как чехословацкое правительство не имеет специального соглашения между Чехословакией и Англией и Америкой о гражданской администрации на освобожденной территории, то чехословацкие власти просили американские и английские военные власти придерживаться на освобожденной территории тех же принципов и условий, которые изложены в договоре между Чехословацкой республикой и Советским Союзом относительно гражданской администрации на освобожденной территории. Английский посол уже дал ответ Рипке, что они принимают это предложение... *

* Направлено А.Я. Вышинскому. О реакции американцев на представление сведений у автора нет.

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 8. Л. 80–81

№ 36

*Из письма английского посла в СССР А.К. Керра В.М. Молотову
об оказании помощи группам Сопротивления
на оккупированных территориях Чехословакии*

Москва

5 мая 1945 г.

... 2. В течение некоторого периода времени в прошлом компетентные органы Британского правительства по просьбе Чехословацкого правительства, а также в соответствии с указанием Британских национально-освободительных штабов *, оказывали в небольшом масштабе путем сбрасывания снабжения с воздуха поддержку диверсионной деятельности в районах Чехословакии, находящихся под германской оккупацией. Эти операции проводились с баз в Италии. Мое правительство никогда не имело намерения оказывать поддержку всеобщему восстанию, для которого не имеется практических возможностей. Поэтому действия, указанные выше, были ограничены поощрением диверсий и общим поддержанием сопротивления. Чехословацкое правительство было уведомлено о том, что это является политикой Его Величества.

3. Перед тем как покинуть Лондон, Чехословацкое правительство просило Британское правительство продолжать оказывать свою поддержку этим диверсионным операциям. О желаемых операциях Британские органы уведомлялись бы Чехословацким военным командованием, которое со своей стороны получало бы указания для себя от Командующего советским театром военных действий. Мое правительство ответило, что оно готово оказывать поддержку в таком же ограниченном размере, но что теперь, имея в виду отъезд Чехословацкого правительства из Лондона, было бы необходимо пребывание небольшой миссии при штабе Чехословацкого главнокомандования в целях поддержания связи с ее базами в Италии и с ее штабами в Лондоне. Предполагается, что эта миссия состояла бы из двух британских офицеров и трех радистов.

4. Моему правительству известно, что этот вопрос Чехословацкое правительство поставило перед Советским правительством во время недавнего посещения Москвы Президентом Бенешем. Сейчас я получил указание уведомить Вас о заинтересованности моего правительства в этом деле. Оно желает, чтобы Советское правительство знало о действиях, которые имели место в ограниченном масштабе в прошлом, и оно надеется, что Советское правительство разделяет мнение Британского и Чехословацкого правительств в отношении того, что продолжение этих действий может быть полезным в будущем. Мое правительство считает, что если эти действия окажут эффективный вклад в дело полного освобождения Чехословакии, то Британская миссия, упомянутая выше, должна быть отправлена как можно скорее **...

* Скорее всего, имеется в виду СОЭ — специальный орган по подготовке диверсионных акций в оккупированных Германией странах.

** Письмо разослано И.В. Сталину, В.М. Молотову, А.И. Микояну, Л.П. Берия, Г.М. Маленкову, А.Я. Вышинскому, В.Г. Деканозову.

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 66–67

№ 37

*Из информации Политуправления 2-го Украинского фронта
о настроениях населения в чешских районах,
освобожденных Красной Армией*

Действующая армия

10 мая 1945 г.

Чешское население, как правило, дружелюбно встречало вступающую на территорию Чехословакии Красную Армию. На улицы выходили толпы людей, много домов было украшено советскими и чехословацкими флагами. Все чешское население осталось на своих местах. Количество чехов, бежавших с немцами, исчисляется единицами... Немецкое господство в

Чехии чувствуется гораздо сильнее, чем в Словакии... среди чешского населения очень сильны антифашистские настроения... В кругах буржуазии и интеллигенции еще довольно сильны проанглийские настроения... Не все слои населения одинаково охотно участвуют в восстановительных работах. Привлечение населения к оборонным работам проходит в Чехии с значительно большими трудностями, чем в Румынии, Венгрии и Словакии... Население сельских местностей настроено значительно дружелюбнее и более охотно участвует в восстановительных и других работах...

РГАСПИ Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 53–56

№ 38

*Из донесения командующего войсками 1-го Украинского фронта
И.С. Конева И.В. Сталину*

Действующая армия

12 мая 1945 г.

Вчера был в Праге. Город находится в хорошем состоянии и почти не имеет разрушений.

Сохранились промышленные предприятия, коммунальное хозяйство, водопровод, есть электроэнергия.

Правительство Фирлингера находится в Праге и приступило к своей деятельности.

Имел встречу с правительством Фирлингера, где присутствовал весь состав Совета Министров. Были решены практические вопросы по оказанию содействия правительству в быстрейшем налаживании порядка в Праге и стране.

Докладываю, что население Чехословакии, и особенно Праги, восторженно встретило войска Красной Армии.

Население Праги непрерывно приветствует войска Красной Армии, отдельные группы проходящих бойцов, офицеров и проезжающих генералов. На улицах возникают стихийные митинги.

Все слои пражского населения искренне выражают благодарность Красной Армии за освобождение от фашистских захватчиков.

Все важные объекты взяты войсками Красной Армии под охрану. В Праге уже налажен нормальный порядок...

И. Конев

ДМИСЧО 4–2. С. 420–421

Список сокращений

- АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации
- АДД — Авиация дальнего действия
- АМГОТ — Союзная военная администрация на оккупированных территориях
- АН СР — Академия Наук Словацкой Республики
- АП РФ — Архив Президента Российской Федерации
- ВВС — Военно-воздушные силы
- ВГК — Верховное Главнокомандование
- ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
- ВПП — Временное польское правительство
- ГАРФ — Государственный Архив Российской Федерации
- ГАУ — Главное архивное управление
- ГКО — Государственный Комитет Оборона
- ГлавПУ РККА — Главное политическое управление Рабоче-крестьянской Красной Армии
- ГРУ — Главное разведывательное управление
- ГУГБ — Главное управление государственной безопасности
- ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
- ГУПВИ — Главное управление по делам военнопленных и интернированных
- ГШПД — Главный штаб партизанского движения
- ДМИСЧО — Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений
- ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического интернационала
- КА — Красная Армия
- КИ — Коммунистический интернационал
- КОНР — Комитет освобождения народов России
- КП(б)У — Коммунистическая партия (большевиков) Украины
- КПЗУ — Коммунистическая партия Закарпатской Украины

- КПС — Коммунистическая партия Словакии
КПЧ — Коммунистическая партия Чехословакии
МИД — Министерство иностранных дел
МНО — Министерство национальной обороны
НИИ — Научно-исследовательский институт
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности
НКИД — Народный комиссариат иностранных дел
НКО — Народный комиссариат обороны
НРЗУ — Народная Рада Закарпатской Украины
ОВДБ — Отдельная воздушно-десантная бригада
ОМИ — Отдел международной информации
ООН — Организация Объединенных Наций
ПВП — Польское временное правительство
ПКНО — Польский Комитет Национального освобождения
ПР — Подкарпатская Русь
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА — Российский государственный военный архив
РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия
РОА — Русская освободительная армия
СМ — Совет министров
СМЕРШ — «Смерть шпионам», советская военная контрразведка
СНВ — Словацкое национальное восстание
СНС — Словацкий национальный совет
СОЭ — Специальная организация по подготовке диверсионных акций в оккупированных Германией странах
СР — Словацкая республика
СС — (от нем. SS — Schutzstaffel), охранные отряды, вооруженные элитные формирования Национал-социалистской рабочей партии Германии
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
США — Соединенные Штаты Америки
ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза
УПВИ — Управление по делам военнопленных и интернированных
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика

- УШПД — Украинский штаб партизанского движения
ЦАФСБ РФ — Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
ЦК — Центральный комитет
ЦХИДК — Центр хранения историко-документальных коллекций
ЧА — Чехословацкая армия
ЧАК — Чехословацкий армейский корпус
ЧНС — Чешский национальный совет
ЧС — Чехословакия
ЧСР — Чехословацкая республика
ЧССР — Чехословацкая социалистическая республика
Ч-Сл — Чехо-Словакия
ЮННРА — Администрация Объединенных Наций для оказания помощи и обновления пострадавших в годы войны стран
ČSVDJ — Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních
DHČР — Dokumenty z historie československé politiky 1939–1943
DSNP — Dejiny Slovenského národného povstania
SNPD — Slovenské národné povstani. Dokumenty

Именной указатель

- Абрамов А.Н. 404
Адибеков Г.М. 171
Алафузов 323, 329
Александров А.В. 46
Александров Кирилл 348, 349, 351, 361, 362
Андерс Владыслав 69, 98, 123
Андравшик (Андрашчик) 68
Антонов А.И. 188, 189, 208, 211, 220, 250, 287, 311, 334, 338, 339, 341, 342
Антонов Р.Л. 350, 351
Апостол 306
Артемьев П.А. 177
Асеев Н.Н. 46
Асмолов А.Н. 234, 236, 237, 238
- Балаж Т. 205
Бальфур Дж. 301, 302
Баранов Л.С. 276
Барновский Михал 12
Батлер 103
Бедняков 232
Бедржих (Бедрах) Ладислав 68, 69, 70, 72, 73, 76
Белло Ян 408
Белов Г.А. 95
Белянов А. 232, 257
Бенеш Эдвард 5, 6, 7, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 33, 47, 48, 51, 52, 53, 59, 61, 64, 68, 77, 78, 82, 86, 92, 93, 97, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 120, 121, 122, 123, 125, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 145, 146, 147, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 173, 174, 175, 178, 182, 188, 190, 198, 199, 202, 204, 210, 211, 212, 215, 217, 218, 221, 229, 231, 239, 246, 247, 248, 251, 253, 254, 255, 266, 267, 273, 277, 278, 280, 281, 282, 283, 284, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 302, 303, 305, 306, 307, 308, 313, 314, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 324, 325, 329, 332, 342, 343, 344, 352, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 372, 373, 374, 375, 378, 379, 380, 381, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 393, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 418
Бенчик Антонин 96, 229
Берия Л.П. 20, 51, 52, 53, 57, 58, 61, 67, 69, 71, 73, 155, 157, 325, 418
Бероунский Йозеф 62
Бехыне Рудольф 167
Биддл Антони Йозеф Д. 112
Биелик 237, 399
Биенерт Рихард 336, 340
Благоева С.Д. 319
Блок А. 326
Богомолов А.Е. 28, 59, 85, 104, 107, 109, 110, 112, 113, 117, 120, 122, 123, 124, 125, 129, 130, 133, 134, 135, 136, 138, 139, 140, 144, 145, 146, 147, 148, 174, 383, 384, 387, 388, 389
Борек Властимил 78, 175
Борисов Ф. 360
Борканюк Ц. (С) 264, 270, 277, 279

- Браунер Ф. 68
 Бредли Омар Нельсон 341
 Брежнев Л.И. 269
 Брюинс Джон 299
 Буняченко С.К. 346, 348, 349, 350, 351,
 352, 356, 357, 361
 Бурцев 258, 275
 Буршик Й. 93, 100
 Буянов В. 248
 Быстрицкий Йозеф 38, 42, 242
- Вайс С.** (Варга Ш., Весели В., Вольф К.,
 Кольбен) 263, 265, 270, 279
 Вакула Ю. 264
 Вало Йозеф 272
 Вальков В.А. 128, 129, 130, 131, 145
 Варга П. (Шалек Р.) 264, 279
 Василевский А.М. 55, 383
 Васильев 125
 Ватутин Н.Ф. 92, 175
 Вацек Вацлав 340
 Ваш И. 263, 270, 274
 Величко А.П. 194, 214, 216, 218, 237,
 238, 397
 Вершанский 18
 Веселы 205
 Ветишка Рудольф 75
 Виднянский Степан 266, 269, 270, 275
 Виест Рудольф 37, 123, 216, 234, 235,
 236, 237, 238, 402
 Винтер 353
 Витоуш Эмил (Витовский) 342
 Власов А.А. 346, 347, 348, 349, 350, 351,
 352, 356, 357, 360, 361
 Волянский Е.П. 194, 237, 397
 Ворожейкин Г.А. 241
 Воронов Н.Н. 63, 325
 Ворошилов К.Е. 143, 151, 155, 157
 Врбенский Богумил 76, 77, 78, 83, 149, 277
 Вышинский А.Я. 26, 27, 47, 54, 55, 59,
 60, 63, 64, 81, 82, 84, 94, 103, 104,
 107, 117, 127, 134, 182, 183, 210, 217,
 221, 249, 285, 286, 296, 301, 306, 317,
 323, 329, 330, 374, 403, 404, 410, 413,
 415, 416, 417, 418
- Гавличек 164
 Гайдош Марианн 265, 269, 270, 275
 Гала Франтишек 407
 Галай Д. 233
 Гандера М. 264
 Гарриман Виллиам Аверелл 301
 Гасал (Нижборский) Антонин 175,
 177, 188, 253, 256, 281, 284, 285, 406
 Геббельс Йозеф 16, 46, 49, 348
 Гейрет (Гейрат) Йозеф 110
 Георгиу-Деж Георге 306
 Геринг Герман 44, 348
 Гиммлер Генрих 332, 333, 347, 348
 Гитлер Адольф 15, 16, 18, 27, 28, 33, 37,
 70, 103, 209, 332, 336, 347, 350, 351,
 385, 389, 401
 Гниздо Ярослав 330, 415
 Годжа Милан 10
 Голиан Ян 194, 195, 200, 204, 205, 206,
 207, 216, 217, 218, 219, 224, 231, 235,
 238, 240, 272, 401
 Голиков Ф.И. 87, 176, 189, 190, 191,
 393, 404
 Голованов А.Е. 188, 196, 200, 233, 234,
 243, 244
 Горкин А.Ф. 404
 Горовский М. 68
 Готвальд Клемент 23, 46, 74, 75, 76, 77,
 78, 79, 81, 82, 83, 84, 88, 91, 98, 146,
 162, 162, 163, 192, 193, 208, 212, 214,
 216, 221, 236, 277, 278, 280, 288, 289,
 292, 300, 305, 306, 307, 308, 309, 310,
 313, 314, 320, 347, 368, 407
- Гребенщиков 150
 Гречко А.А. 258, 293
 Гречуха М.Е. 270
 Грин Карел 205, 206, 239, 240
 Гроза Петру 306

- Грон Петер (Клементис Владимир) 37
 Грызлов 342
 Гундоров А.С. 319
 Гурбан-Ваянский Светозар 164
 Гусак Густав 217, 218, 236, 237, 238,
 239, 240, 241, 244, 245, 305, 307,
 308, 309, 310, 327, 328, 407
 Гусев Ф.Т. 324
- Давид Вацлав 351
 Давид Иосиф 407
 Дакснер Игор 407
 Дальтон 103
 Деканозов В.Г. 113, 116, 127, 130, 155, 157,
 301, 330, 388, 389, 402, 403, 415, 418
 Демьянов Н.А. 337, 416
 Де́ниц Карл 332, 336, 345, 353
 Дибров И.И. 194
 Димитров Георги 25, 65, 67, 74, 75, 78, 81,
 82, 83, 88, 89, 97, 98, 161, 162, 163, 192,
 196, 208, 212, 213, 214, 221, 236, 239,
 240, 242, 245, 258, 264, 265, 268, 270,
 275, 276, 278, 279, 292, 294, 304, 305,
 306, 308, 309, 310, 313, 314, 328, 374
- Диянич В. 265
 Добровский Йозеф 164
 Довженко А.Н. 46
 Дртина Прокоп 407
 Дюмбал О. 44
- Евстигнеев В.Н. 57, 59, 60, 81, 99, 190
 Егоров А.С. 194, 237, 238
 Есенский Янко 326
 Еременко А.И. 332, 352
- Жданов А.А. 151
 Желизко 264
 Желицки Б.Й. 292
 Жиленков Г.Н. 357
 Жингор 237
 Жуков Г.К. 227, 228, 332, 398
 Жуков Г.С. 72, 80, 84, 85, 87, 88, 90, 91,
- 100, 157, 176, 177, 187, 188, 189, 190,
 195, 207, 210, 227, 393
- Зинченко 23
 Зорин В.А. 195, 197, 198, 255, 256, 280,
 281, 283, 285, 298, 301, 310, 315, 317,
 322, 323, 324, 330, 337, 343, 357, 374,
 375, 403, 404, 405, 410, 416
- Иванов В.В. 46
 Иден Антони 23, 31, 32, 105, 106, 109,
 118, 119, 120, 123, 125, 127, 131, 132,
 139, 140, 141, 142, 143, 145, 150, 155,
 324, 384
 Ильичев 60
 Ингр Сергей 20, 51, 52, 54, 58, 66, 67, 77,
 78, 80, 81, 81, 92, 99, 193, 195, 196, 197,
 198, 202, 206, 207, 217, 218, 221, 227,
 231, 243, 254, 256, 281, 364, 378, 379
- Ионаш И. 279
- Йодль А. 353
- Жалина Л. 194, 214, 237
 Калинин М.И. 25, 28, 89, 150, 151, 152,
 153, 405, 412
 Калла Ян 81
 Камбулов П. 18, 84, 181
 Каминский 348
 Капитохин 177
 Каплан Карел 46
 Карасев В.А. 215, 220, 221
 Кардель Эдвард 306
 Касик Я. 68
 Катаев В.П. 46
 Кафка 95
 Качалов В.И. 46
 Квитинский В.А. 194
 Керр Арчибалд Дж. Кларк 131, 139, 146
 Керча И. 270
 Кессельринг Альберт 353
 Клапалек Карел 179

- Клементис Владимир (Грон Петер) 37, 320
 Климпотюк Н.В. (Тиссин К.В.) 263, 265, 277, 279
 Клингер Оскар 407
 Кнап Йозеф 351
 Книппер-Чехова О.Л. 46
 Коваленко 85
 Коза Л. 205
 Козырев С.П. 117
 Коллар Ян 164
 Конев И.С. 219, 220, 223, 227, 228, 229, 231, 236, 237, 241, 311, 332, 343, 352, 356, 357, 400, 419
 Копецкий Вацлав 46, 75, 78, 82, 161, 212, 216, 280, 307, 308, 338, 416
 Кополович И. 270
 Кордуш Ю. 409
 Корецкий Ян 204, 205, 207, 215, 216, 239
 Корж 23
 Корнейчук А.Е. 46, 134, 136, 139, 141, 142, 149, 150, 151, 154, 155, 157, 158, 163, 165, 247
 Коротков 67, 68
 Косик И. 248
 Костов Трайчо 306
 Котлобовский А. 50
 Кочик В. 96
 Крайнюков К.В. 228, 400
 Крадохвил Л. 68, 89, 180
 Крадохвил Ян 87, 91, 175, 177, 178, 192, 193, 226, 227, 369, 393
 Краузе Я. 149
 Краус Ярослав 23, 110, 417
 Крейбих Карел 167
 Крейчижек (Крейчиржик) Й. 68
 Криппс Говард Стаффорд 15
 Кроснарж Йозеф 75, 77, 78, 82, 265, 277, 279, 281
 Крушинский С.К. 235, 244, 311, 400, 402
 Кузнецов Н.Д. 207, 219
 Кукал Либор 356, 362
 Кульков Е.Н. 45
 Купала Янко 46
 Кутлвашр Карел 338, 346, 349, 350, 353, 358
 Кутузов 404
 Лаврищев А.А. 330, 415
 Лавров В. 248
 Лампе В. 347
 Лаушман Богумил 407
 Лаштовичка Богуслав 407
 Лебедев В.З. 147, 148, 153, 154, 158, 165, 182, 183, 221, 248, 254, 255, 296, 299, 396
 Лебедева Н.С. 171
 Левко 269
 Ледней И.Д. (Оленич Василь) 263
 Лельошенко Д.Д. 355
 Леонов Л.М. 46
 Лец Роберт 312
 Линтур П. 270
 Литвинов М.М. 28, 31, 47, 155
 Лозовский С.А. 27, 28, 61, 82, 127, 133, 134
 Лоренц В. 347
 Лудин Ганс Элард 33, 34
 Магорита В. 248
 Майер Вацлав 406
 Майоров 398
 Майский И.М. 15, 16, 20, 21, 22, 25, 26, 28, 29, 48, 64, 104, 107, 109, 117, 119, 120, 123, 131, 132, 139, 174, 303, 304, 377
 Макаров В.Г. 359
 Макса Прокоп 167
 Малар Аугустин 35, 41, 42, 194, 205, 209, 215, 218, 219, 220
 Маленков Г.М. 155, 157, 262, 276, 280, 418
 Малиновский Р.Я. 318, 332, 352
 Мальцев В.И. 357
 Малышев В.А. 414
 Малышкин В.Ф. 347, 348, 357
 Мануильский Д.З. 247
 Марцелли Павол 90

- Маршалл Джорж С. 334, 335
Марыина В.В. 14, 45, 49, 93, 94, 97, 98, 170, 171, 199, 238, 239, 291, 292, 293, 294, 295, 327, 328, 329, 394
Масарик Ян 22, 23, 123, 124, 125, 127, 128, 131, 136, 137, 139, 140, 145, 227, 233, 254, 313, 317, 321, 322, 377, 387, 405, 406, 410, 416
Маслов И. 248
Мах Александр 210, 216
Мацканюк М. 263
Маяковский В.В. 326
Медведев И.
Медов В. 264, 265, 278
Мельтюхов М.И. 37, 49
Меркулов В.Н. 68, 204, 205, 206
Мехлис Л.З. 207, 251, 253, 256, 259, 260, 261, 262, 264, 267, 268, 269, 271, 273, 276, 279, 310
Миколайчик Станислав 149, 153, 169
Микоян А.И. 15, 45, 155, 157, 418
Мирослав (Нойманн) Бедржих 186
Михайлович Драже 349
Мишин 181
Младек Ян 407
Молотов В.М. 25, 26, 28, 32, 54, 55, 59, 60, 63, 64, 73, 94, 113, 114, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 127, 130, 131, 133, 134, 135, 137, 142, 145, 146, 150, 151, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 166, 171, 174, 183, 188, 190, 204, 206, 208, 211, 221, 222, 246, 247, 255, 262, 268, 276, 278, 280, 286, 288, 289, 296, 300, 301, 302, 303, 305, 307, 310, 317, 318, 321, 322, 324, 339, 344, 367, 374, 375, 381, 384, 385, 386, 387, 389, 392, 393, 394, 403, 404, 405, 407, 408, 409, 410, 411, 415, 416, 417, 418
Молочков Ф.Ф. 25, 26, 28, 404, 405
Моравец Франтишек 61, 62, 95
Морозов 208
Москаленко К.С. 225, 245
Москвин И.М. 46
Мочалов В.В. 319
Мурзин Л.Б. 194
Мягков М.Ю. 45
Налепка (Репкин) Ян 90, 99
Наринский М.М. 171
Натцмер фон Олдвиг 349
Неедлы Зденек 46, 146, 150, 319, 407
Немец Б. 68
Немец Франтишек 6, 216, 249, 251, 252, 253, 254, 257, 259, 260, 261, 268, 269, 271, 272, 273, 279, 281, 283, 284, 285, 286, 287, 297, 308, 309, 322, 372, 373
Немечек Ян 12, 242
Немирович-Данченко В.И. 46
Нерсесов Ю. 13, 14
Нестерец 330
Неханский Яромир 355, 358, 361
Нижборский (Гасал) Антонин 149, 189, 190, 191, 234
Николс Филипп Б. 117, 137, 139, 146, 167, 302, 324
Новиков 23, 80, 125, 126, 129, 138, 139, 145, 177
Новиков К.В. 136
Новиков Н.В. 31, 55, 56, 60, 62, 107, 108, 146, 246
Новомеский Лацо 407
Нойманн (Мирослав) Бедржих 186
Носек Вацлав 167, 407
Нямешук В. 279
Оленич Василь (Ледней И.Д.) 263
Орлов П.Д. 142
Отто 35
Палацкий Франтишек 164
Пальгунов Н. 342
Пальчиков П.А. 360, 361
Панфилов А.П. 59, 60, 62, 63, 65, 72, 73, 76, 80, 81, 82, 364

- Пагтон Джорж С. 332, 341, 345, 353
Пагцак Вацлав 407
Паукер Анна 306
Пейс О. 44
Пересыпкин 325
Перечинский В. 248
Пернес Йиржи 11
Перчонок В. 361
Петров И.Е. 196, 224, 250, 251, 252, 253, 257, 259, 260, 261, 268, 270, 271, 272, 273, 276, 281, 284, 285, 293, 311, 358
Петрушак И. 287, 290, 374
Пегч А.М. 348
Пика Гелиодор 18, 19, 20, 23, 30, 46, 47, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 60, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 69, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 80, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 149, 174, 175, 176, 177, 178, 187, 190, 191, 192, 193, 195, 196, 197, 198, 204, 206, 207, 211, 212, 216, 221, 224, 226, 227, 231, 232, 239, 243, 249, 254, 256, 257, 283, 318, 342, 363, 365, 378, 383, 393, 407
Пилфоусек Рудольф 38, 42
Подцероб Б.Ф. 321, 344, 411, 412
Пол Т. 194, 397
Поп И.И. 266, 292, 293
Попов К.В. 194, 238, 397
Поскребышев А.Н. 342
Похван В. 269
Пражак Альберт 337, 340, 358
Пречан Вилем 201, 230
Пржикрыл В. 178, 235, 244
Прокопек Н.А. 215, 220, 221
Прокофьев С.С. 46
Прохазка (Прохаска) Ян 76, 77, 78, 81, 83, 88, 97, 98, 181, 278, 280, 407
Пудовкин В.И. 46
Пупчак М. 264
Пушкин А.С. 326
Пушкин Г.М. 59, 60, 324
Райцин Бедржих 76, 180, 181
Ракоши Магиас 193
Раманичев Н.М. 361, 362
Раточка И. 264
Рачинский Эдвард 106, 110, 118, 122, 127, 128
Репкин (Налепка Ян) 90, 99
Ржешевский О.А. 45, 48, 95, 143, 144, 145, 327, 329, 330
Риббентроп Йоахим 347, 348
Ригер 164
Рип (Риш) Ф. 68
Рипка Губерт 23, 59, 104, 106, 107, 109, 112, 113, 118, 120, 123, 124, 128, 129, 130, 131, 137, 139, 140, 144, 145, 167, 183, 221, 247, 248, 255, 281, 299, 300, 301, 322, 323, 342, 352, 389, 390, 396, 416, 417
Рихтер Карел 98, 228
Рокк фон 35
Рокоссовский К.К. 332
Рузвельт Франклин Делано 24, 48, 128, 136, 137, 169, 304, 327, 331, 333, 359
Русин В. 248
Рыбалко П.С. 355
Сабуров А.Н. 90
Савельев П.С. 346, 360
Сахер В. 178
Свобода Людвик 9, 18, 53, 56, 62, 63, 65, 68, 69, 70, 71, 73, 74, 76, 77, 78, 80, 81, 83, 84, 85, 86, 97, 88, 89, 91, 92, 93, 96, 97, 98, 99, 100, 174, 175, 178, 180, 181, 198, 226, 227, 229, 250, 285, 321, 365, 369, 406
Седельников В. 361
Сейфуллина Л.Н. 46
Сечанский 397
Сидоров 341
Сизов А.Ф. 62, 94, 195
Сикорский Владыслав 31, 48, 60, 61, 103, 104, 105, 106, 110, 111, 118, 127, 128, 145, 297, 383, 384

- Сикура Ю. 269
Симич С. 301
Симпсон У. 331
Синилов К.Р. 404
Скрипка-Студенский И.И. 231
Славик Юрай 37
Славин Г.М. 207, 208, 211
Сладек Олдржих 65
Сланский Рудольф 88, 161, 192, 193,
213, 214, 224, 236, 242, 337, 407
Слободник Д. 312
Слунечко Франтишек 338
Смрковский Йозеф 351, 353, 355, 358, 360
Смутны Яромир 15, 17, 21, 22, 122, 123,
124, 138, 141, 149, 151, 152, 154, 156,
158, 170, 406
Соболев А.А. 56, 57, 116
Сова П. 270
Соколовский В.Д. 228, 402, 404
Сопилков С. 248
Сопруненко П.К. 68
Сохор Антонин 93, 100
Сталин И.В. 6, 15, 16, 18, 25, 26, 28, 29, 30,
31, 32, 48, 49, 53, 67, 68, 70, 73, 74, 78,
83, 94, 85, 86, 91, 92, 94, 95, 98, 99,
104, 105, 106, 109, 114, 118, 119, 127,
140, 143, 144, 145, 151, 152, 153, 154,
155, 157, 158, 159, 160, 164, 165, 166,
168, 169, 174, 176, 180, 187, 188, 189,
190, 191, 199, 203, 207, 208, 210, 214,
217, 219, 220, 222, 223, 224, 226, 229,
230, 231, 233, 234, 235, 236, 241, 243,
251, 254, 262, 265, 267, 268, 270, 279,
282, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 296,
300, 302, 304, 305, 306, 307, 308, 309,
311, 314, 317, 319, 320, 321, 325, 326, 327,
329, 330, 341, 342, 344, 347, 350, 356,
357, 365, 367, 371, 372, 373, 374, 375,
376, 380, 393, 398, 405, 409, 411, 412,
418, 419
Станьчик Ян 247
Стаханов 330
Стой Франтишек 53
Странский Ян 407
Странский Ярослав 123, 406
Строкач Т.А. 192, 214, 237, 371, 398
Стык Йозеф 407
Суворов А.В.
Судоплатов П. 342
Суриц Я.З. 113
Таборский Эдуард 142, 149, 164, 254,
255, 267, 282, 283, 287, 288, 290
Таиров А.Я. 46
Тальский Вилем 219, 220
Тарахонич Д. 264, 270
Тарновский Адам 123
Татарко 34
Терполь М. 264
Тесаржик Р. 93, 100
Теслович В. 264, 270
Тимко А. 263, 269
Тимко О.
Тимошенко С.К. 143, 144
Тисо Йозеф 33, 36, 37, 203, 209, 210,
213, 216, 312, 347
Тиссин К.В. (Климпотюк Н.В.)
Тихонов Н.С. 319
Тканко А. 248, 269, 274
Трумэн Гарри 333, 335
Тука Войтех 33, 34, 39, 216
Туранец Йозеф 35, 41
Турияница И.И. (Туреф) 251, 258, 259,
262, 265, 269, 270, 272, 273, 274, 277,
279, 292, 373
Туссэн Рудольф 354, 355
Тюльпанов И. 269
Углирж Франтишек 243, 407
Удальцов И.И. 243
Уманский К.А. 116
Урсини Ян 409
Усов 235
Ушиак Э. 194

- Фадеев А.А. 46
 Файерабенд Ладислав 123
 Федин К.А. 46
 Федоренко 177, 325
 Федотов 56, 72
 Ферьенчик (Фериенчик) Микулаш
 204, 205, 207, 241, 272, 409
 Филитов А.М. 327, 328
 Фирлингер Зденек 23, 24, 25, 26, 27, 28,
 30, 31, 47, 52, 54, 55, 56, 57, 60, 61, 64, 74,
 77, 80, 82, 84, 90, 91, 92, 94, 103, 104, 105,
 106, 107, 109, 111, 117, 126, 127, 129, 130,
 131, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140,
 141, 142, 145, 146, 149, 150, 151, 154, 157,
 158, 159, 160, 161, 165, 168, 175, 182, 183,
 189, 190, 195, 199, 204, 208, 212, 215, 216,
 217, 221, 243, 249, 250, 251, 254, 255, 256,
 257, 267, 277, 280, 281, 283, 284, 285, 286,
 289, 296, 298, 299, 300, 301, 302, 308,
 314, 317, 320, 322, 323, 328, 329, 337, 342,
 343, 357, 363, 365, 380, 388, 389, 392, 393,
 394, 403, 404, 405, 410, 413, 416, 419
 Фитин П.М. (Фокин) 65, 67, 97, 190, 240
 Фомин Г.И. 149
 Франк Карел Герман 336, 340, 341, 345,
 346, 347
 Фрейка В. 205
 Фрик 49
 Фриш Эдо 212, 305
 Фушич В. 263

 Хавкин Б.Л. 359
 Хебранг А. 306
 Хелл (Хэлл) Карделл 142, 150
 Хёфле Герман 235
 Хисматуллин Ф.Б. 360
 Хоменко В. 248
 Хорти Миклош 250, 292
 Христофоров В.С. 359
 Хрулёв А.В. 63, 325
 Хрущев Н.С. 210, 214, 224, 234, 235,
 237, 262, 270, 282, 284

 Чатлош Фердинанд 33, 34, 35, 36, 37,
 38, 39, 40, 41, 43, 44, 48, 49, 194, 202,
 204, 297, 208, 209, 210, 212, 213, 215,
 217, 219, 239, 272
 Чеканюк А. 260
 Черничко М. 264
 Черчилль Уинстон 16, 17, 18, 22, 45, 48,
 95, 118, 119, 125, 134, 137, 143, 144,
 145, 154, 155, 159, 168, 169, 302, 303,
 304, 313, 324, 327, 329, 330, 331, 333,
 334, 335, 336, 338, 339, 358, 359, 363,
 368, 376, 410
 Чесаны Карел 409
 Чибисов И.Е. 93
 Чичаев И.А. 29, 61, 62, 95, 286, 289, 300,
 323, 403

 Шагат А. 194
 Шадрин 325
 Шалек Р. (Варга П.)
 Шапорин Ю.А. 46
 Шафарик Павол Йозеф 164
 Шверма Ян 82, 83, 88, 91, 98, 161, 212,
 213, 216, 236, 242
 Шверник Н.М. 405
 Шёрнер Фердинанд 332, 333, 340, 345,
 349, 353, 354, 359
 Шимов Ярослав 355, 356, 361, 362
 Шимон Я. 264
 Широкий Вильям 320
 Шмераль Богумир 199
 Шмераль С.А. 179, 180, 181, 199
 Шмилке Карол (Карл) 75, 202, 204, 207,
 208, 209, 210, 211, 212, 213, 215, 216,
 234, 236, 239, 240, 241, 310, 371
 Шолохов М.А. 46
 Шолтес Иосиф 407
 Шостакович С.С. 46
 Шпаньель Ольдржих 406
 Шрамек Ян 33, 167, 405, 406
 Шрамм А. 192
 Шробар Вавро 321, 408

- Штеменко С.С. 85, 99, 196, 200, 222,
223, 225, 227, 241, 242, 342
- Шукаев 397
- Щаденко 85
- Щербаков А.С. 262
- Эйзенхауэр Дуайт 331, 333, 334, 335,
338, 339, 341, 343, 353, 376
- Эйзенштейн С.М. 46
- Энгельс Ф. 78
- Эрбан Э. 351
- Эренбург И.Г. 46
- Юрех Стефан (Штефан) 205
- Яблоницкий Йозеф 220
- Ягупов 398
- Якш Венцел 10
- Ярош Отакар 87, 88, 365
- Яснов М.А. 404
- Яцкевич Н.Н. 405
- Яшечкин Ф.В. 357
- Bartošek Karel 358, 359, 361, 362
- Benčík Antonín 45, 46, 94, 95, 96, 97, 98,
99, 198, 199, 239, 243
- Beneš Edvard 47, 48, 142, 292
- Brož M. 97, 98, 100, 199
- Bystrický Jozef 242
- Čatloš Ferdinand 49, 50, 239
- Čierna-Lantayová Dagmar 49
- Fierlinger Zdeněk 47, 48, 99, 143, 146, 147,
169, 200, 243, 292, 293, 294, 295, 328
- Friš Edo 200, 240
- Gajdoš Marian 293, 294
- Gottwald Klement 46, 328
- Husák Gustav 241
- Jablonický Jozef 241
- Kaplan Karel 46
- Kokoška Stanislav 359, 360, 361, 362
- Kopecký Václav 328
- Král Václav 360
- Letz Robert 328
- Marjina V.V. 239
- Michálik S. 172
- Němec František 292
- Němeček Jan 142, 292, 327
- Novačková Helena 292
- Pauliak Ervin 328
- Petruf P. 330, 359
- Pika Heliodor 45, 94, 198, 239
- Prečan Vilem 198, 238, 239, 243, 291,
292, 358, 359
- Richter Karel 45, 46, 94, 95, 96, 97, 98,
99, 198, 199, 239, 243
- Rychlík Jan 13
- Sedláková Maria 292
- Sládek Oldřich 96
- Svoboda Ludvík 97
- Štefánský Vladimír 49, 50
- Štoviček Ivan 291
- Tiso Jozef 49
- Valenta Jaroslav 291
- Vališ Zdeněk 97
- Vidňanský Štepan 239, 294

Научное издание

Валентина Владимировна Марьина

**Советский Союз и чехо-словацкий вопрос
во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг.**

**Книга 2
1941–1945 гг.**

Издательство «Индрик»

Корректор *Т. И. Томашевская*
Оригинал-макет *Г.А. Бадина*

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside
Russia
and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
(ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90^{1/16}. Печать офсетная.
27,0 п. л. Тираж 500 экз. Заказ № 731

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография „Наука“».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6



**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ЧЕХО-СЛОВАЦКИЙ ВОПРОС
ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В. В. МАРЬИНА